ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

ПО МАТЕРИАЛАМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1926

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

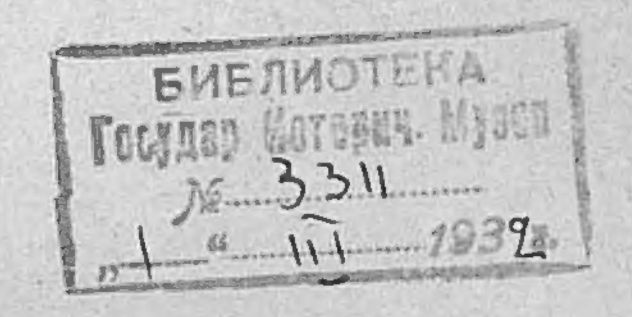
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ
допросов и показаний, данных в 1917 г.
в Чрезвычайной Следственной Комиссии
Временного Правительства

РЕДАКЦИЯ
П. Е. ЩЕГОЛЕВА

Т. IV.

ЗАПИСКИ
А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925



Гиз № 6.661.
Ленинградский Гублит № 11.947.
33³/₄ л. Отп. 10.000 экз.

К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

С. П. Белецкий, специалист по полицейскому розыску, с многолетним стажем по департаменту полиции, и А. Д. Протопопов, последний министр внутренних дел царской империи, оказались самыми податливыми и красноречивыми клиентами Чрезвычайной Следственной Комиссии. Ни у кого из сановников царского режима, представших перед Комиссией, допросы не были столь многочисленны и столь пространны. Но разоблачениями, застенографированными в протоколах Комиссии, дело не ограничилось. С. П. Белецкий и А. Д. Протопопов изъявили желание отдаться воспоминаниям в камерах Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, попросили разрешения писать, и, буквально, засыпали Комиссию своими письменными показаниями. Эти тюремные воспоминания являются существеннейшим дополнением к допросам и, несмотря на неизбежные повторения и совпадения с устными показаниями, дают массу нового исторического материала. Мы сочли возможным выделить в особый том все письменные показания С. П. Белецкого и А. Д. Протопопова. Показания воспроизводятся с полной точностью; для удобства читателей они разбиты на главы и снабжены перечнем содержания. Даты, поставленные в скобках вслед за перечнем, дают указания на время поступления бумаг в Комиссию.

П. Щеголев.

ПОКАЗАНИЯ А. Д. ПРОТОПОПОВА.

I.

Господину Председателю Верховной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание.

[Сношения с Перреном (20 апреля).]

1. Телеграмма моя Перрену была ответом на его депешу: «Получили ли вы мое письмо?» Я ответил, что письмо получил, благодарю. Прибавил ли в депеше, что ожидаю следующего письма — не помню твердо, но прибавить мог, так как очень интересовался его предсказаниями.

2. Письмо его лежало у меня на столе; оно относилось к февралю; содержало числа дней, в кои я должен быть осторожен, и обещание продолжать предсказания.

Не прекратил я сразу получение писем решительною депешею, а послал свой ответ о невозможности его приезда по военным обстоятельствам, потому что не уяснил себе положение, после слов Васильева, передавшего мне дело слишком мягко, приблизительно так: «Лучше оставить это дело (приезд Перрена в Россию), против его приезда во время войны возражают». Я спросил: «Есть что-нибудь серьезное?». «Нет, но лучше оставить, не настаивать». После этого разговора я сказал послать ему ответ; ответ составлял нач. канцелярии Писаренков. Его редакцию «Votre arrivée impossible» я изменил в его присутствии, прибавив по-русски «по военным обстоятельствам», или «вследствие военного времени, *после войны сообщу*». Перевод канцелярии кончался «donnerai nouvelles ultérieurement». Эта депеша и была послана, слово «сообщить» — перевели: «donnerai nouvelles».

3. Перрена видел раз во время гадания, в конце 1915 года; более его никогда не видел. Считал его американцем.

А. Протопопов.

*

II.

Господину Председателю Верховной Следственной Комиссии.

[Поддержка правых организаций. Участие Распутина в деле назначения Протопопова. Влияние Распутина. Оценка событий и действий власти (4 июня).]

Из людей, принадлежащих к правым организациям, я виделся: с Марковым раза четыре. Он жаловался, что у организации нет денег: люди все бедные. Говорил, что отделов в России 25.000; говорил о той пользе монархическому делу, которую они бы могли принести, если бы были средства; вспоминал 1905 год, когда по одной стороне улицы шли с красным флагом, а по другой — с портретом царя. Сетовал, что царь и правительство не понимают серьезности положения. Говорил о том, что отделы бедствуют на жалкие гроши, которые он получает, и о необходимости монархического съезда, который запрещен; говорил приблизительно то же, что и в Думе. Денег получил при мне 40.000 или 50.000; если выданы деньги в половине февраля десять тысяч — то 50.000. Отчетов в деньгах не представил.

Орлова видел два раза. В первый раз его прислал ко мне кто-то из сановников, кажется Щегловитов. Он показал мне утвержденный устав общества, списки членов и жаловался на недостаток денег для уплаты по счетам за бланки, открытые письма и изданные брошюры, в которой экономическая часть была интересна. Я дал ему, помнится, 2.000 р.; отчет в деньгах он сдал, но, в виду дошедших до меня сведений о его хвастовстве в Москве, вторично денег я ему не давал, принял плохо и более его не видел.

Римский-Корсаков был у меня, кажется, один раз. Принес мне сводку постановлений своих друзей: я положил эту бумагу в пачку на столе. Денег просил у меня и государственный совет, 10.000, перевести в Кострому, тогда в Москве будет хорошая правая газета, но деньги переведены не были. Со времени моего назначения я так много слышал правых разговоров, что речи этих

людей на меня особого впечатления не производили, их желания почти не разнились с тем, что я слышал каждый день, и сводились к одному: монархия в опасности — надо ее поддержать.

Когда после моего возвращения из заграницы, после долгого разговора с царем и его слов: «Мы еще с вами поговорим не раз», Бадмаев мне сказал, что Распутина за меня «благодарили», я поверил, что и он обо мне говорил царю, и знал, что многие обо мне говорили и писали, и стал думать, что мне предложат административную работу. Ставленником Распутина я себя не чувствовал, считал свое назначение, если таковое будет, зависящим от многих причин и лишь в том числе и от разговоров обо мне Распутина. Когда после моего назначения Распутин сказал мне по телефону, что теперь мне не гоже водиться с мужичонком, я ему ответил, что он увидит — я не зазнаюсь. Но ставленником его себя не чувствовал, продолжал с ним встречаться у Бадмаева, как прежде; чужой при дворе, не имея никаких связей, какие были у других, я не заметил, что моею связью был Распутин (а значит Вырубова и царица), пока царь не привык ко мне, не почувствовал, что я стал любить его, как человека, так как среди большого гонения я встречал у него защиту и ласку; он на мне «уперся», как он раз выразился мне. Он говорил, что я его личный выбор: мое знакомство с Распутиным он поощрял. Бадмаев и Курлов звали меня на эти свидания, и я ездил не задумываясь; я знал, что его видят многие великие люди. Отказ Распутина от 150 тысяч треповских тоже произвел на меня впечатление. Я ему сказал: «Да ты выходишь честнее многих господ министров». Так свидания эти продолжались, и я только теперь понимаю, что они сыграли большую роль в моем несчастии, конечно, сделались известными (да я и не берегся) и послужили к отчуждению моему от прежних друзей, из которых, к сожалению, мне никто не сказал правды в глаза.

Вначале, когда я у Бадмаева увидал Распутина, я знал, что его винят в том, что он опозорил своим поведением и приближенностью к царице царскую власть, что он провел нехороших, корыстных людей; я узнал, что царю много раз говорили безуспешно про Распутина. У меня явилась мысль, что надо поступать иначе: не упрекать царя и требовать удаления Распутина, а начать с того, чтобы Распутин не срамил царя, публично не безобразил, и постепенно раскрыть глаза царю, открывая ему оборотную сторону его отношений к этому делу, и таким образом постепенно отдалить Распутина. Начать же с того, чтобы Распутин не срамил царя, будет, мне казалось, легко, так как и сам Распутин поймет, что это — вред для царя. Эти мои предположения я говорил Штюрмеру (в Английском клубе), Курлову, Бадмаеву и, кажется, Васильеву. Мысль свою я начал проводить; уговаривал Распутина не безобразничать, говоря, что ему надо беречь царя; он слушал меня внимательно и даже сказал «а ведь мне придется

слушаться». Царю я передал этот разговор и говорил о пользе отъезда Распутина в Тобольск.

Размер влияния Распутина нам был не ясен. Все мы думали, что он имеет силу через Вырубову и царицу. Только в течение октября и ноября стало выясняться его влияние на царя непосредственно. Первый заметил это Бадмаев, который сказал: «а ведь царь его слушается». Позднее Курлов сказал: «да, даже страшно делается». Помнится, я на это ответил: «но как же тут быть? вот он скоро в Тобольск уедет» (на свадьбу дочери). Приблизительно в это время принял должность Куколь. Царя я не видел до убийства Распутина. С последним я продолжал видеться у Бадмаева. Обычно, так как я не знал, когда его звали, за мной заезжал Курлов, либо мне звонили по телефону. Обыкновенно Распутин сидел недолго, случалось, что я приезжал уже после его отъезда. Раз или два был с ними и Васильев. На квартире у Распутина я был два раза. Раз с Бадмаевым, который сказал, что Распутин обижается, что к нему не приезжаем. Курлов высказался против, так как это не осторожно. Бадмаев сказал: «да чего тут скрываться, с ним сам царь дружит», — и поехали Бадмаев и я. В другой раз был по вызову Вырубовой, переданному через сестру Воскобойникову. Оба раза у него было несколько человек,—помню, мать и дочь Головины, Воскобойникова, Вырубова. Из моего плана прошло только одно: публичных скандалов не было, просьбы Распутина разбирал внимательно Курлов, исполнялось только справедливое, но, оценивая теперь прошлое, вижу, что из дальнейших моих планов ничего бы не вышло. Влияние Распутина было громадное: он был как член семьи. Верховное командование было принято царем после долгих колебаний, по решительному совету Распутина. Однако, смерть Распутина была принята царем и царицей спокойно: ни слез я не видел, ни получил упрека. Когда здесь был румынский принц, прошел слух, что за него выходит великая княжна Мария (кажется). Я спросил царицу: можно ли ее поздравить с будущей свадьбой. Она с сердцем ответила: «что это за пустяки говорят. Я дочь без любви не отдам замуж, я знаю, что такое политические браки». Теперь я чувствую себя виноватым, что шел не тем путем, каким надо было итти, чтобы оттянуть революцию. Моя доля влияния служила правым партиям для передачи царю их оценки положения с их прямолинейными способами считаться с движением. Окруженный людьми правого направления, я сделался передатчиком их взглядов и их оценки современного положения вещей. Эта оценка находила симпатии у царя, который был тоже правым. Дни общих собраний Думы, как теперь понимаю, не могли быть посвящены законодательству и бюджету, а непременно самым резким нападкам на власть, что и было. Это давало правым внешне справедливый повод искренно говорить, что Дума не работает, а поднимает настроение страны (а я теперь вижу, что она его

только отражала), и что нужен перерыв или даже роспуск Думы. Политика правительства была вялая, но тоже правая. Я, если бы понял положение, должен был ей противиться, а я не только не противился, а оживлял эту вялость, говоря с царем языком простым, которым говорит каждый старый земский гласный, и который, как я замечал, ему нравился. Сведения мои о движении по департаменту полиции были узки, они упускали общую громадность сдвига, я же видел его главную причину в затруднениях экономических. На это я налегал в докладах у царя. Сведений о военной среде у меня не было или были случайные. Между тем, мобилизация охватила 13-й миллион (помнится), т.-е. целый народ, — я это упустил из виду, на фронте не был, ездил заграницу, было некогда. Заботился о выдаче пайка и пособий семьям, настроения же войск не знал. Вспоминаю теперь историю резолюции царя на постановления совещания по обороне, о том, чтобы собрать все совещания под председательством царя. Я ничего про это постановление не знал. По телефону мне сообщил Беляев о происшедшем. Он сказал, что отказался представить это постановление царю, что оно невозможно, и просил его держать, чтобы это постановление не пало на его ответ: что он «ничего не мог сделать». Звонил ко мне Щегловитов, тоже давший мне свою оценку дела (он постановления не подписал). Когда я поехал к царю, я ему сказал об опасениях Беляева по поводу случившегося. Царь ответил: «Да, я это уже знаю со слов Щегловитова; ведь если собрать, то будут такие речи, что, пожалуй, придется ударить кулаком по столу и сказать: «молчать». — «Да, государь, речи будут несомненно очень резкие, положение ваше будет трудное, но и стучать кулаком выйдет неловко. Нового же вряд ли что узнаете; речами недостатка пушек, рельс и пороха не пополнить». «Так что же делать? Думаю не собирать пока, так и напишу!». — «Думаю, что лучший выход будет резолюция, что соберете совещание, когда сочтете это необходимым». Резолюция, положенная царем, похожа на то. Царица, которая дело это уже знала, одобрила резолюцию, также Беляев, Щегловитов и другие, кому я рассказывал. Я думал тогда, что сделал хорошо, и теперь вижу, что это лишняя капля масла в огонь.

А. Протопопов.

III.

ЗАПИСКА О ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ.

Влияния, под которыми находилась верховная власть. Маленький домик А. А. Вырубовой. Исполнительная власть. Председатель совета Б. В. Штюрмер. Мое знакомство с Распутиным и назначение (19 июня).]

Верховная власть была под влияниями:

Государь — умный и расположенный делать добро, нервный, упрямый и переменчивый, очень изверившийся в людях. Нелюбимый придворными, которые его боялись: «равнодушно устранит человека, которого недавно ласкал» (характеристика Распутина). Он оставался *вещателем власти* до конца. Мнительно относился к этому своему праву; не любил, когда чувствовал, что уступает другому.

Государыня — дополняла своею волею волю царя и *направляла* ее. Имела большое влияние. Твердый характер — нелегко сближалась с человеком, но полагаться на нее, по словам всех и моему впечатлению, было возможно, — раз расположение было приобретено (хотя за последние недели я заметил в ней некоторую перемену).

Вырубова — друг царицы, ее доверенный в течение многих лет несчастливой жизни. К Вырубовой и у царя была большая привычка и заботливое к ней отношение (часто все же его сердила ненадолго своею простотою ума); фонограф слов и внушений и всецело Распутину преданная, послушная и покорная. Государственной мысли своей нет, механически передавала слышанное.

Распутин — связь власти с миром. Доверенный толкователь происходящих движений, ценитель людей. Большое влияние на царя, громадное на царицу. По словам царицы, он выучил ее верить и молиться богу; ставил на поклоны, внушал ей спокойствие и сон. Через мать и отца Распутин стал совсем свой и влиял на всю семью — молился со всеми. Всякий другой, подходя к царю, встретил бы на своем пути волю царицы; Распутин же имел не только ее поддержку, но послушание, поклонение Вырубовой

и любовь царских детей. Царя звал папой. Царицу мамой. Говорил всем на «ты». Забота и внимание к нему со стороны царицы было особое: его рубашки были ею вышиты, шелковые, крест на шее был золотой на золотой цепи и застежка была $Н_{II}$ с буквою государя. Разговор Распутина с царем и царицею был твердый, уверенный. Я сам никогда их вместе не видал, но получал совет от Вырубовой и царицы говорить с царем определенно, покойно и тверже: «так Григорий Ефимович говорил». Мое убеждение, что Распутин имел гипнотическую силу. Ум у него был проницательный, совсем только не образованный, — и в обществе людей мало знакомых он держал себя будто ненормальный человек. При знакомых же это у него не проявлялось. Любил вино и был несомненно эротоман. Был ли он хлыст? Не знаю, но сектантское в нем было — подчас его манеры напоминали сектантского начетчика, только более властного. Гофштетер, с которым мне раз пришлось говорить про Распутина, его хлыстовство отрицал, но я слышал, что в синоде есть о нем дело, которое было прекращено несколько лет тому назад.

Воейков — постоянно находился при царе и умел выбирать и время доклада дел и удачные формы его. Прежде был близок к царице, Распутину и Вырубовой, потом отошел. После смерти Распутина вновь произошло заметное сближение с Вырубовой. Его любил наследник, с коим он занимался. Воейков мог иметь влияние на государственные дела, на выбор лиц, кои шли к власти или были у нее. Умный, честолюбивый с сильною волею человек, с коммерческим природным даром.

Особая черта — замкнутость в царской семье и большое мистическое настроение. В круг семьи вошел всецело Распутин, Вырубова и отчасти Воейков. Может быть мне удалось бы подойти ближе к царской семье, и царь и царица были ко мне ласковы, и мне этого очень хотелось, но малое время и тревоги его этого не допустили. Лозунгом семьи были, я сказал бы, «любовь и молитва», при этом, по характеристике сестры Воскобойниковой, понимали любовь не только духовную, но и «привязанность человека». Примеры отношения к жизни сестер в лазарете это подтверждают.

Маленький домик Вырубовой, А. А.

Это помещение играло несомненно большую роль в истории последнего времени монархии. Люди, при дворе имевшие доступ, делились на «свои» и «не свои». — «Свои» это те, кои применились к требованиям и были приняты на обеих половинах царя и царицы, знали Вырубову, Распутина, тронули не только деловую, но и интимную сторону жизни царей. В «домике» бывало очень много посетителей, некоторых звали, когда там бывала

царица, царь или княжны. Бывал там часто и Распутин. Ехали туда с просьбами, личными, служебными, за рекомендацией и протекцией; там говорили то, что должно было быть переданным далее. Лишних глаз, которых много во дворце, там не было. Вырубова принимала пожертвования на благотворительность и во время войны содержался ею Серафимовский лазарет, куда разными лицами вносились большие суммы денег. Лично я на этот лазарет дал 6.000 р. или 6.500 р.; я слышал, что очень большие суммы давал некто Решетников, но лично его не видел; кухню содержал Родэ. Отчетности в этих суммах, по словам сестры Воскобойниковой, не было правильной, и учесть их нельзя. В лазаретах большую власть, конечно, имел и Распутин. Многие сестры поставлены им. Давал ли он деньги в лазареты — не знаю, но, однажды, попросил у меня 500 р. денег (я дал ему их), он мне сказал: «разве это деньги, нам надо много, много денег, это на один день». Просьб о деньгах однако ко мне обращено не было; разве только после смерти Распутина сестра Воскобойникова, приехав ко мне, передала мне устно, что Вырубова поручила ей мне сказать, что царица желает обеспечить детей Распутина суммою в 100.000 р., и чтобы я эти деньги достал из сумм, кои у меня имеются. Я ответил, что казенных денег на такое назначение я дать не могу; своих же денег могу дать лишь поскольку мне дозволят мои средства. «Надо сделать, А. Д.»,—сказала сестра—«но как мне вас жалко!» «Почему?». «Потому, что вас не только измотают (замучают), но при вашем характере еще будете разоряться». Увидев царицу, я спросил ее про это дело. Она сказала что это выдумала Вырубова, что она знает уже мой ответ, что я прав и что это их собственная обязанность позаботиться о семье человека, который изза них погиб, и она переговорит с царем по этому делу. На этом дело окончилось, так как все это происходило в половине февраля, — и более я царицы не видел. Чтобы быть прочнее у власти надо было быть «своим». «Свои» же все либо проходили через маленький домик, либо узнавали его позже. Некоторые сами шли, другие посылали своих близких — жен или детей; однако, положение без поддержки со стороны владелицы домика, царицы и Распутина было бы непрочно.

Исполнительная власть.

Недружный, друг другу недоверяющий совет министров, под председательством Штюрмера был очень занят собраниями совета два-три раза в неделю и совещанием о дороговизне — тоже два раза в неделю. Из семи дней — четыре или пять пропадали на заседаниях, причем большую половину дел можно было бы передать в малый совет, почти не собиравшийся. Надо было на прием назначить день в неделю — на работу по министерству не ока-

зывалось времени. Работа ночью или вечером была мало полезна, и некогда было думать о деле и приводить его в систему или изучать. Время требовало мобилизации всех сил страны по отраслям государственного хозяйства. Требовалось создание форм работы с общественными организациями, создание этих организаций, которые могли бы опираться на министерства и их людской состав, и программа направления этой общей работы. Вместо этого общественные организации быстро переросли министерства и заменили собою их работу; совет же министров остался позади жизни и стал как бы тормозом народному импульсу. Ни плана, ни общих положений ни по одному министерству не было выработано, заслушано в совете и согласовано с общей государственной программой всего совета м-ров. Работа была не живая, не по времени и шла по тому же руслу и формам, как в дни мира, хотя даже и тогда чувствовалось, насколько работа министерств далека от почвы, от людей, от предметов своего ведения. Исполнительная власть была не на высоте, и чувствовалась необходимость каких-то глубоких перемен, а также и боязнь этих перемен во время войны — боязнь, которая еще более угнетала неспорую работу совета; получалось топтание на месте — без практических выводов и решений — иных как по отдельным мелким делам, не имеющим общего государственного характера, ни государственной цены. По отношению Думы — не было поставлено общего вопроса об отношении к ней. Разбирали этот вопрос по абзацам, скандалам, которые она делала тому или другому министру, по отдельным речам и даже отдельным словам речей. Понимали всю опасность, если не невозможность ее роспуска, и прибегали к перерывам, как к палиативу, временно утоляющему боль. Работа Думы—эта резкая критика действия власти—поднимала настроение в стране; делали перерыв для того, чтобы снова на короткое время встретиться с ее негодованием, так как изменить положение у правительства силы не было. Да и правительства были два: одно военное — ставка, которое властно требовало, не считаясь с запасом по министерствам материала, второе — правительство тыла, которое было бессильно поднять производительность страны, так как стояло на точке зрения приказа и косности, забыв, что только свобода частного почина проявляет гений нации и ее силу. Получался всюду недохват, который рождал недовольство, гнев и военную неудачу. Полумерами спасти положение было уже нельзя.

Председатель совета Б. В. Штюрмер.

Председатель совета *Б. В. Штюрмер* принадлежал к числу «своих» в Царском. Прозвище у него было «старик». Связь его с Распутиным поддерживала его жена, которая к нему ездила,

как мне говорили, и Никитина (фрейлина), которая постоянно бывала у Штюрмеров и лечила ему глаза и больную руку. Я думаю, что Мануйлов, который до своего процесса состоял при Штюрмере, тоже держался при нем для той же цели, так как долгое время ему была поручена охрана Распутина (я это знаю от Белецкого), и Распутин за Мануйлова всегда заступался. Мануйлов хотел устроить особую разведку при Штюрмере, состоящую, кажется, под его руководством. Это не было осуществлено, так как либо Штюрмер ушел, либо, вернее, случился процесс Мануйлова, но записка Мануйлова по этому делу существовала в бытность Б. В. Штюрмера министром внутренних дел. (Мне говорил об этом Гурлянд.) Повидимому, Мануйлов имел касательство и к контрразведке. При Штюрмере было почти решено назначение полковника Резанова директором департамента полиции; я слышал, что Мануйлов об этом говорил, как о своем совете Штюрмеру. Процесс Мануйлова без предупреждения и его совета Штюрмер считал выпадом лично против себя, и он устроил уход генерала Климовича (совпало с моим назначением) и очень обращал мое внимание на Степанова, как на человека, которому вполне доверяться нельзя и пьющего вино. О Степанове он говорил и царю. Когда Степанов забыл дать мне копию с бумаги, полученной из генерального штаба по поводу съезда «докторов», на который будто бы должен был ехать Мануйлов,—я хотел эту копию показать Штюрмеру. Когда я уже недовольный его забывчивостью дня через два, после ответа Степанова (что дело к мин. вн. дел не относится, прислано по ошибке и что эти дела ведутся самостоятельно в особом отделе, и речь идет не о Мануйлове, а о каком-то другом лице) рассказал Штюрмеру это дело, он мне ответил: «вот видите, я вас предупреждал — непременно возьмите другого товарища». После этого я перестал отстаивать Степанова, который вскоре получил сенатора; таким образом, м-ство вн. дел лишилось двух опытных людей — Климовича и Степанова — при министре без опыта. У Штюрмера постоянно бывал член гос. совета Охотников, которого он будто бы проводил в министры финансов. После своего ухода Штюрмер в Царское Село уже не ездил, насколько знаю, хотя к нему отношение со стороны царицы и царя было доброе.

Мое знакомство с Распутиным и назначение.

Во время моей болезни Бадмаев однажды спросил меня, когда мне было получше, может ли он привести ко мне Распутина. Я согласился, не желая его обидеть, хотя тогда был настроен враждебно к свиданию с Распутиным, против которого я действовал в 3-й Думе. Распутин пробыл у меня довольно долго, — думаю, полчаса и произвел на меня не то впечатление, которого я ожи-

дал, — а мягкого, приятного у постели больного человека. С того времени (зима 1915 г.) я изредка встречался с Распутиным у Бадмаева. Курлов тоже часто бывал у него. Распутин, когда я его сначала видел, неохотно и мало говорил о своих отношениях к царю и царице. Разговоры были не на серьезные темы. Только позже — стал откровеннее и давал понимать свое влияние, говоря иной раз отрывисто хвалу или порицание министру или называя «уходящим» того или другого сановника, или имя нового кандидата. Мысль провести меня на административный пост возникла у Бадмаева; думаю, он хлопотал главное за Курлова, которого очень любил и видя, что и я с ним сошелся. Однажды Бадмаев мне передал, что Распутин ему сказал, что «его осенило» и что я буду полезен, как председатель совета министров. Я не поверил в серьезность такого предположения и посмеялся над ним; но Бадмаев очень настаивал, что он верит Распутину, который несомненно будет говорить об этом царю и царице. Через некоторое время Бадмаев мне передал, что царь сказал, что меня не знает, и дело заглохло. Это было до моей поездки в Англию, Францию и Италию. В то же время и Родзянко говорил царю про меня; Шуваев тоже и, кажется, Барк. После моего возвращения я был принят царем, и Бадмаев мне передал, что я произвел хорошее впечатление. Распутин, которого я видел у Бадмаева, подтвердил это и сказал, что его «за меня благодарили». — Я уже знал, насколько Распутин в силе, знал, что почти все министры проходили или держались им, были с ним в сношениях прямо или через ближайшую родню, и поверил, что назначение на какой-либо пост может быть и мне предложено. Тогда же я узнал, что у меня прозвище: Калинин. Я спросил почему это? Он ответил смеясь: «это я перепутал фамилию!». Узнал я это из его разговора по телефону с домом Вырубовой, куда я должен был ехать. Никогда с моей стороны к нему просьб о помощи в деле назначения не было, и он никаких условий или просьб не предъявлял. Мое знакомство и его расположение ко мне — дело случая отношений моих к Бадмаеву и Распутина к нему же, а затем к Курлову и ко мне. В это же время я услышал от Распутина фамилию Добровольского как министра юстиции и Щегловитова, как председателя совета министров, причем он их хвалил. Вскоре я уехал в Москву и в деревню; приблизительно через недели три, около 1 сентября 1916 г. получил депешу Курлова: «Приезжай скорей». Приехав, я узнал, что меня прочат в министерство внутренних дел. Это меня смутило очень, и я стал отказываться; мне казалось, что освободилось министерство торговли (о чем говорили), но оказалось, что положение князя Шаховского прочное, и перемен не предполагается. За Шаховского стоял и Распутин, с которым Шаховской был в дружбе, и они часто виделись. Принять назначение уговорил меня Курлов, который обещал мне помогать, предпочитая для себя другое положение,

т.-е. пост командира корпуса жандармов. Через несколько дней меня пригласил к себе Штюрмер и передал, что в числе кандидатов на пост управляющего министерством внутренних дел он назвал мою фамилию, и царь на ней остановился. После этого разговора судьба моя была решена.

У Бадмаева я увиделся впервые с Добровольским, которого Распутин пригласил приехать туда, чтобы познакомить нас всех с ним. Он произвел на всех хорошее впечатление, но сначала его кандидатура встретила несогласие со стороны царя, по словам Распутина, и назначение состоялось только некоторое время спустя. Причиною несогласия служили будто бы запутанные дела Добровольского. Распутин же его назначения хотел и добивался. На первом моем представлении царю он меня спросил, знаю ли я Распутина? Я сказал, что да, знаю, познакомился у Бадмаева; что сначала я был очень против Распутина, потом, узнав его, вижу, что ужасного в нем ничего нет и теперь мы видимся; жалко, что он не воздержан и что возбуждает вредные толки. Царь сказал, что знакомство, начавшееся с недружелюбия, часто бывает прочнее другого, и что он тоже привык к Распутину. Не понимает, почему из него сделали «притчу во языцех». Рад, что мы видимся.

А. Протопопов.

На одном из первых докладов в ставке царь мне сказал: «если вам надо что-нибудь мне сообщить — можете сказать государыне: она мне каждый день пишет и мне передаст». Царица мне тоже говорила: «если вам надо что-нибудь мне передать, скажите, или напишите Вырубовой — она мне сообщит». Поэтому некоторые политические записки, резолюции съездов или письма отдельных лиц — я пересылал через Вырубову.

На первом же докладе царь мне сказал, чтобы я возможно подробнее познакомился с делом продовольствия (затем каждый доклад начинался с этого вопроса). Продовольственную помощь населению царь хотел вернуть в м-ство вн. дел. Поэтому в течение первого месяца (или $1^1/_2$ месяца) я занимался ежедневно и специально этим вопросом. В совете министров этот вопрос обсуждался несколько раз. Вначале, до открытия работ бюджетной комиссии Государственной Думы, почти все министры были за передачу дела в м-во вн. дел. В министерстве была составлена записка, излагавшая основания дела; главная мысль была удовлетворить потребность армии и сделать запас с 100 милл. п. по твердой цене, перейти на свободный обмен. Бюджетная комиссия Думы высказалась против передачи; голосование совета министров тоже изменилось, и в половине октября уже меньшинство министров было за

передачу (6 против 8). Журнал составлялся очень долго и был утвержден царем (согласен с мнением 6-ти) так незадолго до открытия Думы, что 87 ст. применена уже быть не могла. Я сообщил это царице, прося ее довести до сведения царя о невозможности немедленной передачи дела мне. Штюрмер, с которым я говорил о том же, разделял это мнение. Так продовольствие осталось в министерстве земледелия, но мысль о раскладке через земства была одобрена Думою и позже проведена в жизнь по мин-ву земледелия. Потеряно только было более месяца времени, что вредно отозвалось на этом трудном деле.

Курлов мне сказал, что надо внести в совет штаты полиции. Васильев его поддержал. Штюрмер находил это дело спешным. Поводом была забастовка полиции в Москве (кажется) и невозможность находить людей за низкую плату. Законопроект был проведен Курловым в особой комиссии 3-й Государственной Думы и в этой редакции пошел в совет. Он касался увеличения окладов, класса должностей, способов утверждения в них, числа чинов полиции. В совете проект прошел единогласно (помнится, есть запись в журнале совета). В начале ноября, после ухода Штюрмера, на его место был назначен Трепов. В Думе был перерыв занятий. Вскоре после его назначения, кажется, Курлов высказал предположение, что он захочет быть министром внутренних дел. Несколько дней спустя, Трепов пригласил меня вечером и сказал мне, что он находит меня не на месте как управляющего министерством внутренних дел и желал бы устроить меня в министерство торговли, в чем и я, может быть, ему помогу и чем я также интересуюсь, при этом он высказал, что с Думою ему будет легче справиться, если меня не будет. Относительно министерства торговли я ответил, что итти на «живое место» я не могу. Про Думу я не поверил, хотя я знал, что Родзянко против меня, но я все-таки надеялся что дело наладится. Я спросил его указать мне на мои ошибки. Он ответил, что находит меня вообще не на месте, определенных же ошибок указать не может. Я ответил, что раз ему мешаю и царь меня отпустит, то я согласен уйти. Он сказал, что переговорит с царем — это его дело, и меня он только предупреждает о том, что случится. После этого я уехал. От Трепова я поехал к Бадмаеву, у которого был и Курлов, был ли тут Распутин или его вызвал Бадмаев — не помню, кажется, он приехал позже. Уходить мне было жаль — вины я за собою не чувствовал, надеялся доказать, что я хочу и сделаю добро. Произошел разговор, что уходить мне не надо, что это сговор Трепова и Родзянко и что предположены еще перемены в кабинете. Распутин сказал: «мало ли что Трепов хочет, решение не его, а царя». Он жалел Бобринского, уже ушедшего, Шахов-

ского и Раева и не одобрял предположения Трепова. Он поговорил из другой комнаты с Царским Селом по телефону (кажется с Вырубовой), что именно я не слышал, — кажется, обещал приехать. Вернувшись, поговорили опять о переменах, предположенных Треповым, затем, уезжая, мне советовал не беспокоиться заранее: «бог милостив — все еще, может, обойдется». Вскоре он уехал. Через день или два мне сказал либо Куколь (которому я рассказал свой разговор с Треповым), либо Васильев, что Трепову день приема отложен на сутки и что в ставку уезжает царица. Я поговорил по телефону с Вырубовой; они, правда, уехали в тот день. От Бадмаева я узнал, что Трепов предлагал Распутину 150 тысяч рублей, чтобы очернить меня перед царем и убрать. Я спросил Распутина, который был при этом, — правда ли это? Он ответил: «ну что об этом говорить». Я понял, что это была, действительно, правда и, конечно, я сетовал на Трепова.

Перед открытием Думы, в совете м-ров, Трепов провел соглашение, что никто из министров не может говорить в Думе без предварительного ознакомления совета с содержанием своей речи. Было известно, что Пуришкевич будет говорить против меня, и я понял, что это направлено в мою сторону. Не возражая, я решил, что напишу свой ответ. Темы Пуришкевича были мне известны от думских товарищей. В день возобновления занятий, после речи Пуришкевича был сделан перерыв и в павильоне я прочел ту речь, которую хотел сказать. Трепов высказал мнение, что ответ мой хорош, но излишний, так как Дума мне «не даст говорить». Я уверен и теперь, что этого бы не было, особенно по содержанию речи и концу, где я хотел сказать о необходимости моей работы только совместно с Думою и вызвать реплики с мест. Во всяком случае, эта речь решила бы мою дальнейшую участь — я очень хотел говорить, но и другие министры поддержали Трепова. Я сказал, что не подчинюсь и буду отвечать, как член Думы. Позвали М. В. Родзянко. В комнате остался с нами один Трепов. Родзянко тоже высказал мнение о том, что речи говорить не надо, «впрочем делайте как хотите», и после нескольких слов о том, что это для меня важно, что я все-таки хочу говорить, он пошел по коридору, я его сопровождал, вдруг он остановился и, обращаясь ко мне, отрывисто сказал: «Уходите — спасите положение!» Я ответил — «поговоримте бога ради минуточку, объясните мне, конечно, я уйду, как только пойму в чем дело». Он ничего не ответил, махнул рукой, и в заседании не дал мне говорить по личному вопросу — в очередь же я не попал. Моя речь осталась несказанной. По поводу речи Бобринского, я просил двух друзей с ним переговорить. Это было сделано. Таким образом, я должен был видеть, что против меня был Трепов, с ним совет (на стороне сильнейшего) и Родзянко с большой частью Думы. С Родзянко, с того времени, как я впутался

в газету, — пошло охлаждение: я все это и чувствовал, но недостаточно вдумался в свое положение.

Вскоре Трепов собрал много министров (почти всех за исключением двух-трех) у себя. Макаров, исходя из настроений заседания Думы при возобновлении ее занятий, сделал вывод, что нужна уступка; эта уступка — мой уход. К нему присоединились другие министры, находя эту «жертву собою» (их выражение) с моей стороны полезной для отношений правительства и Думы. Я выразил согласие (после слов Трепова, что я один «смогу уговорить царя»). На следующий день я выехал в ставку. Я рассказала царю ход первого заседания Думы и последнее заседание совета министров. Считая, что остаться мне, при таких обстоятельствах, нельзя, я просил меня отпустить. Царь сказал, что ему дело известно по докладам Трепова. Уступки Думе в это время вряд ли своевременны, надо предвидеть необходимость реформ к концу войны, что и я знаю. Я согласился, что мой уход будет уступка, но сослался на трудность моего положения при создавшейся обстановке и на свое здоровье, которое требовало лечения. Если же он отпускать меня решительно не хочет, то я прошу разрешить мне сдать временно должность товарищу, а самому полечиться. На это царь согласился и я сказал, что предполагаю сдать ее кн. Волконскому. Под конец разговора в вагон вошла царица. Царь рассказал ей кратко про мою просьбу уйти и ее мотивах. Царица поддержала решение царя на мой отпуск временно по болезни. С этим я уехал в Петроград. Кн. Волконский, которому я предложил временно принять министерство (общее руководство оставалось за мною), отказался. Я был очень обижен его отказом. Теперь я вспоминаю, что не сказал ему, что доклады царю я ему охотно предоставлю, но тогда я забыл это сказать. Министерство было передано Куколю, которому я предложил ездить в Царское с докладами, но он отказался. Он действовал как полноправный министр, советовался или доводил до моего сведения лишь то, что считал нужным, и давал мне на подпись те бумаги, кои находил нужным. Все это произошло во второй половине ноября 1916 г. Я опять все же остался. При получении назначения и все время я так хотел сделать добро, так был уверен, что его сделаю и докажу нападавшим на меня, что они неправы. Мне казалось, что если не быть вором, быть доступным, доброжелательным, не преследовать себялюбивых целей, иметь заботу о народе — все будет хорошо. Осуждая моих предшественников, заодно — я не заметил свой грех, что берусь за дело незнакомое в то время, когда учиться некогда. Я уверен был, что найду поддержку в Думе. Оказалось, что я от нее отстал за свою поездку заграницу и, затем, я вернулся в перерыв занятий. Мне казалось, что продовольствие, дороговизна, малая производительность нашей промышленности—больные места русской жизни. В министерстве внутрен-

них дел я не нашел знакомой работы; быстро оторвавшись от своих, в новой работе я оказался окруженным людьми правого толка и незаметно стал приближаться к ним, подчас делая то, что они находили полезным. Ни люди эти, ни печать меня не травили. В совете по вопросам экономики я был при голосовании в одном обществе, по вопросам политики — в другом. Я думал, что русскому народу нужна монархия, и я советовал монарху не бояться проявлять свою волю, главное, — дать народу более счастья и заботу о нем, неудачных министров заменять лучшими, политических же принципов не менять до конца войны. Теперь вижу, что делал не то, что было нужно, но я был как на острове: почти никого не видел, чувствовал себя затравленным. День начинался с того, что спрашивали «какую негодность сегодня про меня написали». Уже при Голицыне я вновь поднял вопрос о своем уходе царю, так как меня слишком заплевали. Он мне ответил: «Я вам сам скажу, когда найду это нужным, подождите, не слушайте других»

IV.

[В чем вина Протопопова. Обращение к милосердию (8 июня).]

Господин Председатель.

Наша родина проходит через время необыкновенное, которое случается не раз в век, а раз в тысячелетие.

Ваш подвиг примирит справедливый гнев народа на людей виновных и причастных к пережитым и переживаемым им испытаниям — с милосердием, ради особых условий бывшего строя. Полномочия ваши велики: у вас карающий меч народа русского, что развяжете вы — развяжет народ, что свяжете вы — будет связано им.

Я глубоко чувствую свою вину: она не в деле Перрена, не в бездействии или превышении власти; не те или другие люди виновны в ней, — вина моя во мне самом. Я виноват, что пошел к делу громадному, мне неизвестному; раз я пошел — правонарушения стали неизбежны; я виноват, что осуждал своих предшественников с великою самоуверенностью, думая, что смогу сделать добро, непременно его сделаю и этим покрою свое честолюбие. Я опирался на Распутина, прошел по его желанию и отчета себе в своем деянии не отдавал; в этом моя вина, и, может быть, вина условий того времени.

Быстро осужденный, окруженный яростными нападками, оторванный от своих, я не понял, почему это произошло. Моею средою оказались люди правые — я стал проводником их взглядов б. царю. Вина моя громадна, и я не оправдываюсь. Я ищу милосердия. Малую искру надежды на таковое дает мне моя прошлая жизнь. Тысячи народа работали со мною в течение 27 лет, я их не обижал, и меня любили. Земля под выгоны, прогоны и пастьбу, вода — были даровые; избы строились на моих усадьбах даром; выстроены школы, больницы, приюты; 9 лет в Думе я работал усердно. Я все убил в последние месяцы. Я прошу милости, а на милость образца нет. Прежде источником милосердия были цари. Я теперь, в вашем лице, молю великодушие русского народа.

*

Знаю, что прежде совершившие преступление искупали свою вину в первых окопах, — отдавая свою кровь за родину. Мне 50 лет, бывший офицер; я здоров; я прошу милости: разрешите мне итти в окопы рядовым, в заразные бараки или санитары или другое место, где нужна человеческая жизнь.

После войны, когда я вернусь — судите меня.

Да вложит в сердце ваше, господин председатель, ходатайство обо мне господь.

А. Протопопов.

V.

В Чрезвычайную Следственную Комиссию.

[Положение страны. Двоевластие. Ставка и министерство. Неработоспособность правительства. Недовольство города и деревни. Общая разруха. (10 июня.)]

Если разбирать положение страны в последние годы монархии (в особенности последний год), мы увидим картину полного государственного несчастья. Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны — на громадную убыль; необходимость полного напряжения сил страны сначала не сознана властью, а когда не замечать этого стало нельзя — не было уменья сойти с «приказа» старого, казенного трафарета. Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение. Двоевластие (ставка и министерство) на железных дорогах привело к ужасающим беспорядкам (помнится, на сети фронта коэффициент вагонов на версту был 17, а внутри страны — 6). Зимою 1916 г., вследствие заноса, под снегом было 60.000 вагонов с топливом, продовольствием и фуражом. Наборы обезлюдили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность; ощутился громадный недостаток рабочей силы, пополнялось это пленными и наемным трудом персов и китайцев. Распределение их было случайное, без плана и особого учетного для себя органа. В совете министров часто упрекали друг друга в «захвате» себе пленных в ущерб другому ведомству. Призыв инородческого населения Закаспийской области привел к бунту, ибо проведен был без согласования с особыми условиями быта народов и того края. Общий урожай в России зерна превышал потребность войска и населения; между тем, система запрета вывозов сложная, многоэтажная, реквизиции, коими злоупотребляли, и расстройство перевоза создали местами голод, дороговизну товаров и общее недовольство. Упорядочить дело было некому. Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было и быть не могло при общей

розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работою министров. Верховная власть перестала быть источником жизни и света. Она была в плену у дурных влияний и дурных сил. Движения она не давала. Совет министров имел обветшавших председателей, которые не могли дать направления работам совета. Министры, подчас опытные и энергичные, обратились в искателей и ведомственных стражей. Хорошие начинания некоторых встречали осуждение и сверху, и снизу — и они уходили. Дурное не указывалось, ошибки не ставились на вид, работа не шла; а жизнь летела, она требовала ответа; в меха старые нельзя было влить нового вина. Идеалы правых сводились к созданию живой двигательной силы из единой воли царя. Эти идеалы, в сущности, встречали его симпатии (хотя форм он не нарушил бы). Но строй уже не допускал такого импульса; со стороны монарха получался конфликт с Думою, 87 статья и нарушение прав народных представителей. Дума не могла работать — она критиковала власть, критиковала жестоко, а власть ставила ей в укор отсутствие законодательной работы и, защищаясь, прибегала к перерывам, указывая на то, что критика власти поднимает настроение страны. Получилось так: правительство делает ошибку, Дума другую, правительство — третью и т. д., работы же, столь необходимой в минуты крайности, — власть не давала. Эту работу захватили общественные организации: они стали «за власть», но полного труда, облеченного законом в форму, они дать не могли, и их усилия тоже были не достаточны по условиям дня. Положение угрожало катастрофой: она должна была наступить, как думали некоторые, — после войны, но наступила раньше. Все слои населения были недовольны. Многим казалось, что только деревня богата, но товару в деревню не шло, его не было, и деревня своего хлеба не выпускала. Говорят, даже прятали. Но и деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций; в лесном деле, например, убыль определялась на 40% (частной заготовки). Единственного пути к установлению цен — конкуренции — не существовало; товара было мало, цены росли; таксы развили продажу «из-под полы», получилось «мародерство», не как коренная болезнь, а как проявление недостатка производства и товарообмена. Земледельцы, лишенные винокуренья и стесненные твердыми ценами с частым запретом продажи, были очень недовольны. Искусство, литература, ученый труд были под гнетом, рабочих превратили в солдат, солдат — в рабочих. Армия устала, недостатки всего понизили ее дух, а это не ведет к победе, которой тоже не хватало. Духовенство было недовольно: умные архиереи это понимали, а выборный от прихода священник не проходил: б. царь согласился на обеспече-

ние духовенства деньгами, но реформу прихода откладывал. Евреи, в особенности, и инородцы вообще были не полноправны. Счастья не было никому. Бывший царь это инстинктивно чувствовал. Лозунг правых — «царь и народ» был ему близок, но импульс к этой работе был дан не в ту сторону — сложность жизни требовала уже сложных форм управления, а воля б. царя, направляемая правыми влияниями, шла к этой заботе путем, так сказать, революционным, будучи не в силах сделать что-либо одна. В общей разрухе последних месяцев министерство внутренних дел сыграло печальную роль. Министр, призванный к власти не свободным выбором б. царя, а под влиянием, так называемых «темных сил», быстро утратил популярность и не служил к укреплению доверия к правительству. Неопытный в громадном деле он допускал большие технические ошибки управления и бездействие власти, объединяющей все дела страны. Министерство же стало управляться другими людьми, стоящими во главе отдельных его частей. В среде самого правительства к нему относились недружелюбно, и это не сплачивало кабинета. Между тем именно министерство внутренних дел более других могло бы служить для этой цели, так как все министерства имеют к нему касательство. Министр приобрел, в известной мере, расположение б. царя, и через него отчасти шли наверх правые влияния. Уход его и некоторых других министров, может быть, отодвинул бы наступление кризиса, но меры эти не встречали сочувствия б. царя: это считалось уступкою невозможной во время войны. Надо все же сказать, что мера эта вряд ли бы остановила кризис надолго, так как люди, из которых могли быть избраны новые министры, дали бы те же общие явления, характерные для правительства «конца», который наступил столь неожиданно. Думаю, что никто из министров не понял глубины движения, по крайней мере, я разговора об этом не слыхал.

Протопопов.

VI.

В Чрезвычайную Следственную Комиссию.

[Убийство Распутина. Предположения о роспуске Государственной Думы. Утверждение Протопопова в должности министра и назначение Н. Д. Голицына. Александра Федоровна. Продовольственный вопрос и роль Воейкова. (10 июля.)]

16-го декабря 1916 года был убит Распутин. Б. царь приехал в Царское Село на следующий день за убийством. Дознание об убийстве производил ген. Попов, состоящий при отдельном корпусе жандармов и посылавшийся обыкновенно по делам ревизии или розыска. Протокол дознания был передан судебной власти и таковой же я передал б. царю. Убийство Распутина особого впечатления не произвело. Говорилось, что он погиб за семью б. царя, что теперь бог даст победу, и наступит успокоение. Вел. кн. Дмитрий Павлович, участвовавший в этом убийстве, был, согласно резолюции б. царя, послан в Персию в сопровождении флигель-адъютанта полковника графа Кутайсова. Приказ б. царя был мною передан сначала Максимовичу (н. гл. имп. кв.), а затем и б. вел. кн. Александру Михайловичу. Он особенно беспокоился за свою дочь и зятя Ф. Сумарокова, который, повидимому, при убийстве был. Были ли там и молодые великие князья Кирилл или Никита — осталось неизвестным, но этот слух весьма тревожил вел. кн. Александра Михайловича. Сумароков был послан в деревню под надзор, причем с ним был отправлен особый воспитатель пажеского корпуса. Приказ царя я лично передал директору корпуса. Вся семья б. царя была против настроения б. царицы, требовавшей мер более решительных для приведения великих князей к покорности воле б. царя и к более дружелюбному к ней, б. царице, отношению. Старания мои были направлены к примирению этих двух течений. Под конец, в феврале, б. царем и б. царицей было решено встать на путь компромиссных мер с возвращением к обычной жизни князей, посланных как в войска, так и в свои деревни. Эта политика, предложенная

мною, встретила поддержку и вел кн. Михаила Александровича; б. царица тоже на нее согласилась. Приблизительно к этому времени относится предложение б. царя Н. А. Маклакову написать манифест на случай роспуска Государственной Думы. Срок нового созыва обозначался приблизительно месяцев через 6 (не менее) после роспуска законодательных палат. Основанием к таковому предложению б. царя послужила уверенность его в том, что Дума IV созыва на путь спокойной законодательной работы не встанет; однако, положение страны требовало опоры в наличности Думы и приказ о роспуске вряд ли последовал бы. Бланк повеления б. царя находился в кармане председателя совета и мог быть заполнен, предлагая как перерыв, так и роспуск: это проходило через совет министров 25/II, причем был решен перерыв, который осуществлен уже не был. Фракцией правых гос. совета предлагались крайние меры, введение осадного положения. Очень опасаясь дальнейшего проявления недовольства в столице, я полагал такую меру возможной, но нежелательной, так как чувствовалось, что дальнейший нажим мог бы снести все здание монархии. Эта мера не была применена. Остановить движение в стране — к развитию путей, ведущих людей к счастью, — считалось министерством внутренних дел неразумной мерой. Путь же привлечения общественных сил с их широкой работой к защите родины возникал неоднократно — остановка была потому, что подобная мера легко могла бы привести к обратным результатам, не усилить строй существовавший, а разрушить его, ибо не министерства держали союзы в руках, а эти последние — министерства и их глав. И казалось необходимым было дать уставы организациям и сопрячь их работу с министерствами (под руководством последних и содействии); провести эту мысль было нельзя в виду общего в совете министров нежелания сохранить союзы после войны, и она осталась непримененной.

В конце декабря последовало утверждение мое в должности. Причиною этого была привычка б. царя прислушиваться понемногу к моим словам и лестные отзывы обо мне многих видных правых деятелей, некоторые из которых лично говорили об этом царю, а также мой отказ от награды. История с убийством Распутина, последовавший розыск департаментом полиции, отыскание его трупа и дальнейшие меры, проведенные при мне и иногда мне приписываемые (например, некоторая узда на великих князей),—сблизили б. царя с этой мыслию, и она была осуществлена. Б. царица также была за мое утверждение. Около 1 января ушел Трепов, и на его место, по выбору б. царицы, попал Голицын. Я в разговорах в Царском поддерживал кандидатуру С. В. Рухлова или Нейдгардта. Предложение назначить председателем совета министров Покровского сочувствия не встретило. Назначение Голицына и мое утверждение являются характерными признаками времени.

Руководство политикою фактически перешло в еще более правый круг. Б. царь это понимал и сделал этот шаг сознательно. Голицын опирался на правую группу гос. совета (Маклаков, Стишинский и др.). Трепов, награжденный портретом б. царя при своем отпуске, сохранил за собою особые доклады и влияние на министерство путей сообщения. Он являлся лидером правой группы гос. совета. Меня поддерживали правые и нейдгардтовцы. Эти две группы давали перевес правому крылу. Правая группа была очень влиятельна в гос. совете и в Царском Селе, куда ее представители приглашались к б. царице. Б. царь не заходил и беседовал с представляющимися царице лицами частным порядком. Таким образом, после смерти Распутина курс не изменился. Заменены были лишь люди. Существовало опасение, что б. царицу могут убить: ее не любили ни в войске, ни в тылу. Я старался содействовать сближению ее с обществом: ею было принято много частных лиц, которые делались после, если не ее сторонниками, то все же доброжелателями. Все желающие ей представиться отказов уже не получали. Она встала на курс компромисса менее резко правый и приняла, например, даже предложение быть ходатаем за прощение великих князей, сосланных в деревню. Главною заботою правительства было продовольствие. Явилась на местах так называемая «бисерная забастовка». Заносы, недостаток провианта и фуража, расстройство обмена товаров и передвижения — день ото дня ухудшали положение, причем на местах получались два явления: деревня не выдавала своего товара, не получая ничего взамен, а мелкие сборщики зерна не могли добывать его для отправки. Положение создавалось грозное. Столицы тоже не имели хлеба. Мельницы были без зерна. У б. царя явилась мысль назначить полномочное лицо для продовольствия армии, флота и тыла, согласовав все элементы этого дела в одних руках. Воейкова предназначали на этот пост. Дело оставалось без исполнения, — сопротивлялись Трепов, Макаров и другие лица. Они находили, что это задевало бы их права как министров. Действительно, это стало бы неизбежным. Этот диктатор связал бы однако всех работников продовольственной сети в своем лице, не исключая и работу общественных организаций, что дало бы силу этому делу. Мысль эта мне нравилась. Воейков человек коммерческий, и я надеялся видеть пользу от такого устройства. Б. царя в этой затее я поддерживал, но неудачно, — она не прошла в жизнь.

В самое последнее время, по поручению Воейкова, ко мне приезжал Спиридович, чтобы ходатайствовать о скорейшем отчуждении (прирезке) земли от ялтинского градоначальства к его ведению, для охоты. Планы были мною переданы для исполнения в межевой отдел министерства. Насколько помню, об этом у меня было от него письмо. Цель прирезки — удобство управления.

Вспомнил это, потому что слышал, что комиссия этим интересуется, и соображаю теперь, что это может осветить дело, которое имеет касательство к измене; опасаюсь, чтобы моя роль не была бы неправильно истолкована.

А. Протопопов.

VII.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

1. — Перевод Сухомлинова из крепости под домашний арест и посещение его Протопоповым. Сухомлинов и мобилизация. Задержка русских военных грузов в Швеции. 2. — Назначение Курлова. 3. — Разъезды и охрана Распутина. Вопрос об отставке Протопопова. Распутин против Трепова. Ночь убийства Распутина. 4—5. Деньги, получавшиеся Распутиным за хлопоты. Мануйлов и Перрен. Ежемесячные выдачи Протопоповым денег Распутину. 6. — Арест Д. Л. Рубинштейна. Русский заем в Америке и Д. Л. Рубинштейн. Мануйлов и съезд «докторов» в Копенгагене. 7. — Роль Курлова при эвакуации Риги. Эвакуация Балтийского завода. 8. — Хлопоты Л. Л. Зотова о постройке Оружейного завода. 9—10. Симанович, Шифлер. Отношения с Н. А. Добровольским. 11. — Изъятие телеграфной корреспонденции Распутина из хранилища почтамта. 12. — Деятельность отделения Международного банка в Париже. 13. — Знакомство с С. Г. Лунц и мысль о поручении ей общественной разведки. 14. — Обыск и арест М. Дерфельден. 15 — 16. — Расследование дела о политической военной организации в Луцке. Выдача денег Замысловскому на поддержку монархических газет. 17. — Субсидии Маркову 2 и снабжение его союза оружием. 18. — Встреча на приеме во дворце с М. В. Родзянко. Письмо Протопопова к Родзянко с вызовом на дуэль. 19. — Сношения с Андрониковым. Высылка его в Рязань. Денежная поддержка Андроникова из личных средств Протопопова. 20. — Получение для исправления текста разговора Протопопова с Варбургом. 21 — 22. — Недочеты в деле военного снабжения. Неудовлетворительное выполнение русских заказов заграницей. Содействие изданию книги о заграничной поездке делегации законодательных учреждений. 23. — Митрополит Питирим. Вопрос о выборном духовенстве. 24 — 25. — Арест рабочих секций военно-промышленного Комитета. Расходы по рабочему движению. 26. — О списке новых членов гос. совета. 27 — 28. — Демкин. Крымский кади эскер. 29. — Знакомство с Мануйловым А. А. Стембо. 30. — События в Севастополе. Повреждение телеграфной линии с Англией. Прошение датских подданных, служивших на телеграфе. Вопрос о передаче городу Москве электрического освещения и энергии Общества 1886 г. Поступление сведений из Архангельска. 31 — 32. — Распределение военнопленных в губерниях при назначении на работы. Проверка отсрочек по призыву. 33. — Виткун и поставка провианта и фуража. Подозрение разных лиц в шпионаже. 34 — 35. — А. И. Гучков. Возбуждение против б. царицы в военных кругах Царского Села. 36. — Принятие мер к сохранению порядка в дни революции.

Предположение по поводу демобилизации. Отпуск 5 милл. рублей в распоряжение Штюрмера. О деятельности Штюрмера. Фрейлина Никитина. Растрата А. Н. Хвостовым 1.300.000 руб. Отчеты в расходовании денег. Посещения Сухомлинова. Действия продовольственной комиссии при градоначальнике (28 июля).

1. В октябре прошлого года Сухомлинов был переведен, по распоряжению судебных властей, из крепости под домашний арест. Кто его перевозил — не знаю. Министр юстиции Макаров сказал мне по телефону о переводе Сухомлинова и сообщил, что обязанность караулить арестованного домашним арестом лежит на ответственности министерства внутренних дел. Жена Сухомлинова жаловалась мне по телефону, что караул, поставленный у них на квартире и состоящий из 9 человек солдат, причиняет им большое стеснение. Я приказал полициймейстеру (кажется, Григорьеву) поехать на квартиру Сухомлинова и, сняв излишних караульных, оставить лишь необходимое число, сказав ему, что Сухомлинов все равно не убежит. Кто меня направил к полициймейстеру Григорьеву — не помню. На следующий день я сам поехал к Сухомлинову на квартиру. Хотел повидать и узнать, как поставлен караул. Я пробыл у Сухомлинова около получаса. Говорил с ним наедине. Охранявший его жандармский офицер на мой вопрос, разрешает ли мне это закон, ответил утвердительно и вышел в другую комнату. Сухомлинов признался мне, что за него, по просьбе его жены, хлопочет Распутин, просил передать царю благодарность за участие, которое он принимает в его судьбе, показал мне свой дневник-тетрадку, в которой был план его камеры, отрицал свою виновность в измене и высказывал надежду на то, что сумеет в ней оправдаться перед судом. Я сказал Сухомлинову, что царь не верит в его измену, но огорчен его денежными делами, я не сказал прямо — нечистыми, не желая его обижать, но он понял значение моих слов. Все выходы в квартире охранялись агентами полиции, в комнатах был офицер, и я счел охрану достаточной. Под конец моего разговора в комнату вошла жена Сухомлинова, поблагодарившая меня за исполнение их просьбы относительно караула. О своем посещении Сухомлинова я сказал Курлову, обратившему мое внимание на неосторожность этого поступка. Более я к Сухомлинову не ездил. О своем посещении я сказал царю, которому передал благодарность Сухомлинова за милость, ему оказанную; точно разговора с царем не помню. Царь говорил, что получил письмо от Сухомлинова, но его мне не показывал. Распутин в моем присутствии у Бадмаева, при Курлове говорил, что его удерживает в Петрограде дело Сухомлинова, о котором просит его жена Сухомлинова, которую он очень любит, — иначе он уехал бы уже в Тобольск.

Когда Сухомлинов был еще министром, он мне говорил, что во время хода нашей мобилизации, царь ему сказал по телефону о предложении Вильгельма таковую приостановить, и тогда войны не будет. Сухомлинов говорил, что он предупредил царя, что Вильгельм его обманет, и на свой страх работ по мобилизации не прекратил.

Наши военные грузы задерживались в Швеции. Несмычка русской и шведской железнодорожных линий тоже мешала транспорту. Я рекомендовал Сухомлинову Литвинова-Фалинского, как человека, которого можно послать в Швецию для переговоров. Он туда и был командирован. Позже я от него слышал, что некоторые задержанные грузы шведы согласились пропустить; он вел также переговоры о смычке железнодорожных линий. Смычка не прошла, но шведское правительство согласилось сблизить конечные пункты дорог до Хапаранды и Торнео (раньше расстояние между конечными станциями было кажется 28 верст); больше о его командировке я от Литвинова не слышал и не знаю.

2. Переводить Курлова на место командира отдельн. корп. жандармов Распутин помогал неохотно; он говорил: «Там наверху не очень его любят, надо подождать». Судя по моим разговорам с царем по поводу Курлова, он говорил правду, хотя царь мне определенно сказал, что он более на Курлова не сердится и, по словам последнего, был очень ласков к нему при его представлении в ставке. Назначению Курлова мешало и то, что место командира корпуса занимал Татищев, которого я хотел просить назначить в гос. совет, как о том показывал и что сделать не удалось.

3. Я слышал от Васильева, что мотор, в котором ездил Распутин, нанимался для этой цели департаментом, который оплачивал поездки Распутина в моторе в Царское Село. Об охране Распутина я особо не заботился, зная от Васильева, что она имеется; кому она поручена — не спрашивал, не сомневался, что его охраняют агенты департамента. Об охране Распутина агентами дворцового ведомства узнал впервые уже здесь. В дополнение своих показаний о поездке Трепова в ставку и моем предполагавшемся уходе 8-го ноября 1916 г. я должен добавить, что Распутин, вызванный по телефону к Бадмаеву, сказал: «хорошо, что это узналось сегодня, а то завтра уже было бы поздно». Я предполагаю, что он знал о намерениях Трепова от других заинтересованных лиц: Бобринского, Раева, Шаховского, но наверное сказать этого не могу. Позже я слышал, что отставка моя была подписана, но, по настоянию царицы, ходу не получила. Сам же я не уговорил царя меня отпустить, не смог или не сумел, — сам не разберусь. Просился уйти, как показал комиссии, но без упорства, — жалел уходить. В разговоре с царем я указывал на Н. Н. Покровского, как на человека годного на пост министра иностранных дел. Позже царь, повидимому, вспомнил наш разговор, и Покровский был назначен. От Бадмаева 8-го ноября Распутин послал царю в ставку депешу, резко составленную против Трепова и его предложений переменить состав совета министров. Эту депешу я отправил на главный телеграф так же, как и три телеграммы, раньше посланные Распутиным царю и царице

и, кажется, Вырубовой в ставку и которые касались меня в связи с поручением мне продовольственного дела, за что был и Распутин. Эти депеши я отсылал либо Похвисневу, либо старшему дежурному чиновнику; возили эти депеши полковник Пиринг, мой служащий Павел Савельев, служащий Бадмаева или мой шоффер. В ночь убийства Распутина, часов около 12, я отвез сестру Воскобойникову на вокзал и после заехал к Распутину. Жених его дочери, кавказец-офицер Симоник (фамилии его не знаю и лично не видел), пытался застрелиться. По этому случаю я и заехал к Распутину, жалея его и думая, что он горюет о случившемся. Пробыл у него минут 10; видел только его одного: он сам отворил мне дверь. О намерении своем куда-либо ехать в эту ночь он не говорил.

4. Еще до назначения своего я высказал Бадмаеву и Курлову свою догадку, — не возит ли Распутин б. царице деньги, которые он берет за свои хлопоты о делах и наградах с разных людей. Я слышал, например, от Н. А. Гордона, что он заплатил Распутину 15 тысяч за звание коммерции советника. С Гордоном я был на обеде у Книрши вместе с Распутиным; там был и С. Г. Лунц. Теперь, уже в крепости, узнав о существовавшей измене сверху и об обращении фальшивых денег, мне думается, — не возил ли Распутин б. царице фальшивых денег, получая их через Мануйлова или кого другого. Не замешаны ли тут гр. В. С. Татищев, А. Н. Хвостов или Симонович, заменивший, как я слышал от кн. Тархановой, при Распутине Добровольского, и нет ли связи между Перреном, о котором меня допрашивали, и привозом в Россию этих денег? На мысль о связи Мануйлова и Перрена меня наводит общность названий: «доктор» Перрен и съезд «докторов» в Копенгагене, на который должен был будто бы ехать Мануйлов по письму, прочтенному мне Степановым. А. В. сказал после, что оно Мануйлова не касается, почему в то время это сопоставление в голову мне и не приходило. Из сумм департамента полиции я давал Распутину по 1.000 р. в месяц. Выданные ему деньги я вернул из своих средств, истратив их вместо казенных на пособия. Давал Распутину 1.000 р. в месяц, узнав от Белецкого, что такая сумма платилась Распутину в то время, когда Белецкий был товарищем министра. Деньги я отдавал Распутину иногда сам, иногда посылал с Павлом Савельевым. За несколько дней до приказа о моем назначении, которое, по словам Распутина, было уже решено, я сказал ему у Бадмаева, что буду давать ему эту сумму. Он ответил: «ну, это все равно».

Я видел запись в книге расходов департамента полиции, сделанную в то время, когда А. Н. Хвостов был министром: «поездка в ставку 18.000» (или 13.000 — не помню). Боясь, что пропустил это в своем прежнем показании, решаюсь записать в настоящее.

5. При показаниях своих по делу А. Н. Хвостова я забыл сказать, что Д. П. Носович получил место в Соединенном банке через Татищева на 8 тысяч руб. в год. Я был рад, что он устроился (он брат моей жены), узнал об этом, насколько припоминаю, после отъезда Татищева в Москву.

6. По делу об аресте Д. Л. Рубинштейна его жена обратилась ко мне за помощью. Я ответил ей, что ничего сделать не могу. Сестра Воскобойникова от имени царицы и Вырубовой тоже просила меня помочь освободить Рубинштейна. Я советовал им через Воскобойникову в это дело не вмешиваться, все же генералу Батюшину сказал, что: «это дело беспокоит дамскую половину дворца». Распутин хлопотал за Рубинштейна. Я слышал, что дело его касалось продажи русских процентных бумаг, находящихся в Германии, через нейтральные страны во Францию и возникло по сообщению французского правительства ставке. Рубинштейна я знал до своего назначения; познакомился с ним на собрании банкиров, созванном мною для проведения при их посредстве русского займа в Америке для оплаты там наших заказов на военные надобности. В Америку по этому делу ездил шведский банкир Ашберг, он был указан Барком. Подробности об этом займе, в случае желания комиссии, могу доложить устно. Я председательствовал на собрании, получив поручение от совещания по обороне постараться добыть американскую валюту без посредства Англии. Предполагалась возможность провести заем в сумме 60 милл. долларов. Позже я слышал от Путилова, что, для начала, заем может быть сделан лишь в сумме 10 милл. долларов. Был ли он сделан и использован правительством — не знаю. Личных дел с Рубинштейном не имел и от участия в совете Французского и Юнкера банков отказался. Я изредка заезжал к нему на дом или в банк и бывал на его торжественных обедах. Он тоже приезжал ко мне, сообщал новости о предполагаемых переменах в правительстве и городские слухи. Он много узнавал от Горемыкина, куда, по его словам, часто ездил и пожертвовал на благотворительность 300 тысяч рублей через жену Горемыкина. Он бывал у Барка и других министров, чем любил хвалиться. От него я слышал, что Барк думал о проведении меня на пост своего товарища. Будучи раз у него во Французском банке, я случайно присутствовал при неудовольствии, которое он высказал своей жене по поводу отсылки ею какого-то мехового подарка ее родным в Румынию. Шла речь о каком-то письме. Значения этого разговора не знаю. При аресте Рубинштейна присутствовал Мануйлов, что, по моему мнению, устанавливает его связь с контр-разведкою (как я показывал). В день ареста Рубинштейна я был у него на даче, где находился директор Comptoir d'Escompte Шарль Нодо, которого я встречал в Париже на экономической конференции. По его

просьбе, я и был приглашен и поехал к Рубинштейну, пробыл часа $1^1/_2$ — 2; при мне между ними шел разговор об увеличении оборотов Персидского банка при помощи французского капитала. Позже я слышал, что Нодо запрашивал наши военные власти по поводу дела Рубинштейна. Был ли он арестован — не знаю. Один из домов Рубинштейна был нанят под клуб Крупенским, получившим от Трепова на это дело 75 тысяч рублей. Во время своего ареста, в псковской тюрьме, Рубинштейн продал Второву свои акции банка Юнкера в количестве 48.000 акций по дешевой цене с убытком для себя до 2-х милл. рублей. Слышал я это в Международном банке, кажется, от Шайкевича или от М. М. Горелова.

Настоящий п. 6-й своих показаний я излагаю так, как он остался у меня в памяти. Некоторые ошибки в нем указаны мне следователем при допросе моем, как свидетеля по делу Штюрмера; так, я называю Шарля Нодо — директором Comptoir d'Escompte, а оказывается, что он газетный корреспондент; говорю о 2-х миллионах убытка, которые Рубинштейн понес при продаже своих акций Второву, а убыток оказывается 4 миллиона. При допросе тот же следователь, говоря о письме, которое прочел мне Степанов по поводу предполагаемой будто бы поездки Мануйлова в Копенгаген на съезд «докторов», называет это письмо «письмом Каро». Имя это является для меня неизвестным: автора письма, о котором идет речь, либо Степанов мне не называл, либо я его совершенно забыл.

7. Когда происходила эвакуация Риги, Курлов был против нее. Я вполне разделял его мнение. Эта эвакуация требовала 80.000 вагонов; такое количество невозможно было рассчитывать получить в короткий срок. Все же заводы, работавшие на оборону, при эвакуации прекращали производство предметов, нужных нашим войскам. Несогласие Курлова обусловило его отставку. Вел. кн. Николай Николаевич согласился на нее по просьбе кн. Щербатова. Над Курловым было назначено следствие генерала Баранова, во всеподданнейшем отчете которого имеются подробности этого дела (телеграмма депутата Маклакова Щербатову: «В Риге измена, Курлов противится эвакуации» и другие данные). Дело об эвакуации Риги имеется и в делах эвакуационной комиссии под председательством Родзянко. Эвакуирован был и Балтийский завод (аэропланы, вагоны, моторы). Директора завода хлопотали о покупке мест для новой постройки завода, о ссуде, субсидии и авансе под заказы. Директором правления был мой школьный товарищ В. Ф. Давыдов; благодаря его любезности, я нанимал от завода мотор по цене, исчисленной для членов правления. Давыдов обратился ко мне с просьбою содействовать ускорению и разрешению их дела в министерствах торговли и военном, дабы дать заводу возможность скорее возобновить свою работу по казенным заказам. Помочь я им не мог и дал

лишь письмо к В. И. Гурко, к которому Давыдов и должен был обратиться и объяснить нужды и ходатайства завода. Сколько всего дано было заводу, — я не спрашивал ни у кого.

8. Летом 1916 года ко мне обратился Лука Лукич Зотов из Нижнего-Новгорода, собственник Смеловского цепного завода, вместе с инженером г. Бурдо. Они желали построить оружейный завод, обусловив эту постройку определенным заказом от казны. Во главе дела стоял Л. Нобель. Условия, по их словам, были выгодны для казны. Я посоветовал им сходить к г-же Лунц, которая через Распутина доведет их план до сведения царя. По словам Зотова, хлопотал за это дело и вел. кн. Михаил Александрович. О Зотове я слышал раньше от англичанина Дальтон Парсона, бывшего у меня по делу акционизации моей фабрики в Англии. Он купил у Зотова Смеловский завод, владел им некоторое время и снова продал завод старому владельцу, потеряв при этом некоторую сумму.

9. От кн. Тархановой я слышал, что Симанович, имевший магазин золотых вещей, ведет дела Распутина, имеет на него влияние, что он умный и часто у нее бывает. Я его видел два раза после убийства Распутина (раньше его не видел). В день убийства Симанович приехал ко мне вместе с монахом, — имени которого не помню, рассказать об исчезновении Распутина и просил разыскивать его, живого или мертвого (он предполагал, что Распутин убит); во второй раз он приходил просить о разрешении ему права жительства, причем был вместе с своими двумя сыновьями-гимназистами. Я тогда заказал ему два жетона, которые подарил Ознобишину и Радкевичу. Тарханова знала Шифлера. Должна была ему по закладной на ее имение 60 тысяч рублей. Я обещал ей, если буду участвовать в каменноугольном деле, уплатить ее долг по закладной Шифлеру акциями, которые причтутся на мою долю. До войны Шифлер, как я слышал от него, был представителем завода Круппа, это и служило поводом производившихся о нем дознаний и его ареста. Я ему говорил, что в виду этого я опасаюсь с ним иметь дело и общение. Он отрицал свою виновность в чем-либо незаконном, и я ему верил, так как он после ареста и дознания был освобожден и оставался во главе крупных дел; вследствие этого я не возражал, когда он выступил комиссионером по продаже копей кн. Мышецкого и К° С. Г. Лианозову. После своего назначения министром я из дела вышел. За себя я предоставил сделать все расчеты А. Н. Кодзаеву. Не имея никаких договорных прав на участие в этом деле вновь, в случае оставления мною службы, я все же свое возвращение в это дело мысленно допускал. Ни формы своего участия в нем в будущем, ни суммы, в какой буду участвовать, я не уяснял. Очень может быть, мне оказалось бы невозможным вновь в него вступить, так как в работах по делу, его проведению и устрой-

ству, во время службы своей, я участия не принимал. Тарханова о моем выходе из дела знала; она хлопотала о пенсии своей дочери вдове кн. Геловани, и я, насколько мог, помогал ей.

10. При назначении министром юстиции Н. А. Добровольского я слышал, что он затруднен в деньгах. Я предлагал ему кредит у себя, чтобы дать ему возможность не должать по векселям и уплатить их. Денег он у меня не брал. Я слышал позже от Тархановой, что у Симановича имелись векселя Добровольского кажется на 30 тысяч рублей. Добровольский хлопотал об упорядочении дела ликвидации менонитского землевладения, присылая менонитов и ко мне. Он считал их голландскими выходцами. Я не сочувствовал вообще политике, принятой по поводу земледелия немецких колонистов, считая ее вредной для России и опрометчиво уменьшающей общую площадь посева в трудное время. В вопросах о менонитах был особенно с ним согласен; к их устройству при ликвидации их земель надо было отнестись бережно, проводить ликвидацию осторожно, индивидуализируя каждый случай.

11. От Похвиснева в январе я узнал, что военная цензура интересуется депешами, подаваемыми через императорский стол. Главным управлением почт был составлен ответ о том, что корреспонденция этого стола изъята от цензуры. Об этом случае я говорил царю. Этот случай и заставил меня изъять депеши Распутина (из хранилища почтамта) царю, царице, с ними и другие, как я показывал в комиссии. Я боялся распространения этих депеш, как это и случилось. Должен прибавить, что в 3-х или 4-х депешах царю и царице упоминалось обо мне, и хотя я в них назван Калининым, все же это упоминание в депешах Распутина мне было неприятно.

12. В последнюю свою поездку заграничную, в июне прошлого года, в Париже, я был встречен и имел свидание с управляющим отделением Международного банка Александром Рафаловичем. У меня был открыт кредит в этом банке. Во время нашей поездки в Реймс на фронт, полковник Ознобишин мне сказал, что об отделении Международного банка идет нехорошая молва и что директор этого отделения живет в Швейцарии, во Францию не возвращается и находится в числе лиц, состоящих на замечании у французского военно-охранного отделения (точно название не помню), что об А. Рафаловиче, который заменяет директора отделения банка и ездит к нему в Швейцарию, тоже идут нехорошие разговоры, как о лице, находящемся в некотором подозрении; затем, что в банке много служащих из немецкой Швейцарии. То же сказал мне и Николай Рафалович, директор Азиатского банка в Париже. Об этих отзывах я имел разговор с А. Рафаловичем, он сказал, что ездит к директору с отчетами банка, последний раз был подвергнут строгому досмотру на гра-

нице, чего раньше не было; находит, что дело банка, действительно, осталось во время войны без перемены персонала, набранного в значительной части из немецкой Швейцарии, и возбуждает толки в обществе и печати. Приехав в Петроград, я это дело передал Вышнеградскому и Шайкевичу. Управляющий отделением был сменен, и банк, как я слышал, переменил контингент своих служащих в Париже. Это дело на память записано мною в путевую записную книжку, которую я дал А. С. Ключареву.

13. Член Государственного Совета Озеров был представителем Русского кинематографического общества в Москве. На представлениях кинематографа в его квартире я познакомился с г-жей Софьей Григорьевной Лунц. После моего назначения Лунц была у меня раза 4 — 5. Я познакомил ее с Курловым; вначале у меня была мысль поручить ей общественную разведку, существовавшую при Столыпине, о чем я узнал от Курлова. Ей было назначено вознаграждение, которое и платилось некоторое время (рублей 250 в месяц). Мысль о разведке осуществления не получила. Деньги, ей данные, возмещены мною из своих средств и ушли на дела благотворения вместо казенных. Лунц ходатайствовала об отсрочке призыва ее мужу, в виду назначения его на должность, дающую ему это право. Он служил в транспортной конторе («Кавказ и Меркурий», кажется). Директор этой конторы тоже был у меня по этому делу, оно было передано в управление по делам о воинской повинности, где и получило законное направление. Результата я не знаю. Вначале я охотно исполнял просьбы Лунц о разрешении евреям прав на жительство, но позже у меня явилась мысль, — не берет ли она за эти хлопоты деньги. Я стал осторожнее, направляя прошения в департамент полиции с надписями «разрешить, если нет особых препятствий» или «разрешить», когда дело мне казалось бесспорно справедливым. Я всегда надеялся, что, в случае ошибки с моей стороны, я получу соответствующий доклад. Формальная сторона дела была мне мало известна. В последний раз она обратилась ко мне с несколькими прошениями, в числе коих, помнится, одно было о разрешении въезда в Россию из Копенгагена кого-то из служащих тамошней конторы, в которой раньше служил ее муж. Все ее ходатайства были мною направлены в департамент полиции для поверки и доклада мне, потому что, прося меня, она сказала, что разрешение их может принести ей деньги. Это подтвердило мои подозрения, и я решил, что дело надо проверить. Ей я сказал, что больше просьб от нее принимать не могу и предложил ей вперед подавать их обычным путем. При разговоре присутствовал мой служащий Павел Савельев. Более я ее не видел. Обдумывая здесь все это дело, у меня явилось подозрение, — уж не принадлежала ли она к какой-нибудь шпионской компании? Она мне говорила, что ей помогает деньгами ее друг, как она его называла, по фамилии, помнится, Битер. Я также здесь думал о том,

в Петрограде ли она или уехала? Думал также, не она ли лектриса при царе, о которой здесь слышал. Не поднял обо всем этом вопроса, так как все изложенное по поводу шпионажа были лишь мои предположения и догадки. Иной раз мне казалось, что она уже в крепости, и я ожидал об этом допроса. Сам же иной раз забывал, иной раз опасался поднять этот вопрос, щадя себя.

14. Вспоминаю случай, когда мною было предложено департаменту полиции сделать обыск и домашний арест г-жи Марии Дерфельден. Приказ об этом я получил от б. царицы; передала мне это по телефону Вырубова; основанием для обыска являлось заявление о том, что на ее, Дерфельден, квартире происходили совещания по поводу убийства Распутина, а также замышлялось подобное против б. царицы. Обыск результатов не дал, арест же был снят в течение суток; перед Дерфельден извинился, и она у меня была для личных объяснений. По этому случаю я познакомился с ее братом — Пистолькорс, женатом на Ал. Ал. (Танеевой).

15. Б. царица мне переслала письмо полковника Бильдерлинга с надписью, разобрать дело, не вмешивая в него ни ее, ни Вырубову. В исполнение надписи я видел полк. Бильдерлинга, объяснившего мне, что в Луцке, по его мнению, есть кружок офицеров, поставивших себе политическую цель, — какую он не знает. Он получил печатное приглашение, за номером, прибыть, если он желает, в Луцк, причем было сказано: «номер вам известен». Был ли это, действительно, заговор, он объяснить не мог, передавал лишь факт и свое о нем мнение. Дело мною было передано в департамент полиции Васильеву А. Т., который навел справки и, послав расследовать это дело, довел до моего сведения, что никакой организации среди офицеров в Луцке не найдено. Об этом письме и разговоре моем с полк. Бильдерлингом я докладывал б. царю. Он сказал, что там находится вел. кн. Павел Александрович и что вполне верит его надзору. Письмо Бильдерлинга с надписью б. царицы находится в папке, которую в числе других бумаг я отдал Павлу Савельеву, уходя из дома и надеясь вернуться и разобрать их.

16. Вспоминаю, что в декабре (конце) Замысловскому было дано из сумм департамента полиции 12 тысяч рублей на поддержку монархических газет в Ростове на Дону и тамошнего отдела монархистов, но точного расхода этих денег не знаю. Дал их ему Курлов с моего ведома и согласия.

17. В дополнение показаний о наших разговорах с Марковым вспоминаю его слова, что народ будет защищать царя дубьем. Это он говорил и в Думе. Жаловался, что субсидия мала. «Скажите царю, чтобы он взял полмиллиарда из военного фонда, и тогда можно будет что-нибудь сделать». Я ему ответил, что денег более дать не могу, что это дается на поддержание кадров (бюро) союза: «позже поговорим». Докладывать б. царю о его пред-

ложениях я отказался. Субсидии, которые получал Марков, шли через него на поддержку всего союза, он же должен был давать деньги Дубровину и другим. Их я не видел. Отчета в деньгах не спрашивал и не получал, только в феврале намеревался спросить, но не успел. Марков говорил об охране, установленной в Костроме и Киеве, и об оружии, предоставленном этой охране от союза, полученном последним, через какое ведомство—не знаю. Он упомянул вскользь о необходимости и теперь иметь оружие, но я не знаю, от кого могло быть и было ли получено союзом оружие. Ни о средствах союза, ни о их сношениях с другими членами бывшего правительства я не знаю.

18. На новогоднем приеме в Царском Селе у меня произошел инцидент с председателем Государственной Думы М. В. Родзянко. На мой поклон ему при встрече, когда б. царь уже шел в комнату, он, повернувшись ко мне, сказал: «нигде и никогда». На мои слова о том, что я принужден буду послать к нему своих друзей, он ответил: «хорошо, как хотите». Зная, что вызов без разрешения царя я послать не могу, я составил письмо, в котором довожу до сведения Родзянко, что принужден отложить дуэль до того времени, когда оставлю свое место. Настоящее же письмо прошу считать за вызов. Это письмо я показал б. царю; он против его не возражал, но в тот же день Голицын воспротивился отсылке этого письма и пожелал вновь доложить дело царю. Я согласился. Дубликат письма был засвидетельствован Куколем и еще не помню кем, с обозначением, что подлинник находится у председателя совета министров. Через дня два Голицын мне сказал, что б. царь, после его доклада, высказался против отсылки письма, которое осталось непосланным; по утверждению моих секундантов, причина была уважительная, и я сохранял право послать это письмо после выхода в отставку (говорил я по этому поводу с Радкевичем, Ознобишиным и Куколем).

19. Кн. Андроникова за несколько дней до моего назначения направил ко мне Белецкий. При моем назначении Андроников прислал мне икону. Желая его лично видеть и иметь о нем понятие, я просил свою двоюродную сестру кн. Мышецкую позвать его к себе для свидания со мною. Этих свиданий он всячески добивался. Впечатление он производил благоприятное. Деятельность его была мне известна понаслышке (шантажист). Разговоры касались его отношений к другим министрам и ко двору. Я советывался с ним о редакции поздравительной депеши б. царю, так как он был хорошим составителем таковых (он издавал свою газету). Редакция его депеши однако меня не удовлетворила, и я ее переделал по-своему. Видел я его раза 3—4. В его квартире случилось воровство, сделанное какими-то людьми, коим он позволил у себя переночевать, кажется, без прописки. Подробностей не знаю. Слышал предположения, что Андроников был причастен к убийству Распу-

тина, но кто это говорил — не помню. Царь, царица и Вырубова его не любили, о чем сами мне говорили.

В связи со всеми слухами об Андроникове я спросил царя, как с ним поступить и не следует ли его выслать? Царь согласился, и Андроников был выслан в Рязань по ордеру военных властей, коим я передал приказ царя. На вопрос Андроникова по телефону о причине его высылки ответил, что «не знаю, — это приказ сверху», так как не желал сообщать ему подробностей, сопровождавших это распоряжение. Андроников имел преданных людей в ведомстве и в доме министра: Драгомирецкий, коего после его удаления я постарался устроить, и Балашов, остававшийся все время при мне и помогавший, не обижая Андроникова, не допускать его посещений ведомства и меня. Однажды Анроников все-таки был в департаменте общих дел, где, как мне говорил Волконский, позволил себе неосторожные речи про б. царицу. Я просил кн. Волконского составить показание, но показания этого, несмотря на свои просьбы, я не получил, и дело заглохло.

В Рязань я послал Андроникову 1.000 р. со своим служащим Павлом Савельевым (вручить без расписки — из моих денег), — боясь Андроникова и одновременно жалея его. Макаров обращал мое внимание на необходимость его не раздражать. Курлов считал Андроникова человеком вредным.

20. После моего возвращения из путешествия заграницу в Петроград, дня через два-три ко мне приехал Л. М. Поллак и привез мне для исправления наш разговор с Варбургом (по-немецки). Я плохо знаю этот язык и прочесть его не мог. Поллак предложил мне сделать перевод и принес его на следующий день. Я, отказавшись исправлять перевод, обратил внимание Поллака на то, что ему иметь какие-либо сношения с Варбургом не годится и что я категорически отказываюсь от этого; перевод остался у него. Про этот случай я не говорил до сих пор, не желая бросать тень на названное лицо за легкомысленный его поступок, тем более опасный для него, что он еврей, и считая его хорошим человеком. Теперь рассказываю это на случай, если это надо знать Следственной Комиссии.

21. В то время, когда я был членом совещания по обороне, я много знал и слышал о недочетах в деле снабжения наших войск. В частности, вспоминаю, что пушки, заказанные на заводе Крезо во Франции, опоздали, и наши корпуса пошли в бой с неполным количеством орудий. Слышал также, что часть патронов, доставленных из заграницы (до войны), была плохого качества. Русские заказы заграницею и во время войны очень опаздывали, и совещание принимало все меры к исправлению этого зла и к увеличению русского производства. Слышал также, что русские не употребляют разрывных пуль. Набор немецких пуль видел, — не помню где,

кажется, у военного министра Сухомлинова или Поливанова. Разрывные пули на гильзе имели черный ободок.

22. Член Гос. Думы Ознобишин составил описание нашего путешествия заграницу (делегации законодательных учреждений). Я ему дал письмо в главное управление по делам печати, чтобы помочь издать эту книгу. Издана ли эта книга — мне неизвестно. Помнится, на издание была определена сумма не более 3.000 р., а может быть гораздо меньше.

23. Митрополита Питирима я видел впервые при его назначении, когда был товарищем председателя Гос. Думы. По его приезде я сделал ему визит. Он отдал его Родзянко, так как я был у него официально. Я слышал позже от Родзянко, что он говорил митрополиту о невозможности его знакомства с Распутиным, о коем идет слух, на что митрополит ответил уклончиво. После своего назначения я видел его довольно часто и любил бывать у него. Он тоже ко мне приезжал, относился очень ласково. Раньше он пользовался влиянием при дворе, и я слышал, что А. Н. Хвостов и Штюрмер часто бывали у него вместе с Распутиным. В мое время на царя имел влияние Шавельский (протопресвитер), а влияние митрополита, по неизвестным мне причинам, упало. Митрополит был защитником начала выборного духовенства от прихода и обеспечения такового от казны; эта реформа и мне казалась полезной. Она разрабатывалась в особой комиссии при синоде. Б. царь был согласен на обеспечение духовенства, но установление выборного духовенства находил несвоевременным (это было влияние Распутина). Предположения синодской комиссии в жизнь не прошли и в совете министров не рассматривались. Способ их проведения в жизнь по 87 ст. или 86 ст. также решон не был. В Гос. Думе я слышал, что митрополит был хорош с Распутиным и что это обусловило его выбор в петроградские митрополиты. До этого он был экзархом Грузии, свою епархию очень любил и там его любили. Вызов его секретаря (Осипенко, кажется) свидетелем по делу Мануйлова беспокоил митрополита. Он советовался со мною по этому делу. Я дать ему решительного совета не мог и ссылался на статьи закона, напечатанные на повестке. Был ли его секретарь на суде — не знаю, но более разговоров у меня с митрополитом по этому поводу не было. Причину своих опасений по случаю вызова его секретаря в суд митрополит объяснил нежелательностью разговоров о нем на суде. «Будут лишние разговоры»,—как он говорил. Я слышал, что Осипенко был дружен с Мануйловым, когда он был при Распутине, и они вместе кутили; я слышал также, что он берет взятки. Я ему подарил 100 рублей. Митрополита беспокоили газетные статьи против него. По его просьбе я говорил об этом с Плеве. Подобные статьи оказались запрещенными перечнем, которым и руководствовалась цензура. Я также находил, что бранных статей против

старого члена синода помещать нельзя без цензуры. Незадолго до процесса Мануйлова я был у митрополита вместе с Н. А. Добровольским. Митрополит и ему высказывал беспокойство по поводу того, что присутствие на суде его секретаря поведет за собою разговоры в обществе и печати. Добровольский успокоил его, говоря, что неприятных последствий из-за явки свидетелем его секретаря митрополиту не будет. Видел у митрополита Раева. Разговор тогда шел о реформе прихода, которой Раев был сторонником.

24. По делу ареста рабочих секций военно-промышленного Комитета я забыл показать, что не все депутаты были сразу арестованы (Гвоздев по болезни, других не нашли). После мне говорил Васильев, что Онисимов (кажется) выразил согласие отсидеть положенный срок и что надо будет принять меры, как это обыкновенно делается, для облегчения его участи (допустить побег или просить о помиловании). Сведения о движении будут доставляться департаменту, как прежде.

25. В связи с показаниями моими по делу Хвостова и моими предположениями, что оно находится в связи с распространением фальшивых денег в России и вспоминая отчет в расходовании 325 тысяч (кажется), который я видел при допросе своем, у меня является мысль, что на расходы по рабочему движению в его время тратились фальшивые деньги (там, помнится, показана цифра 130 тысяч руб.). В папке бумаг, переданной мною моему служащему Павлу Савельеву, о которой показываю в п. 16-м, находятся мои доклады царю, черновики моих писем к нему и к царице, письма Вырубовой и другие бумаги, а также несколько фотографий, снятых с Распутина после его убийства. Между ними есть мое письмо к царю — ответ или, вернее, разбор письма Г. Клопова, данного мне царем для прочтения и отзыва; главные положения моего письма составлены при помощи Гурлянда и пополнены мною; письмо касается своевременности экономических, а не политических реформ, отношений к Гос. Думе, оценки политического настроения в государстве, несвоевременности собраний, совещаний под председательством царя, говорится также об аресте рабочих депутатов военно-промышленного комитета и суде над ними, говорится, что жизнь укажет правильность этого шага; имеются также заключения о тогдашнем правительстве.

26. Список вновь назначенных членов гос. совета я видел раз у Вырубовой; этот список, предполагаю, был прислан царем царице для ее отзыва; я его не рассматривал и кандидатов царя, там поименованных, не знаю. Б. царь иногда советовался со мною относительно замещения вакантных министерских мест: так, я по его спросу и по совету Щегловитова, назвал Кульчицкого; знал о предполагаемом назначении от Беляева и Щегловитова.

27. В Петрограде товарищем городского головы был избран Демкин. Его долго не утверждали, так как он был в подозрении

по какому-то делу, — кажется, Французского банка; по предложению Анциферова, находившего его утверждение нужным для ведения городского дела, я на него согласился; последовало ли утверждение не помню.

28. При замещении вакантной должности крымского кади эскера было два кандидата — хан Карачайский и К... (фамилии не помню). За первого ходатайствовал губернатор Княжевич и по справке департамента духовных дел он имел больше прав; за второго просила б. императрица, Вырубова и муфти Заде. После справок кадием был назначен государем Карачайский по моему представлению.

29. С Мануйловым я познакомился либо у Белецкого, к которому ездил после его отставки, жалея его и предполагая, в случае его бедственного положения, устроить его в один из банков, — либо у Штюрмера, когда он при нем состоял. Предполагая издавать газету по совету М. М. Горелова, Мануйлову, как будущему сотруднику газеты, послал 3.000 р. аванса, о чем с ним лично условился. При его посредстве, М. М. Горелов предполагал купить машину, печатавшую казенную газету «Россия», но машина эта почему-то куплена не была. На его квартире был раз с визитом. Зная его близость к Штюрмеру, думал через него узнать о предстоящих переменах в правительстве, — в частности, в министерстве торговли, которым особо интересовался. Возвращаясь из заграницы, я был в Торнео встречен А. А. Стембо, одним из деятельных тогда работников по подготовке дела издания новой газеты. Он меня поставил в курс дела, как оно складывалось в мое отсутствие. Вскоре после ареста Рубинштейна, арестован был и Стембо, он сидел в псковской тюрьме и выпущен через 6 недель; причины ареста не знаю; после его ареста он более участия в подготовительных к изданию газеты работах не принимал, и я его видел, кажется, только раз.

30. а) Жандармский офицер севастопольского управления сообщил депешами министру внутренних дел и департаменту происходящие в этом городе события. Получив депешу об аварии с броненосцем «Императрица Мария», я эту депешу передал Григоровичу. Позже я узнал, что адмирал Колчак сместил нашего офицера за сообщение этого сведения, считавшегося секретным. Офицера мы перевели в другое место, в Севастополь же назначен был другой, по соглашению с адмиралом Колчаком. После этого случая получение сведений из Севастополя затруднилось, и они, хотя и поступали, но с опазданием, — например, сведение о несчастии с броненосцем «Екатерина II».

б) Телеграфная линия, соединяющая нас с Англией, и станция (не в Архангельске, а в другом месте — названия не помню) находились в заведывании военных властей. На станции случился пожар, и линия оказалась поврежденною. Сообщение с заграницею было

прервано. Чинами ведомства, вызванными для исправления, оно было произведено быстро, и через 3 дня телеграф мог передавать 25.000 слов в день (раньше передавал 50.000, и после полного исправления это было достигнуто). Я узнал об этом деле от Похвиснева, просившего разрешения наградить работавших там чинов ведомства. Причину несчастия не знаю; было предположено и злоумышление. Расследование вело военное ведомство и считало его секретным.

в) Государь вручил мне для разбора прошение, переданное ему его матерью (императрицей Марией Федоровной) и полученное ею от датских подданных, служивших в России на телеграфной сети датского общества в Петрограде. Они были удалены вследствие предупреждения, полученного от английского правительства. Они просили о возвращении их на службу или возмещения убытков. Прошение я передал Похвисневу. По разборе им дела доложил его царю. В просьбе датчан было отказано, исполнить ее оказалось нельзя.

г) Городской голова Москвы Челноков входил в совет министров и имел со мною разговор о передаче городу электрических освещения и энергии Общества 1886 г. в Москве. В совете министров явилась мысль сделать и казну участницею в предприятии, а не один город. Мысль эту поддерживали кн. Шаховской и я. Дело все же решения не получило.

д) Из Архангельска департамент полиции и министр получали сведения, но с опозданием и были не в курсе дел, а только происходящих событий; я получал донесения оттуда изредка; так, причина пожара, возникшего в Архангельске на пристани, где было много военных припасов и всякого рода товаров, была мне сообщена депешею, в которой говорилось, что предполагаемая причина пожара заключалась в особом составе, коим были натерты разгружаемые бочки, воспламенившемся при разгрузке. Так ли это — не знаю; сведения эти военное и морское ведомства считали секретными и вели расследование сами. В совете министров о нем докладов не было. Показания мои, изложенные в настоящем под № 30 пункте и литерами а, б, в, г и д, мне помнится, я представлял уже в письменном показании комиссии. Опасаясь все же допустить пропуска, я решаюсь их, может быть, и повторить, насколько они сохранились у меня в памяти.

31. В виду происходивших случаев неправильного распределения пленных в губерниях для сельских работ министерство внутренних дел старалось, насколько возможно, проводить в это дело порядок. Вспоминаю, что Н. Н. Анциферов мне сказал, что председатель управы, кажется, Харьковской губернии, удерживает пленных на работах земства не отпуская их на сельские работы и возводит дорого стоящие постройки. Я послал туда на ревизию кн. Андрея Ширинского-Шихматова, который, верну-

вшись, доложил мне, что там, действительно, происходит задержка пленных на строительных работах вместо сельских; эти неправильности были им указаны председателю управы, обещавшему изменить распределение. Отчет о ревизии Ширинского был направлен в главное управление по местному хозяйству. За короткое время до моего ухода пленные отпускались и в крестьянские хозяйства при снятии их, по постановлению совета министров, для надобностей министерств — торговли, путей сообщения или военного; брали пленных не от помещиков и крестьян пропорционально поровну, а раньше с крестьянских хозяйств, несмотря на заявленный со стороны представителей министерства внутренних дел протест и не различая мест, где урожай снят и где еще не убран.

32. Незадолго до революции государь, по представлению, кажется, Голицына, согласился назначить особо полномочного ревизора для проверки правильности отсрочек, даваемых лицам, подлежащим призыву, ибо почти все учреждения, частные и общественные организации и союзы допускали незаконные отсрочки. В разговоре с государем я высказал, что подобная поверка полезна. Ревизором был назначен Алексей Ширинский-Шихматов, не успевший начать своего дела в виду происшедшего переворота.

33. По делу снабжения Петрограда продовольствием и фуражом ко мне обратился Виткун, его направил ко мне Распутин. Виткун заявил, что у него закуплено много провианта и фуража, но что отправка его затрудняется отсутствием вагонов. Я предложил ему составить список станций, с коих он желает отправить товар, наименование такового и количество вагонов, говоря, что все необходимое будет у него куплено уполномоченным по продовольствию, если качество товара удовлетворительно. Я передал дело Виткуна Ковалевскому (заведующему продовольственной частью министерства внутренних дел), который с ним вел переговоры; позднее мы направили его в министерство земледелия. Виткун говорил, что, при приходе и разгрузке вагонов, в городе происходят злоупотребления: берут взятки; в потверждение своих слов он передал мне несколько ярлычков, выдаваемых, кажется, при назначении разгрузочных очередей. Дело это я передал Курлову, прося назначить дознание. Таковое было поручено Гагарину из департамента полиции, который и вел его, обнаружив виновность одного из членов комиссии по продовольствию, кажется, при градоначальстве. Дело при мне закончено не было, и продолжалось расследование. К Виткуну я посылал своего служащего Павла Савельева за списком товаров и за сведениями о их количестве по отдельным станциям; от последнего я слышал, что Распутин бывает у Виткуна, обедает иногда у него, и что Виткун человек богатый. Посылал, желая ускорить дело закупки нужных городу товаров. Теперь у меня является мысль, — не причастен ли Виткун к шпионажу. Прежде я этого, конечно, не думал, и оснований утверждать что-либо

подобное не имею; мысли эти явились у меня под влиянием узнанного уже в крепости. Мне также приходит в голову — не изменник ли Симонович и не был ли таковым Распутин? Подозреваю А. Н. Хвостова, Татищева, кн. Тарханову, Мануйлова (п. 9 настоящего показания), Мануса, Штюрмера, прежде этого не подозревал, а теперь невольно думается, — подозреваю фрейлину Никитину, кн. Андроникова (п. 20 настоящего показания), полковника Рязанова, — хотя положительных тому оснований не имею, также думается, — не знала ли Мануйлова Софья Лунц (п. 11 настоящего показания) и не видалась ли она в Копенгагене с Перреном, или кем другим, причастным к шпионажу, — хотя и это есть лишь предположение, здесь пришедшее мне на мысль.

34. А. И. Гучков считался человеком влиятельным в военной среде и сторонником перемены бывшего государственного строя. Царь особенно его не любил и общение с ним считал предосудительным. За Гучковым департамент полиции следил и о посещавших его лицах велся список. Донесение о посещении его генералом Гурко, полученное через агентуру департамента, было мною представлено царю; с царем же я имел разговор по поводу писем Алексеева к Гучкову и его ответов. Эти факты (письма Алексеева) были известны царю из другого неизвестного мне источника; знал ли он и о посещениях Гурко, не знаю; но царь, помимо департаментских сведений, имел сообщения, что я ранее также замечал. А. И. Гучков, по сведениям департамента полиции, ранее делал собрания военных (на Сергиевской, дом не знаю) и членов Думы; это было до меня, и я докладов царю по этому поводу не делал, но, как я предполагаю из его разговоров о Гучкове, он был в курсе дела.

35. От жандармского генерала Попова, временно командированного мною в распоряжение дворцовой охраны, лежавшей на ген. Гротене (в отсутствии Воейкова, помнится), я слышал, что среди офицеров и солдат стрелков императорской фамилии и, помнится, сводного батальона, стоявших в Царском Селе, существует возбуждение против б. царицы. Это я говорил ген. Воейкову и б. царице; не помню говорил ли я про это царю, но, кажется, говорил.

36. Когда стала предвидеться возможность революционного движения в Петрограде, согласно сведениям департамента полиции, я спросил градоначальника Балка, выработаны ли меры, которые надо принять для сохранения порядка (это было в декабре прошлого года или январе). Эти меры были двух родов: доставка продовольствия (шло через министерство земледелия), как мера предупредительная, и борьба с движением, если оно возникнет, помощью полицейской и военной охраны. Балк мне сказал, чтобы я не беспокоился по этому поводу, что у него на дому происходят сове-

щания под председательством Хабалова, где вырабатывается план распределения полиции и войск по полициймейстерствам с тем, что в каждом будет особый начальник военных частей. В основание плана принято распределение охраны, действовавшее в 1905 году, но, конечно, тогда войск было больше, теперь же приходится полагаться более на полицию, конную стражу, жандармов и учебные команды запасных батальонов. Всего около 12 тысяч человек, а в 1905 г. было более 60 тысяч, как я слышал. По поводу охраны я говорил также с ген. Вендорфом, пережившим движение 1905 года и, помнится, просил Курлова быть на совещании у Балка. Курлов там был, кажется, раз и больше не ездил, сказав мне, что там он лишний, и дело обойдется без его участия. От Балка я получил дислокацию полиции и войск на случай беспорядков; она предполагала меры сначала полицейские, затем войсковые. Составлена была на четыре дня, кажется. Эту дислокацию я представил царю, который ее у себя оставил. Позже я слышал от царя, что он приказал ген. Гурко прислать в Петроград части гвардейской кавалерии (помнится, улан) и казаков, но что Гурко выслал не указанные части, а другие, в том числе моряков (кажется, 2-го гвардейского экипажа), считавшихся менее надежными (пополнялись из фабричного и мастерового контингента). Царь был этим недоволен; я ему выразил удивление, как Гурко осмелился не исполнить его приказа? Настаивал ли государь далее на исполнении своего приказа — не знаю. Знаю, что, по приказу Хабалова, в Петроград прибыли казаки и какие-то военные части из окрестностей; кажется, была вызвана и артиллерия, в последний или предпоследний день революции, т.-е. 26 или 27 числа февраля. Каким образом была исполнена дислокация и меры, предпринимавшиеся для прекращения беспорядков, я знал только по телефонным сообщениям градоначальника или по своим справкам у ген. Хабалова. На прибывших моряков не надеялись; запасной батальон Литовского полка самовольно оставил казарму, отказываясь от стрельбы, и вернулся в казарму, уговоренный священником, вышедшим с крестом в руках к солдатам этого батальона, стоявшим на Марсовом поле. После 25 февраля военный министр Беляев тоже принимал участие, вместе с Хабаловым, в распоряжении действиями войск. О возникновении революционного движения и введения в действие войск я послал, через ген. Воейкова, телеграмму царю — в ставку. Я указал на позднюю выпечку хлеба и ложные слухи об отсутствии муки в Петрограде как на повод возникновения движения, сообщил, что полицейские и войска верно исполняют свой долг и что есть надежда, что движение прекратится. Царь ответил депешею ген. Хабалову (тоже известившему царя о революционном движении в городе), приказывая всеми мерами прекратить беспорядки, недопустимые во время войны. Депешу царя ген. Хабалов мне показал.

Думая о предстоящей после войны демобилизации, я предполагал, что ее надо проводить постепенно, чтобы в деревнях не скопился сразу недовольный элемент. По сообщению департамента полиции, в Австрии и Германии наших пленных нарочито революционизировали в особых школах. О возвращении их тоже думал с опасением, предвидя неизбежность беспорядков после войны. Думал о необходимости принятия мер, — одних, направленных к облегчению крестьянского хозяйства, как-то: волостное земство, мелкий кредит, раздача земельного банковского фонда и фонда земель, бывших у немецких подданных и колонистов, пенсии раненым и увечным; других, — направленных к прекращению беспорядков в случае возникновения таковых: думал о необходимости иметь в уездах, кроме стражников, еще особые команды из бывших на войне солдат под начальством таких же офицеров; производить обучение новобранцев, если таковые будут призваны, в местных уездных городах. Разработанного плана по этому вопросу не имел, о нем особо не задумывался и разработку его никому не поручал. Царю о необходимости осторожной и постепенной демобилизации говорил.

Штюрмер испросил в свое распоряжение у царя особый фонд в сумме 5 милл. рублей. В них он должен был отчитаться перед контролем. Слышал это от бывшего министра земледелия Наумова. На какую цель предназначался этот фонд — не знаю; знаю только, что он был в распоряжении председателя совета министров. Я слышал от В. В. Граве, что Штюрмер, когда был министром внутренних дел, временно затерял военный шрифт, потом он нашел его, но все же военному министерству пришлось изменить шрифт. Рубинштейн мне говорил, что Штюрмер проводит члена гос. совета Охотникова в министры финансов или земледелия и что Охотников будто бы готов заплатить за это Штюрмеру миллион рублей. Последнее я считаю сплетнею. О кандидатуре же Охотникова на его место я говорил Барку. От Рубинштейна или Гурлянда я слышал, что фрейлина Никитина будто бы роется в столе Штюрмера и читает находящиеся там бумаги. Гурлянд находил, что Штюрмер напрасно приближает к себе Никитину. Никитина приезжала ко мне один раз; знал я ее только по встречам у Штюрмера. Самойлова, чиновника особых поручений при нем, после ухода Штюрмера, я поместил вице-директором департамента общих дел. Я и Куколь находили его вполне достойным этого назначения. Куколь знал Самойлова по его службе в управлении по воинской повинности, я же оценил его, как большого работника и дельного человека за время, когда он вел производство по совещанию о дороговизне. Елизавета Владимировна Штюрмер предупреждала меня, что среди лакеев в доме министра внутренних дел есть сыщики департамента полиции, советовала их удалить. Я никого из прислуги не переменил. Я слышал, будто бы чиновник

особых поручений Андро ежедневно ездил к Штюрмеру передавать, кто у меня бывает и сведения о делах, кои он мог узнать. Я не придал этому веры и значения и, считая его полезным, оставил на занимаемом им месте.

В связи с новым пониманием мною значения дела о растрате А. Н. Хвостовым 1.300.000 р., а следовательно, и значения документов по этому делу, надпись Штюрмера на одном из отчетов этим суммам заставляет меня думать, что он в равной с Хвостовым мере причастен к этому делу.

Отчеты, которые были мне предъявлены следователем, мне кажутся теперь отчетами в расходовании фальшивых денег (об обращении таковых в стране я узнал уже будучи в крепости, как говорил в своих показаниях, ранее же я этого не подозревал). Отношения Штюрмера и Хвостова мне неизвестны, но я знаю, что Гурлянд был близок к обоим и, может быть, знает это. У меня является также подозрение, что занятые мною у графа Татищева под векселя 50.000 р. могут оказаться фальшивыми. Пачку денег, завернутую в бумагу и им мне переданную, я не развертывал.

После ухода Сухомлинова из министров я несколько раз был у него. Он жил на Торговой ул. № 12 потом на Офицерской № 53; я хотел оказать ему внимание, не веря в его виновность и памятуя его доброе отношение ко мне в бытность его министром. Я знал его и его брата еще во время моего пребывания в кавалерийском училище. Я всегда считал его человеком бедным и слышал, что деньги, которые широко тратила его жена, даны ей Манташевым. После своей отставки он жил скромно, но обстановка его квартиры была очень хорошая. Он сказал мне, что за долгую службу, успел скопить 50.000 р., которые были им даны Утину, игравшему для него удачно на бирже, и что теперь у него есть обеспечение на старость. Позже от С. Т. Варун-Секрета я узнал, что у Сухомлинова всего денег оказалось 600.000 р.

Я слышал от своего брата С. Д. Протопопова, что член продовольственной комиссии при градоначальнике — Фомин принимает муку от Г. Черяка (фамилии точно не помню) затхлую, дает ему, преимущественно перед другими, вагоны под груз и другие льготы. Действия комиссии, вообще, вызывали нарекания. Я говорил кн. Оболенскому по поводу нареканий на Фомина. Он за него заступался; я ему поверил, но не вполне; все же в то время я не распорядился расследовать это дело. Действия комиссии подверглись расследованию только по делу Виткуна, случившемуся вскоре после сообщения моего брата о действиях Фомина, — уже после ухода Оболенского. Расследование велось Гагариным и обнаружило виновность одного из членов комиссии, дело которого передано было следователю.

А. Протопопов.

27 июля 1917 г.

VIII.

В Чрезвычайную Следственную Комиссию.

Дополнительное показание.

[Иностранные займы на железнодорожное дело. (31 июля.)]

При предположениях о заключении американского займа в 1913 году гр. Коковцовым был условлен особый французский заем по 500 милл. фр. ежегодно, в течение 5 лет для нужд русского железнодорожного хозяйства. Первый взнос 500 милл. фр. был получен от французского правительства и распределен между обществами частных и казенных ж. д. На эти деньги были начаты работы по расширению сети, и даны заказы на улучшение подвижного состава, в расчете на дальнейшее получение денег по заключенному займу. С объявлением войны Франция не могла уже внести последующие обусловленные взносы, и начатые работы остановились за неимением денег. Частные железные дороги воспользовались своими кредитами в частных банках и исчерпали их. Оказался недостаток в деньгах и в банках, и в кассах правлений железных дорог. Возникла мысль: выпустить $4^1/_2{}^0/_0$ золотой облигационный заем, обеспеченный имуществом частных железных дорог, гарантированный правительством, и передать облигации в частные банки на покрытие таковых долгов частных железнодорожных обществ. Частные банки заложат облигации в государственном банке в сумме выданных под эти облигации ссуд частным дорогам, и таким образом вернут себе выданные деньги; у железных дорог окажутся свободные кредиты в частных банках, а в этих последних накопятся деньги, и понизится учетный процент, что повлияет на курс рубля. Заложенные облигации в государственном банке будут числиться на счету частных банков. Синдикат таковых выдаст обязательства на определенную сумму американскому банковому синдикату и в обеспечение этого обязательства передадут свидетельства государственного банка на нахождение на их счетах в нем $4^1/_2{}^0/_0$ золотых облигаций железнодорожного займа в распоряжение американского синдиката. Полученная банками американская валюта передастся в распоряжение правительства; частные банки получают условный за эту операцию комиссионный процент.

А. Протопопов.

IX.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Прошение.

[Неспособность к связному изложению. Просьба указать требования комиссии. (12 августа.)]

С того времени, как вам угодно было предложить мне письменно изложить свои показания, я старался это исполнить. Мне это не удалось. Понимаю теперь, что ведал делом, которого не знаю. Устройство и задачи частей министерства мне известны лишь самым поверхностным образом. Изложив случившийся факт, я после вспоминаю подробности, о которых забыл упомянуть. Излагая данное мною указание бывшим своим сотрудникам, я вспоминаю их слова, вдумываюсь в них и невольно впадаю в область предположений, совершенно меняющих смысл происходившего. Не знаю, верны ли мои предположения; скрывать их все же считаю для себя не вправе. Прихожу к выводу, что письменно изложить все свои показания связно я не могу.

Опасаясь дальнейшим промедлением возбудить ваше неудовольствие, я решаюсь обратиться к вам с усердною просьбою указать мне, что я должен сделать.

А. Протопопов.

X.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Прошение.

[Просьба о дополнительном допросе по делу А. Н. Хвостова. (14 августа.)]

После последнего допроса моего судебным следователем М. М. Завадским, по делу А. Н. Хвостова, я вспомнил серьезные обстоятельства, относящиеся к этому делу. Они составляют мою крупную служебную вину.

Покорно прошу вас, господин председатель, не найдете ли вы возможным сделать распоряжение допросить меня.

А. Протопопов.

XI.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание.

[Ключи от министерского стола. Документы по делу А. Н. Хвостова. Заем 50.000 руб. у В. С. Татищева. Фальшивые деньги. Слухи о письмах Вырубовой и б. царицы. (14 августа.)]

А. А. Хвостов передал мне в кабинете дома министра внутренних дел военный шифр, документ по делу А. Н. Хвостова и 2.000 руб. Военный шифр и 2.000 руб. я запер в несгораемом шкафу. Документы по делу А. Н. Хвостова положил в правый ящик письменного стола, который запирался особым ключом. В левом ящике стола я оставил дубликаты ключей от несгораемого шкафа. Левый ящик запирался обыкновенным ключом. Ящики стола я запер. Ключ от несгораемого шкафа и письменного стола взял с собою на квартиру (Кирочная ул., д. № 43/13) и положил их в свой письменный стол, который я не запер. 22 или 23 сенбря я приехал в дом министра внутренних дел. При приезде мой служащий, Павел Савельев, вместе с вещами с моего письменного стола из его ящика взял и ключи от несгораемого шкафа и письменного стола в кабинете министерского дома и уехал в дом министра. Я приехал несколькими часами позже. В. В. Граве передал мне ключи от левого ящика письменного стола, стоящего в кабинете министра, и сказал, что он там запер ключи, взятые им у Павла Савельева. В этом ящике ключи лежали все время, пока я занимал должность. Ключ от ящика я обыкновенно имел с собою, иногда забывал запирать ящик. А. А. Хвостов, передавая мне ключи, говорил, что он имел их всегда при себе, что до него бумаги и документы хранились небрежно, вследствие чего по его распоряжению у правого ящика сделан особый замок.

Я не помню, чтобы А. А. Хвостов, передавая мне документы по делу А. Н. Хвостова, передал бы мне в их числе счет на 400 т. р. Я помню почти наверно, что было всего два документа: пол-листа писчей бумаги, сложенной пополам, наверху был написан заголовок:

счет расхода 980 т. р. (точного текста не помню), сбоку была надпись «на подлинном рукою министра А. Н. Хвостова надписано: «доложено е. и. в.». Эта надпись была подписана В. В. Писаренковым. Более на этом документе, кроме заголовка и надписи сбоку, написано ничего не было. Второй документ был отчет в израсходовании 320 т. р. Он был написан на целом листе писчей бумаги, содержал перечень фамилий с обозначением, сколько кому дано денег (из фамилий помню Замысловский, Марков, не наверно помню — Крупенский, Барач, Алексеев). Кажется, этот отчет не был никем подписан. Других документов, насколько помню, не было. 29 сентября 1916 года я был вызван в ставку, где доложил царю свое мнение о том, что дело о растрате денег А. Н. Хвостовым следовало бы не поднимать. Между 22 и 29 числом сентября, я говорил с Писаренковым по поводу документов А. Н. Хвостова, они были те же и лежали в левом ящике стола на том же месте. Писаренков сказал мне, что подлинные документы у А. Н. Хвостова, что он ничего по этому делу не знает; помнится, сказал, что деньги получены Хвостовым на подготовку выборов в Государственную Думу. Сказал, что других документов по этому делу у него нет.

Документы я положил обратно в правый ящик стола, где они и лежали до тех пор, пока я не дал их гр. В. С. Татищеву. Ему я дал те же документы, которые получил от А. А. Хвостова и рассматривал с Писаренковым. Какие документы я от него получил, — я не рассматривал, никакого подозрения у меня не было. Помнится, я дал ему документы утром. Он мне их возвратил, либо в тот же день вечером, либо на следующий день утром. На мой вопрос «куда бы их положить», Татищев мне сказал: «Отдай их жене на хранение, я всегда так делаю». При этом разговоре, помнится, были Носович и Б. И. Григорьев, секретарь министра внутренних дел. Я подумал, что последую совету Татищева. Документы пока положил в левый ящик стола, запер ли я его — не помню. Отдавая документы жене, я вскользь заметил на первом листе подпись А. Н. Хвостова, чего на прежних документах не было, но тогда я не вдумался; теперь подозреваю, что гр. В. С. Татищев отдал мне не те документы, которые от меня получил. Говорил ли мне А. А. Хвостов, передавая документы по делу А. Н. Хвостова, что деньги взяты А. Н. Хвостовым для подготовки выборов в Государственную Думу — я не уверен, но, помнится, он это говорил.

В. С. Татищев был в Петрограде по случаю суда над И. Ф. Мануйловым. По окончании процесса В. С. Татищев уехал обратно в Москву, где жил постоянно. Незадолго до его отъезда я у него попросил взаймы 50 т. р. Говорил ли я Татищеву, что эти деньги мне нужны, чтобы дать их царице, согласно ее просьбе, в виду ее желания обеспечить семью Распутина, я не помню. Вскоре В. С. Татищев принес мне 50 т. р. и два векселя по 25 т. р. каждый; векселя я подписал. Я поблагодарил его за

исполнение моей просьбы, он мне ответил, что я ему сделал великое одолжение, и что он неоплатный мой должник и что я ему могу уплатить эти 50 т. р. когда хочу — срока не назначает; векселя он передает на хранение своему сыну, который, в случае его, графа В. С. Татищева, смерти, либо мне их вернет, либо сожжет. Я ответил, что этого не надо, что я, конечно, оплачу эти векселя, хотя, может быть, и не сразу; что я ничего особого для него не сделал; на это он сказал: «Ну, уж это я знаю, а может быть, и ты знаешь». Я тогда думал, что он благодарит меня за мои переговоры, по его просьбе, с Белецким о деле Мануйлова; теперь я думаю, что он благодарил меня за то, что я давал документы по делу А. Н. Хвостова. Я сказал В. С. Татищеву, что из 50 тысяч руб. «часть дам в Царское», а часть «истрачу на покупку хлеба для рабочих». (Я думал дать взаймы министерству на покупку муки для лавок т-ва Беляевой.) В. С. Татищев мне ответил: «Девай, куда хочешь; деньги твои». При этом он упомянул, что он дал первые 15 тысяч руб. на устройство Серафимовского лазарета (или «убежища» — не помню), «когда дело только начиналось, только еще строилось». Я слышал от гр. Татищева, что в Царском у него доверенным состоит Николай Иванович Решетников, что граф Я. С. Ростовцов — его родственник.

Подозревая теперь, что Распутин возил бывшей царице и Вырубовой фальшивые деньги и что на фальшивые деньги содержался Серафимовский лазарет, мне приходит мысль, что 15 тысяч руб., о которых упомянул гр. Татищев, могли быть тоже даны фальшивыми деньгами; и не фальшивыми ли деньгами он дал мне те 50 тысяч руб., которые принес, получив их, как он мне сказал, со своего специального счета, под залог процентных бумаг. Кроме подозрений, у меня нет основания говорить о прикосновенности гр. Татищева к фальшивым деньгам.

По кулуарным слухам, А. Н. Хвостов говорил членам Государственной Думы, в бытность свою министром внутренних дел, что у него есть письмо А. А. Вырубовой, передавшей ему высочайшее повеление (какое, не знаю); что существует письмо царицы к принцу Генриху Прусскому; что Хвостов показывал фотографии Распутина в разных видах. Я говорил про эти слухи в присутствии М. М. Горелова и врача Евгении Ильинишны Дембо. На вопрос Дембо, что же я думаю делать, по поводу слухов о письме царицы к Генриху, я ответил: «Царица, может быть, и написала ему, неудивительно, — ведь он ей родственник». Про эти слухи я говорил А. А. Вырубовой и Б. В. Штюрмеру.

Введено между строк: «я», «всего», «и 29 числом», «Серафимовский», «даны», «правым».

А. Протопопов.

XII.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание.

[Сообщение о 50.000 руб., сделанное Протопоповым А. Ф. Керенскому при аресте. Письмо Мануйлова к Штюрмеру с проектом устройства особой разведки. Разговоры с Распутиным о политических событиях. Подготовка назначения Щегловитова председателем государственного совета. Просьба Маркова 2 об увеличении субсидии. Разговор с ним о равноправии евреев. Поездка С. Г. Лунц в Копенгаген. Уплата ей жалованья. Просьбы евреев о разрешении им права жительства в столице. Дело о продаже С. Г. Лианозову прав на каменноугольные земли. Шифлер. (16 августа)]

1) 27 февраля с. г. я пришел в Государственную Думу, где был арестован А. Ф. Керенским. Я передал ему ключ от ящика от рабочего письменного стола в кабинете министерского дома и сказал, что в ящике лежит ключ от несгораемого шкафа, в котором находится военный шифр и 50.000 руб., принадлежащие В. С. Татищеву. Тогда я не подозревал, что Татищев, может быть, дал мне фальшивые деньги; при этом я оговорился, — следовало сказать: «которые я занял у Татищева», теперь, когда это подозрение у меня явилось, я считаю себя обязанным на свою оговорку обратить внимание г.г. членов Следственной Комиссии. Деньги, которые передал мне Татищев, были завернуты в газетную бумагу и перевязаны веревочкой, я их не развертывал и не считал. Судя по величине пакета, он мне принес 50 тысяч руб. не крупными ассигнациями.

2) Разбирая бумаги, оставшиеся после А. А. Хвостова, я нашел в правом ящике рабочего письменного стола, в кабинете, письмо Мануйлова к Б. В. Штюрмеру и проект Мануйлова об устройстве особой разведки. В своем письме Мануйлов говорит, что Штюрмеру, как председателю совета министров, необходимо быть широко осведомленным во всем происходящем. Предлагает ему для этого устроить при председателе совета министров особую постоянную разведку, состоящую всецело в его распоряжении. Проект устрой-

ства таковой он предлагает на усмотрение Штюрмера; говорит о своей ему преданности, указывая, что представленный проект является следствием таковой. Самого проекта я не читал, письмо же прочел без особого внимания. И. Я. Гурлянд мне говорил, что Мануйлов представил Б. В. Штюрмеру проект особой при нем разведки, надеясь сам ею заведывать. Подробностей я не расспрашивал. Гурлянд бранил Мануйлова, называл его взяточником и мошенником, осуждал Штюрмера за его близость к Мануйлову. Проект Мануйлова и его письмо к Штюрмеру я оставил в правом ящике стола, где они находились все время, пока я был в министерстве. Я получил от Мануйлова письмо, в котором он просил меня во время следствия по его делу запретить печати бранить его. Письмо я оставил без ответа. Просьбу его не исполнил. Письмо положил в правый ящик стола.

3) Е. В. Сухомлинова обратилась ко мне по телефону с аналогичною просьбою. Я обратил внимание сенатора Н. В. Плеве, ведавшего вопросами цензуры, на нежелательность бранных газетных заметок про В. А. Сухомлинова.

4) Я часто высказывал Распутину свое мнение по поводу происходящих политических событий. Я желал, чтобы через него мои слова доходили до царя и царицы. От Распутина я знал об их настроении, предстоящих переменах в составе правительства, получал и другие сведения, которые меня интересовали. В начале декабря я говорил ему про оппозиционное настроение в государственном совете. Около 10 декабря 1916 г. я слышал от Распутина, что И. Г. Щегловитов будет назначен председателем совета министров вместо А. Ф. Трепова, которого уволят. Я поехал к Щегловитову и сказал ему, что он скоро получит предложение быть либо председателем совета министров, либо председателем государственного совета. Спросил его, какое из двух назначений он бы предпочел?. Поступил я так, чтобы знать, какой доклад сделать царю о Щегловитове и чтобы сблизиться с ним заранее, до его назначения. Щегловитов мне сказал, что в председатели совета министров он не пошел бы, но что быть председателем государственного совета — его мечта; что это будет его последняя служба царю и родине; указал на трудность предстоящей работы в виду охватившего совет либерального настроения, что для создания вновь правого большинства надо, по крайней мере, 15 голосов; я высказал ему надежду, что он получит желаемое им назначение. Дня через три Распутин говорил со Щегловитовым по телефону. Разговор, как мне сказал Щегловитов, касался его назначения. При докладе царю я сказал, что необходимо восстановить правое большинство в государственном совете, для чего правым надо прибавить 15 голосов; что блок большинства Государственной Думы и государственного совета фактически создаст однопалатную систему, что Куломзин болен и не умеет остановить резких выступлений некоторых

членов в совете, что в переживаемое время нужны такие люди, как И. Г. Щегловитов. Царь ответил, что он уже думал о Щегловитове, который стал в последнее время мягче, чем был. Я сказал, что я тоже это заметил. Царице, которой я часто вкратце рассказывал свои доклады царю и полученные указания, я тоже сказал о Щегловитове. К январю 1917 г. он был назначен председателем государственного совета. Я советовал ему представиться царице и получить ее доверие, говорил, что он оценит ее ум и характер и ее влияние на царя, говорил, что она опора правых. Щегловитов моему совету последовал, царица отнеслась к нему хорошо. Я говорил ему, что надо бывать у Вырубовой. Был ли он у нее — не знаю. По моей просьбе, Щегловитов провел Куколь-Яснопольского в члены государственного совета. Куколь назвал Щегловитова головою «правого» дела, а про меня говорил, что я стал «сердцем» этого дела. Царь однажды спросил меня, с кем я чаще всего советуюсь о делах? Я ответил, что со Щегловитовым. Царь сказал: «Это хорошо, он человек опытный и большой государственной мудрости».

5) Н. Е. Марков, говоря мне о недостаточности получаемой им субсидии, просил сказать царю, пусть он возьмет 500 тысяч из военного фонда, тогда можно будет что-нибудь сделать. Я отказался передавать царю этот совет. Увеличить субсидию я тоже сказал, что не могу. То, что дается, должно поддержать кадры монархического союза, а когда придет время и надо будет бросить деньги сразу в то или иное место, тогда посмотрим, — можно будет испросить новую ассигновку, даже в миллион рублей. Я сказал Маркову, что ни он, ни я прежде не думали, что настанет время, когда мы будем единомышленниками. Серьезно ни об ассигновке в миллион рублей, ни о своей крайней правизне я не думал, — сказал это, чтобы сказать Маркову приятное.

Марков говорил, что правых беспокоит мое желание дать евреям равноправие. Я ему сказал, что беспокоиться нечего, что я хочу сделать это постепенно, что пускать их теперь в деревню не считаю возможным, но что пересмотр еврейских законов считаю нужным, что дать им некоторые льготы тоже необходимо.

6) К показанию своему о С. Г. Лунц должен добавить, что весною 1916 г. она обратилась к В. В. Лысогорскому с просьбой разрешить ей выезд заграницу. Она хотела ехать к своему мужу в Копенгаген, где он служил в коммерческой конторе (названия не знаю), разрешение ей дано не было. Она просила меня поддержать ее просьбу. Я это сделал. Лысогорский мне сказал, что он и сам думал выдать ей заграничный паспорт, а после моей просьбы сделает это с удовольствием. В марте или апреле С. Г. Лунц выехала заграницу. Она вернулась осенью вместе с мужем. Г-жа Лунц была знакома с Д. Л. Рубинштейном. Я познакомил ее с Карауловым, который, по моей просьбе, два раза отвозил ей по 250 руб. жалованья, которое я ей платил, как агентше по общественной разведке,

хотя еще о своем намерении дать это поручение я ей не говорил. Говорил ли ей об этом П. Г. Курлов — я не знаю.

7) Около 20 февраля с. г. В. В. Лысогорский мне сказал, что, получая прошения евреев о разрешении им права жительства в Петрограде с моею надписью «разрешить», он им дает просимое разрешение, не сообщая, как он выразился: «туда». Я тогда же понял, что он намекает либо на особый отдел генерального штаба, либо на контр-разведку; точно не знаю и теперь, куда надо было сообщить, но ничего ему не сказал и не спросил объяснений.

8) К своему показанию по делу продажи мною С. Г. Лианозову прав на каменноугольные земли, арендованные кн. М. М. Мышецким и К°, я должен добавить следующее: А. Н. Кодзаев был мною назначен начальником отделения в департамент духовных дел. Раньше он был директором реального училища в гор. Никольске, Вологодской губ. Он пять лет имеет мою доверенность и вел за меня переговоры по продаже дела кн. Мышецкого и К° Лианозову. Дело это предполагалось акционизировать, я обещал Лианозову участвовать в деле и после его акционизации. Приняв назначение, я вышел из дела Мышецкого-Лианозова, поручив все расчеты за меня Кодзаеву. В декабре дело было куплено Лианозовым. Кн. Мышецкий и К° получил с Лианозова 100.000 руб. Мою часть из этой суммы — около 28 тысяч—Кодзаев передал мне в декабре 1916 г. и январе с. г. Никаких договоров с Лианозовым у меня не заключено, и о моем отказе участвовать в деле Лианозов поставлен в известность через Кодзаева. Что сделано после получения мною своей части прибыли от продажи, — я не знаю. Судьба дела мне неизвестна. В том же показании я говорю о Шифлере, выступившем комиссионером в деле продажи прав на аренду кн. Мышецкого и К° Лианозову. В. П. Носович мне сказал, когда в июле 1916 г. увидел Шифлера у меня, что он подозревается в шпионаже и причастен к делу В. А. Сухомлинова; советовал мне не быть с Шифлером в общении. Не желая расстроить дела, я все же допустил Шифлера комиссионерствовать. Видел его четыре или пять раз по этому делу. Будучи уже в министерстве внутренних дел, я видел у бывшего министра юстиции Н. А. Добровольского картограмму лиц, окружавших В. А. Сухомлинова и заподозренных в шпионстве. В их числе был и Шифлер.

А. Протопопов.

XIII.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание.

Возвращение из заграницы в 1916 г. и планы о занятии административного поста. Хлопоты перед Штюрмером. Собрания и беседы у Бадмаева. Вопрос о выборе в Гос. Думу. Совет Бадмаева Распутину провести Протопопова и Курлова в члены правительства. Первая аудиенция Протопопова у б. царя в Могилеве. Благоприятное впечатление, произведенное Протопоповым, и царская благодарность Распутину за рекомендацию Протопопова. Переговоры Протопопова с Курловым в ожидании назначения. Участие Распутина, его деловые советы в продовольственных вопросах. Знакомство с Андрониковым. Ежемесячные платежи денег Распутину. Беседа со Штюрмером о назначении Протопопова и подборе товарищей министра. Посещение Гос. Думы. Приказ о назначении Протопопова управляющим министерством внутренних дел. Отношение М. В. Родзянки к назначению Протопопова. Климович. Васильев. Вступление в управление министерством и начало работы Протопопова. Телеграмма по поводу реквизиций и секвестров. Ознакомление Протопопова с составом и задачами министерства внутренних дел. Земства. Положение губернаторов. Повышенное настроение населения. Заботы по поднятию значения министерства внутренних дел. Продовольственное дело и вопрос о передаче его в министерство внутренних дел. Содействие Распутина. Доклад Протопопова царю о вступлении в должность. Первый доклад у б. царя. Забота об укреплении власти губернаторов. Протопопову поручено заниматься продовольственным делом. Курлов. Растрата А. Н. Хвостова. Вопрос царя о Распутине. Знакомство с б. наследником. План А. Н. Хвостова об отравлении Распутина. Протопопов у Штюрмера по возвращении из ставки. Записка Протопопова об укреплении власти губернаторов. Циркуляр о правах губернаторов и о привлечении к ответственности за допущение и произнесение речей оппозиционного характера. (21 августа.)]

В начале июля 1916 г., после моего возвращения из заграницы, где я был в качестве члена делегации законодательных учреждений, посетившей союзные страны, я стал надеяться, что мое желание быть назначенным на административный пост близится к своему осуществлению. Я знал, что наши послы: в Лондоне — гр. Бенкендорф, в Париже—А. П. Извольский, в Риме—М. Н. Гирс—

сообщают министру внутренних дел все подробности о пребывании делегации заграницей; не сомневался, что они упоминают о моей деятельности, которую, как они мне говорили, они считали полезной. Я надеялся, что благоприятные обо мне сведения дойдут и до царя, и тогда Распутину легче будет исполнить свое обещание провести меня в члены правительства. В возможности быть назначенным на пост председателя совета министров я очень сомневался, хотя Распутин и говорил, что он «постарается» этого «добиться»; надеялся, что может быть мне предложат министерство торговли, хотя я принял бы и должность товарища министра, если бы получил такое предложение. В Государственной Думе давно ходили слухи о том, что кн. Шаховской будет уволен и, как о кандидате на место Шаховского, М. В. Родзянко говорил царю обо мне. Генерал Шуваев также отозвался царю с похвалою о моей деятельности по комитету суконной промышленности. Я надеялся, что Б. В. Штюрмер согласится представить мою кандидатуру на пост министра торговли и хотел заручиться его расположением. Старался это сделать через И. Ф. Мануйлова и И. Я. Гурлянда, близость которых к Штюрмеру была мне известна. От Мануйлова я слышал, что Штюрмер не доволен кн. В. И. Шаховским и думает обо мне, как о его заместителе. Я просил И. Ф. Мануйлова поддержать меня перед Б. В. Штюрмером и сообщить мне результат. Гурлянд не отрицал намерения Штюрмера провести меня в министры торговли, но не очень меня обнадеживал. Е. В. Штюрмер лично мне сказала: «Почему бы вам не быть министром торговли?» Я ей ответил: «Протекции у меня нет, может быть вы пожелаете мне помочь». Хотя она не продолжала разговора, но я подумал, что она сказала это по поручению своего мужа, чтобы узнать мой ответ. Я говорил Распутину о своем желании быть министром торговли, но заметил, что это ему не особенно нравится, позже я узнал об его дружбе с кн. Шаховским.

У Бадмаева обыкновенно собирались П. Г. Курлов, Распутин и я. Иногда приезжали с его мызы и члены семьи П. А. Бадмаева. Разговор часто касался дороговизны и продовольственного кризиса, как причин растущего недовольства населения. Я высказывал свое мнение, что к борьбе с дороговизной и продовольственным кризисом должны быть призваны торговые люди и банки, что чрезмерный рост цен есть следствие малой производительности русской промышленности и отсутствия конкуренции, а не самостоятельное явление, находил вредным для дела применяемую в широких размерах и в отношении многих предметов торговли и промышленности систему реквизиции, секвестров и запрещений вывоза, которая убивает частную инициативу и озлобляет производителя и торговца. Разговор иногда касался и предстоящих выборов в Государственную Думу. Все высказывались за необходимость достигнуть выбора возможно наиболее благонадежного (консервативного)

большинства Государственной Думы. Я находил, что в Государственной Думе и в государственном совете почти нет представителей торговли и промышленности и банков, что этот класс должен готовиться к предстоящим выборам и должен провести в законодательные учреждения человек 50—80 своих представителей, для этой цели я предполагал возможным устроить «центральное выборное бюро» в Петрограде, которое могло бы войти в переговоры и заключить соглашение с правительством. На расходы по выборам банки и торгово-промышленный класс могли бы предоставить в распоряжение бюро от 2-х до 3-х милл. руб. В точности назначения этих сумм я себе не представлял, думая о расходах на печать, агитацию, разъезды агентов, устройство собраний, покупку цензов, может быть на подготовку голосов. Опорными выборными ячейками служили бы отделения частных банков в провинции; их число, помнится, около 1.200; их сила — частный кредит и учетная вексельная операция. Представители купечества и банков могли бы заменить в Государственной Думе часть представителей от духовенства; я находил их число слишком значительным и думал, что его следует уменьшить.

Бадмаев очень советовал Распутину провести меня и Курлова в члены правительства; говорил, что «это будет польза царю, хорошо и ему», что ему надо иметь в правительстве людей, которые его любят, как я и Курлов. Распутин ответил: «я это понимаю; как-нибудь устроим». Бадмаев также указывал, что царь не сделает ошибки, если назначит меня председателем совета министров; что моя привычка вести собрания и мой характер дадут мне возможность объединить совет; участие в будущей газете создаст опору в прессе, а звание члена Государственной Думы — возможность совместной с нею работы; что за мною пойдут коммерческий мир и банки, и я сумею правильно направить борьбу с продовольственным кризисом и дороговизною. Распутин соглашался. Я говорил Бадмаеву, что все же не верю в возможность своего назначения на пост председателя совета министров. Бадмаев ответил, что верит в силу и влияние Распутина на царицу и царя и раз он этого желает, то и добьется. Распутин все наши разговоры передавал царице и царю, — что нам и говорил.

19 июля 1916 г. я был первый раз принят царем в особой аудиенции, которая была мне испрошена С. Д. Сазоновым и Б. В. Штюрмером. Я представлялся царю в г. Могилеве, в царской ставке. Доложил ему про прием, оказанный делегации от законодательных учреждений в Англии, Франции и Италии, а также свой разговор в Стокгольме с Варбургом и общее впечатление о настроении и силах наших союзников. Доклад длился около 2-х часов. После доклада царь пригласил меня к обеду. Я чувствовал, что он остался доволен моим докладом. После моего возвращения из Могилева я был у Бадмаева, которому рассказал

про ласковый прием, оказанный мне царем. Он мне сказал, что уже знает это от Распутина, что царь сообщил царице о благоприятном впечатлении, которое я на него произвел; говорит, что я вовсе не октябрист, а свой — правый, и приказал царице благодарить Распутина за то, что он меня рекомендовал. Распутин говорил также и мне, что теперь я скоро получу назначение, что сразу председателем совета министров я не буду, что временно я получу министерство, — какое он мне сказать не мог. Я предполагал, что получу министерство торговли или земледелия или министерство внутренних дел. Говоря об этом с П. Г. Курловым, я высказал нежелание итти в министерство внутр. дел. Он ответил: «Напрасно, почему бы тебе отказываться». Я сказал, что чувствую себя неподготовленным, и пойду только, если он будет моим товарищем и обещает мне помогать. Он ответил согласием, добавив, что его желание быть командиром отдельного корпуса жандармов, который также имеет права товарища министра. Я обещал Курлову устроить его назначение, если буду иметь возможность. Курлов говорил, и я тоже думал, что председатель совета министров должен одновременно быть и министром внутренних дел или иметь на этом месте своего друга, иначе положение председателя совета министров будет непрочно. Я говорил Курлову, что, если я не пройду в председатели совета министров, то проведу его в министры внутренних дел. Я предвидел, что назначение Курлова будет встречено враждебно Государственной Думой, понимал это и Курлов, однако мы оба надеялись, что Дума примирится с ним, когда ближе его узнает и увидит, что он честно и усердно работает. В конце августа я уехал из Петрограда, прося Курлова: «побереги мои интересы, которые стали близки и тебе». Курлов понял, что я прошу его продолжать хлопоты, через Бадмаева и Распутина, о моем назначении, в котором мы оба стали заинтересованы. Я просил Курлова известить меня, если мне надо будет приехать. В начале сентября я получил две телеграмы: одну от Курлова П. Г. — «приезжай скорее», другую от кн. М. М. Мышецкой — «будешь назначен, не на торговлю, а внутренние дела». Приехав в Петроград, я узнал, что Курлов послал мне телеграмму по поручению Распутина, а кн. Мышецкая предположение о моем назначении узнала от кн. Тархановой; думаю, что последней сообщил Симонович, который вел дела Распутина и часто бывал у него. Распутин мне сказал, что министр внутренних дел А. А. Хвостов уходит и что я буду назначен на его место, что я должен обратить особое внимание на продовольственный вопрос, главное в Петрограде, где народ волнуется; что я должен успокоить царя, сказать ему, что постараюсь это дело исправить. Я поблагодарил Распутина за то, что он для меня сделал, сказал, что для Петрограда надо достать большое количество продуктов, о чем я войду в переговоры с банками и хлеботорговцами, и обещал поду-

мать, как улучшить способы распределения продуктов. Распутин сказал, что надо принять меры к уменьшению «хвостов» перед лавками, т.-е. достичь уменьшения количества людей, ожидающих очереди, советовал устроить в лавках сквозные проходы и заранее развешивать и подготовлять продукты для отпуска покупателям. Я сказал, что эти распоряжения надо будет сделать, что это лежит на обязанности градоначальника, — кн. Оболенский же мало распорядителен. Ко мне приехал С. П. Белецкий, чтобы поздравить с ожидаемым назначением. Он просил позволения прислать ко мне кн. М. М. Андроникова, который желает со мною познакомиться; советовал принять его; говорил, что если я его обижу отказом, Андроников непременно сделает мне вред: «наклевещет в Царском»; если же немного приласкать его, он может быть «очень полезен». Я просил Белецкого передать Андроникову, что я буду ожидать его посещения. Он был у меня на следующий день. Говорил о своих добрых отношениях к А. А. Макарову и другим министрам, о том, что пишет царю письмо, доводя до его сведения то, что ему другие не скажут; посылает ему свою газету (кажется: «Русский Гражданин»), в которой пишет правду про министров и сильных мира сего, ничуть не стесняясь, что он ничего не ищет и ни от кого не зависит. Просил позволения, после моего назначения, поднести мне икону, как он делает, обыкновенно, при назначении министров. (После моего назначения, он мне прислал икону спасителя.) Андроников производил впечатление человека умного, очень приятного собеседника, но чувствовалось его желание ослепить, запугать, забрать в руки. Он пробыл у меня часа два. Уехал очень довольный. Позднее, уже будучи министром, я, по просьбе Андроникова, дал ему свою фотографию с надписью; пометил ее: «15 сентября 1916 г.», сделав это из боязни отказать Андроникову в его просьбе и, в то же время, не желая показывать свое знакомство с ним, которое я вел после своего назначения. Я поехал к С. П. Белецкому и спросил его, сколько он платил Распутину, когда был товарищем министра внутренних дел. Белецкий мне ответил, что платил 1.000 р. ежемесячно. Кажется, я сказал Белецкому, что буду платить столько же. Через несколько дней, я сказал Распутину, что буду давать ему 1.000 р. в месяц на его расходы. Он мне ответил: «Ну, это все равно; это неважно». 1-го и 15-го числа каждого месяца я платил ему по 500 р., либо лично, либо посылал со своим служащим Павлом Савельевым. Всего я дал Распутину 3.500 р. из собственных моих средств.

Кажется, 16 сентября, Б. В. Штюрмер, приехав из ставки, пригласил меня вечером к себе. Он сказал мне, что в числе кандидатов на пост министра внутренних дел он назвал и мою фамилию, что государь на ней остановился, затем Штюрмер спросил меня, согласен ли я принять назначение. Я ответил, что ослушаться царя не могу, но опасаюсь, сумею ли справиться с делом; спросил

Б. В. Штюрмера, будет ли он помогать мне и имеет ли он ко мне доверие. Штюрмер ответил, что, конечно, всегда готов помочь мне и дать совет, что питает ко мне доверие и что к делу я привыкну; надо только подобрать хороших товарищей, так как ни кн. Волконский, ни Степанов не годны. Первый годен лишь для представительства, второму же верить нельзя — подведет, а кроме того выпивает. Штюрмер очень советовал мне его заменить: рекомендовал на его место кн. Оболенского (бывшего харьковского губернатора, назначенного мною позже в Ярославль; затем он заведывал делами «совещания о дороговизне» при Б. В. Штюрмере), говорил, что я, вероятно, слышал, как Климович и Степанов его подвели, даже не предупредив с арестом Мануйлова, что Климовича, как совершенно не терпимого человека, он уже убрал, при чем настоятельно советовал заменить и Степанова. Я понял слова Б. В. Штюрмера так, что если я не уволю Степанова, то Штюрмер сам примет меры. Я ответил, что очень ценю его советы, послушаюсь, но прошу меня не торопить, раз он имеет ко мне доверие, — выбор ближайших сотрудников просил предоставить мне, на что Штюрмер не возражал. Я сказал ему, что, по примеру А. Н. Хвостова, я желал бы сохранить звание члена Гос. Думы. Штюрмер нехотя согласился. Он кончил разговор, сказав мне, что о моем согласии принять назначение он донесет царю и что, если я буду назначен, то сначала управляющим министерством, о чем на-днях, вероятно, получу приказ.

Я был после своего разговора со Штюрмером в Государственной Думе; слух о моем назначении там уже был известен и некоторые члены Думы поздравляли меня; поздравил и М. В. Родзянко, другие смотрели на меня вопросительно; я был доволен, но все же мне было неловко. В. М. Пуришкевич спросил меня: «Зачем вы идете, все равно вылетите через месяц». Я ответил: «Что же, в движении — жизнь».

18 сентября я получил приказ о своем назначении управляющим министерством внутренних дел. Когда приказ мне был только что подан, М. В. Родзянко по телефону мне сказал: «Что вы делаете, одумайтесь». Я спросил: «Почему вы так говорите?»— «Вы погибнете, идите в какое хотите другое министерство, только не в министерство внутренних дел». Я ответил М. В. Родзянко, что уже поздно отказываться, что приказ о назначении лежит у меня на столе. «Ну, делайте, как хотите»,—сказал М. В. Родзянко и положил трубку. Я думал тогда, что его слова вызваны завистью. В тот же день у меня был Е. К. Климович. Он назначался в сенат и оставлял службу по министерству внутренних дел. Мне было жаль, что он уходит; я знал его еще, когда он был московским градоначальником, и был хорошего о нем мнения. Все же удержать Е. К. Климовича я, против желания Штюрмера, не решался; я спросил его, знаком ли он с Распутиным. У меня была мысль: нельзя ли

хоть временно удержать его, заручившись поддержкою Распутина, которого Штюрмер послушается. Не помню, что мне ответил Климович; кажется, сказал, что он только что познакомился с Распутиным, или, что он собирается в этот день у него быть. Я отказался от мысли защищать Е. К. Климовича и вследствие слов П. Г. Курлова, — он мне сказал, что просил П. А. Столыпина назначить Е. К. Климовича (бывшего в то время, кажется, начальником охранного отделения департамента полиции) градоначальником в Керчь, в виду того, что он «не любит подчиненных умнее себя». Курлов высказал также свое мнение о том, что Е. К. Климович «заведет провокацию». На мой вопрос, кто бы мог заменить уходящего Климовича, Курлов указал мне на А. Т. Васильева, сказав, что при А. Т. Васильеве он будет все знать и будет руководить Васильевым, как я его просил; что самостоятельно Васильев не справился бы с делом директора департамента полиции, но что под руководством Курлова он может быть терпим. Позднее я узнал А. Т. Васильева лично, любил его, считаю честным человеком и очень верил ему. Свое вступление в управление министерством я решил начать с распоряжения, которое было бы популярно и вызвало бы чувство удовлетворения в обществе и печати. Я знал, сколько людей недовольно реквизициями и секвестрами, часто налагаемыми на принадлежащие им товары и продукты. Особенно стеснительными являлись запрещения вывоза из губерний хозяйственных продуктов и скота. Я пригласил к себе В. В. Ковалевского и поручил ему составить телеграмму губернаторам и уполномоченным председателя совещания по продовольствию, в которой указывалось бы: 1) на необходимость руководствоваться впредь точным смыслом закона 17-го августа 1915 г., который применение принудительных к продаже мер в каждом отдельном случае ставит в зависимость от утверждения председателя совещания по продовольствию и 2) делалось бы распоряжение о снятии не по закону наложенных принудительных мер. Телеграмма была составлена. Я ее подписал и свез к графу А. А. Бобринскому, который обещал мне тоже подписать телеграмму и ее отослать. О согласии Бобринского я сообщил В. В. Ковалевскому. Через несколько часов В. В. Ковалевский мне сказал, что А. А. Бобринский уехал в ставку с докладом к царю и что за министра остался его товарищ А. Н. Неверов, который нашу телеграмму задержал, возражая против ее содержания. Я просил В. В. Ковалевского и А. Н. Неверова приехать ко мне — сговориться. После переговоров я согласился на предложение Неверова оставить за уполномоченными председателя совещания по продовольствию право, по их усмотрению, в необходимых случаях налагать реквизицию и секвестры. Запрещения вывоза, наложенные ими без утверждения председателя совещания по продовольствию, снимались, и впредь указывалось налагать их не иначе, как руководствуясь

точным смыслом закона 17 августа 1915 года. Кажется, в депеше упоминалось и о снятии тех наложенных до получения ее реквизиций и секвестров, которые оказалось бы возможным снять без особого ущерба делу. В такой редакции депеша была послана за подписью моей и А. Н. Неверова. Распоряжение это было встречено с удовольствием. К сожалению, оно не было осуществлено, несмотря на мои неоднократные о том напоминания.

Приняв управление министерством, я ознакомился самым поверхностным образом с его личным составом, с перечнем входящих в него учреждений и с кругом их деятельности. Я узнал, что за последние годы многие части, прежде входившие в его состав, от министерства теперь отошли. Так, министерство финансов держало в своих руках распоряжение банковским и земельным фондом; выбор покупщиков принадлежал крестьянскому банку, следовательно, он распоряжался фактически распределением земли крестьянам; вновь образованное главное управление здравоохранения отстраняло министерство внутренних дел от обязанности заботиться о врачебном и санитарном благополучии населения; в министерство путей сообщения отошел общеимперский дорожный капитал, распределяя доходы с которого министерство внутренних дел прежде могло итти навстречу требованиям земств в деле улучшения грунтовых дорог; к министерству земледелия отошла работа по земельному устройству крестьян, причем это министерство имело в своем распоряжении крупные суммы, специально назначенные на дела улучшения крестьянского хозяйства и обработки земли, и могло удовлетворять ходатайства земских собраний, направленные к этой цели. Влияние этого министерства на население и земства быстро росло. Передача ему продовольственного дела давала ему особую силу и ставила в ближайшее соприкосновение с земством и населением. Политика министра земледелия в этом деле влияла на настроение всей страны. Одновременно, многие земства вошли в земский союз и встали на путь оппозиционной политики, которая не умерялась министерством земледелия. Положение губернаторов тоже очень изменилось; они перестали быть хозяевами в своих губерниях и не могли отвечать за настроение в них. Уполномоченные совещаний по продовольствию и топливу принимали меры по порученному им делу и часто даже без ведома губернаторов. Действия военных чинов, присылаемых в губернии с большими полномочиями от совещания по обороне, особенно часто не подходили к местным условиям и шли вразрез мнению губернаторов, которые были бессильны что-либо сделать. Влияние министерства внутренних дел на местную жизнь очень упало, между тем обстоятельства времени требовали его влияния; самостоятельно министерство оказать его не могло и, лишь путем сношений с другими министерствами, достигало иногда нужных результатов. Вследствие получаемых от губернаторов

телеграмм с жалобами на неудачные распоряжения уполномоченных по топливу или продовольствию, или чинов военного ведомства и на результаты этих распоряжений, мне приходилось ежедневно сноситься с подлежащими министрами и часто безрезультатно. О повышенном вследствие тягот войны настроении населения министерство было осведомлено сетью чинов губернской и уездной администрации, но влиять на это настроение, регулировать его министерство не имело средств. Министерство внутренних дел было на пути к превращению в министерство полиции. Я это считал недопустимым. Мне хотелось вернуть ему хоть часть прежнего влияния на местную жизнь и, главное,—земства. Заботу о правильной постановке дела продовольствия армии и населения и проведение консервативной политики в этом деле я считал важным и хотел вернуть их в министерство внутренних дел. Это вновь и быстро поставило бы министра и его сотрудников в контакт с земством и населением. Распределение же значительных средств, которых требовало это дело, давало бы возможность бороться с объединением земств в общеземский союз, политику которого во время войны я считал опасной. В. В. Ковалевский, который мне объяснял существующую постановку продовольственного дела, с которым я постоянно занимался и готовился к своим докладам у царя, был горячим сторонником передачи продовольственной заботы министерству внутренних дел. Я имел в виду, в случае если эта передача состоится, поручить Ковалевскому ведение дела, самому же быть только в его курсе; доклады царю я бы иногда тоже поручал Ковалевскому. Я говорил Распутину о своем намерении взять продовольственное дело из министерства земледелия, он, повидимому, прежде думал, что я буду влиять на это дело, как председатель совета министров, через министров земледелия и внутренних дел, хотя вряд ли отдавал себе отчет, насколько это исполнимо. Распутин против моего предложения не возражал, напротив, позже старался, чтобы дело было мне всецело передано. Я хотел хоть немного освоиться в новом для меня положении управляющего министерством и не спешил представиться царю по случаю своего назначения. Я лишь донес ему письменно о вступлении в должность. Царь мне вернул донесение, положив резолюцию: «Дай бог, в час добрый».

26 сентября я получил от царя записку: «Желаю вас видеть, прошу приехать в ставку 29 сентября в 6 час. дня». В назначенное время я был у царя и сделал ему свой первый доклад. Я сказал, что считаю продовольственный кризис главною причиной возможных волнений, — если бы удалось поставить правильно снабжение армии и населения продовольствием, и бог послал победу, то за спокойствие во время войны можно было бы поручиться, так как недовольство растет на почве явлений характера экономического. Царь сказал, что это совершенно верно. Я доложил царю,

что, хотя на губернаторах лежит обязанность всеми мерами не допускать возникновения беспорядков в губерниях, они лишены возможности это исполнить. Они перестали быть хозяевами в губерниях. Их ставит в затруднение получение от разных министров распоряжений, часто противоречащих одно другому. Уполномоченные председателей совещаний по топливу и продовольствию принимают меры по собственному усмотрению, не только без согласия, но даже без ведома губернаторов. Я предложил царю привлечь губернаторов к непременному участию в обсуждении мер, принимаемых уполномоченными председателей совещаний по топливу и продовольствию, дать возможность губернаторам проводить в губернии, по всем отраслям управления, свою единообразную политику, вернуть губернаторам их прежнее положение, укрепить их власть. Тогда они будут иметь возможность отвечать за спокойствие в губернии, а министерство будет вправе, в случае возникновения беспорядков, привлекать губернаторов к ответу, требовать от них объяснений. Царь поручил мне принять меры, чтобы укрепить власть губернаторов. Я выразил сожаление, что продовольственное дело находится не в министерстве внутренних дел, царь сказал с неудовольствием: «Да, оно передано в министерство земледелия при Кривошеине». Спросил меня, — надеюсь ли я справиться с этим делом. После моего ответа, что я сделаю все, что сумею для пользы дела, царь поручил мне усердно заниматься вопросом продовольствия, сказав, что он намерен поручить мне это дело. Я просил у царя разрешения прикомандировать П. Г. Курлова к себе для особых поручений. Царь согласился, сказав: «Хорошо, я на него сердился два года за Столыпина, теперь перестал». Я ответил, что ген. Курлов ему верный слуга. В конце доклада, кажется, я сказал царю, что А. Н. Хвостов, будучи министром, произвел растрату свыше миллиона рубл. Царь сделал гримасу и сказал: «Какая гадость». Смотрел на меня вопросительно. Я ответил, что это, действительно, гадость, но что теперь вряд ли время заводить скандальный процесс; что старик А. А. Хвостов очень огорчен поступком племянника и что от царя зависит махнуть рукою на это дело. Царь согласился дела не поднимать. Тогда я предложил назначить за А. Н. Хвостовым негласный надзор. Царь ответил: «Хорошо, назначьте». О кулуарных слухах о том, что А. Н. Хвостов показывал в Государственной Думе портреты Распутина, имеет письмо А. А. Вырубовой, передавшей ему «повеление», и говорил о существовании письма царицы к принцу Генриху Прусскому, — я царю не докладывал. Возвращаясь в Петроград, в вагоне, в присутствии полковника Пиринга и секретаря министра внутренних дел Граве, я говорил про эти кулуарные слухи. Во время доклада царь спросил меня, знаю ли я Распутина. Я ответил, что знаю, что я был сначала против него, теперь же привык. Царь сказал: «Это хорошо, часто знакомства, которые

начинаются со ссоры, бывают прочнее»; говорил, что он не понимает, почему сделали из Распутина «притчу во языцех». Я сказал царю, что Распутин ему предан; пожалел, что он бывает невоздержан (выпивает). Не помню, ответил ли на это царь.

С царем в ставке был и наследник. Царь позволял сыну играть в саду с кадетами, которые туда приходили, и держать себя просто. Царь так его и воспитывал. Когда я шел к царю с докладом, я услышал детский хохот и сквозь стеклянную дверь увидел, что большого роста матрос уносит на подносе чайный прибор и остатки молока в стакане. Одной ногой он перешагнул порог двери, по ту сторону двери, за другую ногу его держал наследник и хохотал. Матрос старался не уронить поднос и полусерьезно говорил: «Алеша, оставь, не шали!» Наследник в это время увидел меня, перестал хохотать и отпустил матроса. В конце доклада в кабинет вбежал наследник; царь сказал сыну, чтобы он поздоровался со мною, что он и сделал, и вышел из комнаты, после слов отца: «Ну, Алеша, иди!» Я сказал царю: «Какой большой стал наследник, и какой красивый мальчик!». «Уж очень шалун»,—ответил царь и рассказал мне, что наследник долго был болен вследствие того, что, стоя на бильярде одной ногой, другой шагнул на пол и растянул связку, причем лопнул кровеносный сосуд. Ногу свело. Болезнь длилась долго. Сведенная нога выпрямлялась не сразу. Теперь все прошло. Помолчав немного, царь сказал: «Вы можете себе представить, какое здесь для меня утешение этот мальчик; я так не хочу отпускать его туда». Я понял, что царь намекнул про Царское Село; в голосе его была слышна грусть; будто он чего-то не досказал, предоставив мне догадаться.

Мне рассказывал С. П. Белецкий, что одно время А. Н. Хвостов думал отравить Распутина, достал яду и пробовал его действие на кошках: отравил одну или две, смотрел, как они умирали, и смеялся. С. П. Белецкий назвал А. Н. Хвостова дегенератом. Убийству, задуманному Хвостовым, он не сочувствовал, говорил: «правительство не может становиться на путь маффии». Вернувшись после своего доклада царю в Петроград, я был у Штюрмера. О доложенном мною царю я передал Штюрмеру лишь в общих чертах и сказал ему, что царь поручил мне изучать положение продовольственного дела и намерен мне его передать. Я не сказал Штюрмеру, что доложил царю про растрату А. Н. Хвостова, что это дело царь согласился не поднимать и что за А. Н. Хвостова назначен негласный надзор. Я слышал, будто Штюрмер сам прежде пользовался казенными деньгами, и не знал, верить этому или нет, но все же стеснялся говорить ему о растрате А. Н. Хвостова. О прикосновенности Б. В. Штюрмера к этому делу я тогда не знал.

Я, кажется, сказал Штюрмеру, что доложил царю о необходимости укрепить власть губернаторов и что получил приказание принять нужные для этого меры. Это приказание царя, а также

и некоторые его указания — какие именно, теперь не помню, — я изложил в памятной записке, которую передал Штюрмеру перед заседанием совета министров. В конце заседания Штюрмер огласил мою записку. Я почувствовал, что сделал неловкость, так как следовало до доклада царю представить свои предположения совету министров. Записка произвела неблагоприятное впечатление. Никаких мер, направленных к осуществлению своего предположения об укреплении власти губернаторов, я не указал. Штюрмер, чтобы выйти из неловкого положения, предложил мне войти в сношение с министрами и просить их, не сочтут ли они возможным извещать меня о своих распоряжениях губернаторам. Вопрос остался нерешенным. Сношения с министрами я не делал. Мер к укреплению власти губернаторов не вырабатывал.

Позже я разослал губернаторам циркуляр с указанием, что ст. 102, т. 3-й учр. губ. не отменена, и с предложением пользоваться всеми правами, которые она им предоставляет, при этом выразил надежду, что они примут все меры, чтобы не допустить возможного влияния в губерниях. Обещал, в случаях затруднений, свое содействие. Я думал, что ст. 102, т. 3-й учр. губ. по своему смыслу дает губернаторам положение хозяина губернии. Кажется, в этом же циркуляре я предлагал губернаторам привлекать к ответственности председателей земских собраний и собраний городских дум, допустивших произнесение речей оппозиционного характера, и самих ораторов.

А. Протопопов.

XIV.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание.

[Подготовка передачи продовольственного дела в министерство внутренних дел. Предположения о привлечении к делу банков и торговых фирм. Роль земств в организации дела на местах. Опасение оппозиционных настроений земских работников. Собрание представителей банков и хлебных фирм. План Протопопова о постановке продовольственного дела. План организации дела, выработанный В. В. Ковалевским, и обсуждение его в совете министров. Посещение собраний думского прогрессивного блока представителями совещания по продовольствию и возмущение Протопопова по этому поводу. Взгляд бюджетной комиссии Гос. Думы на передачу продовольственного дела в министерство внутренних дел. Голосование этого вопроса в совете министров. Протопопов у Бадмаева и телеграмма Распутина царю. Угроза роспуска Гос. Думы. Проект учреждения совещания для надзора за продовольственным делом. Совет Протопопова Штюрмеру «заболеть». Совещание Протопопова с Распутиным. Доклад б. царице и б. царю. Боязнь Протопопова принимать продовольственное дело перед началом думской сессии. Оставление этого дела в ведении министерства земледелия. Местные продовольственные комитеты. Открытие сессии Гос. Думы. Речь Милюкова. Выступления Шуваева и Григоровича. Протопопов желает ухода Шуваева. Беляев. Заботы Протопопова о материальном положении полиции и увеличение ее штатов. (28 августа.)]

После выраженного царем во время моего доклада намерения поручить мне продовольственное дело я считал, что вопрос о передаче этого дела из министерства земледелия в министерство внутренних дел почти решон. Я сообщил это В. В. Ковалевскому. Мы оба были довольны. Я думал, что делаю первый серьезный шаг к возвращению министерству внутренних дел его почти утраченного влияния на земства. Заведуя продовольственным делом, министерство могло начать борьбу с возрастающим влиянием земского союза на земства и на местную жизнь. Я считал, что министерство земледелия поставило продовольственное дело неправильно. Мне казалось необходимым к закупке и доставке хлеба и других продуктов привлечь банки и торговые фирмы. Их опытность в деле торгового оборота и имеющиеся у них готовые организа-

ции для закупок обеспечивали бы скорую и успешную работу. Министерство земледелия вело дело почти исключительно при помощи своей организации и мало привлекало к делу торговые фирмы и банки. Это казалось мне ошибкою. Я слышал, что у банков есть запасы хлеба, продуктов и товаров; предполагал, что есть таковые и у крупных торговых фирм. Поставить их в такое положение, при котором они по доброй воле выпустили бы эти запасы на рынок, мне казалось полезным. Я думал, что их помощь наиболее нужна в деле снабжения товарами и продовольствием городов и, в особенности, Петрограда.

Закупку, прием, хранение и отправку хлебов и продуктов в губерниях я считал правильным поручить земствам. Они завели бы нужную на местах организацию; средства давало бы им министерство внутренних дел. Я считал нужным надзор за ходом всей операции в губерниях возложить на губернаторов. Параллельно с земством, в помощь ему, даже под его контролем, я думал образовать торговые товарищества, которые, закупив продукты, могли бы сдавать их земству или лицу, назначенному губернатором. Я хотел поручить продовольственное дело в губерниях земствам еще и потому, что эта серьезная работа отвлекала бы земских деятелей от политики. Я был противником объединения земств в союз. Находил, что земский союз и союз городов захватили слишком много власти, оставив правительству второстепенную роль, и ведут агитацию, направленную против правительства. Министерство земледелия не препятствовало земствам, которым оно поручило продовольственное дело, входить в земский союз. В таких земствах служащие по найму тоже были из оппозиционно-настроенных людей. Местные продовольственные комитеты, в состав которых вошли местные оппозиционные элементы, могли начать агитацию в деревне. Таким образом, организация продовольственного дела министерством земледелия в губерниях, вошедших в союз земств, сливалась с организацией союза. Я считал, что для правительственной организации это недопустимо. По желанию распорядителей союза или по собственному почину, мелкие служащие на местах (приказчики, ключники, подрядчики извоза, весовщики на железных дорогах и др.) могли забастовать. Тогда министерство земледелия было бы поставлено в невозможность снабдить армию и население продовольствием; произошли бы беспорядки, за которыми последовала бы перемена, может быть, строя, но уж наверное — перемена правительства и исполнение требования оппозиции о назначении нового состава правительства из лиц, пользующихся общественным доверием (забастовка мелких служащих начиналась в феврале, перед революцией; об этом говорил мне А. А. Риттих, который назвал эту забастовку «бисерной»).

Вскоре после моего приезда из ставки я пригласил к себе представителей банков и торговых хлебных фирм. Я хотел узнать

их настроение; считал это собрание предварительным. Приехали представители: Международного банка — Е. Г. Шайкевич, А. А. Блок, К. И. Савич; Азиатского — А. И. Путилов; Азовско-донского — Б. А. Каменка; Русского торгово-промышленного банка — В. И. Коншин; представители хлеботорговцев были от фирм Бугрова, Башкирова, кажется, Дрейфуса; кто был еще — не помню. Я сказал приехавшим, что продовольственное дело переходит в мои руки; просил их помощи; сказал, что хотелось бы скорее достичь облегчения существующего положения, хотя бы в Петрограде. Они не отрицали возможности помочь делу, но определенно не высказывались; говорили, что надо подумать; я видел все же, что дело их интересует; высказал, что считаю полезным привлечь банки и торговые фирмы в помощь мне; спросил, как это сделать. К. И. Савич вызвался составить по этому вопросу записку, которую мне и принес. Я ее не читал. Собраний тоже не делал более. Не нашел свободного времени, а главное, по мере того, как выяснялось, что дело продовольствия мне передано не будет, интерес у меня к этому вопросу падал.

Я ежедневно видел В. В. Ковалевского. Он мне объяснял продовольственное дело; говорил про его постановку министерством земледелия; критиковал ее, делая предположения о постановке этого дела, когда оно перейдет в наши руки. Я обменивался взглядами и с другими лицами: А. Ф. Треповым, А. А. Макаровым, Н. А. Маклаковым, А. Т. Васильевым, Куколь-Яснопольским и др. У меня сложилось предположение поставить дело следующим образом: количество хлеба, потребное для армии, городов и населения губерний потребляющих, т.-е. таких, где урожай не покрывал нужды населения и хлеб надо было привозить, было исчислено министерством земледелия. Для того, чтобы собрать это количество хлеба, я предполагал ввести хлебную повинность, т.-е. обязать каждого хозяина продать министерству по твердой цене известную часть своего урожая. Твердая цена определялась совещанием по продовольствию. Все количество хлеба, которое надо было купить, я думал разложить по губерниям, пропорционально урожаю в каждой, и купить в губернии то количество хлеба, которое на нее приходится по раскладке. Сведения об урожае имелись в статистической части министерства внутренних дел. Покупку хлеба я думал возложить на губернаторов. Они должны были бы отвечать за ход дела в губернии перед министерством. Губернатор поручал бы дело покупки земству, если оно не входит в земский союз; если земство входило в союз, он старался бы убедить земское собрание выйти из союза; в случае неудачи он поручал бы покупку губернскому присутствию. Я предполагал дать губернаторам право образовывать по своему усмотрению товарищества хлеботорговцев и давать им те поручения по покупке хлеба, которые они найдут полезными для дела.

Свои предположения я изложил В. В. Ковалевскому. Он с ними не согласился. Выработал другую организацию, которую я и доложил в начале октября совету министров. Я предлагал вернуть заведывание продовольствием министерству внутренних дел, потому что это министерство имеет уже готовую организацию, дважды проводившую продовольственную помощь населению в голодные годы, имеет опыт в этом деле, заведует земством, на котором лежит главная работа, а также чинами губернской и уездной администрации, которых обяжет помогать земству в его работе. Я предлагал, к количеству хлебов, нужному для армии, прибавить запас в 100 милл. пудов; все это количество разложить по губерниям производящим, т.-е. таким, где урожай хлебов превышает потребности населения, пропорционально свободному остатку хлебов в этих губерниях. Губернские земства должны были разложить количество хлебов, падающее на губернию, по уездам. Распоряжением уездных земств производилась бы раскладка количества хлебов, которое надо собрать с уезда, по волостям. Оно распорядилось бы покупкою по твердой цене хлебов у владельцев и крестьян, приемом, хранением и отправкою хлебов. Когда все количество хлебов, назначенное к раскладке, было бы куплено, я думал твердые цены уничтожить и допустить свободную торговлю хлебами по вольной цене, сняв запрещения вывоза хлебов из губерний. 100 милл. пуд. хлеба, собранного по раскладке, и 60 милл. пуд. хлеба, засыпанного в крестьянских хлебных магазинах, образовали бы в руках правительства запас на случай чрезмерного роста цен. Вся организация на местах, существовавшая при министерстве земледелия, перешла бы в ведение земств. В предположенной В. В. Ковалевским организации продовольственного дела, которую я докладывал совету министров, о праве губернатора иметь надзор за ходом продовольственного дела не упоминалось. Совет министров, по предложению А. Ф. Трепова, мне указал на это, как на пропуск. Совет министров всеми голосами против графа П. Н. Игнатьева, (граф А. А. Бобринский не голосовал) признал передачу продовольственного дела из министерства земледелия в министерство внутренних дел принципиально желательною, но окончательное решение предложено было принять, после представления мною письменного доклада о предположенной организации. О голосовании совета я доложил царю, который этим голосованием был доволен.

Я узнал, что главноуполномоченный председателя совещания по продовольствию А. Н. Неверов и его помощник Гаврилов ездят в Гос. Думу на собрания прогрессивного блока давать объяснения и получать указания по продовольственному делу. Я считал это недопустимым. Сказал об этом Б. В. Штюрмеру и гр. А. А. Бобринскому. А. А. Бобринский мне ответил, что это случилось всего один раз и с его ведома; он был смущен. О поездках в собрания

прогрессивного блока А. Н. Неверова и Гаврилова я доложил царю и предложил Гаврилова уволить, а А. Н. Неверова уволить из товарищей министра, с назначением его сенатором. Царь согласился. Я передал приказание царя Б. В. Штюрмеру и А. А. Бобринскому, который испросил срок на приискание заместителя А. Н. Неверову. Кажется, А. Н. Неверов оставался товарищем министра до половины января 1917 г. и, по представлению А. А. Риттиха, сменившего гр. А. А. Бобринского, был назначен в сенат. Около 15 октября я давал объяснения в бюджетной комиссии Государственной Думы при рассмотрении сметы министерства земледелия; комиссия уже знала о предположенной передаче продовольственного дела из министерства земледелия в министерство внутренних дел. Она высказалась против этой передачи. После голосования бюджетной комиссии и совет министров изменил свое решение, и за передачу, по рассмотрении представленного мною доклада, высказалось всего 6 голосов, а против передачи — 8 голосов. Я был опечален. Б. В. Штюрмер, голосовавший за передачу, высказывал уверенность, что царь согласится с меньшинством. Я поехал к П. А. Бадмаеву, где были П. Г. Курлов и Распутин. Сообщил им о голосовании в бюджетной комиссии и совете министров; указал, что передача продовольственного дела в министерство внутренних дел затягивается в совете министров, что журналы совета умышленно долго не составляются, высказал опасения, что если передача не состоится до открытия занятий в Государственной Думе, то продовольственное дело останется в министерстве земледелия, что хотя я знаю, насколько трудно будет вести дело при создавшемся настроении, но отказываться от него не хочу; просил Распутина ускорить передачу. Распутин обещал помочь; я написал, под его диктовку, телеграмму царю. Она начиналась: «Все вместе ласково беседуем» и конец был: «Дай скорее Калинину власть, ему мешают, он накормит народ, все будет хорошо» (всей телеграммы не помню). Телеграмму я послал В. Б. Похвисневу для отправки в ставку. Я думал, что А. Ф. Трепов считал меня неспособным вести продовольственное дело; он не верил также и В. В. Ковалевскому, которого я хотел назначить главноуполномоченным. Некоторые другие министры тоже были против передачи дела в министерство внутренних дел. Для того, чтобы эта передача состоялась, мне пришла мысль образовать для надзора за ведением дела и решения общих вопросов после передачи дела министерству внутренних дел совещание из нескольких министров, под председательством А. Ф. Трепова, по примеру существовавшего под председательством Б. В. Штюрмера совещания по дороговизне. Свою мысль я сообщил А. Ф. Трепову. Он ее одобрил. Сказал мне, что о пользе такого совещания он уже говорил с Б. В. Штюрмером, который с ним согласен. Я передал А. Ф. Трепову сведения, полученные мною от правых членов Государственной Думы и департа-

мента полиции о том, что крестьянские депутаты и священники боятся роспуска Думы и могут уговорить других членов Гос. Думы прекратить всякую критику правительства и выпады против «темных сил», что не следует обнаруживать решение правительства прибегнуть в случае, если повышенное настроение Думы будет продолжаться, лишь к перерыву занятий Гос. Думы, а пригрозить ее роспуском. Кажется, А. Ф. Трепов мне сказал, что имеет те же сведения.

После своего разговора с А. Ф. Треповым я составил проект совещания для надзора за продовольственным делом, о котором с ним говорил. Я предполагал совещание из трех министров: путей сообщения, торговли и внутренних дел. Председатель, в случае надобности, приглашал бы и других министров. Я считал необходимым иметь в составе совещания министра торговли, предполагая привлечь к делу крупные торговые фирмы и банки. Я решил представить этот проект царю. Б. В. Штюрмеру, одобрившему, по словам А. Ф. Трепова, мысль о совещании, о своем проекте я не говорил. В день своего разговора с А. Ф. Треповым я видел Распутина; передал ему сведения, полученные мною от департамента полиции, о настроении в Государственной Думе; сказал, что распустить ее нельзя, — надо постараться ее успокоить; что удаление Б. В. Штюрмера могло бы внести некоторое успокоение, но не советую давать ему отставку, которая была бы истолкована Думою, как уступка ее требованиям; советовал Б. В. Штюрмеру «заболеть» и уехать на юг месяца на три; эта «болезнь» будет истолкована Думою, как шаг к его отставке; наступит успокоение, достигнутое без уступок Государственной Думе. (Я сообщил бы членам Думы, что способствовал удалению Б. В. Штюрмера; тогда они еще не настойчиво требовали моей отставки; я надеялся, что со мною примирятся.) Распутин внимательно меня выслушал; посоветовал мне рассказать это царице; позвонил по телефону А. А. Вырубовой; что он ей говорил, я не слышал. На следующий день я был приглашен к царице в 6 ч. вечера. Зная, что царица расположена к Штюрмеру, я, желая узнать, одобрит ли она мой план, решил, до своего разговора с царем, рассказать ей свои соображения. К назначенному часу я был у царицы; свой проект о совещании министров для надзора за продовольствием я взял с собою; хотел просить царицу передать мой проект царю; думал, что, может быть, и я его случайно увижу и тогда передам проект лично. Я рассказал царице про настроение Государственной Думы, про опасность ее роспуска; подробно передал свои соображения о необходимости Б. В. Штюрмеру «заболеть». Царица выслушала меня внимательно; она не отклоняла моего совета, но жалела Б. В. Штюрмера; назвала его «добрым стариком». В это время пришел царь. Я повторил ему доклад, сделанный царице, и добавил, что А. Ф. Трепов, как заместитель председателя совета мини-

стров, а Нератов, как старший товарищ министра иностранных дел, временно заменят Штюрмера и что это даст возможность царю спокойно обдумать положение. Царь смотрел на царицу немного смущенно; несколько раз улыбнулся. Она молчала и казалась не совсем довольною. Решения принято не было, все же я чувствовал, что слова мои будут приняты в соображение. Затем я представил царю свой проект, сказал, что без помощи министра путей сообщения и торговли я не могу справиться с продовольственным делом, и просил утвердить мое предположение. Царь несколько удивился моей просьбе. Объяснения мои были неясны, я тогда же заметил, что мало вдумался в проект совещания. Я сказал царю, что А. Ф. Трепов и Б. В. Штюрмер находят такое совещание полезным. После короткого колебания царь надписал на проекте: «Согласен». Проект с подписью царя я передал Б. В. Штюрмеру, который упрекнул меня за то, что я сделал этот доклад царю, не посоветовавшись с ним. Я ответил Б. В. Штюрмеру, что его согласие на мой проект я слышал от А. Ф. Трепова и не ожидал его упрека. Штюрмер сказал, что про этот проект он слышит впервые и о предположенном в нем совещании не говорил с А. Ф. Треповым.

Вскоре я видел Распутина, который мне сказал, что царь и царица моею нерешительностью недовольны, что я не должен, уже заявив царю о своем согласии вести продовольственное дело, выказывать колебание. Журнал совета министров с мнением большинства о нежелательности передачи продовольственного дела в министерство внутренних дел был послан царю в ставку. 30-го октября я узнал, что царь согласился с меньшинством. Сессия Государственной Думы началась 1-го ноября, принять продовольственное дело по закону, проведенному по 87 ст., несмотря на голосование бюджетной комиссии, и перед самым началом занятий Думы я считал невозможным, поэтому я составил телеграмму царю, прося разрешения отсрочить исполнение утвержденного им постановления совета министров. Телеграмму я передал царице с просьбою отослать ее царю. Царица мне сказала: «Было трудно заставить государя решиться, не следует его сбивать, раз он принял решение». Она была недовольна. Все же мою просьбу исполнила. Б. В. Штюрмер обещал передать продовольственное дело министерству внутренних дел в ближайший перерыв занятий Государственной Думы. Во время этого перерыва (кажется 6-го ноября) он был уволен. Председателем совета министров был назначен А. Ф. Трепов. По его представлению, уволенного гр. А.А. Бобринского заменил А. А. Риттих; считая Риттиха более способным вести продовольственное дело, чем меня, А. Ф. Трепов оставил это дело в министерстве земледелия. Вспоминая теперь свое намерение взяться за продовольственное дело, я должен признаться, что недостаточно обдумал это дело и ознакомился с ним. В статистиче-

ской части министерства внутренних дел я даже не был, и какие там есть данные, касающиеся продовольствия населения, — я не знаю; не знаю также, как исчисляется количество продовольствия для армии, хотя тогда думал, что это количество было исчислено неправильно и преувеличено. Пользы делу я бы не принес.

В начале ноября я обратил внимание Б. В. Штюрмера на ст. 20-21 инструкции, составленной совещанием по продовольствию и утвержденной гр. А. А. Бобринским. Эти статьи содержали перечень лиц, входящих в состав местных продовольственных комитетов (или попечительств—не помню названия). Инструкция напечатана в № 283 собр. расп. правит. (кажется, 14 октября 1916 г.). Я находил, что в состав комитетов входят слишком оппозиционные элементы; думал, что на местах они сорганизуются в революционные ячейки и поведут агитацию в населении. Б. В. Штюрмер пригласил министров на частное совещание; прочел ст. 20 и 21 инструкции; сказал, что я не нахожу возможным разрешить комитетам действовать, и поддержал мое мнение. А. А. Макаров признался, что он этой инструкции не читал. После обмена мнений по этому вопросу гр. А. А. Бобринский заявил, что он приостановит организацию местных комитетов. Царю я это дело, кажется, докладывал. Первого ноября 1916 г. началась сессия Государственной Думы. При своем открытии Дума сразу обнаружила отрицательное отношение к правительству; ораторы в своих речах резко критиковали его действия. Член Думы П. Н. Милюков в своей речи допустил выпад личного характера против председателя совета министров. Б. В. Штюрмер считал, что, при создавшемся настроении в Думе совместная работа правительства и Думы едва ли возможна. Он собрал совет министров, сказал, что считает себя лично оскорбленным речью П. Н. Милюкова, будет искать защиты суда, о случившемся доложит царю. Он говорил, что стесняется поднимать вопрос о роспуске Государственной Думы, не желая давать повода к упреку за то, что возбуждает этот вопрос из личных чувств; предложил обсудить положение. Мысль о роспуске была отклонена. Тогда Штюрмер предложил сделать попытку склонить Думу к более спокойному настроению и уверить ее, что правительство искренно желает работать совместно с нею. Сделать такое заявление в Думе от имени правительства было поручено военному и морскому министрам (кажется, по мысли А. Ф. Трепова). Совету министров казалось, что Д. С. Шуваев и И. К. Григорович скорее других затронут патриотические чувства членов Государственной Думы и достигнут желаемого результата. Военный и морской министры произнесли в Государственной Думе речи, в которых указывали, что они считают себя обязанными, особенно в переживаемую войну, работать совместно с Думой. Их речи имели успех, и им была устроена овация. Член Думы П. Н. Милюков после речи Д. С. Шуваева жал

ему руку и обратился к нему с просьбой: «Убедите скорее Штюрмера». Говорят, будто Шуваев ему ответил: «А вы берегите военного министра». К сожалению, Д. С. Шуваев упомянул лишь вскользь, а И. К. Григорович вовсе не упомянул о том, что они говорят от имени всего правительства, и создалось впечатление, что они говорят по собственному почину, даже, как будто отделились от прочих членов правительства, которые по принятому заранее решению в Государственной Думе не присутствовали (кроме, кажется, гр. П. Н. Игнатьева и кн. Шаховского). Правая фракция Думы поняла их выступление, как заявление, сделанное главами военного и морского министерств, о солидарности их личной и ведомственной с оппозиционной политикой Думы, в противоположность прочим членам совета министров, которые являлись почти все противниками этой политики. Эти выступления военного и морского министров цели своей не достигли, настроение Думы не упало, и, наоборот, речи ораторов в последующих заседаниях указали, что рознь между правительством и Государственной Думой стала еще глубже. Некоторые члены совета министров, в том числе и я, склонны были в этом настроении винить военного и отчасти морского министров, которые своими речами как будто бы обещали, от имени войска и флота, оказать поддержку думской оппозиции.

О выступлении военного и морского министров в Государственной Думе я говорил царице и царю. Царю я особенно подчеркнул ошибку Д. С. Шуваева, — его ответ П. Н. Милюкову. Царице я сказал, что следовало бы скорее заменить Шуваева и назвал ей М. А. Беляева, которого знал и Распутин. Царица была подготовлена, не возражала, сказала: «Да, знаю». Я хотел скорейшего ухода Шуваева, с которым не ладил. В ставке, во время завтрака в офицерском собрании, я говорил с М. А. Беляевым о своем желании вместе работать и о надежде его видеть военным министром. По странной случайности, М. А. Беляева и меня доставили первого марта в Петропавловскую крепость вместе в автомобиле.

Вскоре после моего назначения градоначальник кн. Оболенский мне говорил, что в Петрограде большой некомплект городовых. В Москве они бастовали вследствие недостаточности получаемого ими жалования. П. Г. Курлов и А. Т. Васильев мне говорили, что материальное положение чинов полиции неудовлетворительно, и надо его улучшить, что это привлечет на службу более высокий, по своему уровню, элемент и что проведение закона об увеличении штата полиции, которым увеличивалось бы также и получаемое полицейскими чинами содержание, является необходимою мерою для поддержания спокойствия во всей стране. Я согласился с ними; считал этот закон нужным и спешным; знал, что по 86 ст. он в Государственной Думе либо вовсе не пройдет, либо пройдет очень урезанным; во всяком случае, на его проведение через Думу потре-

буется много времени. Внес его по 87 ст. в совет министров. После принятия мною поправок, предложенных министром финансов, законопроект был принят единогласно, он стоил бы казначейству около 50 милл. рублей ежегодно. Проект, принятый советом министров, был утвержден царем и введен в действие. В установленный срок я внес этот закон на одобрение Государственной Думы; я понимал, что отменить его будет трудно; А. Т. Васильев мне сказал, что, несмотря на несочувствие к этому закону, для его рассмотрения в Государственной Думе будет избрана особая комиссия. (Закон был проведен в редакции, принятой комиссией Государственной Думы 3-го созыва.)

А. Протопопов.

XV.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание.

[Самостоятельная роль полиции. Боязнь Протопопова беспорядков. Намерение завести агентов в войсках. Недовольство в войсках. Доклад по этому вопросу б. царю. Политические кружки в столице. Кюрц. Уездная полицейская стража. Мысли о демобилизации. Волостное земство и предположения о мерах к улучшению крестьянского хозяйства и обеспечения возвращающихся с войны. Курлов и пулеметы. Забастовка в январе 1917 г. 181 запасн. батальон. Агенты департамента полиции. Надзор и наблюдение. «Сотрудники». Борьба с возникновением беспорядков и забастовок. Доклады департамента полиции Протопопову. Рабочая секция военно-промышленного комитета. «Оппозиция». Аресты в январе — феврале 1917 г. Меры к предупреждению забастовки. Арест рабочей секции военно-промышленного комитета и рабочих депутатов. А. И. Гучков. Собрание после ареста, устроенное Милюковым. Доклад Протопопова б. царю. Продовольственные лавки при заводах. Порядок исполнения постановлений военных властей о высылках. Градоначальники Оболенский и Балк. Опасения Трепова за безопасность министров в Гос. Думе. Повышенное настроение в столице и стране. Обострение вопросов продовольствия и дороговизны. План охраны. Проект прекращения беспорядков в четыре дня. Доклад этого плана б. царю. Выделение петроградского военного округа в особую армию. Ген. Гурко и присылка военной силы. Деятельность ген. Батюшина. Доклад Протопопова б. царю о замене Батюшина Белецким. Прекращение дела сахарозаводчиков. (31 августа.)]

Закон об увеличении штатов полиции прибавлял ей содержание; это должно было убавить, если не уничтожить, существовавшие некомплекты; он увеличивал количество полиции; необходимость вызова войск в помощь полиции для прекращения беспорядков делалась более редкой; уменьшалась зависимость от военного начальства; полиция получала возможность действовать более самостоятельно. Я всего более боялся возникновения беспорядков в Петрограде; надеялся, что сильного революционного движения среди рабочих не будет до конца войны; небольшое же забастовочное движение, думал, будет прекращено действиями одной полиции. В разговорах с П. Г. Курловым и А. Т. Васильевым я все же выска-

зывал, что, в случае возникновения беспорядков в Петрограде и невозможности остановить их действиями одной полиции, может представиться необходимость вызвать войска; что надо знать их настроение; сведений же о настроении в войсках я от департамента полиции почти не имел и указал А. Т. Васильеву на желательность получать их более часто. А. Т. Васильев мне ответил, что прежде департамент полиции знал настроение войск; теперь же получает лишь случайные сведения от бывших своих служащих, попавших в солдаты, но что он постарается восстановить получение сведений из войска. Я докладывал царю о своем намерении иметь агентов в войсках и от них узнавать о настроении солдат; сказал, что не доверяю сведениям о том контр-разведке, что он будет лучше осведомлен мною, что агентов департамента полиции в войсках не существует со времени ген. В. Ф. Джунковского. Царь одобрил мое предположение. Несмотря на мой разговор с А. Т. Васильевым, департамент полиции постоянных сотрудников в войсках не имел, и я продолжал получать о их настроении лишь случайные сведения. До меня доходили слухи, что настроение и там повышается. Я знал, что в войсках читаются газеты преимущественно левого направления, распространяются воззвания и прокламации; слышал, что служащие земского и городского союзов агитируют среди солдат; что ген. М. С. Алексеев сказал царю: «войска уже не те стали», намекая на растущее в них оппозиционное настроение. Меня это беспокоило. Я хотел знать правду; напомнил А. Т. Васильеву о необходимости иметь полные сведения о настроении в войсках. Он ответил мне что: «меры к этому принимаются». Однако, постоянных сотрудников, пока я был в министерстве внутренних дел, департамент полиции в войсках не имел, и я не получал сведений, которых желал. Думаю, агенты департамента полиции или не успели найти, или среди солдат и офицеров не нашлось лиц, желавших за деньги выдавать намерения и настроение своих товарищей. Я несколько раз вспоминал о необходимости знать настроение войск, но определенного распоряжения директору департамента полиции относительно постоянных сотрудников в войсках не давал: к решению этого вопроса отнесся легкомысленно и опасался возможного столкновения с военным министром. В предыдущем своем показании я докладывал Комиссии о сообщении полковника Бильдерлинга относительно существования офицерского заговора в гор. Луцке. После данного мною А. Т. Васильеву поручения расследовать дело, в гор. Луцк с этою целью было послано несколько жандармских офицеров; они собирали сведения и в других частях войск. А. Т. Васильев мне сказал, что в их сообщениях о настроении в войсковых частях на фронте тревожного не содержится. Приезжавшие из армии офицеры, — с некоторыми я говорил, — или не знали, или стеснялись мне сказать, что недовольство в войсках растет. У меня сложилось впечатление, что оппозиционное

настроение среди солдат и офицеров еще глубоких корней не пустило. Я думал, что настроение запасных батальонов и других войск, стоявших в Петрограде, мне более известно; считал благонадежными учебные команды запасных батальонов и все войска за исключением частей, пополняемых из рабочей и мастеровой среды; жизнь показала, что я и тут был неосведомлен. От знакомых офицеров и от приходивших ко мне солдат я имел разноречивые сведения; я чувствовал, что в войсках есть брожение; однако, сильных революционных течений в военной среде я не ожидал; я был уверен, что, в случае рабочего движения, правительство найдет опору в войсках; думал, что придется избегать вызова некоторых частей на помощь полиции, но в верности царю общей массы войск я не сомневался. Я это докладывал царю. Говорил, что оппозиционно настроены высший командный состав и низший; что в прапорщики произведены многие из учащейся молодежи; но что остальные офицеры — консервативны; что в войсках, конечно, есть агитация и, я думаю, процентов пять революционно настроенных солдат; что этот контингент дают рабочие, но что я верю в преданность ему остальных; что офицеры генерального штаба полевели: наделав за эту войну столько ошибок, они должны были покраснеть и чувствовать, что после войны у них отнимутся привилегии по службе; что оппозиция для осуществления своей программы не искала бы опоры в рабочем классе, если бы само войско было революционно настроено. Царь, повидимому, был доволен моим докладом, — он слушал меня внимательно. Многие доклады, полученные мною из департамента полиции, остались в правом ящике рабочего письменного стола в кабинете министра внутренних дел; из них видно, что сведений о настроении войск на фронте я не имел.

В половине января А. Т. Васильев принес мне доклад, в котором сообщались сведения о двух политических кружках, существовавших в Петрограде: салон графини Н. С. Шереметевой, где собираются оппозиционно настроенные гвардейские офицеры, и салон графини С. С. Игнатьевой, где собираются правые. В докладе сообщалось, что в одной из гвардейских частей настроение очень повышенное: офицеры собираются вместе с солдатами, произносятся революционные речи, бранят царя (что было еще в докладе — не помню). А. Т. Васильев сказал мне, что доклад он получил от лица, очень осведомленного о происходящем движении в высшем обществе и в офицерской среде. Это лицо соглашалось сделаться постоянным сотрудником департамента полиции. П. Г. Курлов, присутствовавший при этом разговоре с А. Т. Васильевым, высказал предположение, что сведения дал Кюрц. А. Т. Васильев ответил Курлову, что он ошибается, но имени сотрудника не назвал. О Кюрце я слышал раньше от В. П. Литвинова-Фалинского, который говорил, что Кюрц, учитель французского языка бывает

у И. Л. Горемыкина и других сановников, очень осведомлен о происходящем в высшем обществе. П. Г. Курлова и А. Т. Васильева о Кюрце я не расспрашивал; я понял, что он и раньше был сотрудником департамента полиции. Доклад я принял к сведению, царю о нем не говорил: не хотел передавать ему неприятного; не послал доклада ни военному министру, ни председателю совета министров, потому что не любил Д. С. Шуваева, а кн. Голицыну не давал всех сведений, которые получал: хотел быть более осведомленным, нежели он, при докладах царю. У графини С. С. Игнатьевой я был два раза: хотел узнать какие собрания у нее происходят. Она мне сказала, что она оставила политическую деятельность, и собраний у нее более не бывает.

Я находил, что стражники, которые во многих губерниях были расставлены по одному в селах и деревнях, перестают быть солдатами, часто портятся, начинают брать взятки, пьянствовать и притеснять население; уезды же остаются без охраны на случай возникновения беспорядков. Таким образом, цель, которая намечалась при введении уездной полицейской стражи, не достигается. Я решил повсеместно в уездах свести стражников в отряды, образовав, в зависимости от возможности их расквартировать и надобности иметь охрану, только в уездном городе, или еще в другом пункте уезда, — один или два отряда в каждом уезде. В начале октября 1916 г. я поручил П. Г. Курлову сообщить губернаторам мое предложение о сведении стражников в отряды.

Думая о предстоящей после войны демобилизации, я предполагал, что ее надо будет проводить медленно и постепенно, чтобы не скопился сразу в деревнях и городах недовольный элемент, и не произошли бы беспорядки, как в 1905 году. По сведениям департамента полиции, в Австрии, некоторых из наших пленных нарочно революционизировали в особых школах; я опасался возвращения этих пленных, имел в виду необходимость особого за ними наблюдения или их ареста. Я говорил А. Т. Васильеву: нельзя ли как-нибудь узнать, кто прошел эти школы. А. Т. Васильев мне ответил, что это может быть и удастся узнать. Ко времени демобилизации я предполагал образовать, кроме отрядов стражников в уездах, команды (роты) из бывших на войне солдат, под начальством отставных офицеров, или производить обучение новобранцев, если будет призыв в уездных городах.

Думал также о необходимости скорее провести волостное земство; подготовить план раздачи земель из банковского фонда и фонда земель, отобранных у немецких колонистов, георгиевским кавалерам и лицам, отличившимся на войне; облегчить крестьянам кредит на улучшение их хозяйств; провести реформу церковного прихода, выдачу пенсий увечным и раненым и других мер, направленных к удовлетворению возвращающихся с войны солдат и крестьянского населения вообще. О таких предположениях

говорил со своими сотрудниками; начал проводить волостное земство, старался ускорить проведение закона о реформе прихода, предложил образовать отряды из стражников. Царю о своих предположениях о демобилизации я не говорил; обратил лишь его внимание на необходимость проводить ее медленно и постепенно и предупредил, что неосторожно проведенная демобилизация повлечет за собою беспорядки, как в 1905 году. Мне вспоминается, что, когда я говорил П. Г. Курлову о своем предложении образовать в уездах, перед демобилизацией, команды из бывших на войне солдат или когда я ему предложил передать губернаторам мое распоряжение об образовании отрядов из стражников, он мельком сказал: «хорошо бы достать для них пулеметы». Я ему не возражал, даже, помнится, ответил: «разве ты думаешь, что это возможно?» Я не ясно помню свой разговор с П. Г. Курловым точно ли я его передаю — ручаться не могу. После я ни от кого не слышал о рассылке пулеметов в отряды стражников и о получении их не делал никаких сношений.

Кажется, в половине января на заводах Айваз и другом соседнем заводе (названия не знаю) произошла забастовка рабочих. Они вышли на шоссе, около казарм 181-го запасного батальона с пением революционных песен. Человек 8 городовых стали их разгонять. Солдаты перелезли через ограду вокруг казармы, смяли и избили одного городового и другого ранили пулей, остальные бежали. Небольшой отряд конных стражников с полк. Шалфеевым (кажется) прибыл на место происшествия, пытался собрать бежавших городовых и произвести аресты зачинщиков. Это не удалось, так как солдаты увели с собою рабочих в казарму. О происшедшем мне рассказал А. Т. Васильев, сообщивший о том же, по моему предложению, С. С. Хабалову. Я распорядился, чтобы дознание произвел ген. Никольский; это оказалось невозможным: военные власти сами произвели дознание; ген. Никольский на дознании присутствовал. Он представил мне письменный доклад и устно подтвердил рассказ А. Т. Васильева. Его письменный доклад я не помню кому отдал, — мог отдать А. Т. Васильеву, А. А. Вырубовой или В. Н. Воейкову. Я говорил командующему войсками округа С. С. Хабалову о необходимости вывести из Петрограда 181-й зап. батальон. С. С. Хабалов отказывался, говоря, что некуда, нет свободных казарм. Только после настояний кн. Н. Д. Голицына, которому я рассказал дело, прося поддержать меня, С. С. Хабалов, указывавший кн. Н. Д. Голицыну на недостаток перевозочных средств, после предложения И. К. Григоровича помочь перевозке батальона, согласился перевести 181-й зап. батальон в Кронштадт. О происшедшем я докладывал царю. Раненому городовому было дано пособие в 100 руб.

Организации департамента полиции я не знаю, поэтому и не могу изложить, как устроена его агентура. Знаю, что департа-

мент имел агентов и сотрудников и получал сведения от тех и других. Агенты исполняли поручения своего начальства по охране, наблюдению и сыску. Агентов посылали охранять некоторых министров и других лиц: Б. В. Штюрмера, И. Г. Щегловитова, А. Ф. Трепова и др. Министр внутренних дел был охраняем особо тщательно, за ним было и наблюдение. Охраняли и Распутина, о чем я спрашивал А. Т. Васильева. За лицами, известными своею оппозиционною деятельностью, или теми действиями, которых у министра внутренних дел или департамента полиции имелись и другие поводы интересоваться, устанавливался надзор или наблюдение. Наблюдение было установлено за А. И. Гучковым, В. М. Пуришкевичем, П. Н. Милюковым, генералом Гурко, английским посольством. «Сотрудники» департамента полиции были случайные и постоянные. Последние получали определенное жалование, случайные сотрудники — вознаграждение, смотря по важности сообщенного ими сведения. Имена своих сотрудников, и места, где они у него имелись, департамент полиции держал в секрете: он их имел в рабочей среде, на фабриках и заводах, общественных организациях и всюду, где это представлялось ему нужным и где можно было найти подходящих людей, желавших сообщать сведения за плату. В войсках, я думаю, департамент полиции имел лишь случайных сотрудников.

Желая предупредить рабочие беспорядки и забастовки, я говорил, что нельзя давать рабочим сорганизоваться и допускать в их среде брожение. Департамент полиции приводил мое указание в исполнение, старался арестовать и выслать «главарей» и «зачинщиков» движения, не допуская их сорганизовать и возбуждать рабочих. Считались опасными три политические группы: социалисты-демократы, которые были более сорганизованы; социалисты-революционеры считались не сорганизованными, как и анархисты. Анархистов числилось в Петрограде около 40 человек. Среди лиц, принадлежащих к этим партиям, главным образом, и производились обыски, аресты и высылки, причем исключение делалось для членов Государственной Думы, так как опасались недовольства Думы, которое было бы этим вызвано; за этими лицами только следили. Раз в неделю все сведения департамента полиции сводились в письменный доклад, объяснения которому мне давал А. Т. Васильев; иногда я звал П. Г. Курлова, ген. Глобачева и других лиц, объяснения которых считал полезными. Я составил заметки обыкновенно на самом же докладе, по этим заметкам устно докладывал царю. Из полученных докладов и других случайных сведений, у меня сложилось убеждение, что петроградские рабочие готовы решиться на забастовку и на шествие к Государственной Думе 14 февраля, только еще не сорганизованы. Лица, могущие их сорганизовать, «главари» и «зачинщики» движения, были известны в полиции,— в том числе были и члены рабочей секции военно-промышленного

комитета. Я считал опасным введение рабочих секций в состав центрального комитета и военно-промышленных комитетов, образованных на местах. Я видел в этом организацию рабочих по всей России, центральный орган которой находится в Петрограде. Я находил эту организацию повторением организации Хрусталева-«Носаря» в 1905 году. Говорил об этом царю. Секция рабочих депутатов центрального военно-промышленного комитета, по моему мнению, служила связующим звеном между революционно настроенным рабочим населением и оппозицией. Оппозицией я считал партии, входившие в прогрессивный блок Государственной Думы (с конституционно-демократической партией во главе). Оппозиция считала необходимым немедленное проведение в жизнь назначения в правительство лиц, пользующихся общественным доверием, что являлось по моему мнению скрытою формою ответственного перед Думою министерства. Для достижения этой цели оппозиция должна была опереться на рабочих, могущих произвести забастовку и демонстрацию перед Государственною Думою, что заставило бы царя уступить и дать требуемую реформу. Мне казалось, что надо прервать связь между оппозицией и рабочими, т.-е. арестовать членов рабочей секции военно-промышленного комитета. Также казалось нужным не дать возможности рабочим сорганизоваться далее и согласиться на аресты «зачинщиков» и «главарей» рабочего движения; я так и сделал. Всего за время с половины января и до половины февраля было арестовано около 130 человек. Поводом для ареста рабочей секции были сообщенные сотрудниками департаменту полиции сведения о присутствии на собраниях секции посторонних лиц, произносимые рабочими депутатами речи и постановленные резолюции.

Для предупреждения забастовки в департаменте полиции (не знаю кем) было составлено письмо, призывающее рабочих к спокойствию и убеждающее их оставить мысль о забастовке. Письмо при помощи сотрудников было проведено через рабочую секцию военно-промышленного комитета и ею подписано. Цензура сначала запретила его печатать. Оно появилось в газетах в несколько измененной редакции лишь после переговоров А. Т. Васильева (кажется) с Н. В. Плеве. А. Т. Васильев, показавший мне напечатанное в газете письмо, сказал, что оно «происходит от нас», что цензура изменила немногое в редакции письма, после переговоров с нею и что это не имеет значения. Позже кн. Н. Д. Голицын мне сказал, что, арестовав рабочих депутатов после появления этого письма в газетах, я сделал ошибку. Мне было доставлено несколько прокламаций, где рабочие призывались к ниспровержению существовавшего строя, забастовке и устройству шествия к Государственной Думе. Они были подписаны или: «Русская социал-революционная рабочая партия», или: «Русская социал-демократическая рабочая партия». Я поехал к ген. С. С. Хабалову и спросил его,

как он думает остановить начинающееся забастовочное движение и попытки сорганизовать рабочих для шествия к Государственной Думе 14-го февраля? Не следует ли арестовать рабочую секцию? Он мне ответил, что арестовать придется, вероятно, но напишет раньше письмо А. И. Гучкову, что он в курсе дела. Через несколько дней он прочел это письмо в заседании совета министров. Оно содержало указание на то, что в собраниях секций рабочих депутатов участвуют посторонние лица; что произносятся революционные речи; запрещалось секции собираться без предварительного извещения о том полиции. Срок для ответа был поставлен трехдневный. Через три дня я спросил А. Т. Васильева, получен ли Хабаловым ответ от А. И. Гучкова. А. Т. Васильев мне сказал, что ответа еще нет. Собрания секции без предварительного извещения полиции продолжались, посторонние лица на собраниях присутствовали, произносились революционные речи. Я решился секцию арестовать. А. Т. Васильев сказал мне, что следует произвести арест по ордеру военного начальства. На следующий день А. Т. Васильев приехал ко мне с ген. Глобачевым и ген. Поповым. У меня был С. А. Куколь. А. Т. Васильев привез с собою журнал заседания рабочей секции военно-промышленного комитета, составленный приблизительно в декабре 1915 года, с надписью на первом листе рукою С. П. Белецкого. Написано было неразборчиво; я сам прочесть не мог; помнится, смысл надписи был (объяснял мне ее А. Т. Васильев), что надо обождать арестом секции до большего выяснения ее деятельности. Я ехал к царю с докладом. Отложил распоряжение об аресте до своего возвращения. Царю рассказал обстоятельства дела. Сказал, что можно опасаться забастовки, вследствие ареста секции, — высказал также и свое мнение, что арест все же произвести надо. Царь сказал: «Что же делать? Арестуйте». Возвратясь в Петроград, я сказал А. Т. Васильеву произвести арест. Он ответил, что ордер ген. С. С. Хабалова у него имеется, и он исполнит мое приказание. Ген. Глобачев, бывший тут же, просил позволения произвести и другие, намеченные аресты. Я согласился. В эту ночь, всех арестованных, кажется, было 40 человек, в том числе и рабочие депутаты. Больной Гвоздев был арестован на дому; члены секции были арестованы не все: сотрудник департамента полиции Обросимов и еще 2 человека, кажется, остались на свободе; они были арестованы позже. А. Т. Васильев сказал мне, что Обросимов выразил согласие отбыть наказание, которое на него наложит суд, но что департамент полиции либо испрашивает сотрудникам помилование, либо устраивает им возможность бежать; после побега сотрудник делается нелегальным. Я бы испросил у царя сотруднику помилование, и против устройства побега я бы тоже не возражал. После ареста сотрудника Обросимова, я спросил А. Т. Васильева: «будем ли мы так же в курсе движения среди рабочих, как были раньше?» Он мне отве-

тил, что я буду получать подробные сведения: «такие же, как и прежде». Очевидно, что постоянных сотрудников в рабочей среде департамент полиции имел достаточное число. Следствие по делу рабочих депутатов велось под наблюдением бывшего начальника особого отдела департамента полиции Смирнова. А. И. Гучков разослал по фабрикам и заводам извещение рабочим об аресте их представителей; экземпляр этого извещения был доставлен Смирнову. Царь боялся А. И. Гучкова. Я считал А. И. Гучкова одним из главных деятелей оппозиции и хотел узнать, насколько он причастен к делу рабочих депутатов. Я спросил о том А. Т. Васильева, который мне ответил, что, по мнению Смирнова, причастность А. И. Гучкова к делу несомненна однако поводов для привлечения его к суду не имеется. Мнение Смирнова я докладывал царю. Сказал, что арест А. И. Гучкова только увеличил бы его популярность, что в военно-промышленном комитете происходят, как говорят, злоупотребления и, если они обнаружатся, то репутация А. И. Гучкова будет подорвана; правительство же будет в стороне. Царь понимал, что я ему доложил правду. После ареста рабочих депутатов в помещении военно-промышленного комитета членом Государственной Думы П. Н. Милюковым было устроено собрание. Присутствовали: член Гос. Думы Аджемов, члены государственного совета А. И. Гучков и другой, которого называли «князь», представитель рабочих, приехавший из Москвы, оставшиеся на свободе члены рабочей секции (в том числе Обросимов) и другие лица. Речи произносили П. Н. Милюков, Аджемов и «князь». Резко высказал свое мнение один из представителей рабочих. В своих речах ораторы обсуждали создавшееся положение и предлагали различные способы помочь арестованным. Некоторые ораторы высказывали надежду добиться их освобождения. (Содержание речей не помню, ход заседания излагаю, насколько могу вспомнить.) Я получил от А. Т. Васильева подробный отчет о заседании; сведения о нем сообщил в департамент полиции, вероятно, Обросимов. Экземпляр этого отчета был мне предъявлен во время моего опроса в Верховной Следственной Комиссии.

Мне казалось, что после ареста рабочих депутатов наступило некоторое успокоение. Я хотел довести об этом до сведения царицы, — не сомневался, что она передаст царю. Я написал письмо А. А. Вырубовой, уведомляя ее, что «настроение понизилось». Я знал, что она письмо покажет царице. К своему письму я, кажется, приложил отчет о заседании, устроенном П. Н. Милюковым. Дня через три после отсылки мною письма А. А. Вырубовой я делал царю доклад; показывал ему отчет заседания; он им интересовался, читал его сам. После доклада царю я рассказал царице свои впечатления о создавшемся положении. Царь и царица были довольны моими действиями. Вскоре я получил от Е. В. Сухомли-

новой письмо, в котором она меня извещает, что в «Царском Селе, за арест секции, мне поставлен плюс». (Копии отчета заседания, устроенного П. Н. Милюковым, я послал В. Н. Воейкову, Н. Д. Голицину и И. Г. Щегловитову.)

Для удобства рабочих и, чтобы предупредить среди них волнения, вызываемые недостатком продовольствия и дороговизною, при заводах были устроены лавки, в которых продавались хлеб, чай, сахар и другие предметы, нужные рабочим. Лавки принадлежали товариществу Беляевой, устроены они были С. П. Белецким, давшим этому тов-ву из сумм департамента полиции ссуду в 150 тысяч рублей. В бытность его товарищем министра департамент полиции оставил за собою надзор за делом, до выплаты ссуды; долгу к февралю оставалось 60 тысяч руб. Заведывал лавками, в качестве члена правления товарищества Беляевой, чиновник департамента полиции Кушнырь - Кушнарев. Всех лавок было, кажется, 16. Я считал это дело полезным и думал увеличить их число. Когда муки в городе было мало, на закупку таковой в запас для лавок я дал Кушнырю 100 тысяч руб., которые я занял у Мануса (через Н. Ф. Бурдукова, как показывал в Верховной Следственной Комиссии). Кушнарев мне сказал, что рабочие сами «производят торговлю в лавках и имеют за нею надзор» и что эти рабочие «выбираются самими рабочими поочереди». Я тогда не обратил внимание на эти слова. Теперь думаю, что Кушнырь-Кушнарев находил между рабочими «сотрудников» для департамента полиции и им поручал торговлю в лавках; что эти сотрудники устанавливали между собою очередь. Думаю, что те благодарственные письма, которые Кушнырь-Кушнарев мне показывал, говоря, что они получены от рабочих, написаны «сотрудниками» и что вся организация лавок имела целью успокоить рабочих, доставляя им некоторые удобства, показать им, что правительство о них заботится и получать через «сотрудников» точные сведения о предположениях и настроении рабочих.

По желанию С. П. Белецкого, когда он был товарищем министра внутренних дел, и его соглашению с военным начальством был установлен особый порядок, которым департамент полиции приводил в исполнение постановления военного начальства о высылках. Эти постановления вписывались в журнал особого совещания, которое не могло их изменять; определяло лишь место высылки в России или Сибири, согласно ст. 17 или 19 инструкции особого совещания, указанной в постановлении военного начальства, и назначало высылаемому срок выезда. О существовании этого порядка мне сказал А. Т. Васильев; я его не расспросил и с этим порядком не ознакомился. Военное начальство часто прибегало к высылкам; около 80% всех высылок, проведенных по журналу особого совещания, падало, по словам А. Т. Васильева, на высылки по постановлению военного начальства.

Петроградского градоначальника кн. А. Н. Оболенского я не любил и находил его самоуверенным и нераспорядительным. Слышал, что в продовольственной комиссии, где он председательствовал, все дело вел член комиссии Фомин, которого называли нечестным человеком. Дознание я хотя и не назначил и не сообщил и министру земледелия, но стал не совсем доверять кн. А. Н. Оболенскому. Царица его тоже не любила; она была сердита на его сестру, свою фрейлину, упрекавшую царицу за ее близость к Распутину. Все вышеизложенное заставило меня желать ухода кн. А. Н. Оболенского. Я ему сказал: «В Царском Селе вами недовольны, не знаю удастся ли нам служить вместе». Ему уходить не хотелось. Я ему посоветовал съездить к царице «помириться» Он последовал моему совету. Это облегчило мне получение согласия царя на зачисление кн. Оболенского в свиту, о чем я ходатайствовал. Около первого ноября кн. А. Н. Оболенский оставил место градоначальника. Я слышал, что перед уходом он ездил к Распутину, но это ему не помогло: мне хотелось с ним расстаться. Распутин же за него не просил. На его место я предложил на усмотрение царя и царицы 4-х кандидатов: Миллера — градоначальника в Ростове на-Дону, Спиридовича — градоначальника Ялты (за них просил меня П. Г. Курлов), Хогондокова — наказного атамана, кажется амурского казачьего войска (за него просил меня кн. В. М. Волконский) и А. П. Балка, помощника варшавского оберполициймейстера. Он был мой товарищ по 1-му кадетскому корпусу, и я его считал наиболее подходящим кандидатом; за него просил П. А. Бадмаев; Распутин знал А. П. Балка. Царь отклонил кандидатуру Миллера, сказав: «немецкая фамилия, не надо». Царица, к которой по моему совету ездил ген. Хогондоков, но ей не понравился, отклонила кандидатуру его и ген. Спиридовича, про которого сказала: «пусть остается, где он есть». Я сказал про А. П. Балка: «Он хороший человек и будет свой», и просил его назначить. Царь согласился; царица не возражала. Доклад мой царю произошел в этот день случайно: я был вызван к царице, разговаривал с нею в гостиной, куда пришел царь. Я говорил А. П. Балку, что надо подготовить план охраны Петрограда на случай возникновения серьезных беспорядков, предвидя возможность вызова войск на помощь полиции. Он ответил, что прекращал революционное движение в Варшаве и имеет уже опыт. Приблизительно в это время А. Ф. Трепов был назначен председателем совета министров. Раздражение Государственной Думы против правительства, обнаружившееся с первых ее заседаний, заставило А. Ф. Трепова думать об охране министров, бывавших в Думе. Он допускал возможность нападения отдельных несдержанных депутатов на членов правительства во время бурных заседаний и в совете министров поднял вопрос об усилении и даже удвоении караула при Гос. Думе, как это было во времена 2-й Думы.

Он справлялся и об исправности звонка, проведенного от его места в Думе на гауптвахту. Вызывал Куманина, заведывающего министерским павильоном, и помощн. начальника охраны Таврического дворца полк. Бертхольда. Мысль увеличить караул была оставлена А. Ф. Треповым, решившим, что эта мера обострила бы еще более отношения Думы и правительства. При открытии Думы после перерыва были приняты особые меры охраны: у застав стояли отряды конных стражников, чтобы не пустить в город толпы рабочих, если бы они туда двинулись; в улицах, прилегающих к Государственной Думе, были сосредоточены усиленные наряды полиции. По городу ездили отряды жандармов и конной стражи. Меры были приняты А. П. Балком по моему поручению; о его распоряжениях я подробно его не расспрашивал.

Начиная с ноября, настроение в столице и во всей стране стало подниматься. Обострялись вопросы продовольствия и дороговизна. Меры, принимаемые правительством, были неудачны. Резкая критика его действий в речах членов Государственной Думы, разносимая печатью, находила отклик всюду. В Петрограде влияние Думы было особо заметно; умеренные люди переходили на сторону оппозиции, резкие речи членов Думы повторялись и обсуждались в частных домах и собраниях; их размножали на гектографах и в типографиях, рассылали в войска и распространяли среди рабочих; забастовки, временно стихнувшие, стали чаще повторяться; сведения департамента полиции указывали на возможность рабочего движения в столице.

У меня снова явилась мысль о необходимости иметь наготове план охраны не только полицейской, но и войсковой. Я спросил А. П. Балка, в каком положении находится выработка этого плана? Он мне ответил, чтобы я не беспокоился, что у него на квартире ежедневно происходят заседания по этому делу под председательством ген. С. С. Хабалова, что план вырабатывается. Вырабатывался ли план по распоряжению ген. С. С. Хабалова, или по инициативе А. П. Балка, которому я, при его вступлении в должность, дал распоряжение подготовить этот план, — мне неизвестно. В половине января А. П. Балк мне передал план охраны. Я его не изучал и плохо помню. По плану предполагалось прекратить беспорядки в четыре дня; если это не удастся, командующий войсками округа продолжал давать указания, соответственно обстоятельствам. Предполагалось сначала действовать одной полицией; в случае нужды — вызвать казаков с нагайками; при необходимости — вызывались войска. Предполагалось вызвать те части войск, которые «благонадежны», т.-е. не откажутся стрелять; они были поименованы и разделены между шестью полициймейстерами города. В каждом полициймейстерстве был особый начальник военных частей. Численность всех вызываемых войск, жандармов и полиции была 1.200 человек. Ген. Чебыкин командовал войсками

охраны, его помощником был полк. Назаров. План я представил царю. Доложил ему, что в 1905 году прекращали беспорядки 60 тысяч человек солдат; что теперь, хотя общая численность всех благонадежных частей только 12.000 человек — все же, надеюсь, беспорядки будут прекращены; что ген. С. С. Хабалов — верный ему слуга и исполнит свой долг. Царь оставил план у себя и поблагодарил меня. После царя я был у царицы; рассказал ей вкратце про план охраны, хвалил С. С. Хабалова, сказал, что ему следует дать больше самостоятельности и выделить петроградский военный округ из состава Северного фронта, иначе ген. Н. В. Рузский уволит ген. Хабалова; просил царицу его принять. С. С. Хабалов был принят царем и царицей. Через неделю я жаловался царю на генералов Рузского и Савича, притеснявших ген. С. С. Хабалова; напомнил, что прежде петроградский округ составлял особую, шестую армию, и предложил царю, не пожелает ли он восстановить старый порядок. Указал, что ген. С. С. Хабалов будет иметь больше самостоятельности при подавлении революционного движения среди рабочих. Царь выслушал мой доклад и поручил мне передать С. С. Хабалову явиться к нему. В конце января царь сказал мне, что петроградский округ выделен в особую армию.

В половине февраля царь с неудовольствием сообщил мне, что он приказал ген. В. И. Гурко прислать в Петроград петергофский уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе моряков 2-го гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными; они при призыве пополнялись из фабричной и мастеровой среды). Я ответил царю, что моряки, действительно, присланы неудачно и я считаю полезным увеличение числа лишь благонадежных частей войск в Петрограде, но не удивлен ослушанием ген. Гурко; думаю, что царь пожелает настоять на исполнении своего приказа. Царь сказал: «Да конечно!». Сделал ли он ген. Гурко выговор и повторил ли свое распоряжение, я не знаю.

Я много раз говорил царю, что считаю деятельность ген. Батюшина вредною. Он часто производил недостаточно обоснованные обыски и аресты среди лиц торгово-промышленного мира и делал выемки и обыски в банках. Его деятельность уменьшала русское производство, пугала капитал и откидывала в оппозицию торгово-промышленный мир и банки. Я считал, что он плохо исполняет свою прямую обязанность — знать настроение войск и дозволяет своим помощникам полк. Рязанову и прапорщику Логвинскому брать взятки и вымогать деньги. Я мало знал Батюшина; стеснялся обращаться в нему с ходатайством по просьбам царицы, А. А. Вырубовой и своих знакомых (царица и Вырубова просили меня переговорить с Батюшиным об освобождении Д. Л. Рубинштейна); мне хотелось заменить его человеком, которого я бы поставил на это место; с которым бы не стеснялся. С. П. Белец-

кий очень желал занять ответственное место; я считал его умным, правых убеждений и очень способным к сыску человеком. Знал что он был нечист в денежных делах, но надеялся, что он исправится и будет честно исполнять свой служебный долг; в этом я взял с него клятву перед иконою. Я решил его назвать царю, как кандидата на пост ген. Батюшина. Мне очень советовал это и Н. Ф. Бурдуков; Белецкий часто у него бывал, и они были дружны. Н. Ф. Бурдуков мне говорил, что Белецкий будет полезен на месте Батюшина, но не советовал доверяться ему: «предаст». В половине февраля царь уезжал в ставку. Я хотел, чтобы он приказал ген. Гурко уволить Батюшина и назначить С. П. Белецкого на его место; напомнил царю о вредной деятельности ген. Батюшина и сказал, что считал бы полезным его заменить С. П. Белецким. Царь мне ответил, что он знает дурную репутацию Белецкого, но согласен со мною относительно его выдающихся способностей к делу сыска и подумает о его кандидатуре. За два дня до своего отъезда царь мне сказал, что он думает назначить С. П. Белецкого на место Батюшина, был со мною очень ласков, простился и приказал беречь царицу. Больше я в Царском Селе не был. Полковник Рязанов был послан командовать батальоном в Хабаровск, прапорщик Логвинский отдан под суд.

За несколько дней до своего отъезда царь помиловал сахарозаводчиков по моему представлению (Цехановского, Доброго, Гепнера и еще двух, фамилии которых не помню). Он согласился поставить резолюцию, мною ему представленную: «Дело сахарозаводчиков прекратить; водворить их на место постоянного их жительства; пусть усердною работою на пользу родины они искупят свою вину, если таковая за ними и была».

А. Протопопов.

XVI.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание.

[Начало революции. Доклад Балка. Распоряжения Протопопова. День 23 февраля и события следующих дней. Совет министров. Протопопов у Балка. Благодарственный приказ Протопопова по жандармерии. Телеграмма в ставку о событиях. Телеграмма б. царя. Хабалов. Невозможность примирения правительства с Гос. Думой. Назначение перерыва занятий Гос. Думы на 26 февраля. Бессилие власти. Отказ Гос. Думы подчиниться указу о роспуске. Опасение Протопопова о разгроме дома. Переход совета министров в Мариинский дворец. Уход Протопопова. Подыскание ему преемника. Скитания и арест Протопопова. (11 сентября.)]

23-го февраля началась революция. Она открылась забастовкою рабочих, забастовка перешла в рабочее движение, произошли беспорядки, прекратить которые силами одной полиции не удалось. Вызванные войска действовали недолго и стали переходить на сторону народа. Народ требовал и правительство к ответу за гнет и лишения, которые он долго терпел. События наступили внезапно. Я не ожидал движения в войсках, не ожидал и сильного движения среди рабочих. Сведений о готовившихся событиях не имел: департамент полиции оказался неосведомленным: его сотрудники, вероятно, скрыли правду. После ареста рабочих депутатов и зачинщиков рабочего движения я считал, что рабочие скоро вновь не сорганизуются, и наступит некоторое успокоение. Мое предположение будто бы оправдалось: 14 февраля, в день открытия Государственной Думы, забастовок и уличных беспорядков не произошло, правда, меры охраны, по моему предложению, были приняты ген. А. П. Балком, но рабочие и не делали попыток произвести демонстраций. А. Т. Васильев предупреждал меня о возможности забастовки и шествия рабочих депутатов и зачинщиков рабочего движения, я считал, что благополучно, сведения департамента были успокоительные,

я допускал возможность забастовок на отдельных заводах, но организованного выступления рабочей массы, а тем более перехода войск на сторону народа не ожидал. Поэтому я не придал должного значения первому сообщению ген. А. П. Балка утром 23-го февраля. Он мне сказал, что много фабрик и заводов стало, рабочие собираются толпами, ходят по улицам с красными флагами, осаждают пекарни, накупая хлеб в запас на сухари, в виду распространения неверных слухов об отсутствии муки в городе; сообщал, что запаса муки у уполномоченного председателя совещания по продовольствию имеется на 20 дней и он согласился выдать по настоянию А. П. Балка пекарям на следующий день вместо обычных 35.000 пуд. — 40.000 пуд. муки; что волнение вызвано опоздавшею выпечкою хлеба вследствие несвоевременной выдачи муки пекарям. Я сказал А. П. Балку дать в газеты сведения об имеющихся запасах муки или поместить о том объявления и опровергнуть ложные слухи. Последовал ли он моему совету, я не знаю. План охраны Петрограда был быстро приведен в исполнение; поименованные в нем части войск были разведены по полициймейстерствам и заняли определенные здания. Наряды полиции приступили к прекращению беспорядков. День прошел сравнительно спокойно; толпы рабочих в большинстве случаев расходились по требованию чинов полиции, и только на Невском проспекте отряды конной стражи и жандармов принуждены были рассеивать толпу, пуская лошадей вскачь и врезываясь в нее. О ходе событий я справлялся у А. П. Балка и А. Т. Васильева и посылал ген. Невражина объезжать город. К шести часам дня движение стихло, ночь прошла спокойно. Днем по телефону в Царское Село я просил ген. Гротена предупредить царицу и А. А. Вырубову о начавшихся беспорядках; поздно вечером говорил ему вторично и выразил надежду, что движение на следующий день успокоится. Вечером А. Т. Васильев мне сказал, что движение рабочих имеет массовый характер; организованности не наблюдается, нет вожаков; по его сведениям, была надежда, что утром рабочие встанут на работу. Ночью я объехал город; на улицах было меньше народу, чем обыкновенно. Невский проспект освещался сильным рефлектором, установленным на шпице адмиралтейства. 24-го февраля с утра беспорядков не было. На некоторых фабриках и заводах рабочие явились во-время, была надежда, что забастовка прекращается. Вскоре однако стали появляться забастовщики, которые снимали товарищей с работы, они ходили в одиночку или кучками. Общая забастовка возобновилась около полудня. Почти все заводы и фабрики остановились, в пригородах Петрограда было разбито несколько съестных лавок, и произошли столкновения рабочих с полицией. Рабочие проходили в одиночку или небольшими группами мимо нарядов полиции у застав, собирались толпами на Лиговке, Петергофском

проспекте, Выборгском шоссе и других местах. В городе стали появляться на главных улицах большие скопления народа, пелись революционные песни. По распоряжению ген. С. С. Хабалова были вызваны казаки. Они выехали с пиками, без нагаек. По улицам, ведущим к Невскому проспекту, шли большие толпы народа, — Невский проспект был запружен, езда прекратилась. На площади перед Казанским собором были попытки произносить речи, выкинули красные флаги. В отряд конных стражников, на Караванной улице, бросили бомбу: ранили двух лошадей и одного стражника. К пяти часам Невский проспект был очищен от толпы. Она вновь собралась на Знаменской площади, около памятника Александра III, оказывая сопротивление полиции. Жандармский офицер (фамилии не помню) был убит выстрелом в спину. Вызванные войска произвели несколько залпов в толпу и заставили народ бежать. Мне говорили, что стреляли и в других местах, но меньше, чем на Знаменской площади. Действиями войск толпы были рассеяны, полиция препятствовала им вновь собираться. К вечеру рабочие разошлись по домам, народу на улицах было мало. Казалось, наступило успокоение. День прошел, сравнительно, благополучно. Можно было ожидать более сильного столкновения полиции и вызванных войск с народом и большего количества жертв. Жандармы, конная стража и отряды пешей полиции действовали энергично, что озлобляло народ. Их бранили, кидали в них камни. К казакам злобы не было, к ним подходили, разговаривали, помогали поправить седловку или уздечку на лошади. Толпа часто встречала их криками «ура». Казаки уговаривали ее разойтись, но не разгоняли силой и не пускали лошадей вскачь. Вообще действовали вяло, не помогали полиции прекращать беспорядки и подавали дурной пример другим войскам. Вечером кн. Н. Д. Голицын собрал совет министров. Он хотел узнать и обсудить положение. Приглашен был и ген. С. С. Хабалов, который давал объяснения. Он находил положение серьезным, но верил, что прекратит беспорядки; считал достаточным количество пехоты и сказал, что потребует новые кавалерийские части из Петергофа и еще казаков. Он не мог подробно доложить совету о происходившем в этот день, так как еще сам не получил донесений от начальника войсковых частей. Он уехал к градоначальнику, где они все собрались. После отъезда ген. С. С. Хабалова я доложил те события дня, которые мне были известны, сказал, что движение рабочих носит массовый характер, что вожаков у них нет, и выразил надежду на прекращение беспорядков силами полиции и войск. Кн. Голицын поставил вопрос, как поступить с Государственной Думой. Следует ли ее распустить или прервать ее занятия? Члены совета знали, что Дума имеет влияние как в рабочей, так и в военной среде и идет вместе с народом. Некоторые министры (в том числе и я) считали, что

организаторы рабочего движения имеются среди членов Государственной Думы и находили ее влияние опасным. Все же роспуск был единогласно отклонен, было решено, до объявления указа о перерыве занятий, сделать попытку склонить прогрессивный блок к примирению с правительством и общими усилиями успокоить народное волнение. Переговоры поручено было вести Н. Н. Покровскому и А. А. Риттиху. Они должны были увидеть П. Н. Милюкова, В. А. Маклакова и Н. В. Савича и о результате доложить совету на следующий день. От кн. Голицына я поехал к градоначальнику. Хотел видеть А. Н. Балка и начальников воинских частей, собранных у него, и узнать их настроение. А. П. Балк был серьезен, но спокоен; он понимал опасность положения. Я обошел всех начальников воинских частей и поговорил с ними; видел и своего товарища, полковника А. А. Троилина, командовавшего отрядом донских казаков; он был немного смущен вялыми действиями своих солдат. В общем, я вынес впечатление, что начальники воинских частей постараются прекратить беспорядки. Это меня ободрило. Дома меня ждал А. Т. Васильев; он мне сказал, что положение более запутано, чем казалось, что он поручил ген. Глобачеву собрать новые сведения; все же надеется, что народ может еще успокоиться. 24-го февраля я подписал составленный по моему распоряжению ген. Никольским приказ по отдельному корпусу жандармов, благодарил их за верную службу и обещал доложить о ней царю.

Вместе с С. А. Куколем-Яснопольским мы составили телеграмму В. Н. Воейкову дял доклада царю приблизительно такого содержания: «Вчера в Петрограде начались беспорядки рабочих. Причина—опоздавшая выпечка хлеба, ложные слухи об отсутствии в городе муки. Имеется запас на 20 дней. Распорядился увеличить отпуск муки пекарям. Движение рабочих не сорганизовано. Связь между рабочими и оппозицией Государственной Думы пока не возобновлена. Роспуск Думы отклонен; решено прервать занятия. Вызванные войска честно исполняют свой долг. Есть надежда, что завтра рабочие встанут на работу. В Москве все спокойно». (Моя телеграмма была длиннее; я, очевидно, что-то пропускаю, что именно — вспомнить не удается.) Телеграмму я сказал Б. И. Григорьеву (секретно) зашифровать и отослать в ставку. Кажется, от Б. И. Григорьева я узнал, что запасный батальон Литовского полка самовольно оставил казарму; захватил ружья и собрался на Марсовом поле, желая перейти на сторону рабочих. Полковой священник с крестом в руке убедил солдат вернуться в казарму.

25-го февраля А. П. Балк мне сказал, что с раннего утра движение рабочих возобновилось, и войска принуждены были уже несколько раз стрелять в народ; что у рабочих появилось огнестрельное оружие, и есть раненые и убитые городовые и конные

стражники. Обещал мне сообщить ход событий. Я чувствовал, что положение становится грозным; все же меня не покидала надежда на прекращение смуты. Ни А. П. Балк, ни А. Т. Васильев в течение дня мне сведений не давали; было видно, что они несколько теряли самообладание. Днем я был у ген. С. С. Хабалова. Он был в подавленном настроении; показал мне депешу от царя: «Повелеваю принять меры и прекратить беспорядки, недопустимые во время войны». (Точно телеграмму не помню.) Хабалов мне сказал, что войска, конечно, исполнят свой долг, но положение его трудное и ответственность большая; что, по его непростительному недосмотру, казаки выехали без нагаек и потому действовали не энергично; он жалел об отсутствии уральских казаков, одна сотня которых, по его мнению, могла бы принести большую пользу. Он ждал прибытия новых частей кавалерии и казаков. Я старался его ободрить, но это плохо удавалось, уехал от него с тяжелым чувством. Мне вспомнилось, что ночью народа на улицах города почти нет и беспорядков не бывает, потому что производить их некому. У меня явилась мысль запретить всем выходить из дома после наступления сумерок приблизительно в 6 часов вечера, объявив город в осадном положении; я понимал, что эта мера озлобит многих, но возможность ее допускал. Вечером кн. Голицын собрал совет министров. К началу заседания приехал ген. С. С. Хабалов. Он имел растерянный вид и сказал, что некоторые части войск перешли на сторону революционеров, предвидел столкновение между ними и частями, которые остались верными царю, сказал, что неуверен даже и в этих солдатах, признавал положение почти безнадежным. Плана действий на следующий день ген. Хабалов доложить совету министров не мог, было видно, что он его не имеет. Вскоре он уехал к градоначальнику на собрание начальников войсковых частей. После его отъезда кн. Н. Д. Голицын сказал, что оставлять командование войсками и распоряжение охраною в руках одного растерявшегося ген. Хабалова нельзя. Военный министр М. А. Беляев, к которому кн. Н. Д. Голицын обратился с просьбою помочь, переговорил с С. С. Хабаловым по телефону и поехал к нему. Кажется, в этот вечер была вызвана артиллерия. В заседание совета приехали, от имени своей правой группы, члены государственного совета А. Ф. Трепов, кн. А. А. Ширинский-Шихматов и Н. А. Маклаков, они предлагали ввести в городе осадное положение. Предложение обсуждалось после их отъезда и было отвергнуто. (Они предлагали еще вторую меру, какую — я не могу вспомнить.) Н. Н. Покровский и А. А. Риттих доложили результат своих переговоров с членами Государственной Думы П. Н. Милюковым, В. А. Маклаковым и Н. В. Савичем. Примирение оказалось невозможным: депутаты требовали перемену правительства и назначение новых министров из лиц, пользующихся

общественным доверием, говорили, что эта мера может быть успокоит народ; указывали на потерянное время. Требование депутатов было признано неприемлемым. Кн. Н. Д. Голицын предложил прервать занятия Государственной Думы, его предложение было принято всеми голосами против Н. Н. Покровского и А. А. Риттиха, находившихся невозможным прервать занятия Государственной Думы в переживаемое время. Перерыв решено было сделать с 26 февраля. Срок возобновлений занятий Думы не голосовался, его поставил кн. Н. Д. Голицын, переговорив лишь с двумя или тремя министрами. Я его не помню, бланк указа, подписанный царем, хранился у кн. Н. Д. Голицына, он вписал нужный ему текст и передал указ Н. А. Добровольскому, который мне сказал, что он также обойдет формальности распубликования указа через сенат, как это делалось раньше. Все присутствующие на собрании были взволнованы; оно уже не имело сходства с бывшими заседаниями совета министров. От кн. Н. Д. Голицына я поехал к А. Т. Васильеву. Он собирался ночевать у знакомых, так как дома опасался быть захваченным революционерами; считал положение безнадежным. Когда я вернулся домой, полковник Балашов мне сообщил, что на Путиловском заводе имеются бронированные автомобили, которые легко могут быть взяты революционерами. Считая его опасения справедливыми, я телеграфировал ген. С. С. Хабалову и советовал немедленно разобрать у автомобилей двигатели. Он ответил, что сделает нужное распоряжение. Кажется 25-го февраля был убит полковник Шалфеев. 26-го февраля утром А. П. Балк мне телефонировал, что много войсковых частей перешло на сторону революционеров; они уже завладели Финляндским вокзалом; защищаемый отрядом жандармов Николаевский вокзал еще держался. От дежурных секретарей, офицеров для поручений и курьеров, я все время узнавал тревожные новости; революционеры взяли арсенал, разобрали оружие и патроны, овладели Петропавловскою крепостью, выпустили из «Крестов» арестованных и осужденных за политические преступления; горело здание судебных установлений. Революция брала верх над защитниками старого строя, правительство становилось бессильным. Я допускал возможность разгрома дома министра внутренних дел; хотел сохранить себе, на память, некоторые письма и бумаги, торопился итти к кн. Н. Д. Голицыну; разбираться времени не имел; почти наугад — я положил в папку свои доклады царю по департаменту полиции, письма и депеши ему и царице, письма от Вырубовой и Воейкова, фотографические снимки полиции, разыскивающей труп Распутина, а также несколько других бумаг, попавшихся мне на глаза. Я думал вернуться и разобрать их; пока же отдал поберечь папку своему камердинеру Павлу Савельеву. Пакет с 50.000, которые я занял у графа В. С. Татищева, я запер в несгораемом шкафу,

там же в запечатанном конверте лежал и ключ к военному шифру. К кн. Н. Д. Голицыну я доехал с трудом, — улицы были переполнены народом. Кн. Н. Д. Голицын мне сказал, что разослал министрам приглашение приехать к нему совещаться, так как Государственная Дума отказалась подчиниться указу. Вскоре приехали П. А. Барк, Н. Н. Покровский, М. А. Беляев, Н. А. Добровольский, Кригер-Войновский и кн. В. Н. Шаховской. Совещания не было. Кн. Н. Д. Голицын предложил переехать в Мариинский дворец, где безопаснее; он опасался разгрома, так как дом его не охранялся. Подъехав к Мариинскому дворцу, я увидел перед ним два полевых орудия; в помещении, около швейцарской, были солдаты, я слышал, их было около роты. Я был вызван к телефону. А. П. Балк мне сказал, что полиция и конная стража сильно пострадала, и спрашивал моего разрешения стать во главе уцелевшаго отряда конных стражников и пробиться в Царское Село, чтобы охранять царицу и наследника. Я спросил А. П. Балка, отчего он не обратился за указаниям к ген. С. С. Хабалову, он мне ответил, что не мог его нигде отыскать, время же не терпит, и надо принять решение. Я предложил А. П. Балку остаться в городе. В зале совета министров собрались все министры; отсутствовали только Н. П. Раев и И. К. Григорович. Кн. Н. Д. Голицын предложил поставить царя в известность о создавшемся, исключительно тяжелом положении. Произошел обмен мнений. Решено было послать царю телеграмму о переходе в Петрограде почти всех войск на сторону революционеров и о необходимости прислать популярного генерала, дав ему диктаторские права, для переговоров с войсками, о предоставлении председателю совета министров права производить по его усмотрению перемены в составе правительства и вести переговоры с Государственной Думой. П. Л. Барк заявил, что ждать ответа царя времени не имеется, и предложил предоставить по решению совета министров нужные права кн. Н. Д. Голицыну. Предложение было принято. Во время его обсуждения мне подали письмо от полк. Балашева, который меня извещал о разгроме дома министра внутренних дел. Жена моя спаслась у смотрителя здания Симановского, вернуться домой я не мог. Содержание письма я сообщил совету министров, мне выразили соболезнование. В это время ген. М. А. Беляев сказал что-то полушопотом кн. Н. Д. Голицыну, который обернулся и взглянул на меня, я расслышал, что вел. кн. Кирилл Владимирович привез из ставки какую-то новость, и догадался, что царь выразил согласие на мою отставку. Через несколько минут кн. Н. Д. Голицын обратился ко мне с просьбою «принести себя в жертву», как он выразился, и подать в отставку. Я напомнил ему мои неоднократные об этом просьбы у царя и ответил полным согласием, на вопрос — кого я мог бы рекомендовать на свое место, сказал, что временно мог бы меня заменить товарищ мини-

стра Н. Н. Анциферов и указал на главного военного прокурора ген. Макаренко, как на достойного кандидата на мое место. Н. Д. Голицын распорядился вызвать ген. Макаренко в совет министров. Затем я простился и вышел из залы. Выходя, увидел вел. кн. Михаила Александровича и вел. кн. Кирилла Владимировича, которые прошли торопливо, кажется, в кабинет председателя государственного совета. Я ушел к С. Е. Крыжановскому, где пробыл часа два, хотел успокоиться, — не знал, куда мне поехать; С. Е. Крыжановский старался меня ободрить, переговорил по телефону с И. И. Маликовым, который пригласил меня ночевать в здание государственного контроля, заняв его кабинет. Я охотно согласился. С. Е. Крыжановский мне, между прочим, сказал, что я сам, отчасти, виноват в своем тяжелом положении: следовало, по его мнению, быть председателем совета министров и министром внутренних дел, и тогда я мог бы провести какую-либо программу, теперь же я был бессилен. Он мне намекнул, что мое присутствие в Мариинском дворце может привлечь в здание революционеров, которые меня ищут, и министры этого опасаются. Поблагодарив С. Е. Крыжановского за его внимание, я направился в здание контроля. В швейцарской Мариинского дворца я встретил ген. Макаренко; он только что вышел из залы совета министров. Я поздравил его с назначением и пожаловался на свою неудачу, — он ответил, что от назначения отказался; про меня сказал: «Теперь вы виноваты, — кому не удалось, того всегда винят!». Я невольно вспомнил, что он мне сказал те же слова про В. А. Сухомлинова, когда тот получил отставку. В швейцарской я узнал, что приехали в совет министров А. И. Гучков и М. В. Родзянко.

Ночь я провел в здании контроля (Мойка, д. 72). 27 февраля утром я хотел пройти к своему брату С. Д. Протопопову, на Калашниковскую набережную, д. № 30. Улицы были полны народом, слышалась стрельба из ружей и пулеметов, изредка пушечные выстрелы. Во многих местах города горели полицейские участки. Проезжали открытые автомобили, украшенные красными флагами, с солдатами, которые кланялись толпе, приветствовавшей их криками «ура». Прохожие снимали шапки. Проезжали и бронированные автомобили. Я не хотел быть узнанным. Встретил В. Н. Шаховского, который шел, подняв воротник шубы; он, очевидно, тоже опасался. Итти было трудно. Дойдя до Ямской улицы, д. № 12, я зашел в портному Ивану Федоровичу Павлову, где оставался до вечера. От него я узнал, что полиция, переодетая в солдатскую форму, занимает крыши и верхние этажи домов, стреляя в толпу из ружей и пулеметов, что жандармы, защищавшие Николаевский вокзал, установили на его башне пулеметы и перебили много народу, что отряд городовых занял гостиницу «Астория», где осажден восставшим войсками, раздраженными

оказываемым им сопротивлением. Прочитав в газете, что члены правительства сложили свои полномочия, что революционеры их разыскивают и отвозят в Государственную Думу, я решил добровольно направиться туда. Около 11 час. вечера я пришел в Таврический дворец, где и был арестован. Перед арестом я передал А. Ф. Керенскому ключ от рабочего письменного стола в кабинете министра внутренних дел и сказал, что в столе заперты ключи от несгораемого шкафа, в котором лежат военный шифр и 50.000 рублей.

А. Протопопов.

XVII.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

[Исчезновение Распутина. Рассказ городового об Юсупове и Пуришкевиче. Розыски Распутина. Головина. Обнаружение убийства и перевозка трупа в мертвецкую часовню при богадельне. Доклад в Царском Селе об убийстве Распутина. (6 сентября.)]

18 декабря 1916 г. около 8 ч. утра А. П. Балк сообщил мне по телефону, что Распутин исчез. Заявили ему об этом домашние Распутина. По показаниям дворника и городового, около часу ночи военный автомобиль остановился у дома № 62 по Гороховой улице. В автомобиле было двое господ и шоффер. Один из приехавших остался в автомобиле, другой вошел в дом. Через короткое время с ним вышел Распутин; оба сели в автомобиль и втроем уехали по направлению к адмиралтейству. Опрошенная горничная Распутина сказала, что уже раза три видела приехавшего ночью за Распутиным господина. Распутин сам отворил ему дверь, сказав: А, маленький! входи, здравствуй!». По описанию горничной, наружность приезжавшего подходила к графу Ф. Ф. Сумарокову-Эльстону кн. Юсупову. Около 6 ч. утра местный пристав доложил А. П. Балку следующее: городовой, стоявший у Поцелуева моста, в ночь на 18 декабря, узнал от дворника Юсуповского дворца о намерении князя устроить ночью кутеж. К 12 час. ночи окна дворца осветились; к садику дворца стали подъезжать автомобили с гостями; вскоре приехал вел. кн. Дмитрий Павлович. В 4 часа утра начался разъезд гостей; в это время в садике раздался выстрел. Городовой направился узнать, что это значит и кто стрелял. Дорогой встретил отъезжающий автомобиль с вел. кн. Дмитрием Павловичем. Подойдя к садику, увидел кн. Юсупова, стоявшего на малом подъезде: он разговаривал со своим камердинером; заметил городового и приказал позвать его к себе. Камердинер провел городового через главный подъезд в кабинет князя Юсупова, там было двое господ; оба были пьяные; один лежал на диване, другой — князь Юсупов, смеясь, гово-

рил по телефону вел. кн. Дмитрию Павловичу: «Так это ты стрелял и убил собаку, ничего». Второй господин встал с дивана и спросил городового: «Знаешь ли ты меня и любишь ли царя?». «Царя люблю, вас же, извините не знаю», — ответил городовой. «Я — Пуришкевич. Слышал? Знай, что Распутин убит, его больше нет, но никому не говори». Кн. Юсупов угостил городового вином и отпустил его. А. П. Балк, сообщив мне все вышеизложенное, сказал, что о случившимся он известил судебного следователя и прокурора судебной палаты, который уже посетил вел. кн. Дмитрия Павловича и кн. Юсупова, но следствия не возбудил. Я не был особенно испуган исчезновением Распутина и не сразу поверил его убийству, думал, что после ночного кутежа он пьяный остался у цыган на островах, или у своих знакомых. По телефону от А. А. Вырубовой знал, что царица допускает мысль о его насильственной смерти, относится к этому довольно спокойно, хотя плачет и требует от меня отыскать его живого или мертвого. Я справился у М. Е. Головиной, которая сказала мне, а раньше А. П. Балку, что сведений о Распутине не имеет, сообщил о случившемся П. А. Бадмаеву и пригласил к себе П. Г. Курлова, А. Т. Васильева, генералов Глобачева и Попова. Я передал им требование царицы, напомнил им, какое значение имеет для меня его исполнить, и выразил надежду, что они пожелают мне помочь. По общему решению, искать Распутина было поручено ген. Попову. Он распорядился осмотреть садик у дворца кн. Юсупова, где произведен был выстрел. Прибывшие жандармы застали дворников, собирающихся убирать садик, остановили работу и нашли в нем убитую выстрелом в пасть собаку и кровь на снегу у малого подъезда. Кровь, по исследовании, оказалась человеческая. Агенты полиции тщательно осмотрели на островах те рестораны, трактиры, цыганские квартиры, где бывал Распутин, спрашивали о нем: в эту ночь его никто не видел. Поиски на островах все-таки продолжались; думали, что Распутин прячется. Секретарь Распутина Симонович, в сопровождении неизвестного мне архимандрита или владыки, приехал ко мне на короткое время. Они утверждали, что Распутин убит в доме кн. Юсупова, перебивали друг друга при разговоре, были взволнованы и, повидимому, правды не знали, а лишь сообщали догадки; я отметил себе только их уверенность в смерти Распутина, нового же от них не узнал. К вечеру П. А. Бадмаев мне сообщил что М. Е. Головина ему призналась в своем горе. Она знала еще накануне о намерении Распутина кутить и ужинать у кн. Юсупова. Его же Распутин звал «маленький», она все это скрыла от А. П. Балка и меня, потому что была неравнодушна к кн. Ф. Юсупову и боялась обвинения его в убийстве «отца», которого тоже любила и почитала. Бывшие у меня в этот день кн. Тарханова и сестра Воскобойникова не верили, что Распутина нет в живых. А. Т. Васильев

мне сообщил, что член Государственной Думы В. М. Пуришкевич послал в Москву члену Думы В. А. Маклакову телеграмму: «Все кончено». Поздно вечером ген. Попов мне сказал, что агентами найдена кровь на перилах и на одном из устоев моста, между Петровским и Крестовским островами; кругом устоя льда не было; была полынья, и на краю ее нашли галошу, которую домашние Распутина признали за принадлежащую ему. Сомнений больше не было: Распутин был убит и утоплен. Надлежало достать его труп. Положение дела я сообщил А. А. Вырубовой; от нее узнал о желании царицы схоронить Распутина в Царском Селе; то же сказала мне и сестра Н. И. Воскобойникова. Через день ожидали царя из ставки. До его приезда я решился задержать в Петрограде желавших уехать — одного из сыновей вел. кн. Александра Михайловича (кажется, Никиту Александровича) и кн. Юсупова. Ген. Попов доложил им о моем распоряжении, когда они уже вошли в вагон, они немедленно подчинились (я знал, что царица сочувствует моему решению). Достать труп Распутина из воды зимою было трудно. Безуспешно работали баграми и пускали водолазов. Наконец, обнаружили труп, который отчасти всплыл, и баграми вытащили его на лед. А. Т. Васильев дал мне с этих работ фотографии, а также снимки с трупа. Когда труп был поднят на мост, прибыли министр юстиции А. А. Макаров и прокурор судебной палаты Завадский. Для судебного вскрытия они хотели труп Распутина отправить в клинику Виллие на Выборгскую сторону. Ген. Попов мне это сообщил по телефону, спрашивая указаний. Я просил позвать к телефону прокурора судебной палаты и сказал, что перевозка трупа Распутина через город, в людную его часть, может вызвать беспорядки и во всяком случае скопление народа и нежелательные толки; поэтому я предложил отправить труп, моим распоряжением, в Николаевскую богадельню морского ведомства (название нехорошо помню; богадельня находится по Царскосельскому шоссе, верстах в семи от Петрограда). После телефонных переговоров между прокурором судебной палаты, министром юстиции и мною и личных объяснений, в совете министров, моего товарища В. А. Бальца с А. А. Макаровым, последний изъявил свое согласие на мое предложение, и труп, в крытом санитарном автомобиле, кружным, через острова, путем, был доставлен в мертвецкую часовню при богадельне. По моему приказанию, у часовни был поставлен пост жандармов при офицере. Без особого разрешения пускать кого-либо в часовню было воспрещено. Несмотря на мое запрещение, к телу своего отца были допущены дети Распутина и сестра милосердия Акилина. Я был этим недоволен: думал, что, благодаря этому посещению, местонахождение трупа перестанет быть секретом. Оттаивание трупа продолжалось около суток, мертвецкая была холодная, ее скоро не могли натопить,

затем, в присутствии судебных властей, было произведено вскрытие. Кажется, смерть произошла от трех огнестрельных ран в шею и спину, я раньше предполагал, что раненого Распутина бросили в воду живым, кровь на перилах моста навела меня на эту мысль. Я сказал А. Т. Васильеву приобрести хороший гроб, сестра Акилина, по поручению царицы, обмыла, одела в чистое белье и приготовила Распутина к погребению; чтобы ехать в часовню я дал ей казенный автомобиль. Из ставки царь приехал 19 декабря; на следующий день я отправился в Царское Село с очередным докладом. О смерти Распутина предполагалось рассказать устно, у меня также была заготовлена справка о произведенном в день его исчезновения полицейском дознании. Сначала я прошел к царице, она была печальна, но спокойна, выражала надежду, что молитвы мученически погибшего Григория Ефимовича спасут их семью от опасности переживаемого тяжелого времени, вспомнила, как ободрял царя и ее Распутин в 1905 году, решила хоронить его в Царском Селе. Я выразил царице сочувствие ее горю, сказал о своем распоряжении заказать хороший гроб и обещал доставку покойного в Царское Село, по возможности, облечь тайною. Я опасался покушения на А. А. Вырубову, находил опасным и положение царицы, сказал об этом и просил поберечь Вырубову и себя (А. А. Вырубова поселилась вскоре в Александровском дворце, ее пригласил царь). Царица сообщила мне о намерении царя сослать вел. кн. Дмитрия Павловича в русский отряд, действовавший в Персии под командой ген. Баратова; она была недовольна, находила необходимым предать суду участников убийства, жаловалась на членов царской семьи, отговаривавших царя поступить построже, и на дурное, с их стороны, к ней отношение. Я понимал ее чувства, но советывал не настаивать на предании суду виновных, в их числе были члены Государственной Думы В. М. Пуришкевич и В. А. Маклаков, а, может быть, еще и другие. Я знал, как относится к убийству Распутина общество и печать, и решился противоречить царице. Она меня будто послушалась, но просила склонить царя скорее принять решение и выслать вел. кн. Дмитрия Павловича. Я обещал это сделать и предложил применить ту же меру к кн. Юсупову. Царица согласилась на его высылку, но только не в Киевскую губернию, где находилось главное имение Юсуповых, это было, по ее мнению, слишком близко от Киева и проживающей там вдовствующей царицы Марии Федоровны, около которой «собираются все недовольные члены семьи». Царица указала на Курскую губ., где у Юсуповых было еще имение и сказала, что туда к молодому князю: «гости ездить не будут». От царицы я прошел к царю. Он интересовался впечатлением, какое произвело на общество убийство Распутина, и настроением, которое создалось; к смерти его относился спокойно. Я передал царю

справку о дознании, произведенном в день исчезновения Распутина, и сведения департамента полиции по интересующим царя вопросам; сказал, что присутствие в оппозиции великих князей и членов его семьи создает большую опасность монархическому началу, и напомнил ему царя Александра III, воле которого его семья была послушна; указал, что убийство Распутина, вероятно, есть начало террористических актов, и надо заботиться о безопасности царицы. Царь сознавался в распущенности великих князей; видимо, хотел взять их в руки и делал исключение для вел. кн. Михаила Александровича и Павла Александровича, в преданность и послушание которых верил. Он спросил меня, что я думаю о его намерении сослать вел. кн. Дмитрия Павловича в отряд ген. Баратова. Я ответил, что это мысль очень правильна; это не жестокое наказание, и климат Персии будет полезен слабогрудому великому князю, предложил сослать в Курское имение кн. Юсупова и спросил царя, одобряет ли он мое распоряжение о невыезде кн. Юсупова и вел. кн. Никиты Александровича из Петрограда? Царь одобрил мое распоряжение и согласился на высылку кн. Юсупова в Курскую губернию. Он поручил мне озаботиться перевозкою гроба с убитым Распутиным в Царское Село и о подробностях уговориться с ген. В. Н. Воейковым. После своего доклада у царя я снова был у царицы и вкратце передал ей полученные распоряжения. Царица была недовольна тем, что мне еще не поручено произвести высылку вел. кн. Дмитрия Павловича и кн. Юсупова, винила царя в нерешительности. Она сказала мне о настойчивом желании вел. кн. Александра Михайловича быть у нее; она уже раз отказала; он вновь прислал письмо, прося его принять. Царица боялась грубой выходки со стороны вел. кн. Александра Михайловича. Я посоветовал царице его принять, но во время свидания иметь около себя своих детей — это заставит вел. кн. Александра Михайловича быть сдержанным. Царица пожала плечами, не зная, на что решиться. В это время пришел царь. Царица встала, пошла к нему навстречу и дважды, повышая голос, спросила: «Что же ты сделаешь с Дмитрием и Юсуповым?». Царь невнятно что-то ответил и сконфуженно посмотрел на меня. Я подошел к нему и сказал: «Дозвольте, государь, распорядиться, как вы решили». Он ответил: «Да, пожалуйста, поезжайте к Максимовичу; пусть он вызовет вел. кн. Дмитрия Павловича и объявит ему. С ним поедет полковник граф Кутайсов, о Юсупове прошу вас распорядиться». Я простился с царем и царицею и поехал к В. Н. Воейкову; он был недоволен решением хоронить Распутина в Царском Селе, находил это неосторожным, сетовал на меня, почему я не отговорил царицу, бранил Распутина и сказал, что со времени своего назначения дворцовым комендантом, перестал с ним видеться. Я согласился, что Распутина следовало бы хоронить в Тобольске, а не в Царском Селе, но посове-

товал Воейкову самому убедить в этом царицу. Просил его позволения прислать к нему ген. Попова, которому поручу перевозку гроба с Распутиным, за получением указаний.

В Петрограде меня ожидал станционный жандармский штаб-офицер, который мне передал, что вел. кн. Александр Михайлович ждет меня и просил приехать, как только я вернусь. С вокзала я прямо поехал к нему. Вел. кн. Александр Михайлович принял меня нелюбезно, спросил, считаю ли я патриотическим подвигом убийство Распутина и думаю ли прекратить преследование людей, его совершивших. Я ответил, что, действительно, Распутин навредил монарху, и я считаю невозможным судебное преследование лиц, убивших Распутина. Вел. кн. Александр Михайлович вновь спросил меня, желаю ли я прекратить дело; он выразил также удивление, почему царь раньше, чем исполнить эту его просьбу, хотел посоветоваться со мною, ему же, которого царь знает всю жизнь, не поверил. Я был обижен словами вел. кн. Александра Михайловича и ответил, что, хорошо зная его высочество, царь может быть и пожелал, раньше чем решиться, узнать мое мнение. Помолчав немного, передал вел. кн. повеление царя о высылке его зятя в Курскую губернию. Он был взволнован, все же сдерживался, просил доложить царю, что кн. Юсупов немедленно выедет со своим воспитателем, капитаном Жерве. Я отвечал, что кн. Юсупова будет сопровождать офицер по назначению директора пажеского корпуса, и сожалею, что капитан Жерве не может ехать со своим воспитанником. Сказав это, я простился с вел. кн. и поехал к ген. К. К. Максимовичу. Генерал принял меня очень дружелюбно, но был озадачен, когда я передал ему повеление царя распорядиться высылкою вел. кн. Дмитрия Павловича. Он сказал, что вызовет сейчас вел. кн. и, может быть, я сам передам ему царскую волю. Я ответил, что поручение дано ему, что я понимаю, насколько оно щекотливое, и советую сначала вызвать графа Кутайсова, который будет сопровождать великого князя в Персию и получил уже, вероятно, ближайшие инструкции царя, себе же просил генерала дозволения уехать; мы расстались довольно холодно. К себе я пригласил директора пажеского корпуса, которому передал повеление царя о высылке в Курскую губ. пажа кн. Юсупова, просил назначить офицера, который бы отвез его, и распорядиться выездом. В имении над кн. Юсуповым, по моему приказанию, был установлен негласный надзор. Ген. Попов был у В. Н. Воейкова и получил все нужные инструкции по доставке тела Распутина в Царское Село. Перевозка совершилась благополучно и широкой огласки не получила. Подробности я у ген. Попова не спрашивал и не знаю, также не знаю, где похоронен Распутин в Царском Селе.

А. Протопопов.

XVIII.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание

[Перлюстрация. Письма Клопова. (13 сентября.)]

Ежедневно дежурный секретарь подавал министру внутренних дел запечатанный секретный пакет, содержащий так называемую «перлюстрацию», то-есть копии с писем, пересылаемых по почте и содержание которых могло интересовать либо министра, либо департамент полиции. Первые дни после своего вступления в должность я, прочитав перлюстрацию, оставлял ее в секретарской части, так это делалось и раньше; заметив вскоре, что ею интересуются не только секретари, но другие лица, приходящие в секретарскую, я стал отсылать прочитанную перлюстрацию в департамент полиции через дежурного секретаря в запечатанном конверте. С перлюстрованных писем снимались в бюро перлюстрации три копии: два набора копий шли ко мне и один — директору департамента полиции; один набор я мог оставить себе, второй набор, по заведенному до меня порядку, я отсылал председателю совета министров. С тех писем, которые представляли интерес другому министру, я приказывал снимать копии и отсылал их ему. Председателю совета министров я иногда посылал не полный набор, вынимая те письма, которые не хотел ему сообщать, например, те, в которых меня особенно бранили. По совету А. Т. Васильева, в конце сентября я познакомился с заведывавшим перлюстрационным бюро, тайным советником Мардарьевым. Он уже тридцать лет вел это дело; его обязанность, которую многие осуждали, была из тяжелых, он считался департаментом полиции очень почтенным и верным чиновником, и я хотел показать ему особое внимание. От него я узнал, что императору Александру II перлюстрация представлялась в собственные руки, то же было в начале царствования Александра III, позже он поручил читать перлюстрацию министру внутренних дел, который из нее делал

выдержки, для очередных докладов царю. Николай II перлюстрации не любил, он поручал мне давать ему лишь необходимое, но такого было мало, так что Мардарьев, при первом же со мною разговоре, извинился, что представляет мне ежедневно небольшое число писем; обыкновенно 6 — 7, редко 10; более 15, кажется, ни разу не было; военное ведомство нужное и интересное ему отбирало себе. Делалось ли это с согласия министра внутренних дел, где и кем это производилось и что отбиралось военными, — я не спросил и не знаю. Вообще, я не ознакомился отделом перлюстрации; не знаю, где он помещался и, кроме т. с. Мардарьева, не знаю лиц, в нем работавших. В январе с. г., по поводу сметы А. Т. Васильев мне сказал, что отдел перлюстрации уже стоит 130.000 р. в год; нужны еще прибавки жалованья и наградные; я уполномочил А. Т. Васильева поступить по собственному усмотрению. Перлюстрация, по моему впечатлению, приносила мало пользы, в смысле ознакомления с настроением общества. Она давала понятие о настроении только отдельных лиц; можно было иногда узнать факты (напр., по продовольственному делу, недочеты или злоупотребления), но по одному и тому же предмету (напр., по роспуску Государственной Думы или перерыву ее занятий) общее впечатление получалось расплывчатое, разнообразное. Может быть, мое впечатление и неверное; сложилось оно в зависимости от небольшого подбора писем, доходивших до меня во время войны. Т. с. Мардарьев любил свое дело и говорил, что перлюстрация одно из надежнейших средств борьбы с нарастающим настроением общества; я этого не нахожу. За время моего управления наиболее интересные письма касались событий, связанных с смертью Распутина; они давали понятие об отношении великих князей и знати к убийству и, в связи с ним, — к царице. Такие письма я доводил до ее сведения; иногда представлял и царю, если в письмах его резко не осуждали. Ему я посылал перлюстрацию писем к великим князьям оппозиционного характера, или касающихся событий в Государственной Думе, вообще, — деловой политики. Я отослал царю письмо г. Клопова к вел. кн. Михаилу Александровичу, по поводу назначенной царем Клопову аудиенции. Оппозиционное направление письма заставило меня опасаться, не произведет ли он покушения на царя. Я сообщил об аудиенции В. Н. Воейкову и написал свои сомнения царю, представив письмо г. Клопова к вел. кн. Михаилу Александровичу. Царь ответил мне надписью на моем же письме: «Клопов старичок давно мне известный». Письмо Клопова к великому князю царь оставил у себя. Зная, что царь не любит перлюстрации (иной раз мне казалось, он нарочно подчеркивал свою брезгливость), я избегал давать ему таковую. Царица ею интересовалась. Желая ее ставить в курс отношений к ней царской семьи и знати, я посылал или отдавал лично пер-

люстрацию нужных царице писем ей самой или А. А. Вырубовой. Начал это делать после убийства Распутина, когда отношения к царице ее семейных и придворных кругов очень обострились. Передал не более 5 или 6 писем. В январе, кажется, А. Т. Васильев сообщил мне, что М. В. Родзянко секретно вызывает в Петроград многих губернских предводителей дворянства; я распорядился, чтобы эти письма не попали адресатам. А. Т. Васильев привел, вероятно, мое распоряжение в исполнение и, думаю, что через перлюстрационное бюро. Вообще же за время своего пребывания в министерстве внутренних дел, я мало пользовался сведениями из бюро, едва десятая часть писем представляла какой-нибудь интерес.

А. Протопопов.

XIX.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Дополнительное показание.

[Союзы земств и городов. Рассмотрение сметы земского союза в совете министров 1916 г. Желание Александры Феодоровны опубликования сумм, отпущенных союзам от казны. (18 сентября.)]

При вступлении моем в должность совет министров понимал значение, приобретаемое союзами земств и городов; думаю, не было ни одного члена совета, который не желал бы уменьшить влияние этих организаций, приобретаемое вследствие распада центральной власти и в дальнейший ей ущерб. Я быстро усвоил себе чувства и взгляды министров на союзы и стал их разделять. Я тогда не понимал, что ведомства не смогут руководить работою общественных организаций и совершенно бессильны их заменить. Мне казалось, что происходит захват власти общественными организациями; разложения центральной власти я не замечал; уверен, что и прочие члены совета министров этого разложения не замечали. Около 25 сентября 1916 года происходило второе, при моем участии, заседание совета министров. Слушалась смета земского союза на второе полугодие текущего года, т.-е. с 1 июля 1916 г. по 1 января 1917 г. Докладчиком был ген. Веденяпин; требовалось ежемесячно по 4 миллиона; вся смета составляла сумму около 24 миллионов. Кроме сметных сумм, испрашивалось 3 миллиона на образование запасного капитала; просьбу союза поддерживал ген. Веденяпин. По статьям сметы земского союза ассигнования были щедры, они возбуждали нашу зависть, так как превышали соответствующие позиции в сметах министерств. Убавить эти сметные ассигнования земскому союзу министры все же не решались: боялись печати и разговоров в обществе; смета проходила, хотя с возражениями, но просьба о выдаче 3.000.000 р. на образование запасного капитала была встречена холодным, неловким молчанием: дать не хотелось, отказать — храбрости

не хватило. Я тогда спросил ген. Веденяпина, имеет ли уже союз запасный капитал? Он отвечал отрицательно. Я высказал уверенность, что он введен в заблуждение и запасной капитал должен иметься, так как с 1 июля, после выдачи ассигновок по старой смете из государственного казначейства и до утверждения рассматриваемой новой сметы, прошло почти 3 месяца, и союз существовал без субсидии. Этого не могло бы случиться, если бы не было запасных капиталов; в виду наличности запасного капитала, я предложил ассигнование в 3 миллиона отклонить, поручить ген. Веденяпину выяснить размер существующего у союза запасного капитала; смету же утвердить в сумме, испрашиваемой докладчиком, т.-е. 24.000.000. Мое предложение было единогласно принято. Во время обмена мнений по этому вопросу ген. Веденяпин заявил, что центральное управление союза издает Вестник его трудов. Книжки наполнены оппозиционным материалом, критикою действий правительства и заменяют, до известной степени, прокламации. Ген. Веденяпину было поручено войти в сношения с руководителями союза и добиться изменения направления Вестника, а в случае его неудачи, предполагалось ассигнование на это издание из следующей сметы исключить. Более смета союза в совете министров не рассматривалась, и были ли предприняты попытки со стороны ген. Веденяпина исполнить возложенное на него поручение, — я не знаю. 24.000.000 р. по рассмотрении сметы союзу были отпущены: министр финансов П. Л. Барк впоследствии об этом заявил в совете.

В начале октября 1916 года Б. В. Штюрмер мне сказал, что царица желает довести до всеобщего сведения через печать о значительности сумм, отпущенных из государственного казначейства союзу городов и земскому союзу; она находила, что в народе, для увеличения их популярности, искусственно создается впечатление, будто вся работа союзов ведется на средства, ими самими собранные. Через несколько дней я был у царицы, которая повторила мне сказанное ею Б. В. Штюрмеру и просила меня, получив от Б. В. Штюрмера материалы, поручить кому-нибудь составить из них газетную статью. Она подчеркнула о необходимости упомянуть о непредставлении еще союзом земств полного отчета в деньгах, полученных им из казначейства за японскую войну, и что за ним числится с того времени 800 тысяч рублей, в которых союз не отсчитался. Я обещал царице исполнить безотлагательно ее желание. При докладе я сказал царю о полученном указании от царицы, прибавив, что я нахожу обнародование этих сведений полезным. Царь был уже в курсе дела и подтвердил мне необходимость скорее опубликовать их. Я передал Б. В. Штюрмеру свой разговор с царем и царицей. Б. В. Штюрмер обещал составить и дал мне через несколько дней выписку о суммах, отпущенных из казначейств союзам с начала войны. Выписка была

уже облечена им в форму газетной статьи. Помнится, в ней указывалось, что, с начала войны по 1 октября 1916 г., казначейство дало союзам 560.000.000 р., собрано же ими по раскладке всего 12.000.000. В записке Б. В. Штюрмера упоминания о непредставлении отчета земским союзом за японскую войну не было. Передавая записку И. Я. Гурлянду с распоряжением провести ее через бюро печати в газеты, я позабыл ему сказать о дополнении содержащихся в ней сведений. И. Я. Гурлянд только придал ей несколько более литературную форму, и затем она появилась в печати без упоминания о долге, числящемся за земским союзом. Заметку напечатали лишь правые газеты, а прогрессивная печать, несмотря на старании И. Я. Гурлянда, этих сведений не поместила. Вырезки из «Земщины», «Голоса Руси» и «Московских Ведомостей» я послал царице. Замечания за пропуск я не получил. Царь и царица были довольны опубликованием сведений, того же, что заметка напечатана в газетах почти без тиража, они не поняли. Значение союзов выяснилось еще больше после запрещения им собраний в Москве. Рассылка центральным управлением резолюций съезда производила впечатление в совете министров, где часто заходила речь об общественных организациях. Незадолго до революции кн. Н. Д. Голицын высказал уверенность, что у союзов готов состав временного правительства, и отделы союзов соответствуют существующим министерствам.

А. Протопопов.

ПОКАЗАНИЯ С. П. БЕЛЕЦКОГО.

I.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

[Знакомство С. П. Белецкого с А. Н. Хвостовым. Совместная выработка ими программы внутренней политики. Характеристика условий и общественных настроений того времени и влияние этих условий на осуществление намеченной программы. Дело помощи беженцам. Продовольственный вопрос. Пресса. Субсидии из рептильного фонда. Отношения к правым партиям. Деятельность департамента полиции. Организация секретной агентуры. Рабочее движение. (17 мая.)]

О назначении А. Н. Хвостова на должность управляющего министерством внутренних дел я знал недели за две до официального приказа, и в этот период времени я с ним виделся почти ежедневно, так как он пригласил меня, с первой же встречи, к сотрудничеству с ним на должность товарища министра вн. дел, в случае его назначения. О том, при посредстве каких влияний состоялось его назначение и в силу каких побуждений и при содействии каких лиц я принял это предложение — я изложу впоследствии. Здесь считаю только нужным оговориться, что я с А. Н. Хвостовым до сего времени близко знаком не был, а знал его по перепискам департамента полиции с ним, как нижегородским, а затем вологодским губернатором, лично видел его в Гос. Думе, познакомился там, как с представителем фракции правых, и раз, будучи сенатором, обедал с ним у К. Д. Кафафова, его товарища по прокурорскому надзору, с которым он был на «ты».

В течение двухнедельного промежутка времени нами были обсуждены как первые шаги А. Н. Хвостова при вступлении в должность, так и намечена была, в соответствии с переживаемым тогда моментом, программа его деятельности по вопросам внутренней политики. Тот чисто дружеский тон отношений, который сразу А. Н. Хвостов принял со мною, меня подкупил, и, поэтому, я согласился на принятие на себя некоторых обязанностей, которые я бы, если бы хорошо знал его ранее, как потом его узнал, ни за что бы не принял.

С намеченною нами программой и со знанием, ему подсказанным, некоторых сторон характера государя, А. Н. Хвостов представился его величеству и получил вместе с портфелем министерства и утверждение на осуществление его программы, от которой, правда, он впоследствии отошел частью по независящим от него обстоятельствам, а частью в силу отличительных свойств своего характера.

Первые дни и первые месяцы я был с ним неразлучен, пока не состоялись некоторые, на мой взгляд, неудачные назначения по министерству и не последовало моего разочарования в нем. Поэтому мне пришлось в первое время принимать иногда даже и широкое участие в работах общего характера, не относящихся к сфере деятельности порученных моему наблюдению департамента полиции и штаба корпуса жандармов и в силу некоторых соображений, о коих я скажу впоследствии, принимать также и просителей, имевших ту или иную просьбу к министру, а также и участвовать вместо него зачастую в заседаниях совета министров. Единственно, что с начала и до конца нашей совместной службы взял на себя А. Н. Хвостов, это сношение с Гос. Думой и выступление в бюджетной комиссии, а также, по моей просьбе, переговоры и руководительство правыми организациями и сношения с Марковым 2 и Замысловским по вопросам общепартийного направления. Таков порядок был и при А. А. Макарове и Н. А. Маклакове в бытность их на посту министра внутренних дел. Я только выдавал, если то требовалось министрами, соответствующие суммы, поддерживая хорошие отношения с правыми деятелями. Затем, А. Н. Хвостов, по назначении Гурлянда директором-распорядителем осведомительного бюро, взял на себя также и наблюдение за прессою.

Время, в которое мне пришлось состоять в должности товарища министра, было переходное. Война затянулась, надежды на скорое и победоносное окончание ее несколько затуманились, патриотический порыв поостыл, частые наборы влекли за собою некоторое раздражение в народных кругах; расстройство транспорта и падение рубля сказались, в связи с причинами политико-экономического свойства, на недостатках в крупных центрах в предметах первой необходимости, кое-где начались бабьи голодные бунты, пораженческое движение в рабочей среде увеличилось, недовольство мероприятиями правительства усилило оппозиционное настроение общественных широких кругов, антидинастическое движение начало просачиваться в народные массы даже в таких местах, где и нельзя было ранее его предполагать, как, например, в области Войска Донского и пр. В виду этого осуществление программы сводилось к стремлению усилить, с одной стороны, наблюдение за революционными организациями, не внося излишнего раздражения постоянными и массовыми арестами, зорко и неустанно

следить за общественным движением, стараясь, по возможности, излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов, наладить, по возможности, отношения с прессою, а с другой — усилить и широко распространять в массах патриотические издания, обрисовывающие царственные труды на войне государя и наследника и августейшие заботы государыни Александры Федоровны, как по уходу за ранеными, так, главным образом, по верховному совету в сфере обеспечения участи и дальнейшей судьбы жертв долга и их семей, а также по созданному ею, по докладу А. Н. Хвостова, комитету по заботам о наших военнопленных заграницею, где товарищем был кн. Голицын, впоследствии председатель совета; распространять среди рабочих издания о роли рабочей массы по снабжению боевыми припасами нашей армии, внести порядок в вопросе о заботах о беженцах, стремиться помочь беднейшему населению в получении в крупных центрах, главным образом, в столицах, предметов первой необходимости; усилить надзор за немецким засилием и переходом немецкой земли в руки русских подданных (отражение речи А. Н. Хвостова в Гос. Думе по этому вопросу), не стесняясь излишними формальностями получения учащейся молодежью свидетельств о благонадежности и т. п.

Переходя в отдельности к вышеуказанным вопросам, я дам краткую характеристику того, что и как было сделано в порядке исполнения программы.

О беженцах. Я не буду говорить о том тяжелом впечатлении, которое на всю жизнь запечатлевалось у каждого, кто, как я лично во время своих объездов по комитету великой княгини Марии Павловны, видел эту поистине потрясающую хаотическую картину того, как и в каком виде бессистемно отправлялись, путешествовали и страдали в конечных пунктах эти несчастные. Комитет вел. княжны Татьяны Николаевны только что народился и потому не мог так широко откликнуться на помощь нуждам многоразличных беженцев, как это сделал впоследствии. Министерство внутренних дел даже не имело плана расселения беженцев и направление их зависело зачастую от мелкого исполнительного полицейского чиновника. В виду этого немедленно были вызваны губернаторы занятых неприятелем губерний в министерство, где, по соглашению со ставкою, был выработан срочно план расселения, перевозки, питательных и вещевых пунктов, урегулировано точными правилами взаимоотношение главноуполномоченных кн. Урусова и Зубчанинова с губернаторами, в районы коих направлялись беженцы, в распоряжение главноуполномоченных, на правах особо уполномоченных, назначены были губернаторы свободных губерний с прикомандированием к ним из тех же губерний исполнительных чиновников, испрошены были срочно особые кредиты на нужды беженцев и тех организаций, кои по национальностям взяли на себя

осуществление этих забот, и пр. В числе этих последних организаций было организовано в этот период времени, при полном содействии министерства, по мысли руководителей правой группы, главным образом члена гос. совета А. А. Римского-Корсакова, всероссийское общество попечения о беженцах православного вероисповедания с широким привлечением к трудам этой организации православного беженского духовенства. На организационные расходы было выдано, из сумм департамента, 1.500 р., так как в эту пору особых кредитов по смете министерства не было. В совет этого общества вошли: Замысловский, Марков 2, В. П. Соколов, Кульчицкий, А. И. Лыкошин, Судейкин, архиепископ Литовский, ген. Бородкин (член гос. совета), он же и товарищ председателя, а председателем был А. А. Римский-Корсаков и от правительства я, так как я был членом и в комитете Татьяны Николаевны. Членом этого общества я остался и впоследствии. Помимо задач, поставленных в уставе этого общества, имелось в виду также и влияние этого общества через свои исполнительные органы и на местную жизнь путем установления связи с местными организациями, а также учитывалась в будущем и возможность участия в выборной кампании в Гос. Думу. Председателем совещания, при министерстве образованного, был министр, но А. Н. Хвостов передоверил эту обязанность товарищу министра Плеве, который по делам о беженцах ездил неоднократно в ставку. Вследствие того, что заведующий делами граф Тышкевич не удовлетворял требованиям Плеве, он А. Н. Хвостовым, по докладу Плеве, был заменен управляющим земским отделом Неверовым, приглашенным на эту должность, по уходе Литвинова в сенат, А. Н. Хвостовым, по моей рекомендации, так как я его знал по совместной службе еще в Киеве.

Продовольственный вопрос. В виду той остроты, которую этот вопрос начал получать в это время, для руководительства сельско-хозяйственной продовольственной частью в министерстве был, по моей же рекомендации, приглашен ушедший от этой работы при Н. А. Маклакове, под давлением последнего, член статистического комитета д. с. с. Ковалевский, работавший в это время на фронте по снабжению от Красного Креста. Ковалевский провел при С. Н. Гербеле и впоследствии несколько кампаний по голодовкам и был главным сотрудником С. Н. Гербеля. Затем было испрошено высочайшее повеление, предоставлявшее губернаторам, в районе их губерний, право наблюдения за движением продовольственных грузов, а в узловые пункты в распоряжение начальников жандармских железнодорожных управлений были командированы образованные мною при департаменте полиции из чинов сыскных эвакуированных отделений летучие отряды (по образцу французских бригад) для обнаружения злоупотреблений железнодорожн. агентов. Эта мера, на первых порах, дала возможность

в южном районе открыть крупные злоупотребления по перевозке каменного угля и привлечь к судебной ответственности около 100 высших и низших железнодорожных агентов. При назначении своем министром путей сообщения А. Ф. Трепов настоял на изменении этого порядка, взяв это дело в свои руки и назначив приглашенного им из судебного ведомства Савича главным инспектором по наблюдению за железнодорожными злоупотреблениями с особыми полномочиями по расследованию и преданию суду, но, вместе с тем, учредил также тайных инспекторов с целью борьбы с этими злоупотреблениями. При том же А. Ф. Трепове контроль губернатора тоже был уничтожен, но право воздействия на дороги за губернаторами было оставлено, как за помощниками принца Ольденбургского по санитарной части, что помогало губернаторам в вопросе о санитарном благополучии транспортов беженцев.

Вообще А. Ф. Трепов был противником А. Н. Хвостова; мне же он оказывал большую поддержку в деле внеочередной доставки грузов первой необходимости для учрежденных в Петрограде лавок в рабочих районах путем субсидий вызванному мною к жизни обществу для борьбы с дороговизной. Учреждением этого общества на средства правительства я не преследовал каких-либо тайных целей пропаганды среди рабочих, а только исключительно имел в виду дать возможность семьям рабочих получать за умеренную цену продукты первой необходимости. Хотя главным деятелем по этому обществу и был чиновник департамента Г. И. Кушнырь-Кушнарев, член совета Михаила архангела (назначенный в департамент мною по просьбе Пуришкевича, когда я был директором), но как ему, так и продавцам и заведующим лавками и складами было вменено в особую обязанность не вступать ни в какие разговоры с покупателями-рабочими на темы политического характера. Насколько мне известно, несмотря на открытые письма, посланные в каждом районе в завод с указанием, что лавка открывается при поддержке правительства с целью прийти им на помощь в деле приобретения продуктов, рабочие с.-д. направления все-таки в первое время, под влиянием заметки «Речи», сотрудника которой Л. М. Клячко я пригласил на открытие первой лавки в Путиловском районе, говорившей, что участие Степановой дает повод сомневаться в чистых побуждениях общества, несколько подозрительно отнеслись к этой инициативе, но затем охотно даже помогали продавцам и в установлении очереди и в определении нормы душевого отпуска товара. Таких лавок было открыто по окраинам с фабричным населением несколько; в некоторых районах впоследствии были открываемы и хлебопекарни.

После заметки «Речи» я сейчас же попросил Степанову (Дезобри по мужу) под благовидным предлогом отказаться от звания члена, и она ушла совсем из общества, а выбрана была генеральша Беляева (вдова почетного опекуна — главная деятельница

по женскому национальному движению в Русском собрании), сын которой с ген. Гермониусом в Англии состоит представителем военного ведомства по принятию предметов обороны. Членами совета этого общества состоят проф. Грибовский, приват-доцент Балицкий, П. М. Руткевич, несколько дам и Кушнырь-Кушнарев. Генеральша Беляева в последнее время при А. Д. Протопопове ушла из общества из-за несогласия с некоторыми членами. На эту организацию мною, с ведома А. Н. Хвостова, было отпущено около 150 тысяч, с тем, что общество должно эту ссуду, по мере нарастания средств, возвращать в кассу департамента. Как я знаю, после моего ухода общество внесло 90 тысяч; об этом мне передавал П. К. Лерхе, вице-директор департамента полиции. Затем неоднократно, следя за газетными вырезками, делались по телеграфу указания губернаторам о том, чтобы они не стесняли кооперативных лавок и потребительских обществ, преследующих исключительно экономические потребности населения, и всякий раз требовалось подробное объяснение от тех администраторов, где, судя по газетным заметкам или по телеграммам к членам Гос. Думы, обнаруживались преследования администрацией этих организаций. Вместе с тем, был издан нормальный устав обществ для борьбы с дороговизной для учреждения их в ускоренном порядке. Но при этом считаю нужным оговорить, что отношение министерства в этот период к съезду в Москве в конце 1915 г. деятелей по кооперации было подозрительно, в виду участия в составе лиц с революционным прошлым, и поэтому, путем соглашения с ген. Мрозовским (начальником округа), союзная организация по кооперации, по чисто формального свойства причинам, не была признана законной, как не имеющая устава, и распущена, а о выпущенных союзом циркулярах были осведомлены губернаторы и начальники жандармских управлений для наблюдения за направлением деятельности на местах в этой области общественных организаций, сам же проект устава подвергся тщательному рассмотрению согласно указаниям градоначальника ген. Климовича.

Целью устройства в Петрограде общества для борьбы с дороговизной было стремление заставить фабрикантов и заводчиков пойти по этому пути. Но когда инициатива последних оказалась слабой, то я, будучи у принца Ольденбургского, заинтересовал его этими лавками, и он устроил в Народном доме раздачу за деньги некоторых продуктов, затем помог обществу в деле разведения огородов в окрестностях Петрограда и заставил фабрикантов, в интересах санитарного благополучия, и при содействии военного округа, давшего большие палатки, устроить для рабочих столовые при заводах и открывать лавки. Вместе с тем, путем давления на петроградскую городскую думу, удалось добиться допущения крестьян на базары с сельскими продуктами, о чем через петро-

градского губернатора были оповещены крестьяне окрестных селений губернии. Попытка А. Н. Хвостова разгрузить московский узел удалась в начале, но затем, в силу отношений его и Трепова, он в дальнейшем отказался от личного руководительства, а только поручил ген. Климовичу, как градоначальнику, всемерно помогать чинам жел.-дорожн. администрации и жел.-дорожн. полиции путем нарядов грузчиков и перевозчиков.

Пресса. Благодаря хорошим отношениям моим со многими из сотрудников влиятельной столичной прессы, сложившимся издавна единственно в силу любезного предоставления им материалов или разъяснения тех или других слухов, которые проникали в среду журналистов, мне удалось, путем просьбы, ослабить тон статей по поводу назначения А. Н. Хвостова и затем посоветовать ему лично поговорить с советом редакторов, заранее обдумав и взвесив все, на чем он желает остановить внимание прессы, и заняться урегулированием отношений общей и военной цензуры, которая не была спаяна единством преследуемых задач, так как, помимо ген. Адабаша, был от военного министерства ген. Звоников и, кроме того, ближайшим образом мог всегда вмешаться главный начальник округа кн. Туманов, который и налагал по закону административные взыскания; сверх этого были органы главного управления по делам печати, дававшие также указания. К концу года был выработан проект наказа комиссионным путем при помощи С. Е. Виссарионова, который я, в числе других проектов, представил, по поручению министра, при личном свидании в ставке ген. Алексееву. В скорости, после своего назначения, А. Н. Хвостов, вопреки моему совету (о чем Гурлянд знал и впоследствии сводил со мною счеты дознанием по делу Ржевского и некоторыми заметками в петроградских газетах о моих назначениях, о близости моей к Д. Рубинштейну и пр.), захотел преобразовать осведомительное бюро печати путем приглашения члена совета Гурлянда на должность директора-распорядителя. Преобразование это стоило больших денег; сколько с нового года было отпущено по особой смете «Правит. Вестн.», я не знаю, но на первое время из сумм департамента, по указанию А. Н. Хвостова, мною было отпущено, если не ошибаюсь, около 50 тысяч (об этом есть следы в III делопроизводстве). Гурлянд пригласил Александровского, которого назначил главным своим помощником и которого, по приказанию министра, губернатор петроградский прикомандировал к губернскому правлению, несмотря на судимость Александровского. Нанято было особое помещение, хорошо обставлено и был приглашен целый штат служащих, а затем начались сношения с сотрудниками газет путем предоставления им материала, причем, по просьбе Гурлянда, по всем департаментам министром было отдано распоряжение о том, чтобы газетный материал давался только Гурлянду, а не непосредственно

газетным сотрудникам. Я в это не вмешивался, но насколько знаю, известные сотрудники по хронике больших газет упорно игнорировали Гурлянда, и даже один из них Клячко-Львов, впоследствии при министре внутренних дел Б. В. Штюрмере, вследствие интриг Гурлянда, чуть было не был выслан начальником округа, по указанию председателя и министра внутренних дел Б. В. Штюрмера, с которым Гурлянд знаком еще по Ярославлю.

Затем была изменена Гурляндом система вырезок и иностранной хроники. Это нововведение, принадлежащее, как я предполагаю, инициативе Александровского, действительно отвечало своему назначению, так как представлялся министрам и высшим (по особому списку) чинам материал в форме изложения, правда, краткого, но ясного, всего того, что затрагивало злободневный интерес в политической жизни страны, а вырезки были оправдательным материалом. То же и по иностранной цензуре. Правда, желание А. Н. Хвостова и Гурлянда заставить остальных министров пользоваться услугами бюро Гурлянда и тем не иметь личных сношений, помимо Гурлянда, с газетами, не осуществилось, но Гурлянд все-таки этим путем имел возможность видеться с каждым министром и даже зондировать их по тем или другим вопросам, которые могли интересовать и министра внутренних дел. Министр путей сообщения А. Ф. Трепов не пожелал воспользоваться услугами Гурлянда и, испросив секретный кредит (но не из сумм департамента полиции) около 30 тысяч, устроил у себя свое бюро при посредстве бывшего чиновника министерства внутренних дел, переведенного А. Ф. Треповым на должность члена совета в министерство путей сообщения, Аксенова, у которого дело было поставлено проще: давался журналистам не только материал, но и построчные за обработку материала. Вместе с тем, А. Н. Хвостов, понимая громадное значение печати, провел через совет министров мысль о внедрении в какую-либо крупную газету с целью известного влияния в ней правительства.

Такой газетой было избрано «Новое Время», как старый орган и к тому же существующий на акционерных началах. И. Л. Горемыкин вызвал тогда меня и дал мне поручение скупить большинство акций и, затем, способ распределения их установить по указанию А. Н. Хвостова. Список акционеров был в руках министерства. Это было в конце 1915 г. Мною были начаты переговоры с А. А. Сувориной (дочерью покойного Суворина), акции которой были на невыгодных для нее условиях запроданы Русско-Французскому банку, и с ее матерью. Вследствие этого поручения я и познакомился с Д. Рубинштейном, который, после нескольких переговоров, пошел на уступку акций даже с некоторым для себя уроном, но окончить мне это не удалось, так как уже последовал мой уход из должности товарища министра и назначение председателем совета Б. В. Штюрмера, который взял

это дело в свои руки. Одновременно с сим, по поручению А. Н. Хвостова, Гурлянд и В. И. Бафталовский (член совета) были заняты выработкой проекта устава акционерного общества под наименованием «Народное Просвещение» с большим основным фондом (на что было испрошено принципиальное согласие совета министров и в общих чертах на одном из докладов был ознакомлен государь) по продаже газет как розничной, так и в киосках, на станциях, пароходных платформах, по поставке в газеты объявлений, по устройству и эксплоатации бумажных фабрик, по устройству подвижных кинематографов и т. п. Путем этого общества имелось в виду монополизировать некоторые отрасли газетного труда с целью влияния на газеты и борьбы с теми органами печати, которые не вошли бы в контакт с правительством, а через кинематографы предполагалось проводить в толщу рядового обывателя произведения патриотического характера. Проект устава был выработан; я в нем участия не принимал, но, по моей просьбе, с главными основными тезисами его Гурлянд меня ознакомил. Уход А. Н. Хвостова помешал ему осуществить до конца это его начинание, и о дальнейшей участи его мне неизвестно, за исключением одного, что А. Ф. Трепов, когда был председателем совета, идею подвижного кинематографа по железным дорогам использовал.

Наконец, переходя к использованию фонда на прессу, считаю нужным отметить, что, ко времени назначения моего и А. Н. Хвостова, в распоряжении главного управления осталась незначительная сумма, которой заведывал и вел аккуратно отчетность Потемкин, служивший в главном управлении. Между тем, при назначении министра и к тому же правой фракции почти все правые органы, субсидируемые правительством, возбудили ходатайство об увеличении субсидии, главным образом, в силу вздорожания бумаги и расценки рабочего труда. Поэтому, за выдачей субсидии дополнительно редактору «Колокола», тайному советнику Скворцову, протоиерею Восторгову, «Голосу Самары», «Орловскому Вестнику», «Русскому чтению для солдат» и некоторым другим, пришлось содержание некоторых органов печати взять на суммы департамента, помимо постоянных субсидий двух изданий, содержащихся на средства департамента полиции в течение нескольких последних лет, — это Шабельской (известной по процессу бывшего товарища министра торговли и промышленности Ковалевского, писательницы романов в духе Бебутовой) 3 тыс. руб. в год и 2 тыс. Степановой-Дезобри. Затем в это время было намечено несколько новых изданий, поддержка которых была обещана или министром, или мною, но требовались, на первых порах, на организацию дела некоторые суммы. Поэтому, в ожидании, что А. Н. Хвостову, как он о том и сам говорил, удастся провести увеличение рептильного фонда, по его приказанию, мною, по разассигновании полученных в ноябре 300 тыс., были выданы из секретного фонда

субсидии: «Земщине» — с января 1916 г. ежемесячно по 15 тыс., «Голосу Руси» (члену Думы Алексееву и его компанионам по фракции националистов) 45 тыс. в два приема, «Голосу России» — кн. Андроникову организационных 10 тыс., газете «За Россию» общества 1914 г. по борьбе с немецким засильем в Москве — не помню, кажется, 6 тыс., «Российскому Гражданину» — 3.500 руб. Затем Маркову на две курских газеты — 8 тыс. и 3 тыс., г. Замысловскому на газеты в Киеве, Ростове — 6 тыс. Все эти расходы были сделаны без специальных записей, как конспиративного свойства, из того же фонда, выдаваемого авансами на мое имя и оправданы ежемесячными удостоверениями министра о правильности расходования. Но к этому времени, т.-е. к новому году, отношения А. Н. Хвостова с П. Л. Барком несколько изменились (в виду проведения А. Н. Хвостовым кандидатуры графа Татищева на пост министра финансов) и поэтому, несмотря на просьбы министра, министр финансов в увеличении фонда на прессу отказал. Поэтому А. Н. Хвостов предполагал провести это ассигнование дополнительно путем доклада государю, но ушел сам, и, таким образом, пришлось эти расходы считать за департаментом полиции, тогда как мною имелось в виду из дополнительного фонда, по прессе, по распоряжению министра, возвратить эти ассигнования в фонд департамента. В фонд «Земщины» входило и 3 тыс. на содержание редакционного лазарета для раненых воинов. Издания патриотические — были осуществляемы, с моего ведома, Тхоржевским и ген. Дубенским по комиссии по изданию народной литературы, находившейся под председательством А. В. Кривошеина.

Отношения к правым партиям. Одновременно с запросом начальникам губернских жанд. управлений о личном сообщении мне сведений о настроении в губернии, я обратился с таким же личным запросом к тем же органам донести мне, какие правые организации существуют в губернии, в чем выражается их деятельность и из кого они состоят, прося дать, не стесняясь, правильную оценку их деятельности и характеристику главных работников. Сведения эти были неутешительны; деятельность означенных организаций выражалась, главным образом, в форме участия в церковных торжествах и посылке телеграмм; сами же организации в большинстве распались, большинство деятелей осталось старых, новых идейных работников почти не прибавилось. Причины этому заключались, с одной стороны, в том, что органы как центрального правительства, так и местного были отвлечены работой, связанной с обстоятельствами военного времени, а с другой стороны, в центре самых руководительных организаций происходили постоянно, а за последнее время в особенности, несогласия и раздоры. Время назначения А. Н. Хвостова совпало с съездом монархических организаций в Петрограде, на который прибыли более

видные деятели из провинции (не было Клавдия Пасхалова,— одного из идейных монархистов и астраханского Тихоновича-Савицкого по болезни). Боясь раздоров на съезде, А. Н. Хвостовым и мною было устроено примирение А. И. Дубровина с Марковым. О съездах я не буду много говорить, так как отчеты о них напечатаны; в особенности в московской прессе («Русское Слово») было отведено заседаниям съезда много места. На открытии съезда в Петрограде А. Н. Хвостов по тактическим соображениям не присутствовал и уполномочил меня; я был, но с речью не выступал. Затем, по окончании съезда, я пригласил участников его, а также правую фракцию Государственной Думы и государственного совета к себе на обед. Вслед за этим состоялся съезд в Нижнем-Новгороде, куда поехал также, по нашей просьбе, и Дубровин, чтобы показать в провинции, что трений в среде центральных организаций не существует. Труды этого съезда также опубликованы. Хотя нами и были приложены особые заботы, чтобы несколько поднять патриотическое настроение на местах посредством работы правых организаций, но, судя по последующему, насколько мне приходилось слышать, особого оживления до последнего времени не было, несмотря на то, что при А. Д. Протопопове на эти организации им было обращаемо особое внимание, в особенности на патриотический союз В. Ф. Орлова. В. М. Пуришкевич к этому времени наружно несколько изменил свое отношение к правым организациям и по принципиальным причинам на съездах не был. Но, тем не менее, в союзе архангела Михаила тоже не было оживления деятельности. Что же касается В. М. Пуришкевича, то хотя он, как я сказал, в этот период как бы отошел от фракции правых, однако же контакта с правительством не прерывал и при трех свиданиях со мной мне подчеркнул, что он остался того же направления политическим работником, каким был, но, работая в Красном Кресте, он, в виду войны, принципиально не желал публично подчеркивать свои правые убеждения. Так как выборного фонда в распоряжении А. Н. Хвостова в то время не было, то некоторые субсидии на поддержание правых организаций на расходы по устройству съездов и по поездкам в Нижний-Новгород были сделаны по приказанию А. Н. Хвостова мною из секретного фонда. О сумме я скажу ниже. Как в бытность мою директором, так и в должности товарища министра я продолжал субсидировать, путем уплаты за правослушание и материальной поддержкой студенческие академические организации, возникшие при П. А. Столыпине и поддерживаемые в свою пору дворцовым комендантом Дедюлиным. Уплата денег этих производилась через старых академистов — Кушнырь-Кушнарева, а затем г. Балицкого, занимавшегося в последнее время, кроме преподавательских обязанностей, в государственном совете у С. Е. Крыжановского и на открытых им курсах для увечных воинов, но в это время чувствовался неко-

торый распад в этой группе, направляемой за этот период В. М. Пуришкевичем. Моими агентами в учебных заведениях академисты не состояли, так как у ген. Глобачева была там своя агентура, довольно осведомленная.

Начавшееся брожение в области Войска Донского на почве неудовольствия за несение расходов по снабжению на свой счет внеочередных частей, за нежелание войскового управления пойти навстречу материальной нужде семейств призванных, за нераспорядительность по доставке угля и предметов первой необходимости было прекращено в самом начале путем доклада государю, последствием чего явилась смена наказного атамана генерала Покотилло и назначение гр. Граббе, который привез войсковому кругу поклон и благодарность государя и дарованную государем льготу по снаряжению коня (уплатою из казны пособия в 300 руб.), а также сразу приступил к энергичному транспорту в область предметов необходимости и к помощи обездоленным. Начавшееся же небольшое брожение среди сартов в Туркестане, в виду дошедших до них слухов о наборе, также в этот период было улажено путем моего (за министра) протеста в совете министров против срочно проводимого военным министерством закона о наборе кочевников вопреки привилегий, данных им грамотами при присоединении их. Впоследствии это уже вылилось в крупные беспорядки в Туркестане, когда военное ведомство настояло на этой мере. В целях политических в этот период времени, именем государя, было проведено увеличение содержания почтово-телеграфным служащим, чем было предвосхищено желание Государственной Думы улучшить материальное их положение и также А. Н. Хвостовым было доложено государю о желательности в тех же видах увеличения довольствия военнослужащих, что также было исполнено; по тем же мотивам последовало некоторое увеличение содержания чинам полиции, полное же увеличение им содержания, по нормам законопроекта о реформе полиции, было проведено впоследствии, в бытность директором департамента ген. Климовича.

Переходя затем к деятельности руководимого мною департамента полиции, я считаю долгом указать, что я нашел как бы некоторый застой в осведомительной части департамента, объясняемый, быть может, частою сменою руководителей и министерства и департамента полиции. Директором департамента был приглашен кн. Щербатовым Р. Г. Моллов, бывший прокурор одесской судебной палаты, обязанный своею карьерою И. Г. Щегловитову, не успевший еще ознакомиться в деталях с департаментом. Заведующим политическою частью был, попрежнему, назначенный при ген. Джунковском А. Т. Васильев, которого Моллов хотел было заменить своим товарищем по прокурорскому надзору г. Бусло, работавшим давно по политике. Я сужу это по тому, что эту кандидатуру Моллов выдвигал и при мне. В виду объявле-

ния в ту пору Болгарией войны России, а также под влиянием аттестации своего дяди, министра юстиции А. А. Хвостова, А. Н. Хвостов не мог оставить Моллова и хотел было назначить директором департамента полиции прокурора Крюкова, но этого последнего я не знал и предпочитал остаться или с Молловым или без директора, так как моего кандидата, К. Д. Кафафова, А. Н. Хвостов не соглашался назначить, а рекомендованного мне И. М. Золотаревым его бывшего сослуживца по прокурорскому надзору, выступавшего обвинителем в сенате по делу партии Дашнакцутюн, Осипова, А. Н. Хвостов, в силу той же аттестации дяди, считал неподходящим кандидатом по характеру и личным особенностям. Поэтому А. Н. Хвостов, согласившись на назначение К. Д. Кафафова членом совета с оставлением в штатной должности вице-директора, предоставил ему, по моей просьбе, исправление должности директора с значительным увеличением содержания. Так как А. Т. Васильев чувствовал себя несколько нервно расстроенным, то я, исходатайствовав назначение его членом совета по делам печати, устроил его, согласно его желанию, в материальном отношении, дал ему отпуск и пособие и откомандировал его в распоряжение департамента, имея в виду в будущем приспособить его к ревизионным объездам. На место же политического вице-директора я пригласил и. об. товарища прокурора петроградской судебной палаты И. К. Смирнова, работавшего по политике долгое время, которого я знал с лучшей стороны по отзыву А. А. Макарова, и с которым я лично был знаком. Смирнов в это время отбывал воинскую повинность, как прапорщик запаса, служа в генеральном штабе в контр-шпионажном отделении, где также заявил себя с лучшей стороны. По соблюдении соответствующих формальностей он был освобожден от военной службы и приступил к работам в департаменте, пользуясь на первых порах как моими лично указаниями, так и советами С. Е. Виссарионова, который к этому времени, по моему ходатайству, был назначен членом совета министра внутренних дел и прикомандирован к департаменту с повышенным тоже окладом содержания; на должность же заведующего особым отделом я возвратил обратно М. Е. Броецкого, дав ему содержание вице-директора.

Приглашая С. Е. Виссарионова, которому я верил и с которым я лично и по уходе из должности директора оставался в тех же дружеских отношениях, я имел в виду сделать его равноправным К. Д. Кафафову по заведыванию сложным политическим отделом и тем, с одной стороны, облегчить и себя и Кафафова, который сравнительно давно уже ушел из прокурорского надзора в магистратуру и, не будучи назначен директором, просил меня, по возможности, освободить его от полного руководительства политическим отделом, оставив за ним только общее наблюдение, подписи нужных бумаг текущей переписки, что я и сделал, прося на первое

время, пока Смирнов не ознакомится, присутствовать при его докладах мне и быть в курсе входящих и исходящих бумаг. Но впоследствии уже, когда Смирнов освоился с политическим отделом, я увидел, что его несколько тяготит роль как бы подчиненного С. Е. Виссарионову, и, поэтому, я отказался от своего первоначального предположения и, переговорив с С. Е. Виссарионовым, возложил на него обязанности ревизионного характера, советуясь с ним по тем или другим вопросам, проходившим по особому отделу. Восстанавливать что-либо из отмененных при ген. Джунковском учреждений я не стал, а намечал только учреждение при департаменте института авторитетных для губернской власти ревизоров в должности IV класса, так как признавал необходимым оставить то же, что было сделано при ген. Джунковском, подчиненное взаимоотношение на местах начальника управления губернатору. На этих ревизоров имелось в виду возложить, кроме ревизий жандармских установлений, также и исполнение поручений по министерству, переговоры с губернаторами по вопросам общего характера, интересующим министра, ознакомление со всеми сторонами жизни губерний, имея в виду поручить их постоянному наблюдению определенные губернии. С этою целью по личному указанию министра и по данной мне С. Е. Виссарионовым характеристике, был приглашен на должность чиновника особых поручений IV класса ярославский прокурор Дмитрович, назначение которого при мне и состоялось, предназначался кандидат Моллова Бусло, намечалось несколько лиц из состава членов совета министра, но после моего ухода ген. Климович видоизменил мое предположение, пригласив на эти роли жандармских офицеров.

Затем состав особого отдела я пополнил несколькими офицерами, знакомыми с ведением агентуры и партийной литературою, из числа указанных мне С. Е. Виссарионовым лиц и лично по своему, подполковника Филевского, как хорошо ознакомленного с с.-д. партией и знающего, по предварительной своей службе, многие крупные центры России и Кавказ. Затем, считаясь с тем, что значительное число офицеров, знающих розыск, было в продолжительной командировке по штабам армий для контр-разведки, я настоял на возобновлении курсов при штабе с несколько видоизмененной программой в связи с обстоятельствами военного времени, т.-е. уменьшив чтение по общим вопросам и, увеличив ознакомление обучающихся с военной разведкой; открыл при департаменте курсы для офицеров, главным образом, морских, по ознакомлению их с розыскной техникой по контр-шпионажу и устроил также для нужд военных штабов обучение офицеров их обязанностям по наблюдению за лицами, занимающимися шпионажем в пользу воюющих против нас государств. Затем штаб корпуса приказом министра, как главноначальствующего, был обращен, согласно закону, к непосредственным своим обязан-

ностям по хозяйственно-строевой и судебно-распорядительной части с тем, чтобы все разъяснения, указания и донесения с мест по делам розыскного характера как политического, так и уголовного сыска исходили и поступали в департамент полиции; при этом министр, передав мне руководительство департаментом, также поручил начальнику штаба докладывать мне, а не ему, министру, дела, подлежащие разрешению главноначальствующего, оставив за собой доклады командира корпуса. На вакантную должность командира корпуса, после ухода ген. Джунковского в действующую армию, выдвигалась дворцовым комендантом кандидатура начальника штаба, ген. Никольского, но назначение это не могло состояться, потому что министр, считаясь с просьбой статс-дамы Нарышкиной, близкой к семье государя, обещал эту должность ее зятю, ярославскому губернатору графу Татищеву, служившему в военной службе, который и был назначен с переименованием в генерал-майоры. По состоявшемуся между мною и гр. Татищевым соглашению, о назначениях по корпусу я предварительно отдания приказа «за главноначальствующего» переговаривал с ним; также я с ним советовался и по вопросам, которые не были у него в докладе; кроме того, я высказывал свою точку зрения начальнику штаба, поручив ему предварительно доложить командиру корпуса. Поездки по охране высочайших проездов, требовавшие особых указаний командира корпуса по инструкциям, выработанным ген. Джунковским по соглашению с дворцовым комендантом, после первых выездов гр. Татищева были им передоверены начальнику штаба. Оставляя в стороне вопрос симпатий, я работал с ген. Никольским до своего ухода и, по моей инициативе, он был, по военным обстоятельствам, награжден орденом Станислава I ст. Из распоряжений по административным делам, отданных при ген. Джунковском, я, считаясь с обстановкой времени, в виду начавшихся в некоторых местах империи (в Орловской губ. и др.) аграрных выступлений, бунтов на почве голодовки и наборов, видоизменил отношения к полицейской страже; командировав многих чинов штаба и генералов, состоящих при министре, для ревизий полицейской стражи, я поручил им на местах возбуждать вопрос о соединении в отряды рассеянных одиночно стражников там, где, по соглашению с губернатором и местным инспектором-начальником губ. жандармского управления, это будет признано необходимым. Снять стражу с мест и отправить ее на театр военных действий А. Н. Хвостов и я, а также и департамент и штаб не признавали возможным, но, считаясь с думским требованием, мы предоставили в распоряжение военных властей в районах театра войны стражу, состоявшую и эвакуированную из занятых неприятелем губерний. Таким образом, в департаменте полиции была сосредоточена вся переписка, исходящая от жандармской полиции как общей, так и железнодорожной по делам розыска,

и указания как той, так и другой по этим делам исходили только от департамента.

В этот период времени при департаменте полиции собственной агентуры по партиям с.-д., с.-р. и анархистов и кадетской не было, а все было сосредоточено в руках местных органов, коим и было предложено мною принять меры к усилению агентуры. В моем непосредственном ведении состояло лишь несколько лиц непартийного направления, которые были мною обращены к собиранию разнообразных сведений как для департамента, так и для министра по тому или другому специально интересующему нас вопросу. Одним таким лицом был Волков из Нижнего Новгорода. Он был в составе совета съездов по мелкой промышленности одним из деятельных его членов. А. Н. Хвостов его знал давно и пользовался его услугами по Нижнему-Новгороду; по его указанию, Волков был причислен к главному управлению по делам местного хозяйства. Это давало ему легальное положение и авторитетность в провинции, куда он и был отправляем в командировки для собирания сведений о деятельности местных органов промышленных комитетов, так как А. Н. Хвостов предполагал выступать по этому вопросу в Государственной Думе. Его же он направил и в Нижний Новгород для собирания данных против Сироткина, с коим А. Н. Хвостов имел старые счеты. Все счеты представлялись Волковым лично А. Н. Хвостову; я давал ассигновки лишь на условленное жалование и оплату прогонов из секретного фонда. В общих чертах Волков докладывал и мне о результатах своих поездок. Отчеты эти, как материал для будущего, хранились в департаменте. Так как сведения точного характера Волков мог добыть только в местных отделах мелкой промышленности, а о работах промышленного комитета по фабрикам и заводам он мог быть ознакомлен на местах только путем бокового осведомления, то его материалы, конечно, нуждались в проверке. Поэтому, если только эти материалы, а также данные из отчетов, мне представленных начальниками управления, где содержался материал личного вывода, не проверенный точно, послужили ген. Климовичу основанием для его секретной записки, проникшей в прессу и в Думу, о деятельности комитетов, то это было ошибкой департамента. Затем был Мануйлов, который сотрудничал у меня и при моем директорстве. Он мне был рекомендован покойным кн. Мещерским. Многого из его прошлого, что обнаружилось впоследствии на его процессе, я не знал так, как знал ген. Климович, бывший в департаменте ранее заведующим особым отделом. Но во время моего директорства Мануйлов мне был нужен, как лицо, служащее в редакции «Нового Времени», имевшее возможность предупредить о статьях, поступавших в портфель редакции, направленных против министра, дабы потом, путем переговоров или с автором или с редактором, снять или видоизменить их, затем как лицо, знаю-

щее, что затрагивает в данный момент прессу, в особенности, в дипломатической среде, которую он освещал на столбцах «Нового» и «Вечернего Времени». В этот период Мануйлов, будучи хорошо и близко знаком с В. Л. Бурцевым, дал мне возможность использовать В. Л. Бурцева путем помещения в «Новом» и «Вечернем Времени» интервью на тему, направленную против пораженческого течения «все для войны, оставив партийную работу до момента окончания», так как в это время начались забастовки на заводах, и впервые за время войны были выпущены литографированные прокламации в небольшом количестве от партии анархистов с призывом против войны и об устранении царя, Горемыкина и Распутина. Затем через Мануйлова я получил точные сведения о книге Илиодора, когда вопрос об этой книге взволновал сферы в виду статьи Пругавина «Святой чорт». Но об этом я скажу в свое время. Кроме того Мануйлов как-то нашел возможность внушить к себе доверие Распутина, и, поэтому, пришлось считаться с его влиянием на него. Меня Мануйлов, как мне казалось, не обманывал, так как проверка его сведений, делаемая мною, подтверждала правдивость его заявления. При мне он получал 300, а затем 400 руб. из секретного фонда; после моего ухода А. Н. Хвостов назначил ему 1.000 руб., а Штюрмер 600 руб. по настоянию ген. Климовича.

Затем ген. Невражин сообщал мне сведения по общественному течению, но более газетного свойства; А. А. Кон, чиновник особых поручений V класса при министре финансов, состоявший впоследствии при А. Д. Протопопове — членом совета по делам печати. Это лицо я знал еще с Вильны, где он служил одновременно со мною в канцелярии генерал-губернатора секретарем, потом переехал в Петроград и, благодаря гр. С. Ю. Витте, к нему хорошо относившемуся, был принят В. Н. Коковцовым на службу, осведомляя его о новостях думских и газетных, как сотрудник «Колокола» и «Гражданина», сидевший от этих газет в ложе журналистов. Кон был человеком, увлекавшимся всегда желанием примирить общественные стремления с правительством; по натуре он был общителен, мягок, имел громадный круг знакомства среди видных и правительственных, и общественных деятелей, всем интересовался, умел хорошо писать, был великолепно образован, вечно за кого-нибудь хлопотал; умер в январе этого года скоропостижно, оставив семью, и довольно большую, без копейки, и был похоронен по подписке среди знакомых. Так как Кон по министерству финансов не получал штатного жалованья, то я его взял к себе, желая в будущем дать ему соответствующее место по министерству внутренних дел, и он мне помогал разобраться в вопросах обрисовки настроения общественных групп Москвы, Петрограда и других городов, куда я его командировал; кроме того Кон, будучи по натуре мистиком, был поклонником, искренно расположенным

к Распутину, и тот его любил. Но об его роли при Распутине я скажу своевременно. Затем А. А. Кона я часто посылал на лекции, рефераты, съезды и его отчеты, из коих некоторые верно остались в департаменте, не были официальными и сухими документами, а сразу останавливали внимание на том, что являлось, главным образом, темою доклада. Наконец, я использовал его для проверки в Харькове и в Сарове одного переданного мне А. А. Вырубовой доноса на приближенное к архиепископу Антонию лицо в обвинении его в кощунственном отношении к иконе почаевской божией матери, что было выполнено им так тонко, что никто не догадался о цели его приезда, тогда как официальное расследование могло бы обидеть этого иерарха.

Затем, А. Н. Хвостов усиленно хотел дать мне Ржевского для руководительства им, но этот человек с первого раза на меня произвел неприятное впечатление, и поэтому я, несмотря на все старания последнего, от него отшатнулся, поставил около него агентуру (его знакомого по Нижнему — Волкова) и, когда получил сведения о злоупотреблениях им внеочередными свидетельствами Красного Креста по его должности помощника уполномоченного северного района, то доложил А. Н. Хвостову и произвел дознание через полковника Савицкого (из штаба корпуса). Но о Ржевском я скажу впоследствии; его А. Н. Хвостов лично знал по Нижнему и им пользовался там, хотя, как мне говорил А. Н. Хвостов, он ему дорого стоил. Его А. Н. Хвостов хотел использовать для освещения оппозиционной прессы и дал ему интервью, которое и было помещено в одной из газет (не помню в какой). Но сам Ржевский своим поведением и упоминанием о знакомстве с А. Н. Хвостовым сразу же себя провалил в газетной среде хроникеров, о чем я поставил в известность А. Н. Хвостова. Тогда Ржевский представил А. Н. Хвостову, с цифровыми выкладками о расходах, свой проект об образовании клуба для журналистов, который мог бы дать ему возможность собирать все новости в той обстановке, где языки скорее развязываются; как я ни убеждал А. Н. Хвостова, но он согласился ему дать на это деньги, но не 18 тыс., как просил Ржевский, а, по моему настоянию, 5 тыс. Я затем, придя к себе, все-таки по телефону переговорил с делопроизводителем III делопроизводства, предложив ему отложить выдачу до следующего дня, но оказалось, что деньги уже были выданы. Я упрекаю себя в том, что не проявил настойчивости в полном отказе Ржевскому в его ходатайстве об учреждении клуба, а, исполняя поручение Хвостова, подтвердил помощнику градоначальника Лысогорскому о том, что это — желание министра, и умолчал о той цели, с какой клуб открывался. На первых же порах, по моему наблюдению, пришлось убедиться, что, открывая клуб, Ржевский имел в виду совершенно другое — извлекать доходы и делиться ими с своими друзьями, кои были учредителями клуба. Когда же Ржевский

явился к Кафафову за получением агентурного заграничного паспорта, и тот по телефону мне об этом доложил, то я приказал ему не выдавать паспорта Ржевскому и при этом рассказал Кафафову о 5 тыс. На мой же вопрос Ржевскому, почему ему нужен паспорт, он мне заявил, что для покупки в Швеции новой мебели для клуба; впоследствии же выяснилось, что эта поездка преследовала совершенно другие цели.

Рабочее движение. По поступившим в этот период времени в департамент полиции агентурным сведениям как из заграницы, так и из местных учреждений оказывалось, что пораженческое движение все шире и шире захватывало рабочие круги, чем и объяснялись в большинстве случаев участившиеся забастовки на заводах и фабриках. Но это не всегда было так, в чем я имел возможность убедиться на первых же порах моего вступления в должность. А. Н. Хвостов, как это видно из газет того времени, через несколько дней по вступлении в должность, желая показать, что его слова не расходятся с делом, отправился в Москву для разгрузки железнодорожного узла. Уже на вокзале, при проводах начальник охранного отделения сообщил мне в нескольких словах о том, что в Петрограде несколько заводов стало и что он предполагал бы в эту ночь совершить ликвидацию, на что докладом на имя министра он и испрашивал разрешение в виду значительности числа арестов. Но я просил его воздержаться до той поры, пока я ему не дам своих указаний.

Вступивший в исправление должности министра, товарищ министра Плеве, получивший с министерской почтой этот доклад, взволновался и приехал ко мне на квартиру для переговоров. Но я и ему высказал свое мнение, что эта мера может оказать обратное действие, если выяснится, что причины, питающие забастовку, лежат глубже, и добавил, что я уже дал инструкции начальнику охранного отделения пока не производить арестов. Вместе с тем, ознакомившись с донесением и выслушав подробный личный доклад Глобачева, я высказал ему установленную нами с министром точку зрения на аресты в рабочей среде (о чем я выше докладывал), сообщил о том впечатлении, какое произведет в общественных кругах массовый арест рабочих после только что публично высказанного министром в интервью своего «credo» по рабочему вопросу, и предложил ему усилить наблюдение агентурою на этих заводах и принять меры к тому, чтобы начальник округа, коему донесения в копиях поступали, также воздержался от репрессивных мер давления на рабочую среду. В течение недели ген. Глобачев настаивал на арестах, уменьшая число таковых и указывая на политические причины, питающие забастовку, но я был настойчив, — и забастовка мало-по-малу стихла, когда некоторые из экономических требований были удовлетворены. Такой же точки зрения держался и министр торговли и промышленности кн. Шаховской,

который и писал и просил, чтобы его местные органы и министерство торговли и промышленности были осведомляемы в принятии тех или других мер в отношении рабочих и чтобы охранные отделения считались и с данными, имеющимися у фабричной инспекции. Но в этом вопросе как в Москве (где было военное положение), так и в Петрограде (который считался входящим в район военных действий) необходимо было администрации считаться с решающим словом, принадлежащим начальнику округа. Поэтому и градоначальнику и начальнику охранного отделения, а также и московскому градоначальнику ген. Климовичу было предложено быть в самом тесном контакте с военными властями и кроме того департамент полиции установил связь с штабом начальника округа через полковника Перцова, состоявшего при кн. Туманове и пользовавшегося его особым доверием. Полковник Перцов в то время, в виду того, что ген. Вендорф, с коим кн. Оболенский был в натянутых отношениях, желал уйти в почетные опекуны, выставил свою кандидатуру на должность помощника градоначальника, что ему и министром и мною было обещано.

Тем не менее, неожиданное для органов министерства внутренних дел и чинов фабричной инспекции вмешательство военной администрации все-таки от поры до времени наблюдалось, пока в начале 1916 года оно не вылилось (это было уже в первые дни вступления Б. В. Штюрмера на пост председателя совета министров) в форму крупной забастовки на больших заводах Петрограда под влиянием незаконно изданного распоряжения военной администрацией о применении на одном из заводов, где директором состоял отставной генерал Миллер, принципа милитаризации в отношении тех рабочих, которые не встанут на работу. Путем выяснения причин забастовки оказалось, что отставной генерал Миллер, не докладывая ни градоначальнику, ни чинам фабричной инспекции, ни даже первоначально округу, пользуясь своими знакомствами в военном министерстве, провел через последнее требование, предъявленное через начальника округа военными властями к рабочим, стать на работу, с угрозою не подчинившимся сдать обязанных военной службой в солдаты *и возвратить их, как солдат, на тот же завод для выполнения тех же работ*, кои они несли, под страхом предания суду по законам военного времени.

Эта последняя угроза, не основанная на законе и явно задевавшая интересы рабочих, вызвала сильный протест с их стороны на всех почти заводах, и это движение могло бы вылиться в крупные беспорядки, если бы на него не было обращено в самом же начале особого внимания со стороны правительства. Дело доведено было мною до экстренного заседания совета министров, вниманию которого, в присутствии начальника военного округа, представителя ген. Рузского, ген. Фролова и военного министра

Поливанова, мною и кн. Шаховским были доложены причины этого движения и составленный нами подробный проект взаимоотношений властей, имеющих касательство к наблюдению за правильным течением работ на заводах и фабриках, как общая схема для руководства. В общем эти правила сводились к установлению института примирительных камер. Совет министров, отменив тут же распоряжение военного начальства, преподал к руководству эти правила[1].

Аресты в рабочей группе мною были сделаны в начале января 1916 г. К этому времени, по моему требованию, агентура была Глобачевым увеличена; охранному отделению были известны все районные комитеты и местный центр, и так как, по данным отделения, намечалось 9 января крупное выступление рабочих, о чем, между прочим, свидетельствовали и выпущенные к тому времени листки-прокламации, то незадолго до 9 января в три приема, чтобы не дать возможности сорганизоваться районам, были произведены аресты и около 30 — 40 чел. преданы суду, а об остальных была частью произведена охранная переписка, а к части применены были правила о высылке военными властями. Когда вспыхнули крупные осложнения, вызвавшие длительную забастовку на Николаевском судостроительном заводе, который имел срочные заказы морского ведомства по постройке больших судов для Черноморского флота, то для расследования обстановки забастовки и данных агентуры (на заводе были случаи тайного убийства мастеров) в соответствии с предъявленными мне представителем акционерной компании Кульманом (воспитателем покойного великого князя Олега Константиновича) сведениями от управляющего заводом,—в Николаев был командирован д. с. с. Виссарионов, который, в виду длительности забастовки и некоторых экономических затруднений, чинимых рабочим со стороны заводской администрации, не решился рекомендовать применение каких-либо репрессивных мер, кроме принятой уже администрацией сдачи уволенных рабочих военнообязанных в войсковую часть. В этот же период времени туда же был командирован для проверки причин забастовки и представитель от рабочей группы центрального промышленного комитета (если только память не изменяет, то этот делегат — фамилии его не помню, кажется Шаров, служил в агентуре Глобачева. Тогда были два лица командированы на юг от рабочей группы, и я помню, что ген. Глобачев мне докладывал, что один из них состоит в агентуре. Виссарионов не знал этого

---

[1]) Так как в эту пору против ген. Перцова было возбуждено ген. Батюшиным, по поручению ген. Рузского, дознание, то для средостения штаба и департамента по этим делам, по просьбе начальника штаба ген. Тяжельникова, был ему рекомендован прапорщик запаса чиновник особых поручений при департаменте полиции V кл. д. ст. сов. Пешков, работавший до сего в военной цензуре писем.

во время командировки). После смены морским министром градоначальника, коему было поставлено в вину то, что он не сразу приступил к обращению в войска военнообязанных уволенных рабочих и сдал их в войсковые части местного гарнизона, чем поддерживалась связь между ними и оставшимися на месте рабочими, и вследствие некоторых уступок, рекомендованных мною правлению общества, — забастовка сама прекратилась.

Обращая серьезное внимание на забастовки длительного характера, которые озабочивали совет министров и выясняя причины, их вызвавшие, я старался быть осторожным и потому, что уже с конца 1915 г. рабочая группа центрального промышленного комитета делегировала на места своих агентов, и, таким образом, мероприятия административного свойства находились под контролем, имевшим всегда возможность давать крайней партии Государственной Думы материалы для запросов. Переходя к обрисовке отношений и мероприятий министерства внутренних дел по департаменту полиции к центральному промышленному комитету, я должен заявить, что время моего пребывания на должности товарища министра совпало с первыми шагами деятельности этой общественной организации, к которой отношение большинства членов совета министров того времени было отрицательное с предубеждением и недоверием к ее работам. Здесь были две причины. Первая — это личность председателя комитета А. И. Гучкова, человека, к которому высокие сферы относились с предубеждением со времени его первого публичного выступления в Государственной Думе с разоблачениями о Распутине, и дружба которого с военным министром Поливановым считалась подозрительной, тем более, что и само назначение ген. Поливанова военным министром было уступкой требованиям Думы, ибо, насколько мне известно, он особым доверием не пользовался. Кроме того, с ген. Поливановым, как с хорошим знакомым В. Н. Коковцова, и И. Л. Горемыкин и Б. В. Штюрмер поддерживали лишь чисто официальные отношения, и когда представился случай, то он и я одним докладом Б. В. Штюрмера были уволены от занимаемых должностей за выступление в прессе: я за беседу по делу Ржевского, а он за оглашение в «Речи» своей речи, сказанной в секретном заседании Государственной Думы (это я узнал впоследствии). А вторая причина — это участие рабочих выборных в этой организации и создание ими там впоследствии своей группы.

Тем не менее, выборы должны были состояться, так как, в осуществление закона, А. И. Гучков уже в эту пору приступил к организационным работам. Как в Петрограде, так и Москве, по соглашению с военным окружным начальством, местной администрацией даны были указания быть строго законными, применяя к собраниям требование закона о собраниях. Охранным же отделением было указано, чтобы они направили агентуру в предвыборные ячейки

для того, чтобы узнать и выяснить личность намечаемых кандидатов, агитируя против нежелательных, но не принимая никаких мер в отношении той части рабочих, кои стояли на почве отрицания этой организации. Указания были даны министром и мною лично; из Москвы приезжал ген. Климович. Донесения о ходе работ по выборам имеются в департаменте, где и имеется моя переписка по выборам (в первый раз) в Петрограде с А. И. Гучковым. Затем, когда уже конструировался центральный промышленный комитет и образовалась в его составе рабочая группа с делегированием в нее представителей от Государственной Думы по с.-д. партии и от других политических рабочих организаций, то явилось невольное опасение за то, чтобы эта ячейка не послужила в будущем ядром для образования совета рабочих депутатов. Поэтому я предложил ген. Глобачеву завести в этой группе свою агентуру и давать мне самые подробные сведения о ее работе, задачах, заседаниях.

К самому концу 1915 года агентура была поставлена, и в моих руках находились уже доклады, обрисовывающие характер намеченных этой организацией задач будущего и стремление ее играть доминирующую роль в направлении рабочего движения. Поэтому, по докладе А. Н. Хвостовым И. Л. Горемыкину и по переговорам его с министром юстиции, А. А. Хвостовым, в присутствии высших чинов министерства (Бальца, Трегубова и Лядова) и в присутствии незадолго перед тем назначенного после ухода Корсака в сенат прокурором судебной палаты г. Завадского, мною, в присутствии министра А. Н. Хвостова, был сделан подробный доклад об этой группе на основании материалов, имевшихся в департаменте, причем особое внимание мною было уделено секретному журналу группы (не помню № 1 или № 2), где были изложены политические верования и цели, намечаемые ею для работ будущего, дававшие основание, по законам того времени, к возбуждению судебного преследования. После больших дебатов министр юстиции присоединился к мнению Бальца о необходимости повременить с этим до той поры, пока в руках правительства не будет доказательств о пропаганде тех целей, кои намечены группой как путем циркуляров и воззваний, так и путем разъездных агентов. В виду этого было дано циркулярное указание на места розыскным органам наблюдать за местными отражениями в рабочей среде местных отделов комитета и за приезжающими делегатами от рабочей группы центр. промышл. комитета, приближая к ним агентуру, но отнюдь их не арестовывая. В провинции выборы прошли бледно; в некоторых районах, как, напр., в районе фабрик Коновалова, даже выбраны были члены очень умеренного направления.

Заканчиваю этот вопрос указанием на то, что и за председателем комитета было поставлено наблюдение, письма его были подвергнуты перлюстрации, и установлена была телефонная пере-

дача; но это наблюдение особенного материала в мое время не дало, кроме одной поездки А. И. Гучкова с г. Бурцевым на военном автомобиле (не помню, кажется, в какой-то ресторан на обед), затем наблюдение было прекращено потому, что А. И. Гучков серьезно заболел и выехал в Ялту для лечения, куда никаких телеграмм о нем при мне подполковнику Троцкому не посылалось. Агентура по партии с.-д. была хорошо осведомлена; но слаба была агентура по партии анархистов, в ту пору народившейся в Петрограде, выпустившей одну прокламацию и имевшей за мой период два выступления. Поэтому, по моему предложению, в эту группу Глобачевым была введена агентура, и двумя арестами было задержано 18 человек, а затем уже при ген. Климовиче была третья ликвидация, которая, как он как-то говорил мне, нанесла окончательный удар партии.

При первых моих шагах в должности товарища министра внутренних дел мне пришлось столкнуться с тем анормальным явлением, что зачастую, при наблюдении за приезжающими в гостиницы и меблированные комнаты или за внушавшими подозрение лицами, агентам наружного наблюдения приходилось сталкиваться с агентами контр-разведки; то же замечалось и в вопросе о перлюстрации, то же наблюдалось и в отношении телефонов, а из докладов вице-директора П. М. Руткевича (не имевшего отношения к политическим делам департамента), состоявшего представителем от министерства в комиссии при министерстве торговли и промышленности под председательством д. ст. с. Сибилева (кажется, я не ошибаюсь) по ликвидации предприятий подданных воюющих с нами государств, пришлось убедиться, что на эту очень важную отрасль торгово-промышленного шпионажа было обращено очень мало внимания со стороны органов контр-разведки, а между тем, она имела большое значение, тем более, что относилась к заводам, работавшим на оборону; направление же как председателя комиссии, так и членов министерства торговли и промышленности в отношении применения к этим заводам законных требований было более, чем снисходительное. Чтобы добиться передачи гостиницы Астории (центра приезжавших из заграницы шпионов) в руки военного ведомства, мне пришлось потратить 3 месяца бесплодной переписки (см. дело департамента), и только обращение к Поливанову и личные мои переговоры с кн. Тумановым достигли своей цели. Все это, в связи с обнаружением тайной миссии, которую преследовала М. Васильчикова, присланная с тайными письмами в Петроград, дало мне основание заинтересоваться этим вопросом и выяснить роль и деятельность жандармских офицеров, командированных в распоряжение штабов армий. Оказалось, что, в силу высочайше утвержденной инструкции, они, в период откомандирования, не находились в подчинении ни штаба, ни департамента, не имели опытных руководителей, причем связи

с внутренней агентурой не держали, и в этом важном, в особенности во время войны, деле внутреннее освещение страны в этой области было слабо. В виду этого, доложив об этом ген. Поливанову и Беляеву, я комиссионным путем выработал проект изменения инструкции и вместе с объяснительной запиской представил, по поручению А. Н. Хвостова, начальнику штаба верховного главнокомандующего ген. Алексееву лично. Вопрос об изменении закона о ликвидации немецких земель, согласно личным указаниям А. Н. Хвостова, разрабатывался в департаменте общих дел. Затем роль особого совещания в этот период, в большинстве, свелась к обсуждению дел о лицах, обвиняемых в германофильстве, с применением к ним самых строгих мер высылки на 5 или 3 года в отдаленные сибирские губернии.

17 мая 1917 г.

С. Белецкий.

II.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

[Агентура охранного отделения, ее направление и деятели. Распутин-Новых. Его первоначальная роль. Его отношение к министрам. Выступление в Гос. Думе Гучкова против Распутина. Принятие мер к охране Распутина. Отставка В. Н. Коковцова. Передача Макаровым государю подлинных писем государыни к Распутину и гнев царицы. Телеграмма Думбадзе о разрешении покончить с Распутиным. Сводка филерских наблюдений над Распутиным. Сообщение царю сведений о Распутине вел. кн. Николаем Николаевичем и Джунковским. Дружба Белецкого с Андрониковым. Сближение Андроникова с Распутиным и А. А. Вырубовой. Еп. Варнава. Сближение Белецкого с Распутиным и А. А. Вырубовой. Кандидатура А. Н. Белецкого на пост министра внутренних дел. (19 мая.)]

По партии с.-р. в этот период времени сильной агентуры ни в Петрограде, ни в Москве, ни тем более в других крупных центрах России не было, не потому только, что эта организация несколько изменила во время войны свою партийную тактику и в силу этого работа ее не интересовала департамент, а вследствие того, что она была очень конспиративна. Но тем не менее освещение этой группы было в силе, и по моим требованиям, в особенности в Петрограде, как наблюдение, так и внутреннее проникновение в группу оно было усилено. Указать различия работавших в этой группе сотрудников охранного отделения я не могу, так как, хотя начальник отделения Глобачев и представил мне в особой папке лично на квартиру справки по всей деятельности охранного отделения с некоторыми инструкциями для филеров и с сметами, но я, выслушав его доклад и правдивое сознание о слабости в некоторых противоправительственных организациях агентуры, ограничился беглым просмотром и указанием на необходимость усиления агентуры, папку оставил у себя, дав ее на просмотр пришедшему ко мне С. Г. Виссарионову, прося его просмотреть инструкции, которые, затем, через некоторое время возвратил Глобачеву, а все оставшееся в папке передал ему по оставлении службы, возвратившись после пасхи в Петроград. Но помню

одно, что, когда депутат А. Ф. Керенский обратился ко мне с телеграммой по поводу болезни арестованного охранным отделением Ежова (кажется, я правильно назвал эту фамилию) на предмет помещения его в больницу, то я вызвал к себе Глобачева для доклада и от него узнал, что около Ежова, близкого к А. Ф. Керенскому, находилась агентура отделения в лице друга и товарища его (фамилию не припомню), который теперь, после ареста Ежова, может укрепиться около А. Ф. Керенского и быть ценным сотрудником. Но, тем не менее, Глобачев подтвердил, что Ежов сильно заболел (кажется, чахотка в последних градусах), и поэтому я приказал его выпустить. Ежов затем через некоторое время скончался. Как во времена моего пребывания в должности директора, так и на посту товарища м-ра за депутатом А. Ф. Керенским велось усиленное наблюдение, которое, как я знаю, не снималось с него и до последнего времени в силу того, что, по сведениям Красильникова, он состоял членом ц. к. партии с.-р., имел в России крупное значение в партийных прессах, и выступления его в Государственной Думе по бюджету и запросам всегда нервировали правительство.

Что касается Бурцева, то в дополнение к сказанному мною лично Комиссии могу добавить, что я с ним познакомился в тот период, когда он ко мне явился на прием, заранее испросив час по телефону, после удовлетворения мною его письменного ходатайства о разрешении ему приезда в Петроград. В отношении его я искренно считал необходимым исправить ошибку, допущенную сейчас же после моего ухода из должности директора, его задержанием и преданием суду, так как он с первых дней войны был сильным пропагандистом идеи национализации ее не только словом, но путем неоднократного выступления в заграничной прессе; поэтому я широко и отстаивал его просьбы, несмотря на то, что против приезда его на жительство в Петроград был председатель совета и министр юстиции А. А. Хвостов, который, затем, впоследствии брал на свое рассмотрение все о нем дело. Но так как эта мера была проведена путем всеподданнейшего доклада, то при мне это разрешение осталось в силе, и вопрос о нем возник уже при ген. Климовиче. Но вместе с тем я нисколько не уменьшил наблюдения за его сношениями ни в Твери, где, несмотря на все требования департамента, оно проваливалось, ни в Петрограде, имея в виду этим путем выяснить, с кем из чиновничества он знаком, какие и с кем связи его с представителями общественных кругов, и с думскими деятелями, и кто субсидирует его издательскую деятельность.

Затем через давнишнего его знакомого Мануйлова я, кроме указанного выше интервью, получил сведения, подтверждавшие доклад Красильникова об издании книги Илиодором, направленной к разоблачению Распутина и его придворного влияния. Поводом к этому послужила статья Пругавина, помещенная в конце

1915 года в фельетонном отделе в одной из больших московских газет, под заглавием «Святой чорт», в которой давалась характеристика этому труду Илиодора. В виду этого было приказано принять все меры к ослаблению распространения этого издания. Из моих сношений с Красильниковым, которому были даны мною широкие полномочия принять все меры к изъятию этой книги и ее оригинала, не стесняясь в запретах, выяснилось, что книга эта не издана еще и что по поводу этого издания Илиодор имел переговоры с Бурцевым, который при проезде в Россию заезжал к нему в Христианию. Мануйлов, путем опроса Бурцева, узнал, что издание этой книги, на которую даны были средства из Москвы, отложено до окончания войны и что рукопись Илиодора не заграницею, а в Москве. Пользуясь посещением меня Бурцевым, я, извинившись пред ним за свой вопрос, сам его об этом спросил, и он мне подтвердил это. Конечно, я не позволил себе далее опрашивать его, где именно хранится эта книга, так как Бурцев и Мануйлову об этом не сказал и не мог бы, конечно, сказать мне. Доклад об этом в форме агентурной записки без подписи, составленный Мануйловым, был мною представлен Хвостову. В будущем Хвостов по делу Ржевского уверял А. А. Вырубову, что Ржевского он посылал заграницу для скупки этой именно книги; то же он доложил и государю. Кроме этих сведений, Мануйлов дал еще 2—3 записки, которые, с его слов, у меня на Морской на машинке печатала помощник моего секретаря Крупчанова, о том, что он слышал от Бурцева; но они не имели особого значения и в памяти у меня содержание не осталось. Хранятся они, после представления Хвостову, в политическом отделе.

Что касается двух начальников охранного отделения, столичных центров, сведения коих всегда учитывались и министром внутренних дел и департаментом полиции, в виду влияния этих пунктов на жизнь России, то я застал в Петрограде полковника Глобачева, назначенного после моего оставления должности директора департамента полиции ген. Джунковским, а в Москве полковника Мартынова, который был назначен по моему представлению (согласно указанию С. Е. Виссарионова) А. А. Макаровым, по переходе полковника Заварзина в Одессу. Полк. Глобачева, хотя С. Е. Виссарионов и не считал подходящим для Петрограда, и на министра А. Н. Хвостова, он, как и на Б. В. Штюрмера (о чем мне говорил ген. Климович) производил впечатление несколько вялого человека, я не только оставил, но, после двух испытаний, отстоял и относился к нему с большим доверием и поддерживал его и впоследствии у Протопопова и у А. А. Вырубовой, когда начались против него интриги. При мне он, в изъятие, был награжден раньше времени, по моему ходатайству, чином генерал-майора. В силу этого и чтобы не отрывать его от работы и не нервировать, я ревизии охранного отделения не производил, тем

более что, при последовавшей впоследствии усиленной агентуре, даваемые им сведения по Петрограду меня вполне удовлетворили. Что же касается полк. Мартынова, то я и С. Е. Виссарионов несколько разочаровались в нем впоследствии, как в отношении лично к себе, так в бледности, с точки зрения департамента, освещения общественной и партийной жизни Москвы, которая тогда текла особо сильным темпом. Оставляя вопрос отношения его к себе, после оставления мною должности директора, так как я потом убедился, что он так же отнесся и к ген. Джунковскому, я тем не менее, по просьбе ген. Климовича, вопрос об оставлении Мартынова в Москве поставил в зависимость от результатов ревизии его С. Е. Виссарионовым, коего я командировал тогда по ревизиям нескольких управлений. Хотя С. Е. Виссарионов нашел в московском охранном отделении не только упадок осведомительной деятельности, но многие дефекты в хозяйственной части, я, по выслушании личных объяснений полковника Мартынова, его оставил впредь до представления письменного объяснения. После этого я сам ушел, и Мартынов остался до последнего времени.

Распутин-Новых. Во время моего нахождения на посту товарища министра мне пришлось очень близко войти в соприкосновение и особо считаться с влиянием покойного старца крестьянина села Покровского, Тюменского уезда, Тобольской губернии, Распутина, переменившего впоследствии свою фамилию, с соответствующего разрешения, на Новых. Так как я свои сношения с ним и с его большой почитательницею А. А. Вырубовой продолжал до смерти Распутина, а с А. А. Вырубовой не прерывал знакомства до последних дней (до заболевания ее корью), то я свое показание, или лучше сказать, исповедь разобью на три периода и начну со времени моего директорства.

До назначения моего директором, когда я был вице-директором при П. А. Сухомлинове, мне не пришлось ни в служебной, ни в частной моей жизни сталкиваться с Распутиным. Но в этот период его имя начало просачиваться в средние круги петроградского общества, так как он был принят во дворце великого князя Николая Николаевича его супругою и им самим, бывал в великосветских гостиных, был близок к семье гр. С. Ю. Витте,—которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой и о котором он при жизни графа, как он мне сам говорил, неоднократно говорил в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти, познакомился уже с А. А. Вырубовой и через посредство ее вошел и во дворец. В первых шагах Распутина в Петрограде, кроме ректора академии еп. Феофана, разочаровавшегося в нем впоследствии, и тех великосветских кружков, которые интересовались церковными вопросами, куда его ввел еп. Феофан, особую поддержку ему оказывал и предоставлял ему у себя жить Г. П. Сазо-

*

нов, охладивший свои отношения к нему впоследствии, когда Распутин изменил свой образ жизни.

Наблюдение за Распутиным в это время, т.-е. при П. А. Столыпине, вел П. Г. Курлов. В чем оно выразилось — следов в департаменте полиции не осталось, но впоследствии и, со слов Распутина, я знаю, что последний с того времени знаком с П. Г. Курловым. При А. А. Макарове, когда я вступил в должность директора и до моего оставления этой должности, я лично также с ним знаком не был, как и А. А. Макаров, и Золотарев избегали возможности с ним познакомиться, не желая этого и впоследствии (я имею в виду А. А. Макарова). Что касается Н. А. Маклакова и ген. Джунковского, то Н. А. Маклаков был в хороших отношениях с Распутиным, не знаю, как он познакомился, но думаю, что через покойного кн. Мещерского, знавшего Распутина и воздававшего ему почет даже еще тогда, когда он не был вхож во дворец. Джунковский же, с первых своих шагов по вступлении в должность, относился к нему отрицательно-демонстративно, несмотря даже на то, что к концу моего директорства влияние Распутина можно было считать прочно установившимся.

Выступление А. И. Гучкова с кафедры Государственной Думы по поводу влияния Распутина повлекло за собой: принятие мер к охране его личности, в силу полученных указаний свыше министром А. А. Макаровым, воспрещение помещения в прессе статей о нем и наблюдение за Гучковым, которое потом мною, при назначении ген. Джунковского, было снято. Вместе с тем, А. А. Макаровым было предложено мне наблюдение за образом жизни Распутина. В силу этого мною с полк. Котеном был выработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерный дневник, который, к моменту оставления мною должности, представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни. Затем в Покровское был командирован филер на постоянное жительство, но не для охраны, так как таковая, из постоянных при Распутине филеров, в несколько уменьшенном только составе, его сопровождала всегда и не оставляла его и при поездках, а для сотрудничества, ибо на месте, как выяснилось, агентуры завести и нельзя было, так как служащий элемент, поставленный Распутиным, держался им и мог бы ему передать и специальные наблюдения за ним, а крестьянство местное жило с ним в хороших добросовестных отношениях, и он многое сделал для своего селения.

Такая система двойственного наблюдения продолжалась до моего ухода. Сведения о Распутине докладывались Котеном

министрам, товарищам и мне, а то, что поступало в письменной форме, я держал у себя, — в служебном кабинете и не сдавал в департамент; и при своем уходе я эти сведения в форме дела оставил в несгораемом шкафу, внеся его в опись, представленную мною Н. А. Маклакову, но на другой день, по требованию Маклакова в числе нескольких других дел, его заинтересовавших, ему сдал и это дело. У себя лично я только оставил копию сводки его образа жизни.

Председатель совета В. Н. Коковцов очень интересовался личностью Распутина, и я ему о нем докладывал неоднократно, так как он хотел положить конец его влияниям путем доклада о нем государю, о чем я слышал не только от самого В. Н. Коковцова, но и А. А. Макарова, но не знаю докладывал ли он. Впоследствии от Распутина я слышал, что он, незадолго до ухода Коковцова с своего поста, виделся с В. Н. Коковцовым и убеждал его уничтожить винную монополию, о чем Распутин неоднократно, по его словам, говорил государю, и давал понять Коковцову, что это будет стоить ему его поста. Насколько это правильно — я не знаю, так как против В. Н. Коковцова были в ту пору настроены некоторые из влиятельных членов кабинета (Н. А. Маклаков, Щегловитов и В. А. Сухомлинов, а также и кн. Мещерский и ген. Богданович). По уходе своем, В. Н. Коковцов виделся с Распутиным на квартире кн. Андроникова, но особого примирения, по словам князя, между ними не произошло.

Я в эту пору тяготел к кружку покойного ген. Богдановича, с содержанием писем которого, вызвавших даже к нему одно время немилость, направленных против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени. Докладывал ли А. А. Макаров государю в подробностях о Распутине, я не знаю, но только заявляю, что часть писем к Распутину от государыни, кои были у Илиодора, были добыты, при посредстве госпожи Карабович из Вильны Замысловским, а также одним казачьим офицером и переданы лично А. А. Макаровым государю, что и послужило причиною гнева на Макарова со стороны государыни, не пожелавшей даже принять его, когда он, спустя продолжительное время, был приглашен Б. В. Штюрмером в кабинет на пост министра юстиции, и имело также свое значение и в отношении к уходу его снова в государственный совет. Н. А. Маклаков, хотя и знал мое и ген. Джунковского отношение к Распутину и то, что я снабжал Богдановича сведениями о том, тем не менее ни разу мне по этому поводу не сделал указаний о прекращении снабжения этих сведений Богдановичу быть может потому, что не желал обидеть Богдановича, искренно к нему расположенного.

В последние месяцы моего директорства при Н. А. Маклакове, когда августейшая семья находилась в Ливадии и Распутин был

вызван в Ялту, от ялтинского градоначальника, покойного ген. Думбадзе, следовавшего особым распоряжением государя и бывшего под большим воздействием ген. Богдановича, который протежировал Думбадзе, мною была получена шифрованная телеграмма с надписью «лично» приблизительно следующего содержания: «разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту». Расшифровывал эту телеграмму работавший в секретарской части департамента А. Н. Митрофанов, посылая мне на квартиру дешифровку, предупредил меня по телефону, что телеграмма интересна. Я подписав препроводительный бланк, послал ее срочно с надписью: «в собственные руки Н. А. Маклакову» и затем по особому, для разговоров только с министром телефону, спросил его, не последует ли какихлибо его распоряжений, но он мне ответил, что, «нет, я сам». Какие были посланы указания Думбадзе и были ли посланы, я не знаю, но проезд в сопровождении филеров состоялся без всяких осложнений. Этой телеграммы в деле нет, так как Н. А. Маклаков мне ее не возвратил, а Митрофанов, по расшифровке и скрепе порвал подлинник, как это делалось в департаменте с шифрованными телеграммами. Но эти по всей вероятности, помнит, так как я спросил у него копию для своего дела. Сводка филером наблюдений из жизни Распутина, о коей я говорил ранее, в общих чертах рисовала отрицательные стороны его характера, сводившиеся к начавшейся уже тогда его наклонности к пьянству и его эротическим похождениям. В бытность мою сенатором ко мне в конце 1914 года обратился через посредство управляющего хозяйственной частью дворцового полковника Балинского, вел. кн. Николай Николаевич, жена которого и он сам перестали уже принимать Распутина с момента его проникновения во дворец, с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полк. Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично на руках сводки. Впоследствии уже я узнал, что великий князь свое желание осуществил, и Распутин до конца своей жизни, что я сам слышал, не мог этого ему простить, причем пред уходом великого князя на Кавказ, с чьих только слов не знаю, он утверждал, что великий князь мечтает о короне.

Затем, как я проверил впоследствии у самого же Распутина, ген. Джунковский, незадолго до своего ухода, пользуясь исходатайствованным для него еще Н. А. Маклаковым правом непосредственных докладов по штабу и высочайшим проездом государя, воспользовавшись полученными им из Москвы сведениями о недостойном в опьянении поведении Распутина в ложе ресторана «Яр», докладывал о том государю в связи с общей характеристикой; это

как мне говорил сам Распутин, вызвало сильный на него гнев государя, — таким он никогда до того даже и не видел государя; но Распутин, в свое оправдание говорил, что он как и все люди — грешник, а не святой. По словам Распутина, государь после этого его долго не пускал к себе на глаза, и поэтому Распутин до конца своей жизни не мог слышать или говорить спокойно о ген. Джунковском. Правда, потом ген. Адрианов, после немецкого погрома в Москве, ушедший из должности градоначальника и находясь под сенаторским расследованием, после свидания с Распутиным в Петрограде, лично и затем в письменном изложении через меня передал А. А. Вырубовой заявление, что никакой, по произведенному им расследованию, неблагопристойности Распутин в Яре не производил. В это время шел разговор об оставлении ген. Адрианова в свите, и он был вызван гр. Фредериксом в Петроград. В свите затем он был оставлен, но, когда значительно позднее, уже по окончании расследования, ген. Адрианов, при министре внутренних дел Протопопове, приехал в Петроград, чтобы представить министру юстиции свою объяснительную записку пред слушанием дела в сенате, и был у меня с просьбой сказать за него несколько слов А. А. Макарову, для чего даже и оставил один экземпляр записки, то он имел в виду передать через Распутина экземпляр и государю, но, как мне говорил Адрианов, Распутин отказался его принять. Когда я, при встрече, спросил Распутина, почему он не захотел повидаться с ген. Адриановым, то он ответил, что ген. Адрианов хотя и дал другое показание, но все-таки ему нужно было в свое время, когда он был градоначальником, посмотреть, что такое полиция о нем писала ген. Джунковскому.

Уйдя из министерства внутренних дел, я, хотя и был назначен с некоторыми затруднениями в сенат, тем не менее остро чувствовал обиду на ген. Джунковского за то, главным образом, что я, не будучи предупрежден, мог бы, если бы меня заранее не осведомили мои друзья, прочитать через 3 дня в «Правительственном Вестнике» о своем назначении, согласно прошению, олонецким губернатором с правом оставления за мною мундира III кл. по старой должности. Это чувство осталось у меня и по назначении моем на должность товарища министра. В промежуток этого времени я не прерывал своих отношений с кн. Андрониковым, хорошо установившихся со времен министерства А. А. Макарова, когда я впервые с ним познакомился. Я часто бывал у него, он также вечером заезжал ко мне, и от него я слышал всегда много интересного из новостей придворных и министерских сфер, так как он, имея широкий круг влиятельных знакомцев и бывая у гр. Фредерикса, Воейкова, у большинства министров, у председателя совета Горемыкина, имел знакомых при великокняжеских дворах, знал многих директоров департаментов почти всех министерств и других чинов из министерств, которые, считаясь с его влиянием у мини-

стров, боялись вооружать его чем-либо, поддерживали с ним лучшие отношения и старались исполнить его просьбы, предпочитая его иметь лучше своим хорошим знакомым, чем сильным и опасным врагом. Он в этот период был занят доведенной им затем до конца крупной финансовой операцией по покупке при содействии военного министра Сухомлинова на акционерных началах в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям. Ко мне он был в ту пору искренно расположен, так как во времена моего директорства у него никаких дел в департаменте полиции не было, и он только пользовался бесплатными проездными билетами на предъявителя. При ген. Джунковском, которого кн. Андроников знал по пажескому корпусу, в силу отрицательного отношения к Андроникову Н. А. Маклакова, и под влиянием просьб к Маклакову со стороны военного министра Сухомлинова, с которым в ту пору, после продолжительной и неразрывной дружбы, кн. Андроников разошелся и повел упомянутую борьбу, последовало увольнение кн. Андроникова от должности причисленного к министерству внутренних дел чиновника, дававшей ему, некоторым образом, официальное положение. Это его задело сильно, и хотя он и был устроен, путем всеподданнейшего доклада обер-прокурора Саблера, на должность чиновника особых поручений при святейшем синоде, но этой обиды он не мог забыть Н. А. Маклакову и, где мог, старался подорвать к нему доверие.

В своих записках к гр. Фредериксу для высоких сфер он давал очерк деятельности министров, сообщал те или другие о них сведения, давал обрисовку событий, волновавших Петроград, и т. д. Записки эти были стильно написаны, в большинстве отличным французским языком, иногда зло обрисовывали какие-либо факты из деятельности или жизни тех высших сановников, против коих что-либо имел князь, и прочитывались им тем, кто был противником этих мер. За этот период времени князь несколько раз писал обо мне, как о человеке, который не был в достаточном отношении использован. Взамен этого я помог ему в выпуске изящно им изданной к 50-летнему юбилею брошюры — о государственных заслугах И. Л. Горемыкина и в составлении ему адреса, подписи на котором были собраны кн. Андрониковым.

В конце апреля 1915 года скончался у меня старший сын, смерть которого меня сильно поразила. По возвращении в Петроград, осенью, кн. Андроников, узнав о моем прибытии, первый позвонил ко мне, прося зайти. Когда я пришел к нему, то от него я узнал, что за время моего отсутствия он близко сошелся с Распутиным, проник через него в особое доверие к А. А. Вырубовой, вошел в наилучшие отношения с статс-дамой Нарышкиной и что в составе кабинета предстоят большие перемены, которые могут повлечь за собою обратное мое возвращение к активной работе,

к чему почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу. Он ставил условием в будущем действовать с ним солидарно. Когда же я ему сказал, что Распутин, который был в это время на родине у себя, может потом пойти против меня под влиянием недоверия ко мне за прошлое, и так как при оставлении должности моей, когда мне передавали о его желании со мной познакомиться, я тогда, по просьбе жены, от этого уклонился, то он меня успокоил тем, что все уже предусмотрено. Я охотно согласился. Здесь же я познакомился с тобольским епископом Варнавой, который был у князя во время своей борьбы с Самариным по поводу канонизации мощей св. Иоанна тобольского. Сойдясь с ним близко, я помог ему, пользуясь своим знакомством с сотрудниками газет, в сличении статей, освещавших это дело. Узнав затем поближе владыку и поняв многие стороны его души и характера, я искренно относился к нему и все время поддерживал с ним сердечную связь. Мне впоследствии приходилось видеть лиц, предубежденных против него за его связь с Распутиным, которые, познакомившись с ним ближе, резко переменили свое к нему отношение. Я не хочу этим сказать, что он не имел своих недостатков, но они поглощались очень многими хорошими его качествами. Выйдя из простой среды, не получив не только, скажем, особого, но даже и среднего образования, он обладал от природы пытливым умом, наблюдательностью, и, подобно старообрядческому начетчику, был хорошо ознакомлен со священным писанием и догмою; он не потерял связи с народом, знал, что нужно его пастве, и его образные собеседования с народом влекли к нему сердца. Его незлобие и отношение к иноверцам создали ему на месте его служения глубокое к нему почитание со стороны последних. Его народный говор, уснащенный народными поговорками и умело примененными текстами св. писания и примерами из жизни святых, придавал особый интерес собеседованию с ним. Я на это указываю, чтобы объяснить его умиротворяющее влияние и в высоких сферах, где он тонко, дипломатично парализовал, не задевая Распутина, влияние последнего, что однако чувствовал Распутин. Вследствие этого при мне уже можно было наблюдать, что приезды еп. Варнавы нервировали Распутина, он подозрительно относился к нему, старался причинять ему затруднения в приемах в высоких сферах и всячески противодействовал сильному стремлению Варнавы уйти из тобольской епархии на север. Но не могу умолчать, что, сделавши ту или другую неприятность владыке, Распутин через некоторое время старался чем-либо исправить ее. Так, например, даваемое обычно при открытии мощей в епархии архиепископство было заменено очередной звездой, но через промежуток времени, по настойчивым просьбам Распутина, владыке, без его о том напоминания, было пожаловано архиепископство. Отличительною чертою владыки было то, что во время

приездов своих в Петроград, он посещал всех своих знакомых и бывших в милости и впавших в немилость, относясь так же к последним, как и тогда, когда они были в силе, что учитывал и не забывал Распутин в своей борьбе с ним. По совету моему, Самарина и кн. Андроникова владыка, в интересах своего дела, в исполнение воли синода, не представился государю, выехал из Петрограда, так как, по сведениям кн. Андроникова, коему Самарин к тому времени предложил официально подать прошение об увольнении, Самарин был в числе лиц, кои должны были уйти из кабинета И. Л. Горемыкина. Но владыка уехал не в свою епархию, а сперва на родину — в одну из северных губерний, а затем в Москву, где и остался, поддерживая сношения с кн. Андрониковым через своего близкого человека, архимандрита Леонида (много, между прочим, вредившего ему в деле управления епархией), в ожидании нового назначения обер-прокурора и скорого приезда Распутина из Покровского, зная, что в данном деле этот последний ему поможет, так как назначение Самарина обер-прокурором состоялось неожиданно для Распутина. Самарина он не знал, но знал, что последний к нему относился отрицательно и что священник Востоков, публично выступавший против Распутина, состоял воспитателем по закону божию детей Самарина.

К этому времени, в конце 1914 года, секретно от жены, я уже познакомился с Распутиным в квартире кн. Андроникова, несколько раз с ним виделся, был два раза у него на квартире по Гороховой ул. В воскресенье туда, после обедни, приезжала А. А. Вырубова пить чай в небольшом кружке избранных Распутиным лиц, и здесь я познакомился с нею. Распутин тоже был у меня один раз, когда я, воспользовавшись отъездом жены из Петрограда в Москву к матери и тем, что дети были в церкви на вечерней службе, пригласил его к себе на чай; но тем не менее, отношения эти не были в ту пору тесными, так как он, я и А. А. Вырубова друг к другу приглядывались. Мне было неловко чувствовать, что они понимают цель моего сближения, так как им тоже в это время было известно, что я до того не был его сторонником и давал сведения о нем Богдановичу и вел. кн. Николаю Николаевичу. Единственно, что их примиряло со мною, это то, что в мое время жизнь Распутина была в безопасности, так как покушение на него, устроенное по инициативе Илиодора, случилось уже после моего ухода, при ген. Джунковском.

Когда кн. Андроников сообщил мне о предстоящих переменах, то под строгим секретом передал мне, что им еще задолго до этого, уже с лета выставлена кандидатура А. Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом Воейковым и с А. А. Вырубовой, что А. Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел самое лучшее на нее впечатление и что теперь для Хвостова подготовляется благоприятная почва

к приему у государя, что, судя по всему, успех назначения обеспечен и что это делается очень тонко, так что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, так как это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны Горемыкина, имевшего своего кандидата, к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, кн. Андрониковым, меры и что А. Н. Хвостов, который раньше, будучи губернатором, ко мне относился несколько предубежденно, теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною. На другой день было назначено в квартире кн. Андроникова свидание с А. Н. Хвостовым, повлекшее за собою ряд дальнейших свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная с ним поездка к А. А. Вырубовой, где я встретил доверчивый прием, и к ген. Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через кн. Андроникова и у которого бывал неоднократно. Эти сведения меня убедили, что кн. Андроников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете — вопрос самого близкого будущего, и предопределено, судя по полученным уже из дворца известиям, назначение А. Н. Хвостова.

Действительно, скоро последовал вызов Хвостова к государю, особо милостивый прием с воспоминаниями о его прошлой службе, сообщение о том, что его назначение состоится на-днях, и согласие на приведение в исполнение преднамеченной А. Н. Хвостовым программы. До опубликования указа дело было в большом секрете, но Андроников познакомил тогда же Горемыкина с положением дела, как с фактом совершившимся, и, пользуясь своим сильным на него влиянием, убедил его не противодействовать, так как это ничего не изменит, добавив, что А. Н. Хвостов будет в будущем считаться с его, Горемыкина, повелениями и что Горемыкин может всегда воздействовать на А. Н. Хвостова через особо близкого человека для Хвостова, министра юстиции А. А. Хвостова, и просит его принять А. Н. Хвостова. Против моего назначения И. Л. Горемыкин ничего не имел, так как я часто бывал у него, и он относился ко мне хорошо. А. Н. Хвостов был у Горемыкина, и тот обещал ему не противодействовать его назначению, если ему не будет предоставлено выбора. Я тоже был у Горемыкина после назначения А. Н. Хвостова, и было условлено, в случае моего назначения, что я буду держать его с ведома министра, о чем он ему и заявил, докладами в известности о настроении России. Это мною в точности исполнялось вплоть до доклада ему о предстоящей смене его, Горемыкина, и назначении на его место Штюрмера, чему Горемыкин не поверил, настолько это было для него неожиданно.

Как только назначение А. Н. Хвостова состоялось, на первом докладе его, как министра, было им испрошено согласие у государя на мое назначение и до опубликования я официально не вступал

в должность, фактически уже приступив к ознакомлению с делами, так как безотлучное мое нахождение при А. Н. Хвостове, который мало знал состав министерства и обстановку министерского обихода, само собой ясно подчеркивало близость моего назначения. Только тогда, когда уже было испрошено обо мне высочайшее повеление, я передал об этом жене и должен был сознаться ей о моем знакомстве с Распутиным, и не скажу, чтобы я ей этим доставил удовольствие, так как она, зная мою доверчивость к людям, мою наклонность увлекаться, слабость и неуравновешенность моего характера, высказала мне много соображений, которых, под влиянием жажды к работе и неостывшего, как я сказал ранее, чувства горечи, связанного с моим увольнением, а также и охвативших меня за время службы в Петрограде карьерных побуждений, я тогда не принял в расчет. В особенности горько ей было за мое сближение с Распутиным, что она мне указала, оттенив, что теперь, в силу сложившейся обстановки, я эти отношения должен буду поддерживать и волей-неволей войду в круг влияния этого кружка.

С. Белецкий.

19 мая 1917 года.

III.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

1.

[Взаимные отношения Белецкого, А. Н. Хвостова, Андроникова, Вырубовой и Распутина. Наблюдение за Андрониковым. Борьба его против Сухомлинова. Натянутые отношения Андроникова с Поливановым и борьба против него. Кандидатура Волжина на пост обер-прокурора св. синода. Обед у кн. Андроникова с Распутиным и беседа с Джунковским о Самарине. Отношение Распутина к «имябожцам». Согласие Распутина поддерживать кандидатуру Волжина. Дело еп. Варнавы и его ликвидация. (24 июня.)]

Жена оказалась права. Но назначение уже состоялось, уйти, под видом болезни, как умоляла меня жена, я не мог, так как это повлекло бы за собой опалу ко мне, под влиянием интриг всесильного в ту пору кн. Андроникова, для которого моральные побуждения подобного рода были непонятны; болезни моей, конечно, никто не поверил бы, да я и сам в ту пору так был одержим стремлением к работе и власти, что на исполнение этой просьбы не пошел и за время нахождения в должности товарища министра из горячих просьб жены не сближаться с Распутиным исполнил только одну— перестал бывать у него на квартире и при выработке совместного с кн. Андрониковым и А. Хвостовым плана личных отношений к Распутину учел необходимость не афишировать себя подчеркиванием публично своей к нему близости, — посещением, кроме квартиры кн. Андроникова, тех домов, где он бывал, что я делал впоследствии. Знакомства я с ним не отрицал, так как этому и не поверили бы, но объяснял его тем, что высочайше возложенная на министра внутренних дел охрана Распутина ставит меня в необходимость знать его лично и входить по этому поводу в соприкосновение с условиями его жизни. Своих посещений А. А. Вырубовой я не отрицал, так как это являлось логическим выводом из знакомства с Распутиным, создавая мне положение человека «в милости» и близкого к влиятельным сферам; это я не подчеркивал, правда, но никто и за этот и за последующие периоды не скажет, чтобы я, имея сложившийся годами разнородный круг знако-

мых среди лиц различных положений, взглядов и политических направлений и, будучи даже связан с некоторыми членами Государственной Думы, по старым, еще до Петрограда возникшим отношениям, семейным знакомством, подыгрываясь под ясно в то время выразившееся общественное негодование против влияния Распутина, позволил себе полунамеками, многозначительным молчанием или ироническою улыбкой задеть честь Вырубовой как женщины.

В конце показания я дал свою обрисовку А. А. Вырубовой и ее роли в государственной жизни России с этого или до последнего момента, как я понимаю. Теперь буду последовательным в дальнейшем ходе событий. Сейчас же, по опубликовании о Хвостове, а затем и обо мне указов о назначении, были получены сведения о выезде из Покровского Распутина, и между кн. Андрониковым, А. Н. Хвостовым и мною состоялась выработка плана наших отношений и связи с Распутиным; план потом видоизменился с его приездом, так как оказалось, что никто из нас, даже кн. Андроников, тесно с ним сблизившийся, а впоследствии и владыка Варнава с приближенными к нему лицами из духовенства тобольской епархии не учли многих сторон натуры Распутина и силы его влияния. Нами было предположено, что эти сношения с Распутиным, охраняя наше официальное положение и семейную жизнь, должен был взять на себя кн. Андроников, который будет передавать нам для исполнения все те ходатайства, которые будут исходить от Распутина, и будет принимать просителей, имеющих дела по министерству внутренних дел и обращающихся к Распутину, чтобы избежать появления этих лиц с письмами в наших приемных или в квартирах наших. Затем, чтобы избавить Распутина от необходимости брать с просителей, в чем кн. Андроников нас уверил, и чего Распутин впоследствии не отрицал, кн. Андроников должен был выдавать ему определенную сумму в 1.500 рублей, которые мы (решено, что я) будем давать ему, кн. Андроникову, а он будет частями передавать Распутину при свиданиях с целью этим путем заставить Распутина иметь более частые с ним свидания, на предмет влияния на него. Кроме того, было предположено приставить своего человека на квартиру к Распутину, чтобы знать в подробностях внутреннюю жизнь его и понемногу отдалять от него нежелательный элемент.

Выбор, в силу доминирующей роли кн. Андроникова в деле сношений с Распутиным, остановился на друге его, Андроникова; нашей (т.-е. моей и Хвостова) общей знакомой Н. И. Червинской, родственнице по первому мужу Сухомлиновой — немолодой уже даме, много видевшей, умной, не верившей, как и кн. Андроников, в чары Распутина и уже познакомившейся с А. А. Вырубовой. Червинская в это время разошлась с Сухомлиновыми из-за переменившихся отношений Сухомлиновых к Андроникову и много помогала кн. Андроникову в деле его борьбы с Сухомлиновым.

Наши свидания с Распутиным намечено было установить на квартире кн. Андроникова, путем приглашения Распутина на обеды в самом тесном кружке своих лиц, чтобы, не стесняясь, иметь возможность влиять на Распутина по тем вопросам, по коим нужно было А. Н. Хвостову подготовить благоприятную почву наверху. Все расходы по устройству этих обедов мы предложили кн. Андроникову взять на себя, но он, обидевшись, отказался. Вместе с тем, кн. Андроников предложил А. Н. Хвостову, для проведения его начинаний и поддержки его, свою газету «Голос Руси», намеченную им к изданию с нового года; по мысли кн. Андроникова, орган этот должен был заменить собой «Гражданина» кн. Мещерского и на страницах этого органа кн. Андроников предполагал не только затрагивать и освещать программные вопросы с точки зрения желательной председателю совета и тем министрам, с которыми у него были прочно сложившиеся отношения, но и вести, главным образом, кампанию против тех членов кабинета, сановников и других лиц, кои ему или кому-нибудь из близких к нему лиц, были по тем или другим соображениям или лично неприятны или неудобны в политической игре.

Эта газета с большим запозданием вышла в 1916 году. На столбцах ее, помимо статей указанного мною направления, помещались заметки по делам коммерческого характера, им проводимым, а в период времени появления в некоторых органах большой прессы и в думских и придворных сферах опасений, не является ли кн. Андроников агентом Германии, где действительно со времени гр. Витте он имел в влиятельных придворных кругах широкие знакомства и пред культурой которой всегда преклонялся, за что его родной брат, полковник одного из гвардейских полков, упрекал его, кн. Андроников дал за своей подписью статьи, направленные в патриотических тонах против Германии.

За кн. Андрониковым в первый год войны и, с некоторыми перерывами впоследствии, как я знаю, ставилось уже наблюдение со стороны Маклакова и при Поливанове от военного контршпионажа. При Маклакове (это было после моего ухода и меня предупредил тогда один из офицеров—подполковн. Волков) наблюдение можно объяснить скорее другими целями. Это было первое время разрыва самых тесных отношений между семьей Сухомлинова и кн. Андрониковым, когда последний, зная многое как из интимной жизни Сухомлиновых, так и из его служебного обихода, имея притом и поддерживая даже после разрыва с Сухомлиновыми самые тесные отношения со многими лицами, занимавшими видное положение в военном министерстве (с ген. Беляевым, начальником Азиатской части, с ген. Михневичем и другими, в том числе и с ген. Секретевым), вел усиленную против Сухомлинова кампанию, пользуясь всякими средствами вплоть до рассылки шаржей пасквильного свойства на жену Сухомлинова,

чтобы подорвать влияние в сферах Сухомлинова и доверие к нему. Эту кампанию кн. Андроников продолжал вести против Сухомлинова и после падения последнего, и даже состоявшееся затем свидание Сухомлинова с Андрониковым, устроенное ушедшим при Поливанове начальником канцелярии военного министерства, ставленником Сухомлинова, не повлияло на ослабление этой интриги против Сухомлинова. В ту пору ген. Сухомлинов настаивал даже на высылке Андроникова, а путем установленного наблюдения имел в виду скорее не государственные соображения, а выяснение того, кто из военных бывает у Андроникова и может давать ему сведения против него. Параллельно с этим в домашнюю жизнь Андроникова, чтобы ознакомиться с некоторыми ее интимностями, проникли поставленные г-жей Сухомлиновою служившие в доме ее двое слуг, которых Андроников взял, чтобы от них получить сведения о г-же Сухомлиновой, которая, по словам этих слуг, незаслуженно их уволила; впоследствии же, как установила Червинская, выяснилась истинная цель их поступления к князю, и они были последним уволены. Затем этот период времени совпадает с знакомством Андроникова с Распутиным и посещениями квартиры Андроникова Распутиным, которого сопровождали всюду филеры охранного отделения. Когда я, прекратив на некоторое время посещение кн. Андроникова, выясняя цель наблюдения, и спросил у него, не кроется ли здесь более серьезных оснований, то он, хотя и был удивлен постановкой наблюдения, но отнесся к этому совершенно спокойно. На мой вопрос, остаются ли у него попрежнему хорошие отношения с генералами Михневичем и Беляевым, Андроников показал мне целую серию писем последних к нему за этот период, в ответ на его просьбы, написанных не официально, а лично, как это обыкновенно делается в отношении лиц или высокопоставленных, или с коими поддерживаются очень хорошие отношения, причем тон писем и содержание их, указывавшее на быстрое исполнение его просьб, мне, как человеку, знающему форму служебных сношений с частными лицами по служебным делам и понимающему розыск, показывали, что у означенных генералов оснований к подозрению Андроникова в шпионстве не было, так как эти лица, даже в интересах конспирации, могли с успехом на просьбы Андроникова ограничиться в крайнем случае посылкой официального письма справочного характера или сообщением по телефону.

Затем как дворцовый комендант, так и председатель совета и министры, у коих бывал Андроников, продолжали свои близкие сношения с ним. С Поливановым у Андроникова отношения както не наладились, хотя попытки со стороны Андроникова были, но ген. Поливанов, кажется, не ответил на поздравительное письмо князя по поводу назначения его на пост, и свидание не состоялось, хотя ген. Поливанов с кн. Андрониковым и был

знаком. Это нервировало князя; затем уже когда гр. Коковцов, по словам князя, предложил ему устроить примирение с ген. Поливановым и это же предлагала при мне г-жа Червинская, которая была в хороших отношениях с Поливановым, то князь отказался и повел против него кампанию.

Через некоторое после этого время, как я узнал от полк. Ерандакова, за кн. Андрониковым было установлено наблюдение со стороны органов контр-шпионажа, но из предыдущего я вынес впечатление, что ничего, видимо, серьезного нет, так как обстановка была та же и тот же тон указанных выше переписок; разве только могло прибавиться одно, — что при своих деловых, коммерческого и комиссионерского характера, сношениях он мог попасть в сферу наблюдений. Тогда я у него редко бывал, так как совершал большой свой объезд по губерниям, входивших в мой район как главноуполномоченного комитета вел. кн. Марии Павловны, а потом семейное несчастие и выезд с семьею на Кавказ прервали мои сношения с князем. Но г-жу Червинскую я предупредил, чтобы она все-таки поостереглась от частных посещений кн. Андроникова. В дальнейшем по мере изложения, я буду касаться, поскольку я знаю, этого вопроса в отношении Андроникова.

Посвятив г-жу Червинскую в наш план и получив от нее согласие, мы с А. Н. Хвостовым убедились из разговоров как с ней, так и с кн. Андрониковым в том, что Распутин действительно близок к ней и что, благодаря массе оказанных ему с ее стороны знаков внимания (подарками, посылками пирогов-тортов, фруктов и проч.), она достигла того, что он ценит ее советы и прислушивается к ее мнению в оценке тех или других лиц, стремящихся к более интимному с ним сближению, за что А. А. Вырубова к ней благоволит.

Как только приехал Распутин, на другой же день в квартире кн. Андроникова был устроен обед, и состоялось наше с ним свидание. Не только я, который к этому времени его недостаточно изучил, и А. Н. Хвостов, который хотя с ним и был знаком с Нижнего-Новгорода, но затем долгий промежуток времени его не видел, но даже Андроников и Червинская были поражены некоторою в нем переменою: в нем было более апломба и уверенности в себе. Из первых же слов Распутин дал понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие, и это подчеркнул князю, считая его в том виновным. Затем уже, когда мы возвращались с А. Н. Хвостовым от князя, мне Алексей Николаевич сказал, что этого именно он и хотел, почему кн. Андроников и принял все к этому меры. Кн. Андроников предчувствовал, что это обстоятельство Распутину не понравится; будучи к этому подготовленным, он довольно умело отпарировал этот упрек, как бы не поняв его, особо трогательным приемом, —

изъявлением чувства радости по случаю его приезда и благодарности за его поддержку в нашем назначении,—дал понять Распутину, что и он и мы особо это ценим и не забудем, что его приезд именно теперь, на первых шагах нашего вступления в должность и его советы и поддержка во дворце сразу нас поставят на правильный путь и охранят от ошибок, которые могут быть неблагоприятно учтены наверху и т. п., сейчас же, пригласив к столу, начал усиленно потчевать его, подчеркивая особое к нему внимание и уважение.

Мало-по-малу первая неловкость и шероховатость встречи исчезли, Распутин оживился, и незаметно беседа наладилась... Из разговоров за столом мне стало ясно, что наши назначения Распутину были известны и что он против нас ничего теперь не имеет, но что он, видимо, хотел, чтобы мы получили назначение, как бы из его рук. Затем, поздравляя нас и уже искренно, судя по тону его, желая нам служебных успехов, Распутин все-таки не преминул упрекнуть А. Н. Хвостова в том, что когда он к нему приезжал еще в Нижний-Новгород, чтобы его посмотреть, то Хвостов даже не дал ему поесть, а у него, Распутина, в кармане тогда было всего 3 рубля; при этом добавил, что напрасно Хвостов тогда (это было после убийства П. А. Столыпина в Киеве) с ним не вошел в близкие сношения, так как его тогда посылал государь «посмотреть на Хвостова» и тот давно уже мог бы быть министром. А. Н. Хвостов ответил, что он не знал обо всем этом и что ему, Распутину, следовало бы прямо сказать о своем тогдашнем материальном затруднении и что, конечно, этого теперь не будет, и перевел разговор на прием его, Хвостова, государыней и государем и добавил, что теперь Распутин может быть спокойным в смысле охраны его.

Тут Распутин уже мне высказал упрек за прошлое соглядатайство за ним и сообщил, что об этом ему говорил сам царь, и упомянул почему-то о 30 сыщиках, которых я за ним поставил в свое время для наблюдения (их в действительности было гораздо меньше—не больше 8—10 человек). Я на это Распутину возразил, что все-таки при мне не было на него покушения, потому что я наблюдал и за ним и за Илиодором, устроившим при ген. Джунковском на него покушение, и сразу перевел его внимание на последнего. Это отвлекло Распутина от разговоров обо мне, но сразу из перемены его тона, выражения глаз, лица и нервности можно было видеть, что это человек, не способный забывать наносимых ему ударов. Тогда Распутин рассказал об «обиде», ему причиненной Джунковским жалобой на его поведение в Москве; добродушно сознался, что был грех (но в чем именно не сказал, я понял, что в опьянении), но затем уже гневно закончил словами: «Я ему этого не прощу». Пользуясь таким настроением Распутина я ему рассказал неизвестный ему еще в ту пору факт выпуска заграницу гражданской жены Илиодора с архивом послед-

него вследствие того, что, несмотря на донесение и несколько телеграмм в департамент полиции от начальника саратовского управления полк. Комиссарова (который имел близкую к жене Илиодора агентуру) и саратовского губернатора на имя Джунковского с просьбой о разрешении задержать и обыскать жену Илиодора, с указанием времени её отъезда, разрешение было дано тогда, когда она уже выехала и благополучно проехала границу. Это Распутина сразу ко мне расположило тем более, что я провел в рассказе ту мысль, что в архиве могли быть и остальные письма, касающиеся близких Распутину лиц, и материалы о нем. Это имело свое значение в будущем, так как об этом я затем подтвердил и А. А. Вырубовой. О Джунковском, как о человеке не правых убеждений, сказал тут же несколько слов и А. Н. Хвостов. Затем зашла речь о Самарине и о владыке Варнаве и, действительно, предположения епископа Варнавы оказались правильными, так как Распутин сразу принял сторону Варнавы и распалился против Самарина, которого никто из нас не защищал, а, наоборот, мы старались оттенить, что это человек, близкий августейшей сестре государыни, отнюдь не сторонник государыни и личный враг его, Распутина. Но разговор особенно не муссировали, чтобы не внедрить в Распутина мысль о заместителе Самарина, а больше говорили о том, как бы сгладить в синоде происшедшие осложнения в деле открытия мощей в Тобольске.

Затем когда перешли в гостиную, я оставил Распутина с А. Н. Хвостовым и, пройдя с князем Андрониковым в кабинет, передал князю 1.500 рублей, из которых он при мне взял несколько сотенных бумажек (не припомню сколько: не то — три, не то пять) и, когда я вышел в залу, он вызвал Распутина в кабинет, а затем отвел его в свою спальню и там их ему отдал; они сейчас же вышли, и Распутин, я видел, засовывал деньги в карман.

Спальня князя помещалась рядом с кабинетом, и в ней в правом углу, кроме висевших икон, стояло большое распятие; здесь у князя, при возвращении А. Н. Хвостова с первого всеподданнейшего доклада, когда он докладывал обо мне и когда я его сопровождал в автомобиле в Царское Село, по случаю назначения было отслужено первое молебствие. Это было настояние князя, для нас неожиданное; заехали же мы к нему потому, что князь об этом накануне нас просил; молебствие служил случайно в ту пору находившийся у князя архимандрит Августин, прибывший за новостями от владыки Варнавы из Москвы и привезший тогда от владыки прошение в синод с свидетельством о болезни и с просьбой об отпуске.

Распутин после обеда уехал, расцеловавшись со всеми нами, а мы остались, чтобы обменяться впечатлениями от свидания с ним, не особенно всех нас удовлетворявшего. Из свидания мы вынесли убеждение о трудности, без соответствующей подготовки

почвы, проведения при нем намеченной уже на пост обер-прокурора св. синода кандидатуры свойственника А. Н. Хвостова директора департамента общих дел Волжина. Князь против этой кандидатуры ничего не имел, потому что А. Н. Хвостов обещал князю не только оставление его в ведомстве св. синода, но и установление хороших отношений между ним и Волжиным.

С Волжиным я лично был знаком ранее, и мы взаимно друг к другу хорошо относились; я знал Волжина еще в Киеве, когда я был в канцелярии генерал-губернатора при гр. Игнатьеве и Драгомирове, и Волжин в ту пору был предводителем дворянства по назначению; затем уже в Петрограде я имел с Волжиным неоднократные служебные свидания, когда он был губернатором в Царстве Польском, а потом в Холмской губернии. Волжин был лично известен государю; его сыновей, служивших в гвардейских частях Петрограда, знал отлично государь; Волжин имел придворные связи и хорошие знакомства в петроградском обществе. Волжин—человек верующий, любитель старого церковного напева и церковной старины. С Распутиным он не был знаком в этот период времени. Мы понимали с А. Н. Хвостовым, что уход Самарина, против которого также шел и Горемыкин, не без воздействия кн. Андроникова, безусловно взволнует не одну Москву, где любили и знали Самарина, заденет и обидит не одно дворянство, где Самарин пользовался крупным весом и влиянием, и не одну Государственную Думу, приветствовавшую его назначение, а общественное мнение России и те круги православного духовенства, которые, во главе с митрополитом Владимиром, видели в его назначении начало новой эры в деле церковного управления. Вместе с тем мы знали, что Саблер-Десятовский уже делал попытки примирения с Распутиным и был у него, как мне было известно, несколько раз и что если Распутин не мог еще забыть ему дела имябожцев, которых он всецело поддерживал, по вполне бескорыстным побуждениям (дело это проходило при мне при министре Маклакове и Джунковском), то не было уверенности в том, что такое примирение не может последовать, так как Саблер хорошо знал Распутина, по моим сведениям, собирался его посетить (он еще не переезжал тогда с дачи в Ораниенбауме в Петроград) и знал что Распутин в кн. Андроникове имел человека верного и преданного ему.

Поэтому, убедив кн. Андроникова в политическом значении, с точки зрения настроения широких кругов русского общества, вопроса о заместительстве Самарина, с чем он согласился, решено было выставить ее доминирующей как во дворце, где заслуг Самарина в прошлом и в особенности по устройству церковных торжеств в юбилейном путешествии августейшей семьи в 1913 г. не забывали и всегда вспоминали о нем с теплотой, так и внедрить ее в сознание Распутина.

В выборе Волжина А. Н. Хвостов преследовал свою цель помимо родственных отношений, о чем мне впоследствии он и сказал, хотя он, как и я, конечно, понимали, что Волжин не подготовлен к этой должности, но это было чистое имя, и его назначение особого раздражения не могло внести. Сам Волжин, с которым я говорил по-дружески по этому вопросу, хотя и был доволен служебному своему движению, но с бо̀льшею охотою взял бы какой-либо другой министерский портфель, чем этот, так как он считался с приведенными выше соображениями и умолял меня только об одном — устроить так, чтобы отклонить всякое его не только сближение, но и знакомство с Распутиным, что я, по мере моего влияния в будущем на Распутина, и исполнил. В этих последних соображениях Волжин пошел на сближение с кн. Андрониковым, с которым тогда он и познакомился, и в будущем в отношении кн. Андроникова выполнил то, что обещал князю А. Хвостов. Те же соображения были высказаны А. А. Вырубовой, с которыми она не могла не согласиться.

Для более сильного влияния на Распутина решено было немедленно же вызвать из Москвы епископа Варнаву. Затем на одном из ближайших обедов у кн. Андроникова с Распутиным я навел разговор на тему об имябожцах и восстановил в воспоминании Распутина некоторые тяжелые картины гонений на них в связи с поездкой ревизора св. синода, члена государственного совета архиепископа Никона, которые мне были известны, и связал это с ролью Саблера, имея этим в виду указать затем общими силами Распутину на неприемлемость кандидатуры Саблера теперь, так как еще вопрос об имябожцах не получил своего окончательного в ту пору решения, согласно положений последних; кроме того, меня самого лично интересовала точка зрения на имябожцев Распутина; мне хотелось выяснить, не было ли какихлибо влияний на Распутина со стороны какого-либо кружка, занимающегося церковными вопросами, или интриги против Саблера, говорило ли в нем чувство жалости, когда он лично видел прибывших (в мою пору—директорства) тайно в Петроград вместе с Булатовичем этих монахов преклонного возраста (многие из них были в схиме) с обрезанными бородами в надетом на них штатском платье, и когда он отвозил их в таком виде напоказ во дворец.

(*Примечание:* Этого Саблер не знал, и об этом я ему не говорил, так как отношение ревизора к имябожцам на меня, когда я узнал о подробностях, произвело тяжелое впечатление; и даже тогда, зная, где жил в Петрограде иеросхимонах Булатович, которого Саблер разыскивал, не сказал ему; об этом знает С. С. Хрипунов, с детства знакомый с Булатовичем.)

Я лично думал, что Распутин преследовал какие-либо другие свои цели, так как он имел уже в ту пору личные причины быть

недовольным на Саблера; Саблер за последнее время, считая свое положение укрепившимся, изменил свои отношения к некоторым из чинов обер-прокурорского синодального надзора, принадлежавших к числу друзей Распутина, — своему товарищу, покойному Доманскому, Скворцову, Мудролюбову и некоторым другим — и попал под влияние директора канцелярии Яцкевича, к которому Распутин, хотя Яцкевич с ним впоследствии и познакомился, относился подозрительно и сдержанно; особенно глубоко задет был Распутин, когда Саблер хотел расстаться с Доманским. Распутин ценил в Доманском, как и в покойном сенаторе Мамонтове, то, что Доманский всегда давал ему хорошие советы, исполнял его просьбы, предоставлял ему свою квартиру в ту пору, когда Распутин бывал в Петрограде наездами, по вызовам А. А. Вырубовой, и был всегда с ним искренен. В свою очередь Распутин до конца жизни Доманского был ему верным другом: он не только добился тогда оставления Доманского на посту путем просьбы за него у государя, но Доманскому даже была выделена особая часть ведения дел, где он был самостоятелен на правах «за обер-прокурора»... Затем Доманский был удостоен от августейших особ пожалования портретов и, когда заболел нервным расстройством, ему были даны средства и продолжительный отпуск; потом, когда болезнь была признана неизлечимой, он был служебно и материально хорошо устроен, и когда умер, то на его гроб от высочайших особ был возложен венок. Доманский считался во дворце своим человеком.

Затронутая мною на обеде у Андроникова тема об имябожцах оживила Распутина и из его слов: объяснения мне существа разномыслия [1]), происшедшего в среде монашества на Афоне, и из его горячей поддержки их мнения мне было очевидно, что он сам был сторонником этого течения в монашеской среде; при этом, когда я ему поставил прямо вопрос, верует ли он так же, как и они, он мне прямо ответил утвердительно и добавил, что не только на Афоне монахи придерживаются этого толкования имени божьего, но и в других старых монастырях, которые он посещал, и что спор этот давний. Затем впоследствии, как я уже говорил, Распутин все время отстаивал имябожцев, и появившиеся незадолго до его смерти статьи в «Колоколе» Скворцова, в том числе и лично Скворцовым написанные, вызвавшие в среде нашего духовенства живой обмен мыслями на эту тему и причинившие Скворцову большие осложнения с синодом и разрыв его связей с некоторыми иерархами, были продиктованы побуждением Скворцова, не оста-

---

[1]) Вопрос об имени имеет свою большую литературу богословскую, на последнее время, для понимания его в том виде, как высказал св. синод, требуется богословская подготовка, а подавляющее число имябожцев — люди, вышедшие из простой среды, глубоко-верующие, но богословски необразованные.

влявшего мечты вернуться к активной деятельности в синоде в роли товарища обер-прокурора и угодить Распутину, который эти статьи, затем, представил высшим сферам, отстаивая это учение.

Этот разговор, перешедший сейчас же на Саблера, оставшегося противником имябожцев и после своего ухода, в связи с общими соображениями, приведенными мною выше, был достаточным для того, чтобы получить от Распутина утвердительный ответ, что он не будет «ни за что» поддерживать кандидатуру Саблера. Когда же приехал владыка Варнава и лично познакомился с Волжиным, на которого произвел хорошее впечатление, поддержанное пред этим нашей характеристикой епископа Варнавы, тогда общими силами нам удалось добиться согласия Распутина на назначение Волжина и на поддержку в сферах, причем Распутин даже согласился на первых порах предварительно не видеться с Волжиным, чтобы избежать излишних разговоров; хотя должен сказать, что к этому Распутин отнесся несколько подозрительно, но ничего прямо не высказал и был доволен тем, что Волжин обещал ликвидировать инцидент епископа Варнавы по поводу открытия мощей, по плану, мною предложенному и всеми принятому, в том числе и Волжиным. План этот был одобрен также и А. А. Вырубовой, и о нем было доложено государыне и получено ее одобрение.

Сущность инцидента с епископом Варнавой заключалась в том, что, так как возбужденный им вопрос об открытии мощей св. Иоанна тобольского, хотя и был решон св. синодом в положительном смысле, и состоялся уже всеподданнейший по этому поводу доклад, но св. синод замедлил исполнением установленных при таких случаях за последний период правил, после коих, только по новом заслушании дела, установления дня почитания, выработки послания синода и молитвословий в честь святителя и после высочайшего доклада, следовало всенародное объявление синодом канонизации святого. Епископ Варнава, предполагая в оттяжке св. синодом окончательного разрешения этого дела, направленную против него синодальную интригу, обратился непосредственно к государю и государыне с просьбой по этому предмету, опираясь на древние святоотеческие правила, по коим епископам предоставлено было право даже открытия мощей св. угодников, и получив от государя из ставки телеграмму о разрешении «прославления», а не канонизации, т.-е. открытия для народного почитания, объявил в епархиальных ведомостях по епархии о дне совершения им соборне на месте успокоения святителя канона тому святому, имя коего носил почивший святитель. Для народной массы Западной Сибири, чтившей и давно уже считавшей святыми останки почившего, эта тонкость не была понятна, и она учла это торжественное богослужение, как акт открытия св. мощей.

Св. синод об этих телеграфных сношениях еп. Варнавой не был поставлен в известность и узнал только из краткого донесения епископа Варнавы о совершении им указанного мною выше богослужения. Епископ Варнава, понимая, что св. синод не обойдет молчанием такой его проступок, не спрашивая разрешения на приезд, приехал в Петроград с целью прибегнуть к монаршему милосердию; но приезд его состоялся уже во времена обер-прокурора Самарина, который, при первых объяснениях с владыкой, а затем и в синоде, также не знал о телеграфной переписке еп. Варнавы с высокими особами. Атмосфера объяснений сгустилась; дело получило широкую огласку через прессу в несколько неточном его освещении; государя в ту пору здесь не было; в виду этого епископ Варнава вынужден был доложить св. синоду о телеграмме государя. Владыка митрополит Владимир принял сторону обер-прокурора. Государь, это я знаю хорошо, относился к Самарину сердечно, он его уважал, и это чувство крепло годами, особенно оно прочно установилось после торжеств 1912 и 1913 г.г., на которых государь неоднократно публично подчеркивал свое особое внимание к Самарину, и поэтому приглашение Самарина в состав кабинета исходило лично от его величества без всяких побочных влияний. Но с другой стороны, как я в этом убедился впоследствии и на себе, государь не любил ни частых выступлений в прессе министров, ни тех или иных разоблачений, ни даже слухов о предстоящих переменах, чем многие пользовались для сведения своих личных счетов с кем-либо. В особенности, государь, как человек верующий, всегда отрицательно относился к огласке тех или других неприятных происшествий в сфере церковной администрации. Вот почему была уверенность не только у нас, но и во многих лицах, знающих характер государя, что Самарин не может остаться на своем посту.

Когда таким образом все было подготовлено, А. Н. Хвостов в одном из ближайших своих докладов, после того, когда уже Распутин был принят государем и поддержал Варнаву, умело и тонко, касаясь вопроса об общественных настроениях, провел мысль о Волжине. Волжин был вызван государем, был милостиво принят, удостоен приглашения на вечернее богослужение в домашнюю церковь, где была уже государыня, и государь одобрил план, о котором я говорил выше, ликвидирования через некоторое время дела епископа Варнавы путем проведения его через св. синод в новом составе. План этот заключался в том, чтобы, когда шум около этого дела заглохнет, был командирован в Тобольск один из членов синода для исполнения обычного, предшествующего открытию по указу синода св. мощей, церковного обследования, что впоследствии и было соблюдено. Туда был командирован архиепископ литовский и виленский, член синода, скромный иерарх, незнавший Распутина, мой давнишний знакомый, преосвященный Тихон.

Открытие мощей, по исполнении всех установленных на сей предмет обрядностей, состоялось только летом 1916 года, почти накануне ухода Волжина. Распутин на открытии не присутствовал, А. А. Вырубова тоже не выезжала, а из близких к Распутину лиц ездила М. Головина и В. М. Скворцов, давший ряд своих очерков путевых впечатлений на страницах «Колокола», где было сказано несколько слов о личности старца Распутина. Все эти номера были, конечно, посланы им и А. А. Вырубовой, и Распутину.

2.

[Наблюдение за Распутиным. Рост влияния Распутина. Ежемесячные денежные выплаты Распутину. Письма Распутина. Его скандальное поведение и принятие контр-мер с согласия Вырубовой и одобрения царя. Подготовка поездки Распутина по монастырям и цель этой поездки. Игумен Мартемиан, епископ Варнава и архимандрит Августин у кн. Андроникова. Скандалы Распутина на пароходе. Энергичное участие А. Н. Хвостова в подготовке поездки Распутина. Как и в каких видах А. Н. Хвостов проводил назначение высших чинов по своему ведомству. Отказ Распутина от поездки. Сочувствие ему в этом Вырубовой. Решающая роль Распутина в высших назначениях по духовному ведомству].

В период, когда проводилась кандидатура Волжина, я уже переговорил с полковн. Глобачевым и поручил ему представлять мне ежедневную сводку (потом я заменил еженедельной сводкой) из филерных дневников, кто бывает у Распутина, и приказал осветить мне за это время обиход жизни Распутина. Оказалось, что и в этом вопросе мы ошиблись (я говорю «мы», имея в виду кн. Андроникова, себя и А. Н. Хвостова). Филеров Распутин теперь в квартиру свою не пускал и избегал входить с ними в разговоры, так что пришлось поместить их внизу в швейцарской и на улице и заагентурить швейцара и его жену. Но, тем не менее, как этим путем, так и через Н. И. Червинскую выяснилось, что к Распутину лил живой поток людей различных положений и классов общества; за ним приезжали в автомобилях, отвозили и привозили его; он сам часто черным ходом, стараясь быть незамеченным филерами, куда-то уходил и уезжал; около него образовались кружки лиц, имевших на него различные влияния, и пр. Это была колоссальная фигура, чувствовавшая уже и понимавшая свое значение, что и сказалось на первых же порах.

Вступать в какие бы то ни было посредствующие сношения с кн. Андрониковым в смысле направления к нему просителей, имеющих нужду по министерству внутренних дел, Распутин не стал кроме нескольких прошений, князю им переданных, и присылки нескольких лиц, и начал направлять просителей с письмами ко мне и к А. Н. Хвостову и говорить с нами по телефону. Раз в мое отсутствие на телефонный звонок на квартире подошла жена,

и Распутин спросил, кто у телефона, и узнав, что это жена, в любезной форме спросив, где я, попросил ее приехать со мной в наступающее воскресение на чай к нему в присутствии Вырубовой, но жена поблагодарила и отказалась, сославшись на свое нездоровье и работы по лазарету [1]). Через день Распутин уже прислал к ней одну даму с письмом об устройстве ее на службу, а через два дня четырех сестер милосердия из провинции о переводе их в лазарет министерства. Тогда жена потребовала уже от меня, чтобы я принял какие угодно меры, но избавил ее от просительниц с письмами от Распутина и телефонных разговоров Распутина. К себе в учреждение она никого из этих просительниц не приняла (я их уже потом устроил в другие места) и указала мне, как она была права, предупреждая меня обо всем этом. То же случилось с А. Н. Хвостовым; появились к нему с письмами просители, и начались звонки по телефону, который принимают дежурные курьеры, ординарцы и секретари. Это его в особенности волновало. Когда кн. Андроников любезно взял на себя посредничество между нами и Распутиным, чтобы избежать, главным образом, присылки просителей с письмами от Распутина к нам на квартиры, то он в отношении нас лично это делал искренно, потому, что знал отношение моей жены к Распутину, знал, что ей не нравится мое с ним сближение и что она этого боялась и ранее; что же касается А. Н. Хвостова, то князю и мне было известно, что жена А. Н. Хвостова — хорошая, искренняя и добрая жена и мать — была сильно больна какой-то сложной формой заболевания, приковавшего ее к креслу, любила своего мужа до самозабвения, гордилась им, но не знала ни о его знакомстве с Распутиным, ни о том, что он прошел при его содействии, так как к Распутину она, не видав его никогда, относилась не только отрицательно, но и не могла даже слышать у себя разговоров о нем. Поэтому мы (Хвостов и я) решили сами и через князя и через Н. И. Червинскую воздействовать на Распутина, чтобы он к нам просителей на квартиру не посылал и, ссылаясь на болезненное состояние жен и зная его подозрительность, постарались, отнюдь не задевая самолюбия, дать ему понять то, что мы его у себя принимать не можем, почему и просим смотреть на дом кн. Андроникова, как на наш.

На первое время этого удалось достигнуть благодаря и князю, и г-же Червинской; кроме того Распутин и ко мне почувствовал

---

[1]) Жена моя, с первых месяцев войны, поступила на городские курсы сестер милосердия, была практиканткой в городских лазаретах и по окончании курса была сестрой милосердия в одном из лазаретов, который она после смерти сына и выезда на Кавказ оставила; в это время вместо жены, по ее просьбе, лазаретом для раненых министерства внутренних дел и заготовкою вещей на фронтовые части от министерства заведывал, как товарищ председательницы, А. Н. Хвостов.

некоторое доверие. Кн. Андроников, при каждом свидании, снабжал его деньгами и передавал ему в секретной обстановке различными суммами данные ему мною деньги. Я это знаю потому, что часто видел обычные приемы, которые употреблял в этих случаях князь, как и в этот период, так и до того. Кроме того я дал понять Распутину, что эти деньги наши и что ежемесячно он будет получать таким путем 1.500 рублей. Затем мне стало известно, что квартира на Гороховой оплачивалась отцом А. А. Вырубовой, но что Распутин на жизнь свою и семьи денег от дворца не берет из тех побуждений, как мне передавали, чтобы не подумали во дворце, что он августейшую семью любит и предан их интересам за деньги. Об отказе Распутина брать деньги от августейших особ я также знал и во время моего директорства от покойного ген. Богдановича, коему это передавал дворцовый комендант Дедюлин. Из наблюдений и первых впечатлений после приезда Распутина (затем это подтвердилось и впоследствии), оказалось, что на своих утренних приемах Распутин действительно раздавал небольшими суммами деньги лицам, прибегавшим к его помощи, а где требовались более крупные выдачи, рассылал просителей с своими письмами к различным лицам, знакомым, а иногда и не знакомым, преимущественно из финансового мира, вследствие чего его письма, написанные безграмотным стилем с крестом наверху, как пишут обыкновенно духовные лица, ходили во множестве и составляли предмет своеобразной пикантности, и находились даже лица, которые их покупали и коллекционировали.

Все это, в связи с ореолом таинственности влияний Распутина на высокие сферы, с его посещениями ресторанов и без разбору частных домов, куда его иногда приглашали напоказ, и где его напаивали, заставляли танцовать, говорить по телефону с министрами, с коими он находился в хороших отношениях, писать им письма и пр., заставило нас сильно обеспокоиться не столько с точки зрения охраны его безопасности, что, по полученным нами свыше указаниям, вменялось нам в обязанность, сколько с точки зрения опасения публичных его выступлений в общественных местах в компании, далеко не охранявшей его от тех или других выходок, разговоры о чем, иногда даже и в преувеличенном виде, ходили потом не только по столицам, но и по всей России, связывали имя Распутина с именем августейших особ и причиняли этим не только соблазн, но являлись даже угрозой идее царизма. Наконец, надо было считаться с предстоящим открытием Государственной Думы и наступлением времени обсуждения смет, так как нам и думская агентура, и Родзянко, и другие члены Государственной Думы предсказывали неизбежность выступлений по смете министерства внутренних дел по поводу Распутина.

С именем Распутина связывалось антидинастическое движение в стране, и вот почему было решено принять ряд самых широких

мер, не жалея, по приказанию А. Н. Хвостова, агентурного фонда на предупреждение проникновения общество сведений и фактов из жизни Распутина, на влияние на Распутина в том отношении, чтобы он был более разборчив в своих знакомствах, на развитие с этой целью около Распутина кружковой жизни из тесного обихода более расположенных к нему лиц, на усиление более благотворного на него влияния из числа тех дам, которые его почитали, не проводя через него никаких своих дел (к сожалению, таких было очень мало), на уменьшение посылки им на сторону благотворительных писем, преимущественно с подательницами таковых, на борьбу с разного рода влияниями на него и т. п. А. А. Вырубова не только согласилась с этим, но просила нас, насколько возможно, отдалить от Распутина лиц, имеющих на него дурное влияние; как оказалось, она, зная Распутина хорошо, знала также, как было трудно, а в некоторых случаях бесполезно сдерживать его, ибо это только озлобляло его. В этом духе, приблизительно, но отнюдь не опорачивая Распутина и даже защищая его и указывая лишь на обстановку времени и дурные извне на него влияния, А. Н. Хвостов доложил о том государю и получил его согласие и благодарность. Но это уже относится к последующему времени. В интересах правильности освещения затронутого вопроса о Распутине и хода событий первого времени нашего вступления в должность я должен снова вернуться к началу нашего с ним сближения.

По мере нарастания у меня и А. Н. Хвостова уже личных впечатлений о Распутине при свиданиях с ним у кн. Андроникова, мы начали сознавать, как трудно, при подозрительности Распутина, войти к нему в близкое доверие. Сначала, не зная еще особенностей его натуры и обстановки его жизни этого времени, мы думали, что эту близость можно установить путем денежных подачек ему и полагали, считаясь с авторитетным мнением кн. Андроникова, который и ранее, как я знал, оплачивал на свой счет расходы и по поездкам Распутина на родину и обратным возвращением его в Петроград и денежно его субсидировал, — мы думали, что ассигнованных нами на этот предмет 1.500 рублей для ежемесячных выдач будет достаточно. При этом кн. Андроников советовал нам не только не баловать Распутина, но даже предостерегал нас от непосредственных лично от нас денежных выдач Распутину, указывая на то, что, судя по его личному опыту, Распутин нас тогда завалит просьбами как личными, так и письмами о материальной поддержке обращающихся к нему лиц, что впоследствии во многом и оправдалось. Но так как, в силу приведенных мною выше обстоятельств, поведение Распутина, в течение первого периода времени по его приезде, поколебало у нас веру в правильность некоторых выводов о нем кн. Андроникова, то после брошенного Распутиным на обеде у кн. Андроникова упрека за нелюбезный прием его Хвостовым в Нижнем-Новгороде с упоминанием о 3 руб-

лях, которые тогда только и были у него, Распутина, на обратный его билет в Москву, видя, что сделанный мною Распутину намек о выдаче ему ежемесячной, через князя, означенной субсидии, не произвел на него особого впечатления, мы, выйдя от кн. Андроникова в один из этих ближайших дней решили, секретно от кн. Андроникова, дать Распутину, как бы в благодарность от нас, единовременно более крупную сумму; в виду этого на другой день в квартире кн. Андроникова, воспользовавшись его частыми отлучками к телефону, оставшись с Распутиным в зале, я передал ему в конверте три тысячи, сказав, что это от меня и А. Н. Хвостова ему благодарность за его к нам расположение. Деньги он взял, не открывая конверта, скомкав в руке, поспешно положил в карман, расцеловался со всеми и заторопился уходить.

Спустя, затем, некоторое время, когда мы уже несколько пригляделись к Распутину (это уже было после проведения кандидатуры Волжина, когда приехал вызванный нами из Москвы епископ Варнава) и поняли, что с ним надо все время поддерживать отношения, а между тем, политическая жизнь того времени и служебные обязанности, в особенности на первых порах вступления в должность, требовали внимательного нашего к себе отношения, у нас явилась мысль приложить все усилия к тому, чтобы удалить на некоторое время Распутина из Петрограда путем устройства его поездки по монастырям, затянув, затем, эту поездку на возможно более долгий срок с тем, чтобы к моменту открытия Государственной Думы Распутина в Петрограде не было.

Во время моего директорства, после речи А. И. Гучкова в Государственной Думе о Распутине, министрам внутренних дел, при содействии писем Богдановича и кн. Мещерского, это удавалось делать, и Распутин, хотя и неохотно, но сознательно подчинялся этому и уезжал из Петрограда. Этим путем мы имели в виду не только дать себе возможность спокойно работать, но главным образом, хотя бы на время заставить общество несколько забыть о Распутине; в думскую же среду мы предполагали провести слух о том, что нам удалось ослабить влияние Распутина в сферах настолько, что Распутин поехал не домой, как всегда, а по монастырям для того, чтобы этим смирением восстановить подорванное к себе у высоких особ доверие и тем убедить влиятельных членов и председателя Думы не мешать нам в нашей дальнейшей в этом направлении работе открытыми выступлениями против Распутина, так как последние, в силу особого склада характера августейших особ, усиливали только положение Распутина. В сознании же А. А. Вырубовой, на которую должны были воздействовать епископ Варнава, кн. Андроников и А. Н. Хвостов, а затем, в особенности в дальнейшем, и государыни, с которой на эту тему должен был говорить епископ Варнава и при случае А. Н. Хвостов, который потом уже имел в виду об этом доложить и государю, имелось

в виду провести ту мысль, что в обстановке переживаемого в ту пору момента такая поездка по святым местам не только будет полезна в интересах умиротворения Государственной Думы, но она рассеет всякие несправедливые толки о жизни Распутина и будет свидетельствовать о религиозных порывах духовной стороны его натуры во время войны.

Для сопровождения Распутина по монастырям, руководительства и сдерживания его в некоторых его наклонностях, епископом Варнавой был вызван игумен тюменского монастыря Мартемиан, личный и большой, по словам владыки, друг Распутина, которого знал еще с Вологды и А. Н. Хвостов, возлагавший на него с точки зрения влияния Распутина, большие надежды. Я лично до того времени этого монаха совершенно не знал и ничего о нем не слышал, хотя в моей жизни мне приходилось, в силу обязанностей службы, в особенности в Северо-Западном крае, сталкиваться и завязать хорошие отношения с значительным числом православного духовенства. На эту поездку А. Н. Хвостов и я решили не жалеть денег, в интересах преследуемых нами целей.

Когда этот план был в общих чертах решон, началось подготовление Распутина путем разговора о важности переживаемого момента в связи с Государственной Думой и значения последней во время войны как в сознании общественном, так и в особенности в сфере ее влияния на войска. Больше всего на эту тему говорил кн. Андроников, А. Н. Хвостов и владыка; я же, горячо поддерживая разговор вначале, несколько затем был сдержан, не потому, чтобы не видел успеха в наших начинаниях, ибо я знал, что Распутин, как я указал раньше, побаивался Государственной Думы, а в силу того, что Распутин был сумрачен, подавал только односложные реплики и этим расхолаживал к продолжению разговора; поэтому я дожидался приезда игумена Мартемиана, который не замедлил явиться так скоро, что, как я понял, он сам выехал раньше вызова без разрешения владыки, будучи уверен в добрых к нему со стороны последнего чувствах, желая использовать, в своих личных интересах, благоприятно сложившуюся для него конъюктуру. Кн. Андроников также не знал монаха; игумен Мартемиан в первые дни, насколько я помню, поселился так же, как и епископ Варнава и архимандрит Августин у князя.

Когда я с А. Н. Хвостовым приехал к Андроникову на обед, то из всего тона отношений между А. Н. Хвостовым и Мартемианом, уже успевшим побывать у Хвостова, я вынес впечатление о действительности взаимной их друг к другу близости и о чувстве особого уважения, которое было у Мартемиана к А. Н. Хвостову. Рекомендуя мне Мартемиана, А. Н. Хвостов просил меня отнестись к нему с полным доверием как к человеку близкому ему и жене, а Мартемиан подтвердил, что он знает их давно и многим обязан А. Н. Хвостову по Вологде. С планом нашим Мартемиан, со слов

А. Н. Хвостова, был уже знаком и изъявил свое полное согласие на его существование; у Распутина отец Мартемиан уже успел побывать и передал нам, что тот рад его приезду и, что хотя Распутин вначале и подозрительно отнесся к его приезду, но затем успокоился, когда он ему объяснил таковой желанием его, Мартемиана, с благословения владыки, пользуясь временным затишьем жизни в управляемом им монастыре, посетить Верхотурьевский и некоторые другие монастыри, и что к этой поездке Распутин отнесся вполне благожелательно. В скорости кн. Андроников привез Распутина (который почему-то несколько запоздал на обед, и потому князь, как это он часто делал, поехал за ним сам); за обедом я спросил у Распутина о том, бывал ли он в Иерусалиме, и он в своеобразной форме передал несколько своих впечатлений, относившихся к первому периоду его жизни, когда он странствовал по монастырям и не был еще известен никому из влиятельных лиц, и когда он провел страстную и пасхальную седьмицу в Иерусалиме, переживая все мытарства простых паломников; при этом Распутин оттенил, что там только путем взятки страже ему с другими удалось присутствовать на пасхальном богослужении. С этого разговор перешел на поездку Мартемиана в Верхотурье. А. Н. Хвостов, как бывший вологодский губернатор, указал на значение этого монастыря и добавил, что хорошо было бы, если бы Распутин поехал туда вместе с Мартемианом и привез бы августейшей семье оттуда благословение обители — икону св. Павла Обдорского, что, как он полагает, было бы приятно и дорогой августейшей семье [1]). Говорил также на эту тему и владыка; Мартемиан же начал целовать Распутина, прося его поехать с ним, а оттуда в другие обители, а затем заехать домой и оттуда приехать сюда снова, когда с Думой отношения наладятся.

Чтобы объяснить необходимость заезда домой, я должен снова вернуться к несколько раннему периоду после приезда Распутина. Епископ Варнава с первых же дней свидания с А. Н. Хвостовым и мною начал просить нас об устройстве губернатором своего и архимандрита Августина хорошо знакомого, тобольского вице-губернатора Гаврилова, что ему нами и было обещано. Когда же приехал Распутин, то он в самой настойчивой форме потребовал смены губернатора и назначения в Тобольск своего человека, который бы его защищал, а не предавал. Губернатором в ту пору был А. А. Станкевич, занимавший в последнее время должность

---

[1]) Впоследствии А. Н. Хвостов, посещая, как министр, Вологодскую губернию, заехал при возвращении в Петроград, в этот монастырь, расположенный вблизи Вологодской губернии, и поднес затем не государю, а государыне, наследнику и А. А. Вырубовой иконы св. Павла; причем, не найдя там в дорогой оправе икон, он приказал мне дать 1.500 рублей Мартемиану, который вернулся с ним из этой обители, выехав туда ранее для покупки образов.

управляющего земским отделом министерства внутренних дел после ухода Неверова в министерство земледелия и государственных имуществ. Со Станкевичем я служил в Вильне, когда я был там начальником отделения канцелярии генерал-губернатора, управляющим которой ген. Фрезе пригласил Станкевича; Фрезе знал Станкевича по переселенческим делам на Кавказе и с отцом его был ранее знаком (А. А. Станкевич — земец, уездный гласный собрания Воронежской губ.). Ко мне А. А. Станкевич в Вильне хорошо относился и поэтому, когда по инициативе Государственной Думы было упразднено вместе с киевским и виленское генерал-губернаторство, то я рекомендовал, будучи директором департамента, Станкевича вниманию министра при открытии вакансии тобольского губернатора, как человека, знающего Сибирь, где он служил до Кавказа по переселенческому управлению (вместе с членом Государственной Думы Дзюбинским, сохранившим с Станкевичем отношения хорошие и впоследствии), и могущего провести продовольственную кампанию в виду бывшего в ту пору недорода в Тобольской губернии. Кампанию эту Станкевич, по назначении своем на этот пост, провел с успехом и тем укрепил свое положение в министерстве, где был на хорошем счету. Держал он себя в губернии с достоинством; особого своего внимания к Распутину в ту пору не проявлял, в дом к нему не заезжал, но знал его, и Распутин в то время хотя и называл его гордым, но никогда его не бранил, а за отношение его к крестьянам даже хвалил и наверху.

Но уже во время войны, в последние дни министерства Маклакова, Распутин на пароходе, будучи в нетрезвом состоянии, угощал новобранцев, пел с ними, танцовал и, переведенный капитаном, по требованию пассажиров из 1 класса во 2-й, из-за приставания к пассажирам, пожелал потчевать новобранцев обедом во 2-м классе, и когда лакей отказал Распутину накрыть стол и дать, кажется, вина, нанес лакею оскорбление действием. Капитан, по требованию публики, видевшей эту сцену, несмотря на протесты Распутина, ссадил его с парохода на ближайшей пристани, где, по настоянию капитана и лакея, полиция должна была составить протокол. Полиция, считаясь с личностью Распутина и зная о предъявляемых в ту пору требованиях затушевывать подобные факты поведения Распутина, предварительно представления по подсудности, во избежание широкой огласки, направила протокол губернатору, а Станкевич, как мне потом объяснил он сам, не имея директив от кн. Щербатова в отношении Распутина, личным письмом «в собственные руки» направил переписку в копии кн. Щербатову. Последний отправил ее министру юстиции А. А. Хвостову, испрашивая его указаний; А. А. Хвостов вернул ее обратно князю, указывая, что подобные протоколы не подлежат разрешению министерства юстиции, так как в законе ука-

зана подсудность рассмотрения этих дел. Кн. Щербатов довел до сведения также и председателя совета И. Л. Горемыкина. Об этом проникли слухи и в думские круги. В таком виде эта переписка поступила в наследие А. Н. Хвостову. Дело должно было слушаться в волостном суде по жалобе потерпевшего, примирения с которым, как ответил на мой запрос губернатор, которому я шифрованно телеграфировал, не состоялось.

Такое положение дела очень нервировало А. А. Вырубову и сильно беспокоило Распутина, который объяснил это дело мне и А. Н. Хвостову в несколько других тонах. Распутин нам указывал на то, что он не находился в сильном опьянении, к женщинам и пассажирам не приставал, а они его вызывали на скандал, что капитан парохода держал их сторону по принципиальным соображениям, в силу своего освободительного направления, узнав, что он — Распутин; что лакей, исключительно под влиянием капитана, занес свою жалобу на него в протокол, который полиция не хотела составлять, но что на этом настоял капитан и что вообще пьяного озорства не было, так как, угощая идущую на войну партию новобранцев, он, Распутин, действовал по побуждению чисто патриотического чувства, причем в разговорах с ними подчеркивал отношение государя и государыни к войне в самых высоких патриотических тонах, а на лакея обиделся за то, что тот не пустил новобранцев, едущих проливать свою кровь, в рубку 2-го класса, куда он сам прошел, так как там была публика проще. В таком виде эту историю Распутин осветил наверху и в глазах А. А. Вырубовой. Но по всему было видно, что дело обстояло не так, как он говорил, ибо разглашения этого дела он боялся. То же мне подтвердил и игумен Мартемиан, которого я опрашивал по приезде, когда он впоследствии зашел ко мне на квартиру.

Из слов Мартемиана видно было, что Распутин был сильно пьян и к публике приставал и, что когда никто не захотел с ним пить, то он пошел к новобранцам, и, угощая их, сам с ними пил; что Мартемиану очень стыдно было выходить с Распутиным с парохода под град насмешек публики и пароходной, и береговой, и что просьбы его, Мартемиана, к капитану не высаживать их и не составлять протокола на капитана парохода не воздействовали.

Из всего этого мы, т.-е. Хвостов и я, понимали ясно неизбежность скандала при слушании дела и необходимость как-нибудь уладить его или хотя бы отдалить на время, чтобы это не совпало с занятиями Государственной Думы, так как в противном случае это вызвало бы, под влиянием Распутина, неудовольствие не только А. А. Вырубовой, которой это дело было по многим причинам неприятно, но и высоких сфер, как потому, что оно было связано с именем Распутина, так и по причинам, которые я высказал выше по делу епископа Варнавы. Мне же лично, кроме высказанных выше соображений, было жалко и А. А. Станкевича, на уходе кото-

рого Распутин настаивал и которого мне, не только в силу личных симпатий и годами сложившихся отношений, а в интересах ценности его сотрудничества, хотелось сохранить для министерства внутренних дел. Поэтому, чтобы найти какой-нибудь исход в разрешении завязавшегося узла в этом деле, по моей телеграмме вызван был А. А. Станкевич с подлинным делом; вместе с тем, посвятив А. Н. Хвостова в свои отношения с Станкевичем и высказав ему опасения в том, что уход Станкевича в связи с делом Распутина еще больше сгустит политическую атмосферу против Распутина, я просил А. Н. Хвостова не только не увольнять Станкевича, но, чтобы не обидеть его, предоставить ему какую-нибудь хорошую земскую губернию. Хотя А. Н. Хвостов за время своего управления министерством старался как в центральное ведомство, так и на видные места по министерству в провинции проводить своих родственников и близких своих знакомых, а в Орловской, Тульской и Вологодской губерниях, в интересах выборов себя в Государственную Думу, постарался провести всю администрацию, а также и представителей судебного и духовного ведомства, ему желательных, тем не менее, в данном случае, он согласился с моим доводом и решил по моей просьбе, в виду открывшейся вакансии губернатора в Самаре, где я раньше служил и где сложились хорошие на месте отношения со многими слоями местного населения, провести г. Станкевича в Самарскую губернию. По тем же связанным с именем Распутина вышеприведенным причинам нам удалось убедить А. А. Вырубову не противодействовать этому переводу и затем впоследствии, по тем же соображениям, А. Н. Хвостов, не касаясь в деталях инцидента с Распутиным, провел перевод А. А. Станкевича и путем всеподданнейшего доклада в числе других бывших в ту пору назначений на посты губернаторов.

Когда Станкевич привез переписку своей канцелярии по этому делу, то из его личного доклада и донесений полиции обстановка происшествия в общих чертах подтверждала сообщенную мне игуменом Мартемианом обрисовку этого инцидента, по коему удалось администрации слушание дела, за выездом Распутина, отсрочить (насколько я припоминаю); но, вместе с тем, А. А. Станкевич вынул и передал мне другую поступившую к нему от участкового помощника начальника губернского жандармского управления переписку по обвинению Распутина в том, что последний в нетрезвом виде тоже на пароходе позволил себе неуважительно отозваться об императрице и августейших дочерях. Об этом случае перед самым приездом Станкевича я получил уже от начальника губернского жандармского управления полк. Мазурина совершенно секретное донесение, с указанием на то, что дознание по этому инциденту было начато по приказанию губернатора, которому и представлено было затем согласно его требованию; факт происшествия этого не был в достаточной степени дознанием уста-

новлен, так как многие из пассажиров не были опрошены за нерозыском и неуказанием их заявительницею. Переписку эту Станкевич хранил лично у себя, она не была даже занесена во входящий журнал, и передал мне по собственному побуждению и без препроводительной бумажки, не зная о поступившем ко мне секретном донесении полк. Мазурина, о чем я ему сказал только после его сообщения, показав ему хранившееся у меня в столе письмо полк. Мазурина. Зная А. А. Станкевича, я нисколько не сомневался в том, что в данном случае он исходил из лучших побуждений, не вмешивая в стадию предварительного обследования этого происшествия полицию и не муссируя этого дела на месте, чтобы избежать излишних разговоров, связанных с именем высоких особ.

Об этой переписке ни А. А. Вырубова, ни Распутин не знали еще, но она мне давала большой козырный ход к отстаиванию Станкевича. Но об этом я скажу впоследствии, а теперь возвращусь снова к дальнейшему изложению хода уговоров Распутина на поездку по монастырям и заезда на родину. Судя по предыдущему отмалчиванию Распутина при разговорах на эту тему, я всетаки предвидел большие трудности в проведении плана и поэтому был изумлен, когда Распутин согласился и начал говорить о том, кого еще из близких к нему лиц он имеет в виду взять в эту поездку, указав на М. Головину и, не помню, на какую-то другую даму. Я приписал его согласие на отъезд, как воздействию игумена Мартемиана, так и опасению Распутина за исход дела по первому пароходному инциденту; условием Распутин поставил отложить на некоторое время отъезд, дабы он мог окончить некоторые свои дела (какие — он не сказал). Тут же А. Н. Хвостов заявил, а я подтвердил, что на расходы по путешествию будут даны деньги игумену Мартемиану, так что Распутин может об этом не беспокоиться, и я, как это было решено между мною и Хвостовым, сказал отцу Мартемиану, чтобы он зашел ко мне для дальнейших переговоров по этому вопросу. Распутин скоро уехал, и мы остались одни, вполне довольные удачным исходом этого дела, имея в виду, что, при умиротворяющем влиянии епископа Варнавы на высоких особ и при завязавшихся отношениях с А. А. Вырубовой, жизнь пойдет более спокойным темпом и, быть может, удастся постепенно охладить отношение к Распутину во дворце.

Оставив квартиру князя Андроникова, я приехал к А. Н. Хвостову, и мы начали обсуждать, как лучше обставить эту поездку в том отношении, чтобы во время путешествия Распутина избежать публичных соблазнов, связанных с поведением Распутина. А. Н. Хвостов при этом мне сказал, что на игумена Мартемиана он вполне полагается, дал мне на этот раз несколько сжатую характеристику его личности, из коей я понял, что этот человек неоднократно им уже испытан, и на него Хвостов вполне пола-

гается, что как и в Вологде, так и в губернии у Хвостова есть много преданных ему лиц, которые окружат тесным кольцом Распутина и задержат его там, путем спаивания, надолго; в особенности он возлагал большие надежды на вологодского исправника — друга Мартемиана. Переходя к денежной стороне, А. Н. Хвостов дал указания не жалеть на поездку денег, с чем и я не мог не согласиться, и поручил дать больше денег как лично Мартемиану, оттенив мне некоторые стороны натуры последнего и для того, чтобы он не стеснялся в тратах на Распутина, в особенности в ублажении его вином, так и на личные расходы Распутину; кроме того, Хвостов попросил меня отвезти на другой день Волжину послужной список Мартемиана и передать его просьбу о содействии к возведению Мартемиана в сан архимандрита, что Мартемиан ставил обязательным условием согласия на поездку с Распутиным и что, как я потом убедился, и было одним из затаенных побуждений его приезда в Петроград. При этом А. Н. Хвостов добавил, что владыка Варнава, с коим он уже говорил по этому поводу, обещал срочно войти с соответствующим представлением в св. синод и что он, с своей стороны, при ближайшем свидании с Волжиным, сам еще с ним переговорит по этому делу.

Затем решено было под благовидным предлогом оплатить кн. Андроникову его расходы за весь этот период времени и за те стеснения, которые ему причинило пребывание на жительстве в его, сравнительно, небольшой квартире съехавшегося из Тобольской губернии духовенства (Мартемиан затем, основавшись в Петрограде на продолжительное время, чтобы конспирировать свои действия, выехал от Андроникова). Я говорю, под благовидным предлогом, потому что кн. Андроников отказался с самого начала от получения от нас каких бы то ни было денег на этот предмет. В ближайший вечер, когда кн. Андроников, по моему приглашению, приехал ко мне, я передал ему 10.000 рублей с настойчивою, потому что кн. Андроников вначале отказывался, просьбой принять их на организационные расходы по намеченной им к изданию в 1916 году газеты «Голос России» и добавил, что в будущем году мы на этот орган будем оказывать ему материальную поддержку из рептильного фонда.

Что же касается епископа Варнавы, с которым А. Н. Хвостов был давно знаком и единственно к кому из этого состава духовных лиц Хвостов относился с уважением и искренно, как я видел, и который и на меня и на семью оставил приятное впечатление с первого дня моего с ним знакомства,—то решено было исполнить все просьбы владыки, а именно: о назначении губернатором вице-губернатора Тобольской губернии Гаврилова, о служебном повышении судебного следователя минского окружного суда Александрова, перешедшего потом, при моем содействии, при Протопопове в департамент полиции, о материальной поддержке одного

из московских хороших знакомых владыки, чиновника канцелярии генерал-губернатора, откомандированного в распоряжение градоначальника (фамилии теперь не припоминаю — это камер-юнкер и князь), что и было сделано из секретного фонда, путем выдачи ему тысячи рублей.

Вместе с этим, указав владыке на некоторые неудобства остановки его у кн. Андроникова, стеснявшие и князя и некоторых лиц, которые хотели бы отдать визит или побывать у владыки, но не желали посещать квартиру Андроникова, А. Н. Хвостов разрешил устроить постоянную квартиру для владыки на время его пребывания в Петрограде, дав для этого из секретного фонда соответствующие суммы сестре владыки, жене бедного синодального чиновника, с которым она разошлась в эту пору, немолодой, неглупой, понимающей жизнь и людей женщине (по фамилии, кажется, Прилежаевой), которую уважал и Распутин. С Прилежаевой, в виду желания владыки, я в ту пору уже познакомился, условился, что она будет почаще посещать Распутина и давать мне сведения о нем и останавливать его, поскольку может, своими советами, от дурных влияний, определив ей на расходы ежемесячный кредит в 100 рублей, и помог ей единовременно, в виду ее стесненного положения. Квартира была нанята ею, Прилежаевой, по Таврической улице № 17, кажется (раньше здесь помещалось управление полк. Ерандакова, работавшего при Сухомлинове в контрразведочном отделе генерального штаба и ушедшего затем впоследствии, по зачислении в Войско Донское, с казачьей частью на войну), Прилежаева как на уплату по арендному контракту, так и меблировку и жалованье получала деньги по моим ордерам на департамент; впоследствии, когда я ушел из должности, квартиру оплачивал и жил в ней Н. И. Решетников — правая рука при А. А. Вырубовой по заведыванию лазаретом Вырубовой в Царском Селе и по постройке нового здания для лазарета.

Мы с А. Н. Хвостовым были на квартире Прилежаевой два раза у владыки и виделись раз с Распутиным; вначале даже мы думали там иметь постоянные конспиративные свидания с Распутиным, но затем от этой мысли отказались, как потому, чтобы не посвящать в наши разговоры Прилежаеву, которую мы сравнительно мало знали, так, главным образом, в виду близости дома к зданию Государственной Думы (почти напротив). За устройство сестры владыка был нам очень благодарен; впоследствии он, при митрополите Питириме, останавливался при приездах в Петроград большею частью в лавре. Кроме того, было решено возместить владыке расходы по его приезду и жизни в Петрограде, где он задерживался по нашей просьбе, и тем материально ему помочь, так как тобольская епархия в то время была бездоходная, и владыка жил на скудный оклад (4.000 руб. в год), отказывая себе во многом.

На другой же день я был у Волжина, передал ему и поддержал

просьбу А. Н. Хвостова о возведении в сан архимандрита игумена Мартемиана. Когда Волжин узнал о причинах, заставляющих А. Н. Хвостова просить за Мартемиана, вытекающих из отъезда Распутина, то охотно обещал свою поддержку ходатайству владыки Варнавы; а вечером на квартире у кн. Андроникова, с ведома князя, в присутствии А. Н. Хвостова я передал назначенные нами деньги владыке, архимандриту Августину и отцу Мартемиану, каждому в отдельности, причем владыка тут же уплатил игумену Мартемиану 1.500 рублей, взятые у него на расходы во время отъезда в Петроград.

Этот вечер у меня навсегда останется в памяти, так как поведение игумена Мартемиана и архимандрита Августина в смысле ликвидации личных счетов между собой, несдерживаемое даже нашим присутствием и закончившееся только вмешательством владыки, не только на меня, в общем доверчиво к людям относившегося, впервые присутствовавшего при подобных сценах, но и на кн. Андроникова, видавшего многое и знающего жизнь и людей, — произвели кошмарное впечатление. Я сказал затем кн. Андроникову и А. Н. Хвостову, что в этой обстановке я не могу находиться, и А. Н. Хвостов, видимо, передал об этом Мартемиану, потому что отец Мартемиан на другой день явился ко мне на квартиру и, извинившись за свое вчерашнее поведение, рассказал мне, в какой тяжелой атмосфере ему приходится жить и работать в Тобольской губернии, благодаря архимандриту Августину, имеющему огромное и дурное влияние на незлобивого владыку, и, как на пример, указал, что ему пришлось потом обратно отдать отцу Августину 1.500 рублей и, кроме того, из данной ему, Мартемиану, суммы еще выдать Августину 500 рублей за ускорение написания рапорта о нем в св. синод. Насколько он был искренен, я не могу сказать, ибо для меня было тяжело делать такую проверку, и я, передав об этом А. Н. Хвостову, дал снова Мартемиану 2.000 рублей.

Что же касается Распутина, который из каких-то источников, я предполагаю, что от Мартемиана, уже узнал об этих выдачах и дал это понять при разговоре за столом, то на другой день, при свидании с ним кн. Андроникова, я, под видом сообщения ему сведений по первому происшествию на пароходе [1]), пользуясь примером кн. Андроникова, отозвал Распутина в залу, передал ему 5.000 рублей на личные его по поездке расходы, добавил, что расходы по пути будет оплачивать отец Мартемиан, и 3.000 рублей на расходы по примирению с лакеем и дал понять Распутину, что

---

[1]) О втором инциденте ни князю, ни владыке, ни тем более Августину и Мартемиану — ни я, ни Хвостов при мне не говорили, в виду того, что князь мог это передать другим министрам, коим это происшествие, как и председателю совета, не было докладываемо во избежание излишней огласки его.

об этой выдаче никто не знает, что, видимо, ему понравилось; затем я завел с ним разговор про второе дело его в связи с приездом Станкевича и указал, что при этих условиях не лучше ли, в интересах дела, не вооружать Станкевича против него, Распутина. Второе дело сильно поразило Распутина, и он сразу понял, насколько оно для него опасно, конечно, не с точки зрения опасения Станкевича, а из боязни, чтобы оно не дошло до государя. Он моментально переменил и тон и манеру обращения и начал мне объяснять, что заявительница — глупая женщина, которая не так поняла, когда он говорил по какому-то случаю (он даже и не помнит) об августейшей семье. Распутин только тогда успокоился, когда я ему сказал, что эта переписка у меня, что, кроме А. Н. Хвостова, никто о ней не знает и что А. Н. Хвостов и я ее передадим А. А. Вырубовой для его спокойствия, что А. Н. Хвостов не будет докладывать о ней государю, что никому из сидевших за столом и даже кн. Андроникову мы не говорили и не скажем об этом деле и что все это делаем, чтобы показать ему наше сердечное к нему отношение. Мы расцеловались и затем, когда я снова начал ему говорить о Станкевиче, то Распутин вполне согласился с предположением о переводе его и даже добавил, что он Станкевичу зла не желает и *хочет только у себя в губернии иметь своего человека* и тут же мне впервые назвал своего кандидата, управляющего пермской казенной палатой *Ордовского-Танеевского,* который с давних лет, по словам Распутина, сердечно к нему расположен и у которого он бывал неоднократно при своих проездах на родину. Тогда я ему сказал, что надо скорее устроить Станкевича, переговорив о нем с Вырубовой, и тогда подумать о заместительстве; на это Распутин мне ответил, что А. А. Вырубова согласится и что ей тоже хочется видеть в Тобольске Ордовского-Танеевского, так как она его знает хорошо, и что они уже об этом решили, и государыня это одобрила.

При таких условиях, в виду предрешенности этой кандидатуры, я сказал ему, что мы сейчас же, не откладывая, переговорим с А. Н. Хвостовым, а завтра поедем к А. А. Вырубовой, окончательно решим и вызовем телеграммой его кандидата в Петроград. Это Распутина сильно обрадовало и, когда мы вернулись в столовую, я тут же сказал, что Григорий Ефимович отнюдь не хочет увольнения Станкевича, а только просит о переводе его, что обрадовало и епископа Варнаву, который и сказал: «Ну, слава богу; это доброе дело» и сейчас же, не зная, что Распутин уже не только наметил, а и подготовил почву для своего кандидата, начал просить оставить тобольским губернатором вице-губернатора Гаврилова, указывая на то, что это свой человек и хорошо к Распутину относится. К этой просьбе присоединился и очень горячо ее поддерживал архимандрит Августин, близкий к семье Гаврилова человек. Но тут Распутин, терпеливо все это выслушавший, сразу переме-

нился, наговорил много неприятного не столько владыке, сколько Августину и добавил, что будет назначен его человек и друг и назвал Ордовского-Танеевского и, повторив данную им мне о нем характеристику, обратился к А. Н. Хвостову с просьбой «уважить» его. Конечно, А. Н. Хвостов, когда я, тут же вмешавшись в разговор, добавил, что Ордовского-Танеевского знает А. А. Вырубова и будет его также просить об этом, немедленно и предупредительно изъявил согласие, чем очень обрадовал Распутина, искренно его обнявшего и поблагодарившего.

На другой день я и А. Н. Хвостов были, без кн. Андроникова, у А. А. Вырубовой, которая с первых же слов поблагодарила нас за Ордовского-Танеевского, сказала, что она его знает с лучшей стороны, что этот человек охранит Григория Ефимовича от всяких в губернии неприятностей, к которым мы и перешли, рассказав ей в подробностях о последнем дознании. Она не только одобрила, но поблагодарила нас за наш проект о ликвидации этого дела, еще раз просила никому не говорить о нем (А. Н. Хвостов этого дела государю не докладывал), а затем, когда я ей рассказал о приезде Станкевича и провел ту же мысль, что и Распутину, о переводе Станкевича, то она вполне с этим согласилась. Через несколько дней я передал лично А. А. Вырубовой при А. Н. Хвостове второе дело в подлиннике и копию с первого, и это, видимо, рассеяло у нее всякие опасения и еще более ее расположило в нашу пользу. Когда речь зашла о поездке Распутина, то Вырубова не возражала, но как-то быстро перевела разговор на другую тему.

Подготовляясь к поездке, Мартемиан попросил дать ему мадеры, которую Распутин особенно любил, и я дал из своего личного запаса ему, не помню уже сколько бутылок, но Мартемиан просил еще, так как, по его словам, в последнее время Распутин стал неумерен в употреблении вина. Просьбу эту я исполнил. Но поездка с Распутиным все оттягивалась под разными предлогами; в эти дни причиной он выставлял ожидание приезда Ордовского-Танеевского, которого А. Н. Хвостов, по его приезде, послал ко мне. Тут я узнал от Ордовского-Танеевского, что и Распутин ему о назначении телеграфировал. Ордовский-Танеевский в эту пору хотел было оставить вообще государственную службу и перейти на видную должность в одно из финансовых банковских отделений в Сибирь с хорошим окладом. О нем уже имелись у меня сведения в связи с секретными корреспонденциями первого периода моего наблюдения за Распутиным при ген. Джунковском по поводу торжественных встреч, устраиваемых им, в качестве заместителя губернатора, при поездке Распутина.

До того времени я Ордовского-Танеевского не видел; впечатление он произвел человека выдержанного, наблюдательного и очень сдержанного. Он отнюдь не скрывал своего расположения к Распутину, но указал на сдерживающее свое влияние на Распу-

тина, что знала и ценила в нем А. А. Вырубова; вместе с тем, для доклада министру он остановил мое внимание на том, что он ведет бракоразводный процесс, после которого и женится на воспитательнице своих детей, живущей у него в доме. Впоследствии это обстоятельство в министерстве и в тобольском обществе ставилось Ордовскому в вину, так как, видимо, об этом его предупреждении министру не было известно. Но так как вопрос уже был решон, то А. Н. Хвостов провел всеподданнейший о нем доклад и в напутствие нами было предложено Ордовскому всячески сдерживать Распутина своим влиянием при его приездах на родину.

Этого назначения, видимо, Распутин только и дожидался, так как, после опубликования указа об Ордовском-Танеевском, он сразу изменил свое отношение к вопросу о поездке и заявил, что ни в какое путешествие по монастырям он не поедет и высказался настолько категорично, что мы все поняли, что дальнейшие настаивания внесут только элемент раздражения в наши отношения. Тогда Распутина уже начали тяготить частые посещения квартиры Андроникова и ежедневное пребывание в одной и той же компании. В виду этого я переговорил с Ордовским-Танеевским, прося его, по приезде в губернию, взять на себя ликвидацию начатого против Распутина дела, не стесняясь в расходах по устройству примирения Распутина с лакеем, и держать меня в курсе достигнутых им результатов. Об этом я сказал А. А. Вырубовой и Распутину, который, оказывается, уже сам просил об этом Ордовского-Танеевского, но денег ему для уплаты лакею не дал, о чем мне сообщил Ордовский-Танеевский, мною по этому предмету спрошенный.

В ту пору неудачи нашего плана относительно отъезда Распутина из Петрограда я объяснил тем, что ему отчасти показались подозрительными наши настойчивые убеждения, особенно в последнее время, а главным образом, что он, с назначением Ордовского-Танеевского, считал вопрос о своем деле, которое его волновало, законченным, а выставляемые нами мотивы религиозно-патриотического характера этой поездки в глазах его и сердце не имели веса. Впоследствии уже, в конце 1916 г., когда я не служил и когда Распутин был более ко мне доверчив, я его спрашивал, была ли у него в ту пору мысль совершить объезд некоторых обителей; на это Распутин мне с улыбкой ответил, что он и не предполагал даже выезжать, и что А. А. Вырубова тоже была против его поездки, и что он хотел выяснить, к чему все настаивания наши клонятся; затем из слов Распутина я понял, что это путешествие не устраивало также и игумена Мартемиана. Вспоминая потом уже отдельные эпизоды того времени и те данные, которые впоследствии я узнал от А. Н. Хвостова из вполне откровенной уже его характеристики этого монаха, бывшего юродивого, я убедился, что полковник Комиссаров был прав, когда предостерегал меня в конце 1915 года не относиться слишком доверчиво к ежедневному, при

посещениях, без моего приглашения, изъявлению мне преданности со стороны этого монаха, который от меня шел к епископу Варнаве или его сестре, затем к Распутину и потом мне приходилось видеть его частым посетителем приемной А. Н. Хвостова; игумену Мартемиану удалось, при нашей поддержке, не только получить высокий сан архимандрита, но и уйти из Тобольской губернии, в необходимости чего он даже сумел убедить Распутина, поддержавши в нем начавшееся уже в эту пору недоверие к епископу Варнаве, не пользовавшемуся уже, как я раньше указал, во второй половине 1916 г. особенным влиянием в высоких сферах.

В устройстве игумена Мартемиана в тверскую епархию сказалось, правда, не столько мое влияние, сколько А. Н. Хвостова, проводившего в то время *архиепископа тверского* в члены государственного совета путем сношения с губернаторами по этому предмету. Архиепископ тверской, который был знаком с кн. Андрониковым и бывал на его обедах с Распутиным, относился к Распутину лично отрицательно и даже говорил, правда, в мягкой, добродушной форме, в глаза Распутину о его неправильной оценке в высоких сферах личности некоторых иерархов, в особенности епископа Гермогена (бывшего саратовского), но с влиянием Распутина считался. Для владыки и архиепископа Распутин ничего не сделал из всего того, чего владыка желал, и даже, наоборот, охладил к нему отношения государыни и всячески противодействовал представлению его ее величеству. Этот обед мне памятен потому, что на нем, между прочим, зашла речь о двух епископах, меня лично интересовавших, — об упомянутом епископе Гермогене и о митрополите Макарии.

С епископом Гермогеном я не был в ту пору знаком; я познакомился с ним только в июне 1916 года; но, будучи в Самаре вице-губернатором и проезжая в Новоузенский уезд, где я руководил тремя продовольственными и семенными комиссиями во время недорода, я бывал часто в Саратове и много слышал об этом епископе, как о молитвеннике и бессребреннике. Затем уже в Петрограде, в семье А. А Макарова, как он, так и в особенности его жена с особой сердечностью и теплотою вспоминали о том духовном отношении и молитвенной поддержке, которые им оказывал владыка, когда они потеряли в Саратове старшего сына, первого ученика V класса, которого они горячо любили. Далее, в переписке департамента и недопускавшихся к печати разоблачениях из жизни Илиодора, Распутина и Гермогена, личность Гермогена вырисовывалась для меня в определенных формах. Наконец, со слов кн. Андроникова, а затем впоследствии от Бадмаева и из других сведений я знал о сильном гневе на епископа Гермогена в высоких сферах и о той тяжелой обстановке жизни владыки в Жировецком монастыре, когда владыка смиренно переносил все невзгоды, служил в церкви, зимой холодной, с разбитыми рамами, жил, во всем

себе отказывая, а на присылаемые ему изредка его почитателями деньги содержал фельдшера и аптеку, помогая фельдшеру, оказывая и сам медицинскую помощь всем, приходившим за таковой, без различия национальностей и вероисповедания; знал тоже, что материальное положение епископа Гермогена улучшилось единственно по просьбам Макарова, неоднократно обращаемым к Саблеру. Мне затем было известно, что во время первого периода войны вел. кн., главнокомандующий Николай Николаевич оказал много внимания владыке и что, только благодаря его высокой поддержке, во время наступления неприятеля в Гродненскую губернию, владыке было разрешено жить вблизи Москвы в одном из монастырей, куда он и был доставлен по распоряжению великого князя в его вагоне и окружен в пути большим вниманием. Впоследствии я познакомился с владыкой через посредство г-жи Карабович (из Вильны), большой и искренней почитательницы владыки, в период его выступления в «свет» против Илиодора, когда Илиодор прислал из заграницы в Саратовскую губернию свои воззвания со снятым с сыном своим портретом и листки в духе своих убеждений — религиозных и политических последнего времени. Я тогда как воззвания Илиодора, так и отповедь владыки, переданные мне г-жей Карабович раньше, до знакомства с владыкою, передал А. А. Вырубовой; как я заметил, послание владыки произвело на нее хорошее впечатление, и она обещала показать его государыне.

Во время же обеда, о котором я говорил выше, Распутин, при разговоре о Гермогене, переменился в лице, а после слов архиепископа тверского о том, что хулу на епископа бог не простит ни в этой, ни в загробной жизни, ответил только: «нас с ним рассудит один бог», хотя видно было, что эти слова владыки произвели на него впечатление. Затем уже осенью 1916 года, под влиянием личного моего знакомства с епископом Гермогеном, после того, как владыка ездил для обличения Илиодора в Саратов, без разрешения синода и вопреки уговорам моим и своего сына-священника, я, в присутствии Скворцова, сказал Распутину об этом и видел, как он заинтересовался статьей Гермогена и просил Скворцова ему ее показать. Каких-либо реальных последствий мой разговор с А. А. Вырубовой для епископа Гермогена не повлек. Что же касается митрополита Макария, то я с ним познакомился во время высочайших приездов на московские торжества и из представлений с Виссарионовым владыке, для испрошения его благословения, я вынес от всего облика владыки глубокое впечатление, оставшееся у меня надолго в воспоминании, в особенности от его старческих, добрых и всепрощающих глаз. Зная, что он не был до перехода в Москву знаком с Распутиным и что Распутин, приехавший впервые на торжества 1912 года, хотя и старался затушевать свой приезд в Москву, но, тем не менее, горел желанием повидать владыку и собирался к нему явиться, я предупредил об

этом владыку. Владыка к этому отнесся спокойно, и, не изменяя ни выражения лица, ни своих глаз, только тихо и тем же голосом ответил: «говорят, что он дурной человек, но раз он хочет моего благословения, то я в нем никому не отказываю». Не помню, был ли Распутин у владыки во время костромских торжеств, где уже Распутин себя не скрывал, а в соборе, до приезда высочайшей семьи, даже поместился почти рядом с местом, отведенным для высочайших особ, так что мне пришлось через служку попросить его переменить место, и он отступил только на несколько шагов, а при закладке памятника, выйдя из собора, поместился у ограды собора на высоком месте, откуда его видели все, и ушел только после того, когда многие из жен министров, которым я, по их просьбе, указал на него, начали его рассматривать, и он это заметил. Затем из сводки филерных наблюдений за Распутиным я, за время пребывания в должности товарища министра, ни разу не видел, чтобы он ездил к владыке и впоследствии от него не слышал, чтобы у него были близкие с владыкой отношения.

На упомянутом обеде, в связи с возникшими предположениями об учреждении в Иркутске митрополичьей кафедры для всей Сибири, зашла речь о возможном кандидате, и один из гостей высказал, что следовало бы туда перевести митрополита Макария, так как он хорошо знает Сибирь и миссионерское дело и любит Сибирь (владыка митрополит во время разрешаемых ему отпусков всегда ездил на Алтай), а в Москву, в виду политического и общественного значения этой столицы, назначить более молодого и энергичного иерарха-администратора. Тогда Распутин вскочил, изменился в лице и заявил, что до смерти владыки Макария никогда этого не будет и добавил: «не трошь, он святой».

3.

Распутин выдвигает Питирима. Секретарь Распутина Осипенко. Знакомство Белецкого с Питиримом. Сближение Мануйлова с Распутиным. План назначения Питирима в киевскую епархию. Митрополит Владимир. Перевод митрополита Владимира в Киев и назначение на его место Питирима по настоянию Распутина. Питирим и Распутин. Конспиративный характер их отношений. Белецкий и Осипенко. Взаимные отношения А. Н. Хвостова и Питирима. Влияние Питирима при дворе. Распутин и епископ Исидор. А. Г. Гущина. Епископ Антоний.]

Возвращаюсь к прерванному рассказу. Может быть, наша излишняя нервность, проявленная в вопросе об отъезде Распутина, и была бы началом его недоверия, а затем отчуждения его и А. А. Вырубовой от нас, если бы только на них не произвело сильного впечатления наше отношение к двум перепискам о Распутине, о которых я раньше говорил, и если бы они не были отвлечены состоявшимися, в связи с приездом в Петроград экзарха Грузии архиепископа Питирима, переменами в составе св. синода. Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями как по обер-прокурорскому надзору, так и в составе высшей духовной иерархии, не только интересовали Распутина, но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым. Поэтому, во всяком видном назначении или мероприятии в сфере духовных интересов церкви он играл доминирующую, в особенности в последнее время, роль; с ним, поэтому, считались многие даже видные иерархи церкви, не говоря уже о средних духовных слоях, искавших, по человеческой слабости, мощной у него поддержки. И наоборот — ко всему тому, что происходило помимо его желания, вопреки таковому, он относился нервно, неблагожелательно; это задевало его самолюбие, и он искал тех или других слабых сторон, чтобы иметь возможность их оттенить в высоких сферах, как крупную ошибку, происшедшую потому, что его не послушались или с ним не посоветовались. Этим объясняется, почему, зачастую, предположения синода по некоторым вопросам или проектам назначений, представляемые через обер-прокурора, не разрешались немедленно при

докладах, а оставлялись и возвращались с резолюциями, дающими другие указания.

Коснувшись выше ухода Самарина, назначения Волжина и нервной обстановки, создавшейся в атмосфере св. синода в связи с делом епископа Варнавы, я указал, что в ближайшие задачи Волжина, силою обстановки событий, входило обновление состава синода. А. Н. Хвостов и я, зная упомянутую выше черту характера Распутина, указали на нее Волжину, предупредив его, чтобы он был в этом вопросе крайне осторожен и, предварительно представления доклада, узнал у епископа Варнавы, дело коего должно было рассматриваться, как я показал выше, в новом составе св. синода, у кн. Андроникова, всегда интересовавшегося вопросами церковной администрации и знавшего многих иерархов как лично, так и по характеристике Саблера, и у Скворцова, близко знавшего ведомство св. синода и отношение Распутина ко многим иерархам и вращавшегося в влиятельных кружках, занимающихся церковными вопросами, — нет ли в составе намечаемых Волжиным, совместно с новым товарищем Заиончковским и директором канцелярии Яцкевичем, в очередную сессию синода иерархов, к коим в сферах могут отнестись неблагоприятно, единственно в силу личных неприязненных чувств к ним со стороны Распутина. Вместе с тем, учитывая все сложные обстоятельства того времени и желая вполне искренно противодействовать в этом вопросе влияниям Распутина на высокие сферы, А. Н. Хвостов, Волжин и я решили главным мотивом как на всеподданнейших докладах по этому делу, так и при моих с Хвостовым по этому поводу переговорах с Вырубовой и Распутиным и путем влияния епископа Варнавы выставить серьезность дела епископа Варнавы, требующего благожелательного отношения к нему синода. В выборах иерархов участие А. Н. Хвостова и мое было незначительное. Не помню, на кого, кроме архиепископа тверского, указал А. Н. Хвостов Волжину; я же рекомендовал его вниманию, как указал выше, архиепископа виленского и, затем, епископа могилевского преосвященного Константина, которого я знал и глубоко уважал еще со времени моей службы в Самарской губернии, где владыка был епархиальным архиереем, — человека, по окончании университета, после жизненной драмы, идейно принявшего монашеский постриг, искренно чтимого своей паствой, не знавшего Распутина и всегда относившегося к нему отрицательно.

С этим мотивом Хвостов и я при свидании познакомили А. А. Вырубову, встретили ее сочувствие, и она записала себе на память рекомендованных нами владык. Когда же на одном из обедов у кн. Андроникова мы заговорили по этому вопросу в присутствии епископа Варнавы с Распутиным, то он, будучи уже к этому подготовлен владыкой, вполне разделил проведенную нами точку зрения, но, вместе с тем, добавил, что обязательно надо

вызвать с Кавказа экзарха, так как он свой человек и Варнаву защитит. Ни А. Н. Хвостов, ни я не были тогда знакомы с преосвященным Питиримом.

Когда об этом было передано, не помню кем, кн. Андрониковым или еп. Варнавой, Волжину, то при ближайшей встрече Волжин спросил меня, знаю ли я лично преосвященного Питирима, и, узнав, что я с ним незнаком, поставил меня в курс тех секретных сведений, которые имелись об этом иерархе в делах св. синода, касавшихся значения состоящего при владыке секретарем Осипенко. Порекомендовав Волжину расспросить по этому поводу Скворцова, я узнал в тот же день от Замысловского, что Марков 2, которого в то время в Петрограде не было, находится в обостренных отношениях с владыкой Питиримом, служившим в еще недавнее время в Курской губернии и осложнившим во многом, в силу несходства в политических убеждениях, отношения Маркова с курским духовенством. Об этом я рассказал А. Н. Хвостову, который припомнил, что и ему об этом Марков тоже в свое время рассказывал; в подтверждение же данных синода, о коих мне сообщил Волжин, ко мне сведений не поступало.

Все, что мне удалось узнать о преосвященном Питириме, я передал Волжину и посоветовал ему только хорошо проверить имевшийся у него материал, так как Волжин мне сказал, что он решил при всеподданнейшем докладе кандидатуру преосвященного Питирима не проводить, а, в случае необходимости, означенные синодальные сведения представить августейшему вниманию. Впоследствии, когда зашел разговор с Волжиным по поводу замещения кафедры петроградской митрополии, мне Волжин сказал, что представленный им, при личном докладе государю, список нового состава синода был принят почти без изменения, но только государь вычеркнул епископа могилевского, преосвященного Константина, в виду желательности постоянного пребывания последнего в Могилеве, где помещалась верховная ставка, и вместо него было высказано его величеством пожелание вызвать экзарха Питирима; но, когда Волжин доложил синодальные сведения о владыке, то государь ему изволил ответить, что он об этом в первый раз слышит, список оставил у себя и вернул через некоторое время с пометкою о вызове преосвященного Питирима.

Припоминая теперь эту пору, я должен сказать, что в одно из частых посещений в то время А. А. Вырубовой с А. Н. Хвостовым, А. А. Вырубова спросила меня, знаю ли я владыку Питирима, и какие я о нем имею сведения. Я тогда ей рассказал о владыке Питириме то же, что и Волжину, а также сжато переданные мне Волжиным сведения синода, в подтверждение коих данных ко мне не поступало. Когда приехал владыка Питирим, он остановился не в лавре, а в Благовещенском подворье на Васильевском Острове, и так как тогда у меня было несколько слабое освещение внутрен-

ней жизни Распутина и не была еще налажена в достаточной мере проследка за ним, то крепость отношений Распутина к владыке для меня не была достаточно выяснена, и только из всего этого, о чем я раньше сказал, одно было ясно, что владыка имеет старые связи с двором, так как А. А. Вырубова, в ответ на мои сведения о владыке, мне сообщила, что последнего она знает давно и относится к нему так, как относятся и во дворце, с большим уважением.

Знакомство мое с владыкой произошло при следующих обстоятельствах. В один из ближайших дней по приезде владыки, Мануйлов и его большой друг и сослуживец по редакции «Вечернего Времени» М. А. Оцуп-Снарский, который и до того часто бывал у меня, собирая материал для газеты (но сотрудником моим не был), зашли ко мне (на Морскую, 61) и сообщили, что они познакомились и сошлись с секретарем прибывшего в Петроград экзарха Грузии Осипенко, обратившимся к ним, как к лицам, состоящим близко в редакции «Вечернего» и «Нового Времени», для установления благожелательной связи владыки с этими органами прессы; они были Осипенко представлены владыке, хорошо приняты им, осведомили его с обстановкой петроградских влияний. При этом Мануйлов и Оцуп добавили мне, что в числе лиц, которых хотел бы посетить владыка, застать и поближе познакомиться, намечен я, и просили меня указать точно время, когда я буду более свободным, чтобы это не совпало с служебными часами докладов и приемов, и добавили что, судя по взглядам, высказанным им для редакции владыкой по церковным вопросам, в ту пору останавливавшим общественное внимание, владыка займет влиятельное положение в синоде. Затем, когда Снарский, попрощавшись, вышел, Мануйлов мне доложил, что из распутинских кругов он знает, что приезд владыки знаменует собой преддверие еще более высокого в будущем положения владыки, так как владыку очень ценят в Царском Селе, и не только Распутин, но и вся его семья знают владыку и относятся к нему с большим уважением. Когда же я спросил Мануйлова, откуда он получил сведения об отношениях Распутина к владыке, боясь, чтобы он не разгласил их в редакциях, то узнал, что он вынес это впечатление лично, из посещения квартиры Распутина.

Для меня это было большой неожиданностью, так как во времена моего директорства, Мануйлов, сотрудничая у меня, по моему поручению, в период писем во дворец Богдановича о Распутине, дал в газетах ряд заметок и интервью с Распутиным, выставлявших отрицательные черты из жизни Распутина, и Распутин, как я знал, в ту пору его боялся и даже жаловался на то, что Мануйлов преследовал его с фотографическим аппаратом, и в силу этого, в виду полученных мною приказаний от Маклакова, Мануйлов должен был прекратить дальнейшие выступления против Распутина. Далее

Мануйлов сообщил мне, что отношения его с Распутиным, несмотря на подозрительность Распутина, начинают налаживаться, так как Распутин, боясь газетных выступлений, направленных против него, не решается на открытый разрыв с ним из-за прошлого, хотя Распутин ему об этом вспомнил, но даже, наоборот, старается показать ему себя в лучших тонах и что он, Мануйлов, решил сблизиться с Распутиным не столько в интересах редакции, сколько из желания быть полезным мне. К этому Мануйлов добавил, что он познакомил Распутина и со Снарским, которого, как газетного работника, давно интересовала личность Распутина, и что Снарский произвел на Распутина самое выгодное впечатление, и что Распутин всегда рад его приходам, любезно его угощает и весело слушает его шутливые рассказы (Мануйлов очень сдержан в употреблении вина). Из всего этого я понял, что Мануйлов, некоторые стороны характера которого я изучил, уже начал пускать прочные корни в обстановке жизни Распутина и имеет, видимо, какие-нибудь свои личные цели; в том, что он будет мне сообщать верные штрихи из жизни квартиры Распутина, я не сомневался.

Но в это время я еще не знал особой черты характера Мануйлова, в чем меня впоследствии упрекал А .Н. Хвостов и останавливал от излишней доверчивости к Мануйлову полк. Комисаров, — это то, что таких случаев, когда Мануйлов лично выступает, надо больше всего бояться и немедленно их расшифровывать. Вместе с тем, переходя снова к разговору о преосвященном Питириме, Мануйлов обещал мне поближе сойтись с секретарем его, к которому владыка, судя по виденным им отношениям, относится с особым доверием, и, войдя в доверие к владыке, сообщить мне сведения из области отношений Распутина к владыке. Условившись относительно времени приезда владыки, я обо всем этом передал А. Н. Хвостову и на другой день, встретив в назначенный час прибывшего ко мне владыку с Осипенко, поручил Осипенко вниманию моего секретаря Н. Н. Михайлова, сам же с владыкой вошел в кабинет, куда был подан чай и в живой беседе, ни разу не упомянув о Распутине, провел с ним более часа времени. Расставаясь с владыкой, я получил от него на память его книгу проповедей. Разговор касался Грузии, о которой владыка говорил с теплотой, о сердечном отношении к нему со стороны грузинской паствы, о приходской реформе, где владыка выказал себя сторонником обновительных начал в нашей церкви и т. п. Когда я спросил владыку относительно высшей кавказской администрации, то владыка ответил, что отношения к нему создались благожелательные. (Впоследствии мне передавали, что это было в начале приезда великого князя на Кавказ.) Затем владыка посетил А. Н. Хвостова.

Я отдал визит владыке, и с первых же дней нашего сближения возникшие между нами хорошие отношения, с временными перы-

вами моих посещений, продолжались до конца. В самом непродолжительном времени после приезда владыки возник вопрос о замещении киевской митрополичьей кафедры, оставшейся вакантной за смертью митрополита Флавиана, при чем как по сведениям Волжина, так и нашим, вполне было для всех очевидно, что после ухода обер-прокурора Самарина пошатнулось и положение владыки петроградского митрополита Владимира. Митрополит Владимир, с которым я был знаком только официально (при представлениях по случаю назначения на крещенском параде, участвуя, как сенатор, в особом, специально для сего учрежденном церемониале и при торжественных собраниях, устраиваемых русским собранием, идее которого он в свое время сочувствовал), принимал у себя и очень часто кн. Андроникова. Понимая, что уход владыки митрополита Владимира из Петрограда, бесспорно, вызовет не только разговор, но и раздражение в общественных кругах, еще не забывших увольнения Самарина, как Волжин, так А. Н. Хвостов и я придавали большое значение вопросу об оставлении митрополита Владимира в Петрограде и в должности первоприсутствующего св. синода, боясь назначения в Петрограде епископа Питирима, вопрос о предоставлении которому одной из митрополичьих кафедр был уже предрешен. Кн. Андронников даже хотел исполнить давнишнее желание Распутина сблизить его с митрополитом Владимиром и специально ездил к митрополиту, прося его принять Распутина. Но владыка отказался, вспоминая с теплотой время служения своего в Москве и с грустью служение в Петрограде.

Между тем, преосвященный Питирим с первых же дней своего приезда в Петроград жаловался на то, что владыка митрополит встретил его сухо и что все искренние желания итти навстречу сближении с ним являются бесплодными. Поэтому мы решили, что личшим исходом из создавшегося положения, пока еще не просочилось наружу отношение Распутина к преосвященному Питириму, будет, отстаивая митрополита Владимира, принять все меры к тому, чтобы на киевскую кафедру был назначен епископ Питирим, в силу естественного и для всех понятного служебного его движения, как экзарха Грузии, что повлечет за собой отъезд епископа Питирима в свою митрополию и облегчит Волжину работы по синоду. В этом направлении началось наше воздействие на А. А. Вырубову и Распутина, выдвинуты были причины внутреннего положения в стране, кои я привел выше, и, по внешнему виду, нам казалось, что епископ Питирим будет назначен в Киев; на это, как будто бы, и он был согласен, когда я с ним говорил по этому вопросу, как о слухе, дошедшим до меня, и мы предполагали, что, в крайнем случае, может последовать перевод митрополитов московского и петроградского одного на место другого; но этого не боялись, так как знали, что митрополит Макарий не согласится. Но и в данном случае мы в своих ожиданиях обманулись, и Волжин получил

указание о назначении на киевскую кафедру не епископа Питирима, а митрополита Владимира, за коим было оставлено все-таки звание первоприсутствующего. Затем, несколько позже, Распутин не скрыл от нас, что вопрос об этом, вследствие его указания, был решен задолго до официального его разрешения, но что ему не удалось добиться одного — назначения митрополита Питирима первоприсутствующим, на что государь не согласился, несмотря на все его просьбы. Из всей обстановки назначения епископа Питирима для нас было ясно, что в этом назначении имелось в виду иметь около себя своего близкого человека и что, в силу занимаемого им положения, ему будет отведено крупное значение с сфере влияния во дворце.

Узнав об этом назначении от Волжина, я поздравил по телефону владыку и этим, видимо, его обрадовал, так как он еще о состоявшемся указе, по его словам, не был извещен. Затем, по опубликовании указа, мы с А. Н. Хвостовым были вместе у него, и, таким образом, отношения наши завязались, при чем никто из нас, из чувства деликатности, разговоров о Распутине не заводил, хотя уже в это время мы знали о частых посещениях Распутиным владыки из доклада Глобачева официально и из слов Мануйлова неофициально, и приняли, поскольку это было можно, меры, чтобы об этом было разговоров поменьше. Сам владыка, как в то время, когда он жил на Васильевском острове в подворье, так и зимой, когда переехал в лавру, вплоть до смерти Распутина, всячески избегал подчеркивать публично свою особую близость к нему, принимал его в конспиративной обстановке, его квартиры не посещал, а для сношения с ним, зная особенности подозрительного характера Распутина и во избежание телефонных разговоров с ним, уполномочил своего секретаря. Осипенко ежедневно бывал у Распутина, часто его сопровождал в его поездках по знакомым, ездил впоследствии с поручениями и письмами владыки к А. А. Вырубовой, которой он только в этот приезд был представлен, и впоследствии удостоился приема у государыни.

Осипенко, действительно, был близкий человек владыке, который относился к нему, как к родному сыну, и тот, в свою очередь, насколько он понимал, охранял владыку от казавшихся ему подозрительными поползновений некоторых лиц проникнуть к владыке, старался окружить владыку своими людьми в обиходе его жизни и в управлении епархией, но, не зная, как и владыка, Петрограда, впадал в ошибки в оценке условий столичной жизни. Осипенко, по присущей ему подозрительности и скрытности, мало посещал общество и, вращаясь в кружке лиц, близких к Распутину, очень скоро попал под влияние Мануйлова и Снарского и в них только видел своих друзей, собирал новости, но сам был очень осторожен в передаче каких-либо сведений, полученных от владыки, заведывал всем домом и делами владыки, в Распутина не верил, но боялся его, в сно-

шениях с ним не был искренен, что тот неоднократно замечал и ставил ему на вид, и облегченно вздохнул и несколько даже изменил свои отношения к семье Распутина после его смерти, на что даже дети жаловались А. А. Вырубовой. В епархиальных учреждениях и в лавре Осипенко, как секретарь и близкий митрополиту человек, пользовался большим значением, но его боялись, и искренних там сторонников своих он не имел.

Мое знакомство с Осипенко началось с того, что Мануйлов, не уясняя себе из первых встреч с Осипенко степени его близости к епископу Питириму, посоветовал мне, в агентурных целях, приблизить к себе Осипенко; эта мысль понравилась А. Н. Хвостову, и поэтому я через Мануйлова передал Осипенко свое желание с ним поближе познакомиться; когда он ко мне пришел (на Морскую), я любезно его принял, расспрашивал о жизни его и владыки на Кавказе и, указывая на дороговизну жизни в Петрограде, настойчиво вручил ему 300 руб. (если не ошибаюсь), говоря, что на эту сумму он может рассчитывать в будущем ежемесячно, и просил его, так как и он и владыка мало знакомы с петроградскими веяниями и влияниями, пользоваться моим знанием Петрограда и почаще ко мне заглядывать.

Когда в течение месяца я присмотрелся к роли Осипенко и к значению владыки, то, конечно, понял свою ошибку и установил с Осипенко отношения простые на почве моего доброжелательства к владыке, и это с течением времени заставило его быть более со мной откровенным и доверчивым. Конечно, и владыка не избежал общей участи всех, кого судьба сводила с Распутиным; в скорости и ему пришлось испытать перемену общественных отношений к себе, которые он стремился установить своим сближением с паствой путем частых служений, проповедей, посещения лазаретов, объездом церквей и возбуждением в синоде вопросов о приходской жизни и пр. Поведение Распутина и в отношении к нему было то же, что и к другим лицам из правящего мира, на которых Распутин смотрел, как на своих ставленников, так как о своей особой близости к владыке Распутин говорил, где можно и в особенности, где не следовало, что причиняло владыке много огорчений, о чем, помимо поступавших ко мне сведений, говорил мне впоследствии и сам владыка, когда сошелся со мной.

С Хвостовым отношения у владыки вначале были внешне корректны, но между ними не установилось близости ни в первый период их знакомства, ни тем более впоследствии, при противодействии владыки в проведении А. Н. Хвостовым, в личных интересах подготовки выборов его в предстоящую выборную кампанию в Орловской губернии своего хорошего знакомого на пост высшего епархиального управления в губернии, на что согласился уже и Волжин. А. Н. Хвостов, в мое отсутствие, когда я с женой на один день (27 декабря, в день своего ангела) уехал к ее родным в Москву,

позволил себе проявить в отношении к владыке, с моей точки зрения, бестактность, которую владыка ему не забыл до последних дней и всегда вспоминал о ней, и в которой он даже сначала считал причастным и меня, пока не узнал, что меня в этот день не было в городе. Бестактность это выразилась в том, что А. Н. Хвостов испросил у владыки разрешение посетить его вечером, приказал Комиссарову привезти к владыке Распутина и прямо ввести его, без доклада к владыке, сказав Комиссарову, чтобы он во что бы то ни стало разыскал Распутина и, в каком бы тот ни был состоянии, доставил его к владыке для свидания по важному делу, не допуская его даже до переговоров по телефону, так что даже Комиссаров поверил Хвостову в серьезность этого свидания. Распутин, по словам Комиссарова, был удивлен этому вызову, потому что он виделся уже в этот день с владыкой, и тот ему ничего не говорил по поводу вечернего у него свидания с А. Н. Хвостовым; но, предполагая, что, видимо, случилось что-нибудь серьезное, поехал. Произошла неловкость, обнаруживая близость Распутина к владыке, о чем последний, как я уже выше сказал, нам не давал понять.

Когда, по приезде, я узнал об этом от Комиссарова, который понял цель Хвостова только тогда, когда присутствовал при встрече владыки с Распутиным и при дальнейших разговорах Хвостова с владыкой по поводу упомянутого выше назначения, я спросил Хвостова, для чего он это сделал, так как безусловно это на владыку произвело неприятное впечатление; мне Хвостов прямо тогда сказал, что путем разоблачения близости Распутина к владыке было желание его, Хвостова, оказать давление на владыку, чтобы, по его словам, заставить владыку поддерживать наверху все дальнейшие его, Хвостова, планы. Но в этом Хвостов глубоко ошибся, так как происшедшее только оттолкнуло владыку от Хвостова.

Из всех лиц в составе правящего класса как этого, так и последнего периода, прошедших через Распутина, никто не пользовался таким постоянным и неизменным доверием как государя и государыни, так и Вырубовой — как владыка. Его всегда приглашали к себе высокие особы и А. А. Вырубова и прислушивались к его мнениям по вопросам о церковной и государственной жизни и к его оценке и отзывам о людях, интересовавших высокие сферы. Эти поездки во дворец конспирировались, и Осипенко принимал все меры, чтобы сведения о них не проникали в печать и в общество. При жизни Распутина, последний был в курсе всех начинаний владыки, которому поэтому приходилось, как и нам, считаться с особенностями характера Распутина; когда Распутин умер, то в день его ночных похорон я был вечером у владыки и понял, насколько ему был тяжел этот гнет Распутина, и я поддержал Осипенко в его убеждениях владыки не ехать на отпевание Распутина; отпевание Распутина совершил, по своему настойчивому желанию, сблизившийся с Распутиным и проведенный, по требованию Распутина, на

место игумена тюменского монастыря, после отца Мартемиана, живший в Вятке епископ Исидор, с жизнью которого в Вятке хорошо был знаком ген. Комиссаров в бытность своей службы начальником управления, видевшийся неоднократно за последний период с епископом Исидором у Мануйлова.

С епископом Исидором мне пришлось тоже встретиться раза два у Распутина на квартире, затем у Скворцова и у искренней поклонницы Распутина, безупречной во всех отношениях и старой женщины, многое неодобрявшей в жизни Распутина, но приписывавшей это дурным на него влияниям многих из окружающих его лиц, вдовы военного врача, дворянки А. Гущиной, которую очень ценила и уважала А. А. Вырубова и которая в своих отношениях к Распутину личных выгод не преследовала.

Частые встречи епископа Исидора с Распутиным, его подчеркивание, путем публичных появлений с ним, своей особой близости к Распутину и его мирволение поведению Распутина на меня производили отрицательное впечатление; но теперь, когда я ясно отдаю себе отчет во всем своем и других лиц поведении в отношении Распутина, я не смею бросить епископу Исидору осуждения, так как он это делал открыто, и, понимая слабости Распутина, по-своему любил его; мы же все, не любя и отрицательно относясь к Распутину, старались из разных побуждений вселить в Распутине уверенность в нашей к нему любви.

К этому последнему периоду — незадолго до смерти Распутина — относится и мое мимолетное, не оставившее во мне никакого особого впечатления, знакомство в приемной владыки митрополита с прибывшим с Кавказа старым знакомым владыки преосвященным Антонием, которого владыка устраивал в Петрограде викарным епископом своей епархии; с ним я затем встретился на квартире у Распутина, куда прибыл для свидания с А. А. Вырубовой, и где Распутин при мне, впервые представлял епископа Антония А. А. Вырубовой, рекомендуя его, как преданного владыке и ему, своего человека. Затем я от Распутина узнал, что он лично мало знает этого владыку, но что епископа Антония любит митрополит; я тогда же от Распутина и получил сведения о предстоящем переводе в Петроград епископа Антония — еще сравнительно молодого иерарха, с выразительной и красивой внешностью.

4.

[Уход в отставку Кривошеина и его причины. Назначение А. Н. Наумова. Отношение Белецкого и А. Н. Хвостова к Наумову после его назначения. Свидание Распутина с Щегловитовым. Вел. кн. Николай Николаевич. Отношение к нему Распутина, Вырубовой, царя и царицы. Поездка Николая Николаевича к царю в Киев.]

Возвращаясь от этих эпизодического характера впечатлений о двух только что упомянутых епископах к первому периоду моих и А. Н. Хвостова служебных шагов по управлению министерством внутренних дел, я должен отметить наше участие в назначении А. Н. Наумова. В уходе А. В. Кривошеина я участия не принимал, так как силою всех сложившихся условий того времени было ясно, что если Кривошеин и оставался еще в составе кабинета Горемыкина после ухода кн. Щербатова и Самарина, то эта оттяжка только вопрос времени, ибо после разрыва Кривошеина с правыми группами государственного совета и Государственной Думы и некоторыми ушедшими из состава кабинета незадолго перед этим министрами, при его отношениях и взаимно к нему со стороны председателя совета министров И. Л. Горемыкина, боявшегося заместительства Кривошеина и учитывавшего все политические и общественные выступления Кривошеина, — в руках политических противников А. В. Кривошеина был очень крупный ход, это — видное участие Кривошеина в исходившем от некоторой группы (ушедшей впоследствии постепенно один за другим из кабинета) членов совета министров обращенном к государю пожелании о даровании стране прочных конституционных гарантий.

Зная особенности характера его величества, И. Л. Горемыкин, как это мне известно лично от кн. Андроникова, помогавшего ему своими письмами, считал момент благоприятным, чтобы использовать это политическое выступление против всей этой группы и в особенности против А. В. Кривошеина, и постепенно и умело подготовил свой удар последнему. Хотя долголетнее управление А. В. Кривошеиным министерством земледелия, его заслуги по землеустройству и его личные качества в свою пору и ценились государем, но в этот период времени в сердце государя уже была

брошена искра недоверия к Кривошеину, и последний это сам видел и чувствовал. Кого проводил Горемыкин на место Кривошеина — не могу сказать, так как не помню, но знаю, что когда Кривошеин сам предупредил государя своей просьбой о сложении с него обязанностей по министерству, что облегчило государя, оставив хороший след на его воспоминаниях о Кривошеине, то Кривошеин лично выставил принятую государем кандидатуру помощника его по управлению ведомством, руководившего всем делом по снабжению продовольствием армий, тайн. сов. Глинки, которого ценил также и Горемыкин. Вместе с тем, мне известно, что кн. Андроников предпринимал в то время свои шаги, до опубликования указа о Глинке, к тому, чтобы сойтись с Глинкой, и с этой целью посылал к Глинке своего ближайшего друга, чиновника министерства вн. дел Драгомирецкого, с которым, по словам последнего, Глинка был хорош, но Глинка отклонил это предложение и даже в несколько обидной форме.

Из этого я делаю вывод, что Глинка мог быть кандидатом и Горемыкина, так как помню, что кн. Андроников после этого ездил жаловаться на Глинку к Горемыкину, заявил последнему в категорической форме о неприемлемости кандидатуры Глинки и помогал нам своими письмами Воейкову и гр. Фредериксу в проведении А. Н. Наумова. Когда еще за несколько дней до воспоследования указа об увольнении Кривошеина мы с Хвостовым узнали от кн. Андроникова об исходе борьбы Горемыкина с Кривошеиным, то, обсуждая этот вопрос с точки зрения того впечатления, какое этот уход сейчас же после Самарина произведет в общественном мнении, считали, что здесь надо дать что-нибудь более яркое, чем Глинка. Затем А. Н. Хвостов, скрывая от меня еще и в этот раз свои личные планы, выставил, кроме того, необходимость и в личных его интересах для совместной работы в борьбе с дороговизной, видеть в лице министра земледелия и государственных имуществ в составе кабинета, человека, который бы оказывал ему возможную поддержку, так как в это время у него из-за проектированной им на юге России сенаторской ревизии по каменноугольному кризису, проведенной им без согласия с только что назначенным Треповым и по настоянию его несостоявшейся, произошло охлаждение с Треповым, с которым впоследствии в своей программной деятельности сблизился А. Н. Наумов.

Я лично с А. В. Кривошеиным был знаком еще со времени моего служения в Самаре, когда принимал деятельное участие в землеустроительных начинаниях правительства, и мою работу А. В. Кривошеин в этой области ценил, а потом он ко мне хорошо относился и в первое время моей службы в Петрограде. Затем, когда А. В. Кривошеин отстал от правой группы, я, все время поддерживая связь с этой группой, был в числе лиц, осуждавших его за упомянутое мною выше политическое выступление, но личного

участия в вопросе об уходе его, как я заявил выше, не принимал, был у него по назначении с официальным представлением, особых попыток к сближеню не предпринимал. Но когда А. В. Кривошеин ушел, то через близкого к Кривошеину человека, писавшего имевший в свое время большое значение отчет по поездке Столыпина и Кривошеина по России с целью обозрения успехов по землеустроению крестьян, камергера Тхоржевского, от имени А. Н. Хвостова я просил А. В. Кривошеина остаться председателем комиссии по выпуску бесплатных и дешевых изданий для народа.

А. Н. Хвостову в его будущих планах, конечно, не улыбалось оставление А. В. Кривошеина на его посту, но никакой страстности он против Кривошеина не проявил и только разделял общую точку зрения правых на политическую роль Кривошеина того времени. Говорил ли А. Н. Хвостов про Кривошеина что-нибудь его величеству в первых своих свиданиях с государем — я не знаю, так как мне он об этом не передавал.

Обсуждая выбор кандидатов на этот пост, я остановил внимание А. Н. Хвостова на А. Н. Наумове. А. Н. Наумова я знал по своей службе в Самарской губернии, где он был губернским предводителем дворянства в течение нескольких последних лет, имел по жене крупное миллионное состояние, пользовался уважением во всех слоях населения губернии, был ценным земским работником, многое сделал для губернии и принимал в работах губернского правления большое участие в ту пору, когда проводились, под моим руководительством, три продовольственных кампании и когда в губернии широко проводилась землеустроительная реформа. По убеждениям Наумов был октябрист; пользовался большим и уважаемым именем не только в местных, но всероссийских дворянских кругах, был лично известен и всегда отмечаем августейшими особами при приемах по делам дворянства губернии и, как мне казалось, имел тяготение к более широкой сфере деятельности. Таким образом, это назначение не только отвечало первой нашей задаче, но кроме того дополняло бы назначение Волжина по уходе Самарина, так как оно могло бы примирять дворянство с высокими сферами, а с другой стороны, свидетельствовало бы, что удаление Самарина не преследовало разрыва связей с дворянством, в среде которого в ту пору уже ярко заметно было раздвоение. Но я знал и подчеркнул А. Н. Хвостову отношение Наумова к Распутину, и мы, поэтому, решили пока Наумова не посвящать в наше предположение, а узнать, насколько благоприятно будет встречена эта кандидатура.

Кн. Андроников, как тонкий человек, знающий высокие сферы, сразу оценил политическое значение этого назначения и дал нам слово и его сдержал (это я знаю) не говорить по этому делу даже с И. Л. Горемыкиным, интересы которого он до конца пребывания Горемыкина на посту председателя сильно охранял. Затем при свидании с А. А. Вырубовой мы с А. Н. Хвостовым ей подробно раз-

вили все эти причины, не скрывая и того, что А. Н. Наумов на сближение с Распутиным не пойдет, но вместе с тем и указали на его преданность августейшим особам, которая его сдержит от всяких резких выступлений против Распутина; что же касается А. В. Кривошеина, то, зная о близком знакомстве с ним семьи и родных Вырубовой, А. Н. Хвостов только вскользь оттенил точку зрения правых на А. В. Кривошеина. А. А. Вырубова поняла все значение этого назначения и обещала доложить их величествам, и по всему видно было, что эта мысль ей понравилась. О Наумове она только слышала, но с ним не была знакома.

Когда потом в первое же свидание с Распутиным мы втроем заговорили, то он верно уже был А. А. Вырубовой поставлен в курс, потому что ответил, что «его цари любят». Видеть Наумова Распутин не порывался. Кн. Андроников из моей характеристики Наумова тоже, видимо, понял, что его сближение с А. Н. Наумовым не состоится, потому что он только просил меня в случае, если у него будет какое-нибудь дело в этом ведомстве, поддержать его просьбу у Наумова, что я ему обещал. Но у него за мое время и последующий период управления Наумова министерством никаких, видимо, дел к нему не было, так как ко мне с просьбами о поддержке он не обращался. Распутин же, без предупреждения нас, один раз сам обратился к А. Н. Наумову в общем приеме с какой-то незначительной просьбой (кажется, за лесничего своего округа), и когда я, узнав об этом от А. Н. Наумова, затем спросил Распутина, какое он вынес впечатление от Наумова, то Распутин мне ответил, что обходительный, но «гордый». Зная потом уже более Распутина, я подумал, что ему захотелось посмотреть на Наумова из каких-нибудь других целей, в роде той, какую он имел в виду при посещении А. Н. Хвостова в Нижнем-Новгороде, так как подобного рода посещения, как мне известно по его посещению Щегловитова, всегда в дальнейшем ходе событий что-нибудь собой знаменовали. Это было незадолго до ухода Горемыкина.

При этом разговоре о посещении Распутиным Наумова в министерстве я спросил Распутина, знал ли он Кривошеина; он мне ответил, что виделся с ним, но сейчас же разговор переменил на другую тему. В мое время в сводке филерных донесений, насколько я теперь припоминаю, об этом посещении не упоминалось.

Когда таким образом вопрос о Наумове был предрешен, то я, при свидании с ним, ему об этом сказал, как о возможной его кандидатуре после ухода Кривошеина, и, как теперь помню свое чувство неловкости, когда Наумов выразил ужас от возможности прохождения через посредство Распутина; хотя я его и уверял, что у нас и мысли нет сводить его с Распутиным и что Распутин в его назначении не будет принимать участия, и что в это посвящена только Вырубова, но он, уходя, когда я его провожал, отклонил на этот раз свидание с А. Н. Хвостовым. При прощании я просил его

подумать о той пользе, которую он может принести России, и поскольку его отказ, в случае предложения ему этого поста лично государем, будет тяжел в эту минуту.

По уходе Наумова я об этом разговоре передал А. Н. Хвостову. Затем из телефонных моих разговоров с А. Н. Наумовым я увидел, что мои упоминания о родине и государе заставили Наумова несколько поколебаться в своем первоначальном решении и что он остается в Петрограде, отложив на некоторое время свой отъезд. Тогда я передал об этом А. Н. Хвостову, высказав предположение, что в этом деле государю, если он пожелает остановить свой выбор на Наумове, придется проявить настойчивость, так как, если государем будет поручено Горемыкину вести переговоры с Наумовым, то, зная того и другого и отношения Наумова к Горемыкину, я уверенности в благоприятном исходе не имел. А. Н. Хвостов сумел и в данном случае заинтересовать государя всеми приведенными мною выше соображениями, и спустя некоторое время после этого назначение Наумова состоялось, при чем отношения Горемыкина к Наумову вылились в официальную форму, а прием, оказанный Наумову государем, был особо милостивым.

По назначении А. Н. Наумова, я несколько облегчил ему сношения с прессой, затем принял участие в налажении, при посредстве д. с. с. Ковалевского, о коем я уже ранее говорил, отношений министерства внутренних дел и местных его органов с ведомством министерства землеустройства и государственных имуществ и его уполномоченными, но к делам управления им министерством землеустройства и государственных имуществ никакого касательства не имел. Свидания наши были редки, мы обменивались только телефонными разговорами, хотя отношения не прерывались, и при уходе А. Н. Наумова, в виду его несогласий с Штюрмером, желавшим даже повредить А. Н. Наумову в хороших отношениях к последнему государя, я оказал ему небольшую услугу; затем мы даже не встречались. Отношений хороших у Наумова с Хвостовым не наладилось.

По тем же побуждениям политики внутреннего успокоения А. Н. Хвостову удалось, путем личного всеподданнейшего доклада, провести дело об улучшении материальной обстановки, в соответствии с положением вел. кн. Николая Николаевича, имени которого не мог слышать Распутин и против которого, под его воздействием, были вооружены не только А. А. Вырубова и государыня, но впоследствии и государь, о чем я в нескольких словах говорил раньше. В силу такого настроения двора, нам было предложено сообщить А. А. Вырубовой все сведения, которые будут получаться о великом князе, в особенности письменные сношения окружающих его высочество лиц.

Хорошо понимая, что если такое желание было высказано нам, то оно также, в проверочных или осведомительных целях, могло быть высказано и ген. Беляеву (так как Поливанову не верили,

а к ген. Беляеву относились вполне благожелательно и А. А. Вырубова и Распутин), или, наконец, проверено через И. Л. Горемыкина, к которому в эту пору и Распутин, и А. А. Вырубова, и государыня, в виду неотложного внимания в эту пору кн. Андроникова к интересам Горемыкина, также относились доверчиво, и он был часто вызываем и во дворец, я не мог скрыть содержания писем этого периода; но я знал из источников, близких к двору великого князя и его семье, что великий князь еще задолго до этого, когда был верховным главнокомандующим, никогда не доверял почте, а посылал всегда с своей корреспонденцией особо доверенных лиц. Поэтому я даже в несколько демонстративных видах попросил к себе тайного советника Мардарьева, о коем я уже упоминал, и поручил ему по телеграфу срочно вызвать нашего агента, заведывавшего на Кавказе этим делом, одобрил представленный им план, увеличил агентурный кредит этому лицу и жалованье и улучшил его служебное положение. Его доклад подтвердил мне, что на Кавказе с первых дней приезда двора, а в последнее время в особенности, еще более подозрительно начали относиться к почте и к нему лично, стараясь расшифровать его роль.

Связав это обстоятельство с имеющимися у меня сведениями и с заездом в Тифлис лечившегося на Кавказе ген. Джунковского, я успокоился. Письма окружавших великого князя лиц, бывшие у меня при докладах Вырубовой, по содержанию своему, которое я передал А. А. Вырубовой, а она записывала, ничего интересного не представляли, а после приезда полк. Балинского ко мне лично с упомянутым выше поручением великого князя и совершенно прекратилось (как, напр., переписка Орлова с женой). Балинский и товарищ министра финансов сенатор Кузьминский, которого уполномочил затем министр финансов, после моего доклада ему, выяснить все вопросы денежного свойства в этой области, помнят, конечно, мою роль в этом деле. А. Н. Хвостов к этому пожеланию великого князя отнесся с искренним сочувствием и со стороны государя при первоначальном докладе встретил благожелательное отношение; что же касается Распутина и указанных мною выше лиц, то только сознание необходимости, им хорошо понятное, не только заставило их с этим примириться, но и поддерживать его, отнюдь не скрывая последнего. Здесь мною руководили хорошие побуждения, вытекавшие из моего чувства уважения к великому князю с первых моих с ним свиданий, связанного с пожалованием им мне, при его отъезде в ставку, своего портрета и прерванные мною потому, что после моего сближения с Распутиным, о чем он, конечно, впоследствии не мог не узнать, мне стыдно было бы смотреть ему в глаза.

Но в этот период времени, когда я уже состоял в должности по министерству внутренних дел, я старался найти какой-нибудь предлог, чтобы иметь возможность, хоть в слабой степени,

рассеять прочно засевшее под влиянием Распутина как у Вырубовой, так и при дворе, опасение великого князя, как претендента на корону.

Будучи летом и осенью на Кавказе для лечения, а затем в командировке по организациям великой княгини Марии Павловны, я как от чинов местной администрации на водах, так от графа Граббе, наказного атамана Войска Донского, узнал о предстоящем разводе ген. Орлова, лечившегося осенью на Кавказе, и причинах такового, что, в связи с личностью кн. Орлова и его служебным положением на Кавказе, представляло в ту пору злободневный интерес. К этому же самому периоду относится также и выезд из Тифлиса великого князя в Киев для свидания с государем, при чем официальным мотивом вызова являлось желание обсудить совместный план осенней и зимней кампании. Моя служебная поездка как раз совпала с моментом выезда и приезда великого князя обратно на Кавказ, и поэтому, вращаясь среди местной администрации, я был свидетелем того, какое огромное значение на Кавказе придавали этому свиданию и тем опасениям о возможности оставления великим князем своего высокого поста, которое ясно проглядывало у всех лиц, занимавших близкое служебное к князю положение. Официальные встречи и приемы были отменены; великий князь не выходил из вагона и в Ростове принял только гр. Граббе, с которым был в дружеских отношениях; но оказанный государем великому князю прием в Киеве рассеял все эти опасения; великий князь, повидимому, был удовлетворен этим свиданием; все его проекты по поводу усиления, главным образом, состава войск на кавказском фронте, без чего он не имел возможности вести наступление, и о чем он настойчиво до того ходатайствовал, прошли, и великий князь назначил ряд встреч и объезды казачьего войска наместничества, где в торжественной обстановке передал приветствие государя. Воспользовавшись этим, я, по возвращении своем в Петроград, при первых своих свиданиях с А. А. Вырубовой, рассказывая ей о кн. Орлове и о причинах срочного выезда из Ессентуков, перешел к поездке великого князя и передал ей в соответствующих тонах о том хорошем впечатлении, которое произвело на великого князя свидание с государем, об объездах великого князя по казачеству, речах, которые он говорил войсковому кругу, и о том успокоении, какое внесло в среду местного населения возвращение великого князя на Кавказ. Имело ли это или нет свои хорошие последствия — я не знаю, так как мне неизвестно, что говорил прибывший затем в Петроград с Кавказа преосвященный Антоний.

5.

[Издание брошюры против Джунковского при участии А. Н. Хвостова, Белецкого и Замысловского. Причины недружелюбного отношения Воейкова к Джунковскому. Охлаждение в отношениях А. Н. Хвостова и Белецкого с кн. Андрониковым и его причины. Примирение. Протопопов, Петкевич и Драгомирецкий в связи с порчей отношений Андроникова с Распутиным и Вырубовой. Мотивы назначения А. Н. Хвостовым Шадурского директором департамента общих дел. Отношение Шадурского к еврейским делам. Конфликт по этому поводу с Белецким. Выдача, по распоряжению А. Н. Хвостова, 25.000 руб. Замысловскому на издание книги о деле Бейлиса.]

Но побуждения иного характера были у меня в отношении ген. Джунковского на первых шагах моего и Хвостова вступления в должность, в деле издания, в самом ограниченном количестве экземпляров брошюры, за подписью Тихменева, направленной против ген. Джунковского. В этой брошюре ярко подчеркивались не только либеральное направление ген. Джунковского, но и сочувствие освободительному движению, проявленное им в служебных действиях, начиная с его губернаторства в Москве в 1905 году. Об этой брошюре мало кто знает, быть может, даже и сам ген. Джунковский не знает, как не знали и вы, г. председатель, до моего вам личного заявления. Из данных мною до сего показаний относительно моего совместного с ген. Джунковским служения в министерстве внутренних дел при Н. А. Маклакове вы могли убедиться, что в настоящее время, когда государственный переворот совершился, я отнюдь не хотел прикрыться теми личными начинаниями ген. Джунковского в системе борьбы со старыми приемами ведения агентуры, какие он проводил тогда и кои я скреплял своею подписью. С тою же искренностью я отнесусь и к этому факту.

При первых свиданиях моих и А. Н. Хвостова с Замысловским зашла речь о недавно оставившем пост товарища министра внутренних дел, заведывавшем политической частью министерства, ген. Джунковском как о государственном деятеле, не только не поддерживавшем начинания правых организаций и не прислушивавшемся к их голосу в стране, но нанесшим своей политикой

и ослаблением агентурного освещения среды противоправительственных партий, быть может, и непоправимый ущерб, по поводу чего Замысловский предполагал выступить на страницах «Земщины». При этом Замысловский сослался на статью о московских событиях в 1905 г., помещенную в одном (я теперь не помню) из ежемесячных журналов, выходящих книгами, где упоминалось о деятельности ген. Джунковского, как губернатора, шедшего навстречу тогдашним веяниям. Я высказался против выступления с разоблачениями ген. Джунковского в «Земщине», с чем согласился и А. Н. Хвостов, но предложил издать по этому поводу брошюру, которую и довести до высоких сфер с тем, чтобы заронить у государя чувство опасения ген. Джунковского и тем на долгое время лишить последнего возможности выступления на арену государственного административного служения. С этим согласился как А. Н. Хвостов, так и Замысловский.

Затем Замысловский принес мне для ознакомления упомянутую выше журнальную статью, сообщил план издания и выбор им автора, которого и я знал, сказал мне, у кого можно собрать некоторые сведения из прошлого ген. Джунковского. Посвятив их в это дело, я через несколько дней выдал Замысловскому на это издание 6.500 руб., с тем, чтобы Тихменев получил 3.000, а остальные пойдут на типографские и издательские расходы. Впоследствии Замысловский мне говорил, что он Тихменеву дал 2.000 рублей, а остальные ушли на издание. Отвечая за себя, я не буду говорить о лицах, давших о ген. Джунковском некоторые сведения Замысловскому, но только считаю долгом своей совести заявить, что в это дело я никого из состава департамента полиции не посвящал и к работе по собиранию материала не привлекал. Также я считаю нужным оттенить, что, когда это издание, в корректурном виде, было представлено в цензуру, то С. В. Виссарионов, еще в ту пору, не сложивший официально своих обязанностей председателя комитета, которому я до этого ничего не говорил по поводу этой брошюры, сам, по собственному побуждению, пришел с этим оттиском ко мне в квартиру, и хотя он считал себя несправедливо обиженным ген. Джунковским, по инициативе которого состоялся его перевод из департамента полиции в члены совета по делам печати, доложил мне о неудобстве появления в свет подобного издания. Затем, когда я ему сказал, что этот вопрос уже решен, он все-таки попросил меня прочесть весь оттиск, в особенности некоторые отмеченные им места, узнав, что я только знаю план, а статьи не читал. Когда я прочел, то некоторые части зачеркнул.

Если у А. Н. Хвостова, у Замысловского и Тихменева были в отношении ген. Джунковского искренние убеждения политической борьбы с ним, то у меня, который его несколько ближе знал, говорило, главным образом, неостывшее еще тогда чувство

личной обиды на Джунковского за его отношение ко мне, связанное с последним периодом моей службы в департаменте полиции при нем и Маклакове, свидетелем чего был департамент, так как о моем отношении к главным циркулярам в эту пору я уже сказал в одном из предыдущих моих показаний. Что же касается лиц, стоявших близко к ген. Джунковскому как по штабу, так и по департаменту полиции, то никто из них при мне не ушел, даже секретаря ген. Джунковского чиновника V класса особых поручений Сенько-Поповского, которого я в свою пору, после ухода ген. Курлова, относившегося к нему с особым доверием, поддержал, рекомендовав вниманию товарища министра Золотарева и Джунковского, и поставил в хорошие материальные условия, но который много способствовал охлаждению ко мне Джунковского,—я, несмотря на то, что он, занимая должность секретаря при товарище министра, при моем вступлении даже не спросил моего разрешения на продление отпуска, данного ему ген. Джунковским, и ко мне, по возвращении с Кавказа не явился, не лишил должности чиновника особых поручений V класса, ни материального и добавочного и довольно большого содержания из сумм департамента, о чем мне даже был сделан доклад по департаменту. Я оставил его в составе министерства до состоявшегося через несколько месяцев перевода его, по просьбе ген. Джунковского, на Кавказ вице-губернатором и только отправил в командировку в Оренбург по устройству беженцев, когда губернатор просил о командировании ему кого-нибудь в помощь из чинов министерства, что дало Сенько-Поповскому, предварительно назначения вице-губернатором, возможность ознакомиться с предстоявшими ему обязанностями, так как он до того в провинции не служил и самостоятельных административных функций не исполнял.

Что же касается лиц, близких к Маклакову и им поставленных, то я не только не был к ним пристрастен, но когда А. Н. Хвостов, желая окружить себя своими людьми по министерству внутренних дел, имел надобность освободить некоторые должности (как, например, директора канцелярии министра, заведывающего гофмаршальскою частью дома министерства внутренних дел и распорядителя экстраординарного фонда и др.), они, при моем содействии, были назначены на высшие должности в провинции согласно их пожеланиям; это было сделано мною из-за желания подчеркнуть Н. А. Маклакову, что у меня остались о нем хорошие воспоминания; это, как я думал впоследствии, когда уже ушел из министерства внутренних дел, послужило началом более доверчивого сближения Н. А. Маклакова со мною.

Когда упомянутая брошюра о ген. Джунковском была издана, и Замысловский принес мне пачку экземпляров ее, то я дал

несколько книжек А. Н. Хвостову, кн. Андроникову, затем не менее 10 экземпляров А. А. Вырубовой, при свидании моем и А. Н. Хвостова с ней в Царском Селе, с соответствующей обрисовкой ген. Джунковского в связи с его отношением к Распутину, чем доставил видимое удовольствие ей и Распутину, которому тоже были даны 2 или 3 брошюры, и потом передал несколько экземпляров ген. Воейкову, отнесшемуся благоприятно к этому изданию.

Если в связи с последовавшим заявлением ген. Андрианова, обрисовывавшего, как я уже раньше говорил, поведение Распутина в Москве в ресторане «Яр» в иных тонах, чем материал, представленный государю ген. Джунковским, эта брошюра помогла А. А. Вырубовой и Распутину восстановить несколько подорванное у государя докладом ген. Джунковского доверие к Распутину, то не в этом отношении, конечно, брошюра эта была приятна ген. Воейкову и даже не по мотивам борьбы с ген. Джунковским на почве несходства в политических взглядах. Причина здесь несколько иная и заключается в том, что из всех моих предыдущих разговоров с ген. Воейковым по поводу ген. Джунковского до вступления и при вступлении в должность товарища министра и из того, что мне в откровенной беседе передавал кн. Андроников по этому вопросу, я вынес вполне ясное впечатление, что милостивое внимание, оказываемое до этого времени государем ген. Джунковскому, благодарность за прием во время выездов государя в 1912 году на Бородинские торжества, чему я сам был свидетелем, затем доминирующая роль, предоставленная Маклаковым ген. Джунковскому в приемах, встречах и охране государя в дальнейших объездах государя по России и, наконец, передоверие Маклаковым своего права непосредственного доклада государю по делам корпуса жандармов и полиции, вселили у ген. Воейкова искреннее убеждение в затаенном желании ген. Джунковского получить должность дворцового коменданта, тем более, что об этом уже одно время (в период стихов Мятлева об Куваке) ходили слухи в петроградском обществе, в виду пошатнувшегося тогда положения ген. Воейкова.

К этому же первому периоду относится и последовавшее затем охлаждение отношений наших к князю Андроникову. Когда кн. Андроников сыграл главную роль в нашем назначении и искренно помогал нам в первых наших шагах более близкого сближения с Распутиным и А. А. Вырубовой, то он просил А. Н. Хвостова, поддерживая его в необходимости иметь в министерстве своих людей, дать некоторые назначения и служебное движение близким к нему, князю, людям: Драгомирецкому, полк. Балашеву, Евреинову (служившему в градоначальстве), Манжевскому и нескольким еще чиновникам (я теперь не припо-

минаю — кому, но занимавшим невидное служебное положение) и настаивал на уходе в особенности вице-директора департамента общих дел Палеолога, директора департамента духовных дел Менкина и петроградского градоначальника кн. Оболенского (товарища князя по пажескому корпусу), с которыми у него по различным поводам существовали неприязненные отношения. Затем кн. Андроников настойчиво домогался, чтобы при назначении на видные посты по центральным учреждениям министерства внутренних дел А. Н. Хвостов советовался с ним и ему заранее говорил о своих кандидатах; в особенности кн. Андроникова интересовали два назначения на должность директора: по департаменту общих дел, за уходом Волжина, и по департаменту духовных дел иностранных исповеданий, где князю хотелось иметь людей, с которыми он был бы близок или мог войти в хорошие отношения. Такие притязания князя совершенно не устраивали А. Н. Хвостова и несколько разбивали мои предположения; но, зная характер князя, я рекомендовал А. Н. Хвостову быть очень осторожным в тех случаях, где кн. Андроников будет проявлять большую настойчивость, и удовлетворять его просьбы только постольку, поскольку это будет отвечать нашим видам, так как в среду министерских чинов уже проникли слухи о влиянии князя на нас, не без участия в этом самого князя и Драгомирецкого, слухи, породившие различные толки, недалекие от истины, и началось к князю хождение чиновников, искавших его у нас поддержки.

Назначение Балашова устраивало А. Н. Хвостова, хорошо знавшего этого офицера по Нижнему Новгороду; уход Менкина, против которого интриговал Драгомирецкий, открывал А. Н. Хвостову возможность провести своего кандидата — старого его товарища по лицею — воронежского губернатора Петкевича, моего хорошего знакомого и сослуживца по Ковенской губернии, а за Евреинова просил тоже и товарищ министра кн. Волконский, оставлению которого в министерстве, по соображениям средостения кн. Волконского с многими из видных деятелей Государственной Думы, мы придавали большое значение. Эти просьбы были в скором времени удовлетворены, и это князя успокоило; что же касается Драгомирецкого, Палеолога и кн. Оболенского, то здесь произошло столкновение различных причин, вытекавших из существа положения каждого из нас.

Относительно кн. Оболенского, ставленника Маклакова и товарища ген. Джунковского по Преображенскому полку, ни я, ни А. Н. Хвостов по многим соображениям не хотели исполнить просьбы кн. Андроникова; что же касается Палеолога, то в данном случае желания кн. Андроникова сходились также и с желанием А. Н. Хвостова, который как ему, так и бывшему директору департамента общих дел Арбузову не мог забыть отно-

шения к себе со стороны департамента общих дел вообще, а в особенности в вопросе о пожаловании ему, Хвостову, после продолжительного состояния в должности губернатора, одинаковой награды с его полициймейстером и их личных приемов его, когда он посещал департамент общих дел. Я же с Палеологом был в давних хороших отношениях. Поэтому, благодаря моему усиленному настоянию, А. Н. Хвостов изменил свое первоначальное намерение и предложил дать Палеологу назначение в провинцию на административный высший пост, о чем и было объявлено Палеологу и. д. директора департамента общих дел Шинкевичем; это уже кн. Андроникову не понравилось, но все-таки особенно его не задело. Но оказалось, что такое назначение совершенно не устраивало Палеолога не только потому, что он никогда не служил в провинции и не хотел расстаться с Петроградом, где уже семейно устроился, но вследствие его болезни, требовавшей серьезного лечения на юге. В виду этого, когда он мне объяснил все эти причины и я увидел его болезненное состояние в этот период, я упросил А. Н. Хвостова, в личное мне одолжение, назначить Палеолога членом совета и, чтобы не смущать кн. Андроникова, дать Палеологу командировку на юг, по наблюдению за движением дел в губернских учреждениях по ликвидациям немецких земель в числе других чинов совета министерства, командированных нами тогда с этой целью в места немецкого землевладения. А. Н. Хвостов, после трехдневных просьб моих, согласился на мое предложение, и оно было проведено в срочном порядке. Хотя и кн. Андроников и Палеолог, который был, по моему намеку, у князя, и помирились, но старых отношений у них не восстановилось, и этого назначения, дававшего Палеологу служебное повышение, кн. Андроников потом не мог мне забыть и часто его мне вспоминал.

Но еще большее осложнение с кн. Андрониковым произошло в вопросе о назначении Драгомирецкого. Драгомирецкий— выходец из Галиции; он был одним из старейших служащих департамента духовных дел иностранных исповеданий, знал хорошо департамент и его дела, был исполнителен, умел всегда сохранить свое служебное доминирующее положение в департаменте при многих директорах с различными характерами и взглядами, в том числе и при Менкине, который даже и не знал об обиде, нанесенной им Драгомирецкому в деле юбилея последнего; был конспиративен, но давал понять сослуживцам о своих влиятельных знакомствах и любовью своих подчиненных и сослуживцев не пользовался. С кн. Андрониковым Драгомирецкий был связан узами давних отношений; от него кн. Андроников знал многое из жизни министерства внутренних дел и высших чинов министерства, он же был правой рукой князя во всех делах последнего и составлял князю его записки, о коих я упоминал раньше. Поэтому

понятно было, а мне, как знавшему эти отношения, в особенности, желание кн. Андроникова дать служебное движение Драгомирецкому; при этом кн. Андроников просил о назначении Драгомирецкого на вакантную должность вице-директора, с поручением Драгомирецкому немедленно же вступить, после ухода Менкина, в отправление обязанностей директора. Кн. Андроников, как я думаю, лелеял надежду, что деловитость Драгомирецкого, а затем и влияние его, князя, помогут назначению Драгомирецкого впоследствии на пост директора этого департамента; поэтому князь особенно настойчиво торопил А. Н. Хвостова с этим назначением. А. Н. Хвостов в моем присутствии обещал ему исполнить эту просьбу, и мы уже поздравили Драгомирецкого на квартире кн. Андроникова с этим назначением.

Однако приехавший затем, по нашему телеграфному вызову, в Петроград Петкевич нарушил все планы кн. Андроникова. Когда кн. Андроников узнал от Драгомирецкого о составлении всеподданнейшего доклада по поводу назначения Петкевича директором департамента духовных дел иностранных исповеданий, то высказал А. Н. Хвостову, повидимому, со слов того же Драгомирецкого несколько соображений против Петкевича; но увидев, что последний близок не только А. Н. Хвостову, но и семье дяди А. Н. Хвостова, князь с этим назначением должен был примириться и только настаивал на скорейшем назначении Драгомирецкого. На одном из этих соображений и я также останавливал внимание А. Н. Хвостова, когда А. Н. Хвостов мне заявил о своем желании назначить Петкевича на эту должность, — это то, что Петкевич в молодости переменил несколько вероисповеданий: родившись в католической семье, он перешел в лютеранство, а затем уже, будучи в лицее, в православие. Поэтому я рекомендовал А. Н. Хвостову Петкевича, который хорошо знал крестьянский вопрос, как по службе своей во 2 департаменте сената, а затем по должности в Ковенской губернии мирового посредника, предводителя дворянства и председателя съезда мировых посредников, а впоследствии непременного члена губернского присутствия, назначить на должность управляющего земским отделом, которая предстояла к открытию, в виду желания Литвинова уйти в сенат. Но А. Н. Хвостов, предложил провести ряд работ законодательного характера по департаменту духовных дел иностранных исповеданий по реформе лютеранских немецких приходов и др., я, зная работоспособность Петкевича, остался при своем первоначальном решении. Когда же Петкевич познакомился с чинами департамента, из которых он некоторых и ранее знал, с обстановкой взаимных отношений служащих в департаменте и получил от меня ближайшие сведения о Драгомирецком и его роли при кн. Андроникове, то он начал настойчиво просить А. Н. Хвостова устроить Драгомирецкого иначе, но дать ему, Петкевичу, возмож-

ность выбрать из состава служащих более отвечающего его требованиям вице-директора как его ближайшего сотрудника и остановил свой выбор на двух: Петрове (впоследствии назначенном при мне членом совета, а потом сенатором, брате одного из воспитателей наследника) и Тарановском, моем сослуживце по виленскому генерал-губернаторскому управлению, которого знал и Петкевич, также служивший в пределах этого генерал-губернаторства. В виду этого было предположено назначить Драгомирецкого, занимавшего должность V класса, на должность IV класса или чиновником особых поручений или членом совета, по его выбору, и увеличить ему из сумм департамента содержание и таким путем, хорошо его устроив, устранить его из департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Когда об этом А. Н. Хвостов сказал приехавшему к нему на квартиру кн. Андроникову, то тот так разволновался, что с ним сделался истерический припадок. Он начал упрекать А. Н. Хвостова, а заочно и меня, в том, что мы нарушаем наш контракт с ним, и стал угрожать тем, что он расшифрует все наши планы Распутину, А. А. Вырубовой и Воейкову и, несмотря на успокаивание его Хвостовым, холодно простившись с ним, уехал. Тогда в свою очередь встревожился и А. Н. Хвостов; немедленно попросив меня по телефону приехать к нему, А. Н. Хвостов, когда я вошел к нему, рассказал мне в подробностях, что произошло у него с князем, и поручил мне этот инцидент как-нибудь уладить. Я поехал к князю. Действительно, я до того времени никогда не видел его в таком состоянии, как я его застал. Князь был сильно задет, повторил мне те же упреки, указал на свои заслуги не только в деле нашего назначения, но и в осуществлении всех наших планов, и хотя я ему доказывал, что наше предложение Драгомирецкому должно более устраивать последнего и в служебном (должность вице-директора V класса) и в материальном отношениях, но князь на этот раз был неподатлив и только на другой день, когда я снова посетил его, получив от А. Н. Хвостова директивы согласиться на требования князя и ему об этом сказал, состоялось наше примирение, обрисовавшее характер князя. Для меня и теперь не ясно, какие мотивы были у Драгомирецкого при отказе от наших во всех отношениях его устраивавших предложений, заставившие его давить в этом направлении на князя, проявившего в этом деле такую особую настойчивость.

Этот инцидент показал А. Н. Хвостову, поскольку надо считаться с кн. Андрониковым в тех случаях, когда он чего-либо настойчиво добивается, и, поэтому, Хвостов при первом же свидании с князем наружно постарался сгладить взаимный осадок горечи. Назначение Драгомирецкого последовало немедленно и, в виду отъезда Петкевича в Воронеж для перевезения семьи, Драгомирецкому был сейчас же дан ордер на управление департамен-

том но, чтоб не обидеть старейшего чиновника по департаменту, во всех отношениях достойного человека Петрова, было испрошено в скорости назначение последнего на должность члена совета. Я не буду говорить об отношениях затем Драгомирецкого к его двум конкурентам, выставленным Петкевичем и мною поддерживаемым; но скажу только, что кн. Андроников с этого времени, пользуясь сведениями Драгомирецкого, наружно установившего корректные отношения с Петкевичем, все время и после нашего ухода при Штюрмере и Протопопове относился критически к деятельности Петкевича вплоть до внезапного удаления Петкевича от должности при Протопопове, который, несмотря на мои просьбы, мне не сказал о причине ухода Петкевича и, назначив директором своего старого знакомого члена совета Харламова, дал, исключительно только по моему ходатайству, сверхштатную должность IV класса Петкевичу, хотевшему снова вернуться в провинцию на должность губернатора.

Правда, при Протопопове состоялся также и уход Драгомирецкого из департамента духовных дел. Сначала Протопопов предложил Драгомирецкому уйти в отставку с хорошим пенсионным окладом, и когда я спросил, чем вызвано такое предложение, то Протопопов мне сказал, что полученными им сведениями с Драгомирецком от органов контр-шпионажа; но затем Драгомирецкий, которого я видел впоследствии в приемной Протопопова, мне говорил, что эти сведения относились к его однофамильцу и что это было выяснено будто бы Протопоповым. Во всяком случае увольнение не состоялось, а Драгомирецкий получил назначение членом совета министерства внутренних дел. В этот период кн. Андроников и Драгомирецкий обращались ко мне с просьбой похлопотать у Протопопова, но я его за Драгомирецкого не просил; сам же Драгомирецкий в этот период обращался за поддержкой к Распутину.

Я лично объясняю уход Драгомирецкого, главным образом, изменившимся уже при нас, а при Протопопове резко, отношением Распутина и А. А. Вырубовой к Андроникову и докладом нового директора, отрицательно к Андроникову относившегося. Затем, когда возник вопрос о замещении оставшейся после ухода Волжина вакантной должности директора департамента общих дел, то А. Н. Хвостов в моем присутствии заранее ознакомил кн. Андроникова с личностью его друга и бывшего сослуживца по министерству юстиции г. Шадурского, которого я до того не знал лично, старого сослуживца по тому же ведомству также и Кафафова. Это меня поразило, так как Хвостов охотно с первых же дней нашего сближения допустил по моему указанию к исправлению должности директора очень уважаемого как всем составом министерства внутренних дел, так и провинциальной администрацией, старого и опытного работника в департаменте

общих дел, вице-директора Шимкевича, которого и А. Н. Хвостов, по предыдущей службе своей в министерстве внутренних дел, знал с лучшей стороны и хорошо к нему отнесся с первой встречи, так что у многих сложилось убеждение о естественном назначении Шинкевича директором. Кроме того А. Н. Хвостов, как член Государственной Думы, знал о том хорошем мнении, которым пользовался Шинкевич в думских кругах, в особенности в бюджетной комиссии, ценившей его труды по урегулированию сметных исчислений министерства внутренних дел.

Указывая мне и кн. Андроникову на своего кандидата на пост директора департамента общих дел, А. Н. Хвостов, помимо своих личных к нему симпатий, подчеркнул, что Шадурский поможет ему сойтись с лейб-медиком Федоровым, домашних врачом августейшей семьи, с которым Шадурский находился в самых лучших отношениях, чему А. Н. Хвостов придавал большое значение в виду особого к Федорову доверия со стороны государя, о чем он, Хвостов, слышал от Дрентельна, своего свойственника; при этом добавил, что, кроме того, зная и разделяя взгляды Шадурского, он имел в виду возложить на него, как на хорошего юриста, разработку двух законодательных предположений, им намеченных — по вопросу о борьбе с немецким засильем и по еврейскому вопросу.

О вопросе первом я уже раньше говорил; что же касается еврейского вопроса, то при первых наших совещаниях по выработке плана Хвостов мне ничего не говорил о предлагаемом им возбуждении общего вопроса относительно евреев. Он тогда вполне разделял высказанную мною точку зрения о необходимости изменить направление политики департамента общих дел в вопросе установившихся при Н. А. Маклакове отношений департамента к ходатайствам о праве жительства евреев вне черты оседлости, в особенности в столицах, тем более, что обстановка театра военного действия (это был период массового беженского движения) этого времени почти совершенно стерла черту оседлости. Затем и вся наша программа успокоения повелительно диктовала срезание острых углов и нераздражение общественных слоев. Зная Шинкевича, я был уверен, что он не внесет осложнений в этом вопросе; затем департаментом общих дел заведывал кн. Волконский, отношение которого к инородцам мне было известно.

В духе наших предположений А. Н. Хвостов наметил коснуться этого вопроса и в своих интервью с корреспондентами и советом редакторов. Эту точку зрения я передал сотруднику «Речи» Л. М. Клячко, всегдашнему ходатаю в министерстве по подобного рода делам; когда же Клячко выразил мне в этом сомнение, я даже устроил деловое свидание его с А. Н. Хвостовым. Когда я потом спросил А. Н. Хвостова, в чем будет заключаться

реформа по еврейскому вопросу, он мне ответил, что пока она у него в определенную форму еще не вылилась и он этим вопросом займется, как только Шадурский ознакомится с материалами департамента. Так как А. Н. Хвостов в эту пору советовался со мною по всем своим делам, то я и был уверен, что я в свое время буду в курсе этого дела. Затем первые ходатайства о праве жительства, которые шли, правда, от Распутина, А. Н. Хвостов поручал посылать в департамент исповедания. Так как по моей службе в Ковне и Вильне у меня было много знакомых в еврейской среде, то и ко мне многие беженцы-евреи обращались за поддержкой, и я попросил Шинкевича к моим письмам с прошениями евреев о праве жительства относиться благожелательно. Все шло спокойно, без шероховатостей, до вступления в должность Шадурского. Так как, в силу служебных взаимоотношений, каждый товарищ министра заведует только своим делом, то, установив свой контакт с и. д. директора департамента общих дел по поводу поступивших ко мне этого рода прошений, я в дела департамента общих дел не вмешивался. Но когда Клячко, очень часто обращавшийся ко мне с просьбами по поводу его единоплеменников, передал мне несколько случаев отказа Шадурского в довольно резкой форме по делам, силой обстановки заслуживающим внимания, то я предупредил А. Н. Хвостова и просил его переговорить с Шадурским, думая, что Шадурский еще не понял взгляда Хвостова на эти дела, как человек, не служивший до того времени в министерстве внутренних дел и чересчур формально ставший на точку зрения нормы закона, не считаясь с условиями войны, о коих я выше говорил, тем более, что при знакомстве моем с Шадурским он произвел на меня впечатление добродушного человека.

Но когда Шадурский начал относиться с той же предвзятостью и к моим ходатайствам и, отказывая, даже не считал нужным, хотя бы посвятить меня в мотивы отказа или предварительно переговорить со мной по телефону, чтобы я мог обратиться к министру за резолюцией лично министра, то я как по телефону, так и в личной беседе у меня в кабинете, переговорил с Шадурским, быть может, в несколько резкой форме, определившей наши последующие взаимоотношения, и заявил Хвостову, что я с Шадурским отказываюсь вести дела и, предупредив Хвостова еще раз, чтобы он снова переговорил с Шадурским, просил кн. Волконского относиться благожелательно к тем просьбам о праве жительства, о коих я ему буду сообщать особыми письмами. К Шадурскому я больше с письмами по этому вопросу не обращался, и кн. Волконский до оставления мною службы в министерстве внутренних дел, а затем Путилов, до последнего времени всегда любезно без отказа удовлетворяли мои неоднократные по этому предмету просьбы. Впоследствии Клячко мне не раз вспоминал

и Шадурского и А. Н. Хвостова, в особенности во время ревизий в Москве по проверке прав жительства евреев.

Выбор Шадурского, а затем поручение А. Н. Хвостова выдать Замысловскому 25.000 р. для издания книги о деле Бейлиса, о чем уже я заявил комиссии, мне определили ясно точку зрения А. Н. Хвостова на еврейский вопрос. К разрешению общего еврейского вопроса А. Н. Хвостов не приступил.

6.

[Прием Белецкого царицею. Назначение кн. Жевахова. Питирим и Волжин. Отношения Распутина с Заиончковским. Признание А. Н. Хвостовым и Белецким необходимости более тесного сближения с Распутиным. Характеристика Распутина. Выдвигаемая А. Н. Хвостовым кандидатура гр. Татищева на пост министра финансов. Меры А. Н. Хвостова к сближению с Распутиным. Хвостов и Горемыкин. Дело электрического общества 1886 г. Семья Танеевых и ее отношение к Распутину. Дело о выселении кн. Андроникова из дома гр. Толстой. Выгоды, извлеченные из этого дела А. Н. Хвостовым и Белецким.]

Перехожу к дальнейшему изложению сведений первого времени после вступления моего в отправление должности товарища министра внутренних дел. В скорости после приезда Распутина, установления с ним и с А. А. Вырубовой некоторого сближения, состоялось посещение епископом Варнавой августейшей семьи, во время которого он передал свои впечатления, вынесенные им от знакомства с нами, и подчеркнул нашу (т.-е. мою и А. Н. Хвостова) преданность интересам царской семьи, наше благожелательное отношение к Распутину, нашу взаимную солидарность во взглядах и нашу дружескую связь между собою. Вслед за этим как епископ Варнава, так и кн. Андроников признали необходимость для меня, в моих же интересах, представиться государыне Александре Федоровне. Это отвечало и моим желаниям, так как я до того ни разу в личной особой аудиенции государынею принят не был, видел ее только на общих приемах, где был удостаиваем поклона и целования ее руки и, зная о том влиянии, которое она имеет на государя и о ее роли в решении вопросов государственной важности, хотел вынести свое непосредственное, хотя бы мимолетное впечатление. Но, вместе с тем, я слышал и знал из примера немилости государыни к А. А. Макарову, о чем я уже раньше показывал, что ее величество ничего не забывает и не легко поддается изменению своего отношения к тем, о которых она составила себе определенное не в их пользу мнение. Во время же моего директорства государыня, после передачи Макаровым упомянутых выше писем, заподозрила меня в перехвате одного письма из Сибири, о чем комиссия знает из переписки по этому

делу департамента. Кроме того государыне было известно мое в ту пору отношение к Распутину и моя близость к А. А. Макарову, одновременно с уходом которого, по его просьбе, от должности министра внутренних дел должно было по полученному им от государя на записке, без указания причин, повелению состояться и мое увольнение в отставку от должности директора департамента полиции с пенсией; об этом я узнал только впоследствии и то не от А. А. Макарова, как и о том, что А. А. Макаров испросил особую аудиенцию у государя, исходатайствовал у государя высочайшее изменение этого повеления. Когда я затем принес А. А. Макарову по этому поводу свою благодарность и просил его показать мне эту записку, то он мне ее показал, но, уклонившись от благодарности, перевел разговор на другую тему, так что истинных причин этого приказа я не знаю; думаю, что здесь было сцепление не только указанных выше обстоятельств, но и отражение происшедшего незадолго пред этим разрыва моего с кн. Мещерским, повлекшего за собой целый ряд направленных против меня статей в «Гражданине», а также личные и письменные, как я знаю, доклады его обо мне государю.

В виду всех этих обстоятельств я естественно боялся, чтобы этот прием, несмотря на все наладившиеся отношения с лицами, близкими к государыне, не носил характера простого официального представления, не выясняющего отношения высокой особы к представляющемуся. Поэтому, по совету кн. Андроникова и с ведома А. Н. Хвостова, я обратился к А. А. Вырубовой и высказал ей свои опасения в том, насколько милостиво будет встречено государыней мое ходатайство об аудиенции. Она приняла в этом деле живое участие, переговорила с государыней тут же по-английски по телефону и сказала мне, что государыня рада будет меня принять: кроме того записала себе на бумажке об этом для памяти, чтобы предварительно приема еще лично переговорить обо мне с государыней, и посоветовала о дне и часе представления спросить гр. Ростовцева (заведывающего делами государыни), которому будут даны указания от ее величества. Когда я на другой день высказал по телефону гр. Ростовцеву свою просьбу о желании представиться государыне, то через полчаса не более я получил от него благоприятный ответ и через день в установленной форме прибыл во дворец в Царское Село.

В приемной я встретился с кн. Жеваховым, который приехал доложить государыне по поводу оказанного ему государем и наследником в ставке милостивого приема за поднесенную им, с ведома государыни, икону Федоровской божьей матери, которая была освящена у гробницы св. Иосафа белгородского, куда ездил кн. Жевахов по повелению государыни. Кроме нас было еще несколько офицеров, прибывших с театра военных действий. В назначенный мне час я был введен скороходом в одну из личных

комнат государыни и удостоился особо милостивого приема. Пригласив меня сесть, государыня выразила свое удовольствие по поводу моего назначения и моей солидарности и дружественной связи с А. Н. Хвостовым, поблагодарила за сведения, сообщаемые А. А. Вырубовой, и подчеркнула, что в передаче переписок о Распутине она видит залог нашего дальнейшего благожелательного к нему отношения. В ответ на это я принес ее величеству искреннюю благодарность за то доверие, которое она проявила ко мне своим участием в деле моего назначения, затем заверил ее величество, что как во время моего управления департаментом, так и теперь были и будут мною приняты все меры к охране жизни Распутина и, коснувшись истории с письмом, о котором я раньше упомянул, постарался рассеять у нее сомнение о каком-нибудь моем в этом участии. Затем я доложил ее величеству о намеченном А. Н. Хвостовым и мною, в числе первейших к исполнению задач нашей программы, широком распространении среди народа изданий и картин, обрисовывающих царственные в период войны ее и его величества и августейших ее дочерей труды. К этому ее величество отнеслась с большим сочувствием, поручив представлять, предварительно посылки в цензуру, корректурные оттиски А. А. Вырубовой, что я потом и исполнял. Затем, когда я перешел к докладу о намеченном нами к открытию в фабричных районах ряде продовольственных лавок для рабочих, государыня отнеслась одобрительно к этому мероприятию, указала, что продовольственный вопрос и настроение рабочих сильно озабочивают государя, который возлагает в этом отношении особые надежды на А. Н. Хвостова и, наконец, находясь видимо, под впечатлением просьбы представлявшегося ей предо мною кн. Жевахова и зная мои отношения к Волжину, передала через меня Волжину свое пожелание об устройстве кн. Жевахова по ведомству св. синода согласно желанию князя. Прощаясь, государыня снова подчеркнула, что она довольна первыми нашими служебными шагами, и еще раз ответила приветливо на мой поклон. Разговор шел все время на русском языке, которым государыня владеет хорошо с редкими, сравнительно, заминаниями в длинных периодах и с слабо заметным иностранным акцентом в противоположность своей августейшей сестре Елизавете Федоровне, с которой я виделся зимою 1915 г. по делу иконы Казанской божьей матери.

Из этого приема государынею, длившегося около получаса, я вынес впечатление, что интересы Распутина очень близки ее величеству, что вопросы, выдвигаемые обстановкою времени, ее сильно захватывают, что А. А. Вырубова действительно ставит ее в курс всего того, что узнает от лиц, ее окружающих, и пользуется ее безграничным доверием и что государыня, если пожелает, может быть простой, доступной, любезной и благодарной тем, кто служит ее интересам. Заехав, затем, к А. А. Вырубовой, я поблагодарил

ее за проявленное ею участие в этом особо милостивом приеме и передал ей, что этот прием и внимание, мне государыней оказанное, меня тронули и расположили к ней. В этом я был искренен, и это доставило А. А. Вырубовой видимое удовольствие. То же впечатление я сообщил Распутину, еп. Варнаве и кн. Андроникову. Затем, отправился к Волжину и передал ему желание государыни, расспросил пред этим кн. Жевахова сейчас же после приема, чего собственно он домогается. Оказалось, что мечтою и целью всех исканий кн. Жевахова является получение должности товарища обер-прокурора св. синода и что назначение в эту должность Заиончковского расстроило все его планы.

Чтобы не возвращаться потом к кн. Жевахову и Заиончковскому, я скажу, что я о них знаю за этот и последующий периоды. Кн. Жевахов служил в канцелярии государственного совета, где и занимал штатную должность V класса. Весь свой досуг князь отдавал церковным делам, принимая деятельное участие в петроградских кружках, интересовавшихся церковными вопросами; во время каникул объезжал наши монастыри, знал выдающихся иерархов церкви, схимников и старцев эпохи последнего времени, принимал, по высочайшему повелению, живейшее участие в построении в Италии, на месте нахождения гроба св. Николая, православного храма и впоследствии, как один из ближайших потомков св. Иосафа белгородского, играл видную роль в деле открытия мощей этого угодника божьего. Здесь кн. Жевахов сблизился с епископом Питиримом, впоследствии петроградским митрополитом, а в ту пору епархиальным курским архиереем. По последним двум делам князь имел непосредственные доклады у государя и приемы у государыни, представлял им свои издания по этому предмету и, зная любовь государя к русской старинной живописи, преподносил его величеству те иконы старинного письма, которые ему приходилось находить при своих объездах монастырей. Таким образом, князь мало-по-малу связал у августейшей семьи с своим именем представление не только как о человеке, близком к духовной сфере жизни их величеств, но и как лице, могущем, по своей преданности церкви, оказать большие услуги делу православия. Но скромное служебное положение и молодость лишали кн. Жевахова надежды получить сразу руководящую роль по обер-прокурорскому синодальному надзору. Затем, князь хорошо знал, что государь, в особенности в первый период назначения, никогда не стеснял министров в выборе их ближайших сотрудников, а указывал им иногда на те сведения, которые у него имелись о представляемом министром лице, проявляя свою самостоятельность только в исключительных случаях, как, напр., в отношении Доманского, под влиянием причин, мною уже отмеченных. Вот на эти-то исключительные влияния кн. Жевахов и рассчитывал.

В ту пору, когда состоялось назначение Волжина, кн. Жевахов не был в курсе всей обстановки времени и влияний и даже, кажется, был в отсутствии (но я этого твердо не помню). Волжин же при содействии А. Н. Хвостова, при одном из первых своих докладов, выставил на должность товарища обер-прокурора кандидатуру члена совета Заиончковского, которого государь знал и по службе в министерстве народного просвещения и со слов покойного кн. Мещерского, а государыня и А. А. Вырубова по аттестации одной из близких к государыне, живущих во дворце и принимающих участие в ежедневном обиходе жизни двора — придворной дамы, если не ошибаюсь, госпожи Бюцовой, хорошей знакомой Заиончковского, жившего до назначения в Царском Селе. Волжин, зная ревизионный опыт Заиончковского по служебным командировкам последнего по губернаторским ревизиям, оттенил пред государем эту сторону, имея в виду возложить на Заиончковского наблюдение в синоде по бракоразводным делам и хозяйственно - финансовым операциям св. синода, а также и ревизионные объезды консистории. Назначение Заиончковского состоялось, и поэтому, кн. Жевахов желал добиться учреждения, в порядке верховного управления, второй должности товарища обер-прокурора св. синода, о чем предположения уже были в синоде и о чем писал и проводил через Распутина и А. А. Вырубову находившийся в ту пору в отставке тайный советник В. М. Скворцов, имевший в виду получить тем же путем ту же должность. В виду приближения срока открытия заседаний Государственной Думы, Волжин не решился пойти на этот шаг, в чем и я поддержал его решение, так как это сразу бы испортило отношение к нему со стороны Государственной Думы. Тогда кн. Жевахов, которому я эти соображения передал, просил о назначении его чиновником особых поручений IV класса, с назначением ему равного с товарищем обер-прокурора оклада из сумм, не подлежащих обсуждению Думы в сметном порядке. К этому кн. Жевахов высказал свое пожелание, чтобы на него был возложен объезд епархий для ознакомления с действительностью епархиальных архиереев и монастырей. Волжин на это согласился, и через А. А. Вырубову об этом было доложено государыне, но затем этот вопрос по разного рода причинам, а, главным образом, из боязни думских выступлений, Волжин затянул, но и не брал обратно своего обещания.

Тогда, чтобы выйти из создавшегося положения, могущего повредить Волжину во мнении о нем государыни, и так как кн. Жевахов мне постоянно о своем назначении напоминал, я мог снова обратиться к высокой его покровительнице. Переговорив с кн. Жеваховым, я доложил А. Н. Хвостову, который был в курсе всего этого вопроса, о предоставлении кн. Жевахову должности, сверх штата, IV класса по министерству внутренних

дел, с оставлением его по государственной канцелярии, на что, по просьбе кн. Жевахова, согласился государственный секретарь Крыжановский, знавший об особом внимании, оказываемом кн. Жевахову. Хотя это назначение материально кн. Жевахову ничего не давало, но оно предоставляло ему IV класс естественным и не останавливающим на себе особого внимания переходом его на тот же класс чиновника особых поручений в св. синод. Поэтому, князь решил ждать этого последнего назначения до окончания предстоящей сессии Государственной Думы.

Так как Жевахов имел несколько своих работ по церковным вопросам, то мы его устроили членом совета по делам печати, сверх штата, с тем, что он будет помогать цензурному комитету в просмотре сочинений по вопросам церковной жизни. Об этом, как переходном назначении, вызванном исключительными обстоятельствами предстоящих работ Государственной Думы по бюджету, было также мною сообщено А. А. Вырубовой для доклада государыне. Назначение князя успокоило и Распутина, который знал о пожелании князя, относился к нему хорошо и в его прохождении в св. синод видел возможность иметь там своего человека, так как от знакомства не только с Волжиным, но и с Заиончковским, по просьбе последнего, мы всемерно старались удержать Распутина. Назначение кн. Жевахова в синод на пост второго товарища обер-прокурора, с созданием этой должности в порядке управления, состоялось не при мне; но, чтобы яснее были поняты причины и влияния, которые заставили, несмотря на обстановку того времени, провести эту меру вне обычного прохождения законопроекта через Государственную Думу, надо остановиться на одном эпизоде, случившемся незадолго до моего ухода.

Владыка митрополит Питирим, придавая большое значение своему, как это я раньше сказал, отношению к вопросу о приходской реформе, расходясь в этом отношении со взглядом большинства синода и обер-прокурора Волжина, не только отстаивал свою точку зрения в заседаниях ведомственных, но и выступил в «Новом Времени» со статьей по этому предмету. Статья эта вызвала в синодских кругах смущение среди многих иерархов, о чем Волжин и не преминул доложить государю, чтобы внести этим успокоение в среду членов синода, а о взгляде государя на выступление в печати должностных лиц я уже говорил. Государь к этому выступлению митрополита Питирима отнесся отрицательно и поручил об этом передать владыке. Об этом никому из нас не было известно, не знала и А. А. Вырубова и государыня. Волжин, по приезде, как мне потом говорил Заиончковский, с которым у меня были всегда хорошие отношения, желая иметь свидетеля своего объяснения с владыкой, пригласил Заиончковского и, попросив к себе в кабинет владыку митрополита, передал ему это высочай-

шее повеление, как мне передавал об этом эпизоде сам владыка, в форме выговора.

По словам владыки вся обстановка разговора и сознание носимого им, владыкою, высокого духовного сана, с коим Волжин не пожелал считаться, произвели на него, митрополита, сильное впечатление. Из полученных затем владыкой сведений из дворца оказалось, что Волжин превысил данные ему полномочия, так как ему было дано поручение лишь посоветовать владыке в будущем помещать свои статьи по вопросам церковной жизни в специальных духовных журналах, а не в периодической общей прессе, причем государь, давая эти указания Волжину, вполне был уверен, что Волжин, считаясь с положением владыки в духовной иерархии, сделает это в форме личного ему совета, не посвящая в это дело своего товарища. Так или иначе, но факт совершился. Синод успокоился, но, конечно, отношения владыки митрополита к Волжину и Заиончковскому с этого момента определились ясно. Распутин был сильно этим задет, принял сторону владыки и начал, уже не стесняясь говорить о необходимости иметь в синоде своих людей. В силу этого кн. Жевахов получил вторую должность товарища обер-прокурора св. синода.

Заиончковскому, с течением времени, удалось наладить свои отношения с владыкой настолько, что, пред моим отъездом на Кавказ и поездкой Волжина на открытие мощей св. Иоанна тобольского, в числе других кандидатур была выставлена и кандидатура Заиончковского, и Распутин виделся с ним в покоях владыки митрополита. После этого свидания Распутин не только стал поддерживать его кандидатуру, но способствовал уже осенью уходу Заиончковского, стремясь провести на эту должность давнишнего своего кандидата, т. е. Скворцова, которого знала и ценила Вырубова, но в сферах, благодаря личным докладам кн. Жевахова, последний имел преимущество. Кроме того Распутин был недоволен на Заиончковского за удаление из синода Мудролюбова и намерение предать суду заведывавшего хозяйственной частью синода Оссецкого, старого сослуживца и хорошего знакомого Скворцова (история Оссецкого в свое время достаточно была освещена, со слов Заиончковского, на странице «Вечернего Времени»). Мудролюбов был очень близок к владыке митрополиту, находился в дружеских отношениях с Распутиным, и его отличала своим постоянным вниманием А. А. Вырубова; поэтому, по просьбе этих лиц, Мудролюбов был нами устроен в департаменте духовных дел иностранных исповеданий на хороший оклад и класс должности. После ухода из министерства иностранных дел я с кн. Жеваховым не виделся и только обменялся с ним письмами по случаю его назначения и разговором по телефону по делу о церковном сборе в пользу одного благотворительного, для жертв войны, комитета, но был свидетелем, вместе с В. М. Скворцовым,

при свидании с Распутиным в одном частном доме, незадолго до смерти Распутина, разговора последнего по телефону с кн. Жеваховым, дающим некоторую обрисовку личности Распутина. В это время отношение Распутина к кружку графини Игнатьевой и к ней самой было не только отрицательное, но Распутин не мог слышать имени гр. Игнатьевой и даже Скворцову, многим обязанному семье гр. Игнатьевой, при мне ставил в вину то, что Скворцов там бывает, что Скворцов не скрывал от него и А. А. Вырубовой. До конца жизни Распутина кн. Жевахов, и по назначении на должность товарища обер-прокурора, продолжал бывать у гр. Игнатьевой, к кружку которой и владыка митрополит почему-то относился с некоторой осторожностью. Со слов Распутина и Скворцова я понял, что, видимо, кн. Жевахову, при его назначении, Распутин и владыка указали, чтобы он прекратил свои посещения гр. Игнатьевой. Между тем кн. Жевахов, приехал однажды в лавру вместе с гр. Игнатьевой, оставил гр. Игнатьеву на некоторое время и зашел визитом к владыке. Об этом Распутин узнал, и при нас, соединившись по телефону с кн. Жеваховым, в такой, я бы сказал, непозволительно резкой форме сделал ему по этому поводу замечание, что я и Скворцов даже ему на это указали; но Распутин ответил: «А зачем он так делает?» Меня этот эпизод настолько заинтересовал, что я при следующем свидании с Распутиным спросил его о последствиях этого телефонного разговора. Распутин сказал, что кн. Жевахов на него жаловался А. А. Вырубовой, но что они теперь помирились. Что касается В. М. Скворцова, то он так и не получил назначения в синодальный прокурорский надзор, так как при Раеве предполагался запрос в Государственной Думе по поводу второй должности товарища обер-прокурора святейшего синода. Поэтому и под влиянием приведенных мною выше причин отношений Распутина к Заиончковскому последний был устроен в сенат, вторая должность товарища обер-прокурора св. синода была упразднена, и кн. Жевахов получил уже штатное закрепление занимавшегося им до переворота поста.

Перехожу к дальнейшему ходу событий этого времени. Провал нашего плана об удалении Распутина из Петрограда, о котором я раньше говорил, выясняющийся для нас с каждым днем рост значения Распутина и особенности его характера, а также некоторое охлаждение к кн. Андроникову из-за проявленной им страстности в вопросе о должностных переменах по ведомству, вселившее у А. Н. Хвостова боязнь закулисных влияний кн. Андроникова вне наших планов и намерений, заставили нас обратить особое внимание на необходимость закрепления более тесных связей с Распутиным и затем постепенного, незаметного для кн. Андроникова подрыва доверия к нему со стороны А. А. Вырубовой. Хотя в тайном замысле нашей группы удалить из Петрограда

Распутина на продолжительное время последний подозревал не столько нас, сколько епископа Варнаву, к которому, со времени проявления к владыке знаков внимания в этот период во дворце, Распутин начал относиться подозрительно, но, тем не менее, разрыв его отношений с епископом Варнавой не отвечал нашим планам. В усилении во дворце доверия и внимания к владыке мы именно видели в ту пору, не понимая еще роли во дворце Распутина, возможность в будущем подрыва влияния Распутина в высоких сферах и, поэтому, старались всячески сгладить выливавшееся тогда в несколько резких формах чувство раздражения Распутина к владыке, не говоря уже об отношениях Распутина к архимандриту Августину, так как с ним Распутин был непозволительно невежлив. Будучи свидетелем всего этого, я увидел еще одну черту в характере Распутина, которая затем подтвердилась в дальнейших моих наблюдениях, о чем я подробнее скажу в будущем, это — чувство какой-то болезненной чуткости в проявлении знаков внимания к нему со стороны того общества, в среде которого он находился, желание его быть все время центром общего к нему одному интереса. Поэтому, когда Распутин замечал, при наших обычных встречах у кн. Андроникова, знаки моего и А. Н. Хвостова уважения к епископу Варнаве и к его взглядам на некоторые вопросы, он старался чем-либо уязвить владыку и ударить его по самолюбию. О нашей материальной поддержке, оказанной в эту пору владыке, он знал и, не без соответствующего, я думаю, освещения со стороны игумена Мартемиана, придавал ей несколько иное значение, потому что ему, более чем кому-либо другому, было известно, что владыка вышел из бедной крестьянской среды, имел много родственников, которых поддерживал из своего небольшого жалования и образ жизни вел монашеский. Отношение Распутина к владыке и внесенный в связи с планом о его выезде из Петрограда элемент раздражительности и подозрительности Распутина нарушали, как я уже показал ранее, все наши предположения.

С тем обстоятельством, что Распутин остается и надолго в Петрограде, приходилось считаться, как с фактом определившимся. Между тем, кроме общих причин, на кои я уже указал, вызвавших приказание А. Н. Хвостова, не жалея средств, по возможности ослабить толки, связанные с именем Распутина, А. Н. Хвостову, по ходу его личных планов, Распутин был нужен для соответствующего воздействия на А. А. Вырубову и высшие сферы. В это время А. Н. Хвостов обнаружил уже мне свои личные желания и кроме того задумал, и меня в это посвятил, провести в министры финансов графа В. С. Татищева, который хотя и мало был знаком с А. Н. Хвостовым, но находился с ним в свойстве, вследствие женитьбы двоюродного брата А. Н. Хвостова, И. Хвостова, на его, гр. Татищева, дочери.

*

В виду всех этих соображений нами были приложены все усилия к расположению к себе Распутина, начиная с обеления его образа жизни в глазах А. А. Вырубовой, с неукоснительного исполнения всех личных просьб его, передаваемых им прошений и ходатайств, преимущественно о пособиях, изложенных в письмах, присылаемых им мне с просительницами и кончая разновременными выдачами ему, помимо 1.500 руб. в месяц на его жизнь, денежных сумм, под видом ассигновок на его расходы по оказанию благотворительной помощи нуждающимся, дабы избавить его от необходимости прибегать с этими просьбами к посторонним лицам. Все это вместе взятое, в связи с передачей А. А. Вырубовой переписок о Распутине и брошюры о Джунковском, а также и с тем обстоятельством, что и государыня передала Распутину о наших хороших о нем отзывах, сблизило нас окончательно с Распутиным и дало возможность А. Н. Хвостову обратиться к Распутину с просьбой и за себя и о проведении гр. Татищева.

Когда А. Н. Хвостов заговорил со мною о необходимости смены П. Л. Барка, то высказал, что в широко задуманных им государственных планах, направленных к успокоению страны и к успешному проведению предстоящей избирательной кампании, ему необходимо в лице министра финансов иметь человека обязанного ему своим назначением, который не стеснял бы его в отпусках денежных ассигнований на департамент полиции, на прессу, в связи с данными им для разработки Гурлянду и Бафталовскому указаниями, и на предстоящую избирательную в Государственную Думу кампанию.

Затем А. Н. Хвостов перевел разговор на безучастное отношение к этим вопросам Горемыкина, а в особенности к вопросу о выборах в Государственную Думу, о коих он, по его словам, уже докладывал государю; при этом Хвостов сказал мне, что Горемыкин с первых же шагов его, А. Н. Хвостова, несмотря на его желания и обращения кн. Андроникова установить благожелательные отношения между Горемыкиным и им, Хвостовым, стал к нему в оппозицию, все время старается найти в его начинаниях по ведомству те или иные промахи, чтобы подорвать к нему доверие государя и провести на должность министра внутренних дел государственного секретаря С. Е. Крыжановского, кандидатуру которого после ухода кн. Щербатова Горемыкин уже выдвигал. Вместе с тем, А. Н. Хвостов собщил мне, что общее настроение совета министров и отношение Государственной Думы к Горемыкину таково, что уход его только внесет успокоение и, оттеняя начинающие налаживаться у него, Хвостова, с М. В. Родзянко и другими членами Государственной Думы хорошие отношения, находил, что силою вещей, при устанавливающемся к нему постепенно доверии государя и благосклонном внимании государыни, при поддержке, умело проведенной через Распутина и А. А. Вырубову, его

кандидатура на этот пост сама собой выдвигается и что, дорожа моим сотрудничеством и добрыми установившимися отношениями, он мне гарантирует проведение меня в члены государственного совета с оставлением в должности товарища министра. Это вполне меня устраивало, и так как я в ту пору находился под обаянием А. Н. Хвостова, то, обещая ему всемерно помогать в этих его начинаниях, я указал ему на кн. Андроникова, с которым надо было считаться, так как если князь об этом узнает, то он направит все свои усилия к тому, чтобы не только мешать осуществлению этого предположения, но, видя в этом нарушение первоначального контакта с ним, по коему мы должны были итти рука об руку с Горемыкиным, и находясь к тому же с Горемыкиным в более старых и тесных сношениях, чем с нами, поведет кампанию против нас.

Хвостов сказал мне тогда, что на кн. Андроникова и Горемыкина у него есть узда, так из полученных им лично в Москве сведений он вынес впечатление, что явно неблагоприятное отношение Горемыкина к неоднократным настойчивым просьбам московской городской думы о передаче городскому общественному управлению общества электрической энергии 1886 года объясняется далеко небескорыстными комиссионными услугами, оказанными обществу со стороны кн. Андроникова. При этом Хвостов просил меня проверить это личными впечатлениями путем сообщения как князю, так и Горемыкину, при ближайшем моем докладе по департаменту полиции, о поступившей просьбе к нему, Хвостову, по этому делу в Москве со стороны представителей города и о его желании этот вопрос широко осветить в совете министров в благоприятном, в отношении налаживаний хороших связей с Москвой, для этого города смысле. А затем Хвостов добавил, что нам, как в лично наших интересах, так и с точки зрения Царского Села, следует отдалить кн. Андроникова и от А. А. Вырубовой и, в особенности, от Распутина, действуя в этом направлении умело; из примера Драгомирецкого он и сам убедился, насколько с князем надо считаться; что наши частые посещения квартиры кн. Андроникова известны уже гр. П. Н. Игнатьеву, которой об этом везде говорит.

Чтобы не отвлекаться от темы, я вернусь к делу об обществе 1886 г. и затем перейду к кн. Андроникову. Дело это мне мало известно и, поэтому, в существо его я не буду входить, так как оно проходило до моего вступления в должность. Когда я, при первом свидании с кн. Андрониковым, сказал ему о полученной А. Н. Хвостовым в Москве просьбе городского общественного управления о передаче в пользование последнего всех предприятий общества и о том, что А. Н. Хвостов предполагает своим заступничеством за московские городские интересы показать не только ведомственную политику отношения его к интересам горо-

дов, но и наглядно оттенить этим его первые начинания в государственном вопросе борьбы с немецким засилием, то кн. Андроников растерялся, начал объяснять, что это не немецкое, а швейцарское предприятие, показал мне брошюры, в этом направлении изданные, сказал, что если А. Н. Хвостов начнет снова подымать этот вопрос в совете министров, то Горемыкин ни за что этого не допустит, так как Горемыкин составил об этом деле себе иное представление и, прося моего воздействия на А. Н. Хвостова, заявил, что если А. Н. Хвостов хочет с ним окончательно разойтись, то пусть попробует итти в этом деле против Горемыкина, но, он, князь, думает, что А. Н. Хвостов настолько умный человек, что учтет все обстоятельства и не станет ссориться с ним, князем, и Горемыкиным, на что он, кн. Андроников, и сам ему, Хвостову, укажет. Затем я, будучи у Горемыкина, через день, в той же форме, что и кн. Андроникову, передал Горемыкину о существе намерений А. Н. Хвостова в деле Общества 1886 г. и тоже увидел, что, при всей выдержанности этого человека, производившей на многих, мало его знающих, впечатление полного безразличия к делам государственного порядка, Горемыкин проявил нервную восприимчивость к этому моему докладу: Горемыкин, показав мне журнал совета министров, в установленном порядке прошений по этому делу, заявил, что он не позволит вновь обсуждать этот вопрос и что, в случае выступления А. Н. Хвостова в совете по поводу пересмотра этого дела, он должен будет обратиться к государю.

Когда я передал А. Н. Хвостову свои вынесенные из этих двух разговоров впечатления и угрозы и просьбы кн. Андроникова, то добавил, что, судя по всему, действительно ему, А. Н. Хвостову, придется считаться с последствиями своего выступления в совете по этому делу; когда же затем я сказал кн. Андроникову, что я передал А. Н. Хвостову наш разговор, то князь, поблагодарив меня, сказал, что он уже сам в тот же день, когда я с ним говорил по этому вопросу, за что он мне признателен, видя в этом знак дружеской услуги, был у А. Н. Хвостова и думает, что А. Н. Хвостов не будет по этому вопросу выступать в совете. А. Н. Хвостов не выступил, насколько помню, по этому обществу в совете, ибо мне кн. Андроников ничего потом не говорил про это дело, но я теперь думаю, что Хвостов, где нужно, в свою пору, в дальнейшей борьбе с Горемыкиным из-за влияний на государя, подготовляя себе председательское кресло в совете министров, использовал все-таки это дело.

Возвращаюсь к нашим отношениям к кн. Андроникову того периода. Действительно, как я уже об этом говорил, толки о влиянии кн. Андроникова на нас в это время усилились. Кроме перечисленных ранее причин, заставивших меня выступить против кн. Андроникова, присоединилась еще одна. Семья

Танеевых — А. С. Танеев и его жена — с первого моего знакомства с ними отнеслась ко мне приветливо, благодаря отзывам А. А. Вырубовой, их дочери. Затем, когда по желанию А. Н. Хвостова и по моим к нему ходатайствам за некоторых, очень немногих, правда, лиц, по делам назначений в совет министра, в члены совета по делам губернаторов и вице - губернаторов и явилась необходимость в некоторых случаях ускорить эти назначения, то А. Н. Хвостов все переговоры по этим делам с Танеевым поручал вести мне, что дало возможность А. С. Танееву получить и личное обо мне впечатление и доверчиво познакомить меня с отношением его и его супруги к близости Распутина к их дочери А. А. Вырубовой. Если А. С. Танеев, по свойственной ему широкой доброте и мягкосердечию, из-за любви к дочери, видел в образе жизни Распутина проявление человеческой слабости, то его жена не находила никаких оправданий поведению Распутина, тем более, что последний, не стесняясь, подчеркивал свое влияние на А. А. Вырубову и тем ставил всю семью Танеевых в тяжелое положение. Ни А. С. Танеев, ни его жена в святость Распутина не верили, но все их усилия поколебать у А. А. Вырубовой доверие к Распутину были безуспешны. Об этой разнице отношений отца и матери к Распутину А. А. Вырубова мне сама передавала, знал ее и Распутин и боялся матери А. А. Вырубовой единственно из-за ее разоблачений перед А. А. Вырубовой связанных с его именем скандалов. К семье своей А. А. Вырубова была привязана: горячо любила своего брата, сестру и, не имея своих детей, проявляла особую нежность к детям своей сестры, к которой всегда заезжала, когда бывала в Петрограде. Распутин знал эту черту души А. А. Вырубовой, и когда я раз завел с ним разговор об этом отношении А. А. Вырубовой к семье, то он, чтобы показать мне силу своего влияния на А. А. Вырубову, ответил, что для него она всех оставит и сделает все, что он ей скажет.

Не имея средств борьбы с этим влиянием Распутина на А. А. Вырубову, старики Танеевы просили меня принять все меры к непроявлению публичности скандальной жизни Распутина, что отвечало и нашим желаниям, а затем, когда в Петрограде заговорили о частых посещениях А. А. Вырубовой кн. Андрониковым и Танеевы собрали о нем некоторые сведения, то это их сильно встревожило. Поэтому, воспользовавшись одним из моих деловых приездов, А. С. Танеев, после моего доклада, пригласил жену и спросил меня, насколько полученные ими данные о кн. Андроникове отвечают действительности; когда я им их подтвердил, они попросили меня отдалить кн. Андроникова от Распутина и помочь им в этом отношении воздействовать на А. А. Вырубову. Я ответил, что к этому и мы тоже стремимся и все, что возможно в этом отношении, постараемся сделать. Что же касается далее вопроса о семье Танеевых, я должен сказать, что

их доброжелательные, повидимому, отношения ко мне сохранились до последнего времени, так как, по оставлении мною должности, я, по их просьбе, был у них два раза. Первый раз — когда Пуришкевич, как в Государственной Думе, так и в Петрограде широко распространил фотографические снимки кружка Распутина, где в числе других лиц снята и А. А. Вырубова, и это сильно взволновало Танеевых; тогда мне удалось достать одно из нескольких клише этого снимка и им передать; а во второй раз — после убийства Распутина, когда по городу ходил проскрипционный список лиц, близких к Распутину, в котором в числе первых была помещена А. А. Вырубова и в котором, кажется, фигурировала и моя фамилия, так как на одном из последних заседаний совета Михаила архангела Пуришкевич говорил, что меня надо повесить за близость к Распутину (так мне передал один из членов совета, бывший на этом заседании, Кушнырь-Кушнарев). Танеевы были этим обеспокоены и хотели было упросить А. А. Вырубову оставить двор и поселиться в их родовом имении; но и Танеевы и я пришли к тому выводу, что А. А. Вырубова многими нитями тесно связана с Царским Селом, где даже похоронен был Распутин, что она оттуда не выедет, а что для безопасности ее ей лучше переселиться из своей квартиры во дворец, так как мы все понимали, что она сама государыни не оставит.

В деле отдаления кн. Андроникова и от А. А. Вырубовой и от Распутина обстановка сложившихся к тому времени событий нам вначале их благоприятствовала, так как кн. Андроников использовал в эту пору одно событие из своей жизни, возбудившее к нему сочувствие даже со стороны А. А. Вырубовой и которое заключалось в следующем. Кн. Андроников не придавал никакого значения просрочке своего арендного контракта на занимаемую им в то время квартиру в большом доме, выходящем на Фонтанку и Троицкую, принадлежавшем графине Толстой, которая, узнав от своей домовой администрации об обстановке жизни кн. Андроникова, не захотела продолжать контракт и предъявила требование к кн. Андроникову об оставлении им занимаемого помещения. Сначала кн. Андроников не придавал этому никакого значения, но затем, когда получил от домовой администрации официальное заявление очистить квартиру с угрозой в противном случае обратиться к суду, то встревожился и поднял шум около этого дела; при этом князь представил это дело Воейкову, Горемыкину, А. А. Вырубовой, Распутину и епископу Варнаве (а впоследствии в этом и сам себя уверил), и о нем в таких тонах везде уже рассказывал в том освещении, что графиня Толстая мстит ему за то, что он в своей квартире давал пребывание епископу Варнаве, скрывал его от розыска св. синода и приглашал к себе Распутина. Как Распутин, так и Вырубова отнеслись сочувственно к князю, и потому князь поставил вопрос

о своей квартире в рамки боевых отношений к гр. Толстой. Чтобы доказать ей, насколько сильны его влиятельные связи, князь предъявил нам, т.-е. А. Н. Хвостову и мне, требование оказать ему поддержку, указывая на то, что если в данном деле, которое он считает вопросом своей чести, мы не поддержим его при нашем высоком положении, когда в нашем распоряжении находятся органы местной администрации, то он будет видеть в этом только нашу неискренность к нему и наше нежелание ответить ему тем чувством душевного к нему расположения, с коим он способствовал нашему назначению и все время служил нашим интересам.

Напрасно мы указывали князю на закон, предлагали услуги к приисканию ему квартиры, он в этом направлении воздействовал на Распутина, владыку Варнаву и А. А. Вырубову в понимании нашего отношения к его делу. Пришлось прибегнуть к градоначальнику, и я, по просьбе А. Н. Хвостова, переговорил с кн. Оболенским, прося его принять кн. Андроникова, который хотел, пользуясь этим случаем, возобновить знакомство с кн. Оболенским, и, по мере возможного своего влияния, помочь тому, чтобы домовая администрация взяла обратно свое исковое требование и продлила с кн. Андрониковым контракт; при этом и я, и кн. Оболенский, понимая всю щекотливость создавшегося положения, решили, что действия участковой полиции должны быть крайне осторожны и выражаться только в просьбах, без каких-либо с ее стороны давлений. Но и гр. Толстая, когда услышала похвальбу князя, что ей не удастся ничего с ним сделать, ни на какие просьбы не только полиции, но и личные уговоры кн. Оболенского не пошла, о чем кн. Оболенский сообщил мне и, кажется, также и Хвостову. В это же время, зная влияние на кн. Андроникова полк. Балашова, нам, при его посредстве, удалось убедить князя не обострять дела, а найти подходящую квартиру и переехать в нее. Но князь ограничил свои желания определенным районом и хотя подходящая квартира и нашлась, но она должна была быть свободной только с весны; поэтому кн. Андроников и решил до весны во что бы то ни стало остаться в своем помещении и снова стал настойчиво требовать нашей поддержки. Тогда мы начали обсуждать с А. Н. Хвостовым, какой бы найти выход из создавшегося для нас крайне затруднительного положения, чтобы с одной стороны оказать услугу кн. Андроникову и тем усыпить начавшееся зарождаться в нем чувство недоверия к нам, а с другой — явным пристрастием своим к интересам князя не подчеркнуть своей особой к нему близости и степени его влияния на нас, тем более, что о деле князя, вследствие проявленной им к нему в эту минуту нервности, уже начались разговоры не только в среде лиц, с которыми князь поддерживал отношения, но и в более широких кругах петроградского

общества. Но ни у А. Н. Хвостова, ни у меня не являлось мысли прибегнуть к воздействию на суд, пользуясь близостью родства А. Н. Хвостова к министру юстиции, о чем просил князь А. Н. Хвостова и обращался даже к Горемыкину, находившемуся в самых тесных отношениях с А. А. Хвостовым [1]), так как это, по изложенным выше мотивам, не входило в нашу задачу, и кроме того мы оба хорошо знали отрицательное отношение А. А. Хвостова к кн. Андроникову.

В это время, под влиянием военных событий, Петроград был переполнен беженцами из Царства Польского и Северо-Западного края, и чувствовался сильный недостаток в квартирах, цены на них были значительно подняты, и домовладельцы изредка как об этом уже поступали жалобы военной и гражданской администрации столицы, старались использовать забывчивость или незначительное нарушение квартирантами арендных договорных условий по найму квартир в интересах повышения цен на квартиры, и это чувствительно отражалось на малоимущественном населении Петрограда. В виду этого я предложил А. Н. Хвостову поднять общий вопрос об урегулировании, путем издания обязательного постановления от высшего военного начальства, как вопроса о ценах на квартиры, считаясь с естественными, под влиянием условий дороговизны, причинами, вызывающими необходимость вздорожания квартир, но не спекулятивными интересами домовладельцев, так и о продлении на время войны срока арендных договоров на помещения. Таким путем, в силу этого постановления, эта мера предоставляла кн. Андроникову, как и каждому квартиранту столицы, на время войны спокойное обеспечение своей квартирной нужды. Получив полное одобрение А. Н. Хвостова, я поручил и. д. директору деп. пол. Кафафову переговорить по этому общему вопросу с полк. Перцовым и, по одобрении кн. Тумановым этой меры, была составлена, под председательством начальника главного управления по делам местного хозяйства Н. Н. Анциферова, с которым кн. Андроников был в хороших отношениях, комиссия с представителем от военного округа и с участием представителя департамента полиции, градоначальства и городского управления. Работы комиссии, вследствие моих указаний и просьбы кн. Андроникова к Анциферову, шли ускоренным темпом и, по одобрении проекта обязательного постановления А. Н. Хвостовым и мною, последнее было опубликовано к исполнению, и мы все, в том числе и кн. Андроников, успокоились.

Но это было преждевременно, так как, несмотря на этот обязательный приказ, участковый мировой судья не только при-

---

[1]) А. А. Хвостов, в свою пору, был директором канцелярии, в бытность Горемыкина министром внутренних дел, и которого Горемыкин пригласил в состав своего кабинета.

ступил к рассмотрению искового прошения гр. Толстой по делу о выселении кн. Андроникова из занимаемого в доме Толстой помещения, но и постановил определение об удовлетворении этой ее просьбы в силу того, что в обязательном постановлении не было указано о приостановлении на время действий этого приказа в силу соответствующих статей закона. Действительно, это было уязвимое место этого обязательного постановления, так как этим постановлением затрагивалась сфера гражданских взаимоотношений, не могущих служить по неоднократным решениям сената предметом обязательных постановлений, на что и обращали мое внимание (докладывал ли Анциферов А. Н. Хвостову — не помню, но я говорил А. Н. Хвостову) как Анциферов, так и Кафафов, что смущало тоже и представителя военного округа; но я держался той точке зрения, что эти разъяснения сената относятся к определению прав администрации по изданию обязательных постановлений на основании усиленной и чрезвычайной охраны, а в данном случае шла речь об обязательном постановлении, издаваемом не только на основании военного положения, а в виду положения Петрограда в более исключительных условиях — нахождения на территории военных действий — и находил подтверждение своего мнения в особом журнале, высочайше утвержденном, комитета министров при гр. Витте. Вопрос это действительно спорный, и, во избежание затяжки рассмотрения его в сенате, после моего ухода и ликвидации дела кн. Андроникова, военное начальство как в интересах семей призванных на войну, так и в общих целях, провело эту меру в форме закона в связи с обстоятельствами военного времени.

После решения судьи, просьба и приставания кн. Андроникова к нам стали еще настойчивее, но мы посоветовали князю обжаловать это решение в съезде, внести причитающуюся за квартиру плату нотариусу для передачи гр. Толстой и взять, для поддержания его интересов в съезде поверенного, а также снабдили князя некоторыми справками из закона указанных сенатским и комитета министров разъяснений в дополнение к справочному материалу, полученному им непосредственно от Анциферова; а затем, когда кн. Андроников, веря во всемогущество градоначальника, настойчиво пристал к А. Н. Хвостову с просьбой все-таки воздействовать на домовую администрацию и А. Н. Хвостов поручил в этом духе написать письмо градоначальнику, то я, переговорив с Кафафовым, которого я до сего посвятил в необходимость нашей поддержки Андрониковым, не указывая тому причины, ограничился, хотя Кафафов был и против этого, сообщением кн. Оболенскому ничем его не обязывающего разъяснения обязательного постановления в связи с делом кн. Андроникова, показав А. Н. Хвостову предварительно и убедив его дальше этого в исполнение просьбы кн. Андроникова не итти, а последнему показать

для успокоения копию этого письма, с чем А. Н. Хвостов и согласился. Это разъяснение кн. Андроникова успокоило, но градоначальник, получив его, не мог понять, какую цель мы преследовали этим письмом, и, переговорив со мной по телефону, по соглашению со мной, никаких указаний полиции не дал, и дело получило свое естественное течение.

Проявленная нами сравнительная осторожность в этом деле показала нам, и в особенности А. Н. Хвостову, менее знавшему кн. Андроникова, насколько общественное мнение относилось с предубеждением к деятельности и личности последнего, так как в скорости после этого А. Н. Хвостов получил от члена государственного совета кн. Васильчикова, родственника гр. Толстой, письмо, написанное в очень определенной форме, задевшей А. Н. Хвостова, по поводу роли местной администрации в деле кн. Андроникова. Письмо это явилось последствием того, что кн. Андроников, не зная о моих переговорах с градоначальником, придал нашему последнему письму к кн. Оболенскому решающее значение и, по свойственной ему черте подчеркивания своих влияний и запугивая таковыми, указал кому-то из домовой администрации, что несмотря на все меры, принятые гр. Толстой, он все-таки останется в своей квартире, так как его друг, А. Н. Хвостов, отдал уже соответствующие распоряжения градоначальнику.

Письмо кн. Васильчикова сильно встревожило А. Н. Хвостова, так как кн. Васильчиков передал об этом деле кому-то из членов Государственной Думы, о чем уже А. Н. Хвостов получил сведения. Когда я рассказал Хвостову о моем соглашении с кн. Оболенским, то он успокоился и поблагодарил меня и, обсудив со мной, в какой редакции написать ответ кн. Васильчикову, послал ему краткий ответ в соответствии с тоном письма кн. Васильчикова. Хвостов в своем ответе указал, что дело кн. Андроникова находится не в распоряжении администрации, а в судебных учреждениях, что по закону исключает возможность вмешательства полиции. Затем А. Н. Хвостов, сняв копии с этого письма, показал некоторым членам Государственной Думы, рассказал о письме кн. Васильчикова, его сильно задевшем, Горемыкину и своему дяде министру юстиции, чтобы парализовать, при содействии последних, начавшиеся в государственном совете различные толки, так как кн. Васильчиков об этом деле и о роли администрации передал многим членам государственного совета.

В заключение Хвостов передал копию своего письма А. А. Вырубовой с оттенением значения изданного обязательного постановления, которое, безразлично от дела кн. Андроникова, отвечало жизненной потребности времени. Он дал ей понять, что Васильчиков поднял шум этим делом около имени кн. Андроникова, чтобы приподнять завесу влияний кн. Андроникова, как близкого Распутину знакомого, на более высокие сферы и, хотя

с женой кн. Васильчикова находился в хороших отношениях, тем не менее всюду, где это учитывалось, выставлял кн. Васильчикова, как человека, который, занимая высокое служебное и придворное положение, подобного рода выступлениями только сгущает неблагоприятную для высоких сфер атмосферу. Затем А. Н. Хвостов показал свою переписку с кн. Васильчиковым кн. Андроникову, который тотчас же обо всем поставил в курс Воейкова и рассказал Распутину, оттенив ему, что этим письмом кн. Васильчиков хотел разоблачить и его, Распутина, и А. А. Вырубову, и императрицу. Докладывал ли А. Н. Хвостов государю об этом—я не знаю. Кроме письма Воейкову, кн. Андроников, желая вывести из равновесия кн. Васильчикова, чтобы иметь в своих руках хоть какое-нибудь против него или гр. Толстой оружие и, вместе с тем, показать, что он в этом деле играет страдательную роль, написал кн. Васильчикову, кажется на французском языке, письмо по своему делу с гр. Толстой, в приличной форме, но с задевающими полунамеками, прося кн. Висильчикова убедить гр. Толстую, в интересах которой, он, кн. Васильчиков, действует, войти в его положение и среди зимы и в момент обостренного квартирного голода, и отсрочить ему пребывание до весны в занимаемом им помещении, где у него находится прибывший с войны, по расстроенному здоровью, его брат.

Письмо это кн. Васильчикова задело, и он на русском языке очень кратко, но выразительно дал понять кн. Андроникову, что он с ним в переписку вступать не желает, а с просьбами по делу о квартире отослал его к домовой администрации. Копии этих переписок кн. Андроников переслал Воейкову и кн. Шервашидзе (состоящему при вдовствующей императрице; кн. же Васильчиков был главноуполномоченным Красного Креста) и показал Распутину и А. А. Вырубовой, как доказательство, что и гр. Толстая и кн. Васильчиков в данном случае преследуют те цели, на которые указал А. Н. Хвостов, так как иначе они никогда не могли бы позволить себе проявить такую настойчивость в деле очищения помещения, в котором находился пострадавший на войне гвардейский офицер, имеющий за свои подвиги боевые отличия до золотого оружия включительно.

Конечно, это имело свое значение и, в свою очередь, кн. Васильчикову было учтено. Я же, по поручению А. Н. Хвостова, отправился к министру юстиции А. А. Хвостову с перепиской по этому делу, которую он внимательно прочел, и я ознакомил его, согласно указанию А. Н. Хвостова, с бумагами, относящимися к письму кн. Васильчикова, подтверждающими содержание ответного письма А. Н. Хвостова, но по существу о всех перипетиях этого дела ничего ему не сказал. Чтобы окончить это дело с квартирой кн. Андроникова, я должен сказать, что после получения Хвостовым письма от кн. Васильчикова мы совершенно отка-

зались помогать в дальнейшем кн. Андроникову. Дело в съезде окончилось не в пользу кн. Андроникова; гр. Толстая получила исполнительный лист; князь несколько дней скрывался то в квартире Балашова, то у одной из знакомых. Хотя кн. Андроников и просил нас снова воздействовать на полицию в смысле отсрочки приведения и исполнение приговора путем отказа полиции принимать в этом участие, но мы ему указали, да и он сам понял, полную несостоятельность своей просьбы. Тогда князь сам обратился к кн. Туманову, и последний ему посоветовал подать ему официальное заявление, что в этой квартире помещается больной, прибывший с театра войны офицер, и указать, в каких комнатах находится имущество последнего, так как по закону такие помещения освобождались от принудительного выдворения, что кн. Андроников и сделал. Этим он только на некоторое время обезопасил себя, потому что в дальнейший период его брат, кажется, отказался от какого бы то ни было участия в этом деле и уехал на фронт, и кн. Андроников, видя бесплодность всех своих усилий, сперва переехал на квартиру Балашова по Кирочной улице, а затем нашел в доме Гордона по Потемкинской улице помещение в квартире ген. Araловского.

Это дело, причинившее нам столько осложнений, имело все-таки для нас и те благоприятные в дальнейшей борьбе с князем стороны, помимо использования А. Н. Хвостовым его столкновений с кн. Васильчиковым, что естественным ходом с первого его начала давало вполне понятное и для кн. Андроникова основание сделать более редкими и более конспиративными наши посещения его квартиры, и затем А. Н. Хвостов совсем их прекратил, посещал в необходимом случае квартиру нам общей знакомой госпожи Червинской, где я снял очистившуюся у нее под сдачу комнату и дав ей в возмещение расходов, связанных с нашими посещениями, правда очень редкими, 500 рублей. Затем из этого дела А. А. Вырубова, жившая условиями высших сфер, начала сама приглядываться к кн. Андроникову, боясь могущих быть в будущем публичных выступлений в Государственной Думе в связи с письмом Васильчикова, в чем мы ее не разуверяли.

7.

[Андроников и Распутин. Их ссора. Конспиративная квартира для свиданий Белецкого и Хвостова с Распутиным. Охлаждение Вырубовой к Андроникову. Разрыв Распутина и Вырубовой с Андрониковым. Борьба А. Н. Хвостова против Барка. Решетников — ставленник Вырубовой и Распутина. Прием гр. Татищева царицею и согласие ее поддержать его кандидатуру. Наблюдение Комиссарова над Распутиным. Татищев и Питирим. Званый обед у Белецкого. Заминка в деле назначения Татищева. Роль И. Хвостова в качестве агента Распутина. Свидание Татищева со Штюрмером. Отказ Татищева от своей кандидатуры после ухода А. Н. Хвостова.]

Чтобы совершенно отдалить А. А. Вырубову от князя, мы направили в этом отношении все свои усилия на Распутина; как я уже ранее указал, Распутина начали тяготить постоянные свидания у кн. Андроникова в обществе его тобольских знакомых, присутствие которых его нервировало, затем я оттенил, что Распутин не пожелал делать кн. Андроникова с первых же дней нашего сближения полным доверенным по передаваемым прошениям; вначале я не понимал причин, но они в скором времени для меня стали ясны и послужили мне основанием для моих в том направлении наблюдений за Распутиным. Когда мы представили А. А. Вырубовой свой план наших отношений к Распутину (лист 5), об осуществлении которого я буду говорить впоследствии, то кн. Андроников, который уже со слов Червинской и от меня многое слышал об окружающем в этот период Распутина обществе, завел речь об укладе жизни последнего, высказав Вырубовой, что Распутин мало, к сожалению, учитывает его деловые значения и связи, которые могли бы избавить его, Распутина, от необходимости получать на свои благотворительные нужды от неизвестных, зачастую, лиц незначительные денежные знаки внимания и брать на себя личное представительство по делам, которые могут поставить его, Распутина, в неловкое положение пред теми, к кому он обращался, а также, в случае его ходатайства перед августейшими покровительствами, так как это может придать другой, не отвечающий сердечным побуждениям Распутина характер его просьбам, зача-

стую требующим предварительных деловых рекогносцировок и подготовки благоприятной основы для их исполнения.

Поэтому он представил снова свои услуги с тем, что сумеет разобраться в этих делах и будет останавливать внимание Распутина лишь на тех просьбах, исполнение коих при ходатайстве Распутина может быть обеспечено путем предварительной подготовки их князем, не будет, при принятых со стороны князя мерах, служить поводом для неблагоприятных разговоров, связанных с именем Распутина, и даже даст возможность Распутину в некоторых случаях прибегать к монаршему вниманию. При этом добавил, что Распутин, как человек далекий от жизни, совершенно забывает материальную ее сторону, а он, кн. Андроников, при выполнении таких дел сам о нем подумает и настолько хорошо будет обеспечивать его, что Распутину не надо будет пользоваться ничьей другой денежной поддержкой, что такой предложенный им план во многом разрешит состав обращающихся к Распутину лиц, а что в исполнении других просьб Распутина А. Н. Хвостов и я окажем Распутину полное внимание, так, чтобы Распутину кроме нас не приходилось прибегать ни к кому, разве только в исключительных случаях и то с ведома князя. А. А. Вырубова с этим согласилась.

Еще по вступлении в должность товарища министра, когда кн. Андроников сводил меня с Распутиным, мне приходилось видеть при некоторых последних посещениях квартиры князя, что после обеда князь о чем-то говорил в кабинете с Распутиным, передавал ему какие-то бумаги, а затем перед прощанием, как я уже знал, отводил его в спальню, предварительно вынув деньги в кабинете из стола и, не скрыв от меня, ему их передавал. И А. Н. Хвостов, и я знали взгляд кн. Андроникова на Распутина, как на неизбежное зло, которое надо учитывать при необходимом случае, видели, что кн. Андроников в удобной форме предлагал А. А. Вырубовой свои посреднические услуги, имея далеко не бескорыстное побуждение, так как в начатом деле желательно было добиться возможно меньшего выступления Распутина с просьбами, в большинстве небескорыстного характера. Это совпадало с нашим планом, А. Н. Хвостов не возражал, ибо сорт ходатайства по нашему ведомству для нас сравнительно определился, а дела, которые имел в виду кн. Андроников, он брался устраивать сам лично. На правах старого знакомого кн. Андроникова, который ко мне хорошо относился в периоды, когда я не занимал почетных должностей, и приглашенного бывать у него, чего он многим уходящим от власти и сановникам не делал, я сравнительно присмотрелся к нему и его жизни до нашего разрыва с ним, происшедшего после ухода из должности товарища министра, и отметил в нем одну черту, резко останавливающую на себе внимание,

это то, что в сферу своих деловых комбинаций князь, при присущей ему наклонности подчеркивать и свои связи, и влияния, посвящая меня иногда в свои замыслы против тех или других неугодных ему лиц, тем не менее, в свои дела меня не вводил и только раз мне сказал о проведенном им большом бухарском и хивинском деле, но и здесь он во все подробности меня не посвятил, а только из перечисления некоторых лиц, среди коих должны были быть расписаны учредительные акции, я мог вынести свои, быть может, и неправильные догадки о тех влияниях, кои им были пущены в ход при проведении этого дела. За бытность мою товарищем министра внутренних дел он ко мне обращался лишь по делам, о коих он не говорил Хвостову, а по другим делам он, даже делал из этого секрет для меня, имел свидания с А. Н. Хвостовым и хотя и тот, зачастую, тяготился посещениями князя, что и мне говорил, тем не менее его принимал, быть может оказывал ему неизвестные мне услуги.

К отказам в приеме у министров князь всегда относился с нервностью, так как посещению личному министров, разговорам с ними по интимным телефонам он придавал огромное значение и это, насколько я понимаю кн. Андроникова, было не слабостью его, а обдуманным раз навсегда планом, в который входило всегдашнее его стремление узнать раньше всех о новом министерском назначении, заранее найти возможность проникнуть к новому министру, завязать с ним отношения, поднести затем ему, предварительно показав в приемной чиновникам, близким к министру, икону, как благолюдственное служебное напутствие и, наконец, бывать у него вне приемных обычных часов, а в часы преимущественно вечерних досугов министра вплоть до ухода последнего.

Возвращаюсь к прерванному характеристикой кн. Андроникова изложению. Через более отдаленный промежуток времени, когда мы были у кн. Андроникова на обеде, приехал Распутин в несколько повышенном настроении. Как всегда, обед был у князя приготовлен обычный для нас и специальный, согласованный со вкусами, привычками Распутина, везде в домах, где Распутин бывал, приготовляемый, состоящий из ухи, рыбы, сладкого, фруктов и чаю. (Распутин никогда не ел ни белого, ни черного мяса и не любил, если при нем курили, ел всегда мало, редко прибегая к ножу и вилке, из вин любил мадеру и иногда и красное; минеральных отрезвляющих вод, в том числе и Куваку, бывшую всегда на столе у князя, Распутин не пил, а заменял их для отрезвления или простой водой или простым квасом, который любил.) За обедом Распутин на этот раз был молчалив, а после обеда, переговорив со мною в зале, был отозван кн. Андрониковым в кабинет; дверь князь прикрыл слабо и начал с ним разговор о каком-то подряде. Распутин прервал князя и с слышной в голосе злою ноткой, не стесняясь в выражении, сказал ему, что тот его обманул при расчете

и что он это заметил не первый раз, так как сам проверил. Князь начал оправдываться, и я, не желая поставить князя в неловкое положение, если бы он заметил мое присутствие, вышел из залы в столовую, где сидел А. Н. Хвостов и другие. Видимо, что потом князю удалось успокоить Распутина, хотя сам князь был взволнован и даже лично отправился провожать его. Об этом я передал А. Н. Хвостову.

Спустя некоторое время Распутин мне сказал, что нам лучше бы видеться в другом месте. Из этого я понял, что у него, после деловых сношений с князем, доверие к последнему пошатнулось, и когда нами была устроена, при посредстве Комиссарова специальная, для свидания с Распутиным, квартира, то здесь при первых же наших обедах с Распутиным, я указал ему на некоторые стороны жизни князя, добавив, что этого, быть может, А. А. Вырубова не знает, и попросил его предупредить А. А. Вырубову. Когда затем мы, А. Н. Хвостов и я, были у Вырубовой, то она спросила меня, правда ли, что князь — такой плохой человек. На это я ей ответил приблизительно в том смысле, что у него есть некоторые особенности, которые ей надо принять во внимание и, по возможности реже с ним видеться. Самому мне разговора заводить о князе было неудобно так как я вошел к ней в дом при его посредстве, и она, не будучи подготовлена, могла бы объяснить мое предостережение совершенно иными побуждениям... После этого я начал замечать некоторую нервность, проявленную кн. Андрониковым, так как А. А. Вырубова стала иногда отказывать ему в приемах, объясняя это разными причинами: то вызовами в лазарет или во дворец, то поездками в Петроград и проч. Затем, когда я приехал к ней один, она просила меня убедить кн. Андроникова не привозить ей ни сладостей, ни фруктов, так как это ей неприятно. Кн. Андроников, действительно, всякий раз, когда ездил и ранее со мной, и в эту пору с нами (при А. Н. Хвостове), всякий раз, желая подчеркнуть свое внимание к А. А. Вырубовой, привозил ей большие коробки с конфектами лучших петроградских кондитерских, первые фрукты и цветы; ценных подарков князь ей при мне не подносил.

Наконец, помог и случай, выдавший двойную игру кн. Андроникова. Кн. Андроников был в давних и очень близких, как я уже показал, отношениях с кн. Шервашидзе, состоявшим при вдовствующей императрице и пользовавшимся исключительным доверием ее величества, и всегда держал его в курсе всех новостей молодого двора, зная насколько эти новости близки сердцу Марии Федоровны, которая, в особенности за последнее время, начала явно для всех показывать свое неудовольствие в отношении императрицы Александры Федоровны. В числе вопросов, обеспоконвших вдовствующую государыню, одним из главных было отношение молодой императирцы к Распутину, росшее с каждым днем

доверие к нему императрицы Александры Федоровны и его влияние не только на ее величество, но и на государя. Поэтому императрица Мария Федоровна старалась быть в курсе всех сведений, относящихся к личности Распутина, чтобы всякий раз указать, при свидании с государем, на отрицательные стороны поведения Распутина и тем отдалить государя от Распутина. Когда в Петрограде появились фотографические снимки кружка Распутина, о которых я говорил, вдовствующая государыня выразила Шервашидзе свое желание иметь такую фотографию, и последний обратился с этой просьбой к кн. Андроникову. Кн. Андроников достал, но не от нас, упомянутый снимок, сделав несколько увеличительных фотографических оттисков, и послал один из них князю Шервашидзе, а другой, в один из последующих наших приездов к А. А. Вырубовой, взял с собою, чтобы затем, зайдя к Воейкову, его показать и передать ему. А. А. Вырубова уже знала о получении вдовствующей императрицей этой фотографии, но только не была в курсе того, кто ее снабдил ею, и обратилась ко мне с просьбой узнать об этом, так как это озабочивало императрицу и ее лично. Кн. Андроников боясь, как я полагаю, того, чтобы А. А. Вырубова, узнав впоследствии о его роли в этом деле, не прервала бы с ним из-за этого знакомства, которым он очень дорожил, так как на всякую поездку к ней сам он, как деловой человек, смотрел не как на визит, а как на средство для достижения той или другой преследуемой им цели, вмешался в разговор и, вынув из портфеля и показав означенный фотографический снимок, сказал, что это он послал князю Шервашидзе эту фотографию, движимый исключительно самыми лучшими побуждениями своего уважения и преданности к ней и к Распутину, чтобы вдовствующей императрице, никогда не видевшей Распутина и имеющей о нем превратное мнение вследствие неправильного освещения некоторых сторон жизни Распутина, кружком близких к ней лиц, показать его изображение, его одухотворенные неземные глаза и отношение к нему со стороны его окружавших близких к нему людей, свидетельствующее о их вере в него, как в исключительного, не от мира сего человека.

Конечно, А. А. Вырубова объяснению князя не поверила, и несмотря на свойственную ей сдержанность и то, что мы были у ней в квартире, в несколько резкой форме ответила ему, что напрасно он, не предупредив ее, это сделал, так как это может иметь неприятные последствия. Но затем, когда я перевел разговор на другую тему и отвлек ее внимание последующим докладом по целому ряду имевшегося у меня материала, она снова сделалась ровной в обхождении с князем и приветливо со всеми попрощалась, когда мы стали уходить. Дорогой кн. Андроников был озабочен но я его понемногу успокоил, и, видимо, он этому разговору и впоследствии не придавал никакого значения, так как даже, когда

*

у него с Распутиным и Вырубовой последовал разрыв и он обращался ко мне, при Протопопове, с просьбой помирить его с Распутиным, то, вспоминая причины охлаждения к нему со стороны Вырубовой, он об этом не упоминал. Но это обстоятельство имело последствием то, что при одном из последующих моих приездов к А. А. Вырубовой, она уже серьезно отнеслась к личности и деятельности кн. Андроникова и заявила мне, что Распутин и она ему совершенно не доверяют, и, дабы не раздражать князя, последовала моему совету сохранить видимость старых с ним отношений, а через некоторое время, когда он отойдет и от нас, окончательно прервать с ним всякие свидания, что и последовало незадолго до моего ухода. При этом Вырубова мне сказала, что в этом направлении будет поступать и владыка митрополит, по их совету, и попросила меня предупредить и владыку. При свидании я очертил владыке личность кн. Андроникова. Затем впоследствии я спрашивал у кн. Андроникова об отношении к нему владыки, и кн. Андроников дал мне понять, что хотя я и не хотел его сближения с архипастырем, но оно последовало, и владыка, несмотря на озлобление к нему, князю, Распутина, его все время дарил своим вниманием и что в лавре, когда он, князь, приезжал на торжественные богослужения, то пользовался тем же почетом, как и при предыдущих митрополитах, а когда подходил к кресту, то владыка митрополит, благословляя его, с ним был милостиво внимателен.

Силою указанных выше причин и обстоятельств свидания наши с кн. Андрониковым стали реже и, когда у нас установилась прочная, вне князя, связь с Распутиным, то А. Н. Хвостов вначале даже не посвятил князя в свой план проведения гр. Татищева на место П. Л. Барка министром финансов, в чем потом раскаивался, хотя я в этом деле и принимал, сравнительно с предъидущими назначениями, незначительное участие, так как А. Н. Хвостов во многое время не посвящал, но взял на себя руководящую роль, в особенности, во влияниях на Распутина и А. А. Вырубову, а затем и императрицу. Если эта кандидатура гр. Татищева не увенчались успехом то это последовало не потому, чтобы А. Н. Хвостов начал уже терять доверие у государя, а вследствие того, что ни он, ни тем более гр. Татищев, мало знавший обстановку петроградской жизни того времени, не учли многих обстоятельств и сделали несколько опрометчивых шагов, давших свои результаты. Об уходе П. Л. Барка слухи в обществе и в наших законодательных учреждениях неоднократно всплывали, но так же быстро о нем разговор замирал, так как П. Л. Барк хорошо знал Петроград и имел большие, издавна установившиеся с влиятельными лицами и кружками связи, умело пользовался каждым, кто был нужен ему при тех или других обстоятельствах, лично к нему относящихся и, как опытный шахматист, каждый свой ход и удар делал после того, как взвешивал все

шансы в свою пользу; к тому же он был человек богатый, держал, как министр финансов, в руках своих нерв жизни — кредит, ведомственные ассигновки и 10-миллионный фонд; в отношениях со всеми был внимательно обходителен и, по натуре своей, выдержан и спокоен.

Должность министра Барк получил исключительно благодаря кн. Мещерскому, с которым он познакомился при следующих обстоятельствах. В свою пору П. А. Столыпин (я уже тогда был в Петрограде) широко пропагандировал и поддерживал национальное движение в стране; П. А. Барк выступил с запиской о национализации кредита, и на этой почве П. А. Столыпин с ним познакомился. Хотя эта идея особого значения в финансовом обороте жизни России не имела, так как бывший тогда министр финансов В. Н. Коковцов горячо против нее восстал, доказывая, что кредит по существу космополитичен, но, тем не менее, П. Л. Барк после этого получил назначение товарища министра торговли и промышленности. Так как кн. Мещерский (редактор «Гражданина»), будучи все время политическим и личным противником П. А. Столыпина, зорко следил за каждым его шагом, чтобы учесть ошибки Столыпина и подчеркнуть их в глазах государя с соответственной окраской, и в вопросе о кредите был на стороне Коковцова. Узнав, что Столыпин в лице Барка подготовляет будущего заместителя Коковцова, Мещерский выступил против Барка на страницах своего органа со статьею о роли Барка, как душеприказчика воли покойного председателя финансовой комиссии государственного совета члена государственного совета, будучи в полной уверенности, зная с детских лет государя, что после такого разоблачения кандидатура Барка на пост министра финансов будет отложена и что о подробностях всего этого дела государь при личном свидании с ним, князем Мещерским, его спросит. Эта статья в свое время, действительно, причинила много неприятностей Барку, так как по этому делу начался разговор и в финансовых кругах и в среде членов государственного совета и в обществе.

Тогда Барк воспользовался услугами И. П. Мануса, который был близок к кн. Мещерскому и вел в «Гражданине» финансовый отдел и, при содействии Мануса, познакомился с кн. Мещерским, с тем придворным кружком, с которым был близок покойный князь, поддерживал с кн. Мещерским самые лучшие отношения и исключительно при его поддержке получил министерский портфель. В это время, вступив на должность товарища министра, П. Л. Барк успел завязать не без участия, между прочим, банкира Рубинштейна, близкого в ту пору лица к г-же Горемыкиной и последнему, хорошие отношения не только с Горемыкиным, но и с его семьей, затем составил себе партию в среде влиятельных петроградских финансистов, начал делать попытки к сближению с своим давним противником гр. Коковцовым, связей с придвор-

ным кружком, о коем я говорил, не потерял, а приобрел еще новые знакомства, и положение свое считал относительно прочным, имея везде, где нужно, своих людей. С Распутиным Барк был знаком еще со времени первого сближения с кн. Мещерским. Таким образом, Барк явился сильным противником для Хвостова, который возложил свои надежды только на Распутина, А. А. Вырубову и на доверие, оказываемое ему государем, и своим отношением к Барку в совете министров с первых же дней восстановил последнего против себя.

Я об этом узнал и предупредил А. Н. Хвостова о том, что в интересах ведомственных, а тем более департамента полиции, жившего исключительно в своих не гласных расходах на дополнительные ассигнования из 10-миллионного фонда, ему не следует восстанавливать против себя П. Л. Барка, и дал ему характеристику Барка; затем будучи с последним в хороших отношениях по предыдущей совместной работе в совете торговли и мореплавания, я предложил Хвостову свои услуги к сближению его с Барком. В это время А. Н. Хвостов меня еще не ввел в курс своих видов относительно гр. Татищева. Хвостов согласился, и я, переговорив с Барком, просил его приехать ко мне на Морскую вечером на чашку чая. Когда Барк, правда, с неохотою идя на сближение с Хвостовым, изъявил свое согласие, я устроил легкий ужин и передал Хвостову о времени приезда Барка, прося его быть точным и, если он может, то в интересах дела приехать даже раньше, что он мне обещал, сказав, что у него вечер свободный. Барк был аккуратен, но А. Н. Хвостов не только не приехал раньше Барка, но опоздал более, чем на три четверти часа, так что мое положение как инициатора этого сближения было очень тяжелое. П. Л. Барка такое поведение Хвостова задело, и он, отказавшись от ужина, посидел не более $^1/_2$ часа и, извинившись делами, уехал, провожаемый моими извинениями. Меня также такое поведение Хвостова сильно обидело, так как ставило в неловкое положение перед Барком, который мог не поверить искренности моего намерения, и я, когда приехал А. Н. Хвостов, это ему высказал и объявил, что теперь Барк ему этого не забудет. Но Хвостов отнесся к этому как-то равнодушно: извинившись перед мною, он сказал мне, что был задержан визитом, который он делал (если мне не изменяет память) кн. Васильчиковой и от нее узнал много для себя интересного; затем Хвостов добавил, что если Барк будет отказывать в кредитах, то он их проведет и помимо Барка докладом у государя, который в этих кредитах ему не откажет. Но я все-таки постарался ему еще раз подчеркнуть, что Барк серьезно обижен, и посоветовал ему извиниться перед ним сейчас же по моему телефону, чтобы Барк знал, что он, А. Н. Хвостов, приехал к нему, запоздав только по какой-нибудь причине. Но Хвостов сказал мне, что лучше он на другой день в совете министров сделает это

лично и что таким путем он снимет с меня ответственность перед Барком, и попросил меня пригласить кн. Андроникова, с которым мы уже начали тогда борьбу, на ужин, что князю будет приятно, как знак нашего к нему внимания. Когда я по телефону передал князю мою и А. Н. Хвостова просьбу приехать ко мне на ужин, специально устроенный мною, чтобы поговорить с ним в интимной обстановке, без лишних свидетелей, то это очень тронуло князя, и он немедленно приехал, был все время в хорошем настроении духа и подчеркнул, насколько в общих интересах такие свидания нам всем полезны. Конечно, об истории с Барком ни я, ни А. Н. Хвостов ему не сказали.

Кроме Барка и его придворных связей, А. Н. Хвостов не учел влияний Горемыкина, который тоже знал хорошо государя и не променял бы установившихся хороших отношений с Барком на налаживание таковых с человеком, ему неизвестным и к тому же пользующимся большим расположением и всегдашнею поддержкою В. Н. Коковцова, политического противника Горемыкина. Затем А. Н. Хвостов, как я отметил, упустил значение кн. Андроникова и, наконец, никто из них не знал, а в особенности А. Н. Хвостов, Распутина. Мое участие, насколько я увидел из дальнейшего хода, было необходимо, в смысле направления этому назначению косвенного влияния на Распутина, затем знакомства гр. Татищева с владыкой митрополитом и, когда Штюрмер вступил на пост председателя совета, то свидания гр. Татищева со Штюрмером и устройства знакомства, по просьбе А. Н. Хвостова, Мануйлова с И. С. Хвостовым. Видное же место в смысле влияний на Распутина и А. А. Вырубову взял на себя, как я уже указал Хвостов и привлек к этому Н. И. Решетникова и епископа Варнаву, старых знакомых гр. Татищева, а затем, для воздействия на Распутина в смысле частых свиданий и, как я впоследствии уже узнал, постановки своей агентуры около Распутина, своего двоюродного брата, зятя гр. Татищева, прапорщика запаса, члена правления соединенного банка, И. С. Хвостова, всецело находившегося под влиянием А. Н. Хвостова.

С первых же дней моего назначения А. Н. Хвостов познакомил меня с приехавшим в ту пору в Петроград Н. И. Решетниковым, которого я до того лично не знал. Как Хвостов, так и епископ Варнава, знавший уже давно Решетникова, указали мне, что это старый и хороший знакомый по Москве Распутина, который у него часто останавливался, и что, благодаря этому, он пользуется большим доверием А. А. Вырубовой, которая ценит в Решетникове безукоризненную привязанность к Распутину и доброе влияние последнего в смысле ограждения Распутина от подозрительных знакомств в Москве и то, что не раз Н. И. Решетников оказывал Распутину всякого рода услуги, в том числе и в материальном отношении, так как Решетников человек состоятельный, — этого

мне потом гр. Татищев не подтвердил; затем А. А. Вырубовой нравится сдержанность и умение хранить молчание во всем том, что относится к жизни Распутина, в чем она неоднократно убеждалась. А. Н. Хвостов и епископ Варнава добавили, что Решетников дал слово поддерживать нас у А. А. Вырубовой и помогать нам во всех начинаниях и притом вполне искренно, но при условии оказания ему содействия в получении соответствующего положения в министерстве торговли и промышленности. Затем, зная, что я был в хороших отношениях с кн. Шаховским, с которым, когда он был сначала в министерстве торговли и промышленности, а потом начальником управления водных сообщений, я служебно сблизился, в особенности во время высочайших проездов в 1913 году на торжества 300-летия дома Романовых.

А. Н. Хвостов попросил меня, во имя общих интересов, взять на себя устройство судьбы Решетникова и заявил, что ко мне с этой просьбой обратится и А. А. Вырубова, так как он с ней по этому делу уже говорил. Действительно, при бывшем свидании А. А. Вырубова, затем и Распутин меня попросили помочь в устройстве Решетникова в министерстве торговли и промышленности с тем, чтобы Решетников был хорошо устроен и мог жить в Петрограде, так как Вырубова желала использовать его опытность и хозяйственные способности по своему лазарету. Решетников в период этого времени жил в Петрограде, имея постоянный номер в гостинице «Астория». О его знакомстве с Распутиным я знал из старых в свое время филерных наблюдений за Распутиным. Я попросил Решетникова зайти ко мне на квартиру, и когда он пришел, то здесь я от него получил подтверждение всего того, что мне говорили А. Н. Хвостов, епископ Варнава и что я слышал также и от сестры епископа Варнавы, накануне у меня бывшей и сообщившей о приезде из Москвы Решетникова. От последней я узнал, что владыка Варнава и она часто останавливались в Москве у Решетникова, который всегда окружает владыку знаками особого внимания и помогает ему. В общем Решетников произвел на меня несколько иное впечатление; мне он показался человеком, умеющим действительно хранить тайны, но понимающим и цену этих тайн и желавшим, вследствие удачно для него сложившихся обстоятельств использовать их в наиболее выгодных для себя отношениях. Жизнь Решетников, повидимому, знал хорошо, бывал в обществе и, упомянув о Распутине, не давая ему никакой обрисовки, и о А. А. Вырубовой, дал мне сразу понять, что он действительно им близок; когда же я спросил его о том, какие он имеет виды на служебное обеспечение по министерству торговли и промышленности, то он даже выразил свое недоумение, так как, по его словам, А. А. Вырубова уже знает о той должности, которую он желает получить. Я Решетникову на это ответил, что, быть может, как женщина, мало разбирающаяся

в служебных рангах, А. А. Вырубова и позабыла об этом, но подтвердил ему о переданном мне А. А. Вырубовой желании ее прилично его служебно обеспечить.

Это Решетникова успокоило, и он мне сказал, что хотел бы получить должность товарища министра торговли и промышленности; из этого, а также видя у него в петлице орден св. Владимира 4-й степени, я заключил, что верно Решетников ранее уже служил по этому ведомству и имеет соответствующий классу должности чин и, поэтому, спросил его об этом. Но оказалось, что Решетников из купеческого сословия и служит только, кажется, биржевым нотариусом, за что и получил орден, но чина ни статского советника, ни действительного статского советника не имеет. Тогда я ему отметил это обстоятельство и, узнав от него, что он с кн. Шаховским совершенно не знаком, заявил, что эти вакансии замещаются только по выбору самого министерства и что кн. Шаховским они замещены уже близкими ему лицами, так что трудно ему, Решетникову, на это надеяться, и что лучше ему было бы выбрать какую-нибудь другую должность, которая дала бы кн. Шаховскому возможность использовать его знания и знакомства в торговом мире и тем помогла бы ему, Решетникову, в будущем ближе стать к князю. На это он ответил, что отсутствие нужного чина не имеет особого значения, так как А. А. Вырубова окажет ему поддержку у своего отца [1]), и что после моих переговоров с князем Шаховским последнего еще будут просить и А. А. Вырубова и Распутин, который уже давно знаком с кн. Шаховским. При этом Решетников добавил, что если, действительно, нельзя устроиться товарищем министра, то тогда он хотел бы получить, подобно Н. И. Гучкову после ухода от должности городского головы, должность члена совета министра торговли и промышленности.

Когда я поехал с этим поручением к кн. Шаховскому, передал ему просьбу А. А. Вырубовой, добавив ему о последнем желании Решетникова (о первом я даже не хотел и говорить, так как оно было совершенно невыполнимо при существовавших тогда условиях), и указал, что Решетников хороший знакомый Распутина, то кн. Шаховский выразил полную готовность, с своей стороны, итти навстречу пожеланиям А. А. Вырубовой, но высказал те же, какие и у меня были, затруднения в смысле не соответствия Решетникова звания IV классу должности члена совета; когда же я успокоил князя указанием на поддержку этого А. А. Вырубовой у Танеева, то он обещал предложить первую

[1]) Через год после моего ухода я от него узнал, что он действительно получил в этот промежуток времени сначала чин статского советника, а потом действительного советника за заслуги по лазарету А. А. Вырубовой.

вакансию члена совета Решетникову, о чем и уполномочил меня передать А. А. Вырубовой. Я об этом передал А. А. Вырубовой и Решетникову, затем напомнил, при случае, кн. Шаховскому, но это назначение до моего ухода не состоялось, так как свободной должности не открывалось. Решетников же действительно был привлечен А. А. Вырубовой сначала к делу заготовок и покупок необходимых предметов для устраиваемого в то время А. А. Вырубовой лазарета, тратя, как мне передавала сестра владыки Варнавы, на некоторые закупки в первое время свои деньги, а затем стал уже там полным доверенным А. А. Вырубовой по хозяйственно-финансовой части этого лазарета.

Лазарет этот в последнее время А. А. Вырубова задумала значительно видоизменить, расширить, сделать постоянным учреждением с постройкой дома и для себя, и для Решетникова. Судя по словам и по показанному мне Решетниковым при нашем последнем свидании плану, Решетников для этой цели приобрел у крестьян большую земельную площадь вблизи Царского Села по баснословно дешевой цене. Когда я, пораженный грандиозностью плана задуманного учреждения, указал Решетникову, что эта затея будет стоит очень дорого, и, видимо, придется Вырубовой ходатайствовать об отпуске из казны ассигнования, то он мне заявил, что деньги у них имеются достаточно на все, но что пока они еще ни на одном из проектов не остановились и предполагают обратиться в академию художеств и вызвать, путем назначений премий, соревнование архитекторов; на том же месте, где похоронен Распутин, имелось в виду построить церковь.

За устройство служебного положения Татищева А. Н. Хвостов принялся энергично. Много я не знаю, как, например, того где происходили свидания А. Н. Хвостова, И. Хвостова и Распутина, а только предполагаю, что на временной, для приездов в Петроград, квартире гр. В. С. Татищева, Морская 11, куда А. Н. Хвостов в этот период часто ездил, так как тогда еще не была урегулирована проследка за Распутиным; но из слов И. Хвостова и А. Н. Хвостова, когда я заходил к А. Н. Хвостову, я знаю одно, чего они не скрывали, что денег на это не жалел И. С. Хвостов. Затем, когда Распутин и А. А. Вырубова были достаточно подготовлены к поддержанию этого начинания А. Хвостова и императрица Александра Федоровна пожелала видеть гр. Татищева, то, последний был вызван, и я с ним познакомился, так как до этого времени я его видел только на похоронах его родного брата гр. С. С. Татищева, начальника главного управления по делам печати, моего сослуживца с 1894 года по Киеву, по Вильне, в Поволжьи и в Петрограде, с которым у меня до его смерти не прерывались добрые отношения. Граф В. С. Татищев мне впоследствии говорил, что вся горячка, проявленная А. Н. Хвостовым в связи с приездом его в этот период в Петроград, оставила на

него такое впечатление, как будто он находился тогда в каком-то кошмаре: за него говорили, его возили, и сам он ясно не отдавал себе отчета во многом том, что происходило. Так в действительности было и на мой взгляд. Представление гр. Татищева императрице было для него благоприятно; подвергнутая им большой критике вся система Барка по поводу реализации займов остановила на себе особое внимание ее величества: государыня на другой день через А. А. Вырубову передала свое пожелание получить по этому поводу сжатый доклад для переговоров с государем.

Доклад был составлен гр. Татищевым и для секретного его отпечатания и корректурной шлифовки А. Н. Хвостов передал его мне, и в тот же день, по отпечатании, этот доклад был доставлен А. А. Вырубовой для представления по назначению. Затем А. А. Вырубова передала, что государыня изъявила свое согласие поддержать кандидатуру гр. Татищева, так как осталась довольной не только вынесенным ею лично впечатлением разговора с ним, но и его взглядами на широкое привлечение финансовых учреждений и средств на развитие системы нашей промышленности путем разработки природных богатств России, на борьбу с продовольственным кризисом и проч. При этом А. А. Вырубова пригласила на обед к себе А. Н. Хвостова, гр. Татищева и меня, сказав, что на обеде будет и Распутин, который пожелал как бы породнить нас всех. Это участие на обеде Распутина никого из нас троих не устраивало; но, конечно, все мы изъявили свою благодарность за приглашение. К этому времени полк. Комиссаров уже приступал к своим обязанностям по наблюдению за Распутиным. Поэтому, переговорив с Комиссаровым, я попросил его устроить так, чтобы нам избежать возможного появления Распутина на вокзале, так как Распутин настоял на том, чтобы мы совместно выехали в одном поезде, между тем, время выезда совпадало с большим наплывом публики, живущей в Царском Селе и возвращающейся к обеду домой после деловых своих занятий в Петрограде. Были взяты два купэ рядом. Наши, а не полк. Глобочева, филеры и Комиссаров привезли Распутина раньше на вокзал, причем Распутин находился в состоянии опьянения, ехать же с ним как с вокзала Царского Села до А. А. Вырубовой (на Церковную ул.), так и обратно должен был гр. Татищев. К нашему приезду на Царскосельский вокзал все было устроено, и Распутин с Комиссаровым, переодетым в штатское платье, пройдя ранее нас, находился уже в купэ; мы вошли к нему, поздоровались с ним, немного посидели и под каким-то предлогом вышли в соседнее купэ, прося Комиссарова не выпускать Распутина. Распутин в скорости заснул, и когда поезд подъехал к Царскому Селу, то мы поспешили вперед, как бы для найма извозчиков, а, по выходе всей публики из вагона, Комиссаров вышел с Распутиным и передал его гр. Татищеву.

Когда мы приехали почти одновременно к А. А. Вырубовой и вошли к ней, я поразился виду Распутина: если б не видел я, в каком он был состоянии, то не поверил бы, что он за такой короткий промежуток времени мог отрезвиться; конечно, этому способствовал сон и свежий воздух, но, как я потом наблюдал, у Распутина был крепкий организм, и он быстро, после короткого, иногда за столом, сна, приходил в себя. А. А. Вырубова, видимо, все-таки заметила, что он был несколько возбужден, потому что выразила гр. Татищеву, правда, в деликатной форме, свое неудовольствие, когда он попросил разрешения предложить ей и нам всем выпить за здоровье ее по рюмочке старого венгерского вина из привезенной им бутылки. Распутин этому обрадовался и присоединился к просьбе гр. Татищева. А. А. Вырубова с неохотою согласилась на это и следила, чтобы Распутин не пил много: поэтому мы выпили только по одной рюмочке и перевели скорее разговор на другую тему. Я несколько раз обедал с А. А. Вырубовой, и сам, и два раза с А. Н. Хвостовым, заметил, что у нее никогда на столе не было вина, даже столового; видел и у Распутина по воскресеньям за чаем - завтраком; она и там не пила, а следила за Распутиным, чтобы он поменьше пил. Только когда в последний раз после смерти Распутина, я был у нее в воскресенье на масленице, накануне, а потом на завтраке, она приказала принести шампанского, чтобы пожелать счастливой дороги двум, постоянно находившимся при Распутине, его отдаленным родственницам, приехавшим проститься с нею накануне своего отъезда в Тобольскую губернию с дочерьми Распутина; в этот раз Вырубова выпила, правда, не целый бокал и вторично его немного дополнила за здоровье гостей. За завтраком, кроме меня и Головиных, были также и чины администрации лазарета.

После обеда у А. А. Вырубовой мы должны были с А. Н. Хвостовым заехать в Павловск к знакомым, а Распутин остался на попечении гр. Татищева. Затем Комиссаров доложил нам про один разговор, который позволил себе, кажется, в этот раз, Распутин. Когда мы ехали, Комиссаров уговаривал Распутина заснуть, ибо Распутин порывался выйти из купэ, ему указал на то, что неудобно ему, Распутину, в таком виде появляться в вагоне и выходить на станции Царского Села, потому что могут обратить на него особое внимание посторонние и довести до сведения императрицы, которая будет этим не очень довольна. Этот доклад мне запечатлелся и до сих пор в памяти. В ответ на эти упрашивания Комиссарова Распутин позволил себе настолько непозволительно отозваться о государыне, что Комиссаров, как он нам рассказывал, встряхнул его, сказав, что если он, Комиссаров, еще раз что-нибудь подобное от него услышит, то он его своими руками задушит.

Вместе с тем, А. Н. Хвостов, считая нужным привлечь к гр. Татищеву также и симпатию владыки митрополита, просил меня устроить у себя обед для владыки, чтобы дать возможность гр. Татищеву познакомиться с владыкой и сделать ему на следующий день визит. Это признавал нужным и епископ Варнава; при этом было решено сделать это в несколько тесном кругу, не приглашая кн. Андроникова. Я пригласил владыку митрополита, просил его не отказать мне в удовольствии видеть его у себя, указав ему, что у меня будет небольшой кружок приглашенных лиц и в том числе А. Н. Хвостов, который хочет поближе с ним сойтись, но из-за болезни жены лишен возможности пригласить его к себе; приэтом, перечислив владыке приглашенных лиц, я назвал гр. Татищева, сделав краткую характеристику его личности, оттенив его религиозность и дела благотворения на нужды церквей, что вполне отвечало действительности, и указав на его положение в финансовой среде. В число приглашенных, между прочим, входили: епископ Варнава, архиопископ тверской, хороший знакомый А. Н. Хвостова и кн. Андроникова, архимандрит Августин, Решетников. Владыка, после некоторого колебания, согласился.

Не знаю от кого, но через дня два кн. Андроников, передавая мне по телефону какую-то незначительную новость, иронически спросил меня, правда ли что мы проводим гр. Татищева в министры финансов и что я даже устраиваю для сближения последнего с митрополитом обед. Я ему ответил, что обед этот устраивается в интересах А. Н. Хвостова для более тесного его единения с владыкой митрополитом и что на обеде, действительно, будет, по просьбе А. Н. Хвостова, гр. Татищев, как родственник А. Н. Хвостова, но какие виды имеет на графа А. Н. Хвостов, я не знаю, порасспрошу его, а затем не премину, конечно, передать ему, князю, так как думаю, что А. Н. Хвостов от него, князя, никаких секретов делать не будет. Об этом я сейчас передал А. Н. Хвостову. Но, видимо, князь был задет сильно, так как, судя по тому, что я узнал уже впоследствии и от Распутина, князь пожаловался Распутину, причем дал понять последнему, что этот обед устраивается помимо него, Распутина, и князя и что, видимо, мы, в данном случае, преследуем какую-нибудь цель, пригласив владыку митрополита, а не пригласив его, князя, и Распутина и что митрополиту лучше было бы отказаться под благовидным предлогом. Я об этом ничего не знал и потому был поражен, когда накануне дня обеда владыка по телефону начал извиняться, говоря мне, что навряд ли дела ему позволят приехать на обед и что его приезд ко мне на Морскую, в связи со съездом других архиереев, обратит на себя внимание, даст пищу разговорам, что вообще он не любит званых обедов и тому подобное. Только уступая моим настойчивым просьбам, владыка дал полусогласие приехать, оговорившись, чтобы я не пенял на него, если что-либо помешает ему прибыть.

Тогда я об этом передал А. Н. Хвостову и, чувствуя какие-то закулисные влияния на владыку, попросил епископа Варнаву, переехавшего уже, по вступлении в должность митрополита Питирима, в Александро-невскую лавру, убедить владыку митрополита приехать на обед. Затем я вызвал к себе Мануйлова, успевшего уже сблизиться с секретарем митрополита и заручиться доверием владыки, и поручил ему разузнать, в чем коренится в этом случае причина нерешительности владыки, и принять все меры для убеждения владыки прибыть на обед.

Благодаря, главным образом, старанию Мануйлова, только в день обеда, часа за три, я от него получил известие, что владыка будет, а о причинах он мне обещал сказать при личном свидании. Тогда я поручил Мануйлову взять мой автомобиль, заехать за владыкой и Варнавой и их сопровождать, а затем, так как владыка митрополит заявил, что он долго у меня не может остаться, проводить владыку обратно. Я с женою встретили владыку и всех собравшихся к столу. Владыка очень мало ел, так как оказалось, что он вегетарианец, ничего, кроме лимонаду, не пил, был сдержан в разговорах, неприветлив и после обеда, минут через 15, любезно попрощавшись, уехал.

На другой день мне Мануйлов в подробностях объяснил, что ему пришлось потратить много усилий, чтобы исполнить мою просьбу, так как Распутин настойчиво требовал, чтобы владыка отказался от обеда; поэтому пришлось влиять и на Распутина, и на владыку, и что совместные с Осипенко усилия привели к тому, что владыка решил поехать, но с тем, чтобы, успокаивая Распутина, после обеда не оставаться, дабы избежать каких бы то ни было, кроме общих за столом, разговоров или просьб. При этом Мануйлов передал мне, что на пути епископ Варнава в разговоре с митрополитом дал ему, Мануйлову, возможность догадаться о цели обеда, так как темой разговора епископа Варнавы была политика Барка, но что митрополит никаких реплик не подавал. Поэтому я, передав обо всем А. Н. Хвостову, вместе с последним при свидании с Распутиным и А. А. Вырубовой рассказал сам об истинной причине обеда и мотивах неприглашения кн. Андроникова, что их хотя и успокоило, но все-таки видно было, что Распутин был обижен неприглашением его на этот обед. А. Н. Хвостов, видя, что кн. Андроников начинает уже действовать против гр. Татищева и что я был в этом отношении прав, предупреждая его о кн. Андроникове, и боясь, чтобы через князя не дошли об этом слухи и до Горемыкина, пригласил к себе князя и, как мне говорил потом, принял меры, но какие я не помню, к привлечению князя на свою сторону. Однако из ближайших с князем разговоров я вынес убеждение, что князь не успокоился и язвительно подсмеивался, не ожидая успеха в дальнейших стараниях А. Н. Хвостова; поэтому снова я предупредил А. Н. Хво-

стова, чтобы он учел это обстоятельство должным образом. Через некоторое время, зайдя к А. Н. Хвостову в кабинет, я встретил там И. С. Хвостова и спросил у И. Хвостова, удалось ли им обезопасить себя от Андроникова в этом деле. На это мне И. Хвостов сказал, что все сделано, и теперь кн. Андроников в этом назначении заинтерсован, но что все-таки они, для наблюдения за действиями князя, приблизили к нему своего человека, под видом привлечения князя в одну финансовую операцию, и что его, И. С. Хвостова, доверенный вошел уже с кн. Андрониковым в наилучшие отношения.

Действительно, как я заметил, кн. Андроников после этого несколько успокоился, но все-таки не раз давал понять, что напрасно А. Н. Хвостов не поставил его, князя, в курс дела этого назначения с первых же своих шагов, так как из-за этого он уже много сделал ошибок, и главное, указывал на недостаточную конспиративность, проявленную в этом деле, благодаря незнанию обстановки и молодости помощника А. Н. Хвостова, его двоюродного брата и неподготовленности почвы в среде окружающих государя лиц. Я об этом сообщил А. Н. Хвостову, обойдя молчанием первое указание кн. Андроникова, он по поводу второго мне ответил, что это обстоятельство он учел и говорил уже с дворцовым комендантом генералом Воейковым по вопросу о назначении гр. Татищева и уверен в том, что со стороны ген. Воейкова будет оказано полное содействие, так как последний за этот период времени сблизился с гр. Татищевым, который дал ему ряд указаний и предложил свои и руководимого им банка услуги по делу, которое сильно озабочивало ген. Воейкова, задумавшего реализовать свое промышленное предприятие по эксплоатации родников источника «Кувака» в находящемся в Пензенской губернии имении Воейкова. Со слов Воейкова в один из моих к нему приездов я уже знал, что Воейков, желая положить предел для многих неприятных разговоров по поводу этой коммерческой его операции, связанной в свою пору с уходом министра торговли и промышленности Тимашева и председателя медицинского совета академика Рейна, задумал устроить акционерное общество, провел уже устав, в котором были представлены бо̀льшие, чем даваемые в ту пору правительством в интересах государственных выгоды акционерным предприятиям, преимущества в правах жительства лицам иудейского вероисповедания и предполагал устроить через посредство какого-нибудь банка выпуск акций, сохранив за собою все-таки доминирующую в деле роль. Я так же и от А. А. Вырубовой слышал, что государь и императрица выражали свое неудовольствие как по поводу всякого рода слухов и шуток, связанных с именем Воейкова и этого его предприятия, так и потому, что это дело отвлекает Воейкова от его обязанностей, заставляя его выезжать на место эксплоатации Куваки.

В дальнейшем я не проверял у Воейкова, насколько хорош он с гр. Татищевым, но знаю, со слов гр. Татищева, что он в этом деле оказал Воейкову услугу (в чем — меня граф не посвятил) и что у него с Воейковым установились хорошие отношения. Был ли после моего разговора с А. Н. Хвостовым привлечен, для содействия к дальнейшему сближению Воейкова с гр. Татищевым, близко стоявший, как я уже указал, к Воейкову кн. Андроников, — я не знаю, так как последнего об этом не спрашивал. Что же касается указанной кн. Андрониковым недостаточно проявленной конспирации в этом деле, то это замечание было правильно, так как И. С. Хвостов чересчур проявил много ясной для всех энергии в этом назначении и о последнем проникли уже слухи в финансовые круги. Приехавший ко мне незадолго после этого банкир Рубинштейн для переговоров по делу выкупа находившихся в портфеле русско-французского банка акций «Новое Время», бывший всегда в курсе столичных новостей спросил меня, правда ли, что вместо Барка назначается гр. Татищев, так как об этом уже проговорился И. Хвостов. Тот же вопрос задал мне и Н. Манус, впервые в ту пору познакомившийся со мной по делу поднесения государю рабочими вагоностроительного отделения Путиловского завода иконы, и при этом дал отрицательную характеристику гр. Татищева, как финансового деятеля. Так как Рубинштейн был близок к семье Горемыкина и хорош с Барком, а Манус хотя и разошелся в последнее время с Барком, но был в хороших отношениях с близкими к августейшей семье и А. А. Вырубовой, флигель-адъютантом Саблиным, которого в ту пору побаивался и Распутин, то я об этом предупредил снова А. Н. Хвостова, и он постарался познакомиться с этими двумя финансистами, но с ними как-то не сошелся. При этом я указал А. Н. Хвостову, что слухи эти могут проникнуть в замаскированном виде по адресу, несмотря на существование общего запретительного циркуляра, воспрещающего писать о предстоящих назначениях. Бывший при этом разговоре И. С. Хвостов на это обратил серьезное внимание, и А. Н. Хвостов пообещал ему переговорить по этому поводу с Гурляндом.

Несмотря на все старания А. Н. Хвостова, разговоры по поводу смены министра финансов усилились, появилась помещенная в «Речи» Л. М. Клячко заметка, ясно всеми понятая, об уходе Барка. Узнал об этом, со слов Рубинштейна, Горемыкин и, как мне передал Рубинштейн, также и Барк. Когда я по делу вел. кн. Николая Николаевича явился к Барку и закончил ему свой доклад, то он с улыбкой спросил меня, что нового, и я, поняв его, ответил ему, что ищут нового министра финансов. Тогда Барк мне сказал, что он уже знает о том, что А. Н. Хвостов проводит гр. Татищева, и добавил, что он давно уже присматривается к гр. Татищеву и предполагает поближе познакомиться с характером его

финансовых операций. Хотя А. Н. Хвостов и не придал особого значения этой угрозе Барка, но все вместе взятое привело к тому, что, при одном из последующих свиданий с А. А. Вырубовой, а затем с Распутиным, А. Н. Хвостов спросил Вырубову, нет ли каких-либо сведений по поводу гр. Татищева от государыни, которая, в случаях нетерпящих отлагательств или при затянувшихся пребываниях в ставке государя, ставя его величество в курс новостей по делам, кои ее величество интересовали, сносилась с государем письмами через специально для сего посылаемого курьера. На это Вырубова ответила, что надо повременить с этим делом и выждать приезда государя, так как государь получил какие-то о гр. Татищеве неблагоприятные новости, которые тогда можно будет проверить и разъяснить, и что по этому делу пошло много разговоров, и это в настоящее время удерживает императрицу, и надо выждать некоторое время, чтобы эти разговоры утихли. Гр. Татищев, узнав об этом, а также и об угрозах Барка, поспешил уехать в Москву, и вопрос о Татищеве остался в выжидательном положении до назначения Штюрмера.

Единственно, что для А. Н. Хвостова осталось выгодным наследием от этого дела, это то, что помимо моей агентуры около Распутина осталась около последнего агентура и И. С. Хвостова и сам И. Хвостов, не оставивший мысли помочь своему тестю в получении должности министра финансов и потому не прервавший, а усиливший свои сношения с Распутиным, так что в начале 1916 года А. Н. Хвостов зачастую дополнял мои и Комиссарова доклады о Распутине своими сведениями, нам неизвестными. Затем, когда состоялось назначение Штюрмера на пост председателя совета, то А. Н. Хвостов, зная уже от меня о роли, которую в этом назначении сыграл Мануйлов, и от своей агентуры о том влиянии, каким стал пользоваться у Распутина Мануйлов, просил меня познакомить с ним И. Хвостова, чтобы привлечь Мануйлова на сторону гр. Татищева и воспользоваться его услугами не столько у Распутина, сколько, главным образом, у Штюрмера, к которому Мануйлов был близок. Эту просьбу я исполнил и познакомил их за завтраком у себя на Морской, где они условились о времени и месте их дальнейшего свидания, от которого я лично успехов не видел, так как мне было известно отношение Мануйлова к А. Н. Хвостову. Потом, по просьбе того же А. Н. Хвостова, будучи давно знаком с Штюрмером, я доложил последнему о существовавших предположениях по поводу назначения гр. Татищева и о том отношении, которое проявлено было в этом деле со стороны императрицы, А. А. Вырубовой и Воейкова, продолжавших благоприятно относиться к гр. Татищеву и его кандидатуре, и дал понять Штюрмеру, что он своей поддержкой гр. Татищева доставит названным лицам удовольствие, а сам в лице гр. Татищева будет иметь не только

благодарного ему за внимание человека, а и министра финансов, который будет оказывать поддержку в его начинаниях: при этом я добавил, что подробную характеристику личности гр. Татищева может ему дать А. Н. Хвостов, находящийся с гр. Татищевым в родстве и проводивший его кандидатуру. Штюрмер отнесся благожелательно к этому назначению и просил меня передать гр. Татищеву, когда тот приедет в Петроград, его желание с ним лично переговорить по тем вопросам, по коим гр. Татищев докладывал государыне; узнав же от меня, что гр. Татищев случайно находится в это время в Петрограде, Штюрмер попросил меня приехать с гр. Татищевым на другой день к нему на квартиру (Б. Конюшенная д. № 1) и представить ему графа.

Когда я об этом передал А. Н. Хвостову, а он гр. Татищеву, то они решили, что будет лучше, если гр. Татищев представит Штюрмеру поднесенную им вниманию государыни записку, о коей я уже упомянул, а на словах оттенит критику мероприятий Барка, к последнему времени состоявшихся. Так как у них в Петрограде черновика от записки не оказалось, то я отдал им оставшийся у меня экземпляр доклада гр. Татищева. На другой день, явившись с гр. Татищевым к Штюрмеру, по окончании своего доклада, когда Штюрмер проводил меня из кабинета в приемную, я представил ему гр. Татищева, остававшегося, во время моего пребывания в кабинете, в приемной. Штюрмер любезно принял гр. Татищева, попросил в кабинет, взял от него записку, согласился, как мне передавал гр. Татищев, по выходе от Штюрмера, с его взглядом и обещал ему свое содействие. После этого по словам А. Н. Хвостова, Штюрмер ему сообщил о благоприятном впечатлении, вынесенном им от знакомства с гр. Татищевым. Были ли и какие предприняты дальнейшие шаги гр. Татищевым и А. Н. Хвостовым в освещении кандидатуры гр. Татищева — я не знаю, так как в это время последовал разрыв между мною и Хвостовым, но, судя по событиям, я думаю, что, после ухода Хвостова, гр. Татищев сам отказался от дальнейших попыток сближения с Штюрмером. Отношения гр. Татищева к Воейкову и А. А. Вырубовой остались хорошие, что он и использовал во время судебного разбирательства дела Мануйлова.

8.

[А. Н. Хвостов и его положение при дворе. Конфликт А. Н. Хвостова с Дрентельном. Перлюстрация писем к царице и Вырубовой. Распутин и вел. князья Павел и Михаил Александровичи. Охлаждение Александры Федоровны к вел. княгине Елизавете Федоровне. Дело о похищении иконы казанской божьей матери.]

Этого дела я коснусь впоследствии. Обстановку событий этого времени я подробно, правдиво и насколько сохранила моя память, изложил при случае моего участия в деле назначения членов кабинета этой поры, чтобы показать, какими влияниями и соображениями руководились все те, кто принимал в этих назначениях участие. Но ведь невольно должен возникнуть вопрос о том, почему А. Н. Хвостов, хотя бы и в преследовании личных планов подготовки будущего удобного ему состава, не имея ни высочайших обещаний председательского кресла, ни полномочий советчика, мог осмелиться вмешиваться в функции, относящиеся, по существу, к сфере прав председателя совета. Более подробно я коснусь этого вопроса впоследствии; теперь же отмечу, что назначение А. Н. Хвостова состоялось в тот период, когда у государыни императрицы окончательно созрело все время поддерживаемое в ней близкими к ней лицами и в особенности Распутиным решение о необходимости, при сложившихся условиях политической внутренней жизни страны, серьезность которых она сознавала, иметь около себя государя и августейшего наследника, за жизнь которого она постоянно опасалась как в сфере личной, так и государственной, только своих людей, в личной преданности которых она не могла сомневаться. Эту мысль государыня внушила и государю и с этой точки зрения надо смотреть на все вопросы о назначениях этого последующего периода. А. Н. Хвостов, как я уже отметил, был известен и ранее государю и, по словам В. Н. Клевцова и приведенному выше рассказу Распутина, мысль о привлечении его к руководительству министерством внутренних дел возникла еще после смерти П. А. Столыпина.

Свою преданность престолу и самодержавным началам А. Н. Хвостов подчеркнул тем, что, оставив губернаторский пост,

пошел в Государственную Думу и не только сел на правых скамьях, но и добился звания председателя правой фракции; при представлениях государю он даже в дни докладов на посту министра всегда надевал значок союза русского народа, украшенный лентами, чего никто из сановников правых убеждений как прошлого времени, так и последнего периода не делал. Близкие лица, мнением которых государь дорожил, к А. Н. Хвостову относились хорошо и о его начинаниях и трудах отзывались с похвалой, сам А. Н. Хвостов усвоил при докладах систему докладов Сухомлинова на посту военного министра, умел вести доклад, учитывая особенности характера его величества, снабжался материалом, дающим возможность затронуть разнообразные вопросы, провести свою или узнать точку зрения государя на интересующий предмет. Наружность и подкупающие своей правдивостью глаза скрывали внутренние его побуждения, и, подобно впоследствии Протопопову, он выдвигал и государю, и государыне, Вырубовой и Распутину и вначале мне идейную сторону его бескорыстного желания быть в переживаемое время полезным государю, отмечал, что он человек с огромным состоянием (которое, в значительном большинстве, принадлежало не ему, а жене), учитывал отношения государя к лицам и событиям, умело использовывал их. Таким образом, доверие к нему росло, и если бы не ряд ошибок в последующем, о чем я скажу в свое время, Россия имела бы его на посту председателя совета после ухода Штюрмера, срок нахождения которого у власти был бы не очень продолжителен.

Ко всему тому, что я уже сказал, чтобы охарактеризовать А. Н. Хвостова и его приемы при докладах и тем не дать повода думать, что у меня говорит исключительно личное к нему чувство, я коснусь только одного события, связанного с уходом от двора близко стоявшего к государю с молодых лет, в ту пору флигель-адъютанта Дрентельна. Когда, с выступлением Воейкова, после смерти Дедюлина, на пост дворцового коменданта, начался постоянный уход близко стоявших к государю лиц свиты, сумевших заслужить к себе нерасположение со стороны ее величества, то в числе очень немногих остался полк. Дрентельн, который одновременно со мной был в Киевском университете, но на старшем курсе; знаком я с ним не был. Полк. Дрентельн любил государя, и его величество находил удовольствие проводить с ним часы досуга в разговорах на разные темы, а в особенности во время путешествия, о чем, в свою очередь, докладывали посылаемые в командировку при августейших путешествиях чины департамента полиции. Имя Дрентельна, в связи с теми или иными политическими или же придворными кружками, в мое время не упоминалось. Пред назначением А. Н. Хвостова и в первое время назначения он мне говорил о своем свойстве с Дрентельном и о хороших с ним отношениях. Через некоторый промежуток

времени, когда уже начались разговоры о лицах, нас поддерживающих, взволнованно рассказал мне, а затем и кн. Андроникову о том, что Дрентельн заявил, что знакомство А. Н. Хвостова с Распутиным и поддержка, оказываемая последним А. Н. Хвостову, настолько его, Дрентельна, возмущают, что он, при встрече с А. Н. Хвостовым, ему руки не подаст. Это А. Н. Хвостова сильно задело не только лично, но и ставило в очень тяжелое положение в виду предстоявших выездов его в ставку с докладами, где государь предполагал остаться на продолжительное время и где Дрентельн, находясь в свите, был в постоянной близости около государя, почему, таким образом, трудно было избежать встречи, в особенности за завтраком и обедом, на которые почти всегда приглашались государем приезжающие с докладом лица. Официальное положение министра и связанные с этим знаки внимания к нему в таких случаях подчеркивали, зачастую, значение и силу доверия тому или другому министру, оказываемого со стороны государя, и разнообразили обстановку жизни ставки. Поэтому А. Н. Хвостов понимал, какая бы получилась богатая пища для разговоров не только в ставке, но и в Петрограде, а затем и в Думе, если бы Дрентельн, действительно, демонстративно подчеркнул свое отношение к нему.

Хотя я и кн. Андроников и указывали Хвостову, что Дрентельн, находясь в присутствии государя, едва ли позволит себе привести эту угрозу в исполнение, и что при том количестве лиц, которые сходятся к высочайшему столу, можно затянуть с кем-либо до выхода государя разговор, избежать необходимости подходить ко всем собравшимся, тем не менее, А. Н. Хвостов хорошо понимал возможность случая столкнуться с Дрентельном и вне высочайшего присутствия и неизбежность неловкости своей с ним встречи. Поэтому он решился обратиться к государыне и А. А. Вырубовой, Распутину и даже не захотел считаться с тем выставляемым ему мною доводом, что это может повлечь за собою еще большие осложнения, так как, при существовавших отношениях государыни императрицы к Дрентельну, может последовать удаление Дрентельна, которое вызовет разговоры и в армии, и в петроградском обществе, и в Государственной Думе, совершенно не отвечая поставленной нами программной задаче. Здесь, кроме подготовительного письма, посланного кн. Андрониковым и, если не ошибаюсь, и А. Н. Хвостовым Воейкову, который в отношении взгляда на лиц, окружающих государя, придерживался точки зрения государыни, А. Н. Хвостов сам принял самое близкое участие в соответствующем освещении возможного столкновения его в ставке с Дрентельном, указав Распутину и А. А. Вырубовой, усилия которых в борьбе с Дрентельном до сих пор не были успешны, насколько важно использовать этот момент для подорвания доверия у государя к Дрентельну и незаметного, затем, его

удаления из ставки с соответствующим назначением к командованию армейской бригадой. При этом А. Н. Хвостов выставил себя страдальцем за интересы государыни и особо близких ей лиц и выразил надежду, что государь не допустит в ставке возможности такого скандала, в отношении преданного ему и государыне верного слуги.

Распутин и А. А. Вырубова приняли горячее участие в интересах Хвостова, и пред отъездом А. А. Вырубова успокоила А. Н. Хвостова, но не сказала, что будет сделано, а посоветовала ему не забыть при докладе государю доложить об этой угрозе Дрентельна. Потом Хвостов, по приезде, рассказывал, что он удостоился особого внимательного приема, и когда на докладе коснулся вопроса о Дрентельне и осветил его в том же духе, как А. А. Вырубовой, то получил ответ, что он сам убедится, насколько его опасения были излишни. Действительно, по словам А. Н. Хвостова, когда государь стал у закусочного стола и А. Н. Хвостову, здороваясь, пришлось проходить мимо Дрентельна, стоявшего у дверей, то государь не спускал глаз с Дрентельна, и тот подал руку А. Н. Хвостову, а за столом его величество был к А. Н. Хвостову особо любезен, что невольно обратило общее внимание. По приезде, благодаря А. А. Вырубовой, Хвостов узнал, что вопрос о Дрентельне покончен и что через некоторое время тот получит назначение в армию. Действительно, назначение состоялось, но не в армию, а в гвардию, командиром Преображенского полка с производством в свитские генералы (если не ошибаюсь), чтобы не было, как говорил Распутин, лишних разговоров, но добавил, что это на время и что, затем, Дрентельна назначат подальше от государя. Если бы Хвостов остался у власти, то, может быть, ему, через посредство соответствующих влияний и своих докладов удалось бы добиться назначения Дрентельна с повышением в армию, но после ухода Хвостова вопрос о Дрентельне затянулся до последнего пред революциею времени. Незадолго пред этим Дрентельн был в Петрограде и должен был представиться государыне, и предстоял милостивый прием его, чему во дворце придавалось особое значение. В силу каких неизвестно причин Дрентельн к назначенному приемному часу не явился и прибыл тогда, когда государыня ушла завтракать, и ему был назначен прием на другой день; он не явился и тогда и выбыл вечером к месту служения. Хотя Дрентельн и поставил, кажется, Н. П. Саблина, в известность, что не мог отложить своего выезда, но императрица этой причине не поверила и сочла его отъезд за демонстрацию против себя лично.

Я отметил уже взгляд императрицы на обстановку событий и личного ее к ним отношения, которое она отождествляла с отношением ко всей августейшей семье, и из предыдущих моих показаний можно усмотреть, насколько приходилось нам обдумывать про-

ведение тех или иных начинаний даже в тех случаях, когда по крайней мере мною, не отрицаю, что в некоторых случаях и А. Н. Хвостовым, руководили искренние мотивы лучших побуждений. Но, чтобы нагляднее это оттенить, я приведу несколько примеров из докладов моих в присутствии А. Н. Хвостова и без него, но в большинстве случаев с его ведома, А. А. Вырубовой—как о лицах, интересовавших императрицу и ее, и о событиях, останавливавших внимание двора, так и о том освещении, к какому приходилось прибегать для получения желаемых результатов, посвящая в это Распутина, который вообще всегда относился подозрительно к влияниям на А. А. Вырубову вне его участия, проверял, так ли и в том ли духе было ей передано, как ему говорили, и придавал большое значение посвящению его в те или другие начинания, чтобы, при свиданиях с государем, которым он придавал большое значение, показать свой интерес и к вопросам государственного порядка, причем и Распутин так же, как и Вырубова, хотя и не с той подробностью, записывал на бумажку то, что останавливало более глубоко его внимание. В свою пору, после того, когда я из разговоров с А. А. Вырубовой, из ее вопросов и показаний, понял, что в той или другой степени интересует императрицу, и по каким соображениям, то в числе мер к собиранию нужных сведений, я прибег к перлюстрации и составил лично для тайного советника Мардарьева соответствующий список лиц, письма коих подлежали просмотру, дополненный затем, по указанию А. Н. Хвостова, некоторыми лицами, переписка которых его интересовала лично. Этот материал, в связи с получаемыми из других источников сведениями, служил темой для докладов А. А. Вырубовой, причем копию одного письма отца Александра Васильева я даже дал А. А. Вырубовой, по ее просьбе, чем А. Н. Хвостов остался недоволен, не потому, что признавал это неэтичным поступком, а как он мне сказал впоследствии, вследствие того, что это разоблачает А. А. Вырубовой наш источник получения сведений и как бы обесценивает силу трудности доставления интересующих ее и императрицу материалов. Так как в этот период времени отношение к императрице почти всей императорской фамилии выяснилось и государыня многое знала о жизни великокняжеских дворов из разных источников, то, поэтому, я агентуры своей в этих дворцах не заводил и письма их величеств не просматривал, а только, получая в некоторых случаях от А. А. Вырубовой указания, сообщал ей то, что мне приходилось узнавать другими путями.

Отношений императрицы к императорской фамилии А. А. Вырубова от нас не скрывала. Распутин понимал хорошо, насколько для него лично важно парализовать влияние великих князей на государя и, поддерживая настроение императрицы и государя против тех высочайших особ, которые шли против него, в тех случаях, когда он видел возможность заручиться хоть каким-

нибудь поводом завязать с каким-либо двором августейших особ связи, старался проявить свой живой интерес, чтобы затем при свидании с государем оттенить отсутствие у него личных побуждений в вопросе семейных отношений царской фамилии, а, наоборот, показать свое душевное желание сроднить и сблизить всю августейшую семью не столько в династических интересах, сколько в родственных. Но таких случаев было мало; за мое время был один, о котором Распутин старался везде говорить, проводя и в сознание окружавшей его среды ту же мысль, которую он проводил в сознание государя.

В то время, когда великий князь Павел Александрович был в опале и его морганатический брак не был признан, а отношение со стороны императрицы к его супруге было исключительно неблагонадежно, последняя обратилась к содействию Распутина. Распутин учел всю выгоду для себя своего в данном деле влияния и, со свойственной ему настойчивостью, добился поворота отношений к ней императрицы, снятия опалы, привлечения великого князя к активной деятельности, признания брака великого князя, дарования титула светлейшей княгини Палей и мечтал еще теснее сроднить через великого князя Дмитрия Павловича эти августейшие семьи. Впоследствии же, когда княгиня Палей под влиянием разных причин, в том числе, главным образом, поведения Распутина, отошла от него, Распутин, чтобы избежать упрека государя в неумении распознавать людей, старался подчеркнуть те же лучшие стороны душевных побуждений, которыми он руководствовался в этом деле, вне всяких его личных отношений к княгине и ее августейшему супругу, много виня в данном случае ту среду, в которой вращались в последнее время великий князь и его жена. В особенности А. А. Вырубова часто нам жаловалась на поездки[1]) к великому князю Стаховича и гр. Олсуфьева, которые, по доходившим до нее сведениям, открыто не только у великого князя, но и в других домах знакомых А. А. Вырубовой лиц, выступали против императрицы в связи с разоблачением Распутина. Но из этого не следует, чтобы Распутин и поддерживавшие его лица простили кн. Палей перемену ее отношения к нему, так как последствием разрыва ее знакомства с Распутиным явилось охлаждение к вел. кн. Павлу Александровичу и опала кн. Палей со стороны императрицы, причем внимание государя все время было останавливаемо на отражающемся на великом князе влиянии окружающих его за последнее время лиц. С этой же точки зрения надо объяснять и последовавшее за последнее

---

[1]) В Царском Селе как наружное филерное наблюдение, так и агентурное освещение велось исключительно органами дворцового коменданта, коему на этот предмет отпускался из средств департамента полиции особый кредит из секретного фонда.

время охлаждение и к вел. кн. Михаилу Александровичу. Снятие опалы с первых же дней войны после последовавшего за отречением его высочества от своих прав на престол, признание брака с дарованием его супруге титула графини Брасовой, и назначение его к командованию на войне дикой дивизией, посещение великим князем, по высочайшему повелению, Кавказа для набора дивизии Кавказа и оказанный его высочеству прием как населением, так и августейшим наместником, затем дальнейшие успехи этого отряда, под личным предводительством августейшего командира, невольно выдвигали личность великого князя и служили темой для более частых упоминаний его имени. Это посеяло у императрицы поддерживаемое все время Распутиным опасение популярности его высочества в армии и в народе, и поэтому личная жизнь великого князя и его супруги в Гатчине после недолгого сравнительно пребывания его высочества на театре военных действий, его появление запросто с женою в общих залах петроградских ресторанов «Астории» и «Медведя» во время приезда в Петроград и круг его знакомства этого времени и родственных связей его супруги — остановили внимание императрицы. Вследствие этого А. А. Вырубова поручила нам сообщать ей для дальнейшего доклада все сведения, которые к нам будут доходить о вел. кн. Михаиле Александровиче и поручила как можно подробнее осветить его жизнь, так как у императрицы и у нее есть основание видеть в замкнутой сфере жизни семьи великого князя в Гатчине, в знакомствах великого князя и в особенности влияния на последнего его жены, обладающей сильным характером и большим честолюбием, возможность тайных династических притязаний.

В свое время, в бытность мою директором департамента полиции, в период жизни великого князя в имении Брасово, а затем женитьбы великого князя заграницей и его дальнейшего там пребывания, мне, в виду полученных указаний, приходилось интересоваться обстановкой окружавшей в ту пору вел. кн. Михаила Александровича среды и многое знать из жизни его высочества и его супруги; тогда я вынес впечатление, что великий князь, оставшись заграницей, тоскует по России и по полковой жизни, но что ни у него, ни у его супруги не было никаких дальнейших честолюбивых планов. Об этом состоялся тогда ряд всеподданнейших частых докладов министра Макарова. В виду серьезности, приданной А. А. Вырубовой личности великого князя, я принял меры к выяснению обстановки жизни великого князя в Гатчине, его знакомств, времяпрепровождения в Петрограде, и эти данные, подтверждавшие сведения о жизни его высочества, сообщил А. А. Вырубовой, а когда узнал, что личным адъютантом его высочество предполагает взять одного молодого человека, принадлежащего к составу московской адвокатуры, что в особенности остановило и наше и А. А. Вырубовой внимание, то собрал

по Москве о нем подробные данные. Но этот материал и выяснившийся родственный по жене характер личности будущего адъютанта великого князя, ни в чем политическом не скомпрометированного, не давали подтверждения опасениям А. А. Вырубовой, так что я даже прекратил свои переговоры с одним из имеющих придворное звание лицом, в судьбе которого великий князь принимал участие, о более тесном сближении его с двором великого князя, принял предложение его высочества вступить в основанный им георгиевский комитет, оказал самое широкое содействие по министерству внутренних дел всем начинаниям великого князя в этой области и, после ухода своего в начале 1917 года, приступил к работам в лечебно-санитарной комиссии комитета. В последующий период моей жизни я не выяснил отношений двора к великому князю; но, судя по тому, что великий князь оставался в том же, как мы уже его застали, положении и вне постоянного пребывания на фронте, надо полагать, что отношение к нему не переменилось. В этот же мой служебный период мне также пришлось заметить огромное влияние Распутина на возраставшее в ту пору охлаждение государыни к ее августейшей сестре Елизавете Федоровне. С ее высочеством я лично до того не был знаком, так как, приезжая в Москву по служебным делам во время бородинских и юбилейных торжеств, я ограничивался записью своей фамилии и должности в дежурной книге, знал только историю ее борьбы с митрополитом Владимиром из-за учрежденного ею монашеского ордена диаконисс и, будучи в Москве у родных жены, после первого моего ухода из министерства внутренних дел, во время немецкого погрома в Москве, слышал от чинов градоначальства, а впоследствии от ген. Климовича, что в эту пору были приняты администрацией меры к охране личности ее высочества и обители, в виду неудовольствия населения отношением ее к военнопленным германцам. По вступлении в должность, я, как следуя общим высочайшим указаниям, так и согласно просьбы ее высочества, переданной мне специально приезжавшим из Москвы ко мне заведующим ее двором Зуровым, принял все меры к недопущению в Москву Марии Васильчиковой, явившейся в Россию с обнаруженной нами тайной миссией о мире с Германией. Специального поручения следить за сношениями ее высочества, во время приездов ее в Петроград, я от А. А. Вырубовой не получал, но со слов Распутина знал, что подобного рода приезды, в особенности, если они совпадали с временем пребывания государя в Царском Селе, сильно нервировали императрицу; причем Распутин говорил, что постоянно поднимаемыми ее высочеством вопросами об удалении его, Распутина, от близости к августейшей семье она добьется того, что ее совсем не будут принимать. При мне приезды ее высочества были редки, но, насколько я знал, всегда сопровождались посещением августейшей семьи.

В один из служебных дней ко мне приехал тот же заведующий двором великой княгини с просьбой от ее высочества по следующему делу, которое он просил держать в секрете.

По сведениям, полученным великой княгиней от одного из сибирских епархиальных архиереев и миссионера-священника, посещавшего каторжную тюрьму в Чите для религиозного собеседования с арестантами, находившийся в этой тюрьме арестант (фамилию его не помню), по его словам, товарищ и близкий Чайкину человек, принимавший участие в неоднократных с Чайкиным кражах, знает, со слов Чайкина, где им спрятана похищенная из казанского женского монастыря икона чтимой всей Россией казанской божией матери и движимый чувством религиозного раскаяния, после клятв на кресте, дал обещание помочь в розысках иконы указанием этого места, прося лишь после этого исходатайствовать ему помилование. К этому Зуров добавил, что этот арестант уже переведен в курскую каторжную тюрьму, что великая княгиня с упомянутыми духовными лицами и вызванной игуменьей казанского женского монастыря и другой монахиней, знающей по приметам, оставшимся в архивной описи монастыря, отличительные признаки иконы, едет сама в Курск, но боится принять открытое участие в этом деле, пока оно не разъяснится, хотя местная администрация, во главе с губернатором Муратовым (затем членом государственного совета), оказала ей полное участие, опросив уже этого арестанта, поэтому великая княгиня просит меня командировать какое-либо правомочное лицо, которое могло бы, как орган центрального учреждения, помочь в дальнейшем при розыске иконы, так как арестант пока еще места нахождения ее не открыл, но данное им описание иконы совпадает с приметами, что показала бывшая уже в Курске монахиня — казначея казанского монастыря. С делом кражи иконы казанской божьей матери я был хорошо знаком, так как, будучи командирован Столыпиным на Волгу, с чиновником особых поручений Михайловым, по обзору сыскных учреждений, во время работ моих по реформе полиции, я был в Казани после суда над Чайкиным и расспрашивал лиц судебного ведомства, чинов полиции и подп. корпуса жандармов Прогнаевского, принимавших участие в этом деле и продолжавших, по приказаниям из Петрограда, вести негласное расследование по розыску иконы, ибо по сведениям, шедшим из духовных сфер, икона эта Чайкиным не была спалена, а похищена была им для продажи старообрядцам, в среде коих жила старая, связанная с этой иконой, легенда о том, что до той поры, пока эта икона не будет в руках старообрядцев, последние не получат полной свободы в исповедании своей веры.

В период моего посещения Казани, как товарищ прокурора, наблюдавший за этим делом, так и производивший эти розыски

подп. Прогнаевский не отрицали возможности сбыта этой иконы Чайкиным старообрядцам, так как воспитанница Чайкина давала на суде несколько сбивчивые показания, как бы подтверждавшие полученные затем сведения. Кроме того товарищ прокурора, местный уроженец, дал мне изданную по этому процессу книгу, в которой был изложен ход судебного следствия, речи и объективное резюме председателя, не отрицавшего невыясненности на суде факта дальнейшей участи иконы, но добавлявшего, что из всего, правда, неполного материала, предоставленного вниманию присяжных, у него является большое опасение того, что показание Чайкина справедливо и что эта святыня, с которой связаны дорогие для русского сердца моменты исторической жизни России, навсегда потеряна для верующего русского народа. Поэтому розыски производились с большой осторожностью, в чем настоятельница монастыря даже упрекала ведшего розыск подп. Прогнаевского. Так как на розыск деньги давал монастырь, то я, по приезде доложил об этом директору, и на розыскные действия были отпущены суммы из департамента, а затем, будучи директором, исполняя высочайшие предуказания, продолжал этим делом интересоваться и проникся полным доверием к подп. Прогнаевскому, который понимал все значение важности дела и подвергал большой критике даваемые ему монастырем сведения и в особенности подозрительно относился к воспитаннице Чайкина, находя ее показания незаслуживающими доверия. Потом, по уходе из министерства, я не знал о дальнейшей судьбе розысков этой иконы и обо всем только что изложенном передал, для представления великой княгине, Зурову, указав, что к этому делу ее высочеству надо относиться с большой осторожностью, потому что, если, действительно, икона не спалена Чайкиным, все время на этом настаивавшем, когда я посылал к нему на свидание подп. Прогнаевского, и подлинность ее будет установлена, это будет дорого русскому верующему сердцу, но если лица, производящие розыски по этому делу, пойдут по ложному пути, то получится большой соблазн. При этом Зуров просил меня облегчить возможность, если понадобится, передвижения арестанта к месту нахождения иконы.

Переговорив с министром и указав на все отмеченные мною стороны этого дела, я отправился к министру юстиции, который тоже согласился со мной и поручил начальнику главного тюремного управления содействовать, если понадобится по ходу расследования, одиночному, без конвоя, препровождению арестанта с тем, чтобы, по соглашению с администрацией, были приняты все меры к предупреждению возможного побега арестанта в пути. Затем я вызвал из Казани подполк. Прогнаевского, знавшего также приметы пропавшей святой иконы, лиц, близких к Чайкину, и дело во всех подробностях, а также стоявшего в курсе параллельных розысков этой иконы, производимых администрацией монастыря,

и возложил неослабное наблюдение за дознанием по розыску иконы, как на месте нахождения арестанта, так и в дальнейшем, на члена совета министра внутренних дел кн. А. А. Ширинского-Шихматова, человека религиозного, к которому я относился с большим доверием и уважением. Посвятив князя в существо просьбы великой княгини, я попросил его ознакомиться со всеми имевшимися в департаменте полиции донесениями подполк. Прогнаевского, высказав приведенное выше свое мнение, с которым он согласился, и просил его быть при исполнении этого поручения очень внимательным и осторожным и сообщать мне о ходе расследования. Кн. Ширинского знала с молодых лет и великая княгиня и относилась к нему и его семье хорошо. Из донесений и личного доклада приехавшего из Курска, после отъезда великой княгини, кн. Ширинского-Шихматова оказалось, что мои опасения были основательны, так как местная администрация отнеслась с большим доверием к словам арестанта, показания коего были явно противоречивы и во многом не отвечали данным, имевшимся в донесениях подполк. Прогнаевского, что сам арестант лично и, судя по наведенным о нем справкам как о судимости, так и о поведении при отбытии наказания, не внушает к себе доверия, и что только в одном он прав — это в данном им описании признаков подлинной ему действительно известной иконы, но и в этом отношении кн. Ширинский-Шихматов высказал мне некоторые свои соображения. Затем кн. Ширинский-Шихматов передавал мне, что великая княгиня, видимо, удовлетворилась его докладом и желает меня лично поблагодарить во время ближайшего своего приезда в Петроград, ожидаемого на-днях.

Когда приехала великая княгиня, то кн. Ширинский-Шихматов, действительно, передал мне ее приглашение приехать вечером. Я в этот день должен был видеть А. А. Вырубову, не помню — по какому делу и, при свидании с ней, сказал ей, что от нее поеду к великой княгине и рассказал ей историю настоящего дела. А. А. Вырубова этим очень заинтересовалась и просила держать ее в курсе прохождения дела, а также передать ей и мой разговор с великой княгиней, причем на мой вопрос о том, не говорила ли по этому поводу великая княгиня императрице, так как я знал, со слов кн. Ширинского-Шихматова, что великая княгиня прямо проследовала в Царское Село и там имела пробыть довольно значительное время, А. А. Вырубова мне сообщила, что она видела после того императрицу, и государыня ей об этом деле ничего не передавала. Тогда я сказал А. А. Вырубовой, что меня просила великая княгиня через Зурова держать в секрете это дело; это еще больше заинтересовало А. А. Вырубову, причем она вполне одобрила проявленную в этом деле мною осторожность. Когда, переодевшись на вокзале в особом помещении в форму, я приехал на Невский во дворец, то был введен в кабинет, и ее высочество,

поблагодарив меня за исполнение ее просьбы, тем не менее, выразила свое неудовольствие на кн. Ширинского-Шихматова, который проявил с первого раза подозрительность к арестанту и в этом направлении все время вел опрос его, тогда как до того опрашивавшие арестанта лица и даже приехавшая с нею в Курск игуменья казанского монастыря сохранили веру в правдивость показания арестанта, данного им под присягой священнику, знавшему его по Сибири. Хотя я, имея при себе протокол последнего опроса, и указывал великой княгине на несоответствие последнего показания арестанта с первоначальным его показанием, тем не менее, великая княгиня просила меня успокоить ее совесть и довести дело до конца, чтобы у нее не осталось в душе сомнения в том, что, быть может, арестант и прав. Поэтому она выразила надежду, что я, держа это дело в секрете, устрою так, чтобы арестант был привезен на то место, которое он укажет, и просила, если я не могу кем-либо другим заменить кн. Ширинского-Шихматова, то дать ему указания, чтобы он был более объективен. Доложив великой княгине весь ход моих предыдущих розысков иконы и указав ей на упомянутое мною выше резюме председателя суда, я добавил, что исполню все ее повеления, и сам первый буду рад, если святая икона будет найдена, но боюсь, что Чайкин в своем показании был правдив, так как из доклада подполк. Прогнаевского, мне сделанного в этот приезд, выяснилось, что все последующие показания, которые давала после кражи иконы воспитанница Чайкина, оказались ложными, в чем она была уличена и созналась подполк. Прогнаевскому, что его розыски иконы среди старообрядцев были бесплодны, почему он, с согласия местного прокурорского надзора, должен их прекратить. Откланявшись великой княгине и заверив ее еще раз в том, что ее желание будет исполнено, я снова пригласил к себе кн. Ширинского-Шихматова и подполк. Прогнаевского, который сделал подробный в моем присутствии доклад князю о ходе всех его расследований и имеющихся у него данных по этому делу.

Опросив еще раз кн. Ширинского-Шихматова подробно о том, что им было предпринято в Курске, и не передавая, конечно, изложенного выше впечатления об его розыскных действиях, вынесенного великой княгиней, а указав на сердечные мотивы, ее высочеством высказанные, я просил их обоих довести до конца это дело и, сохраняя полную объективность, быть осторожными в отношении лиц, окружавших великую княгиню и следивших за каждым розыскным действием. Пред этим же я попросил князя отправиться в Шлиссельбург и лично опросить Чайкина и по поводу его показания, данного на суде, и о своем, вынесенном от этого свидания, впечатлении мне доложить.

Кн. Ширинский-Шихматов был в Шлиссельбурге, видел Чайкина, из молодого, общительного и жизнерадостного человека обра-

тившегося в старика, находящегося в периоде религиозных сомнений, совершенно не интересующегося вопросами жизни. Чайкин подтвердил князю мотивы, заставившие его сжечь, предварительно разрубив на щепки икону и рассказал даже, что части иконы долго не разгорались под влиянием отверделости красок письма. Затем Чайкин показал князю, что упомянутого выше арестанта он знает и указал даже, в какой каторжной тюрьме он с ним познакомился, но добавил, что тот с ним, Чайкиным, в этом деле не работал; это отвечало и данным, имевшимся у князя и Прогнаевского. После этого у меня явилась полная уверенность в том, что этот арестант или желает в пути совершить побег, или преследует какие-либо гнусные цели, требующие немедленного их разоблачения. Поэтому было решено, что кн. Ширинский-Шихматов, не жалея денег, приложит, вместе с Прогнаевским, все усилия, чтобы арестант не мог убежать, и примет все меры, если потребуется, вплоть до устройства отдельного помещения для арестанта на месте прибытия его в указанный им район, с целью преградить ему возможность каких бы то ни было и с кем бы то ни было сношений со стороны. Все это было исполнено в точности, и, по привозе арестанта в назначенное место, он был в тюрьме совершенно изолирован. Но и здесь арестант не давал никаких определенных указаний о месте нахождения иконы, а начал затягивать дело розысков требованием свидания с знакомыми ему товарищами, разыскивать которых в Москве взялся, при помощи градоначальника Климовича, упомянутый мною выше священник, устроенный у великой княгини на службе в Москве.

Дело затянулось, и великая княгиня через того же Зурова, считая кн. Ширинского-Шихматова виновным в излишних стеснениях арестанта, затягивающим дело розыска иконы, просила меня отозвать кн. Ширинского-Шихматова и передать это дело ген. Климовичу, к которому она относится с полным доверием. В период этих переговоров кн. Ширинский - Шихматов не ослаблял своего надзора за арестантом, подвергая его частым обыскам, не дававшим, однако, никаких результатов, и вынес свое глубокое убеждение в полной его неискренности. В один из последних дней своего за ним наблюдения кн. Ширинский-Шихматов приказал тюремному начальнику произвести обыск в его присутствии и раздеть догола арестанта, и тогда при очень внимательном осмотре арестанта, у него между ягодицами обнаружили свернутый на вощеной бумаге абрис переданного ему ранее очертания похищенной иконы с оттиском примет подлинника. Получив от арестанта после этого чистосердечное раскаяние и составив как протокол осмотра, так и протокол опроса, кн. Ширинский-Шихматов, отдав арестанта, для отправки в первоначальную тюрьму, в руки тюремной администрации, которая его сейчас же перевела на общий каторжный режим, представил все эти акты, с веще-

ственным доказательством, великой княгине, которая просила его передать мне особую благодарность за охрану ее интересов в данном деле. Затем, прибыв в Петроград, кн. Ширинский-Шихматов обо всем подробно доложил как министру, так и мне.

За этот период А. А. Вырубова интересовалась ходом дела, и когда я рассказал ей о результатах розыска иконы, то она, как я мог заметить, осталась довольна неудачей великой княгини и записала некоторые подробности для доклада императрице. Распутин же впоследствии говорил, что великая княгиня «хотела обмануть бога», хотя в данном деле, насколько я мог понять и из слов ее высочества и докладов кн. Ширинского-Шихматова, великая княгиня, зная религиозную сторону характера государя и то сильное впечатление, какое на него в свое время произвела кража этой святыни, сопровождавшей русских царей в их походах, предполагала доставить государю и всей верующей России молитвенную радость и утешение во время переживаемой тяжелой войны.

9.

Распутин и принц Ал. Петр. Ольденбургский. Государственная Дума, государь и государыня. Политика А. Н. Хвостова. Награждение Родзянко. Интриги Распутина против Думы. Доклад А. Н. Хвостова и речь Горемыкина об отсрочке Государственной Думы.]

Что касается других особ императорской фамилии, то ни за кем из них в эту пору нам не поручалось наблюдать. Лично же Распутина привлекла деятельность принца Александра Петровича Ольденбургского. Распутин с удовольствием отмечал его энергию и подвижность и даже передал через секретаря принца Ю. П. Сюзора, в квартире А. А. Кона, в моем присутствии, письмо, насколько помню, с выражением своего восхищения деятельностью его высочества и добавлением, что он говорил об этом государю; причем Распутин выразил удовольствие, когда А. А. Кон высказал Сюзору предположение о желательности устроить свидание принца с Распутиным. Но Сюзор, обещая поговорить с принцем по этому поводу, все-таки добавил, что принц страшно занят, часто выезжает в служебные отъезды, и надо найти в будущем удобный для этого момент. Свидание это, как я потом узнал, не состоялось, так как принц, хотя и обнаруживал интерес к личности Распутина, часто о нем без озлобления, по словам Сюзора, расспрашивал и письмо Распутина к нему прочел и даже у себя оставил, но от свидания с Распутиным отказался.

Особенно ясно отмеченная выше черта отношений высоких сфер проявилась в вопросе о Государственной Думе. Я не буду касаться известной всем истории возникновения этого учреждения, вызванного к жизни напором общественного настроения того времени; не буду говорить о роли, которую сыграли влиятельные правые кружки, лица и действующие, в силу данных партийных лозунгов, монархические организации в стране, на удаление гр. Витте от должности премьера и дальнейшее до смерти его отношение к нему государя, несмотря на то, что гр. Витте имел в то время сильную поддержку в лице императрицы, стоявшей даже вначале на точке зрения необходимости дарования народу полной консти-

туции, и знал и умел пользоваться всеми пружинами влияний в преследовании своей цели обратного возвращения к власти; не буду подробно останавливаться на вопросе о последовавшем изменении отношения государя, в силу тех же условий, к покойному дворцовому коменданту Трепову, и начавшемся, правда, незаметном, охлаждении государя к вел. кн. Николаю Николаевичу за его участие в поддержании гр. Витте в его начинаниях в деле обновления порядка в стране. Отмечу только что первые две Государственные Думы своими выступлениями по волновавшим их вопросам давали сильное оружие в руки своих политических противников, сумевших внушить государю чувство подозрительности к этому учреждению. П. А. Столыпину пришлось выдержать большую борьбу с влиятельными правыми течениями и итти по пути некоторых уступок, чтобы доказать необходимость этого государственного института в интересах успокоения страны. В предпринятых Столыпиным начинаниях налаживания отношений правительства с Государственной Думой кроется весь секрет сознанной необходимости пребывания его на посту председателя совета министров и министра внутренних дел и успех его борьбы с покойным П. Н. Дурново, окончившийся выездом последнего заграницу незадолго до смерти Столыпина. Той же политики примирения с Государственной Думой держался и В. Н. Коковцов. С Государственной Думой начали считаться только как с учреждением законосовещательным, вошедшим так или иначе в обиход государственной жизни страны, чутко прислушивались ко всем выступлениям Государственной Думы и министров, в особенности во время бюджетных прений и по вопросам, затрагивающим сферу порядка управления, и, под влиянием тех же доминирующих правых течений, в привлечении на сторону правительства умеренных и правых групп и в усилении правого крыла государственного совета видели сдерживающее Государственную Думу начало в ее стремлении провести, путем соответствующих поправок правительственных законопроектов, исходящих от Думы, по ее личной инициативе, те или другие политические лозунги, закрепляющие конституционные гарантии.

Если государь и после речи А. И. Гучкова в 3-й Государственной Думе о влиянии Распутина, о чем я уже говорил выше, тем не менее считаясь с государственными соображениями, заглушая в себе личное чувство обиды, не пошел навстречу сильному напору на него разных влияний, желавших этот момент личных чувств государя использовать в своих домогательствах об упразднении этого государственного института, то государыня императрица с этого момента резко изменила свое отношение к Государственной Думе, всецело перешла в этом вопросе на точку зрения правых групп, прислушивалась к их голосу, в особенности идущему из провинции, зачастую отвечавшему правительственным директивам, стараясь приблизить к государю тех влиятельных сановников,

которые могли бы содействовать, благодаря личному отношению к ним государя, изменению его взгляда на Государственную Думу, нервно относилась к всеподданнейшим личным докладам председателя Государственной Думы, в особенности если темою доклада служили вопросы, которым ее величество придавала личное значение, и к той форме передачи председателем Думы совету старейшин Государственной Думы обмена мнений при докладах, в какую он облекал свой разговор с государем, и следила за выступлениями Государственной Думы, главным образом, в сфере вышеупомянутых вопросов. Война, патриотические переживания Государственной Думы, ее работы в этот период совместно с правительством, ее горячий отклик на все нужды армии и средостение на этой почве с высшим командным составом на войне заставили придать серьезное значение этому учреждению, в особенности в минуту тяжелых испытаний переменного военного счастья, когда патриотический призыв Государственной Думы поддерживал бодрящий дух армии и настроение масс, как в эти моменты, так и во время частых наборов и при прохождении наших внутренних и внешних займов.

Затем между Государственной Думой и правительством начался ряд осложнений на почве обвинений правительства не только в неподготовленности к войне и в представлении сведений о боевой приспособленности армии, не отвечавших, как оказалось впоследствии, действительному положению, но и в нежелании итти навстречу пожеланиям Государственной Думы в области мероприятий по обороне. Осложнения эти заставили Государственную Думу прибегать к поддержке своих начинаний в верховной ставке, ставшей в интересах армии на сторону Государственной Думы, и тем значительно выдвинули роль вел. кн. Николая Николаевича в делах государственного управления, заставляя министров не только считаться с его взглядами, но ставя их в положение исполнительных органов его повелений. Это повлекло за собой обращение некоторых министров к государю в отстаивании своих мероприятий в упомянутой области, в соответствующем освещении, как стремлений Государственной Думы, так и оказываемой великим князем поддержки Государственной Думы. Отношение правых влиятельных групп к этой позиции великого князя, к его начинаниям в сфере государственного управления страною и в завоеванных областях и к нему лично, в особенности после последовавшего частичного обновления кабинета, изменилось. Все это повлекло за собой, в связи с отмеченным мною ранее отношением Распутина к великому князю и умело внушенным им в это время подозрением о посягательстве великого князя, при поддержке Государственной Думы и армии, на корону, уход великого князя на Кавказ после галицийского отступления, приписанного всецело правыми группами отвлечению великого князя делами управления в ущерб высшему командо-

ванию армией и перемену отношений к Государственной Думе и тем министрам, которые оказывали поддержку Государственной Думе в ее настойчивых домогательствах конституционных гарантий.

Этот период времени совпал с вступлением А. Н. Хвостова в управление министерством внутренних дел. Когда до назначения, я и он подробно обсуждали план наших действий, то мы ясно отдавали себе отчет в обстановке событий того времени и считались со всеми приведенными мною выше отношениями к Государственной Думе, как со стороны высоких сфер и правых групп, так и с настроением самой Государственной Думы, и со взглядами на роль Государственной Думы того периода армии и страны. Те отражения общественных настроений, которые я воспринял от своего годового объезда многих губерний внутреннего района в качестве главноуполномоченного комитета великой княгини Марии Павловны, и сведения о настроении Государственной Думы, полученные мною от некоторых знакомых членов Государственной Думы, в особенности от близко стоявшего к М. В. Родзянко А. Д. Протопопова, Алексей Николаевич Хвостов дополнил своими непосредственными впечатлениями из Государственной Думы. Все, в совокупности взятое, повелительно нам диктовало всячески ослабить остроту переживаемого момента и, насколько возможно, войдя в контакт с правым крылом Государственной Думы и государственного совета и монархическими организациями, приостановить, хотя бы временно, их выступления перед государем против Государственной Думы, парализовать в этом вопросе влияние Горемыкина, взгляд которого на Государственную Думу мне был известен из частных бесед с ним на эту тему до назначения на должность, примирить государыню с мыслью о необходимости, в виду государственной важности переживаемого тогда времени, как для армии, так и страны, прохождения бюджета в предстоящей сессии Государственной Думы, о продлении времени созыва которой циркулировали уже слухи в придворной среде и среди влиятельных членов государственного совета, предварительно приняв все возможные меры к сближению с председателем Государственной Думы и влиятельными членами Государственной Думы, и к налаживанию, по возможности, примирительного отношения ее к правительству, сознавая всю трудность последнего, и затем уже, переговорив с ген. Алексеевым и убедив Воейкова, осветить этот вопрос при личном докладе государю. По вступлении в должность, с первых же дней и до моего ухода, мы приложили все свои старания к осуществлению этого плана, где центральную роль влияний на Государственную Думу, переговоры с правыми организациями и влиятельными лицами правого крыла государственного совета с ген. Алексеевым и Воейковым и соответствующие доклады высочайшим особам, взял на себя Хвостов, а я, подготовляя ему в некоторых случаях обста-

новку, должен был влиять на Вырубову и Распутина, помогая ему в этом, и посвящать его в курс всех относящихся к Государственной Думе сведений, поступавших ко мне из разных источников.

Так как влиятельная группа членов правого крыла государственного совета сравнительно мало знала А. Н. Хвостова, и в случае выработки партийной законодательной тактики или по более серьезным программным партийным вопросам вела переговоры с Замысловским или Марковым, то для того, чтобы А. Н. Хвостов мог заручиться поддержкой этой группы и наладить с нею свои взаимные хорошие отношения, чего А. Н. особенно желал, я посоветовал ему, делая визиты, принять меры к тому, чтобы застать нужных ему членов государственного совета дома, с ними лично познакомиться и обменяться взглядами, сблизиться с видными лицами государственного совета. Затем, указав Хвостову на ту роль, которую после смерти Богдановича начал занимать кружок Штюрмера, находившийся в постоянных соглашениях с Горемыкиным и придворными сферами, я по просьбе А. Н. Хвостова переговорил с Штюрмером, просил его оказать своим влиянием поддержку А. Н. и познакомить его с имевшими значение в правой группе государственного совета членами государственного совета и, на правах старого знакомого Штюрмера, имея уже согласие А. Н. Хвостова, обещал Штюрмеру свое содействие к переводу его старшего сына сначала в Петроград, как желал Штюрмер, а затем к назначению его вице-губернатором в одну из каких-либо отдаленных губерний, чем доставил Штюрмеру искреннее удовольствие, так как он, как я знал, был особенно озабочен судьбою этого сына, на которого женитьба, действительно, оказала благотворное влияние в последнее время. Кроме того, я рекомендовал А. Н. Хвостову установить хорошие отношения с сенатором А. А. Римским-Корсаковым, имевшим значение в среде объединенного дворянства и в монархических организациях, с которым я находился в хороших отношениях, и которого я также попросил оказывать А. Н. Хвостову поддержку в его начинаниях. Как Штюрмер, так и Римский-Корсаков обещали А. Н. Хвостову свою поддержку, причем Б. В. Штюрмер исполнил в точности мою просьбу, устроив у себя собрание, на котором я не был, многих членов государственного совета. На этом собрании А. Н. Хвостов изложил свое политическое кредо и программу предстоящей ему деятельности в качестве министра внутренних дел, а потом, оставшись в тесном кружке более влиятельных членов государственного совета, обменялся с ними рядом своих соображений по вопросам ближайшей тактики в отношении к Государственной Думы, прессы, антидинастического движения в стране, парализования слухов в связи с именем Распутина, не указывая, конечно, на знакомство с ним, стараясь, как он мне потом говорил, как в первом, так и во втором совещании выдер-

жать экзамен, приноравливая высказываемые им соображения к взглядам группы и кружков. Не скажу, чтобы после знакомства с ним, к нему отнеслись сразу доверчиво, как я проверял потом мнения о нем, у некоторых знакомых мне членов совета, бывших на этом собрании, так как последовавшие затем в прессе интервью А. Н. Хвостова несколько обеспокоили членов кружка, как не отвечающие тому, что он высказывал на этом собрании.

Кроме того, у себя (на Морской) я устроил разновременно ряд обедов правых членов государственного совета и влиятельных членов правой группы Государственной Думы и некоторых сенаторов для закрепления с ними более тесного единения А. Н. Хвостова.

Что же касается монархических организаций, то с представителями их вел разговоры как А. Н. Хвостов (с Марковым, Барачем, Левашевым, Замысловским, Восторговым), так и я (с В. Г. Орловым, Дубровиным, Кельцевым) и затем, когда открылся разрешонный кн. Щербатовым в Петрограде первый монархический съезд, то Марков, Замысловский, Левашов, Барач, Восторгов и правые члены Государственной Думы по соглашению с А. Н. Хвостовым вели программную работу, посвящая А. Н. Хвостова, а Замысловский иногда и меня, в ход работ комиссий и общих собраний. Кроме того, А. Н. Хвостов и я говорили с членами съезда при их посещениях нас; затем, в том же направлении был обсужден второй нами разрешонный съезд монархистов в Нижнем-Новгороде, куда поехали, по нашей просьбе, многие из видных деятелей монархических организаций, бывших в Петрограде, затем Марков, Дубровин близкий к Алексею Николаевичу Хвостову, член Государственной Думы из Нижегородской губернии Барач, В. Г. Орлов и другие, и кроме того, был командирован сын хорошего знакомого А. Н. Хвостова нижегородского архиепископа, председатель петроградского центрального комитета Левицкий, получивший специальный, в 2 тыс. рублей, денежный отпуск из секретного фонда департамента полиции для поддержки местных влияний.

В отношении же Государственной Думы, путем дополнительного, по три тыс. рублей в месяц, ассигнования полк. Берткович из секретного фонда, мною было значительно усилено агентурное освещение всех фракционных и советских заседаний Государственной Думы, а также кулуарных разговоров членов Государственной Думы и ложи журналистов и устроено, секретно от Куманина, проверочное наблюдение сообщаемых им председателю совета министров того же порядка сведений, которых Куманин не давал министру внутренних дел, видимо, получая на свою организацию деньги из секретных сумм, находящихся в распоряжении председателя совета, мне неизвестных. Сверх того, все то, что мне кроме этого, по телефону и при личной явке сообщал полк. Бертхольд, которого я в интересах законспирирования его роли, согласно его желанию, в этот период

времени перевел из корпуса жандармов в состав лиц, служащих по министерству внутренних дел и повысил в чине, или то, что сообщал мне А. Д. Протопопов или члены Государственной Думы Марков, Замысловский, Алексеев и Дерюгин, при получении у меня субсидий, а также поступавшие ко мне из разных сторон сведения, касающиеся настроения Государственной Думы, я сообщал А. Н. Хвостову, при личных, почти ежедневных свиданиях. Что же касается А. Н. Хвостова, то, как для парализования нежелательных в поставленной нами задаче течений, слухов и разговоров, так и для передачи тех сведений, которые могли бы успокоительно подействовать на депутатов, в особенности в вопросе своевременного открытия сессии и отношении государя к работам Государственной Думы, он широко использовал кн. Волконского, имевшего в Государственной Думе известное значение, а также большой круг хороших знакомых в составе членов Государственной Думы. Вместе с тем А. Н. Хвостов, кроме инструктирования указанных выше депутатов, а также много помогавшего ему во влияниях на правую группу члена Государственной Думы Барача, предпринял, как он мне говорил, меры к сближению с националистами и октябристами (насколько они были удачны — не знаю) и сблизился с членом Госуадрственной Думы П. Н. Крупенским, которому я, по поручению А. Н. Хвостова, переданному мне в присутствии Крупенского, выдал 20 тыс. рублей, под видом устройства потребительной, при Государственной Думе лавки, причем, по уходе Крупенского, А. Н. Хвостов, смеясь, мне заявил, что эта ассигновка имет своим значением, под благовидным предлогом, привлечение Крупенского к освещению настроения Государственной Думы.

Затем А. Н. Хвостов постарался и, как он сам мне передавал, достиг в этом направлении ожидаемых результатов, завязать хорошие отношения с председателем Государственной Думы, часто к нему ездил и говорил с ним, как я сам видел, по телефону, передавая ему те или другие политические новости, сообщая многое из деятельности совета министров, о Горемыкине, а также сведения из придворных сфер в соответствующем видам А. Н. Хвостова освещении, советовался с ним по некоторым служебным делам и старался всячески заручиться расположением М. В. Родзянко в смысле его влияния на спокойный ход работ в Государственной Думе, и избежания, в интересах династических, возможности поднятия в общих собраниях Думы, каких-либо разговоров, связанных с именем государыни. Кроме того, при открытии занятий бюджетной комиссии А. Н. Хвостов, хотя он и не был членом бюджетной комиссии, начал как член Думы, довольно часто посещать Думу, входя в здание не из министерского павильона, а из общего депутатского подъезда и, для более тесного сближения с членами Думы, передавал в кулуарах и за завтраком некоторые желательные ему или в общих, или в личных целях, сведения.

Подготовив, таким образом, некоторую почву для осуществления задачи, поставленной нами в вопросе о Государственной Думе, мы постоянно, при каждом свидании, начали подготовлять к благоприятному для нас разрешению наших предположений А. А. Вырубову и Распутина, запугивая их внутренним неспокойным настроением масс, видимыми осложнениями в ходе наших военных действий и подчеркивая упомянутое мною выше значение в эту минуту выступлений в патриотическом направлении Государственной Думы. Не скажу, чтобы нам с первых же по этому поводу разговоров удалось достигнуть желаемых результатов. В этом отношении А. А. Вырубова была откровеннее Распутина. Хотя она и понимала важность переживаемого времени, но на Государственную Думу смотрела с той же точки зрения, как и императрица и правые кружки и только наша настойчивость и убеждение ее в том, что нами будут приложены все усилия к тому, чтобы в общих собраниях не был поднят разговор об императрице, Распутине, владыке митрополите и о ней, несколько ее поколебали, и она обещала переговорить по этому поводу с императрицей. При этом мы ей в подробностях указали, что нами предпринято в отношении Государственной Думы, но вселить в нее чувство уверенности в содействии в этом деле А. Н. Хвостову со стороны Родзянко, было трудно, так как она М. В. Родзянко считала врагом императрицы и боялась, что он лично в волнующем ее вопросе не будет на нашей стороне. Немного ее успокоило мое заявление, что мне дал обещание помогать в этом направлении товарищ председателя Думы Протопопов, о котором я, после предварительного моего с ним по этому поводу разговора, пользуясь случаем и исполняя просьбу А. Д. Протопопова, высказался в благожелательных тонах, как о человеке, преданном интересам императрицы и желающем даже познакомиться с нею, Вырубовой; при этом я просил ее принять Протопопова и выслушать его доводы, а также и его начинания в области воздействия на Родзянко в желательном направлении, что она и обещала.

Затем, зная со слов А. Д. Протопопова, сообщавшего мне сведения о настроениях Родзянко и совета старейшин, насколько был обижен М. В. Родзянко и лично и, как председатель Государственной Думы, пожалованием ему, по случаю 300-летия юбилея дома Романовых, ордена Владимира 3-й степени в очередном, как рядовому чиновнику, порядке, тогда как министры, соответственно своему положению, получили награды в исключительном порядке, (Маклаков получил даже в юбилейный год Анну 1-й ст., не имея ни Владимира 4-й и 3-й ст., ни Станислава 1-й ст.) и видел в своем награждении желание умалить значение представительствуемого им высшего в империи законодательного учреждения, я высказал мысль о пожаловании М. В. Родзянко к предстоящему 6 декабря, вне правил, одрена Св. Станислава 1-й ст., что, с одной стороны,

покажет Родзянко знак милостивого отношения к нему и его заслугам государя, а, с другой стороны, будет оценено Государственной Думой, как августейшее внимание, оказанное ей в лице Родзянко. Эта мысль понравилась Вырубовой и несколько рассеяла ее опасения относительно Родзянко; к этому А. Н. Хвостов, вполне разделяя мою точку зрения, о чем я, предварительно разговора с А. А. Вырубовой, уже ему докладывал, добавил, что он, если императрица не встретит каких-либо препятствий в вопросе о созыве Государственной Думы, он при последующем докладе государю будет просить его величество разделить все эти соображения и оказать Родзянко ряд знаков милостивого своего к нему внимания при всеподданнейших докладах Родзянко о ходе работ бюджетной комиссии и о плане работ Государственной Думы. Затем А. Н. Хвостов указал А. А. Вырубовой, что он, как по общему вопросу, так и по отношению к Родзянко переговорит пред докладом государю с Воейковым и Алексеевым.

Что касается Распутина, то я, предварительно изложения наших с ним разговоров, сделаю краткую характеристику его отношений к Государственной Думе. Насколько я мог заметить после присматривания к Распутину, целого ряда с ним разговоров на различные толки и его дальнейших отношений по тем или другим вопросам, я вынес убеждение, что для него не существовало идейных побуждений, и к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих или, как он понимал, интересов А. А. Вырубовой; но, в силу присущих ему черт характера, во многих вопросах, в особенности, когда он находился в кругу незнакомых или недостаточно знакомых ему людей, или, если он говорил с тем, с кем вел свою игру, или в тех случаях, когда он хотел, как бы рекламировать себя, свою прозорливость, знание им святого писания, патриотизм и чистоту его искренних побуждений в желании добра августейшей семье, он, Распутин, старался замаскировать свои внутренние движения души и помыслы. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, неинтересующимся никакими материальными благами человеком, вполне доверчиво идущим навстречу доброму делу, так что многие искушенные опытом жизни люди и даже близко к нему стоявшие лица зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрыть их карты; только в минуты сильного гнева, раздражения, опьянения или полной его доверчивости, у него обнаруживались иные черты его характера и его помыслы. Как ни мало мы еще в ту пору познали Распутина, тем не менее, в вопросе об его отношении к Государственной Думе для нас была понятна его точка зрения. В прошлом Государственная Дума ничего ему, Распутину, не дала хорошего, а, наоборот, каждое открытие сессии Думы влекло за собой не только стеснение его в свободе действий, но и в большинстве, и в выездах его на продолжительное время из

Петрограда, а следовательно, и вызывало тревогу за возможность в этот промежуток времени изменения к нему отношения со стороны, по крайней мере, государя; затем выступление Гучкова обнаружило степень его близости к высшим сферам, вызвало общее негодование на него и вселило в него чувство опасения за свою жизнь; в будущем надеяться на перемену отношений к нему со стороны Думы для него представлялось маловероятным, так как он сам видел, насколько этот вопрос обеспокоивал государя, и поэтому он всецело поддерживал государыню в мысли о бесполезности этого учреждения, а государю указывал, что крестьянская масса разочаровалась в Государственной Думе, которая ничего не сделала для крестьян в улучшении их положения. Затем Распутин, будучи знаком с представителем монархических организаций Дубровиным, Орловым, его часто посещавшим, с Восторговым, Кольцовым и др., находил в их взглядах на работы Государственной Думы, в их постановлениях возможность в своих разговорах с государем на эту тему выставить не свои личные обиды и боязнь этого учреждения, а партийные лозунги и соображения в интересах монархического принципа.

С другой стороны, Распутин всегда боялся высказывать открыто свой взгляд на Государственную Думу, чтобы этим не дать повода к излишним о том разговорам в Думе и очень нервно воспринимал все то, что говорилось о нем в кулуарах Думы и всякий раз, когда эти разговоры до него доходили, расспрашивал меня, так или, быть может, в другой форме было о нем то или другое сказано и очень ценил тех немногих, кто старался рассеять среди депутатов эти толки; поэтому он оказывал свои знаки симпатии А. А. Кону, который, познакомившись с ним по моей просьбе, как увлекающийся вообще человек, а к тому же мистик, почему-то искренно к нему привязался, находя в нем какой-то особенный склад душевных импульсов и, имея место, как журналист, в ложе корреспондентов, часто посещая Государственную Думу, где у него было много знакомых из состава членов Думы, старался заступиться за Распутина и даже носился с мыслью о сближении с ним членов Думы для восприятия ими непосредственных от сношения с ним впечатлений. Эта мысль очень понравилась Распутину, но, с другой стороны, и несколько его запугивала, и я, насколько мог в свою пору, старался сдержать от этого взаимного ознакомления и Кона, и Распутина; после же моего ухода Кон все-таки, не состоя уже в общении ни с кем из членов министерства внутренних дел, а лично, по собственному побуждению, начал осуществлять это сближение Распутина с членами Государственной Думы. Я два или три раза присутствовал при свидании Распутина с М. А. Карауловым и видел, как Распутин, которого я уже более знал чем вначале, с особым вниманием всматривался в Караулова, как в человека другого мира, стараясь

найти в нем какой-либо особый даже с внешней стороны отпечаток, не знал, как вести себя, и только, когда Караулов, налив ему за обедом вина, пригласил его выпить и сразу определил свои отношения к нему, Распутин начал входить в свою колею, но все-таки от поры до времени в нем проскальзывало желание показать Караулову, что он человек исключительный. Затем после моего ухода, когда начались в Государственной Думе речи об императрице и о нем, я заинтересовался отношением Распутина к ходу заседаний Думы и спрашивал об этом Мануйлова, все время на первых порах назначения Штюрмера находившегося около Распутина.

Мануйлов мне передал, что из всего, что в Думе происходило, Распутина только интересовали выступления против него и лиц, ему покровительствующих; он требовал, чтобы Мануйлов ему в точности прочел все то, что по этому поводу говорилось в Думе, был взволнован, сосредоточен и ругал Штюрмера за то, что тот сейчас же не выступил в защиту.

Конечно, затея Кона не дала тех результатов, какие он преследовал, так как Караулов, как равно и другие члены Государственной Думы, которым Кон демонстрировал Распутина, не нашли в последнем тех исключительных совершенств, о которых им рассказывал Кон. Узнав, что это начало служит темой для разговоров в Думе, я рекомендовал Кону прекратить эти ознакомления депутатов с Распутиным, а также посоветовал А. А. Вырубовой повлиять на Распутина, чтобы он отказывался от этих свиданий, и об этом сказал и Распутину, Когда мы, т.-е. я и А. Н. Хвостов, начали говорить с Распутиным на тему о предстоящей к открытию сессии Государственной Думы, он сразу изменился, выслушал наши доводы и ответил с маскированным простодушно-доверчивым видом, без всякой как бы злобы, что он уже не раз говорил с государем о том, что надо помириться с Думой, приехать в нее и сказать: «Я ваш, а вы мои, из-за чего нам ссориться, будем жить в ладу», но что «они», т.-е. члены Государственной Думы больно оскорбили государыню и что виною в охлаждении высоких сфер к Думе являются Гучков и Родзянко, что он лично не понимает, почему Дума его не любит, тогда как он им ничего дурного не сделал и кроме добра никому, а тем более августейшей семье, не желает, а что думцы все время про него распускают всякие небылицы, о которых Родзянко всегда передает государю.

Видя такую явную неискренность Распутина и чувствуя в его ответе оттенок затаенного озлобления против Думы, мы дали ему понять, что если только эта сессия Думы будет отложена, то не только Дума, но и вся Россия и армия будут винить исключительно его и что тогда мы не ручаемся за его безопасность, а что, наоборот, если он поможет открытию Думы, то можно это обстоятель-

ство использовать в пользу изменения к нему недоброжелательного отношения, указав кое-кому из думцев на его роль в этом деле; что же касается Родзянко, то А. Н. Хвостов успокоил его, заявив, что он с ним в хороших отношениях и примет все меры к убеждению Родзянко не допустить в открытом заседании разговоров ни о нем, ни об императрице. Затем мы указали Распутину на те же соображения, какие приводили и А. А. Вырубовой, относительно смягчения настроения Родзянко, а я к этому добавил Распутину, что в Государственной Думе есть около Родзянко хороший мой знакомый — товарищ Родзянко А. Д. Протопопов, который желает познакомиться с А. А. Вырубовой и с ним и который, в виду своей преданности государю и государыне, обещал нам помогать и совершенно иначе, чем другие, понимает и относится к нему, Распутину. После этого Распутин перешел на свой обычный тон и начал интересоваться деталями этого дела и, усвоив себе личную выгоду от нашего предложения, обещал даже сказать А. А. Вырубовой, чтобы она попросила Танеева о награждении Родзянко, и дал свое согласие содействовать нам в этом деле; затем мы дали соответствующие указания полк. Комиссарову влиять в этом направлении на Распутина при ежедневных с ним свиданиях.

После посещения Распутиным государыни и получения А. Н. Хвостовым разрешения от ее величества внести этот вопрос на всеподданнейший личный доклад государю, А. Н. Хвостов отправился с очередным докладом в ставку и имея уже согласие генералов Воейкова и Алексеева, и, как мне потом передавал там во всех подробностях, лично доложил свои предположения его величеству и встретил полное одобрение всей программы. По возвращении А. Н. Хвостов, после свидания с Родзянко, постарался в Думе широко осветить благожелательное отношение государя к работам Думы и его желание правильного хода ее работы; судя по донесениям Бертхольда — насколько правдивы были осведомления его, не знаю — поездка эта имела для А. Н. Хвостова благоприятные результаты в том отношении, что она несколько сгладила принятое в начале недоверчивое отношение к нему и его политике в отношении Государственной Думы и внесла успокоение в среду депутатов по вопросу о времени открытия работ государственной Думы. Вместе с тем, А. Н. Хвостов в частных разговорах с некоторыми министрами поставил и их в известность о решении государя. Но А. Н. Хвостов не учел влияния Горемыкина, который ему при докладе по этому вопросу сказал, что он еще не получил никаких директив от государя и предполагает, в зависимости от хода занятий бюджетной комиссии Государственной Думы, испросить указания по этому вопросу от его величества, но своей точки зрения на этот вопрос не высказал. При одном из моих докладов этого периода Горемыкину, когда я ему говорил о настрое-

ниях Думы, я заметил, что ему не нравится та роль, которую занял А. Н. Хвостов в вопросе об открытии Думы, взяв на себя разрешение его путем своего всеподданнейшего доклада. Об этом я передал А. Н. Хвостову, и он решил переговорить через некоторое время с министрами, взгляды которых на Государственную Думу были нам известны, и поднять вопрос о сроке созыва в совете министров.

6 декабря последовала награда М. В. Родзянко, о пожаловании которой после возвращения А. Н. Хвостова из ставки, я по его поручению, докладывал Танееву и встретил его благожелательное отношение. Это пожалование награды, а затем высокомилостивый прием Родзянко, судя по полученным мною сведениям из Думы и из прессы, внесли успокоение и уверенность в нормальном ходе работ Государственной Думы. Горемыкин был молчалив и в совете министров избегал разговоров по вопросу о созыве Государственной Думы; судя по Куманинской агентуре, вопросом настроения Государственной Думы интересовался. Чем ближе стала подходить средина декабря, тем сведения, получаемые мною из Думы, становились тревожнее, так как, в виду наступающего срока рассмотрения в бюджетной комиссии сметы министерства внутренних дел, из фракционных данных и кулуарных разговоров было видно, что не избежать в бюджетной комиссии выступлений по поводу влияния Распутина. Когда я об этом доложил А. Н. Хвостову, то он уже был по этому вопросу поставлен в известность Родзянко, который по словам А. Н. Хвостова, не видал возможности, в интересах будущего, положить какой-либо предел разговорам на эту тему в бюджетной комиссии. Из дальнейших моих разговоров по этому поводу с А. Н. Хвостовым выходило, что он сумеет, вследствие подготовленной им почвы и намеченного им уже плана ответа своего в бюджетной комиссии, не вносить излишнего раздражения в среду депутатов и тем избежать резкой переходной формулы и надеется, что на этом и окончится выступление по поводу Распутина и в общих собраниях этих разговоров не будет, а в периодической прессе, в виду уже данных по военной и нашей цензуре распоряжений, о Распутине не будет помещено ни одной строчки. В этом направлении были осведомлены и А. А. Вырубова и Распутин, но я не скажу, чтобы это их успокоило, так как они настаивали на непременном условии, чтобы в газетах никаких подробностей о том заседании бюджетной комиссии, где будет затронут разговор о Распутине, не было помещено; в виду этого А. Н. Хвостовым были еще раз отданы по Петрограду и по Москве соответствующие распоряжения самого категорического характера. Действительно, когда приблизился день рассмотрения в бюджетной комиссии сметы министерства внутренних дел, мы получили уже подробные сведения о том, кто именно из депутатов,

о чем и в каком духе будет выступать с речами о влияниях Распутина.

В тот день, когда рассматривалась наша смета, я должен был дневным поездом выезжать с докладами к ген. Алексееву в ставку, где мне предстояло также и представиться его величеству, но, тем не менее, интересуясь настроением и первыми речами, я отправился в Государственную Думу. Полуциркульный зал весь был занят не только членами бюджетной комиссии и представителями министерства, явившимися на первое заседание с своими ближайшими сотрудниками в полном составе, но и очень многими членами Государственной Думы, пришедшими специально на это заседание. Мне пришлось слышать речь Савенко с оглашением телеграммы, посланной Распутиным в Пермь назначенному по желанию Распутина тобольским губернатором Ордовскому-Танеевскому, о чем я уже доказывал, и половину речи члена Думы Александрова, так что о дальнейшем ходе заседания, репликах А. Н. Хвостова и о личном своем впечатлении я не могу ничего сказать, но, когда через несколько дней я вернулся, то рассмотрение нашей сметы уже было закончено, и я застал А. Н. Хвостова сравнительно довольным исходом, что он при мне и подтвердил А. А. Вырубовой и сказал Распутину. Приближалось затем время открытия Государственной Думы, хотя работы бюджетной комиссии по рассмотрению всех смет еще не были оглашены.

Горемыкин в совете министров вопроса о Думе не подымал, но мне было известно, о чем я и передал А. Н. Хвостову, что он ездил с докладами в Царское Село к императрице. Хотя мы предполагали, что это были обычные его доклады по верховному совету, где он заступал в председательствовании императрицу, но все-таки несколько встревожились; затем у Горемыкина в этот период времени был Распутин, который нам также не говорил о цели своего посещения Горемыкина, а объяснил это свидание желанием вообще его повидать. Все это было подозрительно, и поэтому А. Н. Хвостов решил осуществить свое предположение и поднять вопрос о времени открытия Думы в одном из бывших заседаний. На этом заседании я не был, подробностей не знаю, но, со слов А. Н. Хвостова, насколько помню, — произошло следующее: несмотря на попытки Горемыкина отклонить суждения по вопросу о созыве Думы, обмен мнений, тем не менее, состоялся, и подавляющее большинство стояло на точке зрения А. Н. Хвостова; не высказав своего решения, Горемыкин, закрывая заседание, дал обещание, при докладе государю, доложить заслушанные им мнения министров только государю. Хотя мы предупредили А. А. Вырубову и Распутина, но, тем не менее, узнали затем, что Горемыкин побил нас тем же оружием, которое мы выставляли, — Распутиным, представив происшедшие в бюджетной комиссии выступления против Распутина началом более сгу-

щенным разговорам на эту тему и относительно императрицы в открытом заседании Государственной Думы, причем он указал, что, по имеющимся у него, Горемыкина, данным, Родзянко этому противодействовать не будет. Сведения это, конечно, стали достоянием министров, Государственной Думы и прессы, и настроение Государственной Думы резко изменилось. Это было использовано А. Н. Хвостовым в личных и в интересах затронутого в Думе вопроса для того, чтобы всю ответственность за изменившееся отношение Государственной Думы и общее в стране по этому поводу неудовольствие всецело перенести на Горемыкина и убедить высшие сферы принять, для смягчения настроения Государственной Думы, целый ряд мер, начиная с указанного мною изменения обычной формы даваемого в таких случаях указа, составив его в виде рескрипта на имя Родзянко и поставив срок открытия занятий Государственной Думы в зависимости от его, Родзянко, доклада государю об окончании работ бюджетной комиссии. Затем мы рекомендовали посещение государем Государственной Думы и указывали, что перемена председателя совета министров будет служить наглядным для всех доказательством того, что высокие сферы в этом вопросе ответственным считают Горемыкина, поставившего их в необходимость принятия такой меры, как отсрочка созыва Государственной Думы, своим неточным докладом о настроении Думы.

О форме написания указа я свою мысль докладывал и Горемыкину, но он в этом вопросе советовался с министром юстиции и, как я впоследствии узнал, последний собственноручно и писал проект указа. Указ был дан на имя Горемыкина, но, действительно, в несколько измененной редакции, что снова дало повод А. Н. Хвостову отметить неприятное впечатление, произведенное этим указом на Государственную Думу, и снова высказать А. А. Вырубовой и Распутину, для доклада во дворце, о необходимости и это обстоятельство поставить в вину Горемыкину. Если в период докладов Горемыкина императрице и разговоров с Распутиным, последний, а также лицо, его поддерживающее, и переменили свою первоначальную точку зрения на вопрос об открытии Государственной Думы и даже нас не поставили об этом в известность, то и Горемыкин, добиваясь лишь отсрочки времени ее созыва и то условной, зависящий не от воли государя, а от самой Думы, ставил тех, в интересах которых он, якобы, действовал, в более тяжкое, чем было ранее, положение. Поэтому, когда мы, в соответствующем совещании, внушили А. А. Вырубовой и Распутину необходимость проведения двух вышеуказанных последних мер, то естественно, конечно, они увидели в этом наилучший исход из того положения, в которое их лично поставил Горемыкин, и, поэтому, горячо поддержали во дворце эти начинания, которые и были осуществлены.

10.

[Личный характер всех проявлений высших сфер. Дела свящ. Востокова, Восторгова, архиеп. Иннокентия. Отношение к Поливанову. Штюрмер и пятимиллионный секретный фонд на печать. Уход Поливанова. Назначение Шуваева военным министром. Дело настоятеля Федоровского собора Александра Васильева.]

Та же черта личных отношений оказалась и в делах протоиереев Востокова и Восторгова. Выступление отца Востокова в проповедях в приходской подмосковной церкви с преобладающим фабричным составом прихожан и затем помещенная им на страницах издаваемого им религиозного духовного журнала петиция, направленная против влияний Распутина, за подписью его и прихожан, в связи с близостью Востокова в семье Самарина, о чем я уже упомянул, послужили основанием к тому, что его деятельности было придано значение отражающихся влияний Самарина. Поэтому, несмотря на просьбы прихожан, печатные выступления отца Востокова по поводу его пастырской деятельности и отношения к нему специальной назначенной для расследования ее комиссии, епархиальное начальство настояло на исполнении отцом Востоковым требования об уходе его из означенного выше прихода. Только перевод его в уфимскую епархию положил конец возгоревшейся по этому поводу газетной полемике, оставив после себя глубокий след в среде взволнованного отношением к отцу Востокову московского духовенства. Вмешательство в это дело уфимского епархиального архиерея еп. Андрея, в миру кн. Ухтомского, двоюродного брата А. Н. Наумова, как я уже раньше показал, ярого противника Распутина, вызвало со стороны последнего и А. А. Вырубовой неудовольствие против него и владыки митрополита Питирима. В св. синоде уже начались разговоры вообще о деятельности еп. Андрея, его публичных выступлениях по вопросам общественной жизни с либеральным оттенком высказываемых им взглядов, и когда еп. Андрей, не дожидаясь прохождения обно-

вительной приходской реформы, начал осуществлять некоторые ее начала, в особенности в предоставлении прихожанам своей епархии права выбора духовенства, то состоялось даже заседание св. синода, не убедившегося доводами, представленными лично еп. Андреем, и был поднят вопрос об устранении его от епархиального управления. Вопрос этот в дальнейшем не получил осуществления единственно из-за боязни раскола, который мог бы последовать после удаления на покой еп. Андрея, так как св. синод опасался как публичных выступлений со стороны самого владыки с объяснением причин его ухода, так и поддержки прессы, всегда благожелательно относившейся к деятельности еп. Андрея, в чем, я будучи давнишним знакомым и почитателем владыки еще со времени моей службы в Поволжьи, где протекала его миссионерская чреда служения православной церкви, так же уверил и митрополита, и А. А. Вырубову, и Распутина.

Что же касается прот. Восторгова, то, как я уже отметил, он был давно знаком с Распутиным, поддерживая с ним дружеские отношения; Распутин относился к нему благожелательно и, во время моего состояния в должности как Распутин, так и А. А. Вырубова под влиянием А. Н. Хвостова, старого, — близкого и дорогого знакомого Восторгова, даже оказывали последнему поддержку в его стремлении получить викариатство в Москве; но так как владыка митрополит Питирим, в виду поднятого около этого назначения столичными органами шума и других соображений, был против этого назначения, на котором, под влиянием прот. Восторгова, настаивал московский митрополит Макарий, то, по мысли владыки Питирима, предполагалось, в виду миссионерских по Сибири заслуг пр. Восторгова, предоставить ему, в виду смещения архиепископа Иннокентия, иркутскую архиепископскую кафедру, о чем мне передавал сам владыка Питирим. Я лично был мало в то время знаком с прот. Восторговым, и после своего ухода я узнал, что он обвинял меня в уходе А. Н. Хвостова, деятельности которого на посту министра внутренних дел придавал большое значение. Когда ко мне в этот период зашел вечером А. И. Дубровин, то, в присутствии Комиссарова, за чайным столом я начал расспрашивать Дубровина о его откровенных взглядах на личность и деятельность некоторых представителей монархических организаций, которых он знал с первых дней появления на арене политической жизни.

Характеристики Дубровина были метки и обнаруживали его большую наблюдательность и знание слабых сторон интересовавших меня лиц. Давая очерк Восторгова, с которым у Дубровина, как я заметил и на монархическом обеде у себя, отношения были натянуты, Дубровин, в доказательство правильности своего взгляда на пр. Восторгова, привел мне пример отношения последнего к Распутину, так искренно ему помогающему в достижении

епископского сана, и указал мне на одно из последних изданий прот. Восторгова, где он стал на защиту прот. Востокова по поводу выступлений последнего против Распутина и, делая критический обзор актов упомянутой мною следственной комиссии, в несколько, правда, туманных выражениях очертил роль Распутина в этом деле. При этом А. И. Дубровин добавил, что он хочет ознакомить А. А. Вырубову с двойственностью поведения прот. Восторгова в его отношениях к Распутину, открыть ей глаза на прот. Восторгова и показать ей этот обзор, написанный лично последним; но затем, узнав, что я на-днях собираюсь побывать у А. А. Вырубовой, передал мне, по моей просьбе, эту книгу, прося ему потом ее возвратить, так как у него другого экземпляра не имеется, и она ему нужна в числе других материалов, собираемых им для публичного разоблачения на страницах «Русского Знамени» деятельности Восторгова, не отвечающей в последнее время политике правых организаций. Действительно, как я заметил на съезде монархистов в Петрограде, той же точки зрения относительно Восторгова держались и многие другие партийные руководители монархических организаций, кроме В. Г. Орлова, связанного с прот. Восторговым личными хорошими отношениями. Когда при посещении А. А. Вырубовой, я передал ей эту книгу, указав на то, что Дубровин хотел сам ее показать ей, и передал ей точку зрения Дубровина и других правых деятелей на прот. Восторгова, то она придала этому делу большое значение, просила меня оставить эту книгу у нее и отчеркнула указанные мною в очерке Восторгова строки и примечания, относящиеся к делу Востокова. Этот очерк заинтересовал также и Распутина, который, при свидании со мной, сам меня первый спросил по поводу Восторгова и добавил, что «теперь Восторгову — крышка», ничего он не получит. Действительно, с этого времени не только затих разговор о назначении прот. Восторгова в Иркутск, куда он вначале, сильно рассчитывая на разного рода поддержки, даже отказывался ехать, но и вообще о получении им какой-либо отдаленной миссионерской епископской кафедры на Кавказе или в Сибири.

Зная мои отношения к митрополиту Питириму, Вырубовой и Распутину, Восторгов, затем, при приездах своих в Петроград по личным своим и служебным делам, часто жаловался мне на изменение отношений к нему не только митрополита Питирима, но и обер-прокурора Раева, лишившего его некоторых синодальных должностей, и просил моей поддержки у митрополита Питирима. Потом, когда я, будучи на рождественских праздниках в Москве, отдал Восторгову визит, он мне с сердечной болью говорил о своем разочаровании во всем том, чему он раньше поклонялся и страстном его желании уйти подальше для живой работы среди народа в духе чисто христианского служения своей пастве. Свидевшись вскоре с А. А. Вырубовой и митрополитом Питиримом, я передал

им, со слов пр. Восторгова, о настроениях московского духовенства и взглядах последнего на дела церковного управления за последний период времени и вынес убеждение, что отношение Вырубовой и митрополита к прот. Восторгову не изменилось.

С той же точки зрения личных отношений надо смотреть и на дело иркутского архиепископа Иннокентия, о котором я уже докладывал Комиссии, в виду переписки о нем по департаменту полиции. Сущность этого дела заключается не столько в характере интимных излияний архиепископа, сколько в обративших на себя внимание военной цензуры, передавшей для расшифрования в департамент полиции ряд писем архиепископа, зашифрованных местах этой переписки, где владыка высказывал свои накипевшие в душе полные горького разочарования соболезнования по поводу отражающегося на ходе всего церковного управления губительного и развращающего высшую иерархию влияния Распутина и отношений к нему высоких особ. Последствием этой переписки, с которой я ознакомил А. А. Вырубову и, по ее указаниям, передал копию этих писем обер-прокурору Волжину, а также доложил и владыке митрополиту Питириму, было удаление из Иркутска епископа Иннокентия, пользовавшегося, по засвидетельствованию генерал-губернатора Князева, симпатиями своей паствы, и принятие, по соглашению министерства внутренних дел с обер-прокурором, со стороны каждого из означенных ведомств, ряда мер, направленных к избежанию возможных при прощании паствы и духовенства с владыкой каких-либо выступлений демонстративного характера. В дальнейшем, данная по этому поводу, в донесениях начальника губернского жандармского управления характеристика отношений ген.-губернатора к владыке и населению управляемой им области послужила А. Н. Хвостову поводом для исходатайствования назначения генерал-губернатора Князева, без предварительного с ним сношения, что, как потом Князев мне писал, его глубоко обидело, в государственный совет.

В том же направлении подлежит рассматривать и отношение к А. В. Кривошеину, к которому А. А. Вырубова, несмотря на близость его к ее родным, относилась, как я уже говорил, с недоверием после его выступления в совете министров с поддержкою пожеланий Государственной Думы и придавала впоследствии подозрительное значение активной деятельности его в действующей армии в качестве сначала особоуполномоченного, а затем главноуполномоченного по Красному Кресту, видя в этом переход его в лагерь противников императрицы. Что же касается военного министра Поливанова, то к нему, после его разрыва с Сухомлиновым, под влиянием последнего и вследствие близости к А. И. Гучкову, отношения определились со времени его назначения членом государственного совета и только необходимость поддержки Государственной Думы после галицийского отступления возвратила его

в ряды военного министерства на пост руководителя этого ведомства, как администратора, пользующегося доверием Государственной Думы. Поддерживаемое им и после этого знакомство с Гучковым и близость его к графу Коковцову, к которой подозрительно относился и Горемыкин, служили частою темою наших разговоров с А. А. Вырубовой. Но подозрительность к Поливанову усилилась, с момента приезда Распутина, когда было обнаружено филерное наблюдение за Распутиным со стороны военного министерства, а также со стороны того же ведомства проследка телефонных разговоров по телефону Распутина и нашему. Когда об этом было передано нами А. А. Вырубовой, то она придала этому большое значение и просила меня принять меры для парализования этого наблюдения. Меры эти были приняты: филерное наблюдение за Распутиным было провалено, были сделаны телефонные отводы, и в свою очередь я установил наблюдение и за телефонными разговорами Поливанова из его квартиры, и за его поездками на автомобиле из Царского в Павловск, и за выяснением его знакомств. О получаемых мною сведениях я сообщал А. А. Вырубовой. Затем, чтобы успокоить А. А. Вырубову и Распутина, которых нервировала необходимость осторожности в разговорах по телефону, я, воспользовавшись своим докладом Поливанову по вопросу урегулирования постановки контр-шпионажа, в числе других соображений указал ему на пример установки военным ведомством наблюдений за Распутиным и телефонами его и нашим, вызвавший и с нашей стороны принятие тех же мер. Хотя ген. Поливанов, не изменяя тона разговора со мной, заметил мне, что он об этом не знает, но, тем не менее, после этого филерная проследка и наблюдение за телефоном Распутина были сняты, о чем я и передал А. А. Вырубовой и Распутину. Не скажу, чтобы это не отразилось на отношениях Поливанова к А. Н. Хвостову и ко мне; поэтому, в некоторых случаях, А. Н. Хвостову приходилось прибегать к всеподданнейшим докладам, которые показали ему, что государь, в период нашего управления министерством внутренних дел, не склонен был, несмотря на известные нам влияния на его величество, отказаться от услуг Поливанова, как военного министра, и давал понять А. Н. Хвоству о своем желании установить между Хвостовым и Поливановым корректные служебные отношения.

Так, например, государь особенно подчеркнул это в вопросе о норме наград по корпусу жандармов, когда Поливанов отказал нам в увеличении таковой, а также и в вопросе исходатайствования нами двух сверхъочередных наград полковникам: Комиссарову и Глобачеву, при производстве их, вне вакансий по корпусу жандармов и вне правил, в генерал-майоры, в чем также нам отказал Поливанов. В обоих этих случаях государь взял на себя роль примирителя и сказал Хвостову, что он, не желая обидеть ген.

Поливанова, лично попросит его найти возможность, путем отнесения старшинства в чине исполнить просьбы А. Н. Хвостова. Так как этот доклад Хвостова совпадал по времени с последующим докладом Поливанова, то государь приказал Хвостову выждать в приемной выхода ген. Поливанова, чтобы они оба могли здесь же сговориться по этому вопросу. После этого, действительно, ген. Поливанов, выйдя из кабинета государя, когда А. Н. Хвостов попросил его о вторичном пересмотре наших ходатайств, передал Хвостову, что государь с ним по этому поводу только что говорил и обещал Хвостову удовлетворить эту просьбу с тем, однако, чтобы штаб корпуса в будущих своих наградных представлениях не использовал этих исключительных награждений, как пример для отступлений от общих наградных правил.

В виду такого отношения государя к Поливанову и так как в наш план налаживания благоприятного настроения Государственной Думы совершенно не входило обострение вопроса относительно ген. Поливанова, с которым наши сношения служебные несколько наладились, то мы с декабря месяца 1915 года всячески старались избежать в разговорах с А. А. Вырубовой и Распутиным упоминания о Поливанове. Уход Поливанова состоялся уже после нашего оставления службы в министерстве, но основная причина, охладившая отношения Штюрмера к Поливанову, произошла при нас. Штюрмер с первых же шагов своего вступления на пост председателя совета министров, отнесся с особым вниманием к докладу А. Н. Хвостова по вопросу, мною выше отмеченному, о задуманном Хвостовым и Гурляндом целом ряде мероприятий по борьбе с оппозиционной прессой и созданию, путем скупки акций «Нового Времени», доминирующего влияния правительства на этот орган и т. п. Узнав, что на осуществление этих мероприятий и его плана предстоящей избирательной кампании в Государственную Думу А. Н. Хвостов получил уже предварительное согласие на отпуск своевременно соответствующего кредита из секретного фонда, Штюрмер выразил А. Н. Хвостову свое желание взять на себя руководительство этим делом, как имеющим в виду удовлетворение задач общей политики правительства, а не одного ведомства министерства внутренних дел. Хвостов без всяких возражений согласился на это и об этом своем разговоре сообщил мне и, в соответствующей окраске, некоторым членам кабинета. Когда я выслушал от А. Н. Хвостова весь его разговор с Штюрмером, то меня поразила та легкость, с которой Хвостов отнесся к сдаче своих позиций по вопросам, которым он, как лично им задуманным, придавал особое значение, и к которым всегда обнаруживал особое внимание; изучив уже, хотя и невполне, А. Н. Хвостова, я понял, что он сделал это неспроста и ждал последующего хода событий. Через несколько дней А. Н. Хвостов рассказал мне о том, что Штюрмер пожелал присутствовать на первом докладе его государю и что

он, Хвостов, даже против этого не возражал, так как свои пожелания Штюрмер мотивировал необходимостью совместного освещения перед государем некоторых вопросов внутренней политики, по коим он, как председатель совета, предполагает высказать и свои программные соображения. Я указал А. Н. Хвостову, что это несколько умаляет его значение, как министра внутренних дел, тем более, что пред этим он согласился и на представление Штюрмеру идущего к министру внутренних дел перлюстрационного материала, чего при Горемыкине не было.

Но А. Н. Хвостов ответил мне, что на совместный доклад уже испрошена у государя аудиенция и что в будущем, конечно, он прекратит дальнейшие в этом направлении попытки Штюрмера. По возвращении из Царского Села А. Н. Хвостов передал мне, что на докладе Штюрмер волновался, нервничал, никаких особых своих программных предложений не представлял вниманию государя и только сумел испросить разрешение на ассигнование в его распоряжение 5 миллионного отпуска секретного кредита на осуществление намеченных А. Н. Хвостовым мероприятий по прессе, высказав государю те же соображения, которые он приводил Хвостову, сославшись на последовавшее уже между ним и Хвостовым соглашение, в виду чего его величество изъявил на это свое согласие, но обусловил только прохождением этого ассигнования по журналу совета министров. Хвостов, по его словам, вынес впечатление, что целью совместного доклада Штюрмера и его было желание Штюрмера подчеркнуть присутствием Хвостова соглашение их по вопросу об отпуске означенного кредита. В следующем после этого очередном заседании совета Штюрмер предложил к подписи министров кратко составленный им проект журнала совета министра об ассигновании ему означенного выше денежного отпуска, не указав в журнале, на какие надобности; передавая же к подписи А. Н. Хвостова этот проект, Штюрмер доложил только совету, что он уже на этот отпуск получил согласие государя. А. Н. Хвостов подписал, но затем, когда проект журнала перешел к Поливанову, то последний, поддержанный Треповым, попросил у Штюрмера разрешения узнать о ближайших целях назначения ассигнования этого кредита. На это Штюрмер резко ему ответил, что об этом он докладывал государю, как о секретном назначении, и что если он, Поливанов, не желает подписывать, то он его не принуждает, а только при докладе государю об этом заявит. Тогда Поливанов подписал журнал, за ним подписали и остальные министры, заинтригованные такой крупной ассигновкой. Из полученных мною вслед за сим агентурных сведений оказалось, что по этому поводу пошли всякого рода разговоры не только среди министров, но и в среде высшего чиновничества и дошли уже до сведения некоторых членов Государственной Думы.

Тогда я, при свидании с А. А. Вырубовой, помимо А. Н. Хвостова, передал ей об этом, причем указал ей, что Штюрмер может провести этот журнал при ближайшем же докладе государю, почему и надо, во избежание каких-либо возможных запутываний в это дело имени государя, заранее об этих разговорах государя предупредить, так как Штюрмер не указал в совете цели расхода, а сослался на доклад государю; при этом я добавил Вырубовой, что в виду некоторого личного оттенка этих разговоров, я не счел себя в праве ознакомить с существом их Б. В. Штюрмера.

Результатом этого было то, что, как потом А. А. Вырубова мне передавала, государь, при представлении ему лично Штюрмером на утверждение этого доклада, выслушал его и просил перейти к дальнейшим делам, а этот проект оставил у себя в числе некоторых других для ознакомления с ними и потом вернул его с пометкою: «согласен, но с ознакомлением лично государственного контролера Покровского о всяком расходе из этого кредита». К А. А. Вырубовой потом дошли сведения о том хорошем впечатлении, какое произвела эта отметка государя, о чем она мне потом говорила.

Б. В. Штюрмер был этой отметкой, как мне передавали, поражен, но министры, узнав о ней, были довольны исходом этого дела; сведения об этой отметке перешли в Государственную Думу, и Штюрмер виновником шума, поднявшегося около этого секретного журнала совета, считал Поливанова. После своего ухода из министерства внутренних дел я должен был выехать из Петрограда на сравнительно продолжительный срок и, поэтому, не знаю, какие в дальнейшем были сделаны шаги Штюрмером в отношении Поливанова, но знаю только, что назначение ген. Шуваева прошло помимо не только Штюрмера, но и лиц, его поддерживающих, и, по своей неожиданности, ошеломило Распутина, как он мне впоследствии говорил, так как кандидатом Штюрмера, поддерживаемым и Распутиным, был ген. Беляев, друг Сухомлинова, не прерывавший с ним связей все время и по уходе Сухомлинова, знакомый Распутина, известный Вырубовой и императрице и принимавший, по поручению императрицы, меры к наблюдению, через военную цензуру, за телеграфными сношениями Илиодора с Ржевским, после ареста последнего, мною произведенного, о чем мне говорил Мануйлов.

Ген. Беляева я знаю только по моим официальным встречам с ним на заседаниях комитета Марии Павловны и по обмену служебных с ним переговоров, как человека воспитанного, очень сдержанного и обязательного, но в более близкое с ним соприкосновение мне входить не приходилось. Распутин же всегда о нем отзывался хорошо и говорил, что императрица и А. А. Вырубова считают его своим человеком. А. Д. Протопопов, когда я передал ему со слов Распутина о предстоящем назначении

Беляева военным министром, отнесся к этой кандидатуре с одобрением.

Затем, с тем же отношением мне пришлось считаться и в вопросе относительно настоятеля царскосельского Федоровского собора, воспитателя наследника по закону божьему, близкого ко двору, митрофорного протоиерея Александра Васильева. В одно из первых заседаний наших у А. А. Вырубовой она завела речь о том, что императрицу и ее очень интересует отец Васильев, против которого лично нельзя ничего сказать нехорошего, но из доходящих до нее сведений можно предположить, что он не является сторонником императрицы, и просила меня, насколько возможно, выяснить ей позицию Васильева при дворце; при этом Вырубова добавила, что государь доверчиво относится к Васильеву и что наследник к нему привязался. С от. Александром Васильевым мне пришлось до того познакомиться у С. Е. Виссарионова, который был с ним в хороших отношениях; но это знакомство оставило во мне мимолетное впечатление об Васильеве, как о скромном человеке, преданном августейшей семье.

Об этом впечатлении я передал А. А. Вырубовой и обещал ей собрать более подробные об Васильеве сведения. Так как в числе духовных иерархов того времени А. А. Вырубову интересовала личность и деятельность архиепископа Антония, относившегося к Распутину отрицательно, то вся переписка, шедшая к этому владыке, подвергалась перлюстрации; сведения о нем я сообщал, для дальнейшего доклада А. А. Вырубовой. В ближайшие дни после разговора об от. Васильеве мне была представлена копия письма от. Васильева на имя преосвященного Антония, где от. Васильев в очень сдержанных, правда, выражениях, сообщая, насколько мне не изменяет память, о синодальных новостях по поводу предстоящей новой чреды вызова св. синода, высказывал свое соболезнование о том, что владыка, видимо, не будет вызван, так как влияние Распутина сильно, и что это печалит его, от. Васильева, сердце. Когда я содержание этого письма передал А. А. Вырубовой, то увидел из выражения ее лица, что это доставило ей удовольствие, и она при этом высказала, что это подтверждает ее первоначальные сведения и просила продолжать наблюдения за этой перепиской. Второе, в скорости за этим, письмо от Васильева, доложенное мною А. А. Вырубовой, касалось того же предмета и тоже содержало в себе намек на Распутина, причем, как я припоминаю, отец Александр, как бы, завидовал владыке, что тот находится вдали от всего того, что здесь происходит. Помня, с какой теплотой С. Е. Виссарионов отзывался об Васильеве, я, при свидании с Виссарионовым, подробно расспросил его о жизни отца Александра, о его семье, о его взглядах, и, узнал, что отец Александр в высшей степени скромный человек, живет исключительно только

в среде своих семейных интересов, имея очень ограниченный круг знакомых, детям своим дает хорошее образование, семья спаяна чувством взаимной привязанности и глубокого к отцу уважения, сам он очень религиозен, к августейшей семье относится искренно, но что он, действительно, Распутину ставит в вину его подчеркивание близости к августейшей семье. Затем я виделся у С. Е. Виссарионова с отцом Александром, ездил с кн. Ширинским-Шахматовым на вечернее богослужение в Федоровский собор, где была и вся августейшая семья, спрашивал об Васильеве нескольких знакомых, от всех получил самые лучшие отзывы и выяснил только одно, что отец Александр Васильев, узнав поближе Распутина, отдалился от него, что Распутин заметил и о чем он говорил некоторым лицам. Васильев после этого был в своих письмах осторожен и мало-по-малу удалось заставить А. А. Вырубову забыть о ее подозрениях к Васильеву.

В дальнейшем ходе событий зимой 1916 года Васильеву пришлось пережить тяжелое горе — потерять на войне своего любимого сына, мужественно погибшего при стычке с германцами; когда же императрица, соболезнуя его горю, предложила ему устроить остальных сыновей, также находящихся в боевых частях войск, в тыловых учреждениях, он отказался от этой милости, вверив, как он мне сам передавал, судьбу своих детей в руки промысла божьего. Свой взгляд на Распутина он и мне сообщал и при этом передал мне один искренний эпизод, происшедший за семейным высочайшим столом.

Наследник цесаревич спросил Васильева: «Правда, что Григорий Ефимович (Распутин) — святой человек?» Тогда его величество, ничего не ответив наследнику, обращаясь к отцу Александру, попросил его ответить на этот вопрос наследнику, причеем отец Александр заметил, как пытливо на него смотрела императрица, не спуская с него взгляда во время его ответа. Боюсь быть неточным, но, насколько отец Александр, понимая всю щекотливость своего положения, не давая прямого ответа, объяснил наследнику, какие требования предъявляет завет спасителя и священное писание каждому, кто искренно желает угодить богу. Государь после этого встал из-за стола, и разговор на этом оборвался.

11.

[Недовольные петроградским градоначальником кн. Оболенским Вырубова, Воейков и Распутин выдвигают кандидатуру Спиридовича. Соглашение с кн. Оболенским. Выдача Спиридовичу из секретного фонда 10 тыс. руб. на издание книги о революционном движении в России. Сближение Белецкого со Спиридовичем и содействие знакомству Спиридовича с Протопоповым. Примирение Распутина с кн. Оболенским. Окончательный уход кн. Оболенского.]

Теми же побуждениями личного характера следует объяснить отношение к петроградскому градоначальнику кн. Оболенскому. С первых же дней нашего вступления в должность А. А. Вырубова начала разговоры о кн. Оболенском. Вначале она жаловалась на супругу кн. Оболенского, круг знакомых которой ограничивался сферой малосветских гостиных, будирующих против государыни и А. А. Вырубовой из-за их отношения к Распутину; я думал, что эти данные и не обходили А. А. Вырубовой, почему я передал ей некоторые сведения, имевшиеся у меня по этому вопросу.

Но затем я увидел из дальнейших разговоров с Вырубовой, что она настроена неблагоприятно вообще против четы Оболенских и лично самого кн. Оболенского считает также не сторонником императрицы, так как он — преображенец, друг и ставленник Джунковского, передает о Распутине и о лицах, ему покровительствующих, в преувеличенном виде сведения в полк, к Распутину относится отрицательно, что отражается и на отношении к Распутину чинов полиции, держащих кн. Оболенского в курсе всей жизни Распутина; что в интересах двора и охраны Распутина следует кн. Оболенского заменить своим человеком и что это соображение разделяет и дворцовый комендант ген. Воейков, который также имеет намерение с нами по этому поводу серьезно переговорить. Действительно, ген. Воейков, при первом же свидании, подтвердил мне мнение А. А. Вырубовой о необходимости как в интересах охраны высочайших особ при приездах в Петроград, так и для затушевывания поведения Распутина, иметь в Петрограде на должности градоначальника своего верного человека и указал,

что в лице кн. Оболенского он не видит администратора, идущего навстречу его, Воейкова, пожеланиям. При этом ген. Воейков выставил кандидатуру ген. Спиридовича, который, хорошо зная условия жизни и охраны высочайших особ, а также и требования, предъявляемые А. А. Вырубовой в отношении Распутина, сумеет во всех отношениях оправдать и его, и наше доверие, и просил меня передать его мнение по этому поводу А. Н. Хвостову, но добавил, что он отнюдь нас не ограничивает этим в выборе более достойного лица, так как, если и выставляет кандидатуру ген. Спиридовича, то только в интересах обоюдной служебной выгоды, ибо ему будет трудно обойтись без Спиридовича, как своего ближайшего и ценного в деле охраны сотрудника. Я обещал Воейкову переговорить по этому поводу с А. Н. Хвостовым и затем дать ему наш ответ. Относительно Спиридовича заговорил и кн. Андроников, после того как у него побывал Спиридович, а затем и Распутин, указавший, что он, лично зная ген. Спиридовича и ценя в нем глубокую преданность интересам царской семьи, считает ген. Спиридовича самым подходящим лицом для замещения должности градоначальника в Петрограде; при этом Распутин добавил, что он сам будет тогда спокоен и за себя, так как при Спиридовиче не будет за ним «соглядатайства». О ген. Спиридовиче говорил мне и Мануйлов, с которым Спиридович поддерживал хорошие отношения, пользуясь получаемыми от него сведениями для доклада дворцовому коменданту и прибегая к его содействию в случаях помещения в «Новом Времени» и «Вечернем Времени» тех или других, необходимых дворцовому коменданту, сведений. Но когда я и А. Н. Хвостов начали обсуждать вопрос о кандидатуре Спиридовича, то пришли к тому заключению, что, какого бы мнения мы ни держались о служебных качествах кн. Оболенского, тем не менее, замещение его ген. Спиридовичем, имя которого связано с Курловым по делу убийства в Киеве П. А. Столыпина сотрудником родственника ген. Спиридовича начальника киевского охранного отделения полк. Кулябко, произведет на общество и на Государственную Думу неблагоприятное впечатление, так как в Петрограде положение градоначальника исключительное, и его служебные действия более, чем где-либо, служат темой для постоянной общественной критики и контроля. В эту пору процесс о ген. Курлове был ликвидирован в путях монаршего милосердия, но, в виду косвенной прикосновенности к этому делу ген. Спиридовича, последний, хотя и был оставлен в занимаемой им должности, тем не менее, доминирующей роли, как это раньше было во время высочайших проездов, не играл; порядок охраны был видоизменен в том смысле, что центральным лицом в подготовительных по охране распоряжениях являлся губернатор или градоначальник, в распоряжение коего и прикомандировывался от дворцового коменданта ген. Спиридовича, и, таким образом, роль его была зашифри-

рована. Личные мои отношения в ту пору с ген. Спиридовичем были только официальные, и он, как и ген. Курлов, были недовольны мною и Виссарионовым за наши показания сенатору Кузьмину; но так как в служебной сфере нам постоянно приходилось иметь взаимное общение с ним, как связующим департамент полиции с дворцовым комендантским управлением лицом, пользовавшимся при ген. Дедюлине большим влиянием и значением, то, во время моего директорства, я старался установить со Спиридовичем, на почве исполнения тех или других его пожеланий, добрососедские отношения, ценя в нем деловитость и выдержанность.

При назначении Воейкова на пост дворцового коменданта, при первых его опросах меня о Спиридовиче, я ему откровенно высказал свой на последнего взгляд, а, со слов Воейкова, я понял, что при нем Спиридович не будет иметь того положения, которое он занимал при ген. Дедюлине. Действительно, дальнейшие мои наблюдения подтвердили этот вывод и показали, что Воейков, в силу особенностей своего характера, поставил Спиридовича в рамки чисто служебных взаимоотношений; но, тем не менее, ценя так же, как и я, служебные качества Спиридовича, Воейков оставил его при себе, стараясь в то же время самому войти в детали сложного охранного механизма и, присматриваясь к ближайшим помощникам Спиридовича, особенно остановив свое внимание на подполковнике Невдахове. Из всего этого я понял, что Воейков имел в виду в будущем, найдя отвечающего его требованиям заместителя Спиридовича, путем приличного служебного и не без выгод для себя устройства Спиридовича, отказаться от его ближайшего сотрудничества. Вместе с тем и Спиридович, как искушенный опытом жизни, много видевший и отдающий себе ясно отчет во всем том, что к нему относилось, также понял хорошо планы относительно себя Воейкова и, не желая лишаться, в интересах будущего, его поддержки, хотел пойти навстречу в этом отношении желаниям Воейкова, с одной стороны, а с другой—стряхнуть с себя дело Столыпина путем занятия такого официального положения, где он мог бы показать свою деловитость и заставить говорить о себе с этой точки зрения, имея пример в лице ген. Климовича, положение которого, после ревизии сенатора Гарина, было им несколько затушевано умелым поведением в роли Керчь-Еникальского, а затем ростовского на Дону градоначальника. Но так как условия окружающей обстановки для ген. Спиридовича складывались благоприятно, то он и пожелал со свойственной ему настойчивостью и умением использовать их в сторону, наиболее для себя выгодную, так как, оставаясь в Петрограде и будучи полезным всем лицам, ему покровительствующим, он мог рассчитывать на дальнейшее служебное свое движение.

Учитывая все эти обстоятельства, мы понимали одно, что надо найти какой-нибудь выход, который мог бы удовлетворить Воейкова, А. А. Вырубову и Распутина и тем ослабить силу давления на них ген. Спиридовича, но, вместе с тем, избежать и назначения его в Петроград. Поэтому я предложил А. Н. Хвостову, пользуясь примером П. А. Столыпина в отношении Климовича, устроить Спиридовича на тот же пост градоначальника в провинцию и этим путем, оказав внимание всем лицам, за него ходатайствующим, удалить его из Петрограда; генерала же Воейкова убедить в том, что назначение ген. Спиридовича в Петроград даст повод Государственной Думе, при удобном случае, поднять вопрос о деле убийства Столыпина, о роли в нем Спиридовича и о том, почему он был оставлен в том же служебном, близком к охране государя, положении и при нем, Воейкове, что совершенно не отвечало ни тому положению, которое мы наметили занять в отношении Государственной Думы, ни его и ни нашим личным интересам. Затем А. А. Вырубовой и Распутину мы решили постепенно внушить, что Спиридович смотрит на Распутина, как на неизбежное зло, с которым надо считаться, и отнюдь не является лицом, желающим ему добра, в силу эгоистичности и черствости своей натуры, и что гораздо лучше удалить Спиридовича от двора, не задевая его самолюбия, чтобы в дальнейшем не давать ему возможности быть в курсе интимной жизни двора и обещать им принятие нами всех мер к тому, чтобы градоначальник и чины столичной полиции переменили свои отношения к Распутину. По одобрении А. Н. Хвостовым этого плана, мы начали осуществление его с А. А. Вырубовой и Распутина и через некоторое время добились того, что они согласились на устройство Спиридовича, с служебным повышением, вне Петрограда и на оставление кн. Оболенского, если только последний переменит свое отношение к Распутину. После этого мы отправились вдвоем с А. Н. Хвостовым к Воейкову и изложили ему вышеприведенные мною соображения относительно Спиридовича. Сначала Воейков как бы обиделся на нас за наше нежелание оставить Спиридовича в Петрограде, но затем, видя нашу настойчивость, согласился и просил нас, при высочайших проездах, всегда посылать ген. Вендорфа, так как с ним ему удобнее говорить по делам охраны, чем с градоначальником, всегда нервирующим его при служебных с ним объяснениях, что мы и обещали. После этого я попросил к себе кн. Оболенского и откровенно ему рассказал о тех усилиях наших, какие нам удалось проявить в деле отстаивания его и попросил его как лично, так и разрешить мне через ген. Вендорфа соответствующим образом инструктировать полицию, дабы она, не столько в интересах Распутина, сколько в интересах более высшего порядка, принимала все меры к избежанию огласки поведения Распутина. Вместе с тем я условился с кн. Оболенским, чтобы изба-

вить его от посещения Распутина, что, в случаях каких-либо просьб Распутина по градоначальству, я буду, по мере возможности их исполнения, обращаться лично к нему. Установив такой контакт с кн. Оболенским и переговорив с ген. Вендорфом, к которому Распутин относился с уважением, я передал об этом А. А. Вырубовой и успокоил Распутина.

С этого времени и по исполнении градоначальником некоторых просьб Распутина, отношения к местной администрации у Распутина наладились, и до моего ухода вопрос об уходе кн. Оболенского не подымался. После моего ухода кн. Оболенского все время поддерживал Штюрмер, который был с ним и ранее в хороших отношениях. Что же касается Спиридовича, то он, после сделанных ему Воейковым указаний, выразил и ему, и мне, и А. А. Вырубовой просьбу о желании его перейти в Москву, что также, по указанным выше соображениям, нас не устраивало; кроме того, в Москве в ту пору занимал должность градоначальника ген. Климович, которого я еще знал с Вильны и который понравился и А. Н. Хвостову, как своими докладами при служебных вызовах его по разного рода делам в Петрограде, так и при деловых поездках А. Н. Хвостова в Москву. В виду этого и так как смена кн. Оболенского не входила в нашу задачу, а всякое другое градоначальство было бы для ген. Климовича в служебном отношении знаком недовольства его деятельностью, то мы как ген. Воейкову, так и А. А. Вырубовой высказали, что назначение ген. Спиридовича в Москву будет итти вразрез с принятой и одобренной государем точкой зрения министерства внутренних дел в последнее время — избегать назначения на высшие административные должности в те районы, где есть родственные, имущественные или другие связи у данного лица, а так как супруга ген. Спиридовича имела таковые связи с Москвою, то, поэтому, мы находим назначение его в Москву неудобным. В силу этого А. Н. Хвостов предложил ген. Спиридовичу Одессу, имея в виду пригласить одесского градоначальника Сосновского на одну из открывавшихся должностей директоров департамента министерства внутренних дел. Но затем, когда осуществление этого намерения затягивалось, я посоветовал А. Н. Хвостову воспользоваться всеми материалами, которые имелись в министерстве по поводу учреждения в Киеве градоначальства и провести открытие в этом городе градоначальства в порядке военного законодательства, так как Киев в эту пору являлся центральным большим военно-административным пунктом в районе армий юго-западного фронта, и первым градоначальником назначить туда Спиридовича. На это было получено согласие Воейкова, с обещанием ускорить движение этого дела в ставке, причем Воейков обратился с просьбой провести в наградном порядке помощника Спиридовича в полковники

для дальнейшего возложения на него должности охранной команды по уходе ген. Спиридовича, что и было мною исполнено.

После того, как ген. Спиридович принял это предложение, мы вошли с соответствующими сношениями как с ген. Ивановым, разделившим наши соображения по поводу учреждения этого градоначальства, так и с ген. Алексеевым и думали, что вопрос об устройстве Спиридовича ликвидирован. Но оказалось, что последний сумел снова привлечь на свою сторону ген. Воейкова, который, при одном из наших свиданий, заявил мне, что он не видит веских доводов против назначения Спиридовича в Москву, где его пребывание на посту градоначальника он находит особо желательным в интересах дворцового управления, в виду будирующего настроения этой столицы, и что если это не входит в наши планы, то он оставляет ген. Спиридовича при себе. Несмотря на это, мы все-таки не соглашались на перевод Спиридовича в Москву, а для того, чтобы чем-либо успокоить последнего, я выдал ему 10 тысяч рублей из секретного фонда на издание и распространение его книги о революционных движениях партийных организаций в России, сделал прибавки к личному содержанию состава дворцового по охране управления, выдал наградные как ему, так и его помощникам и т. п. Хотя это не прервало моих отношений со Спиридовичем и Воейковым, но все-таки оно несколько охладило Воейкова ко мне и дало основание Спиридовичу считать меня причиной всех его неудач в его домогательствах должности московского градоначальника, что он мне и высказал впоследствии, когда я ушел из министерства внутренних дел. Должность ялтинского градоначальника ген. Спиридович получил после смерти ген. Думбадзе.

Так как и после ухода Климовича из Москвы в департамент полиции ген. Спиридович назначения в Москву все-таки не получил, а в лице ген. Климовича приобрел отнюдь не своего сторонника, то он, поняв значение общих причин, противодействовавших его стремлениям в Москву, и учитывая полезность сближения со мною, как с лицом, которое может быть всегда ему пригодным при тех влияниях и знакомствах, которые у меня были, постарался рассеять все недоразумения, которые между нами были, и вошел со мною в более доверчивые отношения. С своей стороны, я также пошел на дальнейшее с ним сближение, познакомившись поближе в частной жизни и той новой обстановке семейного его обихода, которая у него установилась после его женитьбы, где мне представился случай поближе сойтись с некоторыми лицами, знакомством с которыми я дорожил. Этот период как раз совпал с назначением Протопопова, и я, по просьбе ген. Спиридовича, передал Протопопову, который еще не переезжал из своей квартиры на Кирочной улице в министерскую, ряд служебных и личных просьб ген. Спиридовича по ялтинскому градоначальству, кото-

рые Протопопов обещал исполнить, и пожелал с ним свидеться. Моя просьба за Спиридовича имела характер внимания к Спиридовичу, как доказательство доброжелательного моего к нему отношения, так как я, зная о дружбе Протопопова с ген. Курловым, не сомневался в том, что отношение Протопопова, за время его управления министерством внутренних дел к ген. Спиридовичу будет вполне благожелательным. В это время Протопопов еще хранил в тайне свои намерения относительно будущей роли при нем ген. Курлова.

При одном из последовавших, затем, моих свиданий на той же квартире с Протопоповым, когда официально состоялось его назначение и когда прибыл к нему представиться градоначальник кн. Оболенский, он просил меня присутствовать при этом. Из первых же реплик Протопопова на доклад градоначальника о положении в столице продовольственного вопроса я понял, что снова сгущаются тучи около кн. Оболенского; после ухода кн. Оболенского Протопопов, давая мне отчет в том впечатлении, какое он вынес от доклада кн. Оболенского, добавил, что он имеет в виду совершить ряд перемен в личном составе губернаторов и градоначальников и назначить в Петрограде более энергичного и деятельного градоначальника, который бы шел навстречу его директивам, при этом указал мне на ген. Спиридовича. Тогда я понял, что в данном случае ген. Спиридович, кроме Распутина использовал также и влияние на Протопопова ген. Курлова, имевшего свои виды на ген. Спиридовича, так как иначе Курлов мог бы повлиять на Протопопова в смысле назначения Спиридовича, согласно желанию его жены, в Москву.

Желая предохранить Протопопова от возможных осложнений для него в будущем при этом назначении, я ему передал о тех соображениях, коими мы в свое время руководствовались, противодействуя назначению ген. Спиридовича в Петроград и подчеркнул ему наши опасения относительно возможного запроса по этому поводу в Государственной Думе. Но Протопопов мне на это ответил, что это его мало беспокоит, так как он сумеет этого избежать, а зато в лице ген. Спиридовича он приобретает верного ему человека и просил меня передать ген. Спиридовичу настоящее его предположение и просьбу его прийти к нему для дальнейших переговоров. После переговоров Спиридовича с Протопоповым Спиридович передал мне, что он это предложение принял и, дабы избежать разговоров на эту тему в Петрограде, решил уехать в Москву, а затем в Ялту и просил, если последует какое-либо изменение, ему или его жене об этом сообщить. Я ему посоветовал все-таки доложить об этом ген. Воейкову, он, по его словам, это сделал и, кроме того, побывал у Распутина.

Из слов Спиридовича и близких к Распутину лиц я узнал, что разговоры о кн. Оболенском возобновились со времен назначения министром внутренних дел министра юстиции А. А. Хвостова, при котором кн. Оболенский снова переменил свое отношение к Распутину и, незадолго перед назначением Протопопова, подверг суровому административному взысканию несколько первоклассных ресторанов, оркестры и хоры коих пользовались симпатиями Распутина; когда же последний обратился к нему с просьбой снять эти взыскания, то градоначальник ему в этом отказал. То же самое мне подтвердил и Распутин, когда, в ближайшее воскресенье, я к нему зашел после приезда с Кавказа. Посоветовав находившемуся здесь одному из близких к Распутину лиц уговорить Распутина помириться с кн. Оболенским и посодействовать доведению до сведения кн. Оболенского причин, вызвавших снова разговоры об его уходе, я узнал впоследствии от Распутина, что он с кн. Оболенским примирился, был у него, пил у него чай и что тот исполнил его просьбы. Действительно, после этого кн. Оболенский остался, был у А. А. Вырубовой в числе немногих приглашенных А. А. Вырубовой (я не был приглашен) на закладке нового здания лазарета, где и удостоился особо милостивого представления императрице. На этой закладке присутствовали владыка и Протопопов.

Уход кн. Оболенского состоялся уже в то время, когда я $1^1/_2$ месяца был в командировке по делам комитета вел. кн. Марии Павловны и в Ростове на Дону от градоначальника Мейера узнал о назначении Балка, о котором меня Протопопов спрашивал, желая его назначить в Москву. Когда я, по приезде, спросил у Распутина, как это случилось, что после налаженных с кн. Оболенским отношений все-таки состоялся его уход, то он мне ответил, что на этом настояли ген. Воейков и ген. Курлов, но что кн. Оболенского не обидят и дадут ему свитские аксельбанты; при этом Распутин добавил, что тот же Воейков не согласился на перевод Спиридовича в Петроград. Относительно Балка Распутин сказал, что новый градоначальник был у него, что он человек хороший и что за него ручался Курлов.

12.

[Влияние на государыню Белецкого и Хвостова через Распутина. Возобновление поездок царицы по лазаретам. Выезды наследника в ставку. Вырубова и Распутин. Тревога царицы в случае длительных отлучек государя. Частые письма царицы и наезды ее в ставку. Распутин и его возможные конкуренты из мира юродивых. Давление на прессу для пресечения разоблачений Распутина в «Биржевых Ведомостях». Пьеса о Распутине. Меры, предпринятые к ее обезвреженио и снятие ее с репертуара. Издание книги панегирического характера о Распутине.]

Я уже упомянул, как Распутин дорожил теми советами, которые мы давали ему при свидании, если они могли закрепить его значение у государя. Когда эту черту его характера мы узнали, то, при одном из наших свиданий на нашей конспиративной квартире, я ему высказал сожаление о том, что государыня прекратила свои выезды по лазаретам в Петрограде и в провинциальные города, а между тем, такие поездки могут только подчеркнуть как раненым, так и народу ее заботы о жертвах войны, в особенности если эти поездки будут совершаться в простой обстановке, которая могла бы дать возможность государыне воочию показать всем ее милосердное отношение к раненым. Это Распутину понравилось и последствием его советов был ряд выездов государыни в ближайшие Петрограду губернии и объезды петроградских лазаретов. То же вначале впечатление на него произвело и наше внушение о желательности, как эта разлука ни тяжела для государыни, сопровождения наследником государя при выездах в ставку. В этом отношении мы следовали общему желанию удалить, по возможности, наследника от сферы влияния на него Распутина. Эту точку зрения разделил и Воейков, как лично, так и передавая нам настроения армии. Затем, по возвращении после одного из первых своих выездов с докладом государю в ставку, А. Н. Хвостов передал мне, а затем и А.А. Вырубовой, свой разговор с государем относительно жизни его величества в Могилеве. В этом разговоре государь подчеркнул, что единственным для него утешением служит наследник, с которым он проводит свои досуги, и что за это он глубоко благодарен государыне. После этого на время прекратились разговоры и А. А. Вырубовой и Распутина относи-

тельно выездов наследника в ставку с государем, и Распутин передавал, что государь был ему благодарен за его советы брать иногда наследника в ставку.

Но затем время пребывания наследника и государя в ставке начало затягиваться, и как А. А. Вырубова, так и Распутин, несмотря на наши указания, что это объясняется ходом военных операций, начали подозрительно относиться к этим долговременным пребываниям наследника в ставке. Вместе с тем и императрица, несмотря на просьбы наследника, в интересах непрерывного хода его занятий, снова начала высказываться против выездов наследника с государем, в чем ей стал также помогать и Распутин, так как, когда государь выезжал один, то он старался возможно скорее вернуться в Царское Село, постоянно находясь в тревоге за здоровье наследника. Особенно, как передавал Распутин, настойчиво пришлось ему убеждать государя пред поездкой для объезда армии юго-западного фронта и даже вызвать этим на себя гнев государя. Так как в этот раз ни просьбы императрицы, ни убеждения Распутина не подействовали на государя, и его величество отбыл с наследником, по намеченному маршруту, то настроение Распутина и А. А. Вырубовой было подавленное и нервное. Но во время этой поездки, не доезжая станции Бахмач, у наследника, смотревшего в окно вагона, близко прижавшись лицом к стеклу, при переходе поезда на стрелках от сотрясения открылось кровотечение из носа, что служило всегда для августейших родителей предметом постоянной боязни их за жизнь наследника, так как его высочество страдал сложной формой гемофилии (кровоточивости). Государь взволновался и, после принятых медицинских к остановке кровотечения мер, приказал немедленно сделать распоряжение об обратном срочном возвращении в Царское Село и по приезде вечером по телефону было сообщено Распутину о болезни наследника с просьбой приехать. Но он в тот день не поехал и, как потом передавал, сделал это сознательно, чтобы «помучился» государь и только по телефону передал, чтобы положили наследника в кровать, а выехал на следующий день утром. Приехал он оттуда в торжествующем настроении и заявил, что теперь государь будет слушаться его советов. После этого, действительно не только увеличилось значение его влияния во дворце, но на время приостановились и выезды наследника в ставку.

Вообще всякий выезд государя в ставку являлся событием, волновавшим как А. А. Вырубову, так и Распутина, а затянувшееся там пребывание государя давало повод для всяких опасений возможности влияния на государя в отношении императрицы и Распутина. В силу этого, как мне объяснил Распутин, государыня каждый день почти писала государю, а впоследствии, по совету Распутина, наезжала в ставку. Сам Распутин несколько раз

порывался выехать в ставку, но в этом отношении я его от этой мысли всегда останавливал, как и во время службы, так и впоследствии; то же отношение проявляла и А. А. Вырубова, но телеграммы государю в духе и стиле изданных его «размышлений» он посылал государю.

Чтобы показать, насколько нервно и злобно относился Распутин к тем, кого он подозревал в тайных замыслах подорвать его значение в августейшей семье, я, дабы не возвращаться потом, закончу характеристику позднейших отношений Распутина к епископу Варнаве, а затем в доказательство приведу другой пример, не менее яркий. Затянувшееся, по нашей скорее вине, пребывание в Петрограде епископа Варнавы и участие его, по нашей же просьбе, в проведении некоторых назначений, возбудили, как я уже отметил, не без некоторых влияний со стороны отца Мартемиана, Мануйлова и Осипенко, начавшееся у Распутина чувство подозрительности к епископу Варнаве. Поэтому Распутин приложил все усилия к тому чтобы воспрепятствовать дальнейшим приглашениям епископа Варнавы во дворец, всячески отдалял приемы его у А. А. Вырубовой, несколько охладил отношение к нему владыки митрополита и, наконец, добился того, что епископу Варнаве, в виду предстоявшего выезда следственной синодальной комиссии, дано было понять о желательности его отъезда из Петрограда. Но владыка и сам почувствовал начавшееся охлаждение к нему и начал готовиться в выезду из Петрограда, делая прощальные визиты. Хотя это и успокоило Распутина, тем не менее он, почти накануне отъезда владыки, находясь в опьянении, вызвал его к телефону и, с тоном насмешки, сказал ему в роде того, что «довольно накатались на автомобилях, теперь пожалуйте на своих и к себе; нечего здесь прохлаждаться» (владыка ездил на предоставленном ему мною автомобиле, и хотя я завел впоследствии и для Распутина от охранного отделения автомобиль, но это не давало ему покоя).

На другой день, когда владыка, обидевшись, сделал ему замечание, Распутин просил извинить его; затем Распутин добился перемены награды при праздновании открытия мощей св. Иоанна, причем мне характерно объяснил это тем, что пусть он, владыка, любящий говорить о небесном, смотря на данную ему звезду, забудет земное и подумает о небесных звездах, и, наконец, в лице епископа Исидора, назначенного, по его желанию, настоятелем тюменского монастыря, подготовлял заместителя епископу Варнаве на тобольскую кафедру.

Если отношения Распутина были таковы к епископу Варнаве, с которым у него была старая связь, то в отношении к иноку Мардарию, воспитаннику петроградской духовной академии, славянину, он был беспощаден. В одном из свиданий А. А. Вырубова просила меня собрать сведения об этом монахе, так как Распу-

тин постояно о нем говорит, и поездки Мардария в Царское Село не дают ему покоя.

С этим иноком я не был знаком. Собирая о нем сведения, я поручил А. А. Кону, познакомившись с ним, дать мне его характеристику. А. А. Кон с отцом Мардарием сошелся довольно близко, увлекся им и начал мне внушать, что это особенный человек, начиная с внешности и кончая складом его духовного мировоззрения. Лично мое впечатление от знакомства с отцом Мардарием и полученные мною о нем сведения несколько иначе рисовали облик этого монаха, строго обдумывавшего свой каждый шаг. Затем я знал, что отец Мардарий принимал деятельное участие в кружке гр. Игнатьевой и был принят во многих других салонах, возбуждая к себе большой интерес. Вместе с тем, в эту пору я получил имевшиеся в генеральном штабе сведения о том, что ряд сделанных этим иноком объездов по лагерям военнопленных солдат внушает опасение, в силу разговоров, которые вел с ними Мардарий, в обслуживании Мардарием интересов неприятельской (в данном случае речь шла об Австрии) воюющей с нами державы. Сведения эти были сообщены в академию обер-прокурором, доложены и мною и обер-прокурором владыке митрополиту; сделались они впоследствии известны и Мардарию. Хотя наблюдение за ним и поверка не подтвердили правильности вывода генерального штаба, но, тем не менее, я сообщил об этом А. А. Вырубовой, Воейкову и Распутину, чем доставил Распутину видимое удовольствие, так как поездки к знакомым в Царское Село отец Мардарий должен был прекратить. Затем отец Мардарий, когда я уже ушел, по мысли Кона, желавшего примирить Распутина с Мардарием, несколько раз с ним виделся у Кона и, несмотря на все старания, которые Мардарий принимал к примирению с ним Распутина, последний не только не пошел этому навстречу, но грубо (это было один раз в моем присутствии), не стесняясь сидевших за столом, обрывал отца Мардария и потом мне передал, что если Кон не перестанет приглашать Мардария, то он прекратит к нему ездить. Затем, когда Мардарий окончил академию и, не имея возможности, в виду военных действий, выехать на родину, не желая прерывать связей с Петроградом, нашел себе законоучительские занятия в славянской гимназии проф. Грибовского, Распутин настоял у владыки Питирима на назначении Мардария на Кавказ, несмотря на все просьбы некоторых близких к Распутину дам, потребовал выезда Мардария из Петрограда и успокоился тогда, когда Мардарий уехал из Петрограда, что, не указывая причин, я ему посоветовал сделать; когда он явился ко мне за поддержкой у митрополита об оставлении его в Петрограде.

Ту же нервность обнаружил Распутин, когда я передал ему и А. А. Вырубовой полученные мною сведения о появлении в Цар-

ском Селе юродивого босоножки Олега, скрываемого в одном из домов для представления его затем, как можно было предполагать, высочайшей особе. Распутин и Вырубова были особенно признательны за это сообщение, которое я затем, по указанию А. А. Вырубовой, передал Воейкову, ничего об этом не знавшему. Старец Олег потом поспешил уехать из Петрограда. Другое отношение Распутин проявлял к старцу Василию босоножке, стоявшему всегда в монашеском полукафтане на паперти Казанского собора, с значком союза русского народа, без шапки и с жалованным посохом и собиравшему подаяния на построение храмов, причем этот старец раздавал открытки с изображением его во весь рост и церкви, построенной на его сборы.

Об этом старце была по департаменту полиции большая переписка с архиепископом ставропольским, который разоблачил его жизнь и его корыстные побуждения по сбору пожертвований, идущие, по словам владыки, в небольшой доле на прямое назначение, и требовал отобрания от него книжки для сбора, снятия монашеского одеяния и препровождения на родину. Но этот старец пользовался покровительством Распутина и не выходил из его подчинения, вследствие чего не было возможности привести в исполнение требование в отношении его епархиального начальства, хотя, кроме этого, он и был на учете полиции, по некоторым другим неблагопристойным, если не ошибаюсь, поступкам.

Если мы, понимая значение публичных разоблачений личности и степени влияния Распутина на высочайших особ, с точки зрения охраны династических интересов монархии, сознательно принимали меры к недопущению выступлений против него в прессе, то покровительствующие Распутину лица видели в этом вмешательство в сферу их личной жизни и стремление опорочить того, кто им был дорог.

До нашего вступления в должность, в «Биржевых Ведомостях» был помещен ряд корреспонденций с места по поводу покушения в селе Покровском — месте родины Распутина — на жизнь Распутина. Покушение это было организовано Илиодором, и по особому распоряжению, следствие об этом велось под непосредственным наблюдением бывшего министра юстиции Щегловитова, державшего высочайших особ в курсе получаемых им сведений. По вступлении моем в должность, я, до издания нами, за подписью министра, общего распоряжения, воспрещающего помещать в прессе статьи и заметки, связанные с именем Распутина, обратился к редактору «Биржевых Ведомостей» М. М. Гакебушу, которому я впоследствии оказал содействие в деле перемены им этой фамилии на «Горелова», с просьбой прекратить эти фельетоны и от него узнал, что материалы для этих статей дает им, сотрудникам, Давидсон, случайно бывший в это время в с. Покровском и познакомившийся с семьею Распутина под видом жениха

старшей дочери Распутина. Давидсона я знал еще ранее, когда я был директором, со времени прибытия его из Вильны, для журнальной работы в Петроград и, по просьбе А. А. Кона, помогал ему на первых порах закрепиться в газетах, давая ему от поры до времени какие-нибудь интересные сведения и содействовал его сестре, не имевшей права жительства в Петрограде, иметь пребывание в этом городе. Так как Давидсон, с которым Распутин и семья прекратили знакомство после статей о Распутине, тем не менее, продолжал звонить по телефону в дом Распутина, то А. А. Вырубова просила меня положить предел преследованию Давидсона старшей дочери Распутина и была обеспокоена возможностью дальнейших его газетных выступлений о Распутине. Собрав о Давидсоне ряд сведений последнего времени, дававших мне возможность откровенных с ним разговоров, я получил от него, при письме желаемого мною содержания, его архив, не представлявший для меня особой ценности, с его набросками на отрывных для памяти листах планов дальнейших статей о Распутине и, в виду болезненного его состояния, помог ему материально, выдав ему на излечение двумя приемами 600 руб. из секретного фонда.

Печатание фельетонов в «Биржевых Ведомостях» о Распутине было приостановлено, а письмо и получение мною материалов от Давидсона вполне успокоили и А. А. Вырубову, и Распутина. Давидсон, после моего ухода, не знаю, по каким соображениям, был временно арестован, а потом, как я слышал, перешел в организацию печати к Гурлянду. После смерти Распутина, Давидсон хотел было поместить в «Биржевых Ведомостях» ряд сенсационных сведений, явившись в редакцию газеты с одной молодой особой, называя ее дочерью Распутина, но был разоблачен редактором Бонди, который мне об этом передавал. Затем, когда до меня дошли сведения, в первые недели вступления моего в должность, о предстоящем выпуске в Москве книги, разоблачающей интимность отношения Распутина к его почитательницам и о его радениях в бане в с. Покровском, с портретом Распутина в монашеском одеянии и в клобуке, то я, ознакомившись с корректурным оттиском, доложил А. А. Вырубовой и, показав только ей этот экземпляр и передав ей в сдержанных выражениях содержание книги, по ее убедительной просьбе, приказал, с ведома А. Н. Хвостова, не только не пропускать этого издания, но и задержать весь подготовленный к выпуску типографией материал. Распутин, которому я об этой книге рассказал, был этим распоряжением вполне удовлетворен, но высказал свое сожаление о том, что я показал эту книгу А. А. Вырубовой, и успокоился, узнав, что я книги для прочтения А. А. Вырубовой не оставлял.

Особую нервность, как А. А. Вырубова, так и Распутин проявили в деле постановки артисткой Яворской, по мужу кн. Баря-

тинской, в ее театре пропущенной театральной цензурой пьесы, не помню фамилии автора, где был выведен Распутин и кружок его почитательниц. Когда до меня дошли сведения об этом, то я, немедленно доложив А. Н. Хвостову, предупредил А. А. Вырубову, и она просила в настойчивой форме не допускать к постановке эту пьесу. Переговорив с градоначальником, я узнал, что, в виду последовавшего пропуска этого произведения театральной цензурою, администрация разрешила выпуск афиш, представление назначено в день наших переговоров, и Яворская, в виду стесненных своих средств, возлагает все свои надежды на эту пьесу, которая пойдет в этот сезон исключительно в Петрограде, а затем будет совершен ее труппою ряд провинциальных объездов для ознакомления с этим произведением провинциальной публики. К этому градоначальник добавил свое соображение, что снятие этой пьесы в день спектакля, бесспорно, не только вызовет интерес к ней, но даст пищу для многих разговоров и что, по его мнению, было бы более целесообразным, приняв меры к недопущению соответствующего, дающего облик Распутина, грима главного действующего лица, допустить к постановке эту пьесу тем более, что на генеральном представлении был пропустивший ее цензор и никаких замечаний Яворской не сделал. Признавая вескость приведенных соображений градоначальника, я передал об этом А. Н. Хвостову, но и он, хотя и разделил их, тем не менее, присутствуя на моем докладе по этому поводу А. А. Вырубовой, видел, какое особое значение она ему придала, и решил, что во всех отношениях будет осторожнее снять на сегодня эту пьесу, а затем согласно моему заключению, поступить в дальнейшем в зависимости от переговоров с Яворской относительно допуска пьесы с соответствующими исправлениями этого театрального произведения, если только на это согласятся А. А. Вырубова и Распутин. Пьеса эта была снята, а прибывшей ко мне для переговоров госпоже Яворской я указал на общие причины, заставляющие нас класть преграду всяким публичным выступлениям, связанным с именем Распутина. Затем, выслушав от нее подробности ее материального положения, затрат, понесенных ею в связи с постановкой этой пьесы, и надежд, которые она и труппа возлагали на нее, и получив ее уверение в том, что автор и она пойдут охотно на все наши требования об изменении тех мест, которые я признаю необходимым переделать, и что она примет все предосторожности, чтобы никто из действующих лиц не напоминал ни Распутина, ни кого-либо из кружка Распутина, я, не обнадеживая ее, обещал обо всем этом доложить военному министру; при этом когда она выразила свое желание обратиться к Распутину с просьбой по этому делу, я ее отговорил, указав ей, что мы в данном вопросе стоим на принципиальной точке зрения, вне охраны интересов Распутина. Не знаю, была ли Яворская у Распутина

или у Вырубовой или нет, но когда мы передали А. А. Вырубовой все те условия, на которые согласилась Яворская, и добавили, что по поводу запрещения этой пьесы пошли по редакциям и в публике всякого рода нежелательные разговоры, которые можно пресечь допущением к постановке этого произведения, исправив его по нашим указаниям таким образом, что публика сама разочаруется в своих ожиданиях, она с большой неохотой, как бы уступая нам, согласилась, но просила, заранее до разрешения постановки пьесы, исправленный экземпляр дать ей на просмотр и потом проследить как за гримом действующих лиц, так и за тем, чтобы не было никаких на сцене отступлений от подлинника.

Переговорив с Яворской я, не давая ей категорического обещания, получил от нее пропущенный цензурой подлинник, вызвал к себе С. Е. Виссарионова, сложившего уже в эту пору обязанности по цензуре, рассказал ему о всех перипетиях дела и попросил его внимательно прочитать это произведение и, приняв во внимание точку зрения А. А. Вырубовой, отметить сцены, мысли и отдельные выражения, которые необходимо исправить в целях полного разочарования публики путем затушевания личности Распутина, дав главному действующему лицу несколько иную, в смысле большей интеллигентности, обрисовку.

Когда С. Е. Виссарионов исполнил возложенную мною на него задачу и мы с ним вдвоем еще раз обсудили подлежащее переделке места этого произведения, то я переговорил с Яворской, пришедшей ко мне по этому поводу вместе с автором, затем, получив от меня переработанный по нашим указаниям экземпляр и просмотрев его с С. Е. Виссарионовым и градоначальником, представил его А. А. Вырубовой и, по ее одобрении и с ее ведома, передал эту пьесу для рассмотрения новому театральному цензору; после ему же я предложил, поставив его в курс наших требований, иметь соответствующее наблюдение за постановкой этой пьесы как на генеральной репетиции, так и, в особенности, на первом представлении, уполномочив его, в случае если Яворская или артисты сделают какую-либо попытку дать намек на выведенное в пьесе лицо, не допустить ее к постановке мерами полиции, которой, по моему поручению, дал надлежащие инструкции градоначальник кн. Оболенский. Кроме того, дав через председателя центрального комитета Левицкого надлежащие указания о цензуре театральных рецензий по постановке этой пьесы, я, познакомив своего секретаря Н. Н. Михайлова с положением этого дела, просил его присутствовать в публике как на первом, так и последующих представлениях и держать меня в курсе тех или других затруднений, которые встретят цензор, администрация театра или полиция. Действительно, если, с одной стороны, мы своим вмешательством в это дело, создали рекламу этой пьесе, вызвав к ней огромный интерес публики и обеспечили Явор-

ской неожиданный ею материальный успех, то переделкой пьесы в духе наших требований достигли разочарований публики в ее ожиданиях.

Доложив об этом А. А. Вырубовой и успокоив Распутина, я и А. Н. Хвостов были уверены, что далее нам в это дело не придется вмешиваться. Но оказалось, что Распутин все время следил за постановкой этой пьесы и, как я потом выяснил агентурным путем, на каждое представление посылал кого-либо из близких к нему дам, которые, подыгрываясь под его настроение или боясь, чтобы кто-либо из действующих лиц не вывел их путем грима в этой пьесе, так настроили его против этого произведения, что А. А. Вырубова передала А. Н. Хвостову в категорической форме ее пожелание, чтобы представления этой пьесы как в столицах, так и в провинции был воспрещены и чтобы мы, в предупреждение возможности повторения подобных случаев в будущем, установили более бдительный надзор за театральной цензурой. В виду этого, воспользовавшись тем, что в одном из последующих представлений этой пьесы артист, изображавший главное действующее лицо, загримировался Распутиным и только вмешательство цензора и полицийместера заставило его переменить грим, я указал Яворской на то, что она не исполнила данных ею обязательств и приказал градоначальнику, именем министра, воспретить дальнейшую постановку этой пьесы вообще в Петрограде; затем по империи был дан за подписью Хвостова соответствующий воспретительный об этой пьесе циркуляр. Кроме того, допустивший к постановке эту пьесу театральный цензор был заменен другим лицом, которого А. А. Вырубова знала, а весь порядок просмотра театральных произведений как в деле их пропуска через цензуру, так и наблюдения за постановкой их на сцене, был изменен и преподан к точному исполнению главному управлению по делам печати.

Совершенно другое отношение проявила А. А. Вырубова к печатному труду совершавшего ей массаж больных ног военного фельдшера (фамилии не помню), посвященному описанию личности и добрых дел Распутина. О подобного рода издании Распутин давно мечтал, в особенности после вышедшей в свет (еще до моего вступления в должность), с его ведома книги «Размышлений Распутина», снабженной собственноручным его автографом. Когда Распутин ознакомился с трудом означенного автора, ему понравившимся, то он непосредственно и через А. А. Вырубову старался повлиять на скорейшее издание этой книги, представленной на пропуск в цензуру. Еще до меня как Распутин, так и А. А. Вырубова, познакомившись, при посредстве сына нижегородского архиепископа Левицкого, служившего в цензурном комитете, с бывшим в то время председателем комитета С. Е. Виссарионовым, просили его ускорить получение этого

разрешения, а затем, узнав от него, что, в виду военного времени, выдача разрешения зависит от ген. Адабаша, который и задержал пропуск этого печатного труда, обращались и к Адабашу, который вначале дал обещание выдать это разрешение, а затем приостановил пропуск этой книги. Когда А. А. Вырубова обратилась ко мне с просьбой повлиять на ген. Адабаша в этом деле, а затем, познакомив меня с автором, прислала его ко мне с письмом по тому же предмету, то я, предварительно обращения к Адабашу, пригласил к себе Виссарионова с корректурным оттиском означенного печатного произведения и от него узнал, что он подробно обсуждал с ген. Адабашем вопрос о выпуске этого издания, но они оба пришли к тому заключению, что выход в свет этой книги, которую А. А. Вырубова предполагала широко распространить среди простого народа, произведет обратное действие тому, на что она рассчитывает, так как автор, слабо владея пером, придал очерку Распутина один только хвалебный тон, без необходимого фактического материала и в силу этого, при выпуске книги, дает возможность, литературной критике, коснувшись этого издания, попутно осветить в обратных тонах личность и деятельность Распутина, а это поставит цензурное учреждение в более затруднительное положение, чем теперь. Затем С. Е. Виссарионов ознакомил меня подробно с этим трудом и остановил мое внимание на некоторых местах и выражениях, которые, действительно, ясно подчеркивали тенденциозность этого издания.

Когда с оттиском в руках я сообщил А. А. Вырубовой только что приведенные мною соображения, то она, отказавшись от мысли о широкой популяризации имени Распутина, убедительно стала меня просить о выдаче разрешения на выпуск небольшого числа этого издания для раздачи в среде лиц, хорошо к Распутину относящихся, с условием переработки автором книги отмеченных мною мест. В виду этого я, переговорив с автором, направил его с письмом к С. Е. Виссарионову, а последнему, несмотря на вторично повторенные им те же соображения, по телефону передал пожелание А. А. Вырубовой и попросил его помочь автору советом по поводу надлежащих исправлений его труда, а затем передать мою просьбу ген. Адабашу о выдаче разрешения на это издание хотя бы в форме «на правах рукописи». Несмотря на все эти усилия, мною приложенные к удовлетворению желания А. А. Вырубовой, ген. Адабаш оттягивал выдачу пропускного свидетельства, и А. А. Вырубова еще раз об этом деле мне напомнила, а я в свою очередь через С. Е. Виссарионова ген. Адабашу; в этих переговорах время затянулось, и я не знаю, была ли выпущена после моего ухода эта книга или нет; что же касается автора, то, по просьбе А. А. Вырубовой, мне пришлось еще раз с ним встретиться по поводу его жалобы на чинов полиции за про-

явленное ими в отношении его недостаточно корректное поведение при составлении, по его требованию, протокола по делу, имевшему для него личный интерес. Передав об этом А. А. Вырубовой и сказав ему, что мною будут приняты соответствующие меры воздействия, я, узнав от чинов полиции обстановку этого происшествия, признал свое дальнейшее вмешательство в это дело неудобным.

13.

[Празднование юбилея Горемыкина. Письмо Распутина о назначении Горемыкина канцлером. Проект А. Н. Хвостова об усилении правого крыла государственного совета. Борьба против гр. Игнатьева. Назначение на его место Кульчицкого. Лицемерие Распутина в отношении к царской семье. Попустительство министров. Конспиративность денежных операций Распутина. Дружеские отношения А. Н. Хвостова к Белецкому. Направление к Белецкому просителей от Распутина и конспиративность их приема. Характер и количество просьб Распутина.]

Не менее характерным делом, подтверждающим мой вышеобъясненный вывод, является история с письмом Распутина о Горемыкине. Я уже ранее говорил о том участии, которое я, еще до вступления в должность товарища министра внутренних дел, желая заручиться расположением к себе Горемыкина, принимал, в устройстве юбилея Горемыкина. Исключительно, благодаря только настойчивости кн. Андроникова, юбилей вышел из сферы семейного празднования и получил полуофициальный характер, причем кн. Андроников, угадывая желание И. Л. Горемыкина, приложил все усилия к тому, чтобы об этом юбилее узнали заранее не только некоторые члены императорской фамилии, в том числе и вел. кн. Николай Николаевич, дарившие И. Л. Горемыкина знаками доброжелательного к нему отношения, но и государь, государыня и вдовствующая императрица. Когда И. Л. Горемыкин был осчастливлен получением от августейших особ поздравительных телеграмм, то Андроников, идя далее по пути осуществления пожеланий И. Л. Горемыкина, в соответствующих, с приложением составленного мною юбилейного очерка, письмах своих к гр. Фредериксу, Воейкову и Шервашидзе, провел мысль о том, что наилучшим и показательным примером августейшего доверия и признательности за труды И. Л. Горемыкина на пользу престола и родины было бы пожалование его присвоенным членам императорской фамилии орденом Андрея Первозванного, который имел из числа высоких сановников только председатель государственного совета Куломзин. Затем кн. Андроников высказал ту же мысль и Распутину и А. А. Вырубовой. Результатом всего этого было пожалование Горемыкину, в скорости после его юбилея,

означенного выше ордена при высочайшем высокомилостивом рескрипте.

После этого, когда последовала смена некоторых министров, подписавших петицию о поддержании пожеланий Государственной Думы по вопросу о кабинете общественного доверия как в прессе, так в думских и правительственных кругах очень упорно заговорили об уходе министра иностранных дел С. Д. Сазонова, также подписавшего упомянутую выше петицию, и о принятии Горемыкиным на себя обязанностей по должности министра иностранных дел с назначением его вице-канцлером или канцлером Российской империи по примеру князя Горчакова. Поверяя эти слухи у кн. Андроникова, я понял со слов князя, что это не праздные разговоры, так как он нисколько не сомневался в том, что постепенно все министры, присоединившиеся к выступлению Государственной Думы, уйдут из состава кабинета, и что Горемыкин вообще вопросам иностранной политики придает большое значение; но кн. Андроников находил, что появившиеся по этому поводу газетные заметки только вредят делу и отдаляют уход Сазонова. Так как вопрос о министерстве иностранных дел меня мало интересовал, а затем означенные выше газетные слухи прекратились, то, будучи занят по вступлении в должность, другими делами, я совершенно забыл об этом предмете.

Но в один из своих очередных докладов Мануйлов мне передал, что он случайно, как секретарь редакции «Вечернего Времени», на своем дежурстве, познакомился с сыном почтенного и уважаемого сенатора Кузьминского, авиатором Кузьминским, который предложил редакции купить у него письмо Распутина к высоким особам с просьбой о пожаловании Горемыкина, как в письме написано, «канцлером»; при этом Мануйлов добавил, что Кузьминский ему заявил, что если редакция откажется от приобретения этого письма, то он продаст его газете «Речь», как органу конституционно-демократической партии, которая собирает материалы для разоблачения Распутина. В виду этого он, Мануйлов, понимая, как мой сотрудник, серьезность положения, в случае перехода этого письма, пред открытием сессии Государственной Думы, в руки означенной партии, постарался отговорить Кузьминского от этой мысли и, отказавшись, в наших же интересах, от покупки этого письма для своей редакции, просил Кузьминского зайти к нему на следующий день, заверив Кузьминского, что он, быть может, сумеет дать возможность Кузьминскому поместить письмо в надежные руки, так как Кузьминский хотя и сильно нуждался в деньгах, но, по словам Мануйлова, он сам хотел, в интересах семейных, использовать это письмо, с возможно меньшими последствиями его огласки. В подлинности письма Мануйлов не сомневался, так как почерк Распутина хорошо знал. Помимо тех соображений, которые мне высказал

Мануйлов, меня тревожило также и то обстоятельство, что дело касалось сына человека, с которым я около года под его председательствованием работал в одном департаменте сената и к которому я относился с уважением, и Горемыкина, с которым был в хороших отношениях и который в этот период просил меня собрать для него лично сведения о брате авиатора, третьем сыне сенатора Кузьминского, сделавшем предложение любимой племяннице Горемыкина.

В виду всех этих соображений, о которых я не счел нужным говорить Мануйлову, а о последнем я даже не передавал впоследствии и А. А. Вырубовой, я решил письмо это выкупить у Кузьминского и согласился на предложенный Мануйловым план, заключавшийся в том, что, когда к нему придет Кузьминский, то он позвонит по другому телефону мне, и я должен буду сейчас же к нему в редакцию прислать кого-либо из моих доверенных лиц, под видом английского корреспондента, собирающего для пославшей его редакции материал про Распутина; тогда Мануйлов познакомит это лицо с Кузьминским, сведет их и в будущем предоставить умению моего доверенного вести дальнейшие с Кузьминским переговоры. Выбрав для этой цели находившегося некоторое время, при моем директорстве, по поручению ген. Джунковского, в заграничной командировке в Париже чиновника VI кл. Иозефовича, бывшего лицеиста, хорошо владеющего языками, я вызвал его к себе из департамента и просил его, в личное для меня одолжение, объяснив ему всю серьезность, в интересах охраны августейшего имени, того положения, которое может получиться в случае перехода этого письма не в наши руки, не отказать помочь мне в осуществлении предложенного Мануйловым плана; затем я познакомил Иозефовича с Мануйловым, не как с сотрудником, а как с секретарем редакции «Вечернего Времени», оказывающим мне в этом деле дружескую услугу.

Когда Иозефович, после колебания и заявления, что ему в первый раз приходится выступать в подобной роли, согласился, уступая моей просьбе, помочь мне в этом деле, то на следующий день состоялось в редакционной комнате «Вечернего Времени» первое знакомство его, под вымышленной фамилией, с Кузьминским, запросившим вначале за письмо несколько тысяч, повлекшее затем ряд дальнейших их свиданий за завтраком и обедом в ресторане «Франция», обмен визитов, для чего пришлось заказать Иозефовичу визитные карточки и нанять отдельную квартиру, и, наконец, покупка письма, обошедшаяся мне со всеми расходами, если не ошибаюсь, около полутора тысяч рублей из секретного фонда, бывшего в моем распоряжении. При этом Иозефовичу удалось со слов Кузьминского, которого он ранее не знал, выяснить, что письмо было взято одной барышней, хорошей знакомой Кузьминского, бывавшей часто в гостях у старшей дочери Распутина,

который не имел обыкновения прятать свою корреспонденцию и часто оставлял написанные или недописанные им письма у себя в кабинете; барышня эта, интересуясь стилем и содержанием писем Распутина, прочитав это письмо, рассказывая, затем, вообще о жизни Распутина, передала, между прочим, и содержание этого письма Кузьминскому и, по его просьбе, достала ему потом и подлинник. Когда, затем, я это письмо, действительно написанное Распутиным, показал А. Н. Хвостову и рассказал ему всю историю дела, то он попросил меня сфотографировать этот документ и дать ему для коллекции собираемых им о Распутине материалов несколько фотографий; затем, когда я, зная уже, что Распутин не любит, если что-либо неприятное о нем сообщается А. А. Вырубовой, высказал свое предположение о возвращении этого письма Распутину с советом быть осторожным в дальнейшем и не оставлять писем на столе, дабы не повторилась в будущем подобного рода история, то А. Н. Хвостов нашел более целесообразным передать как письмо, так и остальные фотографические снимки А. А. Вырубовой, как для того, чтобы через нее подействовать на Распутина в отмеченном мною направлении, так и оттенить ей всю важность оказанной услуги в этом деле и подчеркнуть ей, не указывая способа приобретения письма, что не только письмо, но и фотографии, если бы нам не удалось перехватить их от приобретения кадетской партией, дали бы последней существенный и сенсационный материал для выступления в Государственной Думе. Затем А. Н. Хвостов вменил мне в обязанность непременно показать фотографию письма и Горемыкину, чтобы, Горемыкин мог оценить из отношения нашего к этому, имеющему для него, Горемыкина, большое личное значение, делу наше бережливое отношение к его интересам. Вырубова нас поблагодарила за письмо и фотографию и в подробностях расспросила о том, как это письмо могло попасть в посторонние руки, и обещала серьезно переговорить с Распутиным по поводу хранения им писем, но по поводу содержания письма ничего не сказала. Распутин же, когда мы после этого ему рассказали об этом письме, видимо, был к разговору подготовлен и А. А. Вырубовой и Мануйловым, хотя последний обещал мне ничего с Распутиным не говорить, удивился тому, как это письмо оказалось похищенным из его кабинета, и начал строить различные свои предположения, кто именно мог его взять, и просил меня подробнее описать наружность этой барышни, затем, обещая быть на будущее время аккуратнее, сказал, что ему досталось за это от А. А. Вырубовой, и попенял на нас, как я ожидал, за то, что мы передали письмо не ему, а А. А. Вырубовой; на это А. Н. Хвостов и я заявили, что нельзя было иначе поступить, так как это касалось Горемыкина, которому мы должны были доложить об этом; что же касается самого письма, то Распутин сказал, что это был черновик.

Когда я показал фотографию письма Горемыкину, то он внимательно прочел, спросил, где находится подлинное письмо и, выслушав мой ответ, сказал мне, что он об этом Григория Ефимовича не просил, затем поблагодарил очень любезно меня и просил передать его благодарность Хвостову. О способе приобретения письма я ему сказал, в той же версии, как мы говорили А. А. Вырубовой, не упоминая, конечно, в виду высказанного мною ряда причин, фамилии Кузьминского.

Затем, когда проводился список нового состава государственного совета, А. Н. Хвостов пожелал принять в нем участие для увеличения правого крыла государственного совета, чему правая фракция придавала большое значение, не будучи уверена в том, что Куломзин поддержит их интересы. По этому поводу А. Н. Хвостов сам вел переговоры с некоторыми из членов государственного совета и мне показал, пред своим всеподданнейшим докладом, набросанный им проект списка. Я теперь не помню, кто был намечен А. Н. Хвостовым, но только знаю, что он, по моему совету, включил в список несколько сенаторов из 1-го департамента, из коих прошли только А. А. Римский-Корсаков и П. П. Гарин, хотя я ему возражал против намеченной им кандидатуры Муратова, бывшего только членом совета министерства внутренних дел, указывая на то, что это вооружит против него Муратова, кроме того, являясь в служебном отношении большим служебным поощрением для Муратова, вызовет сильные возражения со стороны Куломзина, но А. Н. Хвостов мне ответил, что он ни Куломзина, ни Горемыкина в свои предположения не посвятит, а доложит их непосредственно государю и укажет, что Муратов нужен для выступлений в государственном совете, как выдающийся партийный оратор. Действительно, А. Н. Хвостову удалось эти назначения провести путем доклада государю, причем предварительно об этом А. Н. Хвостов, будучи со мною у А. А. Вырубовой, в подробностях разъяснил ей значение укрепления правого крыла государственного совета в предстоящую сессию, как необходимого, в интересах трона, противовеса Государственной Думе и указал ей на особенности выдвигаемой им кандидатуры, о чем А. А. Вырубова и обещала доложить во дворце.

В данном случае к содействию Распутина мы не прибегали. В наш период управления министерством внутренних дел начались также разговоры и об уходе гр. Игнатьева, как бы подтверждавшие приведенную мною выше точку зрения кн. Андроникова о предстоящем последовательном уходе всех министров, подписавших означенную выше петицию государю и ей сочувствующих.

Хотя мы и знали отрицательное отношение к деятельности гр. Игнатьева правых фракций Государственной Думы и государственного совета, и Замысловский неоднократно говорил с нами

о необходимости замены его правым министром, который мог бы восстановить и продолжать в ведомстве министерства народного просвещения политику Кассо в особенности в отношении высших учебных заведений, тем не менее, А. Н. Хвостов и я находили уход гр. Игнатьева в то время не отвечающим нашей задаче умиротворения Государственной Думы. В разговорах с нами А. А. Вырубова неоднократно высказывала, что, помимо родственных связей гр. П. Н. Игнатьева с гр. С. С. Игнатьевой, императрица недоверчиво относится вообще к деятельности гр. Игнатьева, как министра народного просвещения, подыгрывающегося в своей программе к думским настроениям, но что государь, несмотря на неоднократные с ним разговоры о гр. Игнатьеве, продолжает, попрежнему, дарить его своим доверием не только вследствие давних симпатий к нему, но и потому, что ставит в заслугу гр. Игнатьеву успокоение студенческой молодежи высших учебных заведений. Затем, когда началось прохождение смет в бюджетной комиссии и в газетах появились статьи, отражающие благожелательное отношение Государственной Думы к деятельности гр. Игнатьева по управлению министерством народного просвещения, и была приведена переходная формула бюджетной комиссии, ярко иллюстрирующая оценку Государственной Думой всей ведомственной политике гр. Игнатьева, А. А. Вырубова попросила доставить ей печатный экземпляр заседаний комиссии по смете министерства народного просвещения, где приведена эта формула, что мною и было исполнено. Хотя А. А. Вырубова и в этот раз повторила, что государь, попрежнему, продолжает, благосклонно относиться к гр. Игнатьеву, тем не менее, я понял, что позиция А. А. Вырубовой в отношении гр. Игнатьева остается та же, и поручил агентуре, близкой к Распутину, узнать о дальнейших планах А. А. Вырубовой. Но это было уже в последние дни моего пребывания в должности товарища министра внутренних дел; затем я уехал и по приезде летом, при свидании с Распутиным, спросил его по поводу гр. Игнатьева, желая проверить, насколько правильную оценку отношений государя к гр. Игнатьеву дала мне в свое время А. А. Вырубова. Распутин подтвердил мне то, что я услышал от А. А. Вырубовой, и добавил, что он, поддерживая императрицу в смысле необходимости иметь на этом посту своего человека, так же, как и Штюрмер, а в свое время и Горемыкин, настаивал на уходе гр. Игнатьева, но государь отмалчивается.

Это меня несколько успокоило. Хотя в это время я узнал, что Распутин начал посещать сенатора Кульчицкого, но так как он никому не проговаривался о цели своих посещений, а в ту пору начались определенные уже поиски Распутиным нового обер-прокурора и его поездки к Раеву, кандидатуру которого усиленно выдвигал митрополит Питирим, в силу старых хороших отношений

ко всей семье Раевых, но Распутин, как мне передавали, вначале неохотно поддавался желаниям владыки, то у меня явилось естественное предположение о намерении Распутина провести Кульчицкого в обер-прокуроры св. синода, так как Кульчицкий помимо своей религиозности и преданности династии, всегда поддерживал хорошие отношения с православными иерархами и относился доброжелательно, будучи попечителем округов, к деятельности церковно-приходских школ, которым императрица придавала особое значение в деле духовно-нравственного народного образования.

Возвратившись, затем, в сентябре с семьею с Кавказа в Петроград и войдя постепенно в курс новостей, я узнал, что мнение императрицы относительно гр. Игнатьева поддерживал и Н. А. Маклаков, имевший два свидания в частной аудиенции у государя, что в том же направлении, желая окружить государя и государыню верными им людьми, действовал и Протопопов, и Штюрмер, и что Распутин выдвигает кандидатуру Кульчицкого, с которым уже по этому поводу говорил Протопопов. При этом весь вопрос об уходе гр. Игнатьева шел таким ускоренным темпом и держался в таком большом секрете, что пока я, после своего возвращения в ноябре из командировки по комитету Марии Павловны, получил определенные сведения о возможности неожиданного для гр. Игнатьева увольнения его от должности и собирался предупредить гр. Игнатьева, то указ о назначении Кульчицкого министром народного просвещения уже состоялся. В первое время, по назначении Кульчицкого, правая фракция Государственной Думы ожидала от него резкого изменения политики гр. Игнатьева, но затем Замысловский несколько раз высказывал мне, что его несколько удивляет нерешительность Кульчицкого в определении своей ведомственной политики, что я, мало зная Кульчицкого, объяснял Замысловскому трудностью положения Кульчицкого в особенности в период предстоящих тогда обсуждений ведомственной сметы. Но затем, встретившись с Кульчицким на обеде у Чаплинского, из разговора с ним на эту тему я вынес убеждение, что Кульчицкий — человек спокойный и осторожный, каждый свой служебный шаг обдумывает, понимая всю затруднительность своего положения в министерстве после гр. Игнатьева, и, как он мне сам сказал, не склонен к коренной ломке всех начинаний гр. Игнатьева, признавая за некоторыми из них ценное значение.

В заключение я приведу пример того, поскольку Распутин был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным. Я не помню за весь

период моего знакомства с Распутиным, чтобы, при каждой смене министерства внутренних дел или председателя совета, не подымался вопрос о таком материальном обеспечении Распутина, которое бы исключило возможность проведения им дел во многих случаях сомнительного характера, причем, зная или слыша о далеко не бескорыстных в этом отношении побуждениях Распутина, никто из нас не имел мужества честно его разоблачить перед государем, а всегда старался как государю, так в особенности государыне и А. А. Вырубовой оттенить, что Распутин является жертвой своих лучших бескорыстных пожеланий помочь каждому к нему обращающемуся, и что широко оказываемая им денежная поддержка бедным поглощает все даваемые ему на этот предмет добрыми знакомыми небольшие суммы. При этом каждый из министров обсуждал с А. А. Вырубовой как вопрос о материальной поддержке Распутина, так и способы парализования эксплоатации его доброты, причем, уходя, держал в тайне от своего заместителя, не желая подчеркивать свою близость к Распутину, секрет своих влияний и сношений с Распутиным. Распутин старался не разуверять в этом ни министров, ни окружающих его лиц, а в особенности высоких особ. Если же государь иногда делал Распутину замечания, когда он представлял августейшему вниманию его величества какой-нибудь коммерческий проект, в особенности за последнее время, по поставкам на армию, явно подозрительного свойства, то Распутин в таких случаях всегда отговаривался тем, что он ничего в этих делах не понимает, а исполняет лишь просьбы прибегающих к нему лиц, думая, что быть может эти дела и принесут какую-либо пользу государю, а затем в добродушном тоне рассказывал окружающим его лицам о том, как его хотели подвести под немилость царя. Все свои денежные дела Распутин вел в большом секрете даже, как я думаю, и от А. А. Вырубовой, всегда говорил о своих дырявых руках, не умеющих держать деньги, и настолько этим уверил высоких особ, что по его смерти Протопопов принял ряд мер к материальному обеспечению семьи Распутина. Со времени моего вступления в должность, наблюдая за Распутиным внимательно, я убедился, что он был погружен как в проведение больших коммерческих дел, так и в отстаивании своего вляния на государя и по всем этим соображениям не желает и боится оставлять Петроград.

В это же время умер его отец, и его вызывали приехать к одному из поминальных дней; мне близкие к Распутину лица передавали, что Распутин вначале собирался ехать, а потом послал вместо себя, не помню кого, кажется, сына. При встрече с Распутиным я выразил ему свое соболезнование по поводу понесенной им утраты и спросил его, не собирается ли он поехать на родину, хотя бы к 40-дневной панихиде. На это Распутин мне ответил, что он всей своей душой стремится отдать последний

долг своему родителю, которого он всегда уважал, но что когда он об этом заговорил во дворце, то, уступая усиленным просьбам высоких особ, должен был для них остаться здесь и отложить свое сердечное намерение поехать домой. О своем покойном отце и о своем глубоком сожалении о невозможности лично присутствовать на поминках по нем Распутин говорил с таким подкупающим прискорбием, что я подумал, что, видимо, в нем в эту минуту заговорила совесть, так как из филерных донесений об отношениях его к отцу за время пребывания на родине я знал, что он не только не уважает отца, но даже не старается скрыть от посторонних своего пренебрежения к нему, ругает его вселюдно самыми скверными словами, а в пьяном виде бьет его и раз даже вырвал у него клок бороды. Поэтому я начал интересоваться вопросом о том, изменит ли Распутин свой образ жизни хотя бы в первые, острые для каждого при потере близкого человека, дни и убедился в том, что вся обстановка его личной жизни осталась та же, — то же пьянство, те же кутежи, то же отношение к женщинам.

Теперь я возвращаюсь к прерванному моему показанию об установившихся между мною и А. Н. Хвостовым отношениях и об осуществлении нами нашего плана сношений с Распутиным и принятых нами мерах в смысле как охраны его лично, так и возможного предупреждения проникновения в общество сведений и фактов, связанных с его именем. С первых же дней моего общения с А. Н. Хвостовым, А. Н. Хвостов, получив, видимо, от кн. Андроникова некоторые сведения обо мне и обстановке моей жизни, принял сразу со мною тон подкупающего откровенного единения, посвятил меня в свою личную жизнь и, по вступлении в должность, ясно подчеркнул пред чинами министерства внутренних дел свое не только полное доверие ко мне, но и исключительную дружескую близость, постоянно со мною советовался, принимал меня во всякое время, надолго задерживал у себя в кабинете, заезжал ко мне, советовался по всем вопросам более важного характера, выходящим из сферы дел моего ведения и, затем, проявил предупредительную любезность в вопросе наилучшего моего служебного и материального обеспечения. В этом последнем отношении его особенно озабочивал вопрос о моей квартире. Товарищи министра получали или квартиру натурою или квартирные деньги в размере 3.000 рублей. Свободным в ту пору было одно только помещение, которое до того занимал И. М. Золотарев, который, будучи холостым человеком, предоставил весь низ своей квартиры, наиболее приспособленный для семейного обихода, второму секретарю министра В. В. Граве, человеку семейному, не обладающему особыми средствами, кроме получаемого содержания. А. Н. Хвостов предложил мне эти обе квартиры с тем, что он возьмет на себя обеспечение Граве отпуском ему квартирного денежного довольствия. Но так как я был в хороших отношениях со всей семьей

Граве, женатом на дочери Э. А. Ватаци, у которого я, в бытность его губернатором Ковенской губернии, состоял в должности правителя канцелярии, был ему обязан добрым отношением ко мне и глубоко его уважал, то я категорически отказался от этого предложения, ставившего Граве в исключительно трудное положение по приисканию удобной для него квартиры, в особенности во время квартирного кризиса. Вместе с тем, у меня не было служебного кабинета и приемной и я, временно поместившись в департаменте, где ощущался вообще недостаток помещения, должен был стеснить и директора, и секретарскую директорскую часть.

В виду такого положения вещей, А. Н. Хвостов предложил мне для служебных моих занятий квартиру на Морской, где, как я сказал, жил Золотарев, и приказал ее соответствующим образом обставить, чтобы она не носила характера служебных помещений, а имела вид домашнего уюта. При этом А. Н. Хвостов попросил меня, в виду болезни его жены, лишающей его возможности, до ее поправления, приглашать на деловые завтраки и обеды тех или других лиц, с которыми он находил необходимым сблизиться, оказать ему в этом отношении дружескую услугу, взяв на себя в нужных случаях эту представительную роль. Затем этой квартире, как помещающейся рядом с канцелярией министра, где сосредоточена делопроизводственная часть по выборам в Государственную Думу, А. Н. Хвостов придавал значение в период подготовительных работ в предстоявшую избирательную кампанию, когда необходимы будут такие деловые свидания, где появление того или другого нужного лица в приемной или в доме министра может дать повод к нежелательным в интересах дела разговорам. В виду этих, не входящих в круг моих обязанностей полномочий, А. Н. Хвостов, зная, со слов кн. Андроникова и моих, мою материальную обстановку и принимая во внимание, что содержание товарища министра, заведывавшего департаментом полиции, в общем меньше по сравнению со всеми денежными ассигнованиями, получаемыми директором департамента полиции [1]), в силу чего все означенные товарищи министра получали, под разными видами довольствия, дополнительные из сумм департамента полиции денежные отпуски, — назначил мне по три тысячи рублей ежемесячно, поручив их брать из отпускаемых им мне, как секретарные надобности, авансов, и на рождество, по докладу директора департамента, выдал мне в усиленном размере праздничные, в размере пяти тысяч

[1]) Товарищ министра внутренних дел вообще получал содержание по департаменту общих дел: жалованье и квартиру или квартирные. Директор департамента полиции, как и остальные члены департамента, кроме отпуска из казны, получал из секретного фонда дополнительные выдачи, которые вместе с штатным окладом в 10 тыс. рублей доходили до 18, 20, 25 и 30 тысяч рублей (ген. Климовичу).

рублей. Затем, когда Распутин начал и ко мне, и к А. Н. Хвостову направлять просителей, минуя кн. Андроникова, А. Н. Хвостов, не только из боязни обнаружения пред посетителями и огромным штатом служащих всех рангов в доме министра внутренних дел своей близости к Распутину, но, главным образом, из-за жены просил меня взять на себя, помимо разговоров с Распутиным по телефону, прием всех посылаемых Распутиным к нему лиц. Вследствие этого А. Н. Хвостов начал торопить скорейшее устройство моего служебного помещения на Морской улице с соответствующей обстановкой.

Считаясь с пожеланиями А. Н. Хвостова, не жалея расходов и принимая все меры к закреплению связи с Распутиным, итти всецело навстречу исполнения просьб последего, я, после перевода в октябре моего служебного кабинета на Морскую улицу, пригласил несколько чиновников, в личном к себе расположении которых я не сомневался, зная их давно, и двум из них — Н. Н. Михайлову, как моему секретарю (впоследствии де-Лазари занял эту должность), и Крупчанову, как его помощнику, не посвящая их в детали моих сношений с Распутиным, объяснил, что ко мне в интересах предупреждения излишних разговоров, связанных с именем Распутина, будут направляться последним разные лица с письмами, почему я их прошу, в личное мне одолжение, не только об этом не разглашать никому, но не входить с этими лицами ни в какие разговоры, а быть лишь любезными и немедленно мне о них докладывать, принимая их не только в приемные часы и дни, а во всякое время моих служебных занятий. При этом я просил Н. Н. Михайлова сделать подбор старых, испытанных курьеров, указать им, чтобы они тоже ни в какие особые разговоры и расспросы с приходящими ко мне просителями не вступали, а чтобы самый прием обращающихся ко мне лиц он устроил так, чтобы предупредить возможность показывания присылаемыми Распутиным лицам писем его и их громких разговоров с ссылкой на него в присутствии посторонних. За неуклонным исполнением настоящего моего требования я все время строго следил и, несмотря на хорошие мои старые отношения к Михайлову, я всегда останавливал его и не входил с ним ни в какие разговоры, когда он обращался ко мне с вопросами по поводу Распутина, его просителей и близких к нему и А. А. Вырубовой лиц.

Такое мое отношение в вопросе о Распутине и его влияниях я проявлял даже к близким мне по департаменту полиции лицам, в том числе и к и. д. директора Кафафову, с которым я был на «ты», не говоря уже о том, что никого из всех этих лиц и вообще из чинов департамента полиции я с Распутиным не сводил и к нему не посылал. Даже когда я узнал от С. Е. Виссарионова, что он, на почве книги о Распутине, о которой я раньше показывал, познакомился с ним и А. А. Вырубовой, то я посоветовал ему больше

с ним не видеться. Это я делал не из боязни сближения их с Распутиным в ущерб личным моим интересам или в видах стремления законспирировать свои с ним отношения, а в их личных интересах. Так же я поступил и впоследствии, когда уже ушел со службы, удерживая тех из своих бывших сослуживцев, которые обнаруживали желание познакомиться с Распутиным, желая избавить их от того, что я лично испытал. Я думаю, что теперь они простят мне многие, может быть, мои, без злого намерения сделанные вины в отношении их за это проявленное мною бережливое отношение к их доброму имени.

Распутин широко пошел навстречу наших желаний исполнять его просьбы и, по мере нашего сближения с ним, начал заваливать нас своими просьбами и письмами; кроме того, по тем прошениям и делам, которым он придавал особо важное для себя значение, он говорил лично при свидании с нами или по телефону, или через Комиссарова, снабжая его ежедневно прошениями. В первое время, когда я еще сравнительно мало знал Распутина, я пробовал было исполнять все его просьбы, но затем, когда поближе познакомился с обстановкой его жизни этого периода, с характером просьб посылаемых им лиц и обликом последних, то я, оберегая лично себя, начал проявлять осторожность. С письмами ко мне являлись преимущественно дамы и в единичных случаях мужчины. Просьбы Распутина заключались, главным образом, в избавлении от отбытия воинской повинности путем устройства в тыловых учреждениях, о предоставлении должностей и о материальной поддержке. Что касается просьб первой категории, то, как мне это ни было тяжело, потому что я даже братьев и близких родственников не устраивал в тыловых учреждениях, и они и поныне находятся в передовых частях действующей армии, тем не менее, я их исполнял, пока они были единичны, в виду настоятельных просьб не только Распутина, а в некоторых случаях и А. А. Вырубовой и близких к Распутину дам. За одного помещика Северо-Западного края (фамилию запамятовал) как за своего хорошего знакомого, хотя я его не знал, я попросил главноуполномоченного по беженцам Зубчанинова, а за двух или трех через Глобачева, указав ему, от кого исходят просьбы, — градоначальника кн. Оболенского, с которым, как я уже показывал ранее, было мною установлено общее соглашение в отношении исполнения просьб Распутина или Вырубовой.

Но затем, когда я увидел, что число этих ходатайств увеличивается и что контингент лиц, за которых Распутин просил, состоял исключительно из людей состоятельных, я использовал полученные мною от начальника охранного отделения Глобачева недоброжелательные в политическом отношении, но относившиеся к студенческой еще поре сведения об одном из таких лиц — Книрше. В судьбе Книрши Распутин и одна из почитательниц

его приняли самое горячее участие, почему я просил Глобачева зачислить его в полицейский отряд. В виду означенных сведений я категорически отказал Книрше в просьбе, затем показал эту справку о нем Распутину и попросил его, объяснив ему всю серьезность вмешательства его в этого рода дела, и самому не брать на себя ходатайств по подобного рода просьбам и ко мне их более не присылать. Распутин после этого обратился ко мне только с одной подобного рода просьбою за одного москвича Корзинкина, прибегнув в этом случае к поддержке А. А. Вырубовой, которая меня два раза просила об устройстве этого лица, в силу чего я принял его в департамент полиции и откомандировал затем, с согласия ген. Климовича и управляющего его канцелярией, сославшись на просьбу А. А. Вырубовой, в распоряжение московского градоначальника на усиление его канцелярии. Из нескольких разговоров с женой Корзинкина, приходившей ко мне с письмом Распутина, вначале даже намекнувший мне о денежной мне благодарности ее за исполнение этой просьбы, из всего облика ее, резко ее выделявшего из числа обычно присылаемых Распутиным лиц и ее скромности, я убедился, что она, повидимому, его не знает. Когда же я ее расспросил о ее семейном положении и о занятиях ее мужа, то вынес впечатление, что она и муж живут хорошо, заняты своим коммерческим делом и семьею; поэтому я просил ее быть со мной вполне откровенной и посвятить меня в историю своего знакомства с Распутиным и Вырубовой и дал ей в осторожной форме обрисовку порочных наклонностей Распутина, так как последний меня очень уж настойчиво просил по телефону за эту даму, говоря, что он у них в Москве останавливается и что я доставлю ему особое удовольствие исполнением этой просьбы.

Из ее рассказа и выраженного ею искреннего удивления, когда я передал ей, со слов Распутина, о их давнем знакомстве, оказалось, что она и муж никогда до этой поры и в глаза не видели Распутина, и только одно желание оставить мужа, в виду семейных и коммерческих дел в Москве, заставило их, после того, как ими были исчерпаны в Москве все пути обращений по этому лично их касающемуся делу, познакомиться с госпожей Миклашевской, с которой они и приехали в Петроград и остановились в Северной гостинице, устраивающей в Москве, за плату для себя и для Распутина, все дела. Действительно, в сопровождении этой дамы госпожа Корзинкина являлась ко мне в первый раз на прием; как я потом навел справки, госпожа Миклашевская брала, не без выгоды для себя, проведение через Распутина многих дел по Москве, куда Распутин от поры до времени наезжал, часто бывая у госпожи Миклашевской. При этом госпожа Корзинкина мне сообщила, что все эти хлопоты ей стоят больших денег, которые она дала как Миклашевской, так и лично Распутину и, кроме того,

сделала пожертвование на лазарет А. А. Вырубовой и что только с этой точки зрения она и понимает свои отношения к Распутину, сердечно поблагодарив меня за мое предупреждение относительно Распутина. Но оказалось, что Распутин иначе смотрел на завязавшееся знакомство и, как я узнал из наблюдений за ним, он не только начал беспокоить г-жу Корзинкину праздными по телефону разговорами, но раз ночью хотел насильно ворваться к ней в номер, обиделся на нее, когда она пригрозила позвать прислугу, и только благодаря лицу, его сопровождавшему, удалось его увести из гостиницы и тем избежать скандала. После этого, на другой день, Корзинкина явилась ко мне и, рассказав об этом случае, начала умолять меня ускорить дело назначения ее мужа. Послушавшись моего совета, она послала еще денег Распутину и в тот же день уехала в Москву. Когда я потом, спустя некоторое время, как бы не зная об этой истории, передал Распутину, что я исполнил его желание относительно Корзинкина, то он, изменившись в лице, с чувством какой-то злобности ответил, что она его обманула, и он жалеет даже, что помог ей в деле устройства ее мужа.

По уходе моем со службы, как я потом узнал, Распутин все-таки, хотя и не особенно часто, брал на себя предстательство по подобного рода делам; что же касается своего родного сына Дмитрия, то в виду последовавшего в ту пору запрещения принимать подлежащих призыву в санитарные учреждения, Распутин устроил его, по особому всеподданнейшему докладу, согласно ходатайства А. А. Вырубовой, санитаром в поезде императрицы, совершавшем рейсы на передовые позиции за ранеными.

14.

[Просительницы от Распутина с ходатайством о материальной поддержке и о предоставлении мест. Неудавшаяся попытка Белецкого отказывать клиенткам Распутина. Непосредственное обращение просительниц к А. Н. Хвостову. Особые меры предосторожности, принятые Белецким для предотвращения скандальных похождений Распутина. Приглашение Комиссарова. Его прошлое. Вступление Белецкого в управление департаментом полиции.]

Второй сорт просительниц, осаждавших меня с первых же моих приемов и до ухода со службы с письмами от Распутина по поведу материальной поддержки и устройства их на место, не раз заставлял меня вспомнить вещие предсказания кн. Андроникова. На первых порах я, помогая денежно, давал рекомендации этим дамам в некоторые учреждения, возникшие в виду военных действий, но затем, наводя о них справки, начал получать такие неутешительные о них сведения, что мне приходилось почти всегда краснеть за рекомендованных мною лиц. Но случай с г-жей Л—ц окончательно меня убедил в необходимости в исполнении таковых просьб Распутина не итти далее материальной поддержки. Госпожа Л—ц, жена одного русского подданного, военного служащего, взятого германцами в плен, явилась ко мне с письмом Распутина, а затем он сам меня еще раз попросил за нее при личной явке. Переговорив с ней и дав ей денежную субсидию, я, исполняя ее желание, при второй ее явке дал ей, кроме того, рекомендательное письмо, заручившись согласием на принятие ее на должность в 90 руб. в месяц. Затем, имея в виду получать от нее в будущем сведения о Распутине, я обещал ей ежемесячно помогать. Но через некоторое время я узнал, что она успела себя скомпрометировать на месте своего служения подчеркиванием своей близости к Распутину, потом заболела и была помещена в женское отделение одной из лечебниц Красного Креста. Отсюда, вопреки правилам, она часто отлучалась в город, бывала у Распутина, возвращалась поздно, на замечания врача отвечала указанием на ее влиятельные знакомства и, наконец, сойдясь с заведывающей хозяйством, приняла Распутина несколько раз вне дозволенного для свидания времени, в комнате заведывающей в вечер-

ние часы. Когда узнал об этом старший врач, то он так возмутился всем поведением госпожи Л—ц, что, удалив ее из больницы, имел в виду обо всем этом инциденте доложить Красному Кресту, по распоряжению коего г-жа Л—ц была положена в это лечебное заведение, как жена военнослужащего. Желая избежать такого нежелательного исхода дела и будучи глубоко возмущен всем поведением Л—ц, я внес дело в особое совещание о высылке ее; просил вице-директора департамента полиции П. К. Лерхе, в личное мне одолжение, отправиться к старшему врачу, сообщить ему о тех мерах, какие я предпринял в отношении этой дамы и передать ему мою покорнейшую просьбу не давать предположенное им дальнейшее направление всему этому происшествию. П. К. Лерхе не без труда выполнил это поручение, которое, бесспорно, в виду имени Распутина, не только дало бы тему для разговоров в управлении Красного Креста, но могло бы, быть может, быть доложено августейшей председательнице Креста, вдовствующей государыне. Когда я об этом сказал Распутину, то, хотя он внешним образом и не показал вида, что такой исход дела ему не нравится и даже объяснил, что он, по евангельской заповеди, посетил болящую, исполняя ее просьбу, но, тем не менее, взялся сам предупредить Л—ц о необходимости выезда ее из Петрограда, расспросив меня, где она имеет право жить, и просил об этом деле не говорить Вырубовой.

После этого случая я этим просительницам оказывал исключительно денежную помощь, не менее 100 руб., всякий раз, при выдаче, настойчиво советуя им в Петрограде не засиживаться. Письма Распутина с подобного рода просьбами, коими он меня заваливал, хранились у меня до его смерти, но после этого я их уничтожил, оставив у себя одно или два его письма к А. Н. Хвостову, которого он именовал «хвост», показывающие степень близкого доверия к нему Распутина. Чтобы вы могли судить о числе просительниц этого рода, прошу опросить Н. Н. Михайлова и Крупчанова, а затем К. Н. де-Лазари, прикомандированного ко мне из земского отдела, после назначения Н. Н. Михайлова членом совета, для исполнения секретарских обязанностей, но предупредив их о том, что я дал откровенные по делу Распутина показания, дабы они под влиянием личных добрых ко мне отношений не дали уклончивых ответов.

Просительницы эти, по внешнему виду, принадлежали к числу интеллигентных дам, имеющих то или другое положение в обществе, но находящихся или на временной, или на постоянной свободе от семейных обязательств и легко смотревших на жизнь и на моральные принципы; многие из них как бы гордились даже оказываемым им Распутиным вниманием и давали понять мне свою, хотя бы и временную, как я потом, в целях агентурных, разузнавал, близость к нему и то, что они познакомились у него,

Распутина, с А. А. Вырубовой. Вначале эта психология для меня была непонятна, но затем, когда ко мне начали поступать из разных источников агентурные сведения и проверочные наблюдения Глобачева, Комиссарова, Мануйлова и других, я более уже не удивлялся, так как пришлось встречаться и с такими фактами, когда (я фамилий, из уважения к женской чести, не буду называть) занимающие видное положение в обществе, как например, одна княгиня из Москвы, одна из крупных величин в артистическом опереточном мире и другие, хорошо материально обеспеченные и никаких просьб к Распутину не имевшие, дамы из чувства не только любознательности, но и особого интереса к личности Распутина, сознательно искали знакомства с ним, зная, на что они идут.

Наконец, был третий, самый незначительный (я говорю по числу лиц, посылавшихся Распутиным ко мне) тип просительниц, которых не материальная нужда, а горе по любимым людям заставляло итти за письмами к Распутину. Но это горе Распутина не трогало, и я до сих пор не могу забыть одной женской драмы, разыгравшейся у меня в кабинете. На прием ко мне с письмом Распутина явилась прилично и скромно одетая дама, лет за 30, с просьбою помочь ей в деле возвращения из административной ссылки ее мужа, частного поверенного в К — ве, высланного, как она заявляла, в силу неправильной обрисовки его деятельности; при этом она сослалась на услуги, оказанные ее мужем местной монархической организации, где он состоял в числе членов. Но, по наведенной мною в департаменте полиции справке, сведений об этой высылке в делах департамента не имелось, и поэтому я не мог дать ей ответа, до получения срочно затребованных мною от местной администрации данных. Из полученного, затем, отзыва оказалось, что высылка состоялась в связи с обстоятельствами военного времени и не без оснований. Я передал тогда просительнице существо обвинения, явившегося причиною высылки ее мужа, заявил ей, что отмена распоряжения зависит не от министра внутренних дел, а от главнокомандующего и посоветовал ей к нему обратиться. Но она, а затем Распутин по телефону стали меня просить помочь в этом деле, и я пообещал снестись по этому делу с военным начальством. Получив потом отзыв об отклонении и этого ее ходатайства, я заявил просительнице, что далее я ничем не могу быть ей полезным и советовал ей уехать домой к детям и там ожидать окончания войны, как срока, заканчивающего высылку ее мужа; о некоторых особенностях отношений Распутина к просительницам я ее предупредил ранее. Но мой совет уехать из Петрограда на нее не подействовал; она все-таки осталась в Петрограде, питая какую-то надежду на благополучный исход ее ходатайства, хотя я и передал ей, что я и Распутину сообщил обо всех обстоятельствах дела ее мужа. Наконец, когда

и после этого она пришла ко мне, я, видя несколько изменившийся тон ее уверенности в осуществлении ее просьбы, сказал ей положительно, что я в дальнейшем ничего для нее не могу сделать, и просил ее прекратить ее хождения ко мне. Тогда она истерически разрыдалась и, когда я ее немного успокоил, рассказала мне свою драму. Приехала она к Распутину, направленная к нему одним из знакомых мужа, взяв с собою бывшие у нее сбережения. Выдав Распутину, при неоднократных с ним переговорах по делу мужа, большую часть своих сбережений и заложив даже для жизни в Петрограде бывшие при ней драгоценные вещи, она настойчиво отклоняла всякие попытки Распутина фривольного свойства. Но он, тем не менее, ее не оставлял в покое и поддерживал все время в ней уверенность в благополучном при его поддержке исходе ее дела. После моего категорического отказа ей в дальнейших хлопотах за ее мужа, Распутин поставил ей ультиматум: или исполнить его требование, и тогда он попросит государя, и муж ее будет возвращен из ссылки, или же не показываться ему на глаза. Ни ее слезы, ни ее просьбы, по ее словам, ни упоминания ее о детях на него не подействовали, и он, пользуясь ее нервным в ту пору состоянием, несмотря на то, что в соседней комнате были посторонние, насильно овладел ею и затем уже несколько раз приезжал к ней в гостиницу, все время поддерживая в ней веру в исход дела, и взял от нее всеподданнейшее прошение. Затем Распутин сразу оборвал с ней знакомство и даже приказал ее не принимать, почему она, вспомнив о моих предупреждениях, явилась ко мне, не имея даже денег на обратный выезд. В искренности и правдивости ее рассказа я не сомневался, так как о ней имелись хорошие сведения, и сама она всем своим образом поведения и манерою держать себя не давала повода сомневаться в ее порядочности. Успокоив ее чем только мог, я ей посоветовал отправиться немедленно на родину, что она и сделала на другой день. Когда же я спросил Распутина, почему он ее не принял, то он, не вдаваясь в подробности, ответил, что она «дерзкая», и в силу этого он даже не передал государыне ее прошения на высочайшее имя. Прилегающая к столовой комната в квартире Распутина, где стояла его кровать (сам же он спал в последнее время на диване в столовой), куда никто, даже из близких, не имел права войти, пока он там находился с кем-либо, могла бы рассказать много подобных жизненных драм, в ней протекших. Наблюдение отмечало и такие слухи, когда оттуда в растрепанном виде выбегали с криками некоторые просительницы (из простолюдинок), ругаясь и отплевываясь, но их сейчас же старались успокоить и удалить из квартиры.

Письма Распутина были однотипного содержания, безграмотно написанные, без указания существа дела и фамилии посылаемого лица, с крестом выведенным им наверху, и со следующим изло-

жением: «Милый дорогой выслушай и помоги Григорий». Такого же содержания письма он рассылал и по городу, редко когда касаясь дела. Я часто говорил с А. Н. Хвостовым о необходимости несколько разжижить атмосферу окружающих или обращающихся к Распутину лиц, вызывающих большие расходы для него и даже начал было отказывать некоторым из просительниц, но это повлекло за собой посылку их Распутиным к А. Н. Хвостову, разговоры его с ним по телефону и после двух случаев, обнаруживших скрываемую А. Н. Хвостовым близость к Распутину и его взволновавших, я снова, по его поручению, возобновил и продолжал до конца принятое вначале отношение к просительницам с письмами от Распутина, прибегнув только к высылке особым совещанием двух из них, сделавших из этого промысел и взявших на себя, не без выгоды для себя и Распутина, посреднические обязанности по разного рода делам; но эти высылки прошли с таким трудом и настолько задели подозрительность Распутина, хотя я предварительно переговорил и с А. А. Вырубовой и с ним самим, что я больше не решился прибегать к этой мере, чтобы не вооружить против нас А. А. Вырубову и Распутина.

Два указанных мною случая, раскрывшие связь Хвостова с Распутиным, произошли таким образом. Секретарь министра В. В. Граве, при свидании со мной, спросил меня, что ему делать с лицами, приезжающими к Хвостову с письмами Распутина и высказывающими свое желание видеть А. Н. Хвостова, по поручению Распутина, пославшего их к А. Н. Хвостову, как его хорошему знакомому. При этом Граве мне передал, что А. Н. Хвостов при докладе его по этому поводу разнервничался и дал понять, что он Распутина не знает. Тогда я, переговорив с Хвостовым, попросил Граве об этом никому не говорить, а таких просителей посылать ко мне и допускать к Хвостову только тех, о которых я ему скажу по телефону, но не как о посылаемых Распутиным, а как идущих от меня. В скорости после этого В. В. Граве, поднявшись из своей квартиры ко мне вечером, когда я занимался наверху, взволнованным тоном передал мне недопустимо дерзкий разговор Распутина с ним по телефону, заключавшийся в том, что Распутин потребовал к телефону Хвостова, на что Граве ответил, что министр занят срочным докладом и что по окончании он ему доложит об этой просьбе и просил дать № телефона; на это Распутин в повышенном тоне, с криком, позволил себе сказать какую-то дерзость Граве, вынудившую последнего прервать разговор и повесить трубку. Тогда я поставил Граве в курс отношений А. Н. Хвостова к Распутину и просил его этой выходке Распутина, находившегося, повидимому, в нетрезвом состоянии, не придавать значения и сказал, что я переговорю с А. Н. Хвостовым и с Распутиным и укажу последнему, чтобы он на будущее время был сдержаннее. На А. Н. Хвостова этот мой доклад произвел неприятное впечатле-

ние, и он попросил меня переговорить с В. В. Граве, зная мои отношения к последнему, чтобы Граве никому не передавал об этом. Я успокоил Хвостова в отношении Граве, и он затем в шутливом тоне извинился пред Граве. При свидании с Распутиным я и А. Н. Хвостов попросили Распутина, в сдержанных, конечно, выражениях, более спокойно говорить по телефону с секретарем А. Н. Хвостова и объяснили ему, что это только поведет к излишним разговорам, и добавили, что за телефонами наблюдают и что, поэтому, лучше всего почаще видеться. Но это на него не подействовало. В скорости, когда А. Н. Хвостов находился в комнатах жены, где было довольно много родственников-гостей, курьер Оноприенко, ничем не предупрежденный, в отсутствие секретаря, отпущенного А. Н. Хвостовым с дежурства, принял настойчивый вызов А. Н. Хвостова Распутиным к телефону, причем Распутин не назвал своей фамилии, а сказал, что это просит Григорий Ефимович. Войдя затем в гостиную, Оноприенко при общем обращенном на него внимании, сказал громко А. Н. Хвостову, что его к телефону вызывает по нужному делу Григорий Ефимович. Для всех, в том числе и для жены А. Н. Хвостова, было знакомо это имя; А. Н. Хвостов вышел, переговорил с Распутиным по какой-то просьбе последнего, находившегося в нетрезвом виде, из какого-то ресторана и на другое утро попенял мне на Оноприенко, которого я ему особо рекомендовал, как честного, скромного и не распускавшего языка курьера, стоявшего в доме министра, и попросил меня установить в его доме какой-либо другой порядок телефонных передач и как-нибудь разуверить жену его, А. Н. Хвостова, относительно отсутствия близости его к Распутину. Расспросив Оноприенко, как было дело, я увидел, что со стороны Оноприенко не было умысла поставить в неловкое положение А. Н. Хвостова. Разуверив в этом А. Н. Хвостова, хотя последний с этого времени начал недоверчиво относиться к этому курьеру, а затем переговорив с секретарем министра, я установил новый порядок докладов министру, в случае вызова его к телефону или при приходе лиц, коих свидания надо зашифровывать, путем передачи особых записок министру. После этого я пошел наверх к супруге А. Н. Хвостова, как бы узнать о здоровьи ее; в разговоре, между прочим, коснувшись тяжелой служебной обстановки, в которой приходится нам работать, осложненной невозможным поведением Распутина, сказал ей, что с одобрения А. Н. Хвостова, признающего необходимым положить предел Распутину, мы начали ряд высылок лиц, при посредстве которых Распутин обделывает свои дела. Я видел, что это подействовало на нее и, спустившись в кабинет, передал А. Н. Хвостову мой разговор с его женой, давший ему, как он потом, благодаря меня, сказал, канву для дальнейших бесед не только с женою, но, как я затем узнал, и в кулуарах Государственной Думы.

Благодаря вновь восстановленному мною порядку сношений с Распутиным и его посланцами, телефонные разговоры Распутина с А. Н. Хвостовым стали реже и касались не дел, а вызовов приехать к нему куда-нибудь в ресторан, что А. Н. Хвостов всегда отклонял под разными предлогами, не обижая Распутина, и все посылаемые Распутиным просители с письмами к А. Н. Хвостову направлялись секретарем ко мне. Затем, кроме трех дам-сотрудниц, о которых я упомянул, я наладил, путем любезного приема и исполнения незначительных просьб, хорошие отношения с некоторыми из лиц, близко к Распутину стоящих, и, при их посредстве, добился того, что поездки Распутина по незнакомым ему домам значительно сократились, а в тех случаях, когда он, избегая домашней обстановки, рвался на сторону, почитательницы его приглашали его к себе, устраивая ему обеды или ужины с вызовом гармонистов, под плясовые наигрывания которых Распутин, подвыпивши, любил танцовать, и тех же его дам, пляска которых ему нравилась. Кроме того, вследствие моих соглашений с градоначальником, о чем я раньше показывал, в излюбленных Распутиным ресторанах были отводимы отдаленные, изолированные от публики кабинеты, и даже иногда и особые флигеля, куда, кроме лиц, приезжавших с Распутиным или им вызываемых, никто не допускался и где Распутин мог, не стесняясь временем, засиживаться, слушая любимые им песни цыган и их танцы, и принимать в них участие. Что же касается личной охраны Распутина, то с приездом Комиссарова, я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным, не только филерами Глобачева, но и филерами Комиссарова, заагентурил всю домовую прислугу на Гороховой 64, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шофферами, которые были обучены у ген. Секретева, а для наблюдения за выездами Распутина с кем-либо из приезжающих за ним на извозчиках завел через Комиссарова особый быстроходный выезд с филером-кучером. Затем все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие ему, были, по моему поручению, выяснены и на каждого из них составлена справка; один экземпляр этих справок я, по просьбе А. Н. Хвостова, передавал ему. Далее была установлена сводка посещаемости Распутина с указанием дней посещения и проследка за теми из случайной публики, которые так или иначе возбуждали сомнение, и самое тщательное наблюдение и опросы в швейцарской обращающихся к Распутину лиц, хотя это и не нравилось и ему, и его близким. Кроме этого были приняты меры против газетных и театральных выступлений о Распутине, и организована самая тщательная перлюстрация всех писем, к нему поступающих, дававших иногда возможность не только обнаруживать некоторые планы или заранее знать содержание просьб его, но и раскрывать

сношения с ним многих лиц, в особенности из числа духовной иерархии, о которых имелись обратного характера сведения.

Наконец, для постоянного сношения, влияния, наблюдения и организации наших конспиративных свиданий с Распутиным, я рекомендовал А. Н. Хвостову состоявшего в ту пору начальником вятского губернского жандармского управления полк. Комиссарова, о личности и о деятельности которого держится в обществе много легендарных рассказов. Чтобы понять причины, заставившие меня остановить свой выбор на полк. Комиссарове, я должен коснуться моих личных отношений к нему, в которых сказалась присущая мне черта характера привязанности и доверия к людям, с которыми меня близко сталкивала жизнь, и охлаждения к ним, когда я сам убеждался в их неискренности, переходящего иногда, в случае уязвленного самолюбия, в стремление отплаты за нанесенную мне ту или иную обиду. До перехода в департамент полиции я лично с полк. Комиссаровым знаком не был и только о его близости к бывшему министру внутренних дел П. Н. Дурново, на почве осуществления мероприятий последнего по борьбе с революционным движением 1905 года, я слышал от своего сослуживца по канцелярии виленского генерал-губернатора (при А. А. Фрезе) камер-юнкера П. П. Шкотта, заведывавшего в то время политическим отделом канцелярии и получившего от Комиссарова, для распространения в Вильне через бывшего тогда виленского полицеймейстера, ныне генерала и сенатора Климовича и по с.-з. краю, прокламации контр-революционного характера, о чем даже был в свое время сделан запрос в 1-й Государственной Думе. Лично я познакомился с Комиссаровым в ту пору, когда он был начальником енисейского губ. жанд. управления и, при приезде по служебным делам в Петроград, явился ко мне представиться и выяснить некоторые вопросы, связанные с дополнительным денежным ассигнованием из секретных сумм департамента полиции на нужды управления. Своим содержательным докладом, внешностью и передачей некоторых своих воспоминаний из прошлого департамента полиции полк. Комиссаров возбудил мой к себе интерес. Виссарионов и полк. Ерасин, с которым я потом, в связи с представлением Комиссарова по смете управления, затронул вопрос о характеристике Комиссарова, предостерегли меня от излишнего к нему доверия. Тогда я, делая по тому же вопросу доклад директору департамента полиции Н. П. Зуеву, который, долгое время служа в департаменте полиции с должности делопроизводителя департамента полиции, был живой хроникой департамента и министров, при которых он состоял, товарищей министров, чинов штаба и корпуса жандармов и очень метко и образно передавал свои воспоминания и характеристики их, обратился к нему с просьбой высказать мне свой личный взгляд на Комиссарова. В ответ на это Н. П. Зуев мне подробно рассказал

прошлое Комиссарова, его отношение к ген. Герасимову и разрыв с ним на почве личных семейных недоразумений, службу его в департаменте полиции, о знаменитой комнате, обитой пробкой, где печатались контр-прокламации, обнаруженные бывшим товарищем министра внутренних дел кн. Урусовым и Витте, послужившие началом борьбы Витте с Дурново, о расследовании, произведенном, по требованию Витте, директором деп. пол. Э. И. Вуичем и Рачковским, в присутствии товарища прокурора судебной палаты Камышанского, относительно деятельности Комиссарова, с целью доказать руководительную в этом деле роль П. Н. Дурново, о той стойкости, которую проявил Комиссаров при опросе его, взяв всю вину исключительно на себя, несмотря на угрозу ему со стороны С. Ю. Витте серьезным наказанием. Указывая на этот последний эпизод из жизни Комиссарова, Н. П. Зуев, признавая некоторые слабости Комиссарова, добавил, что он лично ценит в Комиссарове его преданность и чувство привязанности к людям, оказавшим ему доверие или внимание, чем Комиссаров не был избалован как со стороны штаба корпуса, так и департамента полиции, в виду чего он, Н. П. Зуев, многое прощает Комиссарову из его служебных погрешностей. В скором после этого времени Н. П. Зуев уехал в заграничный отпуск для лечения сложной формы бывшей у него на нервной почве экземы, и я, по приказанию министра внутренних дел П. А. Столыпина, вступил в управление департаментом при товарище министра внутренних дел П. Г. Курлове.

15.

[Полицейская подготовка к поездке Столыпина по России. Содействие Белецкого к продвижению Комиссарова по службе. Назначение Комиссарова к Распутину в качестве доверенного лица Белецкого и Хвостова. Конспиративная квартира для Распутина. Роль Комиссарова при Распутине.]

П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин, желая привлечь общественное внимание к землеустроительным начинаниям правительства в области аграрной реформы, для более успешного прохождения в предстоявшую тогда зимнюю сессию Государственной Думы, изданного в порядке 87 ст. закона о землеустройстве, решили предпринять целый ряд объездов по России тех губерний, где работы по отрубному и хуторному расселению крестьян шли ускоренным темпом и затем ознакомиться на месте с постановкою в сибирском районе осуществляемого А. В. Кривошеиным в широком размере плана переселения крестьян. В виду этого по департаменту полиции мною был предпринят ряд работ справочного характера для обрисовки жизни губернии, предположенной к посещению П. А. Столыпиным, характеристики должностных и общественных деятелей и тех более важных вопросов, по которым возбуждены соответствующие ходатайства или требуется авторитетное указание министра. Вместе с тем, вследствие постоянно поступавших в департамент полиции сведений о возможности совершения террористического выступления против Столыпина, была предпринята в каждой из означенных губерний проверка неблагонадежных лиц, установка за ними наблюдения, а в некоторых, особо исключительных случаях, и временная изоляция их. Так как против широкого применения этой меры были и Столыпин и Кривошеин, то составлен был особый подбор состава опытных, переодетых в форму чиновников, курьеров, лакеев, железнодорожников и т. п., филеров, знавших затем некоторых партийных с.-р. работников. Затем, по моей инициативе, как филеры, так и сопровождавшие министра внутренних дел чины были снабжены карманными альбомами с фотографиями видных деятелей по партии социал-революционеров и, наконец, был назначен особый, под видом коменданта

поезда, офицер, ротмистр Оболенский, на обязанности которого лежала вся охрана П. А. Столыпина, сношение по этого рода делам с местными охранными учреждениями и районами и постоянная связь со мною и департаментом полиции. Ротмистра Оболенского П. А. Столыпин знал и ему доверял, ценя его спокойную и корректную выдержанность. Но случилось так, что ротмистр Оболенский, делая ряд подготовительных объездов, переутомился и, незадолго до дня выезда, был разбит в Москве нервным параличом, причем доктора не подавали никаких надежд на скорое его поправление. Это расстроило мои планы, так как о многих распоряжениях Оболенского и полученных им при объездах сведениях я не знал и ожидал получить их от него при возвращении его в Петроград. Кроме того необходимо было немедленно озаботиться выбором офицера, который мог бы заменить Оболенского, и в этом отношении надо было считаться не только с розыскными способностями того или другого лица, но и с личным взглядом на него П. А. Столыпина. В виду этого по департаменту полиции Виссарионовым был составлен список офицеров, в котором, если не ошибаюсь, фамилия Комиссарова не значилась, хотя я и выдвигал его, как офицера, знающего сибирский район, и как человека, на которого, по мнению Зуева, можно положиться. При моем представлении этого списка Курлову, он многих из кандидатов забраковал, к кандидатуре же полк. Комиссарова отнесся благожелательно, дал ту же аттестацию о нем, как и Н. П. Зуев, но высказал свое сомнение в том, чтобы П. А. Столыпин, в виду прошлого Комиссарова и близости его к П. Н. Дурново, мог бы согласиться на замен Оболенского Комиссаровым. Тогда я предложил П. Г. Курлову не делать Комиссарова фактическим комендантом поезда, возложить номинально эту обязанность на того из штабных офицеров, состоящих при П. А. Столыпине, кого он возьмет с собой для дежурства в поезде, а Комиссарова командировать от департамента полиции для проверки и, в случае необходимости, принятия предупредительных по охране мер, свидания с агентурою по партии социал-революционеров и донесения мне о всех подробностях путешествия Столыпина. При этом я рекомендовал предложить Комиссарову и через него местным розыскным учреждениям быть все время в связи с старшим секретарем министра М. В. Яблонским, на которого П. А. Столыпин возложил все распорядительные по поездке функции, а Комиссарову вменить в обязанность стараться, по возможности, затушевать свою роль в этом путешествии министра, о чем передать и всем железнодорожным и охранным офицерам по пути маршрута. В поезде Столыпина ехать ему не предоставляется ни перед поездкой, ни во время пути, а быть передовым, а для сношений с ним при передаче ему всех поступающих ко мне агентурных, относящихся к путешествию Столыпина сведений как из России, так и от загранич·

ной агентуры, о чем мною было отдано соответствующее распоряжение, составить особый шифр, указав Комиссарову подписываться на телеграммах ко мне вымышленною фамилиею. В случае же, если П. А. Столыпин не согласится на назначение Комиссарова, предполагалось выставить кандидатуру Мартынова (впоследствии начальника московского охранного отделения).

Когда, при моем докладе министру, нами была названа ему фамилия Комиссарова, как заместителя Оболенского, то П. А. Столыпин, видимо, усмотрев в этом тайное желание ген. Курлова скомпрометировать его близостью с Комиссаровым, поморщился и, смотря на меня, как на человека, поставленного в департамент по его настоянию, выразил удивление, что во всем корпусе жандармов не нашлось другого, кроме Комиссарова, офицера, понимающего розыск и пригодного для намеченной департаментом полиции цели; если это так, то лучше никого не посылать, чем давать Комиссарова. Тогда я должен был доложить П. А. Столыпину, что весь план охраны требует усиленного и внимательного наблюдения на местах и опытного сношения с агентурою, и, кроме того, лучшие розыскные офицеры находятся в местах предположенного им объезда и что, при той постановке роли Комиссарова в его путешествии, которую мы отводили этому офицеру, лично П. А. Столыпин в непосредственной близости с ним находиться не будет, а между тем, Комиссаров, оценивая эту командировку как знак личного к нему доверия, отнесется к возлагаемому на него поручению с особым вниманием. Выслушав еще раз доклад о тех рамках, в какие будет поставлен Комиссаров от департамента полиции во время этой командировки, П. А. Столыпин, хотя и неохотно, согласился на вызов Комиссарова.

Когда Комиссаров прибыл, то я ему подробно рассказал о существе даваемого ему поручения, оттенил ему степень оказываемого мною лично, вопреки общего против него направления особого отдела департамента полиции, доверия, основанного на отношении к нему Н. П. Зуева, и просил его, в силу этого, в точности исполнить все требования, касающиеся законспирирования его роли при этом служебном путешествии министра и приложить всю свою опытность в принятии предупредительных мер по охране, но, вместе с тем, иметь в виду настоятельное желание П. А. Столыпина прибегать к репрессии только в случае крайней необходимости. Затем я познакомил Комиссарова с М. В. Яблонским, от которого он получил целый ряд отдельных поручений и, по представлении ген. Курлову, Комиссаров выехал по пути намеченного маршрута. Когда затем, докладывая А. В. Кривошеину о всех принятых мною по охране мерах во время этого объезда П. А. Столыпина, я коснулся цели командирования Комиссарова, то и он, подобно П. А. Столыпину, также выразил свое удивление этому назначению почти в тех же выражениях и просил только еще раз

инструктировать Комиссарова в смысле возможного избежания принятия каких-либо на местах посещения репрессивных мер, в особенности в отношении подведомственных ему лиц. В виду этого мною было предложено Комиссарову, кроме сделанных уже ему по этому вопросу указаний, в тех случаях, когда дело будет касаться, хотя бы и вольнонаемных служащих, входящих в организации А. В. Кривошеина, не принимать в отношении их никаких мер без соглашения с их непосредственным главным на местах объезда начальством, а, в случае разномыслия, доносить мне и сообразоваться затем с полученными от меня директивами.

Дело по этому путешествию П. А. Столыпина имеется в департаменте полиции в особом отделе и, насколько я припоминаю, во время обзора переселенческого сибирского района был один случай разномыслия по поводу устранения одного лица из служебного вольнонаемного персонала переселенческого управления, где потребовалось мое разрешение на осуществление этой меры, вызвавшее неудовольствие А. В. Кривошеина, требование от меня по телеграфу, для доклада П. А. Столыпину, объяснения, личное представление Комиссаровым своих данных как Столыпину, так и Кривошеину, и затем просмотр переписки департамента полиции по этому поводу П. А. Столыпиным при возвращении его в Петроград. Но в общем, П. А. Столыпин, вынужденный силою сложившихся обстоятельств несколько раз выслушивать доклад Комиссарова как по упомянутому вопросу, так и по случаю непредвиденной остановки поезда вблизи, кажется, Омска, вследствие показавшейся подозрительной неисправности железнодорожного пути, остался доволен исполнительностью Комиссарова, приказал его благодарить и согласился на перевод его в Россию — в Пермь. Это выдвинуло Комиссарова, и с этого момента он старался всегда подчеркнуть мне свое личное уверение в признательности. Затем мне пришлось оказать Комиссарову и вторую услугу, выставив его кандидатуру, при министре А. А. Макарове, в Саратов после того, когда А. А. Макаров сам лично заметил в числе публики на одном из торжественных выходов к народу императорской фамилии в Москве, во время первого приезда государя в Москву, начальника московского охранного отделения полк. Заварзина, который должен был, в силу одобренного А. А. Макаровым плана охраны, во все время пребывания государя в Москве безотлучно находиться в охранном отделении для получения сведений и отдачи соответствующих распоряжений. В виду этого Макаров приказал перевести полк. Заварзина в Одессу, а на его место назначить, согласно моему докладу, основанному на рекомендации С. Е. Виссарионова, подполк. Мартынова. В этот период, за время управления Комиссаровым пермским жандармским губернским управлением, никаких особых замечаний относительно отклонения его от своих служебных обязанностей не было

сделано и политическим отделом департамента полиции, а наоборот донесения Комиссарова останавливали внимание и Золотарева и мое тем, что он умел во-время подметить те местные болевые нужды населения, которые могли в случае их неудовлетворения вылиться в будущем в форму тех или других волнений, как, например, в вопросе о землеустройстве горнозаводских рабочих, где Комиссаров всецело стал на их сторону, и др. В виду этого и товарищ министра И. М. Золотарев также высказался за перевод Комиссарова в саратовское губ. жанд. управление (2 класса) с возложением на него руководительства волжским районом; хотя А. А. Макаров, под влиянием А. В. Герасимова, состоявшего в ту пору генералом для поручений, несколько колебался относительно этого перевода полк. Комиссарова, но, тем не менее, назначение Комиссарова в Саратов состоялось. Это еще более расположило ко мне полк. Комиссарова.

Смена министров и товарищей министра на первое время, пока я был в департаменте, не отразилась на Комиссарове, хотя ген. Джунковский всегда особо внимательно следил за донесениями полк. Комиссарова, но последний при мне не давал повода для серьезных замечаний по его служебным неисправностям. Затем, по уходе моем из министерства внутренних дел, Комиссаров, при своих служебных приездах в Петроград, вместе с женою всегда бывал у меня с визитом, как и у других немногих лиц, которые к нему хорошо относились, и вспоминал с благодарностью мое доброе к нему отношение. В это время я два раза, будучи в командировке по комитету вел. кн. Марии Павловны, приезжал в Саратов. Как главноуполномоченный комитета, я, в числе других, имел предписание от штаба корпуса, основанное на приказе ген. Джунковского по корпусу, дававшее мне право обращаться, в случаях служебной надобности, за содействием к жандармской полиции. Это касалось, главным образом, облегчения способов передвижений. В эти приезды мои в Саратов Комиссаров старался подчеркнуть свое внимание ко мне и к условиям моей жизни в Саратове, приглашал к себе на обеды, встречал и провожал меня. Ближайших причин перевода ген. Джунковским Комиссарова из Саратова в пяторазрядное управление в Вятку, отражавшееся в служебном, в наградном и в материальном положении Комиссарова, мне неизвестно и, судя по словам Комиссарова, заходившего ко мне после своего представления по этому поводу ген. Джунковскому, последний также ему причин не указал, заметив лишь, что в служебном отношении он ему никаких обвинений не предъявляет. Меня этот удар, постигший Комиссарова, опечалил, и я тоже думал, что, быть может, прием меня Комиссаровым в Саратове дошел до ген. Джунковского в ложном истолковании, но, тем не менее, я отговорил Комиссарова от его намерения подать в отставку, посоветовал ему подчиниться

этому распоряжению ген. Джунковского и даже повлиял на жену Комиссарова, бывавшую у сестры ген. Джунковского, в том смысле, чтобы она своими просьбами не осложняла еще более сложившихся неблагоприятно для Комиссарова обстоятельств; при этом я обещал Комиссарову всячески помочь ему в случае каких-либо перемен в составе министерства внутренних дел. Точно причин перевода ген. Джунковского к понижению Комиссарова я не узнал и впоследствии, но судя по последовавшей затем смене и губернатора кн. А. А. Ширинского-Шихматова, очень хорошо относившегося к Комиссарову и собиравшего, также и через него материалы против члена государственного совета гр. Олсуфьева, члена Государственной Думы Готовицкого и председателя управы Гримма по обвинению их в симпатиях к местным немцам-колонистам, и по дошедшим, видимо, до Джунковского, в несколько преувеличенном виде, сведениям о случайном знакомстве в одно время супруги Комиссарова с Распутиным, которое она потом, по моему совету и воздействию мужа, прекратила,—думаю, что таких причин, в связи с прошлым Комиссарова, было несколько. Перевод этот для Комиссарова, помимо удара по самолюбию, был тяжел еще и потому, что совершенно расстраивал его и без того осложненную болезнью жены семейную жизнь, так как его супруга, кроме общего расстройства нервной системы, страдала легочным заболеванием и должна была через некоторое время, по настойчивому требованию врачей, уехать из Вятки.

В таком положении полк. Комиссаров оставался до моего назначения на должность товарища министра внутренних дел, оживившего и его, и жену в надеждах на лучшее служебное устройство. Узнав о моем назначении, жена Комиссарова мечтала о переводе мужа начальником петроградского охранного отделения, в чем я в скорости должен был ее разочаровать, оставшись вполне удовлетворенным деятельностью полк. Глобачева, но я обещал и полк. Комиссарову, и его жене в первую же очередь намеченных мною перемещений по корпусу, по объезде Виссарионовым с ревизионною целью ряда управлений, предоставить Комиссарову лучшее управление, имея в виду московское губ. жандармское управление, так как деятельностью ген. Померанцева был недоволен губернатор гр. Муравьев, и, кроме того, сам ген. Померанцев, по дошедшим до меня сведениям, собирался выйти в отставку, выслужив полный пенсионный и эмеритурный срок. Затем, когда силою сложившихся обстоятельств, о которых я ранее показывал, явилась необходимость в устройстве особой квартиры для законспирированных свиданий с Распутиным, в установлении более широкого наблюдения за выездами его, сношениями его и посещающими его лицами, для непрерывной ежедневной связи с ним, ближайшего ознакомления с чертами его характера, условиями внутренней жизни его, влияниями на него

тех или других близких к нему лиц, удерживавшими его от каких-либо поступков, могущих скомпрометировать его высоких покровителей и постоянного, если можно так выразиться, натаскивания его в духе наших пожеланий, то я не мог не отдать себе отчета в том, насколько сложным и разнообразным требованиям должно удовлетворить то лицо, на которое можно возложить подобного рода обязанности. Кроме того, считаясь с одиозностью личности Распутина и необходимостью ввести такое лицо в курс многих, державшихся в тайне, намеченных А. Н. Хвостовым целей, я понимал, что такое поручение можно возложить на человека, не только опытного в розыскном деле, знающего жизнь и людей и способного ориентироваться в любой обстановке, но преданного и верного, который, только в силу личного чувства привязанности или признательности, мог бы сознательно пойти навстречу исполнения наших пожеланий, требующих от него видимости открытого сближения с Распутиным и установления с ним самых благожелательных отношений.

Перебирая в памяти лица для этой роли, я невольно остановился на полк. Комиссарове, как на человеке, искренно ко мне расположенном, которому я могу, вследствие этого, вполне довериться, откровенно посвятить в наши отношения к Распутину и А. А. Вырубовой и наши планы и попросить его личной для меня услуги в осуществлении намеченного нами плана установления отвечающих нашим пожеланиям взаимоотношений с Распутиным. Когда я об этом передал А. Н. Хвостову, то он с особым удовольствием согласился на вызов Комиссарова, с большим интересом выслушал данную мною характеристику Комиссарова и просил меня немедленно ему представить Комиссарова по его приезде и постараться всячески его уговорить принять упомянутое выше поручение, устроив его и в материальном, и служебном отношениях таким образом, чтобы это могло на первое время вполне удовлетворить его, обещая ему в будущем дальнейшее служебное поощрение. После этого я срочною телеграммою вызвал Комиссарова и, по его явке ко мне вечером на квартиру, откровенно посвятил его и в свои отношения к Хвостову, и в наш план, и, предупредив по телефону А. Н. Хвостова, поехал к нему вместе с Комиссаровым. Комиссаров до того времени лично с А. Н. Хвостовым знаком не был.

Когда я представил А. Н. Хвостову Комиссарова, и за поданным нам чаем завязался разговор о прошлой деятельности Комиссарова, связанный с временем его близости к Плеве и Дурново, о политической программе последних, о способах борьбы их с бывшими при них революционными течениями в стране и о их личной жизни и особенностях их характера, то я увидел, насколько быстро полк. Комиссаров как своею внешностью, так и затронутою в умело передаваемом изложении темою, оживившей Хвостова,

произвел на него особое впечатление. При этом меня поразила происходившая, по мере разговора и обнаруживавшегося интереса А. Н. Хвостова к Комиссарову, перемена тона отношений последнего к А. Н. Хвостову, далеко перешедшая грань принятой вначале Комиссаровым почтительности, чего я до сих пор не замечал в отношениях к себе со стороны Комиссарова. Боясь, чтобы это не обратило на себя внимания А. Н. Хвостова, я постарался сократить и без того далеко затянувшееся первое представление Комиссарова А. Н. Хвостову.

Когда, распрощавшись с Хвостовым, мы вышли и сели в автомобиль, то я, в тоне упрека, высказал Комиссарову свое по этому поводу опасение; на это мне Комиссаров ответил, что я неправильно себе представляю и обрисовываю личность и мотивы побуждений А. Н. Хвостова как министра вообще и в отношении Распутина в особенности, в которых он, Комиссаров, лично не видит никаких государственных или идейных соображений, а только преследование А. Н. Хвостовым личных своих интересов. Это впечатление, по словам Комиссарова, он вынес непосредственно из всей обстановки приема его А. Н. Хвостовым, из его отношений к темам разговора, которому он, Комиссаров, нащупывая А. Н. Хвостова, старался придать особый отпечаток, заставивший его в тех же видах переменить и тон его поведения к Хвостову. К этому Комиссаров добавил, что, зная близко и представляясь многим министрам внутренних дел, он, Комиссаров, в А. Н. Хвостове не мог почувствовать министра внутренних дел.

Этот взгляд Комиссарова на А. Н. Хвостова меня как бы обидел за А. Н. Хвостова, и я дал это понять Комиссарову; но последний, обещая в будущем не выходить из рамок вполне корректного отношения к А. Н. Хвостову, заявил мне, что он только для меня, но не для А. Н. Хвостова, о котором он навряд ли и в будущем переменит свое мнение, возьмет, как ему ни тяжело, предлагаемое ему поручение, но ставит мне одно условие разрешить ему, при всех случаях общения с Распутиным, быть не в офицерской форме, которую он не желает ронять, а в штатском платье.

Обсуждая далее вопрос о таком его официальном устройстве, которое дало бы ему возможность всецело отдаться исполнению поставленных ему задач, я за назначением полк. Домбровского, согласно настоятельной просьбе наказного атамана войска Донского ген. Покотило обратно на должность начальника донского областного жандармского управления, воспользовался открывшейся свободной вакансией начальника второклассного жандармского управления и назначил на нее полк. Комиссарова и, прикомандировав его, как эвакуированного офицера, к департаменту полиции, определил его в свое распоряжение. Затем я прилично обставил полк. Комиссарова с материальной стороны, разрешил ему вытребовать находившийся в пользо-

вании помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части ген. Клыкова автомобиль с шоффером для служебных разъездов, позволив ген. Клыкову из остаточных сумм по его управлению купить себе новый автомобиль; поручил Комиссарову немедленно избрать соответствующий штат опытных, испытанных и преданных филеров, организовать параллельное наблюдение за Распутиным, вменив филерам в обязанность постараться заручиться расположением к себе Распутина, чего они впоследствии вполне достигли, и позаботиться приисканием вполне удобной, подходящей для конспиративных свиданий с Распутиным квартиры. Полковнику же Глобачеву, не открывая ему вполне всей роли Комиссарова при Распутине, поручил не мешать Комиссарову в его действиях собирать, в случае тех или других обращений Комиссарова, справки об интересующих Комиссарова лицах, поставив его в курс всех имеющих у него, Глобачева, о Распутине и близких к нему лицах сведений, не устанавливать проследок в случаях выездов Распутина с Комиссаровым, не заносить посещений Комиссаровым квартиры Распутина в сводку своих филерных наблюдений и не интересоваться квартирами, нанятыми Комиссаровым, и нашими выездами с Хвостовым в случае моих о том требований. Затем, когда Комиссаров, после сдачи должности в Вятке, прибыл в Петроград, я сумел его личностью и преданностью интересам трона заинтересовать А. А. Вырубову и Распутина, рассказав им о роли Комиссарова при Дурново и оттенив в специальной окраске, отношение к нему ген. Джунковского, в чем меня поддержал и А. Н. Хвостов. Затем, когда вопрос зашел о жене Комиссарова, отошедшей от Распутина и тем давшей А. А. Вырубовой и Распутину повод быть ею недовольными и даже упрекать ее в излишнем любопытстве к письмам, которые писал Распутин, то я указал им на ее болезненность и нервность и этим их успокоил.

После этого я сказал Распутину, что, исполняя его желание и веря в его проницательное знание людей, мы сами отходим постепенно от кн. Андроникова, и что теперь те же 1.500 рублей, которые на его жизненные нужды передавал ему от нас кн. Андроников, будет ему передавать, помимо мною даваемых ему на ежемесячные благотворительные нужды, Комиссаров, которому он может, при ежедневной его к нему явке, передавать прошения, какие-либо интересующие нас новости и свои пожелания. Затем я указал Распутину, что Комиссарову он может вполне доверяться и что для дальнейших наших свиданий с ним, Распутиным, мы найдем специальную квартиру, где можем, никем не стесняемые, говорить с ним вполне откровенно. Квартира была нанята Комиссаровым в районе, вполне удовлетворявшем требованиям, предъявленным к ней А. Н. Хвостовым, в переулке, выходящем на Фонтанку, в первом этаже, причем пришлось, при переуступке Комиссарову контракта, купить находившуюся в ней рыночного производства

мебель, так как иначе хозяйка этого помещения, специально тем промыслом занимавшаяся и имевшая несколько подобных квартир, ее не передавала. Квартиру Комиссаров соответствующим образом обставил, приспособив ее для вполне приличного жилого помещения, оборудовал столовую, снабдив ее всем необходимым в том числе и вином, для устройства обедов и ужинов Распутина и поселил в ней преданного женатого филера, под видом лакея, соответствующим образом экипировав его. Комиссаров сразу произвел на Распутина хорошее впечатление, быстро ориентировался в окружающей Распутина жизни, сумел установить с ним дружеские отношения и войти в курс интересов и привычек Распутина. Утром обычно, до прихода посетителей, Комиссаров являлся на квартиру к Распутину и, пока тот был в трезвом и приличном виде, узнавал от него новости, наводя его на интересующие нас темы, проводил, путем обсуждения с Распутиным, наши пожелания, придавая им необходимую окраску, подчеркивал нашу доброжелательность к нему, Распутину, нашу преданность А. А. Вырубовой и интересам императрицы и государя, удерживал Распутина, путем благожелательных советов, от его поездок в незнакомые дома и от употребления вина в незнакомом обществе, чем заслужил расположение ближних родственников и семьи Распутина, и скоро стал своим человеком в доме Распутина, где его называли с уважением «Михаил Степанович» или «наш полковник». Затем, когда начинались приемы и прошения, преимущественно с ходатайством о праве жительства в столицах, которые ему передавал Распутин для представления нам на предмет их удовлетворения, он брал их от Распутина, ехал ко мне, со мною к А. Н. Хвостову и докладывал подробно обо всем, что касалось Распутина и о том, как они, по шутливому замечанию Комиссарова, решают с Распутиным государственные вопросы и обсуждают необходимые перемены в составе кабинета.

16.

[Роль близких к Распутину лиц и внутренняя борьба между ними. Добровольский. Симанович. Знакомство Белецкого с Симановичем. Эпизоды из жизни Распутина. Разговоры Распутина по телефону с Царским Селом. «Тезоименитство» Распутина. Обеды и встречи Белецкого и А. Н. Хвостова с Распутиным на конспиративной квартире. Поклонница Распутина Акулина. Устройство Хвостовым своих служебных дел.]

За этот период времени, благодаря Комиссарову и всестороннему агентурному освещению обихода жизни Распутина, удалось с точностью установить роль близких к Распутину лиц, из которых, как я уже указывал, только немногие относились к нему с сердечною привязанностью, остальные же, уверяя его в своей преданности, проводили через него крупные дела, действуя секретно друг от друга и следя один за другим, чтобы поддерживать в Распутине постоянное чувство подозрительности в обмане его при расчетах с ним тех, чье влияние или значение при Распутине усиливалось; при этом выяснилось, что и сам Распутин даже самых близких ему лиц никогда не посвящал во всех подробностях в свои денежные дела, но зорко следил за охраною своих материальных интересов, производил подробный сыск о тех, кого он подозревал в обмане его, при посредстве их конкурентов и затем, не сдерживаясь, публично их разоблачал, не стесняясь формой выражений, лишал их доверия, и если последним впоследствии и удавалось проникнуть к нему, то все-таки никогда былой близости к Распутину они не могли уже восстановить.

В мое время эти черты характера Распутина особенно резко выяснились в отношении его к Добровольскому — инспектору народных училищ петроградского округа. Как Добровольский, так в особенности его жена были старые знакомые Распутина, пользовавшиеся особым его к ним расположением и доверием. Сам Добровольский, с которым я познакомился более близко через семью Алексеевых, всегда старался при больших собраниях у Распутина быть в тени, был по натуре своей очень конспиративен и, изучив многие слабые стороны Распутина, умело влиял на него. Распутин ему доверял многие деловые свои сношения,

а затем и сам Добровольский поставлял ему деловую клиентуру, держа всегда это от других в большом секрете, что в нем особо ценил Распутин; заведывал корреспонденциею Распутина, был посвящаем им во многие подробности относительно влияния Распутина на высокие сферы и вел особо приходо-расходную книгу, куда записывал все свои денежные расчеты с Распутиным по проводимым им с Распутиным делам. К Добровольскому относилась с особой благожелательностью и А. А. Вырубова. Такая близость Добровольского к Распутину, а главное, его умение во-время нанести удар тому либо другому из своих конкурентов, возбудив к нему подозрительность Распутина или раскрыв недобросовестность расчетов его с Распутиным, заставили окружающих Распутина лиц считаться с Добровольским и приглашать его к участию в прибылях при проведении ими через Распутина денежных дел.

Это многих задевало, и поэтому они, усыпляя бдительность Добровольского, повели один за другим против него незаметную глухую борьбу, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы подорвать влияние на Распутина четы Добровольских, постепенно возбуждая к последним чувство подозрительности Распутина. Когда почва была достаточно подготовлена, то решительный удар нанес Добровольскому Симанович, на правах давнишнего знакомства с Распутиным, еще с Киева, когда Симанович имел там недалеко от магазина Маршака свою небольшую ювелирную лавку, вошедший мало-по-малу в доверие к Распутину и сумевший в свою очередь найти повод к разоблачению Добровольского. Это вызвало, после бурного объяснения Распутина с Добровольским, охлаждение к нему Распутина и хотя не повлекло за собою полного разрыва и чета Добровольских, через некоторый промежуток времени, снова появилась на квартире Распутина, но никакой роли у Распутина Добровольские до самой смерти последнего уже не играли. Что же касается Симановича, то его положение при Распутине с каждым днем закреплялось.

Вначале, когда Комиссаров, ознакомившись с деятельностью Симановича по небескорыстному для себя устройству Распутину многих прибыльных дел, доложил нам о зарождавшейся близости Симановича к Распутину и из представленной, по нашему требованию, полк. Глобачевым справки, в копии мною переданной А. Н. Хвостову, выяснилось, что Симанович состоит на учете сыскной полиции как клубный игрок и ростовщик, помещающий свой капитал, в 200 тыс. руб., путем отдачи под большие проценты золотой кутящей петроградской молодежи, то мы, желая парализовать дурное влияние Симановича на Распутина, доложили имеющиеся у нас о Симановиче сведения А. А. Вырубовой и предупредили Распутина, но это не повлекло за собою разрыва отношений между Симановичем и Распутиным, несмотря на постоянные предупреждения последнего Комиссаровым относительно Симановича,

а, наоборот, с этого времени началось еще большее сближение Распутина с Симановичем. В виду этого А. Н. Хвостов в последнее время предложил мне возбудить через особое совещание вопрос о высылке Симановича. Но я от этого воздержался, так как и от Мануйлова, и от некоторых близких к Распутину дам, мнению которых я доверял, я узнал, что Симанович хотя и пользуется Распутиным для проведения многих дел, но что он относится к Распутину и его семье хорошо, старается воздержать Распутина от публичных выступлений, ревниво охраняет его от подозрительных знакомств, старается, не жалея своих денег, затушевать подозрительные или увеселительные поездки Распутина и вошел к нему в большое доверие. В виду этого я, не будучи в ту пору знаком с Симановичем, воздержался от высылки его, а ограничился только собиранием о нем дальнейших сведений.

Затем впоследствии, когда я ушел, и А. Н. Хвостов, в связи с делом Ржевского, арестовал Симановича, производя у Добровольского и у него обыск, я из той нервности и настойчивости, которую проявил Распутин, доведя до сведения императрицы мотивы и отсутствие причин к этому аресту, благодаря чему Распутин добился освобождения из-под ареста Симановича, а затем и отмены произведенной, по давлению Штюрмера, начальником петроградского военного округа высылки Симановича, кажется, в Псков, понял, какое значение имел для Распутина Симанович.

В этот же период времени Мануйлов передал мне о желании Симановича со мною познакомиться. Это знакомство я поддерживал до последнего времени, часто встречался с ним в тех домах, куда Распутин приезжал в сопровождении Симановича, при посещениях квартиры Распутина и даже раз, уступая настойчивому приглашению Симановича, был, но не надолго, на обеде у Симановича, данном им для Распутина. Симанович, в общем, был со мною откровенен, многое мне рассказывал из тайных предположений Распутина о служебных переменах, познакомил меня в подробностях с ходом дела Ржевского, помогал мне восстановить хорошие отношения с Распутиным, так как он, не зная лично меня и моих отношений с Ржевским, считал себя как бы косвенным виновником моего ухода, обвиняя меня вначале в соучастии с А. Н. Хвостовым в деле подготовления покушения на жизнь Распутина, давал мне правильную оценку отношений Распутина к тем или другим окружавшим Распутина лицам или к высшим чинам правительства, прибегавшим к содействию Распутина, способствовал мне убедиться в неискренности Мануйлова, посвятил меня в свои планы проведения через Распутина на пост министра юстиции Н. А. Добровольского, своего старого знакомого, с которым он поближе познакомил Распутина и тем дал возможность мне об этом предупредить А. А. Макарова, держал меня в курсе данных о смерти Распутина,

со мною после этого ездил в ближайшие дни к А. А. Вырубовой с докладом имевшихся у него по этому поводу сведений и рассказывал мне о Протопопове и Курлове в первый период сближения их с ним при жизни Распутина.

Присмотревшись к Симановичу лично, я увидел в нем много хороших черт характера; он был отличный семьянин, дал детям хорошее образование и воспитание, умел себя держать с достоинством в присутствии А. А. Вырубовой, был большим националистом и оказывал бедным своим соплеменникам, при поддержке Распутина, бескорыстную помощь в деле оставления их на жительстве в столицах, старался через Распутина воздействовать в высоких сферах на изменение правительством политики в еврейском вопросе, чем отчасти и объясняется благожелательное отношение государя к поднятому Протопоповым, но под влиянием некоторых других побуждений, вопросу о расширении прав евреев. Когда же умер Распутин и его семья — две несовершеннолетних девушки — были забыты всеми близкими к Распутину лицами и доброжелателями его, Симанович, его жена и дети старались заменить им родных, не оставляя их, взяли на себя на первое время все расходы по содержанию семьи Распутина и до их отъезда, после похорон Распутина, на родину и впоследствии устроили к их обратному возвращению новую, на другом месте, квартиру, омеблировав ее на деньги, отпущенные А. А. Вырубовой. По возвращении же семьи Распутина, когда старые знакомые Распутина узнали о материнском отношении А. А. Вырубовой к детям Распутина, а также и о том, что она, в память последнего, старается помочь тем, кого ценил Распутин, и начали посещать семью покойного, то они, желая отдалить Симановича, постарались возбудить подозрительность к Симановичу старшей дочери Распутина, брак которой с офицером грузином Папхадзе, к которому она относилась благожелательно, расстроил Симанович еще при жизни Распутина, и обвинили Симановича в неудачном выборе новой квартиры и дорогой, якобы, покупке мебели. Затем Протопопову и Курлову также начали не нравиться близость Симановича к семье Распутина и поездки его к А. А. Вырубовой.

В виду всего этого Симанович и его семья признали за лучшее для себя, в своих интересах, постепенно отойти от всего этого, что было у них раньше связано с их отношением к Распутину. В последнюю мою поездку к А. А. Вырубовой по поводу, главным образом, назначения Добровольского на пост министра юстиции, я, интересуясь материальным положением семьи Распутина, чем был в ту пору озабочен Протопопов, желая этим доставить удовольствие императрице и Вырубовой, спросил у Симановича, сколько мог Распутин, помимо хорошо поставленного в с. Покровском хозяйства, оставить семье денег и ценных вещей. На это мне Симанович, по секрету, ответил, что средства семье покойный оставил

очень хорошие и то, что он, Симанович, только знает, доходит, как я припоминаю слова Симановича, до 300 тысяч рублей.

Из наблюдений Комиссарова, нам передаваемых и обрисовывавших лично мне значение Распутина и обстановку его жизни, мне припоминаются два следующих его рассказа. Раз ему пришлось быть свидетелем разговора Распутина с великой княжной Татьяной Николаевной и наследником. Великая княжна сообщила Распутину, что у наследника цесаревича головная боль, и передала телефонную трубку наследнику, который, видимо, то же самое подтвердил Распутину и просил его приехать. Тогда Распутин ласковым тоном начал ему рассказывать какую-то сибирскую сказку, а по окончании, сказав, что он приедет на другой день, настойчиво начал убеждать наследника пойти и лечь в постель, уверив, что после этого у него пройдет головная боль. Обычно все разговоры Распутина с Царским Селом, в особенности с А. А. Вырубовой, которая с ним говорила по телефону ежедневно, происходили около 10 ч. утра, и поэтому Распутин, где бы он ни был и как бы ни провел бурно ночь, всегда к этому времени возвращался домой, ожидая с нетерпением звонка из Царского Села; в зависимости от этих переговоров находилось и его настроение. Поэтому и свидания с ним Комиссарова, помимо отмеченных мною ранее причин, тоже приурочивались к утренним часам; таким образом, мы имели возможность получать некоторые сведения, нас интересующие, из первоисточника или передавать через Комиссарова Распутину к этому времени то, о чем мы признавали нужным осведомить Вырубову, для дальнейшего ее доклада во дворце. Второй рассказ Комиссарова касался описания празднования Распутиным дня своего ангела — 10 января. Так как об этом тезоименитстве Распутина мы узнали заранее, то, с ведома А. Н. Хвостова, я отпустил в распоряжение Комиссарова особую сумму из секретного фонда на покупку ценных подарков не только самому Распутину и его двух дочерям, но и съехавшимся к этому дню жене Распутина и его старшему сыну. Куплены были, если не ошибаюсь, обеденное серебро, брошь для жены, золотые с цепочкой часы для сына и золотые браслеты для дочерей. Вещи эти Комиссаровым были показаны нам и нами одобрены. Затем, желая знать всю обстановку этого дня, нами было поручено филерам Комиссарова как-нибудь найти способ на этот день проникнуть в квартиру Распутина, так как в этот приезд, как я уже отметил, Распутин никого из филеров в свою квартиру не впускал. В особенности нас интересовал завтрак в присутствии А. А. Вырубовой и вечер в интимной обстановке ближайших знакомых Распутина. Филеры Комиссарова сумели уже к этому времени войти в доверие к Распутину; они сопровождали его в церковь и в баню, и он охотно вступал с ними в разговоры, ценя обнаруживаемую ими преданность и удовольствие быть в его обществе. Поэтому, сопровождая Рас-

путина в церковь в этот день, филеры предложили Распутину свои услуги помогать девочке, племяннице Распутина, в передней при раздевании посетителей и просили Распутина доставить им особое удовольствие посмотреть, как в хороших домах веселятся господа, так как они этого ни разу не видели. Распутин был в хорошем настроении духа как благодаря полученным от нас ценным подаркам, лично врученным ему и членам семьи Комиссаровым, так и поздравлению по телефону А. А. Вырубовой, обещавшей обязательно быть у него к завтраку, и полученной им телеграммы от высочайших особ; поэтому Распутин разрешил филерам быть в этот день у него в квартире и дал им, швейцару и домовым сторожам праздничные. По возвращении Распутина из церкви, к нему начал собираться избранный им круг знакомых с ценными подношениями; один из рестораторов приготовил уже на свой счет обеденный стол с именинным пирогом. По приезде А. А. Вырубовой, начался завтрак, проходивший до отъезда А. А. Вырубовой сдержанно, причем Мудролюбов сказал большую, в патетическом тоне, речь, подчеркнул государственное значение Распутина как простого человека, доводящего к подножию трона болевые народные нужды. Затем, после отъезда А. А. Вырубовой, в течение целого дня был непрерывный поток посетителей, приносивших подарки Распутину, и целый дождь ценных подношений, присланных Распутину при карточках и письмах от разных лиц, так или иначе связанных с Распутиным. Чего только ему ни понаносили — здесь была масса серебряных и золотых ценных вещей, ковры, целые гарнитуры мебели, картины, деньги и т. п. Все эти вещи жена и сын затем отвезли в Покровское. Затем из разных мест России было прислано Распутину много поздравительных телеграмм. Распутин сиял от благожеланного удовольствия, с каждым приходившим к нему пил и, наконец, к вечеру свалился, и его уложили в постель. Немного протрезвившись сном, он с приходом вечером более интимного кружка лиц, преимущественно дам, начал снова пить и требовать того же от дам, так что он их всех почти споил; наконец, самый разгар веселья начался с приездом цыган, прибывших его поздравлять с днем ангела. Все, кроме цыган, перепились; более благоразумные дамы поспешили уехать; те же, которые остались, были охвачены вместе с Распутиным, дошедшим и в пляске, и в опьянении до полного безумия, такой разнузданностью, что хор цыган поспешил уехать, а оставшиеся посетители в большинстве заночевали у Распутина. На другой день мужья двух дам, оставшихся на ночь в квартире Распутина, ворвались к нему с обнаженным оружием в квартиру, и филерам стоило большого труда, заранее предупредив Распутина и этих дам и тем дав им возможность скрыться из квартиры по черному ходу, успокоить мужей, проведя их по всей квартире и давши уверение, что их жен на вечере не было, а затем проследить за ними и выяснить их. По словам Комиссарова, филеры

не могли, докладывая ему, без омерзения вспомнить виденные ими сцены в этот вечер. Только что описанный мною случай с мужьями запугал Распутина, и он несколько времени после этого как бы затих, был послушен, избегал выездов, боязливо прислушивался к звонкам и был благодарен нам за улажение этой истории, обещая больше у себя на квартире замужних женщин на ночь не оставлять, и просил об этом никому, даже А. А. Вырубовой, не говорить, что мы и исполнили. Но затем, в скорости убедившись, что эта история заглохла, Распутин начал снова вести свой прежний образ жизни, но только был сравнительно осторожен в своих отношениях к замужним женщинам.

Что касается наших свиданий с Распутиным, то они, после устройства нами особой квартиры, о которой я показывал, происходили регулярно, по мере необходимости нашего личного с ним разговора или когда Комиссаров, видя какой-либо знак колебаний Распутина в отношении к нам или его неудовольствие на нас за неисполнение какой-либо интересующей Распутина просьбы его, убеждал нас в необходимости личных переговоров наших с Распутиным. В таких случаях заготовлялись закуски и обед из любимых Распутиным блюд и вин; мы приезжали немного ранее назначенного часа на квартиру, куда Комиссаров на своем автомобиле затем привозил Распутина, и за обедом и поданным после этого чаем, так как Распутин кофе не пил, шел разговор с Распутиным по поводу всего того, в чем мы находили нужной соответствующую поддержку Распутина. В свою очередь, Распутин передавал нам содержание своих бесед с высочайшими особами и с А. А. Вырубовой и всякий раз обращался с какой-либо просьбой или прошением, его особо интересующим, причем всегда старался подчеркнуть свою незаинтересованность в этом деле, а лишь одну бескорыстность доброго его желания оказать поддержку просителю.

При этом иногда выходила небольшая неловкость, так как Распутин, плохо разбираясь в прошениях, передавал нам не то прошение, которое ему было нужно, и когда А. Н. Хвостов или я, ознакомившись с содержанием переданной им памятной записки или прошения, указывали ему, что здесь речь идет о получении какой-либо концессии или наряда, не относящихся к сфере нашего ведения, то Распутин вынимал из кармана другое прошение. При нем всегда было несколько таких прошений, которые он и передавал лично тем или другим ему нужным должностным лицам, своим хорошим знакомым. На первых лично нами устраиваемых обедах Распутин, пока не освоился с нами, старался не выходить из рамок сдержанности в употреблении вина и деловых разговоров и вначале даже пытался вести с нами разговоры в духе своих размышлений; но затем Комиссаров, установивший с ним сразу дружеский разговор на «ты», — мы говорили Распутину «вы», а он вначале «вы», а затем, ближе познакомившись, говорил «ты», как и всем тем

иерархам, министрам и лицам, которых он считал своими близкими знакомыми, — отучил его от этого; налив ему рюмку вина, Комиссаров сказал: «брось, Григорий, эту божественность; лучше выпей и давай говорить попросту». Это даже понравилось Распутину, и с того времени Распутин совершенно не стеснялся нас и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас впоследствии поехать с ним к цыганам, что мы всегда под тем или другим предлогом отклоняли.

Из числа просьб Распутин передал одну просьбу личного свойства, в исполнении которой он был особо заинтересован, и даже несколько обиделся на А. Н. Хвостова, не сумевшего ее исполнить. Это было его ходатайство за очень близкую к нему землячку, жившую у него в петроградской квартире, устроенную им сестрою милосердия в поезде императрицы — Акилину (фамилии ее не помню), жену нотариуса в Тобольской губернии, мужа которой он настойчиво просил перевести нотариусом в столицу или в какой-либо большой торговый город. Эта сестра милосердия была исключительно предана интересам Распутина, знала многое из прошлой и настоящей его жизни, умела хранить его секреты, в манерах отношения своего к Распутину подражала во всем А. А. Вырубовой, целовала его руки, не притрагивалась к пище, пока Распутин руками своими ей не положит чего-нибудь на тарелку, была близка к А. А. Вырубовой, а впоследствии делала ей и, если не ошибаюсь, императрице, массаж и имела на Распутина сильное влияние, до самой смерти последнего. После этого она как-то понемногу отошла от семьи Распутина, и к ней А. А. Вырубова несколько охладела. А. Н. Хвостов пытался было возложить на меня исполнение и этой просьбы, как это он имел обыкновение делать со всеми просьбами Распутина, в особенности в его присутствии. Но я, зная положение этой сестры милосердия при Распутине и отношение к ней Распутина, тут же отказался, сказав А. Н. Хвостову, что ему, как родственнику министра юстиции, гораздо лучше провести это дело у дядюшки, путем непосредственного обращения к последнему.

Распутин схватился за эту мысль и вручил А. Н. Хвостову справку о муже своей приятельницы и при каждом свидании напоминал ему об исполнении этой просьбы; затем по этому поводу с А. Н. Хвостовым говорила А. А. Вырубова. Поэтому А. Н. Хвостову пришлось лично самому проводить это дело, потребовавшее даже вследствии настойчивых просьб Распутина и первоначального отказа дядюшки А. Н. Хвостову, прибегнуть к письму императрицы к министру юстиции А. А. Хвостову, личному обращению Распутина к своим знакомым—товарищу министра юстиции Веревкину и А. В. Малама, и только после этого муж этой дамы получил место в Одессе, незадолго до своей смерти. При наших свиданиях с Распутиным, в тех случаях, когда дела касались личных инте-

ресов А. Н. Хвостова, как, напр., в вопросе о скорейшем утверждении его в должности министра, в проведении пожалования А. Н. Хвостову к 6 декабря, по примеру Н. А. Маклакова, минуя 3 награды, сразу ордена св. Анны I степени или поддержания в дальнейшем после этого кандидатуры А. Н. Хвостова на пост председателя совета министров и в проведении на пасхе или к маю награждения Хвостова сразу шталмейстером (что давало чин тайного советника), А. Н. Хвостов выходил в соседнюю комнату, под видом желания отдыха, и тогда я о таких делах говорил лично с Распутиным, наедине или в присутствии Комиссарова, давая ему, для памяти, справку, а затем Распутин ездил сам, без А. Н. Хвостова, к А. А. Вырубовой и соответствующим образом об этом говорил с ней, не забывая в нужных случаях заручиться поддержкою и Воейкова.

Хотя Распутин несколько раз порывался сам лично отвезти Комиссарова на квартиру к Вырубовой, но Комиссаров к А. А. Вырубовой, по моему совету, не ездил, так как явление Комиссарова в Царском Селе у Вырубовой, бесспорно, остановило бы на себе внимание Спиридовича, а затем Воейкова и могло бы только повредить Комиссарову в глазах Вырубовой и тем поставить нас в дальнейшее затруднительное положение; если я не ошибаюсь, Комиссаров, кажется, один только раз и видел А. А. Вырубову в квартире Распутина.

17.

[Сложение Белецким на Комиссарова большей части тягот по обслуживанию Распутина. Деловой день Белецкого. Укрепление положения Хвостова и замысел его о «ликвидации» Распутина. Отношение к этому Белецкого и Комиссарова. Давление со стороны Воейкова и правых. Неудавшаяся попытка избить Распутина. Обсуждение Хвостовым и Комиссаровым плана убийства Распутина. Поездка Белецкого в ставку. План отравления Распутина. Охлаждение Распутина к Хвостову и к идее об его кандидатуре в премьер-министры. Яблонский. Интриги его против Белецкого. Интриги Манасевича-Мануйлова.]

Благодаря Комиссарову, взявшему на себя большую часть лежавшей на мне до его приезда тяготы личных моих сношений с Распутиным, и внесенному порядку в наши отношения к Распутину, мне удалось кое-как наладить свою жизнь. Личной жизни я в то время не знал. Утром с 9 часов ко мне являлись те лица, которым я назначал прием на квартире, в силу тех или других причин, затем, несмотря на мои просьбы к Распутину, его просительницы все-таки являлись ко мне на квартиру с его письмами, но так как в это время жена моя еще не выходила из своей комнаты, то я и с этим мирился и принимал их всех в очередь; потом приезжал Комиссаров, и я с ним ехал к Хвостову, а после этого к себе на Морскую, где уже ждали меня пришедшие с докладом чины и просители. Так проходили дни за днями; по большей части я даже не обедал дома, а если и заезжал, то сейчас же снова отправлялся вечером к Хвостову, от него к себе на Морскую, где только и мог вечером заниматься, просиживая иногда со своим секретарем Н. Н. Михайловым за бумагами до 3 — 5 час. утра, делая небольшой отдых во время ужина. Личные доклады по департаменту полиции не имели уже той планомерности, как во время моего директорства; я часто задерживал докладчиков, а затем принимал только доклад по срочным делам; просил представлять мне в письменной форме доклады. Только для политического отдела, в виду особенности этого отдела и последовавших при мне перемен в личном составе руководителей его, я урывал, с перерывами от приема посетителей, время, чтобы выслушать весь доклад. Те редкие вечера, которые я проводил в кругу семьи, были для меня

счастливыми праздничными днями, и жена, догадывавшаяся о многом, что меня мучило, не раз просила меня отказаться от должности, но жизнь эта меня уже захлестнула; кроме того, даже при желании моем, трудно было бы найти такой повод, которому могли бы поверить и А. Н. Хвостов, и А. А. Вырубова с тем, чтобы это не отразилось на моей службе.

Перехожу далее. Итак, под влиянием всех изложенных выше мер, отношения наши вполне установились со всеми необходимыми мне и А. Н. Хвостову лицами, вопрос охраны Распутина и сношений с ним наладился, а с А. А. Вырубовой установились не только деловые, но и частные хорошие отношения. Нас, т.-е. меня и Хвостова, и государыня, и А. А. Вырубова, и Распутин считали, в чем и я был искренне убежден, несмотря на неоднократные предупреждения Комиссарова, тесно связанными друг с другом не только общностью служебных интересов и взглядов, но и чисто дружескими отношениями. Я за этот период времени никаких наград не получил. А. Н. Хвостов же был утвержден министром, пожалован Анной I ст., укрепился в своем положении и уже бросил первое семя недоверия к Горемыкину в смысле неправильной его политики в отношении Государственной Думы.

В этот период времени А. Н. Хвостов начал вести со мною, в дружеской форме излияний, сначала отдаленные, а затем и вполне откровенные разговоры о вреде Распутина не только с точки зрения охранения интересов династии, но и в наших личных. С этим, конечно, я и не мог не согласиться и начал еще более внимательно следить за тем, чтобы избегать по возможности публичных выступлений Распутина и всего того, что связано было с его именем. Чем больше налаживались мои отношения к А. Н. Хвостову, тем разговоры становились определеннее. Этот момент совпал с периодом, когда А. Н. Хвостов, при проведении кандидатуры гр. Татищева на пост министра финансов, сам понял, что положение его укрепилось и у высочайших особ, и у А. А. Вырубовой, и у Воейкова. Оттеняя мне это обстоятельство, А. Н. Хвостов начал вести со мною разговоры на тему о том, что теперь Распутин нам не только совершенно не нужен, но даже опасен, так как необходимость постоянно считаться с ним, с его настроением, подозрительностью и возможными на него сторонними влияниями сильно осложняет проведение намеченных им, А. Н. Хвостовым, начинаний как в области государственных мероприятий, так и в сфере его личных предположений. При этом Хвостов указывал, что его, равно, как он думает, и меня, тяготят свидания с Распутиным и постоянная боязнь обнаружения, вследствие бестактности поведения Распутина, нашей близости к нему, так как это сделает невозможным его, Хвостова, положение в семье, в обществе, и в Государственной Думе и что избавление от Распутина очистит атмосферу около трона, внесет полное удовлетворение в общественную среду

лучше всех предпринимаемых нами мероприятий, умиротворит настроение Государственной Думы и подымет в глазах общества и Государственной думы и совета наш престиж, а при умелой организации этого дела наше положение не пошатнется в глазах августейших особ и А. А. Вырубовой, если мы постепенно подготовим их к возможности подобного рода события, жалуясь в доброжелательной к Распутину форме, на его неоднократные тайно от филеров совершаемые выезды. При этом А. Н. Хвостов указывал, что со смертью Распутина доминирующее во дворце положение Вырубовой, бесспорно, поколеблется, чем можно в дальнейшем умело воспользоваться для отдаления ее от высочайших особ. Затем А. Н. Хвостов добавил, что в расходах на организацию этого дела можно не стесняться, так как он имеет в своем распоряжении для этой цели значительное частное денежное ассигнование.

Когда я об этом замысле А. Н. Хвостова передал Комиссарову, то последний целым рядом логических посылок доказал мне, что в данном случае А. Н. Хвостов, как и во всех предыдущих отношениях его ко мне, не искренен, так как он, поставив меня в глазах высочайших особ, А. А. Вырубовой, митрополита и близких к Распутину лиц в роль близкого к себе человека, которому он передоверил все функции охраны Распутина и сношений с ним, все время умышленно подчеркивая это перед Вырубовой и другими, тем самым оставил себе в будущем возможность свалить всю вину в этом деле на меня. При этом Комиссаров сообщил мне, что, бывая у А. Н. Хвостова и разговаривая с его секретарем и офицерами, он вынес то убеждение, что и им Хвостов сумел подчеркнуть свою отдаленность от Распутина и мою близость к последнему, как бы компрометирующую его; что в таком духе, как ему приходилось слышать, А. Н. Хвостов говорит и в Думе, и в обществе и что если Хвостов в настоящее время, получив все через Распутина, обеспокоен вопросом об удалении Распутина, то не в виду каких-либо побуждений идейного характера, а исключительно в целях личного обезопасения себя от возможности обнаружения его близости к Распутину, с тем, чтобы затем через Родзянко и других членов Думы приписать себе государственную заслугу в этом деле.

Затем Комиссаров указал мне, что, присмотревшись к А. Н. Хвостову, он укрепился только в своей первоначальной оценке его личности и вынес еще одно впечатление, очень важное в настоящем деле, это то, что А. Н. Хвостов чужд конспиративности. К этому Комиссаров добавил, что если у него раньше, до знакомства с Распутиным, и было еще какое-нибудь сомнение о фатальном зле, приносимом Распутиным интересам династии, то теперь, хорошо узнав этого человека, он и филеры, которые не могут без чувства крайнего возмущения говорить о близости такого порочного человека к тем, кто для них священен, всегда бы

нашли возможность при тех отношениях, которые теперь установились с Распутиным, избавиться от Распутина, но что он, Комиссаров, не веря Хвостову, не может рисковать участью преданных ему людей; при этом Комиссаров добавил, что если бы это отвечало моим желаниям, то он и его филеры, зная меня и мое отношение к подчиненным, сделают все то, что я прикажу.

После этого разговора с Комиссаровым я начал вспоминать весь период близости моей с А. Н. Хвостовым, отдельные эпизоды и мелочи жизни, слухи, доходившие до меня, все наши разговоры с ним, его взгляды и отношение к старым его хорошим знакомым, которым он наружно при мне показывал знаки доверия и внимания, а после их ухода мне их вышучивал, указывая, для какой в своих личных интересах надобности их к себе приблизил и пр., и мне, действительно, многое стало понятно, а в особенности черствость, эгоистичность и беспринципность этого человека. Затем, переходя к вопросу о Распутине, вне всякой зависимости от осуществления желания А. Н. Хвостова, я при всем моем органическом отвращении к крови, в силу природных качеств и вложенных мне семьею начал воспитания, все-таки задумался над тем, что если бы под влиянием соображений высшего порядка, оставляя в стороне заманчивые перспективы, которые рисовал мне А. Н. Хвостов, я пошел на эту великую для меня жертву и принял на себя организацию и осуществление, хотя бы в роли соучастника, этого преступления, то достиг ли бы я, в конечных результатах, поставленной мною цели, и этот акт наивысшего, чреватого по своим непредвидимым последствиям, служебного преступления не был ли бы бесплодною жертвою с моей стороны, всегда служившей бы мне тягчайшим укором совести.

После всестороннего долгого размышления, взвесив склад мистически настроенной духовной организации государя, видевшего в даровании ему долгожданного наследника проявление милости к нему высших и таинственных сил, провидения, вследствие его молитв и общения с людьми, как бы имевшими особый дар предвидения будущего, постоянные опасения государя и императрицы за жизнь наследника и единственную веру в то, что одна лишь только незримая мощь тех же сил и способна спасти и продлить эту дорогую им жизнь, я, видя этому примеры в прошлом, до появления Распутина, в отношении к старцам, юродивым, предсказателям и т. п. лицам, пришел к тому заключению, что если исчезновение Распутина временно и успокоит, в силу одиозности этого имени, деспотизм общественного мнения о нем, то, вследствие причин, мною выше отмеченных, оно неизбежно повлечет за собою появление во дворце какого-нибудь нового странного человека в типе тех же лиц, которые проходили ранее; этого все время боялся и Распутин, вращавшийся, для достижения той же цели, в мире юродивых, — в духе Миши Козельского, Васи босоножки,

Мартемиана, о коем я говорил, и других, от которых он впоследствии так ревниво оберегал свое влияние на высокие сферы.

В виду этого такая жертва с моей стороны, противная совести и закону, была бы бесцельной сама по себе и, вызвав, при самых лучших условиях, общественное к А. Н. Хвостову и ко мне внимание, могла бы через некоторое время вселить большое опасение в возможность применения нами, пользуясь преимуществами служебного положения, того же способа борьбы с политическими противниками существовавшего в то время режима.

По всем этим основаниям я решил, пока мне не представится благовидный предлог для ухода со службы, без служебного для себя ущерба, имея в своих руках все нити наблюдения и охраны Распутина, всячески противодействовать в этом отношении А. Н. Хвостову, усыпляя его бдительность, так как выдавать его намерения А. А. Вырубовой и Распутину я не считал себя в праве, в силу неэтичности такого моего отношения к А. Н. Хвостову, которое могло быть истолковано и им, и другими лицами в самом невыгодном для меня свете, в особенности в широких общественных кругах, которые, в силу одного уже имени Распутина, стали бы на сторону А. Н. Хвостова. Поделившись этими соображениями с Комиссаровым, мы решили показать А. Н. Хвостову всю видимость нашего искреннего сочувствия в осуществлении его замысла в отношении Распутина, но подвергать самой широкой критике все предлагаемые им планы, затягивая всякими благовидными предлогами наступление решительного исполнительного момента.

Когда я передал А. Н. Хвостову о том, что я подготовил Комиссарова к воспринятию его предложения и заручился его согласием, то при следующем засим нашем совместном с Комиссаровым докладе, А. Н. Хвостов, повторив ему все те мотивы, которые он мне высказывал, вызывающие необходимости устранения Распутина, был горячо в этом отношении поддержан Комиссаровым, заверившим его, что это отвечает пожеланиям и его и его филеров, на которых можно всецело положиться.

После этого А. Н. Хвостов приступил к обсуждению плана убийства, входя с особым интересом в мелочи обсуждения каждой детали и даже высказывая желание лично принять участие в деле. Чем больше мы об этом деле говорили, тем сильнее А. Н. Хвостова захватывала мысль убить Распутина, и тем для меня тяжелее было присутствовать при этих обсуждениях; что же касается Комиссарова, то я поражался его умению подойти под тон настроения А. Н. Хвостова и только потом, когда мы выходили с Комиссаровым, он не сдерживался в своей оценке А. Н. Хвостова, который теперь мне вылился во всей беспринципности своего мировоззрения. После долгого обсуждения было предложено А. Н. Хвостовым, приняв ряд мер предупредительного характера, послать Распутину автомобиль под видом приглашения к какой-нибудь даме, а затем

в глухом переулке, где автомобиль должен был замедлить свой ход, в него должны были вскочить загримированные люди Комиссарова и, затянув петлю на шее Распутина, обмотав предварительно его лицо платком, чтобы он не кричал, и, оглушив его, свезти затем труп его на Неву, на острова, и там его бросить в прорубь или, что еще лучше, завезти его на взморье и там зарыть в снегу, привесивши к телу камни, чтобы при оттоянии льда, труп опустился в море. Но для осуществления этого плана требовалось исполнение очень многих предварительных действий, начиная с удаления, под благовидным предлогом, проследки филеров Глобачева, подготовления автомобиля, переговоров и распределения ролей среди филеров, выяснения такой дамы, которую знал бы Распутин, устранения возможности разговора Распутина с ней по телефону и того обстоятельства, чтобы домашние Распутина не знали, куда он едет, и проч.

Ставя А. Н. Хвостову постоянно те или другие возражения, я невольно не мог не обратить своим поведением его подозрительного к себе внимания, и он, первое время приписывая это моему малодушию, старался воздействовать на меня не только своими внушениями, но и давлением со стороны; так, в одно из обычных месячных посещений меня Марковым и Замысловским для получения денег на партийные надобности и дополнительных субсидий на «Земщину» и лазарет, Марков, в присутствии Замысловского, заявил, что они только что были у А. Н. Хвостова и от него, с его ведома и согласия, пришли переговорить со мною о необходимости, до открытия Государственной Думы, убрать Распутина, который всем своим поведением и афишированною им близостью к августейшим особам подрывает в корне все партийные начинания монархических организаций в деле борьбы с начавшимся антидинастическим движением в стране. При этом Марков добавил, что, судя по словам А. Н. Хвостова, все это зависит от меня. Марков и Замысловский, который в этом разговоре, почти не принимал непосредственного участия, по моим сведениям, с Распутиным знакомы не были и в отношении его держались той же непримиримой к Распутину точки зрения, какую высказывало подавляющее большинство членов правой фракции государственного совета, кроме Штюрмера и Н. А. Маклакова, знавших лично Распутина.

В ответ на это заявление Маркова я постарался замять разговор, указав только на то, что если бы вопрос шел о допустимости мною и о моем невмешательстве в организацию ликвидирования Распутина партийными силами какого-либо монархического союза, то еще могла бы итти речь о моем колебании и чинимых мною этому делу препятствиях, но в данном случае, когда осуществление этого акта А. Н. Хвостов возлагает всецело на меня, я не могу не обдумывать каждый свой шаг. Затем, при одном из ближайших моих посещений в Царском Селе генерал-майора Воейкова, послед-

ний также повел со мной разговор на эту тему, указав на то, главным образом, что в армии идет как среди командного состава, так и среди войсковых частей открытое брожение на почве возмущения влиянием Распутина на августейших особ, которое может вылиться в самые нежелательные формы антидинастического движения, и что поэтому он, передав об этом А. Н. Хвостову, считает нужным обратить особо на это мое внимание. Когда же я ему указал, что мною, согласно одобренному и им плану, приняты все меры к избежанию излишних разговоров о Распутине, то Воейков мне на это ответил, что это паллиативы и что мне надо подумать о чем-либо более существенном, чтобы раз навсегда положить этому предел. Это было в конце моего разговора с Воейковым, и я, поспешив распрощаться с ним, ушел от него. Затем и впоследствии я имел такой же разговор с Воейковым, причем я уже заметил некоторую сухость в отношении Воейкова к себе; это было незадолго до истории с Ржевским, когда А. Н. Хвостов повел уже свою личную политику в отношении Ржевского, так что в перемене к себе Воейкова я не видел отражения влияния А. Н. Хвостова.

Наконец, с Комиссаровым, а затем и со мною, по поручению А. Н. Хвостова, на эту тему заговорил кн. Андрей Ширинский-Шихматов. Но последнему и Комиссаров и я, зная его чувство доброжелательности к нам, откровенно расшифровали побуждения А. Н. Хвостова и, поставив его в курс всех своих по этому вопросу соображений, которых он не мог не разделить, рассказали ему о той позиции, которую я и Комиссаров в этом деле приняли в отношении А. Н. Хвостова.

Из всего этого я вынес убеждение, с одной стороны, в том, что прав был Комиссаров, оттеняя мне линию поведения А. Н. Хвостова в этом деле и его неумение хранить тайны, а с другой — в необходимости что-либо предпринять, чтобы усыпить на время бдительность Хвостова, тем более, что А. Н. Хвостов с каждым днем становился все более и более настойчивым, высказывая желание или избить Распутина, или, если мы не осуществим убийства Распутина, то самому на свидании убить его из револьвера, и при этом он показывал свой небольшой браунинг. Тогда я, воспользовавшись брошенной мыслью А. Н. Хвостова об избиении Распутина как средством, которое на некоторое время может успокоить А. Н. Хвостова, в уверенности, что мы стремимся итти навстречу исполнения его пожеланий относительно ликвидации Распутина, постарался уверить его, что подобного рода мера, если она будет проведена под видом мести мужа за поруганную Распутиным честь жены, даст нам в будущем, когда совершится основной акт, повод указать и А. А. Вырубовой и высочайшим особам, что убийство Распутина является последствием означенного выше акта мести. При этом я, в развитие плана, указал А. Н. Хвостову, что в последнее время, желая отвлечь Распутина от частых посещений ресто-

ранов, я, в числе других лиц, вошел в соглашение с другом Мануйлова, сотрудником «Вечернего Времени» М. А. Снарским (он же Оцуп), которого снабдил авансом для приглашения Распутина к себе на вечера и просил его, в случае настойчивых попыток Распутина ехать в те или другие увеселительные заведения, сопровождать его, удерживая от скандалов и устраивая эти кутежи в изолированных от публики помещениях.

В виду этого я заявил А. Н. Хвостову, что, переговорив со Снарским, который живет в малолюдном переулке, я дам ему еще денег на устройство у себя вечера и, узнав, когда Распутин будет у него, сообщу об этом Комиссарову, который замаскирует своих людей, и они, при выходе Распутина нападут на него с соответствующими угрозами, привлекут шумом борьбы внимание дворников, чтобы последние могли доставить Распутина с целью регистрации этого случая, в полицию, сами исчезнут на автомобиле Комиссарова, а затем, как бы встревоженные долгим отсутствием Распутина, начнут из его квартиры осведомляться о нем по участкам и, таким образом, отведут от себя всякое подозрение, а нам дадут возможность сослаться на этот случай, как на доказательство трудности охраны Распутина при обнаруженном им стремлении скрывать свои выезды от филеров, что может повлечь за собою и более серьезного характера выступления против него.

Когда А. Н. Хвостов одобрил этот план, то я переговорил с Комиссаровым, который согласился на осуществление его, так как его постоянно смущали проделываемые секретно от филеров тайные отлучки Распутина. Затем, воспользовавшись приходом ко мне Снарского, я завел с ним разговор о поведении Распутина во время вечеринок у него на квартире, рассказав ему о частых тайных отлучках Распутина из квартиры, затрудняющих охрану его и о его образе жизни вообще, дающем повод к разговорам о нем, и сообщил ему о необходимости запугать Распутина, чтобы он остепенился хотя бы на время, и попросил его для этой цели пригласить Распутина к себе и передать мне, когда он у него будет, вполне доверяя Снарскому по тому впечатлению, которое он на меня всегда производил, и по той откровенности, с которой он говорил о поведении Распутина и о своем о нем мнении. Снарский обещал мне организовать у себя вечер, задержать Распутина по выходе остальных немногих гостей и выпустить его одного из своей квартиры и взял у меня денежный аванс. Затем, когда через несколько дней Снарский передал мне точно время назначенного с согласия Распутина вечера у него, повторив свое обещание исполнить в точности наш уговор и сообщив, что у него, кроме двух дам, больше никого не будет, я передал об этом Комиссарову, прося его внушить филерам, чтобы они не переусердствовали. После того, когда вечером Комиссаров доложил, что люди поставлены им на пост и роли распределены, А. Н. Хвостов выразил желание проехать и самому посмотреть

всю инсценировку подготовленного нападения на Распутина. Мы втроем отправились, проехали по переулку, где живет Снарский, видели и автомобиль Комиссарова с спущенным верхом и загримированных филеров, однако Комиссаров, показывая на квартиру Снарского, остановил наше внимание на том, что она не освещена; но я успокоил его тем, что вечеринка состоится после 12 час., когда дамы приедут из театра, и что Снарский к этому времени обещал привезти и Распутина. Но на другой день Комиссаров утром доложил, что никакой вечеринки у Снарского не было, никто к нему не приезжал, и света в квартире не было всю ночь, так что филеры даром только измучились, простояв бесцельно всю ночь, и высказал предположение, что, видимо, Снарский нас обманул. Затем, когда я, увидев Снарского, упрекнул его в неисполнении обещания, то он отговорился, насколько припоминаю, что вечеринка расстроилась из-за Распутина, который не мог по какой-то причине приехать к нему, о чем, он, Снарский, пытался доложить мне, но меня не мог найти по телефону. Все это, может быть, было и так, как он мне говорил, но, с другой стороны, уже впоследствии я узнал, что Распутин вместе с Снарским в этот вечер были, если не ошибаюсь, в отдельном кабинете в Палас-театре, где Распутин и прокутил всю ночь.

Когда об этом я передал А. Н. Хвостову, то он остался этим недоволен, в особенности, повидимому, потому, что верно комунибудь сказал о том, что Распутина побили, так как с этого же дня в городе пошли по этому поводу в разных версиях разговоры, судя по расспросам кн. Волконского (товарища министра), которого я подвозил, выйдя вместе, после приема у А. Н. Хвостова, на Морскую к ресторану Донона. После этого А. Н. Хвостов начал уже сам часто без меня приглашать к себе Комиссарова для разговоров и выработки плана убийства Распутина, и я только узнавал о его проектах со слов Комиссарова. Один раз придя ко мне, Комиссаров рассказал мне, что А. Н. Хвостов, желая, видимо, подвинуть его к более скорейшему исполнению своего желания, предложил ему лично, насколько припоминаю доклад Комиссарова, 200 тыс. руб. на расходы по подготовке этого дела и для дальнейшего материального обеспечения филеров, которые будут принимать в этом участие с тем, чтобы последние, предварительно за некоторый промежуток времени до этого дела официально уволились со службы, попрощавшись с Распутиным, получили увольнительные билеты из департамента и выписались выбывшими из Петрограда; при этом А. Н. Хвостов даже показал Комиссарову эти деньги, вынув их из министерского несгораемого шкафа, стоявшего в служебном кабинете. На это Комиссаров, по его словам, ответил, что если он и его филеры и берутся за это дело, то они это сделают не за деньги и что этим предложением А. Н. Хвостов может обидеть его. Нахождение такой

крупной суммы у А. Н. Хвостова для меня было неожиданностью, так как личных денег в таком размере, насколько я знал материальные дела А. Н. Хвостова, у него не могло быть, ибо, хотя его жена, урожденная Попова, дочь старшего председателя киевской судебной палаты, и принесла ему в приданое миллионное состояние, но из рассказов мне я знал, что она свое состояние держит на своем счету и только дала возможность А. Н. Хвостову очистить его родовые имения от долгов и завести большое свиное хозяйство, обещавшее в будущем дать доходы (в чем жена его сомневалась); что же касается секретных сумм, то выдачи из департаментского фонда все мне были известны, и А. Н. Хвостов оттуда таких денег без того, чтобы мне не доложил директор, не взял бы; других же ассигновок, кроме 300 тыс., исходатайствованных, с моего ведома, А. Н. Хвостовым для усиления в ноябре месяце рептильного фонда, насколько я знал со слов А. Н. Хвостова, у него не было, и он намеревался только, как он мне передавал, приехав с доклада от государя, с согласия его величества, возбудить официально, секретным всеподданнейшим представлением, ходатайство об отпуске особых сумм: 1) на предвыборную кампанию 1917 г., задуманную им в широких размерах правительственной агитации, 2) на осуществление плана борьбы с оппозиционной прессой по проекту Гурлянда и Бафтоловского, о чем я уже показывал, 3) на получение дополнительного, с нового года, отпуска на рептильную прессу и 4) особого ассигнования на пополнение позаимствований из сумм департамента полиции на монархическую печать и другие расходы, произведенные в связи с его назначением и охраною Распутина. Об этом своем недоумении я даже высказал Комиссарову, который вторично меня заверил, что эти деньги он сам видел. Тогда я подумал, что, видимо, А. Н. Хвостов был прав, уверяя меня в том, что у него имеется особый фонд на убийство Распутина.

Положение мое и Комиссарова становилось все более и более затруднительным; случая подходящего, которым я бы мог воспользоваться, как причиною для ухода от Хвостова, не было, а, наоборот, в это время состоялась моя поездка в ставку по многим требовавшим личного доклада ген. Алексееву делам, причем в ставке мне предстояло представление государю, что находила желательным А. А. Вырубова, одобрил Распутин и советовал кн. Андроников, обещавший даже написать особое по этому поводу письмо гр. Фредериксу и Воейкову. Против этой поездки А. Н. Хвостов ничего не имел, а даже сам признавал нужным мое личное проведение у ген. Алексеева некоторых дел по министерству, в особенности урегулирование взаимоотношений и связи гражданской и военной цензуры и более целесообразной постановки дела борьбы с шпионами враждебных нам государств. Таким образом, эта поездка на время откладывала разговоры по поводу Распутина.

Перед поездкой я побывал у А. А. Вырубовой и узнал, что императрица уже сообщила обо мне в ставку, а Хвостов поручил мне передать от него 2 тыс. руб. денег губернатору Пильцу, указав на то, что Пильц с каждым днем завоевывает внимание государя, постоянно удостаивается приглашения на высочайшие завтраки и обеды, почему он, А. Н. Хвостов, счел нужным более с ним сблизиться, а так как у Пильца своих средств нет, то эти постоянные дополнительные денежные отпуски к рождеству и пасхе и летним каникулам будут служить для Пильца подспорьем и вместе с тем явятся знаком особого к нему внимания со стороны министра, что и просил меня от его имени подчеркнуть Пильцу. Затем А. Н. Хвостов разрешил мне взять специальный аванс на случай каких-либо расходов на месте по делам охраны.

В ставку я выехал в сопровождении своего секретаря Н. Н. Михайлова; время же моего приезда совпало с предстоявшим выездом государя в армию, так что там находился начальник штаба корпуса жандармов ген. Никольский, заступавший должность командира корпуса в распоряжениях по охране пути высочайшего следования. Сделав необходимые придворные визиты и застав ген. Воейкова, я был им хорошо принят, и он обещал доложить о моем приезде государю, затем застал лейб-медика Федорова дома и познакомился с ним, потом отправился к губернатору Пильцу, которому передал поручение А. Н. Хвостова и, узнав от него о перегруженности его канцелярии работами, в связи с нахождением в Могилеве царской ставки, по проверке благонадежности населения Могилева и по наблюдению за прибывающими из других местностей, — выдал ему, согласно его просьбе, из своего аванса несколько (кажется, три) тысяч руб., потом посетил губернское жандармское управление и наметил произвести на оставшийся аванс ряд денежных праздничных наград всем чинам охраны, губернской, жандармской и общей полиции. Но когда я сделал приблизительный подсчет, то оказалось, что аванса около 15 тыс. далеко не хватит, а частичная выдача произведет грустное впечатление на остальных. Поэтому я предложил немедленно же представить в Петроград все списки, чтобы я мог затем к празднику прислать всем чинам наградные, что и было осуществлено мною до рождественских праздников. Из аванса же мною было израсходовано, кроме означенных выдач, около 300 руб. на выдачу придворным низшим чинам, состоящим при дворце государя, помещавшегося в доме губернатора, рядом с губернским правлением, где помещается штаб верховного главнокомандующего. На другой день я был с докладом у ген. Алексева, поразился скромности той обстановки, в которой он работает вместе с государем, подробно доложил ему о тех делах министерства внутренних дел, которые подлежали его личному рассмо-

трению, и оценил в нем умение быстро схватывать существо дела и в нем ориентироваться, и потом был приглашен к высочайшему столу, заранее представившись государю. За столом я сидел против государя, рядом с гр. Фредериксом, очень внимательно и приветливо ко мне отнесшимся, в чем я видел отражение письма кн. Андроникова, принимал участие в разговоре государя, отозвавшегося с похвалою о деятельности ген. Мрозовского как по приведению гренадерского корпуса в образцовый порядок во время командования на войне, так и по деятельности его, как начальника московского военного округа по борьбе в Москве с мародерами тыла. Затем после обеда государь в зале подробно расспрашивал меня о тех вопросах, по которым я имел доклад у ген. Алексеева, обещая лично с ним переговорить в видах благоприятного их разрешения в интересах мин. вн. дел, а затем, на вопрос государя о служебных новостях, я доложил его величеству о настроении рабочих в связи с наступавшим 9 января, о свидании Бурцева с Гучковым и о первых выступлениях членов бюджетной комиссии по смете мин. вн. дел по поводу Распутина, что, мидимо, остановило внимание на себе государя, судя по сделавшемуся сосредоточенным выражению лица его величества. В виду этого, я, по поручению А. Н. Хвостова, вместо того, чтобы, как повелевают долг и совесть, откровенно высказать свое мнение о Распутине, высказал точку зрения А. Н. Хвостова на это выступление бюджетной комиссии и его надежду, что этим будут исчерпаны дальнейшие открытые о Распутине разговоры в общем собрании Государственной Думы, к чему А. Н. Хвостов прилагал все свои усилия. Это успокоило государя, и ого величество, прощаясь, поблагодарил меня за службу и за солидарность работы моей с А. Н. Хвостовым.

Милостивый прием, мне оказанный государем, в особенности напутственные слова его величества при прощании ставили меня в безвыходное положение в отношении А. Н. Хвостова и его замысла. В виду этого, переговорив с Комиссаровым, я решил восстать против осуществления предложенного А. Н. Хвостовым плана убийства Распутина в автомобиле, а для затягивания этого дела предложил А. Н. Хвостову достать яд и в известной дозе ввести его в мадеру, при чем Комиссаров предложил свои услуги добыть этот яд через посредство своего бывшего агента, служившего помощником провизора в одной из саратовских аптек. О своей необходимости поехать по личным делам в Саратов, место старой его службы, мне Комиссаров говорил и ранее. А. Н. Хвостов с этим согласился и даже высказал мысль послать ящик отравленной мадеры как бы от банкира-еврея Д. Л. Рубинштейна, чтобы затем как-нибудь связать Рубинштейна с делом отравления Распутина. Против Рубинштейна А. Н. Хвостов, как я уже показал, все время враждебно был настроен; но я указал А. Н. Хвостову, что это будет неудобно, так как Распутин может поблагодарить Рубинштейна, к которому он

часто обращался с просьбами по телефону, и тогда сразу весь план рухнет.

Поездка Комиссарова, под видом служебной командировки в Саратов, затянулась; А. Н. Хвостов с нетерпением ждал его приезда. Когда Комиссаров приехал и привез с собою несколько флакончиков разного рода ядов, то я, будучи занят, не сумел его расспросить как следует, а узнав от А. Н. Хвостова, когда он нас может принять, поручил Комиссарову приехать к А. Н. Хвостову к этому времени. Когда же я приехал к А. Н. Хвостову, то я застал уже Комиссарова в кабинете, сидящим на диване с Хвостовым и объясняющим, как профессор, свойство каждого яда, степень его действия и следы разрушения, оставляемые в организме. При этом докладе Комиссарова у меня сложилось впечатление, что это, действительно, яды, и что Комиссарову его агент дал подробные разъяснения по каждому флакону; только мое внимание остановило то, что во всех баночках находился одного вида и цвета порошок. В довершение всего, Комиссаров рассказал А. Н. Хвостову, что он перед тем, как итти к нему, сделал на конспиративной квартире в присутствии филера-лакея опыт действия одного из привезенных им ядов на приблудившемся к кухне коте и живо описал А. Н. Хвостову, как этот кот крутился, а потом через несколько минут сдох. Этот рассказ доставил А. Н. Хвостову, видимо, особое удовольствие; он несколько раз переспросил Комиссарова, а затем, как мне впоследствии передавал Комиссаров, расспрашивал и упомянутого лакея, которого Комиссаров заранее предупредил.

Когда мы с Комиссаровым остались наедине, я даже разволновался и долгое время оставался при том убеждении, что в привезенных Комиссаровым флаконах содержатся действительно ядовитые вещества; но, веря Комиссарову, что он без моего согласия не сделает ни одного исполнительного действия, я все-таки при последующем свидании с Распутиным, когда Комиссаров наливал ему из бутылки мадеру в рюмку, подставил Комиссарову и свою рюмку, хотя я и не пью мадеры, думая, что если Комиссаров даст Распутину отравленную мадеру, то он мне ее не нальет; на это Комиссаров и не обращал внимания, и об этом даже я ему не хотел рассказывать впоследствии, не желая его обидеть. Затем, когда я настойчиво попросил Комиссарова мне откровенно сказать, откуда у него яды с этими этикетками, наклеенными на бутылочках, то он мне сообщил, что в Саратове он был, привел в порядок личные дела, провел мило время в среде своих знакомых и поэтому задержался там, что никакого у него сотрудника помощника провизора нет, что флакончики он достал у себя дома от лекарств, женою принимаемых, что в них он всыпал не то фенацетин, не то пирамидон с толченым сахаром, что этикеты он сам написал, взяв названия ядов из купленного им в дорогу учебника по фармакологии, и что, приехав ко мне на квартиру и дожидаясь, пока я закончу прием, он зашел в комнату

*

моего брата, студента-медика, и, взяв из книг соответствующий учебник, еще раз подробно ознакомился со свойством необходимых ему для доклада А. Н. Хвостову ядов и что историю с котом он, изучив Хвостова, рассказал А. Н. Хвостову для вящшего его вразумления, и в этом же духе, будучи в полной уверенности, что Хвостов постарается проверить его рассказ, он приказал и филеру рассказать А. Н. Хвостову.

В течение всего этого времени свидания наши с Распутиным на конспиративной квартире продолжались, но А. Н. Хвостов начал часто уходить в соседнюю комнату под видом отдыха, прося меня говорить с Распутиным по поводу его кандидатуры на пост председателя совета, с сохранением портфеля мин. вн. дел, и в целях проверки меня настолько подозрительно громко храпел, что Распутин, при одном из последующих свиданий, заметил притворство со стороны А. Н. Хвостова и мне на это указал. Хотя я и объяснил ему это привычкой и сильной усталостью А. Н. Хвостова от множества работ, но Распутин, как я заметил, увидел в этом знак некоторого пренебрежения к нему со стороны Хвостова, и начал с того времени отвечать как-то уклончиво на мои вопросы о Горемыкине и заместительстве А. Н. Хвостова.

В это же самое время я обратил внимание, что Хвостов, приближая к себе Комиссарова, начал вызывать к себе с очередными докладами и Глобачева. Глобачев и Костров были уже представлены А. Н. Хвостовым по моему настоянию в генералы. Боясь, чтобы А. Н. Хвостов не начал вести какой-либо с Глобачевым разговор по поводу ликвидации Распутина, и не зная, как Глобачев относится к этому вопросу, я в один из заездов Глобачева, желая его испытать, сам начал с ним разговор на тему о Распутине, о приносимом им особом вреде интересам трона и высказался в духе пожеланий А. Н. Хвостова; но из всего поведения Глобачева, из его удивленного взгляда, брошенного на меня, и односложности замечаний я убедился, что он в этом вопросе не пойдет на соглашение с А. Н. Хвостовым.

После этого я начал еще более бдительно следить за Распутиным, а А. Н. Хвостова заверил, что с осуществлением последнего плана, требующего обдуманности, чтобы не пострадали те, которых может угостить Распутин отравленным вином, надо повременить, пока Распутин не будет использован для проведения Хвостова в премьеры; но даже это последнее соображение теперь его не останавливало, свидания с Распутиным он начал отдалять, что задевало Распутина, а в отношении А. Н. Хвостова ко мне стала просвечиваться некоторая враждебность, хотя он и старался ее замаскировать; к В. В. Граве, которого я ему особо рекомендовал, как человека, действительно, не вмешивавшегося ни в какие министерские дела и чуждого интриг и искательства, он изменился и приблизил к себе первого секретаря М. В. Яблонского, сделав его членом

совета и оставив его при себе секретарем, в чем остальные члены совета видели умаление их достоинства.

Яблонского я знал еще с Вильны, где он при мне, не получивши среднего образования, служил канцелярским чиновником канцелярии генерал-губернатора при кн. Святополк-Мирском, был откомандирован к его кабинету для подшивок его писем, а затем, мало-помалу войдя в доверие князя, был взят им, при назначении министром, с собою в Петроград и оставался в личной секретарской части министра, преемственно переходя от одного к другому, благодаря своему знанию служебного обихода и министерского ритуала, и пользовался их вниманием, получая от каждого министра ту или другую служебную награду или повышение. При мне в эту пору Яблонский состоял в должности IV кл. будучи, благодаря мне, со времени моего вице-директорства, хорошо материально обеспеченным, и теперь, когда я был товарищем министра, получил также новую отдельную прибавку к содержанию. Я не знал, что Яблонский считал себя недовольным на меня за то, что я, устроивши своего секретаря Н. Н. Михайлова, получившего юридическое образование, долго служившего до вице-губернатора включительно в провинции, имевшего уже чин д. с. с. и орден Станислава I ст., согласно его просьбе, членом совета министра, не счел себя в праве после этого оставить его при себе и откомандировал в департамент общих дел для несения прямых по должности обязанностей. В этом последнем моем распоряжении Яблонский видел мой как бы косвенный намек А. Н. Хвостову о неудобстве оставления его, Яблонского, как такого же члена совета, в секретарской части министра, и стал незаметно внушать А. Н. Хвостову мысль о моем стремлении узурпировать его власть, передавал ему всякие министерские сплетни о моих распоряжениях, собирая их среди своих знакомых чинов министерства и департамента полиции, не зная о тех моих с А. Н. Хвостовым отношениях на почве близости к Распутину, которые выводили меня зачастую из рамок моих непосредственно обязанностей, во что его Хвостов, конечно, не посвящал. Яблонский настолько вошел в доверие А. Н. Хвостова, что последний с ним совещался уже по многим делам, посвящая его в курс своих секретных начинаний и поручая ему писать всеподданнейшие доклады по тем делам, кои держал в секрете от департаментов, как, напр., о переводах и назначениях губернаторов и вице-губернаторов и т. п. Мне это стало известным только в конце уже моей службы при А. Н. Хвостове, так как М. В. Яблонский продолжал попрежнему быть ко мне внимательным, и я даже не мог думать о том, чтобы Яблонский, в силу сложившихся между нами издавна отношений, мог быть настолько неискренен в отношении меня.

В это время А. Н. Хвостов, на основании полученных им сведений от поставленной И. С. Хвостовым около Распутина агентуры,

в интересах, как я уже показал, проведения гр. Татищева в министры финансов, начал обнаруживать некоторое беспокойство по поводу близости Мануйлова, но так как, являясь ко мне почти ежедневно с докладами о митрополите, о Распутине и Бурцеве и др., Мануйлов мне не открывал своих планов, то я был в полной уверенности, что, видимо, Мануйлов в чем-либо мешает гр. Татищеву, имея из банковских и газетных источников какие-либо неблагоприятные о гр. Татищеве сведения и предупреждая Распутина о необходимости ему быть осторожным в отношении гр. Татищева; поэтому я даже посвятил Мануйлова в некоторые подробности положения дела гр. Татищева, чтобы он знал о том, что это дело отвечает пожеланиям А. Н. Хвостова, и об этом сообщил А. Н. Хвостову, желая успокоить его.

8.

[Дело Пеца. Роман Манасевича-Мануйлова. Незаконный арест. Шаткое положение Горемыкина. Кандидатура Щегловитова и свидание его с Распутиным. Политический салон Штюрмера. Кружок Римского-Корсакова. Прохождение Штюрмера в председатели совета министров. Роль Питирима, Мануйлова и Распутина. Борьба Штюрмера с А. Н. Хвостовым. Решение Белецкого предать А. Н. Хвостова и стать на сторону Штюрмера. Размолвка А. Н. Хвостова с Белецким. Назначение Штюрмера и отставка Горемыкина.]

Однажды, по окончании своего очередного доклада, в котором Мануйлов, интригуя против Комиссарова, предостерегал меня от близости к нему и указывал, что Распутин стал недоверчиво относиться к последнему, вследствие неумелого якобы поведения Комиссарова, обнаружившего свою около него роль, Мануйлов попросил меня уделить ему несколько минут для выслушания его личной просьбы, имеющей для него весьма важное значение. Я отнесся недоверчиво к заявлению Мануйлова о Комиссарове, уже не первый раз мне им секретно делаемому, видя в этом одно стремление избежать какого-либо контроля со стороны Комиссарова за его личным поведением около Распутина, тем более, что при встрече с Комиссаровым Мануйлов, несмотря на иногда в шутливом тоне высказываемые ему Комиссаровым в моем присутствии неодобрительные замечания о его поступках, всегда обнаруживал чувство особого к нему расположения. Но вместе с тем я спросил Мануйлова, в чем я ему могу быть полезным.

Тогда Мануйлов в нервном тоне, разрыдавшись, рассказал мне свою личную драму, заключавшуюся в том, что, несмотря на старое чувство привязанности к своей гражданской жене г-же Дарингов-ской, о которой Комиссаров отзывался с полным уважением как о женщине тактичной, умной и любящей Мануйлова, в чем и я убедился впоследствии, познакомившись с нею поближе во время предварительного содержания Мануйлова под стражей по делу И. С. Хвостова, он, Мануйлов, сердечно увлечен артисткой Лерма и имеет основание бояться, что завязавшееся на почве уроков верховой езды знакомство Лерма с берейтором Пецом может перейти со стороны

Лерма в чувство любви к Пецу, что нанесет глубокую сердечную ему, Мануйлову, рану; поэтому он, Мануйлов, просил меня, во имя моего расположения к нему и его всегдашней преданности мне и интересам даваемых ему поручений, спасти его путем временного отдаления Пеца от Лермы. Когда же я Мануйлову указал, что не могу же я, как бы я ни желал быть ему полезным, принять репрессивные меры к лицу, не дающему мне законных к тому поводов, то на это Мануйлов мне охарактеризовал Пеца не только как человека порочного с нравственной стороны, но и как состоящего под особыл наблюдением следственной комиссии ген. Батюшина, имеющей веское основание подозревать Пеца в сбыте лошадей воюющей с нами державе, транспортируя их через Швецию. Тогда я спросил Мануйлова, откуда он имеет эти данные, и на это мне Мануйлов ответил, что в последнее время ему удалось оказать безвозмездно ряд ценных услуг комиссии Батюшина, вследствие близости к члену этой комиссии, сотруднику газеты «Новое Время» полк. Резанову, благодаря чему и получил эти сведения о Пеце из дел комиссии, но так как он не настолько еще вошел в доверие ген. Батюшина, чтобы обратиться к нему с этой своей личной просьбой, то и просит меня хотя бы временно арестовать Пеца, пока вопрос о нем не будет решен комиссией ген. Батюшина, или выслать Пеца из Петрограда в отдаленные места мерами администрации, к чему всегда, в таких случаях, прибегал покойный министр Плеве, при котором он, Мануйлов, состоял.

Не дав Мануйлову на этот раз категорического ответа, я ему сказал, что я должен прежде, чем прийти к тому или другому решению, собрать о Пеце сведения. Когда я об этой просьбе Мануйлова доложил А. Н. Хвостову, то он увидел в этом деле ту цель, посредством которой можно держать Мануйлова все время на поводу для исполнения своих желаний и, одобрив мое решение собрать о Пеце сведения, поручил мне, в случае, если сведения подтвердятся, подвергнуть Пеца временному задержанию. Вызвав полк. Глобачева, я дал ему соответствующее указание, а когда он представил мне справку о том, что Пец подозревается в тайном сбыте лошадей неприятельской державе, то я предложил Глобачеву подвергнуть Пеца временному задержанию и произвести проверочное о нем дознание. Мануйлов меня горячо поблагодарил и сказал, что этой услуги он никогда не забудет.

Через некоторое в скорости время полк. Глобачев лично мне доложил, что тщательно произведенное им негласное расследование не подтвердило данных первоначально представленной им справки, что семья Пеца также ни в чем не замечена, отец его служит в одном из сибирских торговых обществ, во главе которого стоял бывший начальник петроградской сыскной полиции Филиппов, давший хороший о нем отзыв, что сын Пеца освобожден от отбытия воинской повинности в рядах войск, как состоящий (если не ошибаюсь) на

службе в Пскове в одном из учреждений, работающих на оборону, и что все обвинение Пеца, судя по его, Глобачева, данным, покоится на чувстве мести, на почве ревности со стороны Мануйлова к Борису Пецу, действительно занимавшемуся ранее ремеслом берейтора, имеющему и теперь еще в Финляндии верховых лошадей, и на этой почве познакомившемуся с г-жей Лерма, в которую Мануйлов влюблен. В виду этого Глобачев, испрашивая моих дальнейших указаний, за окончанием законного срока, дающего ему право содержать Пеца под предварительным арестом, высказал свое заключение о необходимости его освободить. Отложив решение этого вопроса до доклада министру, о чем я заявил Глобачеву, я, при свидании с А. Н. Хвостовым, передал ему сущность доклада Глобачева о деле Пеца, и он мне сказал, что надо пока помучить Мануйлова, заявив ему, что, при таких обстоятельствах дела, мы не можем далее держать Пеца, и только после того, когда он проникнется сознанием важности оказываемой ему нами помощи, согласиться на исполнение его просьбы, потребовав от него безусловного служения нашим интересам; что же касается Пеца, то в виду его частых выездов из мест служения в Петроград и продолжения им своих в Финляндии занятий, дающих основание к подозрению его в уклонении от воинской повинности, то путем зачисления в упомянутую выше организацию можно будет впоследствии возбудить по этому поводу переписку.

Мануйлова я, действительно, несколько дней настолько держал в неизвестности относительно исполнения его просьбы и в сомнении в том, что он недостаточно оценивает просимую им жертву с моей стороны, что он несколько раз, лично заходя ко мне, рыдая, просил меня успокоить его, а затем написал мне три письма с подчеркиванием его вечной признательности мне в случае исполнения этой его просьбы. Передав об этом А. Н. Хвостову, я Мануйлову дал обещание продлить арест Пеца, и в виду этого лично, по приказанию министра, отдал распоряжение Глобачеву, чтобы он продлил содержание Пеца под арестом, указав ему, что этим путем как я, так и А. Н. Хвостов желаем привести Мануйлова, крепко пустившего корни около Распутина, в свое подчинение.

Хотя Глобачев и подчинился этому распоряжению, но по книгам зачислил этого арестанта содержащимся по моему распоряжению, на что я лично потом, получивши от Кафафова для проверки реестр заключенных, указал Глобачеву, как на допущенную им неточность, оттенив, что Пец должен считаться «за министром», ибо это его распоряжение. Потом Глобачев мне несколько раз в очередном докладе намекал на необходимость ликвидации этого дела, желая, видимо, избавить меня от возможных осложнений. Затем, когда ко мне пришел на прием отец Пеца с прошением об освобождении сына, то в первый раз я ему заявил, что против его сына тяготеют серьезные улики, которые меня

вынуждают до окончания расследования держать под арестом его сына. Но впоследствии, когда Пец, узнав, по всей вероятности, при посредстве Филиппова, о результатах расследования, подал мне прошение с обвинением Мануйлова в возведении клеветы, порочащей честь его сына, а затем утром ко мне на квартиру пришли две сестры Пеца, нервно взволнованные, с просьбой за брата, то вид чужого горя меня образумил, и я, не докладывая А. Н. Хвостову, вызвав Мануйлова, ему откровенно заявил, что далее я отказываюсь ему в этом деле оказывать какое-либо содействие, и отдал Глобачеву распоряжение об освобождении Пеца; пришедшему же ко мне отцу его посоветовал, в интересах его сына, чтобы последний немедленно выехал в Псков и не ездил бы в Финляндию, так как боялся, что Мануйлов, узнав о его пребывании в Петрограде или Финляндии, где Лерма жила на даче, снова возбудит, но уже не через меня, а через комиссию ген. Батюшина, вопрос о Пеце.

Впоследствии, когда я уже ушел, а Мануйлов был арестован ген. Климовичем, последний мне передавал, что отец Пеца подавал на меня, в связи с Мануйловым, жалобу в ставку по делу незаконного ареста его сына, но при этом Климович добавил, желая успокоить меня, что департамент полиции, на основании имеющегося в делах департамента материала, дал отзыв, устраняющий мою ответственность. Я поблагодарил Климовича, но в подробности этого дела не посвятил его, хотя Климович, со слов ген. Глобачева, своего старого сослуживца и товарища по кадетскому корпусу, видимо, знал суть дела. Ген. Климовичу я только объяснил, что подобного рода сведения о сбыте лошадей воюющим с нами державам в мое время в департаменте и в генеральном штабе были и указал ему на переписку департамента полиции с воронежским губернатором по этому поводу, и что в силу этого, когда такое подозрение было взведено на Бориса Пеца, я имел основание до проверки арестовать последнего. В этой же версии, но не более, я сообщил, когда приходил к А. А. Маркову, в частной беседе спросившему меня про это дело, при одном из моих визитов к нему по делу ген. Сухомлинова и Мануйлова, согласно поручения А. А. Вырубовой и просьбе Распутина. Затем о деле Пеца, в тот же период времени ареста Мануйлова, мне передавал ген. Секретев с добавлением, что оно ликвидировано. Из его рассказа я узнал, что уже впоследствии, после моего ухода, возникло обвинение по жалобе отца Пеца в ставку не только на меня, но и на Халютина, одного из офицеров автомобильной роты, где уже Пец отбывал воинскую повинность, устроенный туда, как мне потом передавала Лерма, приходившая ко мне в период ареста Мануйлова, с просьбами о содействии к его освобождению, самим же Мануйловым, добившимся взятия Пеца на военную службу, а затем с ним, по просьбе семьи Пеца, примирившимся, а потом

снова под влиянием ни на чем, по словам Лерма, не основанной ревности, начавшим, при посредстве упомянутого выше хорошо с ним знакомого офицера, мстить Пецу путем стеснения его свободы.

Наконец, во время процесса Мануйлова, я через Лерму предупредил Мануйлова о необходимости в личных его, и затем моих и этого офицера интересах или примириться с Пецами, или, если это уже запоздало, принять меры к отводу поданной в суд Пецом жалобы на Мануйлова, как голословной и необследованной. Департамент полиции, в лице и. д. директора Кафафова и вице-директора И. К. Смирнова, в подробности дела Пеца не был мною посвящен, а прошение отца Пеца и три письма Мануйлова я хранил у себя до взятия Мануйлова под стражу для отбытия наложенного на него по суду по делу И. С. Хвостова наказания и после этого уничтожил.

В общих чертах об этом деле я рассказывал ген. Комиссарову, если не ошибаюсь. Пец же по освобождении мною из-под ареста немедленно, следуя моему указанию, уехал в Псков, о чем я и сообщил Мануйлову, успокоив его этим известием. Затем при последующих моих свиданиях с Мануйловым я, неоднократно расспрашивая его об отношениях Распутина к А. Н. Хвостову и Горемыкину, получал от него уклончивые ответы относительности возможности кандидатуры А. Н. Хвостова на пост председателя. Что же касается положения Горемыкина, то из слов Мануйлова я понял, что во дворце в последнее время в нем разочаровались. Затем, в один из этих дней, приехавший ко мне от Распутина Комиссаров доложил мне, что Распутин просил его устроить так, чтобы никто не знал, секретное ему свидание с И. Г. Щегловитовым, но для какой цели — Распутин Комиссарову, несмотря на все наводящие разговоры, не сказал. В это время И. Г. Щегловитов, незадолго перед тем ушедший с поста министра юстиции, был выбран товарищем председателя правой фракции членов государственного совета; но эта роль его не удовлетворяла; он продолжал следить за всеми политическими новостями, интересовался действиями Горемыкина, которого он считал виновником своего ухода от активной работы и, будучи со мной в хороших отношениях, почти ежедневно звонил ко мне по телефону, дабы получить от меня все последние политические новинки как из жизни дворца, так и сведения о Думе и о борьбе партий в совете министров. И. Г. Щегловитов особенно интересовался вопросом об отношении к нему высоких особ, прося меня в этом направлении собрать точные сведения, при чем, для моей ориентировки в этом вопросе, сообщил мне, что в его сердце осталась всегдашняя преданность интересам трона, которую и в настоящее время, уйдя от активной работы, он обнаружил своим отношением к монархическим организациям, приняв даже, по нашей

просьбе, на себя председательствование на петроградском съезде монархистов, и своею работою в государственном совете, где он был намерен в предстоящую сессию выступить от фракции правых по целому ряду крупных законопроектов.

О Щегловитове и о его содействии А. Н. Хвостову во время съезда монархистов, в свое время, я не раз говорил А. А. Вырубовой, ценя то внимание, какое он оказал мне при моем прохождении в сенат во время моего ухода из должности директора департамента полиции. Поэтому я, переговорив с И. Г. Щегловитовым по телефону о высказанном желании Распутина с ним познакомиться и намекнув ему, что подобного рода взаимные ознакомления, судя по тому, что мне говорил ранее Распутин, знаменуют собой рано или поздно призыв снова к власти, сказал ему, что если он ничего не имеет против посещения Распутина, то в назначенный им час Комиссаров вечером секретно привезет к нему на квартиру Распутина; при этом я добавил Щегловитову, что об этом свидании его с Распутиным никто, кроме нас четверых, знать не будет, и объяснил ему некоторые черты характера Распутина и его вкусы, на случай, если И. Г. Щегловитов пожелает чем-либо угостить Распутина. И. Г. Щегловитов меня поблагодарил, сказав, что он ничего против знакомства с Распутиным не имеет, и, прося хранить это посещение в тайне и от А. Н. Хвостова, назначил время приема Распутина. Обсуждая с Комиссаровым цель этого свидания, мы пришли к тому заключению, что будет или нет какой-либо реальный результат от этого свидания, несомненно одно, что положение Горемыкина сильно пошатнулось, но что Распутин не склонен проводить кандидатуры Хвостова в премьеры, и в этом мы обвиняли самого Хвостова, давшего к этому Распутину повод своим отношением к нему в последние с ним свидания. Поэтому мы решили еще более быть осторожными в отношении к А. Н. Хвостову и последнего к Распутину.

Взяв с Комиссарова слово, что он никому не скажет об этом свидании Распутина с Щегловитовым, я сообщил ему время, когда Щегловитов будет ожидать Распутина, и Комиссаров на другой день в точности выполнил всю программу. Так как Комиссаров при свидании не присутствовал, а только узнал от Распутина, что тот вынес хорошее впечатление от этого знакомства, то я на следующий день сам позвонил к И. Г. Щегловитову и, сообщив ему отзыв о нем Распутина, узнал от И. Г. Щегловитова, что он также, в свою очередь, доволен этим знакомством, что он угостил Распутина чаем и мадерою, поговорив с ним об общих вопросах, но ничего реального Распутин ему не сказал. На это я Щегловитову снова повторил, что подобного рода свидания Распутина носят характер осведомлений для высоких особ, поэтому Щегловитов попросил меня узнать о результатах разговора Распутина о нем во дворце, держа это в секрете. Я ему обещал, по возмож-

ности, как-нибудь при дальнейшем свидании пораспросить Распутина, но добавил, что Распутин в таких случаях бывает конспиративен.

Затем события так быстро последовали одно за другим, что мне пришлось исполнить только одну просьбу Щегловитова, никому не говоря о его знакомстве с Распутиным. Вслед за сим, в самом ближайшем времени после этого, ко мне пришел Мануйлов и по секрету мне доложил, что вопрос об уходе Горемыкина решен бесповоротно после убедительных докладов А. Н. Хвостова государю и моих с ним разговоров с А. А. Вырубовой о том затруднительном положении, в которое Горемыкин поставил государя в отношении Государственной Думы, но что выбор пал не на А. Н. Хвостова и не И. Г. Щегловитова, о котором в дворце вспоминали, но затем отказались, в виду недавнего только его ухода из состава правительства, а на кандидата владыки-митрополита Питирима — на Б. В. Штюрмера как человека испытанной с давних лет преданности трону, много потрудившегося во время сопровождения царской семьи в юбилейном посещении в 1913 году древних обителей, интересовавшегося вопросами внутренней политики и устраивавшего у себя по этому поводу ряд собраний, останавливавших на себе высокое внимание августейших особ, имеющего огромный круг знакомства в придворных кругах, в обществе и в провинции, пользующегося поддержкой влиятельной правой группы государственного совета и являющегося для Государственной Думы новым человеком, который сумеет сочетать мягкость с проявлением в нужном случае твердости власти.

Это было для меня большою неожиданностью. Со Штюрмером я был знаком еще со времени моей службы вице-губернатором в Самаре, куда Штюрмер приезжал на первых же порах назначения его младшего сына чиновником особых поручений при местном управлении земледелия и государственных имуществ, был у нас с визитом, а потом и на обеде. Штюрмер тогда поручил нашему вниманию своего сына, которого мы до того не знали, и знакомился с постановкой в губернии землеустроительных работ, чтобы, как он говорил губернатору и мне, оказать в этом отношении своим выступлением в государственном совете поддержку Столыпину и Кривошеину в их начинаниях в области устройства крестьян. Затем, во время моих служебных приездов в Петроград, Штюрмер всегда вспоминал и благодарил меня за прием его в Самаре и за мое внимание к его сыну, из-за которого он, уже после нашего выезда из Самары, был недоволен на А. Н. Наумова, служившего в ту пору по выборам губернским предводителем дворянства. Потом, когда я перешел на службу в Петроград, мне пришлось оказать Б. В. Штюрмеру ряд услуг в отношении тех лиц, за которых он меня просил, что еще больше закрепило эти отношения и, наконец, когда он после смерти

ген. Богдановича, у которого часто бывал, устроил у себя политический салон, то с зимы 1914 г. и до своего назначения на должность товарища министра внутренних дел я был в числе приглашенных им на эти собрания лиц, одним из частых посетителей этого кружка, за исключением времени моего отсутствия из Петрограда по делам комитета в. к. Марии Павловны. До этого я принимал участие в небольшом составе лиц, преимущественно сенаторов правого направления, собиравшихся с осени того же года в квартире на Спасской улице, у сенатора А. А. Римского-Корсакова. Здесь мы обменивались своими взглядами по вопросам внутренней политики того времени, намечая затем своею задачею составить всеподданнейшую записку с изложением обрисовки событий с точки зрения нашего к ним отношения и параллельно с этим иметь материал для предстоявшего съезда монархистов в Петрограде и для всероссийского дворянского собрания.

Кружок этот был небольшой, в него кроме сенаторов и членов Государственной Думы входили Марков и Замысловский, член государственного совета Дейтрих и В. П. Соколов.

Затем, когда в скорости после этих собраний возник салон Штюрмера, куда он пригласил почти всех участников кружка А. А. Римского-Корсакова, а затем и самого Римского-Корсакова, то кружок последнего завял и возродился снова лишь после назначения Штюрмера председателем совета министров в несколько большем составе, в виде преемственности салона Штюрмера; но я в нем уже участия не принимал и знаю только, что составленная на заседаниях всеподданнейшая петиция государю относительно революционизирования общественного настроения как с кафедры Государственной Думы, так и при посредстве деятелей общественных организаций, требующая принятия решительных мер и поворота всей внутренней политики в правом и твердом направлении, была представлена премьеру Штюрмеру для всеподданнейшего представления, согласно его желанию и обещанию, но затем, когда до членов кружка дошли сведения о том, что Штюрмер этой записки не представил по назначению, таковая была передана сенатору кн. Голицыну (впоследствии премьеру), и он, состоя помощником государыни по оказанию помощи нашим военнопленным за границей, подвергнул ее августейшему вниманию государыни.

Политический салон Б. В. Штюрмера был обставлен хорошо и хозяйственно; вначале он состоял из небольшого кружка его личных хороших знакомых по фракции и членов государственного совета и некоторых сенаторов, но затем общественный и политический интерес в кружку увеличился; салон Штюрмера начал приобретать значительное влияние и к его голосу стали прислушиваться; число членов кружка с каждым заседанием возрастало и иногда в зале даже не хватало места для приглашенных. В числе

членов кружка состояли члены государственного совета: Стишинский, А. Л. Ширинский-Шихматов, Дейтрих, А. А. Макаров, Кобылинский, Гурко, кн. Щербатов; сенаторы: я, Фриш, Римский-Корсаков, кн. Голицын и его двоюродный брат Ф. Голицын, Судейкин, Бородин, Д. Б. Нейдгарт, тверской губернский предводитель дворянства, дворянин Павлов, кн. Абамелек-Лазарев, граф А. А. Бобринский, кн. Лобанов-Ростовский, Замысловский, Чихачев (член Государственной Думы), Прутченко, кн. Оболенский (градоначальник), Струков, кн. Волконский, ген. Селиванов — герой Перемышля — и многие другие. Кроме того, Б. В. Штюрмер, для связи с провинцией, приглашал приезжавших в Петроград губернских предводителей дворянства, губернаторов и некоторых владык, принимавших участие в политической жизни страны. Заседания были вечером в праздничные или воскресные дни раз в неделю, при чем Б. В. Штюрмер по телефону предварительно посвящал каждого в то, кого из новых лиц он желает ввести в кружок, испрашивая согласия, и какие будут доклады, прося обдумать предстоящие обсуждению вопросы.

Возникал вопрос о приглашении на эти заседания и министров правого направления, но затем это предложение было отклонено, чтобы не стеснять их публичным подчеркиванием влияния на них разных решений кружка и не стеснять себя в обмене взглядов, могущих иногда принять форму критического обзора программных действий того или другого министра. Но Б. В. Штюрмер не лишал возможности министра внутренних дел Н. А. Маклакова, когда последний заинтересовался прениями по некоторым вопросам, присутствовать в числе личных знакомых жены, собиравшихся в соседней с залой приемной гостиной супруги Б. В. Штюрмера.

Заседания открывались Б. В. Штюрмером, резюмировавшим, для ознакомления новых членов кружка, результат предыдущих прений по тому или другому затронутому вопросу, а затем он уже руководил дальнейшим ходом прений и отражал в своем заключительном слове постановление большинства. Делая ранее характеристику политического настроения правых кружков в первый период войны и обрисовывая борьбу министров правого крыла совета министров с господствовавшими в то время течениями в направлении государственной внутренней политики, ставки вел. кн. Николая Николаевича, я уже оттенил, насколько нервно относились влиятельные правые круги к стремлению его высочества итти по пути сближения с Государственной Думой в осуществлении ее начинаний по вопросам, вызванным военными обстоятельствами, к его политике управления Галицийскою областью и к его мероприятиям в связи с его воззванием к полякам. В виду этого причинами, вызвавшими к жизни учреждение политического салона Б. В. Штюрмера и явилось общее стремле-

ние правых политических деятелей, которое воспринял г. Штюрмер, к объединению на почве обмена взглядов и осуществления их по вопросам текущего момента, заставлявшим принять ту или другую оборонительную позицию в интересах отстаивания территориальной и политической целости России, установленного образа правления и сложившегося правопорядка управления.

Вопросы, которые при мне обсуждались, при особом интересе к ним кружка и живом обмене мнений, касались отношения к Польше в связи с воззванием вел. кн. Николая Николаевича, нашей политики в Галиции и Финляндии, роли Государственной Думы и союзов городского и земского, как кадров общественной опозиции существовавшему государственному строю, связи их с армией, настроения населения империи в связи с антидинастическим движением и правительственными мероприятиями и взаимоотношения военных и гражданских властей в деле управления страною. Доклады эти разнообразились делаемыми сообщениями приезжавших из провинции видных правых местных деятелей. В одном из заседаний ген. Селиванов сделал нам подробный очерк военных действий, о состоянии армии в связи с осадой и взятием им Перемышля, в другом — преосвященный Евлогий обрисовал результаты либеральной политики галицийского генерал-губернатора гр. Бобринского в деле закрепления православных начал в Галиции и отношения Бобринского к униатскому митрополиту Шептицкому.

Темы, затрагиваемые на этих собраниях, возбуждали настолько живой и нервный к ним интерес членов кружка, что некоторым вопросам был посвящен целый ряд заседаний. Так в особенности общее внимание остановил польский вопрос, вызвавший горячий обмен мнений. Вопрос этот был подвергнут самой всесторонней дебатировке всех господствовавших в ту пору мнений, в том числе и взгляда московского самаринского кружка, с ознакомлением с материалами, имевшимися в распоряжении правительства, с точкой зрения отдельных членов кабинета по этому предмету. В конечном выводе большинство членов кружка пришло к тому заключению, что воззвание великого князя, как верховного главнокомандующего, как по форме издания его, так и по содержанию своему, не является манифестом или государственным, в установленном порядке изданным, актом, налагающим на корону обязанность признать совершившимся фактом объявление политической независимости Польши, требующим дальнейшего его осуществления, а лишь обязует правительство принять во внимание точку зрения великого князя при рассмотрении польского вопроса во всей его совокупности для законного направления своего по этому поводу определения. С этим взглядом не был согласен кн. Ал. Ширинский-Шихматов, видевший в воззвании великого

князя как бы вексель верховной власти, подлежащий немедленно оплате. Затем доклад еп. Евлогия и доходившие до Петрограда сведения о противодействии галицийского генерал-губернатора гр. Бобринского стремлениям еп. Евлогия, поддерживаемого в своих мероприятих св. синодом, присоединить униатские приходы к православию, вызвал общий вопрос о несоответствии вообще всей внутренней политики гр. Бобринского, поддерживаемого верховною ставкою, видам обрусения и слияния этой новой области с коренной Россией.

Далее, усиливавшееся в армии значение Государственной Думы во время войны и установленная ею и союзными общественными организациями связь с действующими на театре войны войсковыми частями и доложенные мною сведения, вынесенные мною из своих путевых впечатлений по объездам внутреннего района России, и начавшееся в стране антидинастическое движение, остановили на себе внимание кружка для воздействия на правительство в смысле поворота курса правительственной политики и усиления на местах наблюдения за означенными союзами, их съездами, частными собраниями и постепенным органичением деятельности этих организаций с возложением функционирования этих учреждений на правительственные органы.

Обращаясь к положению дел в Финляндии, кружок находил необходимость не изменять курса правительственной политики в этой области и стоял за неуклонное требование выполнения населением Финляндии наравне с жителями России натуральной и денежной на нужды войны повинности. Наконец, выслушав доклад кн. Оболенского об умалении власти высших на местах административных чинов, явившихся в период войны исполнительными лишь органами военного окружного начальства, зачастую идущего вразрез с начинаниями краевой администрации или директивами министерств, кружок признал нужным, в интересах объединения внутренней политики в лице министра внутренних дел, стремиться к урегулироваию взаимоотношений местных административных органов гражданской и военной властей, не нарушая закона путем передоверия военною властью своих функций по военному положению гражданской власти и к установлению связи министра внутренних дел с высшими представителями окружной военной власти. Выносимые на этих частных совещаниях постановления передавались в форме пожеланий через особо избираемых каждый раз депутатов из видных представителей кружка председателю совета министров И. Л. Горемыкину, интересовавшемуся работами кружка и содействовавшему ему в его начинаниях, соответствующим министрам, принадлежавшим по своим политическим взглядам к правому направлению и, через Б. В. Штюрмера, гр. Фредериксу, которого Б. В. Штюрмер держал в курсе взглядов своего салона. Отражение взглядов этого

кружка сказалось в некоторых правительственных мероприятих того времени, в ревизионном объезде Галиции, в отпуске кредитов на поддержание православного духовенства в Галиции и на создание там церковно-приходских школ, в стремлении ввести деятельность союзных учреждений в рамки устава и пр.

Значение политического салона Б. В. Штюрмера не могло, конечно, не выдвинуть его имя, как политического деятеля, стоявшего настраже охраны монархических устоев, и его деятельность не могла не вызвать внимания к нему со стороны высоких сфер. Но, с другой стороны, мне было известно, что, несмотря на многие делаемые Б. В. Штюрмером до сего попытки вернуться к активной деятельности по министерству внутренних дел и даже поддержку, оказанную ему в этом отношении кн. Мещерским, выставлявшим его кандидатуру в последнее время на пост обер-прокурора св. синода, тем не менее, вопрос о привлечении его в состав кабинета оставался до сего времени открытым, хотя Б. В. Штюрмер и его жена в этот уже период и познакомились с Распутиным. Поэтому я подверг Мануйлова подробному опросу, каким образом прошла кандидатура Штюрмера, вполне сознавая ту роль, которую в данном деле должен был сыграть Манусевич-Мануйлов, давний знакомый, еще со времени исполнения Штюрмером должности директора департамента общих дел министерства внутренних дел, как самого Штюрмера и его супруги, так и сыновей Штюрмера, в особенности младшего — Владимира, которому Мануйлов оказал много услуг; в этом сознании меня укрепляло и то, что Штюрмер, как я хорошо знал, до сего времени с владыкой митрополитом Питиримом знаком не был и только по приезде владыки в Петроград обменялся с ним визитом. Тогда Мануйлов мне рассказал, что, будучи тесно связан нитями старых хороших отношений с семьею Штюрмера и зная о его давнишнем желании проникнуть к активной власти, он, пользуясь благорасположением к себе владыки митрополита Питирима, когда последний сообщил ему о недовольстве августейшей императрицы деятельностью И. Л. Горемыкина и о колебаниях в выборе ему преемника, позволил себе, видя затруднительное положение владыки, еще недостаточно вошедшего в курс петроградской политической жизни, рекомендовать его вниманию Б. В. Штюрмера, выставив в его пользу все те доводы, которые он привел мне, и ручаясь за него, как за человека, который в своей программной деятельности будет держаться советов владыки, направленных к обеспечению интересов трона. Владыка заинтересовался личностью Б. В. Штюрмера, виделся с ним и после нескольких разговоров, оставивших на него хорошее впечатление, решил рекомендовать его вниманию императрицы, А. А. Вырубовой и Распутина. После этого он, Мануйлов, очень подробно, по просьбе Штюрмера, поговорил с Распутиным, которому и до того неоднократно оттенял

значение услуг, оказываемых Штюрмером правому делу. Когда Распутин, посоветовавшись с владыкой, решил поддержать своим влиянием во дворце Штюрмера и высказал пожелание с ним поближе сойтись, но так, чтобы об этом никто не знал, то Мануйлов условился со Штюрмером и Распутиным назначить его свидание на квартире у своей знакомой г-жи Лерма; свидание это должно было состояться в день моего разговора с Мануйловым. Когда же я Мануйлову сделал упрек в том, что он держал от меня в секрете все свои предположения о Штюрмере и не содействовал видам А. Н. Хвостова, то на это Мануйлов, извинившись, ответил мне, что не верит А. Н. Хвостову и его расположению ко мне, имея к тому много причин, и что мне лично будет гораздо лучше при Штюрмере, который относится ко мне с большим доверием и расположением, надеется, что и ему, в случае его назначения, я буду помогать, исполнит все мои пожелания в смысле моего служебного обеспечения и даже рад был бы со мною лично теперь же по этому поводу поговорить и просить моего содействия к его назначению.

Такой оборот дела явился для меня неожиданным выходом из создавшегося тупика в деле планов А. Н. Хвостова относительно Распутина, так как А. Н. Хвостов, как мне казалось, должен будет не только временно отвлечь свое внимание от Распутина, дабы пережить свое разочарование в неисполнении своих карьерных надежд, но даже постараться снова войти в близкое с ним сближение, так как из этого назначения Штюрмера для него должно было стать очевидным, что он еще не вполне заручился прочным к себе доверием со стороны императрицы. Затем, зная Б. В. Штюрмера и его давнишние симпатии к ведомству министерства внутренних дел и стремление вернуться в него, я хорошо понимал, что Б. В. Штюрмер не примирится с ролью премьера без реальной власти и, как ближайший и любимый сотрудник Плеве, знавший, какими тайниками осведомленности и полнотою власти владеет министр внутренних дел, бесспорно приложит все усилия к получению еще и портфеля министра внутренних дел. Поэтому я предвидел борьбу Штюрмера с А. Н. Хвостовым и, оценивая соотношение сил, видел перевес на стороне Штюрмера, имевшего большие и влиятельные знакомства, хорошо знавшего прошлое министерства внутренних дел, в составе чинов которого у него было много знакомых, могущих снабжать его необходимыми ему сведениями, заручившегося влиятельной поддержкой владыки, который после упомянутого мною случая с недоверием относился к А. Н. Хвостову, и искушенного опытом жизни человека. В виду этого я решил выждать дальнейших событий. Но, вместе с тем, отклонив предложение Штюрмера с ним видеться в этот период, я поручил Мануйлову передать Штюрмеру, что я ценю его расположение к себе, буду способствовать его упрочению и держать

его в курсе всех данных, мною получаемых по разного рода вопросам, и надеюсь, что и он, с своей стороны, будет дарить меня своим вниманием; затем я попросил Мануйлова все время меня посвящать в подробности прохождения кандидатуры Штюрмера. Помимо этого я вызвал к себе ген. Глобачева и поручил ему проверить точно, путем наблюдения, состоится ли на квартире Лерма указанное мне Мануйловым свидание Штюрмера с Распутиным. Не желая скрывать от А. Н. Хвостова провал его кандидатуры на пост премьера, я доложил ему о предстоящем назначении Штюрмера и о той роли, какую сыграли в этом деле владыка митрополит, Распутин и Мануйлов.

Когда я об этом передал Хвостову, он снова начал обвинять меня в моем излишнем доверии к Мануйлову, припомнил мне преждевременный выпуск Пеца, которым мы могли держать в своих руках Мануйлова, и указал мне, что если бы я своевременно устранил Распутина, то все бы планы его были осуществлены. Это меня задело; я, в свою очередь, дал понять Хвостову, что он сам виновать как в своем поведении с митрополитом, так и относительно Распутина, последствием чего и явилось их недоверие к нему, так как даже с исчезновением Распутина влияние и значение владыки увеличилось бы; при этом я добавил, что раз у него явилось чувство недоверия ко мне, то я дальше оставаться на службе не считаю себя вправе и прошу его только об одном, устроить мне обратное возвращение в тот же департамент сената, где я был, что ему легко сделать при его родстве с министром юстиции. А. Н. Хвостов начал меня успокаивать, говоря, что он дорожит моим сотрудничеством и что если это известие несколько его вывело из равновесия, то я должен понять его душевное состояние. Хотя с внешней стороны после этого А. Н. Хвостов и старался взять старый тон в разговоре со мною, но с этого момента наши отношения определились.

На другой день Глобачев мне доложил что, действительно, в указанный мною час свидание Распутина с Штюрмером состоялось, и спросил меня, отметить ли его в филерной сводке, на что ему дал утвердительный ответ, желая этим путем закрепить этот факт. Затем пришел ко мне Мануйлов и рассказал, что свидание привело к благоприятному результату начатое им дело; Штюрмер просил Распутина оказать ему поддержку своим за него предстательством пред императрицей и государем, интересам которых он будет служить со всею своею преданностью, обещал с своей стороны, советоваться с ним, Распутиным, по делам, имеющим важное значение для трона, и просил его верить, что он, Распутин, всегда будет иметь в его лице друга, который будет итти навстречу всем его пожеланиям; после этого они расцеловались, и, прощаясь, Распутин добавил, что надо обдумать, как бы лучше провести это дело у государя. Штюрмер, по словам Мануйлова, зашел затем

к нему на квартиру, был в восторге от благополучного исхода дела, сердечно благодарил Мануйлова за его поддержку, расцеловался с ним и заверил его, что он отнесется к нему, если осуществится его назначение, как к родному сыну, и устроит его согласно его пожеланий. Результатом всех дальнейших свиданий с владыкой, поездки последнего к императрице и предварительного выезда в Царское Село Распутина явилась необходимость поездки митрополита в ставку, под видом его доклада по св. синоду для проведения, дополнительно к письмам императрицы и Распутина, кадидатуры Штюрмера, о чем меня поставил в известность Мануйлов, предупредив, чтобы я не обнаружил владыке мою осведомленность во всем ходе этого дела. Действительно, после получения из ставки согласия государя на прием владыки, последний по телефону обратился ко мне с просьбой об устройстве ему особого вагона для его служебного выезда в ставку, о выдаче пропускных разрешительных свидетельств лицам, его сопровождавшим в этой поездке, и о принятии мер к благополучному его проследованию и к обратному возвращению в Петроград, а затем пришли ко мне лаврский архимандрит и секретарь митрополита для получения пропускных свидетельств.

Желая подчеркнуть свое внимание к владыке, я поручил одному из жандармских железнодорожных офицеров сопровождать с нижними чинами владыку в дороге, дал ряд телеграфных распоряжений по линии проезда и в Могилев не только жандармским чинам, но губернатору и преосвященному Константину о времени приезда владыки, и поставил об этом в известность Воейкова. Затем сам, в день отъезда владыки, прибыл на вокзал для провода его, спросил у него, всем ли он доволен. В разговоре со мною владыка, не открывая мне фамилии, спросил, не вызовет ли каких-нибудь разговоров замена Горемыкина лицом с иностранной фамилией, на что я ответил владыке уклончиво в том, приблизительно, смысле, что в данном случае имеет значение не фамилия, а личность и деятельность заместителя Горемыкина. Обо всем этом я в подробностях передал А. Н. Хвостову; не знаю, принял ли он и какие меры к парализованию влияния владыки, но все-таки эта поездка, вне всяких разговоров об имени Штюрмера, вызвала сама по себе много шума; Воейков, как мне потом передавали, к этому приезду владыки отнесся несколько враждебно. Но тем не менее, из того же источника — Мануйлова — я узнал, что государь был с владыкой внимателен, и что вопрос о смене премьера будет решон по возвращении государя в Петроград.

Действительно, когда его величество прибыл в Царское Село, то Мануйлов, по возвращении Распутина из дворца, узнал от него о согласии государя на назначение Штюрмера и о назначении Штюрмеру аудиенции для переговоров по этому поводу, передал об этом мне, а я сообщил А. Н. Хвостову. Затем, жалея И. Л. Горе-

мыкина и желая дать ему возможность самому предупредить неожиданность ухода с поста, я поехал к нему и, прося держать в тайне от Штюрмера, сообщил ему о назначении последнего, не указывая ни источников моей осведомленности, ни подробностей проведения кандидатуры Штюрмера. К этому моему сообщению И. Л. Горемыкин отнесся с большим недоверием, сказав мне, что я введен в заблуждение, так как он не имеет никаких поводов сомневаться в доверии к нему августейших особ, что в тот день, на который я ему сказал, ему назначен государем официальный доклад по вопросам, по которым он получил от его величества особые директивы; при этом, касаясь Б. В. Штюрмера, И. Л. Горемыкин сообщил мне, что он с ним в старых дружеских отношениях, что Штюрмер вместе с женою, особенно за последний период, сблизились с ним и почти ежедневно у него бывают и что желания Б. В. Штюрмера далее получения должности обер-прокурора св. синода не идут, о чем сам Штюрмер поставил его в известность, прося его поддержки. На это я посоветовал И. Л. Горемыкину послать кого-нибудь на вокзал ко времени отъезда Штюрмера в Царское Село и затем проверить, прав ли я.

На другой день, в 3 часа, Штюрмер был принят государем и вернулся премьером, а Горемыкин был в 5 ч. с докладом, который длился не более 20 минут, и вернулся домой, узнав уже лично от государя о своем уходе. Когда я на другой день утром, по опубликовании соответствующих указов, заехал к И. Л. Горемыкину, то мне грустно было видеть, насколько тяжело было ему перенести этот удар. Кн. Андроников к уходу Горемыкина отнесся с большим сожалением, что и высказал мне, позвонив ко мне по телефону, но тут же добавил, что Горемыкин сам виноват в этом, потому что во многом не хотел следовать его советам. Затем князь, зная о доброжелательном отношении ко мне Штюрмера, просил меня, в личное одолжение, устроить ему особый прием у Штюрмера, заранее ознакомив Штюрмера с значением его как человека, могущего быть Штюрмеру полезным, в виду его большой осведомленности и знакомства, — что я и исполнил, передав князю о времени представления его Штюрмеру вне общего приема. Кн. Андроников остался доволен знаками внимания, оказанными ему Штюрмером и благодарил меня.

19.

[Штюрмер благодарит Белецкого за благожелательное отношение к его назначению. «Вступные деньги» Распутину и секретарю Питирима. Назначение Манасевича-Мануйлова. Мануйлов налаживает канцелярию Распутина и выдвигает кандидатуру полк. Резанова на пост директора департамента полиции. Желание Мануйлова занять пост заграничного представителя департамента. Намерение Штюрмера сместить А. Н. Хвостова и контр-интрига Хвостова. Карьера Гурлянда и роль его при Штюрмере. Изменение отношений А. Н. Хвостова и Белецкого. Продолжение их совместных поездок к Распутину.]

Как только Штюрмер был назначен, то он попросил меня к себе, принял меня самым любезным образом, расцеловался, поблагодарил меня за проявленное мною благожелательное отношение к его назначению, просил меня неослабно держать его в курсе всех получаемых мною сведений как служебного характера, так и частных, представлять ему данные о думских настроениях, продолжать политику доброжелательства к Распутину, одобрил меры, принятые мною в отношении охраны Распутина и в предупреждение возможности публичных его выступлений заявил, что с владыкой, А. А. Вырубовой и императрицей он будет сам поддерживать непрерывные отношения, спросил сколько мы дали вступных денег Распутину и секретарю владыки митрополита, и узнав, что Распутину мы дали вначале по 1.500 руб. каждый и секретарю 300 р., сообщил мне, что пока еще ему неудобно обращаться за справками к Лодыженскому, не приняв должности от Горемыкина, о безотчетных кредитах, находящихся в распоряжении председателя, в виду чего я предложил ему взять из нашего фонда необходимую ему на первых порах сумму и затем, с ведома А. Н. Хвостова, передал Штюрмеру, согласно его желанию, на следующий день 2.000 р. Затем Штюрмер попросил до его переезда в служебную квартиру дать ему курьеров и согласился на мое предложение командировать ему отдельного охранного офицера с особой филерской командой, чтобы, пока не выедет из служебного помещения Горемыкин, не лишать последнего той обстановки, которая заведена в доме председателя, что мною и было исполнено сейчас же путем распоряжения, отданного ген. Глобачеву.

Потом Штюрмер расспросил меня, какие обязанности нес при мне Мануйлов, и, выслушав мой доклад по этому поводу, сказал мне, что он хотел бы что-нибудь сделать для Мануйлова. Вследствие этого я предложил ему увеличить Мануйлову получаемый им от меня денежный отпуск, указав на то, что Мануйлов, видимо, будет обслуживать и его, Штюрмера, имеющимися у него сведениями как из редакции «Вечернего» и «Нового Времени», так, в особенности, о всем том, что касается митрополита и Распутина; но я при этом высказался против желания Штюрмера привлечь Мануйлова на государственную службу и даже затем, при свидании с Мануйловым, лично отговаривал его от этого, указывая, что этим путем он ставит себя в зависимое от Штюрмера положение, а при шаткости министерских карьер может лишиться частного заработка, дававшего ему, по словам Мануйлова, до 18 тыс. руб. в год. Хотя впоследствии назначение Мануйлова состоялось по настоянию самого Мануйлова, в силу просьбы Штюрмера к А. Н. Хвостову, лично отдавшему приказ по департаменту общих дел о причислении Мануйлова к министерству с откомандированием в распоряжение председателя совета, но я и после этого указал Мануйлову, в присутствии Комиссарова, что он сделал в этом отношении ошибку, так как этим вооружил против себя всю секретарскую часть председателя совета. В заключение Штюрмер просил меня посещать его, в особенности на первое время, как можно чаще, охраняя его интересы и, еще раз поблагодарив меня, заявил, что он, в свою очередь, приложит все усилия служебно меня обеспечить, согласно моему желанию, о чем ему сообщил Мануйлов, которого он просил передать мне об этом. Действительно, Мануйлов, накануне назначения Штюрмера, мне сказал, что Штюрмер проведет меня в члены государственного совета с оставлением товарищем министра внутренних дел.

Мануйлов с первых же дней вступил в исполнение секретарских обязанностей при Штюрмере, всюду его сопровождал на служебном автомобиле, умел за этот период проникнуть в дом А. А. Вырубовой, завел пишущую машинку и переписчицу на квартире Распутина, что доставило большое удовольствие Распутину, и установил регулярное сношение Распутина с А. А. Вырубовой путем посылки ей, преимущественно через кого-нибудь из домашних Распутина, чаще всего через сестру милосердия Акилину, написанных на машинке, под диктовку Мануйлова, всякого рода сообщений в интересах Штюрмера и владыки, под коими Распутин, ставя наверху знак +, расписывался. Эта форма докладов нравилась и во дворце, как передавал мне Мануйлов, и императрица некоторые из них посылала в ставку государю. Свое значение при Штюрмере Мануйлов сумел, где нужно, соответствующим образом муссировать, заручился согласием редакторов двух названных газет оставить его у себя на службе, вошел

в самые близкие отношения с гр. Боргом и утром, переговорив с Распутиным или с Акилиной, приняв затем Осипенко, которого совершенно подавил своим авторитетом, и гр. Борга,—был в курсе всех новостей и по телефону передавал мне то, что находил, конечно, возможным мне сообщать, а затем, как мне говорил Комиссаров, заезжавший к нему по моей просьбе, делал приемы у себя просителей.

Несколько изучив Мануйлова, благодаря постоянным предупреждениям Комиссарова и увидев его в роли доверенного близкого Штюрмеру лица, я понял, что Мануйлов, конечно, имеет свои цели, стремясь причислиться к министерству внутренних дел. Действительно, через некоторое время Мануйлов завел разговор о необходимости для меня, в целях облегчения моей работы при неопытном еще вице-директоре особого отдела взять знающего розыск директора департамента полиции, и, когда я отклонил выставленную им кандидатуру ген. Спиридовича, то он предложил мне познакомиться с полк. Резановым, великолепно владеющим пером, приобревшим известность по своим литературным трудам о немецком шпионаже и по своей розыскной деятельности в Прибалтийском крае, членом комиссии ген. Батюшина. При этом Мануйлов оттенил, что полк. Резанова знает лично и хорошо к нему относится не только ген. Рузский, но и ген. Алексеев, и затем меня с ним познакомил. Узнав о хорошем впечатлении, которое произвел на меня полк. Резанов при первом моем свидании с ним, и выслушав от меня, что, в данном случае, мне нужно считаться с А. Н. Хвостовым, Мануйлов мне дал понять, что Штюрмер не считает А. Н. Хвостова отвечающим занимаемому им положению министра и с каждым днем убеждается в необходимости в настоящее тяжелое время сосредоточить, по примеру Столыпина, в своих руках власть министра внутренних дел, и что, при таких условиях, вопрос с назначении Резанова можно будет провести легко при Штюрмере, при нашей взаимной поддержке Резанова. Что же касается его, Мануйлова, то он будет, после назначения Резанова, меня усиленно просить назначить его снова заграничным нашим представителем вместо Красильникова, обещая, пользуясь своими старыми знакомствами и имея некоторый круг новых знакомств в среде французских и английских журналистов, быть полезным правительству в освещении не только специальной области, интересующей департамент полиции, но и в более широкой политической осведомленности Штюрмера относительно планов воюющих с нами держав. Отложив разрешение этого вопроса на будущее время, я увидел, что мое предположение относительно затаенных пожеланий Штюрмера правильно; поэтому меня начало интересовать как поведение в этом вопросе Штюрмера, так и А. Н. Хвостова.

Из приведенных мною ранее двух случаев уступок А. Н. Хвостовым, сделанных, как министром внутренних дел, я понял, что А. Н. Хвостов предполагает, путем дальнейшего заманивания Штюрмера в сферу распорядительных действий по министерству внутренних дел, дать возможность Штюрмеру ясно обнаружить свое намерение узурпировать положение министра внутренних дел и на этой почве, в соответствующем освещении при всеподданнейшем докладе, сделать Штюрмера ответственным за изменение политики министерства в крупных вопросах, в особенности в отношении Государственной Думы и вопросах национально-религиозных, так как А. Н. Хвостов убедил Штюрмера принимать доклады по министерству внутренних дел не только от начальника главного управления по делам местного хозяйства, обычно им делаемых председателю совета, в виду сферы наблюдения этим установлением за городами и земствами, но и от директора департамента общих дел и директора департамента духовных дел иностранных исповеданий. Затем А. Н. Хвостов любезно предложил Штюрмеру сделать общий прием высших чинов министерства и сказать им ободряющее слово, чего до сих пор не делал ни один председатель совета министров. После того, как этот прием состоялся, и Б. В. Штюрмер в своей речи оттенил свое постоянное тяготение к министерству внутренних дел, то об этом приеме пошли настолько положительного характера разговоры об ярко проявленном желании Штюрмера взять портфель министра внутренних дел, что я счел своим долгом предупредить об этом Штюрмера и открыть ему глаза на действия А. Н. Хвостова.

Мой доклад разволновал Б. В. Штюрмера, и он попросил меня найти какой-либо выход из этого положения; тогда я посоветовал принять в таком же приеме не у себя, а в каждом ведомстве отдельно, также всех высших чинов этих ведомств и, таким образом, оттенить, с одной стороны, внимание к каждому ведомству и желание поближе, как председатель совета, войти в общение с руководителями отделов каждого министерства, с другой стороны, доложив об этом в первом очередном докладе государю, тем самым предупредить возможность неточного освещения А. Н. Хвостовым мотивов приема им, Штюрмером, чинов министерства внутренних дел. Эта мысль Б. В. Штюрмеру понравилась, но, не зная, как ее осуществить, он попросил меня взять на себя переговоры с отдельными министрами, чтобы они сами обратились к нему с подобного рода предложениями. Тогда я переговорил по этому поводу с Волжиным, Наумовым, Сазоновым, которые предложили Штюрмеру представить ему своих высших чинов, после чего остальные министры пошли уже по следам этих министров. Вместе с тем, А. Н. Хвостов воспользовался близким к Штюрмеру человеком — своим старым знакомым Гурляндом, которого и откомандировал почти всецело в распоряжение Штюрмера, под видом

доброжелательства своего к последнему, для правильного освещения в прессе взглядов и начинаний Штюрмера как главы правительства; при этом А. Н. Хвостов, не прерывая своих ежедневных свиданий с Гурляндом, убедил Гурлянда в своем стремлении итти рука об руку со Штюрмером. Если Гурлянд был обязан Штюрмеру своей карьерой по министерству внутренних дел, то, в свою очередь, Штюрмер был во многом отношении обязан Гурлянду, и между ними и их семьями была старая и крепкая связь, начавшаяся еще в бытность Штюрмера ярославским губернатором, когда Гурлянд, состоя приват-доцентом ярославского демидовского лицея, составлял Штюрмеру всеподданнейшие отчеты и памятные записки по многим вопросам, в особенности по старообрядческому. Записки эти, в свою пору, останавливали на себя внимание государя Александра III, Плеве, святейшего синода, кружка кн. Мещерского и заставляли говорить о Штюрмере как о выдающемся администраторе, умеющем сочетать в себе силу воли и твердости с проявлением интереса к вопросам государственной важности, освещая их с точки зрения защиты государственных устоев и обнаруживая знание истории предмета и знакомства с практикою европейских государств. Для тех же работ Гурлянд был приглашен Штюрмером в департамент общих дел, а затем впоследствии, по рекомендации Штюрмера, был ближайшим сотрудником С. Е. Крыжановского, как по составлению изменения положения о выборах в Государственную Думу, так и по работам по выборам в 3-ю Гос. Думу, а, по уходе Крыжановского, и в 4-ю Государственную Думу. Вместе с тем Гурлянд, по заданиям Крыжановского, подготовил справочный, законодательного и исторического характера материал для выступлений министра внутренних дел в Государственной Думе.

Гурлянд оставался в роли ближайшего советника Штюрмера по делам внутренней политики и личного друга семьи с первых же дней вступления Штюрмера на пост премьера до дня оставления Штюрмером своей должности, несмотря на то, что гр. Борх и Манасевич-Мануйлов, видя усиливавшееся с каждым днем влияние на Штюрмера Гурлянда, во многом расходившегося с их советами и способствовавшего отдалению Штюрмером Мануйлова, убедили впоследствии владыку, А. А. Вырубову и Распутина в том, что виной перемены к ним Штюрмера и общего неудовольствия его деятельностью, в особенности со стороны Государственной Думы, является Гурлянд, взглядами и мыслями которого Штюрмер тогда был загипнотизирован. При этом они обвиняли Гурлянда в том, что он, злоупотребляя доверием к нему со стороны Штюрмера, сблизился с покойным финансовым деятелем Утиным и при его посредстве устроил завидное в материальном отношении служебное положение своего брата, присяжного поверенного, в разного рода акционерных и банковских предприятиях и сам значительно увеличил свое состояние, войдя членом правления, с крупным вкла-

дом, в некоторые частные общества и выгодно помещая свой капитал в биржевую игру через банк Утина, что давало в этом отношении пищу для всякого рода копрометирующих Штюрмера слухов. В виду этого митрополит, Вырубова и Распутин сначала сами настаивали у Штюрмера на удалении Гурлянда, а затем, несмотря на свидания Гурлянда с Распутиным, как последний, так и означенные лица добились того, что императрица лично предложила Штюрмеру удалить от себя Гурлянда. Хотя после этого посещения Гурляндом Штюрмера сделались редки, тем не менее, судя по словам Борха и Мануйлова, влияние Гурлянда продолжалось, и Штюрмер всегда в затруднительных случаях обращался по телефону за советами к Гурлянду.

Кроме Гурлянда с первых же дней вступления Штюрмера в должность им был вызван, с ведома Хвостова, владимирский вице-губернатор гр. Борх, старый друг и как бы член семьи Штюрмера, с молодых лет сблизившийся со Штюрмером, состоя у него правителем его канцелярии и советником губернского правления и получив при его содействии должность вице-губернатора. Под наблюдением гр. Борха находился и второй сын Штюрмера, доставлявший много горя Штюрмеру и его семье. Гр. Борх, действительно, был привязан к семье Штюрмера и, оставшись при нем, старался, везде бывая, узнавать общественные толки и разговоры, касавшиеся Штюрмера или ему интересные, передавал их Штюрмеру и предупреждал его о тех или других ошибках, прибегая в этом отношении зачастую к влиянию на Штюрмера его жены, как мне передавал Мануйлов и говорил сам гр. Борх. Получив сначала, благодаря Штюрмеру, должность чиновника особых поручений 4 кл. при министре внутренних дел и затем, по назначении Штюрмера министром внутренних дел, гр. Борх, в интересах Штюрмера, сблизился с Мануйловым, Осипенко, бывал у меня, познакомился с Комиссаровым, вошел в общение с Распутиным и везде старался все разузнать и быть в курсе всех новостей. Я и Комиссаров сразу поняли его роль и, в свою очередь, в нужных случаях умели узнавать у него интересовавшие нас сведения.

Действуя в интересах Штюрмера, гр. Борх с первого же момента своего появления у Штюрмера, всей своей, еще тогда не замаскированной любознательностью старался собрать для Штюрмера возможно больше материала для борьбы с А. Н. Хвостовым. С своей стороны, и А. Н. Хвостов, собирая сведения о прошлом Штюрмера и будучи в курсе, благодаря Гурлянду, многих данных о первых начинаниях Штюрмера, стал также интересоваться личностью гр. Борха, его прошлым и занялся обследованием возникшей, в отсутствие гр. Борха, перепиской об его покровительственном отношении к водворенной в губернию за германофильство семье (фамилии не помню), желая в соответствующий момент борьбы со Штюрмером ее нужным образом использовать. Об этом

гр. Борх узнал и вследствие этого еще больше озлобился на А. Н. Хвостова.

В разгаре этой борьбы Штюрмера и А. Н. Хвостова мои личные отношения с А. Н. Хвостовым наружно как бы оставались те же, но свидания наши ограничивались официальными часами, причем иногда А. Н. Хвостов заставлял меня ждать очереди докладов, чего раньше не было. Поэтому я зачастую ограничивался докладами по телефону, и тогда он сам начинал приглашать меня к себе; совместные же наши поездки на свидание с Распутиным, хотя и не такие регулярные как прежде, продолжались, причем А. Н. Хвостов принял снова в разговоре с Распутиным деловой тон, не давая повода Распутину своим отрицательным отношением к Штюрмеру заподозрить свое чувство недовольства за назначение его.

20.

[А. Н. Хвостов не оставляет мысли об убийстве Распутина. Появление Торопова среди посетителей Распутина. Дело Ржевского. Арест Ржевского. Приобщение к делу письма Ржевского к А. Н. Хвостову. Изготовление Глобачевым и Комиссаровым, по поручению Белецкого, записки о Распутине для доклада царю через Хвостова. Хвостов обещает это сделать, но не делает. Белецкий узнает о своем назначении иркутским генерал-губернатором. Наступление Белецкого на Хвостова. Расследование дела Ржевского. Подготовка Штюрмером декларации в Государственной Думе.]

Воспользовавшись однажды запозданием Хвостова, я спросил Распутина, по каким основаниям он не мог провести кандидатуры А. Н. Хвостова на пост председателя. На это Распутин, улыбнувшись вначале, ответил: «Что больно много сразу хочет А. Н. Хвостов; пусть не горячится, все будет в свою пору». То впечатление, которое я выносил из настроения А. Н. Хвостова во время этих свиданий и после из докладов Комиссарова, сделавшегося почти ежедневным посетителем кабинета А. Н. Хвостова, заставило меня изменить свое первоначальное мнение о том, что А. Н. Хвостов забыл на время свой план ликвидации Распутина, а показало, что, наоборот, он еще более озлобился против Распутина и стал настоятельно требовать от Комиссарова скорейшего осуществления этого дела. Вместе с тем, наблюдая за приближавшимися к Распутину лицами, я заметил, что Распутина стал посещать прибывший из Москвы дворянин Торопов, когда я еще был директором департамента полиции несколько раз являвшийся ко мне с просьбой о предоставлении ему должности в департаменте полиции. При этом он каждый раз старался иметь разговор со мною наедине, а затем, облекая в таинственную форму источник своей осведомленности, предупреждая меня о предстоящих террористических актах высокой важности, давал мне понять, что он в свое время пред поездкой Столыпина в Киев являлся к нему с советом не ехать, предупреждая о готовящемся в Киеве покушении на его жизнь. Затем Торопов намекал мне на свое близкое участие в деле партийной борьбы с революцией в Москве, когда был убит депутат Иоллос, и на то, что он постоянно, не откры-

вая своей агентуры, в серьезных случаях предупреждал и предупреждает начальника московского охранного отделения. Хотя Торопов, судя по университетскому значку, и получил высший образовательный ценз, но на меня он производил впечатление несерьезного человека и несколько неуравновешенного; поэтому я под благовидными предлогами отказывал ему в приеме в департамент. Затем, после возвращения А. Н. Хвостова из вторичной поездки его в Москву, с ним вместе появился в Петрограде Торопов, который, придя ко мне на следующий день на Морскую, потребовал от секретаря внеочередного у меня приема, как имеющий секретное поручение от министра. Перед этим Торопов явился ко мне в качестве одного из участников монархического съезда и также таинственно мне передал о сильном антидинастическом течении в стране, о существующем заговоре в Москве по поводу нападения на императрицу и насильственного заточения ее в монастырь и т. п.

Когда я принял в этот раз Торопова, то он мне сообщил, что он виделся в Москве и долго беседовал о современном политическом состоянии России с А. Н. Хвостовым, которого давно знает и считает единственным оплотом самодержавных начал, могущим в настоящее время спасти династию, и что во многое то, что ему известно, он посвятил А. Н. Хвостова и получил от него предложение занять должность чиновника особых поручений при департаменте полиции с большим окладом (не помню уже на какую цифру оценил свои предстоящие услуги), с тем, чтобы состоять по личным поручениям А. Н. Хвостова, в виду чего он, Торопов, для оформления своего назначения, явился ко мне. Удивившись, что А. Н. Хвостов мог без меня, чего он раньше не делал, дать такое согласие Торопову и думая, что Торопов несколько преувеличил простой акт любезного внимания, оказанного ему А. Н. Хвостовым в Москве, я заявил Торопову, что я переговорю с министром внутренних дел по этому поводу и что, во всяком случае, ему придется повременить, так как в настоящее время у меня свободных подходящих вакансий не имеется. Кроме того я добавил, что хотя я и знаю его, Торопова, политические убеждения, тем не менее, должен собрать о нем обычные сведения о благонадежности по месту его жительства, почему и рекомендовал ему ехать обратно в Москву, куда я и обещал ему прислать мой ответ. На это мне Торопов заявил, что он должен по некоторым своим делам остаться в Петрограде. Взяв из департамента соответствующую справку о Торопове, в которой компрометирующих Торопова данных не оказалось, я, тем не менее, в виду своего личного к нему отношения, решил настоять у А. Н. Хвостова на отмене его обещания Торопову должности по департаменту. Явившись к А. Н. Хвостову, я при докладе услышал от него, что он хотел бы принять Торопова на службу в департамент полиции, так как за Торопова его просили

в Москве видные представители московских монархических организаций. Но затем А. Н. Хвостов, видя мое настойчивое нежелание принять на службу Торопова, предоставил мне в этом деле полную свободу.

Из дальнейших моих наблюдений я увидел, что Распутин Тороповым сильно заинтересовался и что, благодаря Распутину, Торопов проник уже к А. А. Вырубовой. При свидании с Распутиным я узнал, что его встревожил Торопов теми же известиями об императрице, которые он передавал и мне, и что, кроме того, Торопов его также предостерегал от готовящегося на него покушения, обещая ему, по назначении его А. Н. Хвостовым в департамент полиции, обо всем, в целях охраны его, поставлять его в известность. Затем, когда я увидел А. А. Вырубову, то она мне также сообщила, что Торопов обещал ей раскрыть заговор против императрицы. В виду того, зная замыслы Хвостова и вспомнив намек Торопова на дело Иоллоса, я вывел может быть и неправильное заключение, что в стремлении Торопова заручиться доверием Распутина и А. А. Вырубовой и к нему приблизиться на почве охраны его и императрицы видна наводящая рука А. Н. Хвостова, который, бесспорно как умный человек не мог сразу не убедиться в непригодности Торопова для серьезной службы в Петрограде, и если, тем не менее, начал оказывать ему внимание, то, следовательно, преследовал какую-либо цель. Поэтому я постарался рассеять опасения А. А. Вырубовой и Распутина и заявил им, чтобы они больше не принимали Торопова как человека неуравновешенного, добавив, что я за него не ручаюсь и на службу в департамент по тем же причинам его не принимаю. Торопов после ареста Ржевского немедленно выехал из Петрограда, и больше я с ним не встречался.

На почве ареста Ржевского последовал окончательный разрыв моих отношений с А. Н. Хвостовым. Я уже показывал о том, что Ржевского я совершенно не знал, что прием его в агентуру последовал по личному желанию А. Н. Хвостова, что с первого раза Ржевский произвел на меня неприятное впечатление, в виду чего я уклонился от дачи ему каких-либо поручений, что затем, получив сведения о широком образе его жизни, не отвечающем получаемому им от департамента содержанию, приблизив к нему свою агентуру, убедился в том, что Ржевский злоупотребляет оставшимися у него на руках, по должности уполномоченного Красного Креста северо-западного района, внеочередными свидетельствами, в виду чего, пользуясь выездом Ржевского, по поручению Алексея Николаевича Хвостова, заграницу, назначил, секретно, расследование по этому поводу через заведывающего юридическим отделом штаба полк. Савицкого, который установил этот факт, последствием чего было откомандирование Ржевского от ведомства министерства внутренних дел с сообщением председателю обще-

ства Красного Креста Ильину о неблаговидных действиях Ржевского и доклад мой А. Н. Хвостову о необходимости высылки Ржевского, во избежание каких-либо неприятных осложнений для него, А. Н. Хвостова, в виду оказанного им доверия Ржевскому.

Когда Ржевский, по возвращении с своей гражданской женой из заграницы, явился к А. Н. Хвостову и узнал о результатах произведенного о нем дознания, то он пришел ко мне и стал меня умолять пощадить его, доказывая мне, что в деле выдачи свидетельств Красного Креста на внеочередную доставку грузов он действовал бескорыстно, с целью борьбы с продовольственным кризисом, переживаемым Петроградом. Затем, видя, что разговор мой с ним получает более обостренный, неприятный для него, Ржевского, оборот, желая подкупить меня своею откровенностью, он перешел на свою поездку заграницу и заявил мне, что целью его выезда заграницу было не приобретение там, как он мне заявил ранее, необходимой для открытого им литературного клуба мебели, а осуществление данного ему А. Н. Хвостовым, с приказанием держать в секрете от меня, поручения свидания с Илиодором. Так как в первоначальный период откровенного обсуждения А. Н. Хвостовым со мною и Комиссаровым разного рода планов осуществления убийства Распутина, между прочим, им была высказываема мысль о возможности сделать ответственным за это дело Илиодора, уже раз пытавшегося убить Распутина, то для меня стало вполне понятным существо возложенного А. Н. Хвостовым поручения на Ржевского, близкого ему человека, который, в бытность А. Н. Хвостова нижегородским губернатором, по словам последнего, исполнил ряд его секретных поручений, в особенности во время выборов в Государственную Думу депутата Барача, а впоследствии, содействуя Барачу в борьбе с Киллевейном, не прошедшим в 4-ю Гос. Думу, хотя при этом А. Н. Хвостов указывал, что Ржевский часто подводил его в денежном отношении. На свою работу, по указаниям А. Н. Хвостова и Барача, во время выборов в Государственную Думу по Нижегородской губернии, Ржевский также мне указал при первом своем представлении мне. Другого поручения Илиодору А. Н. Хвостов секретно от меня дать не мог, так как Илиодор внушал опасение высоким сферам, как я уже показывал, с точки зрения возможности вторичного посягательства на жизнь Распутина и в отношении издания своей книги о Распутине с обнародованием писем императрицы к Распутину; но что касается последнего вопроса, то о положении дела издания этой книги мною был представлен А. Н. Хвостову ряд докладов, удостоверявших, что выпуск этого издания отложен до окончания войны, и в таком же направлении было сообщено и А. А Вырубовой.

В виду этого, чтобы не связывать себя в своем отношении к Ржевскому, я не счел удобным выслушивать дальнейшие объяснения его о существе секретного поручения А. Н. Хвостова, прервал

Ржевского, указав ему, что он не имеет права как агент министра, облеченный его доверием, посвящать меня в дело, которое ему министром, по тем или другим соображениям, поручено вести в тайне от меня и потребовал от него объяснений по поводу представленных мне начальником штаба корпуса жандармов ген. Никольским двух донесений заведующего пропуском в Белоостров полк. Тюфяева о поведении Ржевского во время первого проезда заграницу и, по моему требованию, при возвращении его из заграницы. Эти два донесения, в связи с дознанием полк. Савицкого, подтверждали высказанное мною генералу Никольскому, при его докладе по этому поводу, мое мнение о том, что Ржевский подчеркиванием своей близости к А. Н. Хвостову и злоупотреблением его доверием только компрометирует А. Н. Хвостова. Сущность этих донесений полк. Тюфяева заключалась, насколько припоминаю, в том, что Ржевский, усмотрев в тоне требования жандармского офицера от него и жены его заграничных паспортов неуважение к нему как к лицу, состоящему в распоряжении министра внутренних дел, в доказательство чего он предъявил потом свою визитную карточку, позволил себе публично, в вагоне, угрожать офицеру, в повышенном тоне, указывая на свою близость к А. Н. Хвостову, жалобою на него А. Н. Хвостову, могущею повлечь за собою неприятные для этого офицера последствия; но офицер, считая себя обиженным, попросил Ржевского в дежурную комнату и там, несмотря на протесты Ржевского, составил по поводу этого инцидента протокол. При обратном проезде Белоострова Ржевский зашел в жандармскую дежурную комнату узнать, дано ли и какое направление этому протоколу, и когда ему было сообщено, что об этом происшествии будет сообщено в Петроград, то он порекомендовал представить переписку непосредственно министру, а не мне, так как его поездка заграницу носила характер секретного, лично ему министром отданного поручения. Указав Ржевскому на его поведение в Белоострове и подтверждение высказанного мною ему моего мнения о том, что он не умеет быть конспиративным в отношении секретных поручений, я сообщил ему, что принятого мною относительно его решения не переменю и попросил его оставить мой служебный кабинет.

После этого я обдумал линию своего дальнейшего поведения относительно Ржевского, решил поступить в этом деле в зависимости от отношения А. Н. Хвостова к моему докладу: если А. Н. Хвостов будет со мною откровенен относительно данного им Ржевскому поручения, то убедить его отказаться от услуг Ржевского, указав на то, что последний, помимо того, что будет эксплоатировать его, потребует от него не только прекращения нашего о нем расследования, но и вмешательства в возбужденное против него по Красному Кресту судебного преследования и рекомендовать А. Н. Хвостову предоставить мне провести через особое

совещание воспрещение Ржевскому жительства в столицах, в столичных и примыкающих к ним губерниях; если же А. Н. Хвостов пожелает попрежнему быть со мною конспиративным, то немедленно, во избежание всяких осложнений, арестовать Ржевского и выслать его в одну из отдаленных губерний под особый надзор полиции. Когда, приехав к А. Н. Хвостову, я заговорил с ним о Ржевском в связи с его последним разговором со мною и, не обнаруживая ему того, что мне стала понятна цель секретной командировки Ржевского заграницу, высказал ему свой взгляд на Ржевского, который может доставить ему, А. Н. Хвостову, в будущем много неприятностей, то А. Н. Хвостов, не меняя принятого им при разговоре о Ржевском сосредоточенного выражения лица, ответил мне, подумавши, что он это дело предоставляет моему решению, ничего не сказав ни в защиту Ржевского, ни о существе заграничной его командировки. В виду этого я переговорил с Савицким и Глобачевым, поручил Савицкому для оформления дела передать произведенное им дознание Глобачеву, а последнему предложить вручить это дело опытному офицеру, освободив его от других обязанностей для скорейшего под наблюдением полк. Савицкого ознакомления с ним и составления протокола об аресте Ржевского и для дальнейшего, в ускоренном порядке, производства переписки и представления мне таковой на предмет внесения в особое совещание предположения департамента о высылке Ржевского. Вместе с тем, я указал Глобачеву, чтобы при аресте Ржевского был произведен у него установленный обыск, и вся переписка его, вне зависимости от этого дела, была тщательно осмотрена означенным офицером для доклада мне. Затем, в целях скорейшего проведения этого дела через особое совещание, я просил вице-директора Л. К. Лерхе и заведующего делопроизводством М. А. Софронова, параллельно с дознанием, на основании актов расследования Савицкого, составить доклад особому совещанию с проектом заключения о высылке Ржевского в Сибирь, в Томскую губернию. Несмотря на отданные мною распоряжения и установленное наблюдение за Ржевским, я, тем не менее, почти ежедневно торопил Глобачева о скорейшем оформлении переписки о Ржевском.

Когда арест Ржевского последовал, то я поручил Глобачеву ограничиться представлением мне лишь краткого представления градоначальника о высылке с тем, что дознание он потом пришлет дополнительно, и в тот же день назначил особое совещание; по заслушании дела, представил журнал совещания на утверждение Алексея Николаевича Хвостова, который его и утвердил. В этот же период времени, пока Ржевский был на свободе, хотя и под наблюдением, я переговорил с Комиссаровым и выяснил ему необходимость нам отмежеваться от Хвостова, но так, чтобы, не выдавая А. Н. Хвостова по тем соображениям, о которых я показал

раньше, тем более, что я видел неизбежность скорого ухода его со службы, заставить Распутина некоторое время до ареста Ржевского просидеть дома, во избежание ответственности за недостаточность охраны Распутина, в случае каких-либо непредвиденных нами в данное время возможностей. В виду этого, сообщив А. Н. Хвостову, что для осуществления задуманного им плана ликвидации Распутина необходимо приступить к отводу Комиссарова от Распутина, я поручил Комиссарову заявить Распутину, что вследствие его частых тайных, без предупреждения филеров, отлучек и кутежей на стороне, несмотря на его, Комиссарова, уговоры, он отказывается вести с ним какие-либо сношения и охранять его, во избежание неприятностей для себя, в случае если что-нибудь, при таких условиях, случится с ним, Распутиным, и потому отходит от него. При этом я рекомендовал Комиссарову заявить Распутину, что он, Комиссаров, смотрит на свои отношения к Распутину не как на официальные, а как на дружеские, желая ему исключительно добра.

Давши такое указание Комиссарову, я, зная Распутина, был уверен, что Распутин насторожится, будет сидеть дома некоторое время, а затем будет стараться наладить, при моем посредстве, старые отношения с Комиссаровым и потребует возвращения к нему Комиссарова, так как и он, и семья, как я уже пояснил, привязались к Комиссарову, и что последний снова приблизится к нему после того, когда опасность со стороны Ржевского минует. Но дальнейшие события совершенно изменили мое решение. Комиссаров или увлекся ролью обиженного Распутиным человека, или рад был случаю развязаться с ним и излить все чувства своего негодования Распутину за все время четырехмесячных сношений с ним, но, во всяком случае, он вышел из рамок данного ему мною поручения и так кричал и ругал Распутина, что последний и вся семья не только перепугались, но насторожились в отношении всех нас, передали об этом происшествии по телефону А. А. Вырубовой, высказав свое недоверие к нам и предположение, что это сделано, видимо, с какой-либо предвзятой против Распутина целью, о чем мне и сообщил Мануйлов, приехав ко мне от Распутина. Но так как я не хотел выдавать А. Н. Хвостова, то тут же по телефону переговорил с Распутиным, извинился за Комиссарова, про которого Распутин сказал, что «уж больно шибко ругал он меня, прямо страсть, как шибко», сказал ему, что Комиссаров погорячился, но что нужно было предостеречь его, Распутина, и попросил его эти дни никуда не выходить и к себе пускать только самых близких лиц, обещая ему при свидании рассказать о причинах. Когда же Распутин передал мне, что Комиссаров увел от него и своих филеров, то я успокоил его обещанием их немедленно же вернуть к нему, заявив ему, что это не входило в мои планы. Выразив по этому поводу свое неудовольствие Комисса-

рову, я приказал немедленно вернуть филеров на квартиру Распутина с тем, чтобы они объяснили каким-нибудь благовидным предлогом свое отсутствие.

Затем, на другой день я узнал от прибывшего ко мне Глобачева, что А. Н. Хвостов вызывал его ночью к себе через ротм. Каменева, затем производящего дознание о Ржевском офицера, а потом и чинов полиции, присутствовавших при обыске в квартире Ржевского, подробно и нервно всех расспрашивал о том, как производился обыск, и потом сделал Глобачеву выговор за неумение им инструктировать своих подчиненных, указав на то, что офицер, производивший обыск у Ржевского, взял, приобщил к делу и ознакомился с письмом Ржевского, лично адресованным в собственные руки его, А. Н. Хвостова, вместо того, чтобы, не вскрывая этого письма и не занося его в протокол обыска, непосредственно или через Глобачева представить ему вне официального порядка, если почему-либо он находит невозможным оставить его в руках жены Ржевского. На вопрос мой, какого содержания было это письмо, ген. Глобачев, насколько помню, доложил мне, что в нем Ржевский просит А. Н. Хвостова спасти его, так как он иначе погибнет тем более, что его поездка заграницу была им предпринята по настоянию его, А. Н. Хвостова. Тогда я поехал к А. Н. Хвостову и застал Яблонского и Каменева в большом волнении. Войдя в кабинет к А. Н. Хвостову, я спросил его, почему он в настоящее время встревожен арестом Ржевского; на это А. Н. Хвостов в нервном состоянии начал выражать мне свое неудовольствие на Глобачева по поводу зарегистрированного письма Ржевского на его имя, видя в этом неумение жандармского офицера ориентироваться в даваемом ему поручении. Тогда я указал Хвостову, что в данном случае жандармский офицер иначе и поступить не мог, совершая, в присутствии понятых и полиции, официальный следственный акт. К этому я добавил, что если бы он, А. Н. Хвостов, не делал никаких секретов от меня по делу Ржевского, когда я о нем три раза докладывал, ничего подобного не было бы, так как можно было бы совершенно иначе уладить это дело, и что я и теперь не вижу особенных причин для беспокойства его, А. Н. Хвостова, так как о Ржевском произведена лишь охранная переписка, зависящая всецело от его усмотрения. На это А. Н. Хвостов мне тогда ответил, что дело Ржевского получило неожиданный для него оборот, так как Ржевский обманул его доверие, и, одновременно с письмом к нему, написал письмо к Распутину, в котором, прося его заступничества, возводил на А. Н. Хвостов какие-то обвинения. Тогда я указал А. Н. Хвостову, что и в данных условиях он должен не сердиться на меня, а только поблагодарить меня за арест Ржевского и за постановление о его высылке, так как если он покажет А. А. Вырубовой или, если понадобится, государю составленный доклад особому совещанию

и им утвержденный журнал совещания с изложением вины Ржевского, то этого будет достаточно, чтобы парализовать значение письма Ржевского и подорвать всякое доверие к словам Ржевского.

Тут же я заявил А. Н. Хвостову, что гораздо лучше будет для всех нас, а для него в особенности, совершенно отойти от Распутина и той атмосферы, которой нам пришлось дышать все это время, и вместо всяких замыслов об убийстве Распутина, представить государю записку о поведении Распутина в форме выписок из филерного дневника за подписью Глобачева и Комиссарова и откровенно раскрыть глаза его величеству на личность Распутина. К этому я добавил, что если это может не привести к положительным результатам, судя по бывшим уже примерам и только, быть может, на время возбудит гнев его величества на Распутина, то мы зато исполним свой долг, уйдя — я в сенат, он, по обыкновению, в государственный совет, а Комиссарова можно будет назначить начальником московского I кл. губ. жанд. управления, где после ревизии Виссарионова, уже освободилась вакансия.

А. Н. Хвостов согласился на составление этой записки, и так как его доклад государю должен был состояться на следующий день, то он поручил мне спешно заняться изготовлением ее. В виду этого я вызвал к себе Глобачева и Комиссарова, рассказал им о цели и назначении этой записки и, сознавая все трудности выборки из филерных дневников необходимых сведений, убедительно попросил их привлечь к выборкам побольше народу, проработать, если нужно, целую ночь, но на утро представить мне выписку в 3-х экземплярах—для А. Н. Хвостова к докладу и лично ему для материалов о Распутине и один экземпляр мне. Затем вечером я справился у Глобачева и Комиссарова, в каком состоянии их работа, и они заверили меня, что к утру записку они оба мне доставят. Действительно, утром Глобачев, проведший без сна ночь, и Комиссаров явились ко мне на квартиру, привезли записку, я ее прочел, одобрил, попросил Глобачева расписаться на всех экземплярах, а Комиссарова снабдить эту записку еще собственноручным докладом в сжатой форме о его личных впечатлениях, вынесенных им из посещения квартиры Распутина и общения с Распутиным, и мы все втроем отправились к А. Н. Хвостову, предполагая, что если А. Н. Хвостов, по ознакомлении с этой запискою, признает нужным ее еще чем-либо дополнить, то сделать это тут же, чтобы не задерживать его. Когда я представил эту записку А. Н. Хвостову, то он, прочитав ее, сказал мне что она вполне его удовлетворяет. Положив ее в двух данных ему мною экземплярах в свой докладной портфель, Хвостов поблагодарил Глобачева и Комиссарова и, выйдя, вместе со мной отправился на вокзал, причем дорогою я еще раз постарался укрепить его в мужестве представить эту записку государю. Затем, попро-

сив дежурного жандармского на вокзале офицера доложить мне о времени выезда А. Н. Хвостова из Царского Села при обратном его возвращении, я отправился с Комиссаровым на Морскую, находясь в нервном состоянии в ожидании результатов доклада. Когда же я получил сведения от полк. Трибаудино о выезде из Царского Села А. Н. Хвостова, то отправился к нему на квартиру и, здесь, встретив его, вошел вместе с ним в кабинет и спросил его, представил ли он эту записку государю и какое впечатление произвел на его величество его доклад о Распутине. А. Н. Хвостов, извинившись тем, что ему надо торопиться, чтобы успеть переодеться, позавтракать и не запоздать на заседание совета министров, все-таки мне сказал, что он испросил разрешение у государя быть вполне откровенным по поводу Распутина, доложил его величеству, несмотря на проявленную им во время доклада нервность, во всех подробностях образ поведения Распутина, являющегося причиною антидинастического движения в стране, и высказал в конце доклада свое заключение о том, что если не последует удаления Распутина, то он, А. Н. Хвостов, не отвечает за умиротворение общественного мнения и настроения Государственной Думы. При этом А. Н. Хвостов мне передал, что государь в начале его доклада нервно крутил в своих руках карандаши, лежавшие у него на столе, а затем встал, подошел к окну, начал барабанить по стеклу и, наконец, когда, он, Хвостов, окончил свой доклад о Распутине, государь взял от него представленную им, А. Н. Хвостовым, его величеству записку о Распутине и вышел из кабинета в покои государыни, и он, Хвостов, слышал отзвуки повышенного тона разговоров государя с императрицей; затем государь, вернувшись обратно, оставив у себя на столе эту сводку сведений о Распутине, сухо распрощался с ним. Передав мне об этом, А. Н. Хвостов заторопился, попрощался со мною и вышел из кабинета к себе для переодевания. Тогда я попросил дежурившего в тот день В. В. Граве, не указывая ему, для какой цели, посмотреть в портфеле, в числе докладных бумаг, с которыми ездил А. Н. Хвостов к государю, имеется ли выпись о Распутине и в двух или в одном экземпляре. В. В. Граве, посмотрев, сообщил мне, что выпись привезена обратно в двух экземплярах и без всяких пометок. Из этого я понял, что А. Н. Хвостов ничего не докладывал государю о поведении Распутина, всю фабулу рассказа своего о настроении государя во время его доклада о Распутине построил на известных ему и мне отличительных чертах нервных привычек государя во время докладов на темы, его величеству не нравящиеся, и что в данном случае А. Н. Хвостов продолжает попрежнему вести со мною какую-то свою игру.

Желая выяснить линию дальнейшего поведения А. Н. Хвостова в отношении себя, я, узнав, что А. Н. Хвостов, не говоря мне, восстановил свои старые сношения с кн. Андрониковым, и тот

у него бывает в последнее время почти ежедневно, сговорился с кн. Андрониковым о времени, когда я могу застать его одного дома, отправился к нему. Здесь я выслушал от князя ряд упреков за изменившееся отношение мое к нему, вопреки постоянно оказываемому им вниманию ко мне; при этом кн. Андроников припомнил мне и обед с митрополитом, на который я его не пригласил, и мое стремление отдалить его от Распутина и А. А. Вырубовой, о чем ему передавал А. Н. Хвостов. Далее кн. Андроников указал мне, что и я и А. Н. Хвостов—оба младенцы в отношении знания сложных форм придворных взаимоотношений и что А. Н. Хвостов раньше меня это сознал, и он, кн. Андроников, теперь ему помогает выпутаться из того тупика, в какой он попал с Ржевским.

Весь этот разговор меня взволновал, и я, прося кн. Андроникова держать в секрете, рассказал ему про замыслы А. Н. Хвостова устранить Распутина, причем, будучи уверен, что он передаст А. Н. Хвостову наш разговор, сообщил кн. Андроникову, не выдавая Комиссарова, про добытый Комиссаровым яд и про опыт действия яда и, наконец, не скрывая, объяснил, что я противодействовал все время А. Н. Хвостову и сдерживал Комиссарова, так как на такое дело, как убийство, я не могу пойти. Затем я рассказал князю историю с Ржевским и просил его, для моей личной ориентировки, сказать мне, что замыслил в отношении меня А. Н. Хвостов, указав князю, что я все время о замыслах А. Н. Хвостова относительно Распутина никому не говорил и держусь пока выжидательной тактики в своем поведении к А. Н. Хвостову. Тогда кн. Андроников, одобрив мое отношение к А. Н. Хвостову и горячо советуя мне следовать сему и в дальнейшем, под особым секретом передал, взяв с меня слово, что я не скажу об этом Хвостову, что он, кн. Андроников, накануне доклада А. Н. Хвостова государю был у А. Н. Хвостова, долго с ним советовался, и результатом этого явился сегодняшний доклад А. Н. Хвостова государю о назначении меня в Иркутск генерал-губернатором. При этом кн. Андроников начал мне расписывать всю заманчивость моего нового положения и, намекнув на то, что в этом отношении он мне оказал большую услугу, добавил, что он питает уверенность в моем содействии, которое я ему должен буду оказать в будущем в Иркутске, куда он приедет с иностранными капиталистами для учреждения акционерного общества по эксплоатации местных залежей золота, причем, указывая на мою материальную обстановку и необходимость для меня обеспечить будущее семьи, ясно дал понять, что он сделает меня негласным пайщиком в этом деле. Это для меня было неожиданностью, так как А. Н. Хвостов, будучи в последнее время недоволен кн. Волконским за его якобы явно обнаруживаемые желания, при посредстве придворных и великокняжеских связей, занять пост министра внутренних дел, и совещаясь со мной,

останавливался на мысли назначить кн. Волконского в Иркутск на эту должность и тем отдалить его от Петрограда, но колебался принять окончательное в этом отношении решение, опасаясь отказа кн. Волконского и явного перехода его после этого в лагерь противников его, А. Н. Хвостова. Затем, когда я указал кн. Андроникову на то, что назначение меня в Иркутск ставит меня в стеснительное материальное положение, так как это одно из старых генерал-губернаторств, где оклад содержания генерал-губернатора менее всех других генерал-губернаторских управлений, не говоря о приамурском генерал-губернаторстве, а между тем, судя по тому, что мне передавал Князев, в Иркутске генерал-губернатору приходится нести тяготу не только местного, но и международного представительства, вызывающую большие, непосильные для меня расходы, то кн. Андроников на это мне ответил, что А. Н. Хвостов путем дополнительных денежных ассигнований из сумм министерства сравняет меня во всех отношениях с приамурским генерал-губернатором и обещал по этому поводу переговорить с А. Н. Хвостовым. В заключение кн. Андроников еще раз подчеркнул необходимость для меня в данную минуту подчиниться этому решению и ничем не осложнять А. Н. Хвостову его затруднительное в настоящее время из-за дела Ржевского положение.

Хотя это назначение выбивало меня из колеи сложившейся в Петрограде жизни, где дети мои воспитывались в учебных заведениях и где я уже сжился, но, когда я переговорил по этому поводу с женою и увидел ее особую радость и удовольствие тому, что я, таким образом, отхожу от всего того, что ей доставляло постоянные душевные мучения, то я сам понял, что в моем выезде из Петрограда заключается мое спасение от той тины, которая меня окончательно может засосать в грязь и довести до опозорения моей чести. В виду этого, когда А. Н. Хвостов, повидимому, поставленный кн. Андрониковым в известность о моем с ним разговоре, на другой день передал мне, о состоявшемся повелении государя о новом моем назначении и сказал, что он, зная о моей материальной обстановке и о предстоящем мне на первых порах, пока я не устрою перевода детей в учебные заведения г. Иркутска, жизни на два дома, позаботится об исходатайствовании мне дополнительного денежного ассигнования и поручил мне составить ему в этом направлении всеподданнейший доклад, переговорив с вице-директором департамента общих дел Е. Г. Шинкевичем, — то я только спросил его, А. Н. Хвостова — «за что?». На это он ответил, что все еще поправимо, если я ликвидирую Распутина.

Выслушав мой ответ, что теперь, с моим уходом, у него развязаны руки в отношении Распутина, я перевел разговор на необходимость ему, А. Н. Хвостову, теперь же позаботиться о Комиссарове, так как Комиссаров, когда я ему передал о своем назначении в Иркутск, мне категорически заявил, что он без меня ни

в какие дальнейшие комбинации А. Н. Хвостова входить не желает и просил меня до отъезда озаботиться об его служебном приличном устройстве. Указав А. Н. Хвостову, что присутствие Комиссарова в Петрограде, в виду обстановки отхода его от Распутина, едва ли, при возникшей в настоящее время у Вырубовой и Распутина ко всем нам подозрительности, отвечает интересам его, Хвостова, всецело направленным к погашению нежелательных разговоров в связи с делом Ржевского, я посоветовал ему устроить Комиссарова куда-нибудь в провинцию или военным губернатором, или губернатором в неземскую губернию, или градоначальником, так как Комиссаров оставаться далее в корпусе жандармов не желает. Из ответа А. Н. Хвостова я узнал, что Вырубова, в виду настояния Распутина, тоже потребовала удаления Комиссарова из Петрограда, вследствие чего он хотел было устроить его, как предполагалось нами ранее, в Москву начальником жандармского управления, то теперь, в виду моего заявления, он приложит все свои старания исполнить желание Комиссарова.

При таком положении дела мне стало ясно, что А. Н. Хвостов меня и Комиссарова сделал ответственными за все события последнего времени, связанные с делом Ржевского. Поэтому я указал на это А. Н. Хвостову, откровенно его предупредив, как и кн. Андроникова, что я со всем этим примиряюсь до той поры, пока он сам будет корректен в отношении меня ничем не заденет моего самолюбия, в особенности тем или другим образом связывая меня с делом Ржевского. Действительно, я, по опубликовании указа, занялся приведением в порядок для сдачи в департамент полиции всех имевшихся у меня на руках переписок, и хотя до меня доходили сведения о том, что и А. А. Вырубова и Распутин продолжают интересоваться историей Ржевского, но меня это уже не волновало, и я был поглощен вместе с женою заботами об устройстве на новом месте, сборами, покупками, экипировкой, наймом прислуги и обменом писем с Князевым, служебными визитами министрам и знакомым и даже принял участие в облегчении прибывшему из Иркутска городскому голове скорейшего разрешения вопроса о Ленской дороге в желаемом для города Иркутска направлении, предполагая пред своим отъездом поехать с визитом к Вырубовой и Распутину. Но, затем, через Комиссарова, почти ежедневно бывавшего по поводу своего назначения у А. Н. Хвостова, и от В. В. Граве, заходившего ко мне вечером в мое служебное помещение на Морской, и от других лиц ко мне начали доходить сведения о том, что А. Н. Хвостов в разговоре с могилевским губернатором Пильцом, которого он, боясь усилившегося внимания к нему государя, пригласил на должность товарища министра внутренних дел, но не поручил ему наблюдения за департаментом полиции, с членами государственного совета и Думы и в обществе, выставляет причиною перемены его отношения ко мне то,

что я, несмотря на его безграничное доверие и внимание ко мне, интригуя против него, А. Н. Хвостова, хотел было, пользуясь своею близостью к Распутину и Вырубовой, занять его должность и для этой цели поездке Ржевского, командированного им заграницу для покупки у Илиодора писем императрицы, придать в глазах Вырубовой и Распутина значение устройства заговора при посредстве Илиодора на жизнь Распутина, в чем он А. Н. Хвостов изобличил меня государю, но, опасаясь, чтобы я не злоупотребил своею осведомленностью о многих интимного характера делах, касающихся двора, он признал за лучшее меня удалить из Петрограда и, не желая озлобить меня, с видимым, служебным повышением. Затем из достоверного источника я узнал, что когда проникли в прессу сведения о деле Ржевского, которым Гурлянд по поручению А. Н. Хвостова, старался придать тот желательный А. Н. Хвостову оттенок, то А. Н. Хвостов, в разговоре с представителями совета редакторов — М. А. Сувориным и И. В. Гессеном, бросил мне тот же упрек, всячески пытаясь отмежеваться от своей близости к Распутину и Вырубовой. Наконец, когда, по рекомендации Яблонского, А. Н. Хвостов вызвал ген. Климовича и предложил ему должность директора департамента полиции, согласившись на поставленные ему Климовичем условия как относительно самостоятельного на правах товарища министра управления департаментом, так на освобождение его от выступления в Государственной Думе и в заседаниях ее комиссий, на изменение взаимоотношений департамента и корпуса и на увеличение ему оклада содержания до 30 тыс. руб., то А. Н. Хвостов дал от себя заметку в газеты о том, что он после моего ухода признал нужным внести коренные изменения в систему управления департамента полиции и взял на себя непосредственное и личное руководительство и, главным образом, наблюдение за всеми делами департамента. После этого А. Н. Хвостов сделал даже несколько приемов доклада как и. д. директора, так и политического вице-директора.

Из всего этого я не мог не вывести заключения, что, усыпляя через кн. Андроникова и личными разговорами со мною мою бдительность, А. Н. Хвостов далек от мысли точно исполнить данное мне обещание не связывать меня и мою деятельность с делом Ржевского-Распутина, а наоборот, сознательными своими выступлениями против меня во всех тех кругах, где ему нужно, в соответствующих его целям отражениях старается закрепить степень моей прикосновенности к этому делу. Затем, достаточно изучив к этому времени А. Н. Хвостова, я отдавал себе ясно отчет, что если он теперь, во время моего пребывания в Петрограде, позволяет себе, хотя и с некоторою осторожность, делать меня одного ответственным за наши совместные с ним сношения с Распутиным, то после моего отъезда он через некоторое время, снова утвердившись в старых позициях, может ликвидировать историю

с Ржевским, пользуясь выгодами своего положения, и, при своем мстительном, ничего не забывающем характере, бесспорно постарается окончательно подорвать ко мне доверие у государя и сократить мое пребывание на ген.-губерн. посту.

В виду этого я решил принять не только оборонительное положение, но повести наступательную кампанию. Поэтому я, пользуясь милостивым ко мне расположением владыки митрополита и его отрицательным отношением к А. Н. Хвостову, стал жаловаться ему на А. Н. Хвостова, а затем через Осипенко и Мануйлова достиг того, что в покоях владыки состоялось мое свидание с Распутиным в присутствии Штюрмера; но так как Мануйлов не посвятил меня заранее во все то, что известно Распутину про замыслы А. Н. Хвостова, то это свидание не вполне удовлетворило Распутина, потому что, будучи нервно взволнован под влиянием всего пережитого, я не желал разоблачать всей той грязи, в которой и я купался, рассказал владыке, Распутину и Штюрмеру только существо, как я понимал, дела Ржевского и откровенно предупредил Распутина в том, что с моим уходом около А. Н. Хвостова нет человека, который мог бы зорко наблюдать за всеми его замыслами в отношении Распутина, так как А. Н. Хвостов никогда его другом и расположенным к нему человеком не был и, в силу своего характера, при своей беспринципности, когда он признает в своих интересах необходимым, так или иначе покончит с Распутиным. Это свидание могло бы быть поворотным для меня и в служебном отношении, если бы я рассказал Распутину про то, как хотел А. Н. Хвостов убить его в автомобиле, отравить ядом и про опыт действия яда, о котором, как я потом узнал от Распутина, желая восстановить с ним отношения, после моего ухода ему рассказал кн. Андроников, обвиняя в этом одного только Комиссарова. Затем Распутин чересчур много видел от меня знаков внимания как в денежном отношении и в исполнении почти всех его просьб, так и в силу постоянного его общения со мной, моих ему доброжелательных советов и расположения ко мне большинства окружавших его близких лиц. Но так как я коснулся одного дела Ржевского, то это свидание, восстановив хотя и не в той, как было раньше, степени нарушенные делом Ржевского отношения наши, привело к одному несомненному для Распутина выводу, что хотя я и был не вполне откровенен, но, тем не менее, что касается Ржевского и А. Н. Хвостова, я прав и что ему А. Н. Хвостова надо бояться. Затем Штюрмер, владыка и Распутин, успокоив меня, дали мне обещание, что они будут помнить меня и после моего отъезда в Иркутск, а владыка благословил меня иконою и пригласил к столу.

Потом, благодаря Распутину, состоялось мое свидание с А. А. Вырубовой. Так как я от Мануйлова уже знал о вынесенном Распутиным впечатлении от разговора со мною у владыки

и был предупрежден, что в соседней с кабинетом комнате, где я буду принят Вырубовой, будет находиться, по поручению Распутина, сестра милосердия Акилина, то я был более откровенен с А. А. Вырубовой, рассказал ей в общих чертах о всей линии поведения А. Н. Хвостова как в отношении ее, так в особенности Распутина, оттенил, как пример, дело Ржевского и, наконец, посвятил ее в перемену отношений Воейкова, под влиянием кн. Адроникова и А. Н. Хвостова, к Распутину, передав ей мой последний разговор по поводу Распутина с Воейковым. Затем, чтобы доказать Вырубовой, что я не был на стороне А. Н. Хвостова в его замыслах против Распутина, я, как на свидетеля, сослался на кн. Ширинского-Шихматова, советом которого разоблачить А. Н. Хвостова я своевременно не воспользовался, в чем она меня и упрекнула. Встреча моя с А. А. Вырубовой уже не носила того характера доверчивого с ее стороны отношения ко мне, которое было раньше, но во всяком случае лед был пробит, и с этого времени мои деловые свидания с А. А. Вырубовой восстановились. Последствием этих двух свиданий явилось то, что А. А. Вырубова, в руках которой находилось привезенное ей Симановичем от Распутина письмо Ржевского с обвинением А. Н. Хвостова, врученное Распутину другом и участником Ржевского в оборотах литературного клуба, открытого Ржевским, инженером Гейне, передала Штюрмеру, заехав сама к нему на квартиру (Большая Конюшенная 1), этот документ вместе с высочайшим повелением расследовать это дело, а затем, по поручению императрицы, просила ген. Беляева учредить, при посредстве органов контр-разведки, наблюдение за всеми письмами и телеграммами, поступавшими на имя Ржевского, в особенности из-заграницы. В виду этого Штюрмер приступил к расследованию этого дела, поручив ведение его сначала Мануйлову.

Когда об этом узнал А. Н. Хвостов, то начал обнаруживать нервность и с этого времени старался показать свое особое внимание Мануйлову. Пригласив его к себе, А. Н. Хвостов, по словам Мануйлова, наговорив ему много комплиментов, высказал свое удовольствие по поводу обратного его возвращения на службу в министерство внутренних дел и просил его, в виду моего ухода и принятия им на себя руководительства делами департамента полиции, заходить к нему с докладами, не стесняясь временем, держать его в курсе всех сведений, которые к нему, Мануйлову, поступают, в целях солидарной работы со Штюрмером, коснулся дела Ржевского и осветил его ему с той же точки зрения, как он сообщил прессе, и добавил, что он увеличивает его содержание, получаемое им из средств департамента (если не ошибся,—до 1.000—1.500 г.), а затем предложил ему в нужных случаях получать от него денежный отпуск на агентурные надобности.

От увеличения содержания Мануйлов не отказался, но затем, передавая мне, в присутствии Комиссарова, об этом разговоре, добавил, что он и не подумает служить интересам А. Н. Хвостова, которого он вполне оценил и будет всецело стоять на защите интересов Штюрмера. Мануйлов хотя и не во всех подробностях держал меня в известности первоначальных данных расследования дела Ржевского; из его слов я узнал о полученных через ген. Беляева телеграммах Илиодора на имя Ржевского, в которых Илиодор настойчиво требовал высылки денег в размере 5 тыс. рублей для выезда 5 лиц из Саратовской губернии, близких к Илиодору, в распоряжение Ржевского, о чем мне впоследствии передавал и Штюрмер, спрашивал, не знаю ли друзей Илиодора, и о том, что Ржевский настойчиво стоял на своем первоначальном показании, объясняя, что по замыслу А. Н. Хвостова, при участии друзей Илиодора, с которым он, Ржевский, сговорился во время поездки к нему заграницу, убийство Распутина должно было состояться в автомобиле, причем Ржевский при посредстве, если я не ошибаюсь, своей жены, должен был заманить Распутина на любовное свидание и подать ему автомобиль, взяв на себя исполнение шофферских обязанностей, ему хорошо, как опытному автомобилисту, известных, и затем, замедлив ход в глухой улице, где должны были ожидать приятеля Илиодора, после убийства Распутина свезти и выбросить тело Распутина в Неву. Но потом Ржевский, как мне объяснил Мануйлов, вследствие пристрастного, в интересах А. Н. Хвостова, опроса, с наводящими подсказаниями ответов, вмешавшегося в это расследование Гурлянда, после обморока изменил свое показание, как равно изменил, со слов Мануйлова, свое отношение к этому делу и ген. Глобачев.

А. А. Вырубова и Распутин, которых Мануйлов держал в курсе этого дела, пока дознание не перешло всецело в руки Гурлянда, очень интересовались показаниями Ржевского. Штюрмер ездил с докладами об этом деле к императрице, заезжая к А. А. Вырубовой, и сама А. А. Вырубова приезжала к Штюрмеру, чтобы лично ознакомиться с показанием Ржевского. Меня Штюрмер не опрашивал, хотя я с ним за этот период виделся несколько раз, так как он был озабочен предстоящим выступлением в Государственной Думе с программною речью и находился в большом затруднении относительно определения в ней направления курса внутренней политики. Составленный Гурляндом первоначальный проект длинной речи нравился Штюрмеру как своим либеральным тоном, так и широкими проспектами начертанной программы будущей законодательной работы правительства в области реформ административного местного управления, земского и городского самоуправлений и изменения отношений правительства в вопросах религиозном и инородческом. Но, вместе с тем, я и другие близкие к нему по правой фракции государственного совета лица

указывали Штюрмеру на то, что никто не поверит искренности и возможности проведения им всего того, что он намечает, и что гораздо лучше для него воздержаться от длинной речи, а в скромных тонах оттенить одно желание его в переживаемый страною момент не вносить административными распоряжениями правительства раздражения в общественную среду и затем, идя по следам Горемыкина, подчеркнуть преемственность отношений государя и правительства к вопросу о продолжении войны и предоставить министрам иностранных дел, морскому и военному дать свои объяснения в связи с обстоятельствами военного положения. Не знаю, что говорил Штюрмер другим беседовавшим с ним на эту тему лицам, но мне он, в присутствии Гурлянда, отвечал, что он сумеет при либеральном отношении своей политики сжимать в нужных случаях в бархатных перчатках не отвечающие его задачам те или иные порывы общественности.

21.

[Недоверие к А. Н. Хвостову Вырубовой и Распутина. Письмо Вырубовой Хвостову по поводу предполагавшегося ареста Распутина. Примирение Вырубовой с Хвостовым. Отставка Хвостова и назначение Штюрмера министром внутренних дел. Интервью Белецкого с Гакебушем (Гореловым). Отставка Белецкого. Отставка Комиссарова. Отношения Белецкого и Комиссарова.]

Хотя дознание по делу Ржевского получило, по словам Вырубовой, мне об этом говорившей, несколько расплывчатый характер, тем не менее близость Ржевского к А. Н. Хвостову и таинственная командировка Хвостовым Ржевского к Илиодору не могли не укрепить как у Вырубовой, так и у Распутина заронившегося у них, при присущем им чувстве подозрительности, сомнения в искренности А. Н. Хвостова, в чем их и не старался особенно резуверить и Штюрмер, хотя он под влиянием Гурлянда, в силу изменения показаний Ржевским, не хотел считать установленным фактом замысла А. Н. Хвостова на жизнь Распутина, как я понимал, по причинам нежелания огласки этого дела, но высылку Ржевского Штюрмер не отменил, а, наоборот, приказал ускорить приведение ее в исполнение. Поэтому А. Н. Хвостов, несмотря на свое желание повидаться с А. А. Вырубовой и Распутиным, не мог получить от них утвердительного ответа, и обычный доклад его государю был отложен.

Это вывело А. Н. Хвостова из равновесия, и он, выслав навстречу Воейкову, ехавшему из своего имения, кн. Андроникова с подробным докладом о положении дела, с целью заручиться его поддержкой у государя, начал действовать на А. А. Вырубову и Распутина решительным образом, прибегнув к обыскам у некоторых близких к Распутину лиц, а затем к аресту друга Распутина Симановича, угрожая продолжать свою систему вплоть до ареста Распутина, о чем и постарался через свою агентуру, близкую к Распутину, довести до его и А. А. Вырубовой сведения. В это время Распутин, потрясенный всеми этими действиями Хвостова, сидел дома, тем более, что Мануйлов предупредил его быть осторожным, так как по сведениям Граве и Комиссарова рот-

мистр Каменев не показывался в доме министра, и к министру явился нижегородский исправник, про которого А. Н. Хвостов отзывался как про прирожденного сыщика, который ему много помогал в получении разного рода сведений, в особенности во время выборов в Государственную Думу, своим умением для подслушивания разговоров всюду проникать, даже путем лазания по водосточным трубам. Что касается Каменева, то потом обнаружилось, что он был послан А. Н. Хвостовым в Ханскую Ставку для отдаривания купленными А. Н. Хвостовым подарками взамен поднесенного ему прибывшей депутацией от киргизов подарка— лошадьми. Кроме того А. Н. Хвостов возложил на Каменева, пользуясь этим случаем, поручение приобрести у киргизов, при содействии местной администрации, табун лучших лошадей для своего имения. На моей памяти предыдущим министрам, с коими я служил, таких подношений от киргизов не было. В это время государь находился в ставке.

Угроза арестовать Распутина встревожила А. А. Вырубову, и она сделала неосторожный для себя шаг, написав письмо А. Н. Хвостову с запросом, правдивы ли дошедшие до императрицы сведения по поводу предстоящего ареста Распутина. Получив такое письмо, А. Н. Хвостов показал его некоторым членам Государственной Думы, затем многим знакомым, стараясь как можно шире распространить в обществе содержание его. Когда я об этом узнал от многих лиц, в том числе и от Комиссарова, то я переговорил по телефону с А. А. Вырубовой о необходимости видеть ее, поехал к назначенному ею часу к ней и, упрекнув ее за неосторожное ее письмо к А. Н. Хвостову, передал ей, как Хвостов использовал его. Это возмутило Вырубову, и она мне сообщила, что А. Н. Хвостов, не посылая ей ответа, по телефону ей сказал, что он недоволен поведением ее и Распутина во всем этом деле и нежеланием их с ним видеться, а между тем в интересах всех их необходимо прийти к определенному решению, чтобы не заставлять его на будущее время прибегать к тем мерам, к каким он прибегает теперь. В виду этого А. А. Вырубова в тот день, когда я был у нее, пригласила Распутина и А. Н. Хвостова на примирительный обед, на что Распутин согласился, а А. Н. Хвостов поблагодарил ее, обещая непременно быть. Тогда я, видя в этом обеде победу А. Н. Хвостова, всей силой своего убеждения постарался рассеять у А. А. Вырубовой чувство страха перед действиями А. Н. Хвостова и доказал ей, что если она в эту минуту пойдет на какие-нибудь уступки А. Н. Хвостову, который ведет с ней двойственную политику, то тогда она должна будет и в будущем итти по этому пути, не будучи совершенно уверена хотя бы в том, что А. Н. Хвостов оставит в покое Распутина. Мои убеждения на нее подействовали, и она тут же, при мне, велела своему старику лакею передать А. Н. Хвостову, что обед отме-

няется, так как она приглашена во дворец, а ближайшие дни у нее разобраны, и согласилась со мною в необходимости должного отпора А. Н. Хвостову.

Этот отказ от обеда совершенно изменил, как мне передавали близкие к Хвостову лица, его настроение. А. Н. Хвостов понял, что его игра проиграна. Действительно, он не был даже вызван государем, и Штюрмер получил портфель министра внутренних дел, доказав государю и императрице, при деятельной поддержке, оказанной ему владыкой митрополитом, Распутиным и А. А. Вырубовой, необходимость такую важную роль государственного управления, как министерство внутренних дел, иметь в своих руках, хотя бы на некоторое время, пока все не войдет в свою колею. Конечно, А. Н. Хвостов в скорости узнал, какую роль я сыграл в его уходе, так как я имел неосторожность сказать об этом хотя и близким мне, но также и близким А. Н. Хвостову лицам, и, как мне передал граф Берг, в свою очередь, сам лично и через Гурлянда постарался настроить Штюрмера настолько ко мне недоброжелательно, что Штюрмер совершенно изменился ко мне, начал заочно упрекать меня в том, что я с первого раза хотел взять его под наблюдение, поставив около него своих людей, в том числе и Мануйлова, которого он до того мало знал, что мне нужно как можно скорее уехать из Петрограда, так как я, как, по словам графа Берга, уверял Штюрмера Гурлянд, чуть ли не намерен бросить в него, Штюрмера, бомбу, и начал торопить меня с отъездом. Это вполне совпадало с моим желанием и настойчивыми просьбами жены. Я уже заканчивал свои должностные визиты, приготовил себе и жене места в скором поезде и сообщил Князеву о дне своего выезда; жена же поехала в Москву прощаться со своими родными. За все это время, несмотря на неоднократные просьбы корреспондентов газет сообщить им сущность дела Ржевского, я хранил упорное молчание. Но за несколько дней до отъезда ко мне зашел М. М. Гакебуш (он же Горелов), с которым я, кроме знакомства на почве газетной, встречался и в частном доме моего близкого по Киеву знакомого и даже оказал ему услугу при его ходатайстве о перемене фамилии, рассказав мне о том освещении, которое придал делу Ржевского А. Н. Хвостов в передаче представителю совета редакторов; Гакебуш попросил меня сообщить ему лично историю дела Ржевского, но не для прессы, а в интересах защиты меня, когда понадобится, во время моего отсутствия из Петрограда. Я взял с него слово не оглашать на страницах газет моего рассказа, передал ему сущность всего дела, в общем, вполне тождественно тому, что он впоследствии опубликовал в редактируемом им тогда утреннем издании «Биржевых Ведомостей». Но затем, когда в газетах, в связи с уходом А. Н. Хвостова, начались разоблачения дела Ржевского, я вызвал к себе Мануйлова и попросил его

настоять у Штюрмера на отдаче распоряжения по цензуре не пропускать более в прессе никаких заметок и статей по этому делу, так как они, касаясь именно Распутина, могут дать повод оппозиционному крылу Государственной Думы выступить с запросом по этому поводу, чтобы поднять разговоры в Думе о Распутине.

Мануйлов, разделяя мои соображения, настоял на отдаче такого приказа от имени начальника округа, и в тот же день циркуляр об этом был послан во все газеты, о чем мне Мануйлов и передал по телефону. Я дома не обедал, а пришел домой к 12 часам и лег спать. На другой день утром, после приезда жены, ко мне позвонил по телефону сотрудник «Петроградской Газеты» Никитин и упрекнул меня в том, что я ему отказал в беседе, а между тем, дал ее корреспонденту «Биржевых Ведомостей». Это меня взволновало, а когда я послал за газетой и прочитал эту беседу, то настолько разнервничался, что жена даже встревожилась и стала меня успокаивать вместе с пришедшим ко мне по тому же поводу Комиссаровым. Затем, полк. Берхтольд по телефону сообщил мне, что статья эта произвела в Государственной Думе впечатление, подняла разговоры, и что запрос неизбежен, так как депутат Керенский предполагает поставить ее основою запроса. Потом мне передал один член государственного совета, что номер «Биржевых Ведомостей» ходит в государственном совете по рукам и что даже послан курьер в редакцию за газетой, так как в киосках и у разносчиков все номера проданы, в виду чего Гакебуш распорядился о дополнительном выпуске, судя по телефонной передаче, и что содержание беседы и тон положения ее в особенности с прозрачными намеками в заключительной ее части, дающими повод делать многие выводы, произвели удручающее впечатление на правую группу и что по этому поводу Кобылинский уже говорил с Штюрмером и некоторыми влиятельными сенаторами и послал в «Вечернее Время» свою статью с требованием моей отставки от должности. Наконец, Замысловский передал мне, что А. Н. Хвостов настолько возмущен этой беседой, что Замысловскому и Маркову стоило немалых усилий отговорить А. Н. Хвостова от выступления на кафедре Государственной Думы с своими объяснениями, но что А. Н. Хвостов все-таки по этому поводу потребовал от Штюрмера соответствующего удовлетворения наказанием меня.

В заключение Штюрмер по телефону потребовал от меня объяснения, и я ему правдиво доложил все предшествовавшие появлению этой статьи обстоятельства, а также и то, что я действительно считаю, что А. Н. Хвостов вправе возмутиться появлением этой беседы, но что я никогда бы не позволил себе, выступая в прессе по этому делу в период обостренной моей борьбы с А. Н. Хвостовым, нанести удар Хвостову тогда, когда он уже

ушел из состава правительства; при этом я объяснил Штюрмеру и просил его проверить опросом Мануйлова, какое я вообще значение придавал газетным статьям по этому делу. На это мне Штюрмер ответил, что он находится в затруднительном положении, но что постарается принять все меры к тому, чтобы как-нибудь успокоить поднявшийся шум около этой статьи. Что же касается Гакебуша, о дружбе которого с Гурляндом я до тех пор не знал, то он мне объяснил, что накануне выпуска этого номера газеты он звонил ко мне на квартиру по телефону, чтобы испросить разрешение на напечатание этой беседы со мною, так как по направлению газетных заметок по делу Ржевского он находил необходимым выступить со статьей в защиту моего имени. Но, не застав меня дома, решил поместить эту беседу без моего согласия, признавая, что этим путем я совершенно отмежевываюсь пред общественным мнением от А. Н. Хвостова. К этому М. М. Гакебуш добавил, что, к сожалению, воспретительный циркуляр кн. Туманова о напечатании статей по делу Ржевского попал вечером (в воскресенье) не в типографию, где производится выпуск утреннего номера газеты, а в контору редакции, выходящую на другую улицу, где после 6 часов, кроме сторожа, никого не бывает, и, поэтому, беседа эта была помещена в газете вопреки требованию кн. Туманова. Но затем Гакебуш, узнав от меня, какие последствия вызвала эта статья и видя, насколько все это меня расстроило, предложил мне, в какой я пожелаю форме, напечатать на другой день то или другое разъяснение от моего имени или от редакции, на основании моего заявления. На это я попросил его изложить то, как в сущности было дело, так как я не считал себя вправе, раз я сообщил ему, хотя и не для напечатания в газете, отказываться от этого.

Тогда, в присутствии пришедших ко мне вечером Комиссарова и Мануйлова, я обратился к Штюрмеру по телефону с просьбой о разрешении мне выпустить письмо за своею подписью в газете о том, что я не давал Гакебушу разрешения на напечатание в газете этой заметки, а М. М. Горелову в «Биржевых Ведомостях» заявление редакции с обрисовкой хода дела появления этой статьи с принесением мне по этому поводу своего извинения. Сначала Штюрмер согласился, о чем я передал кн. Туманову и Гакебушу, а затем я узнал от Гакебуша, что кн. Туманов не переменил своего решения и снова воспретил печатание редакционного письма по поводу этой беседы. Тогда я переговорил с кн. Тумановым вторично, и последний мне заявил, что после того, как он, кн. Туманов, получив от меня сообщение о разрешении напечатать эти письма, переспросил по телефону об этом Штюрмера, то Штюрмер воспретил печатать в газетах что-нибудь по делу Ржевского, почему он, кн. Туманов, и не может исполнить этой моей просьбы. Меня это удивило, и я передал об этом Гаке-

бушу, который тогда пообещал мне, желая хотя чем-либо быть мне полезным в этом деле, дать мне написанное в том же духе письмо от себя, что он впоследствии и исполнил.

Тем не менее, посоветовавшись с Комиссаровым и Мануйловым, я решил все-таки проектируемое мною письмо поместить в газете и, пользуясь тем, что «Новое Время» было изъято от общей цензуры органов начальника военного округа и находилось под наблюдением военного министерства в лице ген. Звонникова, с которым я находился в хороших отношениях, я поехал вместе с Мануйловым в редакцию «Нового Времени» и, рассказав М. А. Суворину о своем затруднительном положении, лишающем меня возможности какого-либо оправдания факта появления упомянутой беседы, попросил его не отказать мне в особом одолжении и поместить мое по этому поводу письмо, на что я получил согласие М. А. Суворина. Но оказалось, что я этим своим письмом, помещенным на другой день в «Новом Времени», еще больше себе повредил в глазах правой влиятельной части государственного совета, Государственной Думы и сенаторов, так как, если до этого и могла существовать, как мне впоследствии заявил министр юстиции, А. А. Хвостов, возможность отрицания подобного рода беседы лица, занимающего видное служебное положение с корреспондентом газеты в том духе как изложена вся статья, то после моего письма, подтверждающего факт беседы, всякое сомнение в этом отпало. Далее мне передали, что А. Н. Хвостов и кн. Андроников поставил об этом в известность Воейкова и что Штюрмер по этому поводу даже послал донесение, в форме личного письменного доклада, государю как о моем выступлении в газетах по делу Ржевского, так и помещении в этот же период времени, как я уже выше показал, военным министром ген. Поливановым в «Речи» своего секретного доклада в Государственной Думе в закрытом ее заседании. Вслед за этим я был приглашен Штюрмером к нему на квартиру (Большая Конюшенная, 1), и он мне передал высочайшее повеление подать в тот же день прошение об увольнении меня, найдя для этого благовидный предлог (я указал на болезненное состояние здоровья жены, лишающее возможности жить в северном климате), от должности генерал-губернатора с оставлением в звании сенатора. При этом Б. В. Штюрмер, видя, в каком я находился нервном состоянии, начал меня успокаивать, говоря, что время сотрет воспоминание об этом эпизоде, внесшем сильное против меня раздражение в среду влиятельной придворной партии и правых групп, что ему и министру юстиции пришлось приложить много усилий, при посредстве обер-прокурора Степанова, чтобы избежать заседания сенаторов для обсуждения означенного моего газетного сообщения, на чем настаивал сенатор Тимофеевский, и что он, переговорив уже с министром юстиции по поводу оставления меня сенатором,

рекомендует мне все-таки лично явиться к А. А. Хвостову. Когда я указал Штюрмеру на неловкость моего положения во время разговоров с министром юстиции по поводу его племянника и на то что он, А. А. Хвостов, может отказать мне в приеме, то Штюрмер мне заявил, что он уже условился с А. А. Хвостовым о приеме меня и в заключение добавил, что он, зная о понесенных мною расходах по сбору в Иркутск и о моем материальном положении, уверен в том, что государь, по его докладу, оставит мне выданные мне прогонные и подъемные деньги.

Итти к А. А. Хвостову мне было тяжело, но тем не менее я через А. В. Маламу попросил министра дать мне аудиенцию и, явившись к нему, с тою же откровенностью, как и Штюрмеру, доложил о том, как появилась в газете беседа и, представив ему полученное мною по этому поводу письмо М. М. Гакебуша, заявил, что лично я никогда бы не позволил себе, по увольнении А. Н. Хвостова, прибегнуть к такому способу ликвидации с ним своих счетов. Затем, перейдя к делу о Ржевском, я, не докладывая ему всех подробностей, сказал, что сознание носимого мною звания во многом меня удерживало от осуществления мною того, о чем он, А. А. Хвостов, зная хорошо А. Н. Хвостова, может догадаться, прочтя внимательно мою беседу в газете. По выражению лица А. А. Хвостова я видел, насколько тяжело было ему говорить на эту тему, но, тем не менее, он все-таки сказал мне, что он лично всегда относился с недоверием к А. Н. Хвостову, а затем, переходя к вопросу об оставлении меня сенатором, добавил, что с его стороны к этому препятствий не встретится, о чем он в тот же день и подтвердил Штюрмеру. Действительно, как мне передавал потом А. В. Малама, А. А. Хвостов в скорости после моего ухода поехал по моему делу к Штюрмеру, а затем Штюрмер, по получении через день всеподданнейшего доклада обо мне, вызвал меня к себе, показал мне указ о моей отставке с оставлением сенатором и высочайшее повеление о пожаловании мне 18 тысяч рублей. Прощаясь со мной, Штюрмер, делая намек на желание государя, мне настойчиво порекомендовал уехать на некоторое время из Петрограда, добавив, что он думает, что и А. Н. Хвостов уедет тоже.

Когда же я хотел более подробно от него узнать, насколько сильна ко мне немилость государя и что обо мне докладывали его величеству и Хвостов и он, то Штюрмер обошел этот вопрос молчанием. Этот вопрос меня интересовал все время, так как, зная характер государя, я ясно отдавал себе отчет в том, что мне придется долгое время нести последствия гнева государя, отражающегося от этих двух обо мне докладов, пока не удастся рассеять предубеждение против себя со стороны его величества представлением доказательств, разъясняющих мое поведение. То, что государь мною был особо недоволен, я заметил помимо всего хода

событий, из отношений ко мне государя во время посещения им государственного совета и Государственной Думы в последние дни моего пребывания на посту; затем впоследствии А. А. Вырубова и Распутин передавали мне, что государь, несмотря на их попытки узнать причины гнева и на то, что императрица совершенно иначе смотрела на мою беседу, находя в ней полное оправдание моего поведения в истории Ржевского-Хвостова, всегда ограничивался молчанием при упоминании моей фамилии; только Протопопов, не показывая мне высочайших отметок, дал понять мне, что, помимо оглашения мною в печати моих отношений к А. Н. Хвостову и доклада последнего обо мне государю об удалении меня на службу в Сибирь, в резолюции государя видно отражение его недовольства за прошлую мою деятельность; я понял, что это за тот период, когда я состоял еще при А. А. Макарове на должности директора департамента полиции в связи с докладом обо мне кн. Мещерского. При этом Протопопов добавил, что ему, при разговоре с государем обо мне, кроме общих соображений, обрисовывающих и меня, и А. Н. Хвостова, пришлось в доказательство деспотичности общественного мнения, зачастую ошибочного, привести пример несправедливого отношения общества к нему, Протопопову, всецело преданному интересам династии.

Рекомендуя мне выехать на некоторое время из Петрограда, Штюрмер, как министр внутренних дел, вызвал к себе ген. Комиссарова, которого А. Н. Хвостов, еще состоя на должности, успел назначить ростовским на-Дону градоначальником, с зачислением по артиллерии, где раньше проходил свою службу ген. Комиссаров до перевода в корпус жандармов, и предложил ему немедленно также выехать к месту служения. Чувство видимого расположения к Комиссарову, основанное скорее на боязни Комиссарова, А. Н. Хвостов сохранил до последнего времени своего управления министерством.

Хотя назначение Климовича директором департамента полиции и открывало возможность движения других градоначальников и устройство, таким образом, Комиссарова в одно из небольших градоначальств, как на том настаивал ген. Климович, относящийся с некоторым предубеждением к Комиссарову, своему товарищу по кадетскому корпусу, предполагая назначить Комиссарова в Керчь-Еникальск, а керчь-еникальского градоначальника полк. Модля (Маркова), своего хорошего знакомого, перевести в Ростов на-Дону, но А. Н. Хвостов не переменил своего первоначального решения и, причислив к министерству внутренних дел, с откомандированием в свое распоряжение, ростовского градоначальника полк. Загряжского, найдя его недостаточно решительным в борьбе с продовольственным кризисом в Ростове на-Дону, назначил на эту должность ген. Комиссарова, лично содействовал скорейшему прохождению приказа о назначении ген. Комиссарова

по военному ведомству, позаботился о назначении ему в усиленном размере путевого довольствия и дал ему из секретного фонда (это тоже было не при мне), насколько припоминаю со слов Комиссарова, 25 тысяч рублей для материального обеспечения особого филерного объезда, состоявшего по охране Распутина, который приказал немедленно распустить.

Вследствие этого Комиссаров поспешил скорее поехать в Ростов, куда и отбыл ранее моего выезда. Затем я с Комиссаровым виделся только на вокзале станции Ростов на-Дону во время своих проездов к себе на Кавказ летом и предупредил его о дошедшем до меня недовольстве на него со стороны ген. Климовича, служившего ранее, до перевода в Москву, в должности градоначальником в Ростове на-Дону, за некорректное, вообще, поведение Комиссарова в Ростове на-Дону и, в частности, в отношении к семье Максимовича, с которым как Климович, так и его жена находились в дружеских отношениях. Затем ген. Комиссаров, без объяснения причин, был по 3-ему пункту уволен от должности, на основании негласно произведенного, по докладу ген. Климовича министру внутренних дел, пославшему, по выбору Климовича, бывшим начальником петроградского охранного отделения генералом для поручений Поповым дознания о неотвечающем званию градоначальника поведении ген. Комиссарова в Ростове на Дону.

Когда ген. Комиссаров приехал в Петроград, то он сделался почти ежедневным посетителем меня. Зная несколько обстановку того, как собирались сведения о ген. Комиссарове ген. Поповым, я считал применение к нему такой строгой меры наказания не отвечающим существу вины Комиссарова и, по мере возможности, помог ему, вместе с Бальцем, в доведении до сведения министра внутренних дел А. А. Хвостова более правильного освещения этого дела, которое, после представления лично Комиссаровым А. А. Хвостову объяснения, получило благополучный поворот для ген. Комиссарова. А. А. Хвостов, накануне своего ухода, поправил свою ошибку путем всеподданнейшего доклада об изменении приказа о Комиссарове в смысле увольнения его в отставку согласно прошению с пенсией и с мундиром, обещая ему восстановить его в ближайшем будущем и в должности.

В назначении Протопопова министром внутренних дел ген. Комиссаров видел возможность улучшить свое положение, так как Протопопов знал Комиссарова еще со времени службы Комиссарова в артиллерии, а затем и впоследствии. Действительно, Протопопов, в дополнение к всеподданнейшему докладу А. Н. Хвостова о Комиссарове, испросил ему дополнительную тем же путем пенсию из сумм департамента полиции за старую службу Комиссарова в рядах жандармской полиции; кроме того, я, будучи осенью в командировке в Ростове, узнал

от градоначальника Мейера, что дознание ген. Попова сгущено и односторонне освещало деятельность Комиссарова. Об этом я, по приезде, сообщил Протопопову, прося предоставить Комиссарову возможность вернуться на государственную службу путем назначения его состоящим в распоряжении министра. Протопопов, обещая это исполнить, признал нужным все-таки проверить дознание ген. Попова через командирование в Ростов на-Дону члена совета, который мог бы произвести эту проверку без особой на месте огласки, чтобы этим самым не получилось впечатления о желании вернуть Комиссарова на старое место служения, дабы этим не встревожить нового градоначальника, деятельностью которого, как я передал Протопопову со слов наказного атамана Войска Донского гр. Граббе, последний был доволен. Дознание это было произведено Н. Н. Михайловым, которому, кроме А. Д. Протопопова, по просьбе Протопопова, дал и я соответствующие указания, но оно реального результата для Комиссарова не имело, так как Протопопов по каким-то соображениям откладывал назначение Комиссарова в состав министерства внутренних дел. Я думаю, что, в данном случае, он вначале боялся Распутина, а затем А. А. Вырубовой, так как и Распутин и Вырубова после дошедшей до Распутина от кн. Андроникова истории с опытом действия яда относились к Комиссарову с чувством большого опасения и в этом назначении Комиссарова могли бы, в силу своей подозрительности, усмотреть и со стороны Протопопова какое-нибудь затаенное намерение, чего Протопопов, видимо, опасался.

Меня впоследствии многие осуждали за мою близость к Комиссарову. Хотя я, будучи товарищем министра, вследствие общности задач, поставленных мною в отношении охраны Распутина, и сошелся с Комиссаровым несколько ближе, чем это было раньше, но, тем не менее, я все-таки не посвящал его во все свои действия и не вводил его в курс многих своих планов. Когда Комиссаров перешел на жительство в Петроград и мы с ним встретились на частной почве как люди, пережившие свою жизненную драму, я оценил в нем, помимо чувства нравственности и благодарности, многие другие стороны его души и его знание людей и, благодаря ему, перестал уже с полной доверчивостью относиться ко всем, кто оказывал мне тот или другой знак внимания. Я начал разбираться в отношениях ко мне многих лиц, в том числе и А. Д. Протопопова, жалея, что я ранее не обращал внимания на многие предостережения, деланные мне Комиссаровым. В этот период времени я делился с Комиссаровым многими сведениями, доходившими до меня, получал от него некоторые данные, ему сообщаемые из разных источников, просил его иногда заходить к ген. Курлову и узнавать о предположениях Протопопова. Комиссаров, в свою очередь, ввел меня в курс своей жизни, вошел в мои личные интересы и знал обиход жизни моей семьи.

Когда сведения о постигшей меня опале разнеслись по Петрограду, то здесь я понял цену человеческих отношений, и мы с женою, провожаемые небольшой группой старых своих друзей, отправились на шестой неделе великого поста на юг, где я, благодаря нравственной поддержке жены, несколько успокоился и приехал в Петроград через полтора месяца, почти накануне отъезда семьи на дачу на Кавказ. С этого времени начинается третий период моей жизни до моего ареста. Но, прежде чем я перейду к нему, я считаю необходимым коснуться вопроса о денежных тратах, произведенных во время состояния на службе в министерстве внутренних дел на посту товарища министра внутренних дел, по поручению А. Н. Хвостова, из секретного фонда.

Степан Петрович Белецкий.

24 VI. 1917 г.

IV.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

[Расходование секретных сумм департамента полиции. Состав секретного фонда и его расходование. Бесхозяйственность. Установление контроля и отчетности. Вознаграждение заслуг сотрудников по борьбе с революционными организациями. Субсидирование монархических организаций. Расходы совершенно секретного характера. Суммы, выдававшиеся на прессу. Член Гос. Думы Крупенский, Степанова-Дезобри, Кюрц и др. Организация продовольственных лавок. Расходы на Распутина, подарки ему, выдачи Вырубовой и др. Расходование секретного фонда департамента полиции на неотносящиеся к его деятельности цели. Инцидент с обновлением мебели министра Маклакова. Пособия. Партийные нужды правых организаций и монархические съезды. Субсидии Замысловскому на издание книги о процессе Бейлиса. Разные выдачи по агентурным расходам. Поездка А. А. Кона по секретному поручению в Саров. Организация предвыборных кампаний в Москве. Выдачи по печати, союзу академистов, заведующему охраной Таврического дворца. Заботы об устройстве вечеров для Распутина, выкуп письма о Горемыкине, наем квартиры для свиданий с Распутиным и пр. Выдачи духовным лицам, Штюрмеру, Комиссарову и др. Белецкий о самом себе, — его бескорыстие и честность.]

Переходя к вопросу о расходах, произведенных за мой период состояния в должности товарища министра внутренних дел из секретной суммы департамента полиции за время с 1-го октября 1915 г. по 12 февраля 1916 г. на известное министру внутренних дел употребление, я должен пояснить, что секретный фонд департамента полиции состоит из двух сумм, отпускаемых из, так называемого, десятимиллионного фонда, как экстраординарной сметы на «известное его императорскому величеству употребление» и из трехмиллионного и полуторамиллионного дополнительного ассигнования. Законным титулом, дававшим министру внутр. дел право на получение основной суммы и исходатайствование дополнительного ассигнования, является высочайшее повеление 29 августа 1905 года, написанное от руки в форме всеподданнейшего доклада. Этот документ хранился у директоров департамента полиции лично в запечатанном конверте и передавался преем-

ственно уходящим директором своему заместителю как документ особой важности. Особенность этого акта заключается в том, что он департаментом полиции толковался расширительно, не предоставляя, по смыслу содержания своего, права на получение дальнейших ассигнований, кроме времени годичного срока, в нем указанного; так как этот документ в подлиннике своем министру финансов к исполнению не был предложен, а лишь в замаскированной форме был ему сообщен, как секретный закон не временного характера, а длительного, впредь до минования надобности силы действия, то, поэтому, ежегодные требования департамента полиции об ассигновании означенной суммы основной и испрашиваемого ежегодно, на основании того же акта, всеподданнейшими докладами дополнительного указанного отпуска министром финансов исполнялись. Я, при поступлении своем в департамент полиции в качестве вице-директора в 1909 году, заведывающего финансовой частью департамента, уже застал установившийся порядок форм делопроизводственной переписки по этому предмету и с основным актом был ознакомлен Н. П. Зуевым незадолго до его ухода в сенат, как его временный вначале заместитель. При мне министр финансов В. Н. Коковцов, не в силу приведенных, конечно, причин, а вследствие своего недоверия к целесообразному, в соответствии с задачами политического розыска, использованию отпускаемого ассигнования, всякий раз протестовал против полуторамиллионного отпуска и, только после представления ему мною лично письменного общего доклада моего на имя П. А. Столыпина о принятых мною мерах к введению известной системы в порядок расходования всей секретной суммы департамента полиции, перестал возражать против означенного ассигнования.

Вроде этого акта, тоже в общих чертах сообщенного в инспекторскую часть собственной его величества канцелярии, был в департаменте полиции другой документ, также не опубликованный, а секретно хранимый, предоставлявший право награждения, вне всяких наградных норм и законного порядка, исполнительных чинов розыскных учреждений, активно принимавших участие в борьбе с революцией и последующими ее вспышками в 1904—1905 г.г. Это высочайшее повеление имело большое значение для офицеров корпуса жандармов, как привилегия для шедших в ту пору на службу в охранные отделения с риском опасности для жизни, ибо на основании этого акта, вне соблюдения строго установленных в военном ведомстве наградных норм и правил старшинства в чине подполковника, полковника и генерала, связанных с материальными улучшениями служебного положения, офицеры корпуса жандармов, несущие розыскную службу, не только обгоняли в чинах своих сверстников по службе в армии, но и своих товарищей по корпусу, служивших в учреждениях следственного

характера, какими являлись губернские жандармские управления, или в составе железнодорожной жандармской полиции: как пример, могу указать производство в 5 лет А. В. Герасимова из чина ротмистра в генерал-майоры и награждение его в этот период орденами до Станислава I степени включительно. На основании этого акта впоследствии, по замирении, делая только на него ссылку, но описывая заслуги того или другого лица в форме отличия в борьбе с революционными выступлениями или организациями, проводились всеподданнейшими докладами награды, в изъятие из наградных правил, и чинам департамента полиции: так, например, я был произведен этим порядком в чин статского советника за выступления против рабочих делегатов социал-демократического направления на всероссийском съезде по борьбе с проституцией в секции «по борьбе с проституцией на фабриках и заводах», желавшей вынести резолюцию партийного характера об изменении существовавшего строя, как причины, порождавшей бесправное положение женщины-работницы и толкавшей ее на путь порока. В том же порядке, при моем управлении департаментом полиции, мною было исходатайствовано награждение чином действительного статского советника отставного статского советника бывшего делопроизводителя петроградского охранного отделения Н. Н. Симановского, заведывавшего всей хозяйственной частью департамента полиции и дома министра внутр. дел, как за старые его услуги делу политического розыска, так и за службу в департаменте полиции по наблюдению за охраною политического отдела департамента и дел секретной важности и, в связи с обязанностями по охране министра внутр. дел, в обслуживании охранительной команды. На это расширительное толкование этого высочайшего повеления Танеев обратил в мое время внимание и, после личного объяснения со мною, указал мне на неправильность понимания его департаментом полиции и предложил придерживаться буквального текста его, в виду чего я более им не злоупотреблял во время моего вторичного возвращения на службу.

Третий акт при директоре М. И. Трусевиче, по его инициативе проведенный вне думского законодательства, но затем в кодификационном порядке внесенный в новое издание устава уголовного судопроизводства, касался учреждения, но не в штатном порядке, должностей чиновников особых поручений при министре внутр. дел (кажется, четырех — IV класса) и остальных пяти — VI, VII, VIII классов чиновников особых поручений при департаменте полиции; старшие чины были оставлены при департаменте полиции для ревизионных и следственных выездов, — из них два для несения обязанностей вице-директоров, а при П. Г. Курлове специальным, вне закона, особым всеподданнейшим докладом для Веригина была испрошена пятая должность вице-директора IV класса, закрытая потом по протесту Танеева после ухода Вери-

гина при А. А. Макарове; остальные же чиновники особых поручений были теми основами легальности, на коих зиждился законный титул учреждения М. И. Трусевичем в империи охранных отделений или как постоянных, т.-е. совершенно устранявших от розыска губернские жандармские управления, оставляя последним лишь следственные функции, или в форме летучих отрядов для ликвидации той или другой революционной местной организации.

Когда я принял на себя при Н. П. Зуеве, моем предшественнике по должности финансового и законодательного вице-директора, руководство и заведывание финансовым отделом департамента, то я застал долг около 17 тыс. в кассе и полную хаотичность: не только не было сметы для расходов по департаменту полиции, но вообще финансового годичного плана, даже, хотя бы приблизительно определявшего общие расходы чисто хозяйственного порядка, а неагентурного характера расходов не составлялось, несмотря на то, что Н. П. Зуев, с которым я говорил по этому предмету, судя по его словам и отзывам моих чиновников финансового отделения, все время на этом настаивал. Как в департаменте полиции, так в особенности в провинциальных розыскных отделениях департамента полиции, о коих я упомянул, даже по расходам, не связанным с агентурными надобностями, не только не велось отчетности, но и не было никаких оправдывающих расход записей, дававших возможность проверки. Об этом мною в подробностях было изложено в моем докладе П. А. Столыпину с указанием, что было сделано мною в этой области с согласия директора, конечно, меня ни в чем не стеснявшего в этой работе. Постепенно, с настойчивостью, как в департамент полиции, так и в провинциальные его органы — охранные отделения, а затем при ген. Курлове и районные, были введены сметные рамки.

В область расходов чисто агентурного порядка я не вмешивался, ибо ею заведывали С. Е. Виссарионов с Е. К. Климовичем, бывшим тогда заведующим особым отделом, а затем полк. А. М. Ереминым, но в расходы по содержанию как департамента полиции, так и его отделений я ввел строгую систему; затем я настоял, чтобы в ревизионных объездах по охранным и районнным учреждениям участвовал мой чиновник из финансового отдела, вследствие этого каждая ревизия мне давала ценный материал для сокращения не только хозяйственных операционных расходов, но и таких трат, кои были связаны с розыском, как, напр. отпусков на штатскую одежду для офицеров, на расходы по поездкам для свидания с агентурою, для найма конспиративных квартир, на филерные отряды; наконец, я коренным образом изменил систему денежных наград, кои отпускались при М. И. Трусевиче охранным офицерам или чиновникам за каждое удачное действие, как, напр., за ликвидации, за обнаружение транспортов революционной литературы и, в особенности, за взятие типографии. Будучи директором,

я всегда посылал для проверки на место розыска последнего рода партийных установок своих чиновников, боясь упрека в постановке типографии или в печатании прокламаций как средства для возбуждения преследования против местной организации; в этом отношении я упрека себе не боюсь, ибо на моей стороне стоит правда, документально подтверждающая справедливость моих слов отчетами ревизий С. Е. Виссарионова и других чинов департамента (я вспоминаю теперь два дела — полк. Гофмана, начальника терского губернского жандармского управления и ротм. Андреева, но их много было). Даже когда я ввел Малиновского, то, несмотря на партийное поручение поставить в Финляндии типографию, последняя не была поставлена, а станок и шрифт, мною от Малиновского взятые в департамент полиции, печатали циркуляры, направленные против той же группы, которая имела в виду поставить эту типографию. Быть может и этого не надо было делать, но я это делал, от этого я не отказываюсь, и за это я понесу и ответственность, потому что я находил, что этим сознательно борюсь с революционными организациями, правильно или неправильно защищая идею царизма; теперь, когда уже поздно для дела, мне в свою пору вверенного, я сознал, что, в некоторых случаях, я поступил не по долгу присяги царю и родине, а следовательно, и не по совести; в этом, хотя и запоздалом раскаянии я, может быть, найду успокоение своей совести, но не оправдание своей вины, и наказание приму, как должное возмездие за мой грех перед царем, которого, несмотря на его гнев на меня, я любил преданно, и перед родиною. Я говорю это искренно и это не фразировка с моей стороны.

Перехожу далее. Затем, когда я уже был директором департамента, то и в области агентурных трат на сотрудников и другие надобности розыскного характера мною был введен некоторый контроль со стороны политического отдела департамента полиции, как путем личного, при ревизиях, ознакомления с агентурой для определения эквивалента стоимости услуг, ею оказываемых делу розыска, так и при представлении в зашифрованном виде в особый отдел сведений о расходах по агентурному розыску. В соответствии с существом расходов из секретной суммы департамента полиции была поставлена и отчетность. Все, что не касалось области расходов чисто по розыску, т.-е. относившихся к сфере наблюдения особого отдела, подчинялось строгой, в соответствии с требованиями ревизионного характера, отчетности, с представлением оправдательных документов, шедших в 3-е делопроизводство департамента полиции, так и по провинциальным розыскным учреждениям; расходы же агентурные проверялись особым отделом, а суммы, отпускаемые заведующему особым отделом или политическому вице-директору, — лично директором; этот отпуск последнего порядка сводился на оплату конспиративной квартиры для свидания с пере-

ходящими в заграничную агентуру сотрудниками, для субсидии проваленным или временно шатающимся сотрудникам, для ведения департаментской агентуры, если она была, на филеров департамента и т. п. В общем, при мне эта отрасль расходов была не особенно значительна, и директор или товарищ министра всегда знали существо этих расходов; поэтому, если и брали иногда означенные лица расписки, то они это делали скорее лично для себя, чем для дела; от сотрудников расписки брались в случае крайней необходимости, чтобы этим путем держать в руках агентуру, и то только в случае недоверия к ней, ибо главным документом, сдерживающим агентуру, являлось первоначальное ее показание, которое хранилось в несгораемом шкафу заведующего особым отделом. Затем, расходы, производимые директором или товарищем министра, были известны министру или товарищу министра, так как я, как для оправдания Н. П. Зуева, так потом и себя, учредил ежемесячно представляемый министру подробный отчет с указанием, кому выдано и на какой предмет. Но, так как расходы директора или товарища министра внутр. дел имели, в большинстве случаев, характер секретных оплат по разного рода предметам, которые иногда не имели чисто розыскного политического характера, то они конспирировались формой, Н. П. Зуевым и мною установленной, письменных приказов о выдаче той или другой суммы «на известное или министру внутренних дел или товарищу министра внутр. дел, смотря от кого исходило распоряжение, употребление». При этом я ввел, в изменение порядка М. И. Трусевича, систему прохождения этих приказов для контроля через финансовое отделение, которое уже делало после своих отметок распоряжение казначею, хотя все деньги секретного фонда и лежали на именном лично директора счету государственного банка и он хранил сам у себя чековую книжку. Затем, уже при А. Н. Хвостове мне пришлось, по его поручению, производить много расходов, за кои я теперь краснею и краснел по оставлении службы в министерстве внутр. дел, узнав ближе А. Н. Хвостова и поняв ту грязь, в которой я сам купался, за что, как я и тогда понимал в душе, справедливо сенат хотел лишить меня звания сенатора, мною уроненного своим поведением около Распутина.

В виду конспиративности этих расходов и больших ассигнований, останавливавших на себе внимание членов департамента полиции, вызвавшее даже мое замечание казначею старику Лемтюжникову, я ввел, для оправдания себя, на ежемесячных отчетах, представляемых А. Н. Хвостову, особую проверочную надпись о том, что отпущенные им мне, по его назначению, на известную ему надобность, по таким-то §§-ам и статьям суммы правильны и расход отвечает своему назначению, и А. Н. Хвостов собственноручно заверял это своею подписью. Деньги на партийные надобности правым организациям, по приказанию министров, конспириро-

вались и отпускались без расписок, ибо министр, просматривая ведомость, знал, что и кому были выданы деньги, и я только брал расписки по фонду на прессу, специально отпускаемому главному управлению по делам печати, ибо там были не мои чиновники из департамента полиции; от сотрудников своих я расписок не брал, ибо их было мало и они были известны министру, а затем расписки их, измененным почерком писаные и под вымышленными кличками (во избежание провала их даже со стороны чинов департамента полиции, чему примером была история с Меньшиковым, служившим в департаменте пол.), значения не имели; от Малиновского С. Е. Виссарионов брал расписку под фамилией «икс»; но это скорее носило характер психологического напоминания Малиновскому ежемесячно о его отношениях к департаменту полиции, а не значение оправдательного документа, ибо тот, пред кем, как раздатчик отпущенного ему аванса, отчитывался С. Е. Виссарионов,—директор департамента полиции—я—при этом же находился; эти расписки, я, при своем уходе, поуничтожал в большом количестве, насколько помню. Когда я был директором, то я, при этих ежемесячных ведомостях, представлял еще министру отчет проверки кассы департамента полиции, которую я завел ежемесячно, 1-го каждого месяца, а затем иногда и внезапно делал ревизии.

Во время моего управления департаментом полиции как за этот период, так и последующий начальником отделения был очень исполнительный, аккуратный и конспиративный чиновник В. И. Дитрихс, коему я верил: ныне его нет уже в живых, к глубокому моему сожалению. Те расходы, которые хотя и были конспиративны, но связаны с известным именем или периодом времени, могущим пролить известный свет для разъяснения их и в будущем, я приказывал Дитрихсу отмечать у себя: напр., за мое время нахождения в должности товарища министра внутр. дел, конспирируя выдачи Маркову и Замысловскому на нужды монархических организаций, деятельность коих была, как это видно из поступивших ко мне отчетов, по моим запросам, слаба, я, тем не менее, отметил, путем записей Дитрихса, выдачи А. И. Дубровину и В. М. Пуришкевичу; это было сделано мною сознательно. А. И. Дубровин не был еще до того связан с департаментом полиции, по крайней мере, за время моего нахождения в должностях директора и товарища министра внутр. дел, и также не брал от меня и по фонду прессы; но я знал, что у него дела по организации слабы и что к Маркову он не обратится, ибо они были в натянутых отношениях, а я, по поручению А. Н. Хвостова, имел задание к съезду объединить все разрозненные силы монархических организаций. Поэтому я теснее сблизился лично с А. И. Дубровиным и, кроме означенной помощи, доложил А. Н. Хвостову о двух еще просьбах Дубровина, исполнение которых связывало Дубровина и налагало на него некоторое обязательство итти навстречу

нашим пожеланиям, что он и сделал. Если бы А. Н. Хвостов и я оставались на местах своих до пасхи, то А. И. Дубровину было бы нами исходатайствовано пожалование в чин действ. стат. советника за его заслуги монархическому делу. Кроме того, в этот период времени над А. И. Дубровиным повисла грозовая туча в виде отбытия наказания по приговору суда за его газетные выступления. Приговор вошел в законную силу, и так как полиция могла лишь временно, в виду болезни А. И. Дубровина, отсрочить приведение в исполнение постановления суда, то я, вследствие просьбы А. И. Дубровина, по поручению А. Н. Хвостова отправился к министру юстиции А. А. Хвостову и, после доклада ему о положении дела, получил от него обещание принять меры к приостановлению судебного решения до разрешения всеподданнейшим докладом вопроса о помиловании Дубровина.

Что же касается В. М. Пуришкевича, то он в декабре 1915 г. откололся от Замысловского и Маркова, и последние настаивали и перед А. Н. Хвостовым и предо мною о прекращении выдач Пуришкевичу на его организации, в особенности после его отказа от участия в монархическом съезде. А. Н. Хвостов не хотел прерывать сношений с Пуришкевичем, а мне лично в ту пору вся линия поведения Пуришкевича казалась неискренней, так как то, что он говорил во всероссийской аудитории, не отвечало, по имевшимся у меня сведениям, тому, что он сообщал своим ближайшим сотрудникам по совету Михаила архангела. В этом отношении я был прав, потому что Пуришкевич сейчас же, по получении денег, демонстративно подошел в Государственной Думе к Г. Г. Замысловскому и купил у него для своих солдатских библиотек в санитарные свои поезда на две тысячи рублей, если не ошибаюсь, 400 книг по делу Бейлиса и тут же уплатил Замысловскому деньги. Этот поступок Пуришкевича удивил Замысловского и он понял, что Пуришкевич получил откуда-то деньги. Замысловский, придя ко мне в декабре, один без Маркова, с просьбой выдать ему на секретные от Маркова надобности партийного характера десять тысяч руб. и шесть тысяч на газеты «Киев» и еще какую-то, не помню уже, что я и исполнил из оставшегося у меня аванса из поездки в ставку, спросил меня пытливо, не выдавал ли я Пуришкевичу денег; когда я ему ответил отрицательно и за себя, и за Хвостова, коему я потом обо всем этом рассказывал, то он, Замысловский, передал мне об этом факте покупки у него Пуришкевичем книг о Бейлисе. Вследствие этого я приказал Дитрихсу зафиксировать эту выдачу. Три ассигнования Дитрихс отметил по собственной инициативе в виду того, что он видел у меня этих лиц, когда приносил денежные ассигнования эти, — Римскому-Корсакову, Суворову и вторично Дубровину.

В выдаче 13.000 руб. А. А. Римскому-Корсакову надо иметь в виду две выдачи — Римскому-Корсакову только 1.500 руб. на

организационные расходы по учреждению совета всероссийского общества попечения о беженцах православного исповедания, о задачах и целях коего я уже говорил, а остальные деньги представляют замаскированную сумму кн. М. М. Андроникову, о чем я уже упомянул: 10 тысяч, под видом субсидии на еженедельную на 1915 год газету «Голос России» и 1.500 руб. для Распутина. Затем в выдаче А. П. Суворову 45 тыс. надо видеть две выдачи: основной аванс мне в 40 тыс. на расходы совершенно секретного характера, связанные, главным образом, с Распутиным или поручениями А. А. Вырубовой и т. п. Этого аванса, когда у меня не хватило, я не пополнял, а пользовался только некоторыми остатками от аванса по поездке в ставку и на Волкова, так как, узнав ближе А. Н. Хвостова, я решил все суммы, идущие на Распутина, с января 1916 года фиксировать отдельными требованиями, что и делалось мною потом, начиная с 3 января 1916 года. Суворову же было выдано 5.000 руб. Его лично Дитрихс знал еще со времени моего директорства, когда Суворов жил в одном из подмосковских пригородов (я не припомню, в каком) по приобретенному им в Москве документу не на свое имя и обслуживал мне одного униатского священника, бывшего ранее православным; в это время я наблюдал за униатским митрополитом Шептицким, в виду дошедших до меня сведений о его стремлении сблизиться с старообрядцами-поповцами в Нижнем-Новгороде и нашими униатами. Затем, В. Г. Орлов меня с этим священником свел, и я его заагентурил, но это было за месяц до ухода моего с поста директора; узнав о моем уходе, священник этот отказался сотрудничать комулибо другому из чинов департамента. Суворов же посылался мною, в пору моего нахождения в должности товарища министра, в область Войска Донского для объезда ее, в виду имевшихся у меня сведений об антидинастическом движении среди казачества на почве недовольства близостью Распутина к августейшим особам. Сведения эти подтвердил мне не только Суворов, после своего объезда, но и начальник областного управления полк. Домбовский именным письмом, ставя их в зависимость от разговоров на эту тему в связи с приездом депутата Харламова. Суворова (Александра Павловича) я хотел потом командировать в Терскую область, но он должен был отбыть на родину на Волгу (он старообрядец, развитой и ловкий человек, разъезжал в качестве торгового комиссионера; Суворова мне рекомендовал покойный П. Н. Дурново), не помню, в какую именно губернию, для отбытия военной службы, и потому он от этой командировки отказался и больше ко мне не являлся. Затем некоторые суммы на прессу, как, напр., члену Государственной Думы Дерюгину и Алексееву — 45.000, Маркову два раза: в декабре три тысячи и январе восемь тыс., журналу «Русский Гражданин» 3.500 руб., д. ст. сов. Потемкину (заведывавшему фондом прессы, в январе 1916 г., когда еще

не было отпуска по главному управлению по делам печати) — 5.000 руб., редактору газеты «Россия» в феврале — 5.000 руб., потом мне для Маркова в январе и феврале по 15.000 руб., а всего 30.000 руб. для «Земщины» и лазарета, как дополнительное ассигнование и, наконец (как значится в записке Дитрихса в ноябре «заимообразно 30.000 на прессу»), Гурлянду — 30.000 руб., — были суммы, заимообразно взятые из секретного фонда, но А. Н. Хвостов поручил мне выдать их по указанному назначению, имея в виду испросить особым докладом на 1916 год дополнительно усиленную субсидию на поддержание правой прессы; но этого не последовало, так как главное управление не получило особого серьезного дополнения на свой рептильный фонд, как я думаю, вследствие возникших между А. Н. Хвостовым и П. Л. Барком осложнений на почве интриги А. Н. Хвостова против П. Л. Барка. В январе 1916 года А. Н. Хвостов все-таки мне подтвердил, что он эту сумму возвратит департаменту полиции при осуществлении своего широкого плана в борьбе с либеральной прессой, о чем я уже докладывал. В виду этого я, считая эти выдачи заимообразными, и указывал Дитрихсу делать отметки о них в своих записках. Гурлянду первая ассигновка была выдана открыто 20.000 руб. в октябре 1915 года на оборудование помещения под свою организацию для постановки бюро печати по отражениям прессы на все события в государственной жизни России; 30.000 руб. выданы из сумм департамента законспирированно, так как по главному управлению вообще денег не было. Затем ноябрьское ассигнование 30.000 руб. было недостаточно на все нужды партийной прессы и кроме того все, что можно было взять оттуда, было взято, а кн. Урусов, который на свой фонд «Правительственного Вестника» также вел дело поддержки губернских органов и субсидий правой прессе бумагой, статьями и бюро, шел пока против полной передачи всех своих средств на начинания Гурлянда; вследствие широты дела Гурлянда и некоторых расходов агентурного свойства по прессе русской и иностранной, фамилии Гурлянда я приказал Дитрихсу не упоминать, а только сделать отметку для возврата этих денег в 1916 году.

Члену Государственной Думы П. Н. Крупенскому, как я уже сообщал, А. Н. Хвостов, в его присутствии, приказал мне выдать деньги на открытие думской продовольственной лавки, но, по его уходе, сообщил мне, что Крупенский ему нужен для освещения думских настроений; в виду этого и так как по секретному фонду департамента полиции Крупенский проходил впервые, то я не только приказал его отметить, но и деньги послал ему на квартиру через курьера Козлова, которого я, как старого служащего в департаменте полиции, еще со времен П. Н. Дурново, знал за конспиративного человека. Все выдачи Прилежаевой — сестре епископа Варнавы, кроме суммы в январе 1916 г. в 100 руб., были

сделаны для оборудования квартиры на случай приезда епископа Варнавы и заездов к нему Распутина, о чем я уже раньше упомянул, но владыка впоследствии остановился в лавре; 100 руб. в январе 1916 года это жалованье Прилежаевой, а пред этим за все предыдущие месяцы она получила от меня, из моего аванса, по 100 руб. для наблюдения за Распутиным и удержания его от некоторых публичных выступлений; влияния на Распутина она особенного не имела и он, в виду подозрительного отношения впоследствии к епископу Варнаве, в особое свое доверие затем Прилежаеву не вводил. Квартиру эту, после моего ухода, материально обслуживал и жил в ней Н. И. Решетников. В. Н. Степанова (Дезобри) на свою народную газету, еще со времен моего директорства, получала ежемесячно по 2.000 руб.; остальные же выдачи относятся к оборудованию ею первой организованной нами потребительской лавки при Путиловском заводе; затем Степанова вышла, по моей просьбе, из общества по борьбе с дороговизной, как я уже указал, после статьи Л. М. Клячко в «Речи». В эту мою служебную пору и впоследствии Степанова, после смерти мужа, от активной работы в среде рабочих уже отошла; затем она болела и погрузилась в дела своей типографии. Я заверяю своим словом, если оно имеет значение для Степановой, в случае привлечения ее к ответственности, и говорю это по совести, что в данное время, т.-е. когда я был товарищем министра и затем, когда Степанова, после моего ухода, по частному делу своего брата инженера, приходила ко мне, она была искренно настроена в отношении необходимости для правительства обратить внимание на продовольственные нужды рабочих кварталов вне проведения какой-либо среди рабочих политики, а затем она мне указывала, но это уже было в конце моей службы, и на осложнившийся, в особенности во время войны, жилищный рабочий вопрос в Петрограде, и я имел в виду образовать общество дешевых для рабочих квартир.

Выдачи двум чиновникам департамента полиции Юзефовичу (лицеисту) и Рачковскому (правоведу) относятся к командировке их в Румынию как за наблюдением за Кюрцем, так и со статьями, которые составлялись в Петрограде в организации Гурлянда, за что последнему было выдано 800 руб., и передавались Кафафову, для вручения этим двум чиновникам, на предмет помещения их в румынской прессе в борьбе с инсинуациями и неправдой о настроении русского общества и войск в войне с Германией. В эту пору Германия всячески мешала слиянию Румынии с Россией, гипнотизируя общественное мнение Румынии в свою пользу, путем широкого использования сочувствующих Германии румынских органов прессы. Когда я познакомился с тем, что печаталось в Румынии про Россию, то решил использовать с выгодой для нас посылку этих двух молодых чиновников, знающих Европу, поручив им, в то же время, и проследить за Кюрцем. Кюрц — преподаватель

иностранных языков и был военным ведомством приглашен для своих целей в Румынию. Но затем, когда я увидел, что он почему-то счел нужным рассылать свои отчеты и И. Л. Горемыкину и в департамент полиции и, видимо, в другие места, мне показалось это подозрительным, тем более, что и И. Л. Горемыкин меня спросил, можно ли ему верить Кюрцу; в виду этого я, хотя и не имел о нем неблагоприятных сведений, но, под видом помощников ему в деле обслуживания прессы, исполняя его желание, командировал этих чиновников с тем, чтобы они, привозя донесения его, не оставляли без наблюдения Кюрца, чередуясь поездками. Кюрц был потом военным начальством арестован, но перед новым годом (1917 г.) я его видел в поезде Москва — Петроград снова в форме чиновника военного ведомства, и хотя он мне заявил, что его арест был неоснователен, но я все-таки отказался входить с ним в дальнейшие разговоры.

Все выдачи Г. И. Кушнырь-Кушнареву на сумму 160.000 руб. относятся к расходам на организацию сети продовольственных лавок. Что касается вообще расхода на этот предмет, то хотя он прямого отношения к задачам, преследуемым секретным фондом, не имел, ибо мною никакого секрета не преследовалось в данном случае, но другого источника не было в министерстве внутренних дел, а между тем, этим путем все-таки вносилось успокоение в рабочие кварталы. Кроме того, это была заимообразная выдача обществу в борьбе с дороговизной и, после моего ухода, Г. И. Кушнырь-Кушнарев, от имени общества, начал, как говорил мне вице-директор П. К. Лерхе, погашать этот долг департаменту полиции.

Все ассигнования ген. М. С. Комиссарову шли на цели, мною уже указанные, т.-е. на выдачу ежемесячно Распутину 1.500 руб., конспиративную квартиру для свидания с Распутиным и наблюдение за ним. В связи с учреждением ген. Комиссаровым филерного особого отряда, о коем я уже показывал, официально причисленного к особому отделу департамента полиции, находится одна ассигновка, выданная мною вице-директору И. К. Смирнову,— кажется, та, которая помещена в ассигновании 22 декабря на сумму 290 руб. Расходы на Распутина вообще производились и ранее; я не знаю, как осуществлял П. Г. Курлов свое наблюдение за ним, ибо он получал при П. А. Столыпине ассигнования из департаментского фонда на секретные надобности по своим, а не П. А. Столыпина, требованиям; это может знать Н. П. Зуев, как директор департамента полиции; мне Н. П. Зуев о существе расходов по авансам П. Г. Курлова не говорил, хотя, когда поступали требования от П. Г. Курлова, в особенности в связи с высочайшими выездами, я об этом Н. П. Зуеву докладывал; но тогда иначе была поставлена охрана государя, ибо весь центр распорядительных действий лежал на П. Г. Курлове, и он, по особым всеподданнейшим

докладам П. А. Столыпина, во время этих своих поездок имел неограниченные права министра внутренних дел. Взятую пред выездом в Киев сумму в 50.000 руб. П. Г. Курлов мне, по возвращении из Киева, вернул, что видно из приходных статей кассы департамента и всеподданнейшего доклада М. И. Трусевича, расследовавшего дело об убийстве Столыпина. Но или на Распутина, или на Филипса, которого тогда высылали из Петрограда во Францию, расходы должны были производиться.

При мне, когда я был директором, на охрану Распутина отпускались деньги начальнику петроградского охранного отделения, и ни А. А. Макаров, ни я, ни тем более В. Ф. Джунковский из сумм департамента полиции лично на него расходов не несли, и Н. А. Маклаков, хотя и принимал у себя, очень редко, правда, Распутина, но из сумм департамента полиции ничего на Распутина не брал. Охрана Распутина осуществлялась по приказанию свыше и, в связи с его именем, приподымавшим антидинастическое настроение, имела юридическое основание в своем чистом виде наблюдения за ним, а следовательно, и трат из этого фонда. Но в той форме выдач, какую я производил, по приказанию и с ведома министра А. Н. Хвостова, но для меня необязательных и в круг моих служебных действий не входящих, охрана Распутина носила совершенно иной характер, имеющий отношение к секретной сумме департамента полиции, разве только с точки зрения приобретения в лице Распутина активной агентуры около государя и пользования ею в ущерб его же интересов. Но на самом деле выдачи денег Распутину другого характера, кроме личных наших выдач, т.-е. А. Н. Хвостова и моих, не носили, ибо и А. Н. Хвостов и я хорошо знали жизнь Распутина, чтобы не верить тому, что наши субсидии спасают его от других получений за проводимые им дела и на удовлетворение потребностей семейного и жизненного обихода.

Лично мною Распутину было выдано, в связи с событиями, мною отмеченными в моем предыдущем докладе, 3 тыс. вступных, на погашение дела с лакеем и поездку по святым местам, не осуществившуюся впоследствии, восемь тыс. руб., в декабре месяце, пред рождественскими и новогодними праздниками, 3 тыс. руб., а он послал мне и Хвостову через ген. Комиссарова по портсигару из корельской березы, вложив туда бумажки с надписями от себя, — не помню, что А. Н. Хвостову он написал, ибо М. С. Комиссаров раньше передал ему этот подарок, а мне — «дельцу», — и по календарю стенному, тоже с каким-то новогодним пожеланием; и в январе 3.500 руб. — 3 тыс. ему и 500 руб. для одной дамы-беженки, танцами которой он увлекался. В январе две тыс. руб. выдано было ген. Комиссарову на подарки Распутину и его семье по случаю именин Распутина 10 января, о коих я уже показал. Такой же личный характер, настолько личный,

что я теперь краснею, когда пишу, и считаю своим долгом эту сумму попросить свою жену внести на благотворительные нужды того комитета, где я безвозмездно работал (я, показывая по чистой совести, не могу скрыть этот расход, хотя он и нигде не записан), носит посылка А. А. Вырубовой на нужды ее лазарета, при письмах А. Н. Хвостова и моих, после наших назначений, по 2 тыс. руб. и 9 декабря, в день ее ангела (как я думал, но потом, через год, я узнал, что она празднует свой день ангела 3 февраля) от А. Н. Хвостова тысячу и меня — 2 тыс. руб. как от лица, имевшего почти непрерывные с нею деловые свидания.

Подобного рода ассигнования, но не в такой личной форме, правда, производились по министерству внутренних дел и ранее, но не из секретной суммы департамента, а из 50 тыс. экстраординарного кредита на представительные нужды министра внутренних дел, находившегося в бесконтрольном пользовании последнего. За мое время А. Н. Хвостов получил этот кредит, в виду назначения А. Н. Хвостова в конце уже года, в таком незначительном остатке, что мне пришлось с первых же дней вступления в должность взять много расходов на кассу департамента полиции, в особенности, выдачи пособий, пенсий, на подарки, чинам канцелярии и пр.; я теперь затрудняюсь даже указать, сколько на это было израсходовано из сумм департамента, но так как эти ассигнования шли, в главном казначействе, не из моего аванса, то в делах департамента должны быть следы. Я лично дал полк. Пиронгу на подарки всем камердинерам и высшей дворцовой прислуге при вступлении А. Н. Хвостова в должность, — сколько не помню, — но не менее, кажется, $1^1/_2$ тыс. руб. Затем, через ген. Вендорфа в ноябре месяце (ассигновка 23 ноября, № 26897, на 300 р.) также был сделан подарок главному камердинеру государя, которому ген. Вендорф давал подарки при Плеве и Дурново; из отпущенной суммы ген. Вендорфу было израсходовано им на 100, если не ошибаюсь, руб. меньше, и эти деньги он мне представил при бумаге, а я их, вместе с письмом, передал Дитрихсу на восстановление кредита. Вообще, в министерстве внутренних дел по другим департаментам, в том числе, главным образом, по департаменту общих дел, существовал взгляд на секретный фонд департамента полиции такой, что если в каком-нибудь департаменте или не было источника, или законного титула для государственного контроля, или даже прямо не хотелось тратить своих кредитов, чтобы сберечь остатки на наградные ассигнования, или надо было прикрыть какой-либо недосмотр от глаз государственного контроля или излишних разговоров, или дать секретную командировку, связанную с расходами агентурного характера (как часто было по департаменту духовных дел иностранных исповеданий), или прибавить своему чиновнику жалованье, или взять все его содержание не на свои средства и т. п., то в таких случаях

директора этих департаментов обращались к министру внутренних дел лично или заручившись предварительно согласием директора департамента полиции об отпуске, на удовлетворение означенных нужд, необходимых ассигнований из сумм департамента полиции. Это было и до меня, и при мне, и после меня; примеров в департаменте полиции можно найти по расходной смете много. Основанием такого взгляда служило общее мнение, что эти суммы безотчетны, и что, видимо, они не все идут на свое прямое назначение, так как все чины департамента полиции, как в центральном учреждении, так и в провинциальных розыскных органах, получали, сверх штатного отпуска, иногда равнявшееся последнему, а для директоров даже более штатного, дополнительное содержание из секретного фонда; из него же шли все наградные и подсобные ассигнования чиновникам, из него же оплачивались высочайшие подарки не только чинам департамента полиции, но и другим, близким министру внутренних дел чиновникам министерства; из этого источника расходовались деньги на все хозяйственные нужды департамента полиции, а иногда и дома министра, если не хватало специального кредита по департаменту общих дел и т. п. В особенности это более стало заметным со времени урегулирования Государственной Думой, по бюджетной комиссии, сметы министерства внутренних дел и вследствие постоянных, при прохождении в комиссии ежегодно смет, разговоров о неправильности расходования денежных ассигнований по тому или другому департаменту.

Этими причинами и объясняются некоторые расходы и за мой период, с ведома и приказания министра внутренних дел, сделанные в течение последних месяцев 1915 и начала 1916 г. Таковы следующие ассигнования: 1) Губернаторам и вице-губернаторам при их назначениях или переводах, сверх законных отпусков по департаменту общих дел, в силу высочайших предуказаний и распоряжений министра внутренних дел; под влиянием обстоятельств военного времени, возлагавших на губернаторов обязанности по комплектованию армии, заготовке продовольствия, обуви, по борьбе с антисанитарией (как помощников принца Ольденбургского), по устройству беженцев и т. п., а на вице-губернаторов — управление губернией на правах губернаторов (что видно из всеподданнейшего доклада А. Н. Хвостова, который я составлял), — губернаторы и вице-губернаторы должны были, вне установленного законом поверстного срока, немедленно выезжать к месту служения, не имея возможности устроить даже свои личные и имущественные дела, а, как, напр., назначенный виленским губернатором управлявший Петроградской губернией вице-губернатор гр. А. Н. Толстой должен был жить на два дома, ибо он, состоя, в интересах обслуживания нужд армии, при передовых войсковых частях своей губернии (г. Дисне), не мог, находясь в постоянной

возможности передвижения, даже взять не только семью, но и жизненные необходимые для обихода предметы. Между тем, казенные отпуски подъемных денег рассчитаны по мирному времени даже вне условий дороговизны жизни. Вследствие этого тем губернаторам и вице-губернаторам, коих условия службы или специальные поручения министра заставляли немедленно выехать к месту служения, давались дополнительные ассигнования из единственного в ту пору возможного источника — средств департамента полиции. Эти отпуска денег были даны нижепоименованным чинам министерства внутренних дел: виленскому губернатору — гр. Толстому 2 тысячи рублей (9 января 1916 г.); назначенному в Воронеж вице-губернатору фон-Штейну 2 тысячи (фон-Штейн должен был выехать немедленно, сверх указанных выше причин, и потому, что в Воронежской губернии, несшей большие обязательства в отношении армии, не было в ту пору ни вице-губернатора, ни губернатора, ибо губернатор Г. Б. Петкевич был назначен директором департамента духовных дел иностранных исповеданий); переведенному в Минск губернатору Чернявскому, вызванному немедленно главнокомандующим армией в свое распоряжение и выехавшему срочно, хотя у него умер в ту пору старший сын, — 1.000 руб. (сверх отпуска); вновь назначенному в Вологду губернатору 2 тысячи рублей, на срочный выезд в губернию, в которой ранее служил А. Н. Хвостов, имевший в виду обеспечить себе в Вологодской губернии условия прохождения в Государственную Думу на случай невозможности пройти по Орловской или Тульской губерниям; вице-директору Панчулидзеву, как бывшему чиновнику канцелярии министра внутренних дел, несшему обязанности, в случае отсутствия, секретаря министра внутренних дел, назначенному на Кавказ и вызванному уже к месту служения своим губернатором, — 300 рублей (он холост); губернатору Багговуту, переведенному, отчасти под влиянием указаний ген. Воейкова, в Курск из Полтавы, куда просился Р. Г. Моллов, но его не согласился назначить в сенат министр юстиции А. А. Хвостов, — 2 тысячи рублей; затем, находившимся в Петрограде по служебным делам и, в силу этого, задержавшимся здесь (в частности Мордвинов) явкою к министру внутренних дел, отложившему в ту пору несколько служебных приемов — А. А. Евреинову (пензенскому губернатору), уральскому вице-губернатору М. Д. Мордвинову — по 1 тысяче рублей (ассигновка в феврале 1916 года) и нижегородскому губернатору А. Ф. Гирсу — 2 тысячи рублей, потом члену совета В. А. Лопухину, по оставлении им должности вологодского губернатора, вследствие, между прочим, указанных выше мною причин назначения вологодским губернатором лично известного А. Н. Хвостову лица, было назначено дополнительное пособие на переезд 2 тысячи рублей в январе 1916 г. 2) В этот период времени А. Н. Хвостов отнес на средства департа-

мента полиции содержание многих членов совета министра внутренних дел и главного управления по делам печати по целому ряду его личных назначений, из коих только некоторые несли обязанности по департаменту полиции или исполняли поручения министра внутренних дел по командировкам в связи с переписками департамента полиции. 3) В силу приведенных выше оснований, была выдана заведывающему хозяйственной частью департамента полиции и дома министра внутренних дел на Фонтанке 16, действ. ст. сов. Н. Н. Симановскому в декабре 1915 года (ассигновка № 65369) 1.715 руб.; этот расход чисто хозяйственного свойства и по дому министра внутренних дел, т.-е. подлежавший уплате по счетам департамента общих дел; оплачен же он был средствами департамента полиции вследствие некоторой неловкости в отношении бывшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова, выяснившейся, как мне и А. Н. Хвостову заявил вице-директор департамента общих дел, а при А. Д. Протопопове директор того же департамента Е. Г. Шинкевич, а потом подтвердил мне Н. Н. Симановский, после ухода Н. А. Маклакова. Дело заключалось в том, что летом, во время нахождения семьи Н. А. Маклакова в его подмосковском имении, заведывавший, после ухода статского советника В. Н. Лабзина в связи с уходом А. А. Макарова, хозяйственною частью всего министерства и домами министра чиновник особых поручений Димитри, исполняя общее распоряжение министра внутренних дел Н. А. Маклакова об обновлении мебели министерского дома, привел в порядок, в числе казенных вещей, и личную мебель Н. А. Маклакова, не справившись, видимо, как следует, по описям инвентарного имущества министерского дома. Это обстоятельство выяснилось только после вскоре последовавшего ухода Н. А. Маклакова при оплате счетов и подготовке дома к зимнему переходу министра кн. Щербатова; но, так как и кн. Щербатов недолго пробыл на своем посту, то разрешение этого вопроса выпало на наше рассмотрение. Так как этот счет не был бы пропущен контролем при сличении с инвентарною описью, в департаменте же общих дел не было источника погашения его, а факт обивки мебели совершился, то я высказал А. Н. Хвостову свое мнение о нежелательности расследования этого дела для выяснения виновного лица, так как один факт расследования мог бы дать повод Н. А. Маклакову, коего не было в Петрограде, видеть некоторую в отношении его некорректность и послужить темою для разного рода толков, связанных с его именем; в виду этого и незначительности суммы, упадавшей на личную мебель Н. А. Маклакова, который, как тоже впоследствии выяснилось, об этом действительно не знал, судя по тому, что он мне передавал незадолго до моего ухода, то и А. Н. Хвостов, и я приказали всю переписку взять из департамента общих дел и передать

Н. Н. Симановскому для погашения соответствующего счета из секретных сумм департамента.

Как на пособия, надо смотреть на расходы: 1) 8 ноября 1915 года А. И. Лопушанскому — 500 рублей; это чиновник департамента полиции, переведенный мною в департамент перед упразднением киевского генерал-губернаторского управления и лично мне хорошо известный; Лопушанский обременен большою семьей, все дети учатся; в это время заболела его жена, и его постигло, не помню, еще какое-то другое, стеснившее его материально, несчастие; выдача пособия, превышавшего месячный его оклад жалования и к тому же за месяц пред рождественскими наградными — могла бы дать повод объяснить ее моим старым знакомством с Лопушанским, а не перечисляемыми мною условиями его тяжелого положения; в виду этого я назначил ему эту выдачу, как эквивалент за исполнение особого поручения. 2) 23 ноября 1915 года Ю. А. Рупышевой, вдове почтового чиновника, муж которой умер, состоя на службе в думском почтово-телеграфном павильоне, оставив жену без всяких средств к жизни с детьми; в свое время, когда я был директором департамента полиции, муж Рупышевой получал, в числе других лиц, дополнительное содержание, из сумм департамента полиции; 3) 23 декабря Рахманову — чиновнику земского отдела, служившему бесплатно в земском отделе до получения должности земского начальника, лично мне известному, переживавшему в ту пору с семьею тяжелые материальные затруднения; он в скорости получил назначение; 4) 26 ноября 1916 года г. Кузьминскому, служившему в новоалександровском, Ковенской губернии, полицейском управлении и, при занятии города неприятелем, эвакуированному оттуда с семьею. Кузьминский оставил на месте все, что он имел. Я его лично знал и принял участие в его служебном устройстве, дав ему рекомендательное письмо к одному из губернаторов, кажется, минскому, и материально помог; 5) 25 ноября А. А. Шпаковскому — виленскому губернскому архитектору; при наступлении неприятеля, жена этого инженера с детьми, бывшими в кори, в температуре около 40°, оставив все, кроме постельного платья и платков, в кои дети были закутаны, с последним товарным поездом была вывезена из Вильны, а муж, имея от военного начальства поручение снять колокола и памятники в Вильне, исполнив поручение, за которое получил благодарность от главнокомандующего, вместе с последними эшелонами нашего войска, без денег приехал к жене в Петроград, где находилась в вдовьем доме его мать. Узнав об этом и ценя инженера Шпаковского еще со времени моей службы в Вильне, как хорошего архитектора по тем сооружениям, которые он строил по поручениям начальства, я пригласил его в комитет, учрежденный ген. Джунковским, по постройке, на оставшийся, после моего ухода, упомянутый выше

запасный фонд, петроградского охранного отделения на купленном ген. Джунковским участке земли, где помещалось губернское жандармское управление, так как в комитете не было представителя техника от департамента полиции, и дал ему, по докладе министру внутренних дел, как прикосновенному к департаменту полиции чиновнику, пособие в 2 тысячи рублей и жалованье за 2 месяца вперед; если не ошибаюсь, Шпаковский остался и после моего ухода, как опытный и знающий архитектор. Постройку здания я уже застал доведенной до половины; ответственным по постройке лицом и при мне остался назначенный ген. Джунковским ген. Попов; 6) есаулу Каменеву 28 ноября 1915 года было назначено пособие, в виду его перехода на службу сначала в корпус жандармов, а затем уже А. Н. Хвостов устроил его при себе офицером для поручений. Перед назначением Каменев ездил лечиться на Кавказ вследствие болезни, связанной с пребыванием его на фронте в составе казачьего отряда Донского казачьего войска. Есаула Каменева А. Н. Хвостов приблизил к себе еще со времени своего губернаторства, когда Каменев служил офицером полицейской стражи, как доверенного человека, а, по уходе из министерства внутренних дел, просил иркутского генерал-губернатора Пильца взять его к себе в качестве офицера для особых поручений, что Пильц и исполнил; 7) в январе 1916 года было выдано Салтруновичу (ассигновки №№ 45072 и 46695), коего я лично знал и за коего просил Замысловский, по докладу А. Н. Хвостову, пособие в 450 рублей как бежавшему, вследствие приближения неприятеля к Минску, при общей эвакуации населения города, редактору минской правой субсидируемой правительством, перенесенной из Вильны («Виленский Вестник»), газеты; Салтрунович все небольшое свое имущество оставил в Минске и, пока не нашел материального заработка, сильно нуждался.

На партийные нужды правых организаций, кроме упомянутых мною выше задач, были сделаны следующие ассигнования, на предмет сплочения сил и объединения общим планом работы, вследствие полученных мною от розыскных учреждений, по моему запросу, сведений, показавших полную нежизнеспособность провинциальных отделов. План работы на местах этих организаций и задачи момента видны из трудов двух монархических съездов. На нужды главного совета союза русского народа и других монархических организаций, где руководили Марков и Замысловский, суммы получались этими лицами, приходившими ко мне вместе или порознь, но солидарно отражавшими поручения А. Н. Хвостова. Первое время нашего назначения совпало с отсутствием Н. Е. Маркова, но он приехал к съезду и о суммах был посвящен. Только один раз Г. Г. Замысловский в декабре получил от меня 10 тыс. руб. отдельно и секретно от Маркова. Поэтому в выдачах на партийные нужды я их не отделяю. Член совета инженер В. П. Соколов ко мне за

деньгами не являлся. Главные выдачи были пред съездом монархических организаций; о роли А. Н. Хвостова, с коим руководители организаций вели совещания по партийным делам за мое время, я уже говорил, как равно показывал о том, что он приказал не стеснять этих двух лиц в получении на партийные нужды ассигнований. Выдано: на монархические съезды в Петрограде и Нижнем Новгороде 20 тысяч и на печатание трудов съездов 5 тысяч, — итого 25 тысяч рублей (ассигновка 20 октября № 61172), на нужды по партии 10 тысяч рублей (ассигновка 23 октября № 61377), — здесь ошибочно написано Дубровину; последний был у меня по другому делу — личному, Замысловский же пришел за деньгами позднее; в декабре я выдал Маркову на партийные нужды 20 тысяч для ликвидации 1915 года и на 1916 год из ассигновки 8 декабря № 63783 в 23.500 рублей и в декабре — Замысловскому, как я уже показал, секретно от Маркова 10 тысяч рублей на партийные дела и на газеты 6 тысяч рублей из моего аванса общего и остатка от поездки в ставку в декабре в 18 тысяч рублей. Память мне подсказывает еще выдачу Замысловскому вначале, но, может быть, это было из фонда прессы. Затем Г. Г. Замысловскому, по личному распоряжению А. Н. Хвостова, мною было выдано, по ассигновке 15 октября за № 60946, — 25 тысяч рублей на дополнительные расходы по изданию книги о процессе Бейлиса, вследствие вздорожания труда, бумаги и введения им в книгу картин. Я уже показал, что мысль об издании этой книги зародилась у Замысловского сейчас же по окончании процесса, и тогда же он, как я потом узнал, получил согласие Н. А. Маклакова на выдачу ему субсидии. Когда эта книга Замысловским уже была приготовлена к печатанию, то покойный гр. Татищев, бывший тогда начальником главного управления по делам печати, коему Н. А. Маклаков поручил ознакомиться с этим трудом и дать Замысловскому деньги на это издание, мне передал обо всем этом и добавил, что, вследствие отсутствия у него кредита (кажется, тоже в 25 тысяч рублей), он Замысловскому денег не может выдать и что Н. А. Маклаков разрешил ему переговорить по этому поводу со мной для исполнения просьбы Замысловского. Н. А. Маклаков, когда я об этом его спросил, подтвердил мне свое указание, данное гр. Татищеву по этому предмету. Но я не помню, я ли или Брюн де-сент-Ипполит осуществили это приказание, ибо все переговоры по этому вопросу были в конце моей службы в департаменте полиции. Настоящую, 1915 года, запись, как именную, я, как и все, что касалось дела Бейлиса, в чем убедилась комиссия, приказал Дитрихсу отметить для памяти мне в будущем. Наконец, тому же Замысловскому были мною выданы (ассигновки 20 января №№ 61174 и 61175) 5 тысяч и 1½ тысячи рублей на издание брошюры, на правах рукописи, направленной против ген. Джунковского, которую я сам, в виду укора, хотя и запоздалого, моей совести, предста-

вил, как знаете вы, г. председатель, в комиссию. Деньги были выписаны по двум ассигновкам потому, что Замысловский говорил со мною утром на квартире о деталях издания этой брошюры, после общего накануне решения А. Н. Хвостовым, принеся мне основную статью о деятельности ген. Джунковского в Москве в дни московского восстания, и определил приблизительно расход в 5 тысяч; но все-таки обещал мне, пойдя в типографию, узнать точно и сообщить по телефону, если расход превысит эту сумму. Так как я не получил от него телефонного сообщения по приходе в департамент, то отдал Дитрихсу распоряжение о выписке основной суммы в 5 тысяч, а потом Замысловский мне сказал позднее, что еще надо $1^1/_2$ тысячи рублей, в виду чего был мной дан дополнительный ордер Дитрихсу на эту сумму.

Что касается расхода Волкову (ассигновка 23 октября № 51368), то я понял из доклада Волкова о цели его поездки в Нижний-Новгород, что ему придется нести большие агентурные расходы, и взял для него 5 тысяч; но вечером А. Н. Хвостов, подробно говоря мне о Волкове и о его желании обнаружить незаконное, якобы, пользование Салазкиным своими правами, не помню, кажется, по союзу городов или по промышленному комитету (переписка есть в департаменте в форме отчета Волкова), сказал, что 5 тыс. будет много; поэтому я выдал Волкову меньшую сумму, а остаток оставил, как аванс, для него же; из этого аванса я, помимо жалования по департаменту, дал Волкову разновременно — под расписки, насколько помню, не менее 2 тысяч руб. Сам Волков человек аккуратный, и он это помнит и скажет; из этого же аванса я дал Ржевскому и за октябрь и, кажется, за сентябрь по 500 рублей; за октябрь помню наверно. Выдача Мемнову — 100 руб.; Мемнов явился ко мне как представитель мелких кустарей из московского, кажется, района, приехав с выборными жаловаться на то, что промышленный местный комитет обходит их заказами на военные надобности и тем убивает местный кустарный промысел. В виду этого я, дав им на обратный путь 100 р., поручил кн. Ширинскому-Шихматову расследовать секретно это дело и на это выдал ему 500 р. (ассигновка № 63784). Рапорт кн. Ширинского-Шихматова в делах департамента имеется. Выдача мне дополнительного содержания в 3 тыс. руб. проходит по всем записям в авансовых суммах, кроме февраля 1916 г., когда я, разойдясь уже с А. Н. Хвостовым, не счел себя в праве пользоваться его милостями. В октябре месяце они значатся в ассигновке 4.500 руб. (26 октября № 61453).

Здесь 1.500 р. взято было по поводу совершенно секретного поручения, данного мною А. А. Кону на поездку, под видом командировки в Москву, где он и остановился, в Саров, вследствие полученного А. А. Вырубовой подробного сообщения, набрасывавшего тень на владыку Антония, архиепископа харьковского в связи

с посылкой почаевской иконы и св. мощей в Саров; затем, уже когда А. А. Кон приехал из Сарова, где он должен был быть инкогнито, чтобы не дать пищи для излишних разговоров, я, дабы окончательно выяснить это дело, послал его в январе 1916 г. в Харьков, где он все разузнал и, не говоря ничего владыке, с ним и лично познакомился (ассигновка вторая — 12 января 921 р.). Сущность обвинения заключалась в том, что лицо, пользующееся доверием владыки, не нося священнического сана, отвозило в священническом якобы одеянии в Саров почаевские святыни, но не подлинные; все поступившее к А. А. Вырубовой сообщение оказалось вымышленным изветом в стремлении набросить тень на иерарха, шедшего против Распутина. А. А. Кон, как я уже указал, не был сотрудником, а скорее доверенным моим секретарем; я А. А. Кона ценил за многие особенности его натуры. Вначале я конспирировал его роль при мне, но затем, когда пришлось его отчеты по съездам (напр., по съезду в Москве сценических деятелей народного театра) сдавать в департамент, я ежемесячное жалованье его перевел по моим ордерам на департамент полиции, а конспирировал его расходы, связанные с обслуживанием Распутина. Ассигновка 20 октября № 61176 по 500 руб. жалованье Кону; в ноябре месяце ассигновка 30 ноября № 176528 в 13.500 р. 10 тыс. на прессу, как указал я (Дерюгину и Алексееву в числе 45 тыс.), 3 тысячи мне и 500 р. Кону — жалованья. В ноябре — в ассигновке мне № 63783 — 23.500 р. — 20 тыс. Маркову, как я показал, 3 тысячи мне и 500 р. Кону на Распутина. В январе 1916 г. — в ассигновке № 46782 на 18.900 р. — 15 тысяч Маркову как дополнительные выдачи на «Земщину» и лазарет, 3 тысячи мне и 900 р. Кону (500 р. жалованья, а остальные, главным образом, на Распутина, на автомобили).

Кон в это время секретно ездил с Распутиным в Царское Село. Кон почему-то видел в Распутине особую душевную чуткость; об этом я уже показывал; но к этому времени относится одно мое воспоминание о рассказе Кона по поводу поездки Распутина для свидания с государем. Кон передавал, что Распутин весь день готовился к этой поездке; был сосредоточен, не пил, пошел в баню и заходил в церковь, где ставил свечи (но это Распутин всегда делал, когда ездил лично к государю); затем, по словам Кона, Распутин дорогой сосредоточивал или концентрировал в себе свою волю, и это Кон видел не только в отражении лица, но во всем поведении Распутина. А. А. Кон после меня не захотел остаться при новом товарище министра, так как и он смотрел на связь со мною, как на обязательство личных отношений; за последний месяц, я в виду его ухода, на что он не рассчитывал, и что нарушало его материальные предположения (Кон в министерстве финансов жалованья не получал, как я уже показывал), выдал ему полуторамесячный оклад содержания — 800 р. (ассигновка № 47651).

В феврале месяце в авансе 16 тыс. руб. (ассигновка № 47649) заключается, как я показал ранее, 15 тысяч руб. на «Земщину» и лазарет Н. Е. Маркову и 1 тыс. р., которые я и передал лично А. Н. Хвостову, взятые, по его поручению, для покупки им митры игумену Мартемиану, который, вследствие просьбы А. Н. Хвостова, получил в тверской епархии настоятельское место с возведением в сан архимандрита. О расходах моих на поездку в ставку, как я показывал уже, израсходовано было около 3.500 руб. Ассигновка № 81510 в октябре на 1.200 р. была взята для выдачи депутации хоругвеносцев из Нижнего Новгорода, прибывшей с поздравлением к А. Н. Хвостову по случаю назначения. Мне передали, что их было у министра 4 человека; поэтому я взял по 300 руб. каждому; но ко мне пришло только два; тогда я попросил указаний по телефону у А. Н. Хвостова, и он поручил мне выдать им 500 рублей, но с тем, чтобы одному было дано на 100 р. больше, что я и сделал. Фамилии их не помню, но в доме министра они должны быть записаны, а у меня их видали секретарь и курьеры; они были у меня в своих парадных костюмах. 600 руб. были затем мною выданы сотруднику газеты Давидсону за заметки (но не в них, как я уже говорил, была сила) о Распутине — двумя выдачами: ему лично — 400 р. и, в виду его болезни, его сестре — 200 р. Шабельской-Борг (ассигновка № 61365) была выдана 1 тысяча руб. в октябре в дополнение к 2 тыс. р., кои она получила из фонда главного управления по делам печати в 2 тыс. на издание народной газеты. Эта ассигновка объясняется причинами вздорожания труда и бумаги. Затем, в ноябре я, при распределении, по поручению А. Н. Хвостова, дополнительного по прессе ассигнования, Шабельской-Борг увеличил субсидию, и, таким образом, она больше из сумм департамента полиции не получала. В. Г. Орлову все ассигновки в ноябре месяце (7 ноября № 61895) — 500 руб. и 200 руб. (24 ноября № 63010) и в феврале 1917 года (5 февраля № 47010)— 400 р. на руководимый Орловым патриотический союз и поездки его на съезд в Петроград и Нижний (в ноябре месяце).

Орлов чувствовал себя обиженным на съездах невниманием к нему, как представителю железнодорожных монархических сил, со стороны главных деятелей по съездам и на меня — за неприглашение на обед; В. Г. Орлов примирился со мною уже после моего ухода в конце 1916 года и был у меня в Москве в декабре месяце вместе с Котлецовым. Я также в Москве отдал Орлову визит. Что касается Котлецова, то его познакомил со мною, в этот мой служебный период, В. Г. Орлов, рекомендуя Котлецова как оратора и борца за права мелких арендаторов, тяготеющих к правым течениям. Котлецов представил мне, если не ошибаюсь, две записки, о коих я докладывал А. Н. Хвостову, обрисовывавшие, в связи с общим настроением, приподнятость оппозиционного течения в среде московского населения, которая может отразиться на выбо-

рах в Государственную Думу; считая необходимым обратить на это внимание правительства, Котлецов оттенял, что правильно поставленная, при содействии правительства, организация предвыборных кампаний в Москве при выборах в городскую думу создаст для будущих выборов в Государственную Думу те кадры, кои правительству могут оказать большую пользу. Таким оплотом Котлецов считал домовладельческий класс Москвы и для пробуждения их самоопределения он предлагал взять на себя издание печатного периодического органа «Домовладелец», около которого могли бы сплотиться умеренные элементы домовладельцев столицы. Вместе с тем, он, Котлецов, указывал, что правительство должно принять всяческие меры, не щадя материальных средств, для того, чтобы привлечь на свою сторону перед выборами арендаторов, объединенные голоса которых могут дать перевес правительственной партии. Записки эти остановили на себе внимание А. Н. Хвостова; затем, по поводу выборов в Москве в городскую думу Котлецов делал доклад и Н. Н. Анциферову; в принципе было решено выдать Котлецову субсидию, не помню, кажется, в 30 тыс. руб., но таковая не была выдана, так как дополнительного на прессу ассигнования при мне в начале 1917 г. не было отпущено главному управлению по делам печати, в виду чего эти две докладных записки Котлецова мною были сданы д. с. с. Потемкину. Затем, впоследствии уже, Котлецов снова обращался ко мне с просьбой поддержать его ходатайство перед Б. В. Штюрмером, и я его записку передал Б. В. Штюрмеру; в виду ли этого или в силу первых двух докладов Котлецова, я не знаю, Котлецову денежное ассигнование на задуманный им периодический орган было отпущено. Потом, при министре юстиции А. А. Макарове, Котлецов просил меня оказать свое влияние на справедливое отношение к поданной им записке в правительствующий сенат по поводу ограничения его в правах присяжного поверенного. Но, ознакомившись с его жалобой во всех подробностях из оставленной им мне копии означенной записки, я к министру юстиции и к сенаторам соединенного 1-го и кассационных департаментов, с коими я был знаком, не обращался ни с какими просьбами в форме заступничества за Котлецова. Потом в Москве в декабре 1916 года, когда Котлецов зашел ко мне, узнав о моем приезде, я спрашивал его о причинах неудачи выборов в московскую городскую думу по курии арендаторов; в ответ на это Котлецов мне передал, что в этом вина не его и его партии, а главного управления по делам местного хозяйства, которое, командировав для наблюдения за ходом выборов в Москве, согласно его просьбе, своего чиновника, прислало Невианта, с первого же раза всеми своими действиями показавшего симпатии не группе его, Котлецова, а противоположной партии, дав последней гарантии помочь материально в осуществлении нужд арендаторов, чем Невиант и усилил ряды противников партии Котлецова.

Так или иначе это было — я не знаю, ибо я этого факта, не состоя у власти, не счел себя в праве проверить.

Ассигновка 23 ноября № 62956 на 400 руб. Мануйлову за его сотрудничество в среде журналистов и около В. А. Бурцева, за октябрь месяц; ассигновка 30 ноября № 65368 на 800 руб. ему же жалованье за ноябрь и декабрь 1915 года и ассигновка 9 февраля 1916 года за № 47333 на 700 руб. — тоже на жалованье на $1^1/_2$ месяца, в окончательной расчет с ним за мое время, ибо потом ему А. Н. Хвостов предложил, насколько помню из слов Мануйлова, не менее 1.000 руб., о чем я уже показывал. Ассигновка 24 ноября 1915 года № 63011 председателю петроградского цензурного комитета (после С. З. Виссарионова) Левитскому, сыну нижегородского архиепископа, 2 тыс. для надобностей по принятию членов монархического съезда в Нижнем Новгороде, куда он был служебно командирован А. Н. Хвостовым и от которого и получил лично соответствующие инструкции. Ассигновки 24 ноября № 61894 на 1.200 руб. и 12 января 1916 года на 1.785 руб. приват-доценту Балицкому на предмет уплаты за право слушания недостаточных студентов высших учебных заведений Петрограда, принадлежащих к союзу академистов; эти ассигнования были и до моего директорства, и при мне. Ни А. Н. Хвостов, ни я в этот период времени никаких личных директив союзу не давали. Деньги были отпущены Балицкому потому, что он состоял в совете общества бывших академистов, и я сам к нему в таких случаях обращался, отнюдь (я это говорю искренно и заверяю, своим словом, если к нему отнесутся с доверием) не преследуя иных целей, кроме желания прийти на помощь беднейшему составу академической студенческой молодежи, ибо я сам с IV класса гимназии вплоть до конца университета существовал уроками и в гимназии стипендией в 16 руб. 33 к. в месяц и нужду понимал. Балицкий представил мне в оправдание все расписки казначеев означенных учебных заведений. Ассигновка 1 декабря № 63305 на 500 рублей, студенту Третьякову, тоже академисту, была выдана исключительно для удовлетворения крайней нужды товарищей академистов; мне об этом докладывал и Кушнырь-Кушнарев, председатель общества бывших академистов. Лично я, в бытность директором департамента полиции, к союзу академической молодежи обращался только во время высочайших торжеств Бородинских и по случаю 300-летия дома Романовых, для участия их в качестве депутаций, ставя их в ближайшие к выходам августейшей семьи места высочайшего пути.

Ассигновки 17 ноября № 62401 и 21 декабря № 64758, 18 января 1916 года № 45929 и после моего ухода 25 февраля № 48539 по 3 тыс. рублей ежемесячно полк. Бертхольду, заведывавшему охраною Таврического дворца, представляют дополнительное ассигнование на расширение не по инициативе Бертхольда,

а по моему исключительно настоянию, с одобрения, конечно, А. Н. Хвостова, думской агентуры, путем освещения фракционных заседаний и советских совещаний, слухов, разговоров членов Государственной Думы в кулуарах, публики в ложах и на местах, ложи журналистов и для расшифрования отчетов Куманина, кои он представлял председателю совета министров, скрывая свою агентуру от меня и министра внутренних дел. Полк. Бертхольд, по моему поручению, сведения, поступавшие к нему, представлял, в форме безымянных записок, министру и мне и в некоторых выдержках, согласно моих указаний, в департамент полиции — директору, если это относилось к какому-либо из дел, производившихся по департаменту полиции. Затем, по моей просьбе в нужных случаях полк. Бертхольд сообщал мне стенографические отчеты или передавал по телефону о ходе заседаний Думы по вопросам, меня интересовавшим. Полк. Бертхольд, по моей просьбе, отражал в отчетах все, не скрывая даже лично неприятных мне сообщений о разговорах депутатов обо мне в последние два месяца моего состояния в должности товарища министра внутренних дел, касавшихся моих отношений к Распутину. Получаемые мною от Бертхольда данные я докладывал председателю совета министров И. Л. Горемыкину. 29 января 1916 года по ассигновке № 46698 на 10 тысяч рублей был куплен, с разрешения министра внутренних дел, которому я доложил об этой выдаче, в виду крупного отпуска (на хозяйственные расходы департамента я давал личные приказы), автомобиль у Роде (не у содержателя ресторана, а у поставщика автомобилей, если не ошибаюсь, дворцового управления), так как автомобиль ген. Джунковского, коим я пользовался, был отдан в большой ремонт, а второй автомобиль, бывший в моем распоряжении, я предоставлял в пользование владыке Варнаве, пока он проживал в Петрограде.

Выдача по ассигновкам 19 января 1913 г. и 23 января за №№ 45989 и 46412 на суммы 300 и 800 рублей; фиксированные, как я уже показывал, отпуски с начала 1916 года на Распутина и относятся к тому периоду, о котором я докладывал, когда имелось в виду отучить Распутина от его секретных, помимо охраны, выездов на кутежи и любовные похождения. Означенные деньги мною были выданы помощнику Мануйлова по «Вечернему Времени» М. А. Снарскому-Оцуп на устройство у себя вечеров с угощением Распутина и поездки по ресторанам для избежания скандальных выступлений Распутина и кутежей с мало знакомыми лицами. Снарский не только отсчитался передо мною представлением счетов, но я ему остался должен, ибо он мне счета представлял в феврале месяце, по уходе моем, но так как я уже на службе не состоял, то, хотя я ему и предложил свои деньги, но он их от меня лично из моих средств получить не пожелал. Затем о выкупе письма Распутина с просьбой о пожаловании Горемыкина званием

канцлера, я уже показывал, но в точности сказать цифру расхода затрудняюсь и прошу опросить Иозефовича, чиновника особых поручений департамента полиции, коему я выдавал лично ассигнования на этот предмет, прося его войти в знакомство с Кузьминским и достать это письмо в личное для меня одолжение; как я показывал уже, по этим только мотивам Юзефович сделал мне эту услугу. Во всяком случае на это было израсходовано более тысячи рублей. С Распутиным, конечно, Иозефович не был мною сведен, и Иозефович лично его даже никогда не видел. Также из моего аванса было мною выдано 500 р. Н. И. Червинской за снятое у нее помещение для свиданий с Распутиным, о чем я уже показывал, но, по объясненным мною причинам, А. Н. Хвостов и я свидание устраивали с Распутиным на другой квартире. Н. И. Червинская, хотя и была знакомой с Распутиным и, по нашей и кн. Андроникова просьбе, его посещала в целях осведомительных, но к его поклонницам отнюдь не принадлежала, и, как пожилая и умная женщина, давала вполне справедливую оценку личности Распутина. Из этого же источника мною выдано 300 рублей секретарю митрополита при первом с ним знакомстве, в виду указаний Мануйлова, но затем я, как показывал уже, по соображениям, мною в показании изложенным, в дальнейшем никаких выдач Осипенко из фонда департамента полиции не производил. Из своего кредита я выдал 600 рублей Рейнгардту, сотруднику сначала газеты «Земщина», а потом не помню уже какого либерального органа прессы, на освещение мне заседаний центрального промышленного комитета по рабочей секции. Рейнгардт сотрудничал у меня только два последних месяца и деньги получил от меня при самом моем уходе, выдав мне расписку. Рейнгардта я знал, так как он ко мне обращался с просьбой о поддержании его ходатайства о выдаче ему, по статуту, за оказанные им в дни первой революции, в должности начальника сыскной полиции, услуги правительству по Прибалтийскому, кажется, краю, ордена Владимира 4-й степени. Но из переписки департамента полиции (по 1-му делопроизводству) комиссия может усмотреть точку зрения департамента полиции по этому делу. Ордена этого Рейнгардт не получил.

Далее мною лично была выдана из моего аванса сумма в 10 тысяч рублей — владыке Варнаве (епископу тобольскому), архимандриту Августину и, в крупной доле выдача из этих денег, игумену Мартемиану, о чем я уже показывал, так как последнему, кроме 3 тысяч на несостоявшуюся поездку с Распутиным, мною было выдано 2 тыс. рублей, в виду указанных в предыдущем показании оснований, и затем еще на покупку вина и другие по поездке расходы. Потом игумену Мартемиану, после возвращения его с А. Н. Хвостовым из обители святого Павла обдорского, я выдал, по приказанию Хвостова 1.500 рублей на покупку иконы для поднесения императрице, наследнику и А. А. Вырубовой, ибо в мона-

стыре, как мне говорил А. Н. Хвостов, дорогих икон не оказалось. Из этого же аванса мною, с разрешения А. Н. Хвостова, было выдано 2 тыс. руб. Б. В. Штюрмеру, при вступлении его в должность председателя совета министров, на предмет поднесения им 1.500 руб. Распутину и на подарок секретарю митрополита И. Осипенко — 500 руб. Со слов Мануйлова мне известно, что Б. В. Штюрмер подарил Осипенко золотой портсигар. Все остальное, что у меня оставалось, около 3 тысяч рублей, пошло на выдачу пособий просительницам Распутина, причем я уже с января 1916 года новых ассигнований не брал на этот предмет, ликвидируя и эту статью расхода.

В общем расходы на Распутина я определяю, как свои так ген. Комиссарова и по охране, не менее 15 тыс. рублей в месяц, но я под рукой не имею данных охранного отделения и моих ордеров, как товарища министра, ген. Комиссарову, кои я давал ему на охранную команду и поездку в Саратов. Показанная после моего ухода сумма, выданная Комиссарову в 25 тыс. рублей, составляет личную выдачу ген. Комиссарову А. Н. Хвостовым на ликвидацию квартиры и агентам филерного отряда в вознаграждение их за молчание о наших свиданиях с Распутиным и т. п.

Лошадь, весь извозчичий приклад и сани ген. Комиссаровым были, по моему совету, сданы в охранное отделение.

Что же касается выдачи 500 рублей исправнику Вуколову, то последний был вызван, как передавал мне Комиссаров лично, А. Н. Хвостовым; об этом исправнике я уже показывал. Выдача могилевскому губернатору Явленскому, хорошему знакомому Б. В. Штюрмера, назначенному А. Н. Хвостовым во внимание к просьбе и указанию Б. В. Штюрмера (это было во время обследования Штюрмером дела Ржевского), пособия, в увеличенном размере, в 5 тысяч рублей, я думаю, должна быть объявлена желанием А. Н. Хвостова оказать этим внимание исключительно Б. В. Штюрмеру, ибо А. Н. Хвостов в ставку, при обычных условиях, назначил бы своего, близкого ему человека. Мне почему-то кажется, что еще были какие-то выдачи из секретного фонда, может быть, по личным моим, как товарища министра, приказам, но не мне, конечно, а по департаменту, но в памяти у меня с ними не связано особых событий. Все же, что указано в данной мне ведомости за мой период с 1 октября 1915 г. относительно выдач из секретного фонда по приказаниям министра внутренних дел, правильно отмечает ход событий и, как комиссия может видеть, отвечает тому, что я ей изложил до рассмотрения предъявленной мне официальной справки.

Я не считаю себя в праве зашифровывать ни одной цифры, хотя мне за некоторые выдачи приходится краснеть; но я в своей жизни в служебных делах привык или молчать, или, если требовался от меня ответ, то говорить только одну правду, как бы

горька она ни была. За 24 года службы я один раз нарушил молчание, приподняв в беседе, сказанной даже не для печати, уголок служебной завесы по делу Ржевского, и хотя я, для спасения себя, и мог бы отказаться от нее, с разрешения даже М. М. Гакебуша, но я этого не сделал, и в письме в «Новом Времени» подтвердил ее, за это я был наказан своими единомышленниками, и единственный человек одобрил не беседу, конечно, а мое письмо, это был А. А. Макаров; теперь я во второй раз говорю, отдернув совсем эту завесу, и хотя я тоже буду наказан по суду, но иначе поступить не считаю себя в праве, говоря по совести. Я глубоко признателен комиссии и за то, что она дала мне возможность доказать одно, что для меня и моей семьи имеет важное значение, это то, что, если я совершил неправильные, не на предмет своего прямого назначения расходы, хотя бы и с ведома министра, то я денег казенных не присваивал. Все, что у нас с женою имеется, нажито честно. Я ничего не имел, и жена моя, дочь уважаемого армией профессора тактики, других даже, чем я, политических убеждений, ничего, кроме счастья мне и детям, редко выпадающего людям, в виде приданого не принесла. Только со времени службы на должности директора мы, живя, как и жили до того, сберегли половину того, что я получал, а затем, по оставлении поста товарища министра, к этому сбережению прибавились небольшие остатки от жалованья и 18 тысяч рублей, исходатайствованные к оставлению мне Б. В. Штюрмером, о чем я уже докладывал. Я, зная, что многих смущали выдачи мне А. Н. Хвостовым первых ассигнований, открыто купил в Пятигорске участок с дачей в 720 кв. сажен., за 30 тысяч рублей, выдав 25 тысяч, а 5 тысяч оставив по закладной дачи; затем, когда мне помогли некоторые знакомые лица, приняв меня в свой пай, получить от биржи несколько тысяч, я выкупил закладную, начал ремонт дачи и жалею, конечно, об одном, что позволял себе за последние два месяца некоторые траты не по дому, так как, когда я был арестован, то с тем, что было у меня в бумажнике и осталось у жены, вся наша денежная наличность состояла из 10 тысяч рублей; потом жена получила последнее жалование мое и возврат истраченных мною по комитету в. к. Марии Павловны из собственности на нужды местных организаций во время моих командировок, несколько тысяч руб. (переписка эта шла через прокурора). Вот все, что, кроме высочайших и служебных от сослуживцев подарков, да обстановки, мы и имеем.

Когда я был на службе, то, несмотря на многие обязательства, мною сделанные финансовым представителям, я не воспользовался ни одним из них для простой биржевой операции, так как не считал себя в праве, находясь в составе правительства, играть на бирже; это подтвердят все городские финансисты. Совестью за деньги не торговал; в этом нахожу хотя и слабое, но в настоящее

время единственное утешение. Заканчивая показание, я должен добавить, что по исполнительной смете расходов из секретного фонда составлялся ежегодно всеподаннейший доклад в письменной форме, в коем, давая обрисовку событиям политической жизни страны в виде только общих цифровых выводов, а не отдельных фактов и лиц, указывалось, на какую надобность и сколько израсходовано. Государь ставил знак рассмотрения или, оставляя у себя, возвращал потом с своими отметками и резолюциями. После ухода А. А. Макарова, при первых днях управления Н. А. Маклакова министерством внутренних дел, на представлении за период моего при А. А. Макарове управления департаментом полиции имеется отметка, в связи с бывшим в ту пору недовольствием со стороны государя моей деятельностью по причинам, мною уже отмеченным, такого, кажется, содержания: «много денег тратится, а пользы от этого мало». Все всеподданнейшие доклады передавались затем в копии в 3-е делопроизводство, а подлинные хранились, в особых конвертах у директора департамента полиции. Эти доклады являлись тем контрольным аппаратом, который погашал всю ревизионную отчетность по израсходованию секретного фонда. Такой отчет за 1915 г. был при мне составлен и представлен на высочайшее внимание и утвержден его величеством. Приложение — копия финансовой справки.

4-го июня 1917 года. *С. Белецкий.*

Я забыл упомянуть об авансе в 25 тысяч рублей, выданном начальнику финансового отделения Дитрихсу. Эта выдача имеет значение лишь кассовое, т.-е. значение временной кассы на случай экстренных требований министра внутренних дел или моих во время прекращения действия казначейской части, которой заведывал т. с. Лемтюжников, человек престарелого возраста. Дано же было ассигнование никому другому, а Дитрихсу, вследствие указанных мною выше причин, так как со времени своего директорства я ни одной ассигновки не желал проводить помимо контроля финансового отделения департамента. Это распоряжение известно было и и. д. директора Кафафову. Этот аванс у Дитрихса оставался и в момент моего ухода.

С. Белецкий.

Справка. Приказ о моем назначении на должность товарища министра внутренних дел состоялся 28 сентября 1915 г.

Все исправления сделаны мною собственноручно.

С. Белецкий.

17-го июля.

V.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

1.

[Назначение И. Г. Щегловитова председателем государственного совета. Обещанная Протопоповым Белецкому поддержка в проведении его в члены госуд. совета. Сближение Протопопова со Щегловитовым. Новый подбор членов гос. совета, проведенный Щегловитовым с целью усиления правой группы. Ген. Воейков. Андроников и изменение отношения к нему при дворе. Свидание Белецкого с Воейковым после смерти Распутина. Общая характеристика Воейкова. Предположение о причастности А. Н. Хвостова к убийству Распутина. Архив А. Н. Хвостова с материалами о Распутине. Объяснение Белецкого со Штюрмером по поводу деятельности Мануйлова. Отношение Белецкого к Протопопову и характеристика последнего. Хлопоты Белецкого о предоставлении ему назначения вне Петрограда.]

С И. Г. Щегловитовым я после упомянутого мною в предыдущем показании свидания не виделся до января 1917 г., но от А. Д. Протопопова я еще перед рождественскими праздниками узнал о предстоящем назначении И. Г. Щегловитова председателем государственного совета и о том, что на последнего, согласно его и А. Д. Протопопова докладу, возложено комплектование состава государственного совета с точки зрения усиления влияния правого крыла совета и перегруппировки состава, в особенности 1-го департамента, где должно было проходить в окончательной стадии разрешение вопроса о предании суду ген. Сухомлинова и два дела о членах Государственной Думы: П. Н. Милюкове — по поводу оскорбления им в своей речи в Государственной Думе бывшего председателя совета министров Б. В. Штюрмера и В. М. Пуришкевиче — по поводу такого же оскорбления, нанесенного им бывшему киевскому губернатору, а затем сенатору Суковкину, в виду изменившегося отношения высоких сфер к Пуришкевичу после убийства Распутина. Вместе с тем, А. Д. Протопопов, обещая мне свою поддержку в проведении меня

в число членов государственного совета, сообщил мне, что в сессии 1917 года число присутствующих членов государственного совета правого направления предположено увеличить не только путем замещения вакантных, за смертью или уходом членов государственного совета, мест, но и посредством назначения к присутствованию новых членов государственного совота правого направления взамен тех членов, которые в этот период времени позволили себе стать в открытую оппозицию государыне и двору. При этом Протопопов мне сказал, что он лично близко сошелся с Щегловитовым, постарался укрепить его во дворце как у императрицы, так и у государя, оказал внимание Щегловитову назначением сына его жены Тецнера на административный ответственный пост в провинцию и, в свою очередь, заручился от Щегловитова обещанием всемерной поддержки его в государственном совете в противовес Государственной Думе.

О последовавшем сближении Протопопова с Щегловитовым я слышал не только со слов близких к Протопопову лиц, но также и от Маклакова, и как Маклаков, уже в этот период времени несколько разочаровавшийся в дружеском расположении к нему Щегловитова, так и я, зная Щегловитова, давали правильную оценку отношениям его к Протопопову постольку, поскольку Протопопов будет пользоваться благорасположением к себе со стороны высших сфер; при этом ни я, ни Маклаков не обольщались надеждами на то, что Щегловитов пойдет навстречу проведению составленного А. А. Римским-Корсаковым, согласно предположениям крайней правой группы членов государственного совета, списка, в который Римский-Корсаков включил от себя Зуева, Судейкина, Маркова 2-го, Ветлугина (бывшего члена 3-го состава Государственной Думы), Чаплинского, — или списка Н. А. Маклакова, одобренного, по предварительном переговоре Маклакова с Щегловитовым, А. Д. Протопоповым и переданного мною А. А. Вырубовой, в котором, кроме меня, значились сенатор Кривцов, И. М. Золотарев, Клавдий М. Пасхалов, Деревицкий, Куколь-Яснопольский, Н. П. Зуев, сенатор Брянчанинов, Плеве и С. П. Фролов.

Наши предположения вполне оправдались, так как ни один из этих списков не прошел, и если затем, последовали назначения в государственный совет Куколь-Яснопольского, Деревицкого и Чаплинского, то первых двух провели: Протопопов — Куколь-Яснопольского и Кульчицкий — Деревицкого исключительно своим личным предстательством за них у государя, а Чаплинский дополнительно был проведен самим Щегловитовым взамен кандидатуры Б. В. Штюрмера, вследствие близкого знакомства Чаплинского с Щегловитовым и доброжелательного отношения к нему М. Ф. Щегловитовой, входившей всегда в курс служебных интересов своего мужа.

Я лично никаких себе иллюзий в возможности получения этого назначения не строил, так как, со слов А. А. Вырубовой, я знал о неостывшем еще у государя чувстве недовольства мною, и в помещении моей фамилии в этом списке я оценивал лишь напоминание о мне государю в связи с состоявшейся переменой ко мне отношений влиятельных лиц правой фракции государственного совета, пользовавшихся личным доверием государя. Лично я к И. Г. Щегловитову с просьбой за себя не обращался и повидал его лишь в первой половине января, желая выяснить для С. Н. Гербеля мотивы помещения его в числе неприсутствующих в 1917 г. членов государственного совета и видя в этом отражение личных отношений к нему И. Г. Щегловитова. С. Н. Гербель с первого периода войны взял на себя безвозмездно, по просьбе А. В. Кривошеина, главное руководительство продовольствием армий юго-западного фронта, жил все время вне своей семьи, был в постоянных разъездах и пользовался большим доверием и расположением к себе со стороны штаба верховной ставки и министерства земледелия и государственных имуществ. Когда я передал об этом Щегловитову, то он мне на это ответил, что, в данном случае, он руководился желанием постоянно иметь, в виду отвлечения Гербеля военными заботами от Петрограда, лишний голос с правой фракции государственного совета; но, узнав от меня, что С. Н. Гербель предполагает по этому поводу переговорить в ставке с ген. Алексеевым и, в крайнем случае, даже уйти из государственного совета, Щегловитов встревожился и просил меня убедить Гербеля не придавать этому того значения, какое он видит в этом акте, так как его величество относится к С. Н. Гербелю, в виду его заслуг для действующей армии, особо благожелательно; при этом Щегловитов добавил, что он переговорит с государственным секретарем С. Е. Крыжановским и постарается всячески, путем соответствующего рескрипта государя, подчеркнуть внимание к заслугам С. Н. Гербеля со стороны его величества.

Затем, переходя к сделанному им новому подбору членов государственного совета для усиления влияния правой группы, Щегловитов мне указал, что в 1-м департаменте государственного совета он ввел (кажется, вместо Икскуль-фон-Гильденбандта) А. А. Римского-Корсакова, на которого возлагает надежду по делам ген. Сухомлинова, Милюкова и Пуришкевича. Когда я по приезде Римского-Корсакова с ним увиделся и он, будучи приятно удивлен своим назначением в 1-й департамент, спросил меня, не известны ли мне ближайшие основания, побудившие Щегловитова выставить его кандидатуру, я ему передал мой разговор по этому предмету с Щегловитовым, а также и причины, по коим я не прошел в государственный совет. Не скажу, чтобы я доставил Римскому-Корсакову удовольствие своим сообщением о надеждах,

возлагаемых на него Щегловитовым по делу Сухомлинова, ибо Римский-Корсаков, как я знал и ранее, относился к деятельности Сухомлинова отрицательно.

Надежды Протопопова на особую поддержку, которую ему обещал Щегловитов в правой фракции государственного совета, также не оправдались, так как, несмотря на искреннее желание Щегловитова не допустить прохождения А. Ф. Трепова в председатели правой фракции и на помощь, ему оказанную в этом деле сторонниками Протопопова, Н. А. Маклаковым и Римским-Корсаковым, собиравшим у себя несколько раз частные фракционные совещания, на сторону Трепова стали даже многие из тех новых членов государственного совета, которые были обязаны своим назначением Щегловитову. Это было большим ударом для Щегловитова и Протопопова, еще теснее их сблизившим, и повело к тому, что единственным человеком, к мнению которого в последнее время прислушивался Протопопов, был—Щегловитов, у которого Протопопов бывал, как мне передавали, почти ежедневно. Этим я не хочу сказать, чтобы Протопопов не считался в этот период времени с взглядами кружка Римского-Корсакова, где одним из деятельных членов состоял Н. А. Маклаков, часто посещавший Протопопова, но пожелания этой политической правой группы Протопопов воспринимал постольку, поскольку это отвечало его видам. Что же касается Н. А. Маклакова, то, сохраняя, по внешнему виду, самые дружеские с ним отношения, Протопопов все-таки в его лице видел довольно сильного себе конкурента, так как он знал, что государь и императрица относились к Маклакову с неизменным доверием и прислушивались к его мнению по поводу событий последнего времени. Лично Маклаков, насколько я мог заметить при своих разговорах с ним, не считал Протопопова и его политику отвечающими переживаемому тогда моменту и упрекал Протопопова в нерешительности принятия серьезных мер борьбы с оппозицией не только правительству, но и его величеству.

Я в этот период времени только что начал налаживать свои старые отношения с влиятельными членами правой группы государственного совета и, видясь со многими из них в частной жизни, еще не был посвящен в подробный план намеченных кружком Римского-Корсакова мероприятий в деле отстаивания прерогатив существовавшего тогда государственного строя, и Римский-Корсаков подготовлял лишь желательную для моего вступления в его кружок почву. Переданная мне А. А. Римским-Корсаковым и В. П. Соколовым программа представлений о деятельности каждого ведомства в означенном выше вопросе и копия докладной записки, поданной Протопопову от имени совета союза русского народа относительно условий, при наличности которых можно вызвать на местах оживление деятельности монархических организаций и органов правой прессы, представленные мною комиссии,

были даны мне означенными выше лицами для передачи, согласно взятому мною на себя обязательству, дворцовому коменданту ген. Воейкову на предмет его ознакомления с изложенными в этих записках пожеланиями. Записки эти мною не были представлены Воейкову, так как при двух моих последних поездках в феврале 1917 г. в Царское Село к А. А. Вырубовой, до ее болезни, я Воейкова дома не заставал, в виду частых выездов его в этот период времени в свое имение в Пензенскую губернию. С ген. Воейковым я, после моего ухода из министерства внутренних дел в феврале 1916 года, не виделся до 1917 года и только в начале января 1917 года, будучи у Вырубовой по делу Мануйлова и по взведенному, при посредстве последнего комиссией ген. Батюшкина, на гр. В. С. Татищева обвинению в государственной измене, я, по совету Вырубовой, знавшей о последовавшем, в связи с делом А. Н. Хвостова и Ржевского, охлаждении ко мне Воейкова, зашел с визитом к Воейкову, которого Вырубова при мне предупредила об этом по телефону.

Летом 1916 года, после моего разговора с Вырубовой об отношении Воейкова к Распутину, положение Воейкова, несмотря на дружбу Вырубовой с его женой, значительно пошатнулось, причем, кроме означенного обвинения, ставилось в вину благорасположение его к кн. Андроникову. В виду этого, Воейков снова перешел всецело на сторону Вырубовой и императрицы и, хотя отношений своих с кн. Андрониковым не прерывал, но визиты последнего в Царское Село значительно сократились и, как я предполагал, они происходили в Петрограде на казенной квартире Воейкова во время его приездов в город. Письменные же свои сообщения кн. Андроников посылал попрежнему в Царское Село на квартиру Воейкова, откуда они и доставлялись по назначению. О кн. Андроникове, в особенности после смерти Распутина, при дворе не могли и слышать, и присланную им к 6 декабря икону государь отказался даже принять. В особенности кн. Андроников сильно повредил себе, как мне передавали, посланным им через статс-даму Нарышкину (мать жены командира корпуса жандармов гр. Татищева), благоволившую к нему, письмом к государыне, где, кн. Андроников, предполагая, как думали и многие, что Распутин был похоронен в саду против дворца, выражая свое сожаление по поводу смерти Распутина, добавлял, что единственным утешением для ее величества осталась могила Распутина, расположенная против окон покоев ее величества, смотря на которую она будет почерпать силы для жизни на благо родине.

Государыня была задета этим письмом, так как искренности Андроникова она не могла поверить, ибо со слов Вырубовой она знала, что кн. Андроников был дружен с молодым кн. Юсуповым и в первый день смерти Распутина, пока не было найдено его тело, сильно нервничал, много разъезжал по общим знакомым

с Вырубовой домам и везде старался отвести подозрения от кн. Юсупова, уверяя, что Распутин, по обыкновению, где-либо закутил, а затем заехал к какой-нибудь из близких к нему дам.

Последствием этого отношения к кн. Андроникову было то, что, хотя Протопопов, несмотря на предупреждение Распутина и Вырубовой, а затем, после смерти Распутина, несмотря на настойчивые указания Вырубовой не иметь никаких не только деловых, но даже и частных свиданий с Андрониковым, и находил возможным, перестав принимать у себя кн. Андроникова, видеться с ним, как мне говорил кн. Андроников, в доме своей сестры, знакомой с князем, тем не менее, по приказанию свыше, отданному военным властям, кн. Андроников был выслан из Петрограда; затем Протопопов, как мне передавал по телефону кн. Андроников, расспрашивавший меня о значении и силе действия принятой в отношении его меры, мог оказать ему содействие лишь в разрешении поселиться в Рязани, находящейся в 4 часах езды от Москвы, а потом, как мне сообщил Драгомирецкий, в переходе Андроникова на жительство в Москву, в виду просьбы за него Воейкова.

За весь период времени, после своего ухода, я лично один только раз, 6-го января 1917 года, виделся с кн. Андрониковым, отдавая ему визит после полученной мною от него большой поздравительной телеграммы, причем из своего разговора с Андрониковым я вынес убеждение, что, за последнее время, у него порвались многие нити его прошлых влиятельных знакомств с министрами и остались только старые связи с гр. Фредериксом, с Воейковым, кн. Шервашидзе и с А. Н. Хвостовым, с которым он находился в непрерываемых им, со дня ухода А. Н. Хвостова с поста министра, дружеских отношениях, о чем князь мне сам заявил, передав мне о желании Хвостова снова сблизиться со мною и прося меня помирить его, князя, с Вырубовой. Не помню, кто именно из чинов администрации мне передавал, что, когда кн. Андроников, за которым в последнее время поставлено было наблюдение, выходил из своей квартиры в доме Е. Гордона на Таврической ул. для отправления в место высылки, то, прощаясь с швейцаром, заявил, что он должен оставить Петроград по примеру великого князя Дмитрия Павловича и князя Юсупова. Это вполне похоже на Андроникова.

Возвращаюсь к прерванному мною рассказу о своем посещении ген. Воейкова. Когда я пришел к Воейкову, то он принял меня очень любезно и, после обмена воспоминаний, связанных с отношением моим и его к Распутину в дни министерства А. Н. Хвостова, одинаково неприятных для меня и для Воейкова, разговор наш перешел на обсуждение политической атмосферы того времени. В столкновении между Родзянко и Протопоповым во время высочайшего выхода 1 января Воейков одинаково считал виновными и М. В. Родзянко за оказанное им неуважение к дому

августейшего хозяина, и Протопопова, подавшего повод Родзянко высказать публично свое отношение к нему, Протопопову. В отношении общего оппозиционного настроения с антидинастическим оттенком Воейков высказал мне свои опасения относительно гвардейских частей и сообщил, что его обеспокаивает приподнятость настроения командного офицерского состава, расспросил меня о дошедших до меня и переданных мною Вырубовой слухах о движении среди офицеров сводного полка, вполне согласился с высказанным мною до того Вырубовой проектом о необходимости учреждения должности помощника дворцового коменданта, как его постоянного заместителя, в виду его частых выездов и неотложного пребывания около государя, для охраны дворца и неослабного надзора за держащими охрану Царского Села воинскими частями, и убедительно просил меня, насколько возможно, выяснить, при посредстве знакомых, посещающих открытый депутатом П. Н. Крупенским, при материальной поддержке А. Ф. Трепова, клуб общественных деятелей, тех офицеров, которые на одном из обедов, данном в честь М. В. Родзянко, сидя группою за отдельным столом, приветствовали от имени гвардии М. В. Родзянко, за его выступления в Государственной Думе и борьбу с Протопоповым и влияниями, поддерживающими последнего. При этом Воейков мне заявил, что посланный им с целью обследования этого происшествия офицер дворцового управления не мог, даже при содействии градоначальника, получить для ген. Воейкова сведений у прислуги клуба, так как в книгу посетителей фамилии офицеров не были помещены, а в департаменте полиции никаких сведений по этому предмету не оказалось. По словам Воейкова, на эту браваду со стороны группы офицеров гвардии обратила серьезное внимание государыня, и он хотел бы примерным наказанием виновных подавить в корне попытки офицерского гвардейского состава петроградского гарнизона вмешиваться в вопросы внутренней политики.

Указав ген. Воейкову на свое бессилие быть полезным ему в этом отношении, в виду неопределенного положения, в котором я сам находился, и, не состоя ни членом этого клуба, ни посетителем его, я пообещал ему расспросить кое-кого из знакомых о подробностях этого обеда и ему их передать; затем я, в общих чертах, насколько было мне известно, дал Воейкову, в связи с делом гр. Татищева, характеристику действий комиссии ген. Батюшина в области расследований банковского шпионажа и оттенил значение отражения процесса Мануйлова на взведенном комиссией ген. Батюшина обвинении гр. Татищева по ст. 108 улож., под влиянием интриги Мануйлова, на стороне которого стоял прапорщик Лонгвинский, производивший расследование по делу гр. Татищева. При этом я сообщил Воейкову о возникшем предположении, переданном мне Протопоповым, которое разделяла и Вырубова, сосре-

доточить при ставке в широком объеме главное наблюдение за торговым шпионажем под моим руководством и передать в этот отдел и область дел, подлежащих ведению Батюшина. Воейков отнесся к этой мысли сочувственно. Прощаясь со мной, Воейков, прося меня возобновить с ним старые отношения и держать его в курсе настроений последнего времени, стал мне жаловаться на свою переутомленность и на ту нервную атмосферу, которая создалась в последнее время среди членов императорской фамилии после убийства Распутина и в которой ему силою необходимости приходится работать, и заявил мне, что условия военного времени и то доверие, которое ему оказывают государь и императрица, лишают его возможности сложить с себя обязанности дворцового коменданта, которые сильно его тяготят и отрывают его от личных больших дел. После этого я до своего ареста, как уже упомянул, с Воейковым не виделся и никаких сведений по интересовавшему его вопросу ему не сообщал.

Воейков на посту дворцового коменданта, в сравнении с своим предшественником ген. Дедюлиным, представлял рельефную фигуру. В ту придворную среду, в которую Дедюлин вошел как «homo novus», Воейков пришел по праву своего рождения, воспитания, полковых традиций, женитьбы, и, наконец, личных к нему симпатий со стороны государя, знавшего его с молодых своих лет. Поэтому Воейкову, бывшему своим человеком не только в великосветских гостиных, но и в великокняжеских дворцах и в покоях государя, не нужно было подчеркивать свою преданность августейшей семье и устоям самодержавия средостением с монархическими организациями и влиятельными правыми кружками и духовными конгрегациями, как это делал Дедюлин. Ген. Дедюлин во все время нахождения своего у власти дворцового коменданта, отпускал даже из своего секретного фонда, дополнительно к ассигнованию министерства внутренних дел, ген. Богдановичу средства на его политический салон не только для сближения своего с нужными ему людьми, но и для проведения, путем еженедельных письменных докладов ген. Богдановича государю, тех или других своих взглядов на события или лица, приближающиеся к трону, о чем Воейков, зная и изучив все стороны натуры государя, мог свободно говорить с его величеством в интимной обстановке, за чашкой чая или при своих докладах его величеству. Будучи, по своему характеру, человеком властным, ген. Воейков сумел заставить считаться с собою, зная особенности той среды, в которой он вращался, не только министров, но и великих князей.

Оставшись в последнее время почти единственным осколком старых юношеских воспоминаний государя, Воейков ревниво оберегал свое влияние на его величество, и, поэтому, все лица, желавшие укрепиться в доверии у государя, каким бы высоким положение они ни пользовались, считались с этим и видели в лице Воей-

кова не только дворцового коменданта, заслонявшего собою министра императорского двора, но и одного из самых близких к государю людей. Как человек практической жизненной складки, Воейков умел быть благодарным тем лицам, услугами которых он пользовался. Свое личное хозяйство, а также большое лесное дело своей жены Воейков поставил образцово, отдавая ему весь свой служебный досуг. Единственно, чего он боялся, это — злой мятлевской сатиры и думских разоблачений и, поэтому, к Государственной Думе и к ее председателю Воейков относился отрицательно, признавая это учреждение лишь постольку, поскольку оно являлось нобходимым в соответствии с переживаемым моментом. Протопопов особенно считался с Воейковым, стараясь заручиться его расположением к себе; но особой симпатии к нему, как я вынес впечатление из разговоров с Воейковым, последний не проявлял, учитывая лишь отношение к Протопопову со стороны императрицы. Я объяснял это не только тем, что Протопопов, своим вмешательством по делу об убийстве Распутина в сферу личных отношений государя и государыни к остальным членам императорской фамилии, в особенности после обостренного разговора в. к. Александра Михайловича с Протопоповым по поводу в. к. Дмитрия Павловича, еще сильнее сгустил чувство протеста к императрице со стороны августейших ее родственников, что отражалось и на ген. Воейкове, как на стороннике ее величества, так и потому, что Воейков не без основания считал Протопопова виновником оставления поста и председателя совета министров и, в особенности, министра путей сообщения А. Ф. Трепова, с которым у него были старые, издавна установившиеся хорошие отношения и к поддержке которого он по своим коммерческим делам часто прибегал, как мне передавал в свою пору и кн. Андроников, близко знавший дела Воейкова, и А. Н. Хвостов.

Что касается А. Н. Хвостова, то я с ним после своего ухода из министерства внутренних дел не виделся, но со слов Вырубовой знал, что на его поведение в Государственной Думе, связь его с кн. Андрониковым и дружбу с Пуришкевичем, в особенности после убийства Распутина, было обращено внимание. Затем ген. Комиссаров мне передавал, что А. Н. Хвостов, встретивши, после смерти Распутина, одного из филеров, состоявших в личной охране Распутина в наше время, с чувством удовлетворения отозвался об убийстве Распутина и выразил свое сожаление, что этого не было сделано раньше при нем, А. Н. Хвостове. Когда я об этом передал Вырубовой, то она возмутилась, а Протопопов, с которым я по этому поводу говорил, сказал мне, что он имеет в своих руках узду на Хвостова, которая заставит Хвостова не только быть сдержанным в Государственной Думе, но если потребуется, то действовать согласно с его, Протопопова, желанием. При этом Протопопов по секрету сообщил мне, что Хвостов из взятого им

лично секретного фонда в 1.300.000 руб., передал Б. В. Штюрмеру только 300 тысяч, не оставив реальных следов в израсходовании остальной суммы. Это для меня было большой неожиданностью, что я и высказал Протопопову, так как Хвостов мне ничего не говорил по поводу получения им такой крупной суммы и даже возлагал на департамент полиции, как я уже раньше показывал, оплату расходов, не имеющих прямого отношения к назначению секретного фонда департамента, мотивируя это отсутствием у него других источников удовлетворения и обещая только с 1917 г. испросить особые кредиты, как на свои начинания по обществу «Народное Просвещение», так и на усиление фонда на поддержание правой печати и на выборную кампанию.

Только после этого сообщения Протопопова мне стало понятным предложение Хвостова ген. Комиссарову 200 тысяч руб. на расходы по убийству Распутина, о чем я уже ранее показывал. Рассказав об этом Протопопову, я от него узнал, что у него после убийства Распутина и выяснившейся прикосновенности к этому делу Пуришкевича, вследствие завязавшейся между Пуришкевичем и А. Н. Хвостовым в последнее время дружбы, тоже являлась мысль о прикосновенности Хвостова к делу убийства Распутина, хотя бы и с материальной стороны, по оплате связанных с убийством Распутина расходов, но что после произведенного им негласного обследования и первоначальных данных судебного расследования он должен был от этого своего предположения несколько отойти, так как несомненность участия в этом убийстве кн. Юсупова исключала необходимость изыскания на это дело средств. Что же касается А. Н. Хвостова, то Протопопов, не отрицая возможности посвящения Хвостова Пуришкевичем в это дело, сообщил мне, что дознанием установлено, что Хвостов за три дня до совершения этого преступления выехал из Петрограда в свое имение и приехал в Петроград только после убийства Распутина.

В заключение Протопопов добавил, что он Хвостова из сферы своего наблюдения не выпустит, тем более, что его и Вырубову интересует, куда Хвостов мог спрятать все собранные им материалы о Распутине и о лицах, близко к нему стоявших, так как в делах департамента и в лично переданных Хвостовым при сдаче должности документах никаких переписок не только о Распутине, но и по поводу произведенных по приказанию Хвостова обысков в связи с делом Ржевского и арестом Симановича не осталось. Передав Протопопову свои соображения о том, какие именно справки и данные о Распутине могли находиться в архиве Хвостова, я высказал ему свое предположение, что этот архив Хвостов мог хранить или у себя в одном из имений в потайном месте, или в своем ящике в соединенном банке в Москве. Но Протопопов последнее предположение отвергнул, сообщив мне, что гр. В. С. Татищев в последнее время разошелся с Хвостовым, кото-

рого он вообще сравнительно мало знал, и теперь искренно сожалеет, что под влиянием своего зятя домогался, в свою пору, должности министра финансов. Ко всему этому Протопопов добавил мне, что ни по делам о выборах в Государственную Думу, ни по делам о прессе он лично не мог найти отражения расходов, произведенных непосредственно Хвостовым из отпущенных и лично ему переданных секретных сумм.

В ответ на это я поставил Протопопова в известность о том, что, в пору моего совместного служения с А. Н. Хвостовым, все расходы на Распутина и на постановку правого дела мною, с ведома Хвостова, производились из секретного фонда, откуда делались также и некоторые выдачи на прессу, в виде заимообразного позаимствования, и что ни от Маркова, ни от Замысловского я лично не слышал о получении ими каких-либо крупных ассигнований на устройство для того или другого желательного кандидата имущественного ценза, по случаю предстоявших в конце 1917 г. выборов в Государственную Думу. Были ли и какие именно расходы производимы Б. В. Штюрмером из переданных ему А. Н. Хвостовым денег на секретные надобности, я не знаю, так как я расстался с Штюрмером при условиях, исключающих возможность моей близости к нему, и кроме выданных ему мною из секретного фонда департамента 2 тысяч руб., из коих он 300 руб. истратил на покупку небольшого золотого портсигара в подарок Осипенко, я знаю, со слов А. А. Вырубовой и Мануйлова, что Штюрмером было выдано жене Илиодора Труфановой 500 рублей на обратный ее выезд к мужу, от которого она привозила Распутину письмо с изложением поручения А. Н. Хвостова, переданного ему, Илиодору, Ржевским.

По делу Ржевского, кроме первого моего разговора с Штюрмером во время производства им упомянутого уже мною расследования, я имел решительное с Штюрмером объяснение во второй половине февраля 1917 года, когда до меня дошли после процесса Мануйлова сведения о том, что Штюрмер в английском клубе позволил себе говорить, что он Мануйлова совершенно не знал до той поры, пока я, при назначении его, Б. В. Штюрмера, на пост председателя совета, не прикомандировал к нему Мануйлова для охраны его личности, возложив притом на Мануйлова, как своего секретного агента, обязанность наблюдения за ним, Штюрмером, и за его служебными действиями. Узнав об этом, я через гр. Борга устроил свидание со Штюрмером и, придя к нему, постарался ясно возобновить в памяти Б. В. Штюрмера не только старые эпизоды из жизни прошлого Штюрмера и его сыновей, связанные с услугами, им оказанными Мануйловым, но и факты из области недавнего времени, относившегося к подготовительным мероприятиям со стороны того же Мануйлова при проведении кандидатуры Штюрмера на пост премьера. Затем, коснувшись вообще

*

отношения Штюрмера к себе, я напомнил ему и дело Ржевского, расследование которого он передал в руки лица, близкого к А. Н. Хвостову, имя которого было связано с Ржевским.

Этот мой разговор окончился тем, что Б. В. Штюрмер все вспомнил и, дав слово больше не связывать моего имени с Мануйловым, просил меня не ставить ему в вину его забывчивость относительно условий, вызвавших откомандирование в его распоряжение Мануйлова, причем добавил, что он в английском клубе ничего, могущего обидеть меня, про меня не говорил. После этого я с Б. В. Штюрмером не виделся и только от Щегловитова слышал, что ему пришлось два раза, в виду настойчивых просьб Штюрмера и вследствие полученной им от государя докладной записки последнего, настойчиво убеждать его величество остаться при первоначальном своем решении и не назначать Б. В. Штюрмера, вопреки общим желаниям членов государственного совета, в дополнительный состав к присутствованию в государственном совете, хотя Штюрмер и докладывал государю, что это необходимо сделать, не столько даже в личных его, Штюрмера, интересах, сколько ради поддержания в общественном мнении престижа власти, в виду подлежащего разрешению 1-го департамента вопроса о возбуждении судебного преследования против члена Государственной Думы П. Н. Милюкова. Затем, будучи в начале 1917 г. с визитом у И. Л. Горемыкина, довольно определенно, как мне передавали, высказавшего в кулуарах государственного совета свое мнение о Б. В. Штюрмере, я, наведя разговор на последнего, действительно убедился, насколько резко Горемыкин изменил свое отношение к Штюрмеру.

Переходя к вопросу о моих отношениях к Протопопову, давших повод депутату Пуришкевичу назвать меня нимфой Эгерией Протопопова, я, в дополнение ко всему тому, что мною разновременно было в показаниях изложено о Протопопове, должен пояснить, что с А. Д. Протопоповым я знаком с 1906 г., когда я был командирован, на правах непременного члена, в Симбирскую губернию в помощь бывшему тогда непременным членом А. А. Мотовилову, впоследствии депутату в 3-й и 4-й Государственной Думе от Симбирской губернии, во время сильного неурожая и голодовки, постигших тогда эту губернию. Поручение это было дано мне лично П. А. Столыпиным, знавшим мои работы по продовольственному вопросу в Ковенской губернии в качестве правителя дел комиссии народного продовольствия (впоследствии упраздненной), в бытность Столыпина сначала уездным, а затем губернским предводителем дворянства в этой губернии. Роль моя в этой командировке состояла не только в усилении состава губернского присутствия, но и в представительстве на месте от министерства внутренних дел для объединения всех сил в борьбе с голодовкой и для разрешения своею властью, по уполномочию С. Н. Гербеля, в каче-

стве его представителя, всех тех мероприятий в этой области, кои я найду целесообразными в интересах как продовольственной, так и семенной кампании в этой губернии, где Протопопов был влиятельным гласным земских собраний и состоял уездным предводителем дворянства Корсунского уезда, в котором находилось полученное им по наследству от дяди его ген. Селиванова (бывшего командира корпуса жандармов) большое имение с суконною фабрикою, находившееся уже в этот период времени в администрации.

В эту пору А. Д. Протопопов состоял в рядах консервативных кругов местного дворянства, сплотившихся вокруг губернского предводителя дворянства, ныне покойного, В. Поливанова, носил придворное звание камер-юнкера и вел довольно настойчивую борьбу с бывшим на его фабрике рабочим движением, выступая даже на митингах против агитаторов. При поддержке тех же влиятельных местных сил Протопопов прошел в Государственную Думу, но здесь он сделал уже уклон в сторону левого крыла октябристов, в виду чего при Столыпине был лишен придворного звания путем производства его, как предводителя дворянства, в чин действительного статского советника без пожалования в звание камергера. Это было большим ударом для самолюбия Протопопова, заставившим его принять некоторые шаги к сближению с правительством на почве оказания содействия правительству в деле прохождения в комиссиях Государственной Думы законопроектов серьезного значения. Совместное участие в работах рабочей комиссии, где в мое время, в бытность мою вице-директором, а затем и директором департамента полиции, проходил ряд законопроектов по страхованию рабочих в отдельных казенных предприятиях, а затем и первый в России социального характера закон о страховании вообще рабочих, еще более сблизило меня с Протопоповым.

Этот последний законопроект, при прохождении которого, как это ни странно, чинам правительства, в том числе и мне, представителю департамента полиции, приходилось отстаивать интересы рабочих с точки зрения защиты правительственных тезисов законопроекта против докладчика, барона Тизенгаузена и Протопопова, умело проводившего изменившуюся уже к этому времени позицию крупных промышленников, которую они занимали в 1905 году, идя в ту пору на уступки рабочим в их требованиях,— остановил внимание на А. Д. Протопопове, как на представителе крупной фабричной и заводской промышленности, и послужил основанием к тем прочным связям его с финансовым миром, которые в будущем помогли ему улучшить свои материальные дела и поставить на более прочных началах суконное производство на своей фабрике.

Затем, сильная поддержка, оказанная Протопоповым военному министру Сухомлинову при выработке, а затем и прохожде-

нии в Государственной Думе нового устава по воинской повинности, сблизившая его на почве совместной работы с Куколь-Яснопольским, бывшим начальником главного управления по делам о воинской повинности, повлекшая за собой впоследствии приглашение Протопоповым Куколь-Яснопольского на пост товарища министра внутренних дел и проведение его в государственный совет, повлекла за собой более близкое знакомство Протопопова с Сухомлиновым, который остановил внимание государя на заслугах Протопопова, оказанных военному ведомству. Результатом этого было высочайшее пожалование Протопопова очень ценным золотым портсигаром с именным, усыпанным бриллиантами вензелевым изображением имени его величества.

С этого времени Протопопов всецело перешел на сторону правительства и, в частности, министерства торговли и промышленности, при кн. Шаховском, и военного министерства, помогая последнему в проведении его законопроектов в Государственной Думе своею поддержкой, советами и указаниями в особенности по делам интендантства при ген. Шуваеве, с которым Протопопов тесно сошелся, беря на себя, в период войны, те или другие посреднические функции по делам суконного синдиката. Мысль о переходе в ряды правительства у Протопопова зрела давно, и еще весною 1914 г., во время управления министерством внутренних дел Н. А. Маклакова, когда возникли предположения о замене Маклакова кн. Волконским, к которому сердечно относился государь и многие из великих князей и которого усиленно поддерживала августейшая сестра его величества в. к. Ольга Александровна, воспитывавшаяся вместе с женою кн. Волконского, — Протопопов, находившийся в ту пору в дружеских отношениях с кн. Волконским, передавая мне о вероятной возможности назначения последнего министром внутр. дел, сообщил мне по секрету о намеченном, при этих условиях, переходе его в это ведомство вначале на должность директора канцелярии министра, где сосредоточено руководительство по делам дворянства и по выборам в Государственную Думу. Затем, когда я был товарищем министра внутренних дел, Протопопов, еще до знакомства с Распутиным и Вырубовой, часто бывая у меня, высказывал свое пожелание перейти в министерство торговли и промышленности на пост товарища министра, и когда я, по этому поводу, говорил с Шаховским, то последний, ценя ту поддержку, которую ему оказывал Протопопов и в Государственной Думе, и, в особенности, в период войны в различных комиссиях и, в частности, в совещании по топливу, в качестве представителя от Думы, передавал мне о своем непременном желании предоставить это назначение в ближайшем времени Протопопову. Но, сблизившись с Распутиным и познакомившись с Вырубовой, Протопопов, после возвращения из своей заграничной поездки, пользуясь служебным выездом в августе 1916 г. кн. Шаховского

для обзора кавказских минеральных вод, где в ту пору лечилась супруга князя, выставил свою кандидатуру на пост министра торговли и бесспорно получил бы это назначение, если бы предупрежденный об этом кн. Шаховской не прервал свою служебную командировку и не поспешил вернуться в Петроград, где сумел разрушить планы Протопопова, как при посредстве «Нового Времени», выступившего на его защиту, так и использовав все свои связи не только с Распутиным и лицами, ему покровительствовавшими, но и с противоположным Распутину военным лагерем, где он имел сильную поддержку в лице флаг-адмирала Нилова. Когда я был товарищем министра внутренних дел, то я не скрывал от Протопопова о моих и А. Н. Хвостова сношениях с Распутиным и Вырубовой, посвящал его в силу и значение услуг, оказываемых нам этими лицами, в особенности мировоззрения их, в обстановку жизни двора и влияний, познакомил его с отличительными чертами характера государя и императрицы, с системой всеподданнейших докладов Хвостова, шедшего в этом отношении по следам ген. Сухомлинова, указал ему на лиц, пользовавшихся особым доверием Распутина и Вырубовой, заинтересовал последних личностью Протопопова и, в свою очередь, получал от него ценные для меня в ту пору сведения о настроениях Государственной Думы, советских совещаниях, существе намечаемых М. В. Родзянко тем для докладов государю не только в форме пожеланий большинства Государственной Думы, но и личных вопросов, кои предполагал затронуть Родзянко в высочайшей аудиенции, прося иногда вмешательства Протопопова в смысле убеждения М. В. Родзянко не касаться нежелательных в ходе предположений А. Н. Хвостова предметов, хотя я должен отметить, что уже к концу 1916 г. влияние Протопопова на Родзянко было слабо. В этот период времени свидания Протопопова с Распутиным происходили в конспиративной обстановке, главным образом, на квартире одной грузинской княжны Тархановой, пожилой, лет за 50, женщины, принадлежавшей к числу лиц, к которым особо доверчиво относились и Распутин, и владыка-митрополит и которой Протопопов оказывал материальную поддержку.

В период моей обостренной борьбы с А. Н. Хвостовым по делу Ржевского, Протопопов посещал меня почти-что ежедневно, был в курсе всех перипетий и, когда последовала в «Бирж. Ведомостях» моя по этому делу беседа, он убеждал меня оставить службу и даже устроил мне, в случае моего согласия выйти в отставку, назначение в одно из финансовых предприятий с окладом в 30 тысяч рублей. Но так как я в эту пору не выслужил еще первого пенсионного срока в 25 лет, то, несмотря на просьбы жены, я от этого предложения отказался.

В это время в Петрограде был съезд по металлургии, на котором Протопопов председательствовал, и где он провел крупную

ассигновку на «Промышленную Газету». По словам Протопопова, роль этой газеты заключалась в том, чтобы создать из нее, при поддержке финансовых учреждений, крупный и влиятельный орган печати, который, путем своего либерального направления, мог бы подавить остальные влиятельные петроградские газеты и затем, оставшись единственным крупным ежедневным изданием, встал на защиту интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде. В свою пору мысль о создании такой газеты выдвигал, в бытность мою директором департамента полиции, управляющий отделом промышленности В. П. Литвинов-Фалинский, предлагавший мне найти на такую газету деньги, но я тогда от этой идеи отказался и субсидией в небольших размерах помог В. Н. Степановой в ее издательстве народной газеты с отделом по рабочему вопросу; газету эту я и поддерживал преемственно и впоследствии.

Во возвращении Протопопова из заграницы, он, передавая мне свои впечатления об этой поездке, которая, благодаря Гурлянду, как директору - распорядителю бюро и печати и телеграфного агентства и непрерывным сношениям с ним Протопопова по телеграфу, значительно, в свое время, выдвинула имя Протопопова, высказывал о своем непреклонном желании получить аудиенцию у государя для доклада его величеству, главным образом, о вынесенных им лично впечатлениях по объезде союзных государств; затем, побывав у Б. В. Штюрмера, он сумел заинтересовать последнего планом своего доклада государю и получить от Штюрмера, как мне он потом передавал, обещание исходатайствовать ему особый и продолжительный по этому поводу доклад у государя. В эту пору я выехал из Петрограда к семье на дачу на Кавказ и с Протопоповым свиделся уже в сентябре месяце, за неделю, приблизительно, до его назначения на должность министра внутренних дел после того, когда и он, будучи у нас с визитом, намекнул жене о предстоящем его назначении и определенно об этом передал мне по телефону, как о факте, в принципе решонном, прося это держать до опубликования в секрете. В этот недельный промежуток времени я был у Протопопова несколько раз, предостерегал его от излишнего сближения и доверия к Штюрмеру и к его советам, рекомендовал ему быть осторожным в своих собеседованиях с представителями прессы, не отказываясь от своих политических верований, и оттенял ему всю трудность, при характере Распутина, скрыть от общества его близость к нему.

Хотя Протопопов и прислушивался в первое время к некоторым моим советам, но затем, после опубликования указа о его назначении, которое Штюрмер подчеркнул молебствием у себя на квартире и благословением Протопопова иконою, я увидел некоторую перемену в отношениях Протопопова ко мне, которую я объяснял близостью к нему Гурлянда и Гакебуша, о чем я в ту

пору узнал впервые, а также воздействием на него не только Штюрмера, но и П. Г. Курлова, и доктора Бадмаева. Поэтому, я сократил свои посещения Протопопова, ограничив их просьбами об улучшении служебного положения некоторых из близких мне сослуживцев по министерству внутренних дел и определив ему круг надежд, мною лично на него возлагаемых, заключавшихся в перемене отношения ко мне государя и в предоставлении мне генерал-губернаторской должности или какого-либо другого, связанного с военными событиями, назначения вне Петрограда, желая, в личных своих интересах и в виду просьб жены, уехать на некоторое время из этого города, где нам обоим пришлось пережить много тяжелых событий, начиная от потери двух детей и кончая моим служебным крахом. С этой же просьбою я обращался и к Вырубовой. В эту пору был поднят вопрос об уходе финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна и приамурского генерал-губернатора Гондатти. Деятельностью ген. Зейна не только было недовольно местное население, но и бобриковский кружок во главе с сенатором ген. М. М. Бородкиным и членом государственного совета Дейтрихом, ставившим в вину ген. Зейну его излишнее доверие и как бы подчинение влияниям Боровитинова. По поводу неправильной политики Ф. А. Зейна, отражавшейся, между прочим, и на далеко не дружеском отношении Швеции к России, между прочим, через Вырубову была подана особая записка государю, составленная сыном финляндского сенатора А. О. Гюллингом, специально для этой цели познакомившимся с Распутиным через В. М. Скворцова, который также познакомил и меня с Гюллингом.

Гюллинг принимал участие в некоторых крупных коммерческих предприятиях, в том числе и в разработке залежей руды в Сибири, где главными акционерами состояли А. Ф. Трепов и его брат В. Ф. Трепов, затем в акционерном обществе по эксплоатации Мурмана и служил также в администрации финляндских жел. дорог. Часто наезжая из Гельсингфорса, он имел в Петрограде свою контору и особую квартиру. В. М. Скворцов знал Гюллинга по каким-то коммерческим делам давно, бывал у него в Финляндии в имении и отзывался мне о нем с лучшей стороны. Я, вместе с Скворцовым, несколько раз был на квартире у Гюллинга во время приглашения им Распутина на обеды. В связи с этим, Гюллинг, вместе со своим секретарем Ворониным и с приятелями своими двумя офицерами, из которых один с георгиевским офицерским крестом, был также уроженец Финляндии и на той же, как и Гюллинг, почве познакомился с Распутиным через жениха его старшей дочери Папхадзе, были арестованы на следующий день после убийства Распутина, так как в начале розысков у ген. Глобачева возникли некоторые предположения, основанные на сходстве с Ворониным лица, которое приходило к Распутину с предложением сблизить

его с А. Ф. Треповым, и с которым Распутин выехал из дома в ночь своего убийства. Когда мне об этом передал по телефону из квартиры Распутина ген. Глобачев, расспрашивая меня о Воронине, то я постарался уверить его в неосновательности его подозрения, которое могло направить следствие по ложному пути. Все эти лица на другой день после похорон Распутина были выпущены на свободу, причем у Воронина был найден при обыске черновик несостоявшегося договора с Распутиным об обязательстве уплаты последнему около миллиона рублей в случае проведения Распутиным какого-то большого подряда на армию, в чем, путем своего влияния на Распутина, должен был оказать содействие Воронину офицер Папхадзе, также получавший за это значительный куртаж, после чего Гюллинг разошелся с Ворониным. Об этом мне затем говорил ген. Глобачев. Представленная Гюллингом Вырубовой записка, с которой я и Скворцов были Гюллингом ознакомлены, отражавшая в себе желание возвращения к политике Герарда по управлению Финляндией, была передана Вырубовой государю, как мне потом говорил, со слов Вырубовой, Гюллинг, но реальных последствий не принесла, так как А. А. Кон, будучи осведомлен об этом через Распутина, сообщил об этом, как он мне сам потом передавал, Ф. А. Зейну, и последний снова сблизился с Дейтрихом и Бородкиным, был с докладом у государя, и, заручившись поддержкой статс-секретаря княжества финляндского, этим путем снова отодвинул вопрос о своем уходе в государственный совет, как раньше предполагалось, на одну из финляндских вакансий.

Что касается Гондатти, то еще во время моего нахождения на посту товарища министра внутренних дел, бывший в ту пору министром иностранных дел Сазонов, как в совете министров, так и в своих письмах министру внутренних дел все время настойчиво обвинял Гондатти в неправильной его политике в отношении Китая в смысле тяжелых ограничений, которые ставил Гондатти для китайцев, желавших отправиться на заработки в Россию. В таком же направлении возводил обвинение на Гондатти и кн. Шаховской, желавший привлечь рабочую силу китайцев на наши предприятия по разработке золота на Лене и каменного угля в Донецком районе. Но популярность Гондатти, представленные им объяснения, подтверждавшие имевшиеся еще и при мне данные о сильном влиянии Германии в Китае, а затем личное знакомство с ним Протопопова отодвинули вопрос о назначении Гондатти в государственный совет.

Затем приезд в Петроград иркутского генерал-губернатора Пильца, совпавший с уходом кн. Волконского из министерства внутренних дел, опять пробудил мои надежды на получение этого генерал-губернаторства, так как я предполагал, что Протопопов, предоставив Пильцу снова должность товарища министра с исхо-

датайствованием ему звания члена государственного совета, тем самым использует, в необходимых для себя выгодах, укрепившиеся связи Пильца с царскою ставкою. Но когда я по этому поводу заговорил с Протопоповым, то я увидел, что он в приезде Пильца усмотрел желание последнего напомнить о себе, как о кандидате на пост министра внутренних дел, и поэтому, как мне намекнул сам Протопопов, он постарался рассеять иллюзии Пильца путем устройства ему ничего не обещающей аудиенции у государя и ускорения, под видом служебной необходимости, обратного его возвращения в Иркутск.

Единственное предложение, которое мне сделал в начале своего управления министерством Протопопов, заключалось в принятии обязанностей главноуполномоченного по борьбе с дороговизной, причем он просил меня выработать соответствующее положение и инструкцию. Тогда я, с разрешения Протопопова, пригласил к себе В. В. Ковалевского, заведывавшего сельско-хозяйственной продовольственной частью и, в присутствии кн. А. А. Ширинского-Шихматова, намеченного Протопоповым к сотрудничеству со мною в этом деле, узнал от Ковалевского во всех подробностях о роли министерства внутренних дел в этом вопросе, историю борьбы в этом направлении Протопопова с гр. А. А. Бобринским и отношение общественных кругов и Государственной Думы к предположению о передаче в ведение министерства внутренних дел всего дела снабжения армии и населения продуктами первой необходимости. Поговорив, затем, по этому поводу с министром юстиции А. А. Макаровым, в целях выяснения себе точки зрения по этому предмету и с приехавшим в ту пору в Петроград на съезд уполномоченных министерства земледелия С. Н. Гербелем, я составил Протопопову проект положения и наказа для главноуполномоченных, отправил их ему при письме с мотивированным отказом от принятия этого предложения, в целесообразность которого я не верил.

Находясь потом в своей служебной командировке на Кавказе, я прочел в «Русском Слове» небольшую заметку о посещении Протопопова выборными представителями от Государственной Думы по вопросу о программе его ближайших начинаний в области внутренней политики, где, между прочим, упоминалось, что он рассеял опасения депутатов Керенского и гр. Капниста по поводу проникших в печать слухов о приглашении к сотрудничеству с ним ген. Курлова и меня. Из этого я понял, что он своею видимою неискренностью не мог не возбудить к себе недоверия со стороны влиятельных представителей Государственной Думы и лично в отношении себя увидел, насколько я мало его знал. Поэтому я, по приезде в Петроград, к нему не заходил до той поры, пока мне не удалось встретиться с ним у шталмейстера Н. Ф. Бурдукова и высказать ему наедине о нанесенной мне обиде своим разгово-

ром обо мне с уполномоченными депутатами. В ответ на это Протопопов постарался уверить меня в своем неизменившемся доброжелательном отношении ко мне и указал, что в газетах вся его беседа с депутатами передана неточно, в доказательство чего он привел мне свое отношение к Курлову, на которого он еще до своего разговора с депутатами высочайшим указом возложил исполнение должности товарища министра внутренних дел.

2.

[Отношение Протопопова к Курлову. Протопопов в последние дни жизни Распутина. Неоправдавшаяся надежда Курлова на получение должности командира корпуса жандармов. Роль Протопопова в инциденте празднования юбилея жандармского эскадрона. Упрочившееся положение Протопопова после смерти Распутина. Роль Воскобойниковой. Заботы Вырубовой о семье Распутина и о лицах, пользовавшихся его расположением. Отношение Протопопова к монархическим организациям. Марков 2-й, Замысловский, Орлов. Записка Белецкого по разным вопросам государственного управления. Нерешительность Протопопова в делах государственной важности].

А. Д. Протопопов заявил мне, что указ о назначении Курлова он не опубликовал не потому, что хотел замаскировать, в виду одиозности имени Курлова, факт его обратного возвращения к активной деятельности по министерству внутренних дел, а единственно лишь вследствие данного ему по этому поводу совета министром юстиции Макаровым, во избежание излишних разговоров, связанных с именем Курлова, которого он, Протопопов, знает, любит и ценит еще с кавалерийского училища и с совместного прохождения службы в конном полку и в юридической академии. Пример этот еще больше убедил меня в том, что он даже в личных своих отношениях, как и своей политической деятельности, не способен проявлять открыто своих твердых намерений, сохраняя во всем себе печать двуликого Януса.

Это впечатление о Протопопове я вынес несколько ранее, чем Курлов, который только в конце декабря 1916 г. пришел к этому выводу, несмотря на свою продолжительную с юных лет дружбу с Протопоповым. Как мне передавал ген. Комиссаров, заходивший, по моей просьбе, повременам к Курлову, чтобы узнать у него те или другие политические новости, отражавшие в себе начинания Протопопова, Курлов был недоволен отношением к себе Протопопова и всецело приписывал его нерешительности неопубликование указа о своем назначении, а также и то, что Протопопов не рискнул отстоять его во мнении о нем императрицы, в чем он, Курлов, убедился из далеко не милостивого приема, оказанного ему императрицей в течение не более 5 минут, причем государыня

принимала его стоя, тогда как директор департамента полиции А. Т. Васильев, благодаря предварительной о нем рекомендации со стороны Протопопова, был принят ее величеством особо милостиво в получасовой аудиенции и был удостоен приглашением беседовать с государыней, сидя в кресле. Лично я был у Курлова единственный только раз за время управления Протопопова министерством внутренних дел в начале декабря 1916 г., с просьбой о предоставлении штатной должности вице-директора департамента полиции чиновнику особых поручений IV класса при министре внутренних дел П. М. Руткевичу, руководившему общим (но не политическим) отделом департамента, для которого закрепление за ним штатной должности имело большое значение в пенсионном отношении, в виду намеченного им выхода в отставку. Несмотря на мою просьбу, должность эта была предоставлена А. Т. Васильевым не Руткевичу, а М. К. Броецкому, заступившему место И. К. Смирнова, ушедшего, благодаря давнишнему хорошему отношению к нему семьи А. А. Макарова, в состав прокурорского надзора петроградской судебной палаты. В разговоре с П. Г. Курловым я, чтобы рассеять у него какие-либо опасения в отношении моих домогательств обратного возвращения на должность товарища министра внутренних дел, откровенно ему высказал о тех неоправдавшихся надеждах, которые я возлагал на Протопопова; в ответ на это я, неожиданно для себя, услышал от Курлова заявление, полное горечи, о разочаровании в Протопопове, который, несмотря на свои дружеские отношения с ним, поступился ими в угоду общественному мнению и не решается ныне предоставить ему должность не товарища министра внутренних дел, от которой он рад отказаться, после поднятого около этого вопроса шума, а командира корпуса жандармов; в виду этого, как передал мне Курлов, он заявил уже Протопопову о своей просьбе устроить ему производство в генералы-от-кавалерии с увольнением в отставку и с назначением ему по особому высочайшему повелению и в исключительном порядке пенсии, в размере 10 тыс. руб. При этом Курлов мне сообщил, что в последнее время Протопопов, видимо, чувствуя свою неловкость в отношении его, стал избегать частых свиданий с ним, тогда как до этого он не только ничего не скрывал от него, П. Г. Курлова, но не предпринимал ни одного решения, не посоветовавшись с ним. Это мне во многом напомнило мою пору совместной службы с А. Н. Хвостовым, что я и высказал П. Г. Курлову; сходство положений заключалось даже и в том, что Протопопов, чтобы избежать приема просителей, имевших к министру письма от Распутина, сделал из Курлова так же, как Хвостов из меня, свой в этом отношении громоотвод с тою только разницей, что Протопопов установил свои регулярные и очень частые разговоры по телефону с Распутиным по нескольку раз в день, а перед смертью Распутина почти ежедневные свидания с ним

то на квартире Бадмаева, на Литейном проспекте, приезжая к Бадмаеву под видом пациента, то, если ему необходимо было поговорить в более интимной обстановке, чтобы не знали даже о существе разговоров ни Бадмаев, ни Курлов, то приезжал к Распутину на его квартиру на Гороховой после 10 часов вечера, под фамилией (если не ошибаюсь) Куницына (для записей в филерном дневнике). При этом, в последнее время, желая пресечь начавшиеся по этому поводу филерами разговоры, которые могли проникнуть потом и в общество, Протопопов распорядился, чтобы после 10 ч. вечера филеры были снимаемы с дежурства, а Распутин в дни его приезда к нему удалял к этому времени даже близких лиц, в том числе и Симановича.

В ослаблении ночной охраны Распутина я убедился сам, помимо дошедших до меня (кажется от ген. Климовича и Симоновича) сведений, будучи у Распутина после 11 ч. веч. за несколько дней до его смерти; затем, когда я был у Протопопова после смерти Распутина, и он мне показывал серию фотографических снимков как места нахождения трупа Распутина, так и самого тела покойного после выемки его из воды, я видел как изменился в лице Протопопов после брошенной мною вскользь фразы с сожалением о том, что в последнее время вечером снималась охрана на улице, в виду чего так смело был организован заезд за Распутиным, и затруднено было на первых порах расследование по этому делу; в ответ на это Протопопов стал меня уверять, что внешняя охрана Распутина была несколько при нем видоизменена, и после 10 ч. веч. она ставилась не у ворот дома, а напротив дома, чтобы сделать ее менее заметной.

Убийство Распутина и расследование этого дела снова восстановили тесную связь между Протопоповым и Курловым, всецело руководившим делом розыска трупа и всем ходом первоначального полицейского дознания, причем Протопопов взял на себя телефонные разговоры с семьею Распутина и с Вырубовой и, секретно от последней, с М. Головиной и доклады по телеграфу государю и по телефону государыне, конспирируя на первых порах все полученные им сведения от всех, в особенности от меня, что я узнал от епископа Исидора, которому Протопопов сделал упрек за то, что он меня посвятил во все подробности первоначальных данных об исчезновении Распутина. Об этом Протопопову стало известным из доклада ген. Глобачева, который находился в квартире Распутина и после епископа Исидора говорил со мною по этому делу, так как я до 1 ч. дня ничего не знал об исчезновении Распутина и впервые об этом узнал от редактора «Речи» И. В. Гессена, обратившегося ко мне по этому поводу с вопросом по телефону, после чего уже я позвонил на квартиру Распутина и, узнав некоторые подробности по этому делу, сообщил их И. В. Гессену. Похоронами Распутина, обставленными глу-

бокою тайною, руководил Курлов, причем дети и две родственницы Распутина, жившие у него в квартире, также не были посвящены в то, куда их отвезет прибывший вечером за ними от Курлова жандармский офицер, сказавший им о цели поездки лишь тогда только, когда автомобиль тронулся, видя насколько они были перепуганы. В этот день вечером, как я уже показал, я был у владыки митрополита, к секретарю которого около 10 ч. веч. зашел епископ Исидор, прося его достать ему архиерейское облачение и митру и дать лошадей для поездки в часовню богадельни, расположенной за Триумфальными воротами, причем епископ Исидор высказал уверенность в том, что отпевание тела будет им совершено в высочайшем присутствии. Хотя владыка митрополит, узнав об этом последнем обстоятельстве, и выразил было свое намерение отправиться на это богослужение, но я и секретарь его убедили его не ехать на отпевание, так как, если бы это входило в намерение Вырубовой, то или она, или Протопопов об этом ему передали; кроме того, и мне, и владыке казалось неприемлемым высказанное епископом Исидором предположение о приезде на отпевание августейшей семьи, ибо Протопопов об этом сказал бы владыке, так как и он незадолго до меня был у митрополита и сидел у него более 1 часа времени. Но на другой день я узнал, что уверения епископа Исидора оправдались и что, по отпевании, тело Распутина было перевезено Курловым на военном автомобиле в Царское Село и похоронено там на участке земли, приобретенном Вырубовой под намеченный ею в больших размерах лазарет-больницу, причем заранее Курловым, по соглашению с дворцовым комендантом, были приняты все меры предосторожности во избежание излишней огласки этого факта; в публику же был пущен слух о том, что тело Распутина отправлено, согласно выраженному им еще при жизни желанию, в с. Покровское, на его родину, куда затем, по приезде вдовы Распутина, и выехали, вместе с нею, для поддержания этой уверенности, и дети покойного.

После похорон Распутина Курлов питал большую надежду на получение должности командира корпуса жандармов, так как перед этим произошел случай, осложнивший отношение Протопопова к командиру корпуса жандармов гр. Татищеву и начальнику штаба корпуса ген. Никольскому, заключавшийся в следующем. Начальник штаба корпуса в последнее время начал проявлять свое недоверие к командиру петроградского жандармского дивизиона ген. Казнакову, заподозрив последнего, на основании полученных им сведений, в недобросовестном отношении к хозяйственным заготовкам для дивизиона и, на основании этого, назначил ряд ревизий, результатом которых явилось предложение ген. Казнакову подать прошение об отставке. В виду этого, Казнаков, воспользовавшись случаем, представился в Казанском

соборе на одном из официальных молебствий Протопопову, испросил у него аудиенцию и подал, по указанию последнего, жалобу на ген. Никольского Курлову, которому Протопопов поручил пересмотреть все дело о Казнакове, затем Казнаков обратился к Протопопову с просьбой почтить своим присутствием 100-летний юбилейный праздник эскадрона, причем представил официальную справку о тех основаниях, по коим он приурочивает этот юбилей ко дню приглашения, глухо упомянув в этой справке о том, что штаб корпуса относит этот юбилей к более позднему времени общего юбилея корпуса жандармов. По получении согласия Протопопова, Казнаков официально донес командиру штаба корпуса и об изъявленном Протопоповым, в качестве главноначальствующего, обещании посетить это торжество и о церемониале. Как командир корпуса, так и начальник штаба корпуса, на торжество эскадронного праздника не явились, о чем Казнаков и доложил прибывшему на праздник Протопопову. Курлов, хотя и получил приглашение от Казнакова, под благовидным предлогом уклонился также от личной явки в эскадрон, ограничившись присылкой телеграммы.

Выслушав доклад ген. Казнакова, Протопопов увидел в этом отказе командира корпуса жандармов и начальника штаба явиться на эскадронный праздник не только обиду, нанесенную им войсковой части, но и браваду лично против себя и, поэтому, приказал сопровождавшему его адъютанту доложить по телефону командиру корпуса ген. Никольскому о том, что он ждет их в помещении эскадрона, а затем, узнав из ответа Никольского, что ни он, ни ген. Татищев приехать не могут, приказал своему адъютанту отправиться лично в штаб и передать названным лицам на словах предложение его, Протопопова, как главноначальствующего, немедленно прибыть на торжество в дивизион. Но адъютант командира корпуса в штабе уже не застал, а начальник штаба извинился служебным недосугом и отсутствием командира корпуса и в эскадрон прибыть отказался. Ген. Казнаков воспользовался этим случаем, чтобы оттенить Протопопову общее направление деятельности начальника штаба корпуса ген. Никольского, выражавшееся в предвзятом отношении его к офицерам корпуса жандармов вообще и к нему в частности и, затем, испросил разрешение Протопопова послать от его имени соответствующую, по случаю юбилейного торжества, телеграмму государю, которая после одобрения ее текста Протопоповым и его подписи, была повергнута на высочайшее благовоззрение и вызвала высокомилостивый ответ его величества.

Этот инцидент, о котором я узнал как со слов ген. Казнакова, так и от некоторых бывших на этом торжестве жандармских офицеров, вселил даже во мне уверенность в том, что ни гр. Татищева, ни рассчитывавшего на его придворные связи

ген. Никольского не может спасти даже правильное освещение сделанной ген. Казнаковым подтасовки фактов обоснования празднования юбилея, так как, при докладе об этом случае Протопоповым государю, его величество не оставит без соответствующего воздействия явный пример, на глазах всего эскадрона, непочтения высшего командного состава корпуса своему главноначальствующему. Так на этот эпизод смотрел и Курлов, ожидая от Протопопова решительных мер. Но когда я через некоторое время встретился с Протопоповым и завел по поводу ген. Казнакова с ним разговор, то оказалось, что он отсрочил, на время, увольнение Казнакова в отпуск и что как гр. Татищев, так и ген. Никольский остаются на своих местах, а что о Курлове он уже испросил высочайшее согласие на увольнение его в отставку, но что вопрос о пенсии осложнился несогласием министра финансов на назначение П. Г. Курлову пенсии в желаемом им размере; при этом, говоря о Курлове, Протопопов не преминул высказать свое глубокое сожаление по поводу болезней Курлова, отнявших у него былую жизнеспособность и гибкость мысли, и подчеркнул мне о своем постоянном неизменном чувстве дружеской любви.

После смерти Распутина положение Протопопова нисколько не пошатнулось в смысле доверия к нему высоких особ, — оно еще больше упрочилось, так как Протопопов не только сумел показать свое глубокое соболезнование по случаю безвременной кончины Распутина и проявить все напряжение сил в поисках трупа и в раскрытии убийства, но, главным образом, сделав ответственным за это дело общее неприязненное отношение к Распутину всей великокняжеской семьи, которое выразилось в участии, проявленном всеми августейшими особами к в. к. Дмитрию Павловичу, о чем стало известно Протопопову как из агентурных наблюдений, перлюстрации писем и телеграмм, так и из личных переговоров с ним старейших великих князей. А. Д. Протопопов оттенил государыне, а затем, по приезде из ставки и государю, всю опасность этого движения, которое, имея в корне своем нерасположение к ее величеству, при поддержке частей гвардейского гарнизона, находящихся под широким командованием великих князей, и при средостении последних с оппозиционно настроенными членами Государственной Думы во главе с ее председателем и членами государственного совета, может окончиться дворцовым переворотом в пользу кого-либо из великих князей. Передавая мне о настроении великих князей и о своем столкновении с в. к. Александром Михайловичем, сделавшим ему выговор за его личные распоряжения о воспрещении выезда из Петрограда некоторым молодым великим князьям, в том числе и в. к. Дмитрию Павловичу, и за его настояние о домашнем аресте последнего, Протопопов мне сообщил, что

в ставке, в день получения известия об убийстве Распутина, пили шампанское даже, если мне не изменяет память, за высочайшим столом под видом приветствия военных представителей Италии, что настроение государя было ровное до приезда в Царское Село и что только здесь, после передачи его величеству государыней всех имевшихся у нее сведений в связи с убийством Распутина и его подробного доклада по этому поводу, последовало распоряжение о принятии решительных мер в отношении лиц, прикосновенных к убийству Распутина, о производстве всестороннего судебного расследования дела убийства Распутина и категорически определенная резолюция государя на письма великих князей и княгинь с заступничеством за в. к. Дмитрия Павловича.

С этого времени участились поездки Протопопова в Царское Село то к Вырубовой в лазарет, сблизившие его с заведывавшей хозяйством сестрой милосердия Воскобойниковой (казачкой из Донской области), то к императрице или вечером к Вырубовой, жившей после убийства Распутина, в виду желания императрицы, во дворце, куда к этому времени заходила и государыня, то к его величеству с докладами по поводу общественных настроений того времени. Первое время после убийства Распутина у Вырубовой, а затем у государыни, жившей отражениями впечатлений Вырубовой, заронилось, видимо, небольшое чувство подозрения в отношении Протопопова в связи с распространившимися в то время в Петрограде слухами о болезненном состоянии его. В виду этого Воскобойниковой было поручено императрицею снести одно из собственноручно написанных Протопоповым писем к известному графологу И. Я. Моргенштерну для определения отличительных черт характера и душевных и волевых особенностей Протопопова, но это поручение совпало с моментом, когда Воскобойникова находилась уже под влиянием Протопопова, который, в виду оказываемого ей императрицей особого доверия и расположения, видел в ней возможную заместительницу Вырубовой, укрепляя ее в этой уверенности. Воскобойникова прониклась чувством полного доверия к Протопопову, совершенно подчинилась его авторитету и держала его в курсе жизни дворца или по телефону, или лично, посещая его во время частых своих приездов в Петроград или при заездах к ней из дворца или специальных приездах к ней Протопопова. Пользуясь советами и указаниями Протопопова, Воскобойникова за последнее время начала занимать довольно видное положение в среде лиц, близких к императрице, сохраняя в то же самое время наружно хорошие отношения и с Вырубовой.

Вырубова после смерти Распутина, если и жила еще злободневными интересами, то постольку, поскольку они были связаны с интересами августейшей семьи, с которой она как бы сроднилась, но главною своею заботою она считала обеспечение участи

семьи Распутина, заинтересовав в этом деле и императрицу, вследствие чего Протопопов изыскал возможность частным образом обеспечить семью Распутина 100 тыс. рублей, а также и ликвидировать начинания Распутина и его обязательства в отношении тех лиц, к которым он был расположен. В силу этого Вырубова продолжала оказывать внимание делу Сухомлинова, добилась, при содействии Протопопова, ухода А. А. Макарова с поста министра юстиции и назначения на эту должность Н. А. Добровольского, довела до благополучного разрешения в министерстве юстиции, путем просьб к егермейстеру А. В. Маламе, несколько ходатайств о помиловании, которые были повергнуты на высочайшее милосердие Распутиным, докончила устройство служебного положения по министерству внутренних дел в должности IV класса, избавлявшей от отбытия воинской повинности А. А. Кона, помогла помощнику делопроизводителя канцелярии московского градоначальника, пользовавшемуся особым доверием градоначальника ген. Шебеко, Левестаму получить должность чиновника особых поручений при министре внутренних дел V класса, с откомандированием в распоряжение ген. Шебеко, за то постоянное внимание, которое он, по поручению Шебеко, оказывал Распутину во время приездов последнего в Москву, сопровождая его и оберегая его от каких-либо неприятных историй, что до Шебеко, во времена градоначальников Андрианова и Климовича, по их распоряжению, делал Пестов, поступивший затем в действующую армию, и проч. Затем, всю свою энергию Вырубова отдала делу своего лазарета, основным фондом к учреждению которого послужила сумма вознаграждения, полученного ею за увечье на Царскосельской линии по вине жел. дороги, и пожертвования, которые стекались к ней от лиц, обращающихся за поддержкой по тем или другим своим делам.

Переходя к вопросу об отношениях Протопопова к монархическим организациям, я должен отметить, что вначале назначение Протопопова, стоявшего, по своим политическим убеждениям, в левой группе фракции октябристов, внесло большое смущение в ряды представителей правых организаций и в особенности тех, которые пользовались материальной поддержкой со стороны министра внутренних дел, о чем мне и заявил Г. Г. Замысловский, прося меня по этому поводу переговорить с А. Д. Протопоповым. Когда я об этом передал Протопопову, он уполномочил меня заверить Замысловского, Маркова и других, пользующихся субсидиями от правительства деятелей правого направления, что он ничем не нарушит существовавшего между ними и министерством внутренних дел контакта, так как, будучи министром, он считает для себя обязательным проводить не свою личную, а правительственную политику, причем просил меня взять на себя

функции посредника между ним и названными лицами и соответствующим образом конструктировать петроградские органы печати правого и националистического направления, субсидируемые министерством, дабы избежать или резкого или чересчур хвалебного тона по поводу его назначения. Успокоив Замысловского, я сговорился с ним по поводу статьи «Земщины» о назначении Протопопова, причем мы решили ограничиться приведением в ней сведений о Протопопове формулярного характера, так как нашли неудобным высказать в ней о надеждах, возлагаемых на него со стороны редакции, ибо этот орган, в свою пору, выступал против Протопопова с резкою статьею по поводу поддержанного им с кафедры Государственной Думы запроса о незакономерных действиях правых организаций. Потом я переговорил с А. И. Дубровиным, который через некоторое время посвятил Протопопову в шести номерах ряд статей в сдержанных, но благоприятных Протопопову тонах, передал о желании Протопопова редакторам «Колокола» и «Голоса Руси» и сообщил об этом кн. Андроникову, как издателю «Голоса России», в ответ на переданную мною Протопопову просьбу Андроникова о приеме его, что Протопопов и исполнил, лично переговорив об этом с Андрониковым и дав ему у себя на частной квартире часовую аудиенцию перед приемом директора департамента духовных дел Г. В. Петкевича по делам службы. Затем, считаясь с обстановкой, окружавшей Протопопова, я отклонил от себя посредничество между ним и представителями правых организаций, сообщив секретно последним о той роли, которая отведена Протопоповым ген. Курлову, официально откомандированному состоять в его распоряжении, что вполне их успокоило. Впоследствии уже, в конце января 1917 г., я, возвращаясь с Замысловским из заседания совета всероссийского общества попечения о беженцах православного исповедания и интересуясь вопросом о материальной поддержке правым организациям со стороны Протопопова, спросил об этом Замысловского, причем последний мне ответил, что с этой стороны ни он, ни Марков 2-й не могут пожаловаться на Протопопова, широко идущего в этом вопросе им навстречу. Что же касается отношений между Протопоповым и Н. А. Маклаковым, то сближению их способствовал одинаково хорошо относившийся и к тому, и к другому шталмейстер Н. Ф. Бурдуков, на квартире которого Протопопов в частной обстановке имел возможность ближе познакомиться и с А. А. Римским-Корсаковым, и с П. Ф. Булацелем. В этот период времени между мною и Н. А. Маклаковым установились более доверчивые друг к другу отношения, в виду чего я и мог составить себе высказанное мною ранее мнение о его личном взгляде на Протопопова и на программу действий последнего.

После проникших в депутатскую среду сведений о тех влияниях, при посредстве которых Протопопов получил министерский портфель и после полного разрыва с ним Государственной Думы как на почве солидарности его в программных своих начинаниях с политикою Штюрмера, так и вследствие обнаружения подробностей его стокгольмского собеседования, Протопопов всей силою сложившихся обстоятельств должен был сделать значительный уклон в сторону правых партий и прислушиваться к их голосу; при этом зная ту среду, с которой ему, в силу необходимости, пришлось итти рука об руку, и отличительные особенности руководителей монархических организаций, Протопопов, конспирируя, в последнее время, свои сношения с ними даже и от Курлова, не только не сумел объединить вокруг своей программы правые партии, но даже зачастую возбуждал у многих недоумения, прибегая в большинстве к поддержке своих начинаний к тем из руководителей монархических организаций, которые не отличались своей конспиративностью и не пользовались общим доверием со стороны влиятельных партийных правых деятелей. В особенности, в последнее время Протопопов сблизился с В. Г. Орловым, главным руководителем железнодорожных патриотических организаций, пользуясь услугами его и его отделов, находившихся в полном подчинении Орлова, для проведения через их посредство путем всеподданнейших телеграфных петиций, соответствующих его видам пожеланий, дававших затем основание А. Д. Протопопову высказывать по этому поводу государю или императрице свою личную точку зрения на тот или другой затронутый в этих телеграммах вопрос; эти телеграммы во многом помогли Протопопову в деле борьбы его с Государственной Думой при А. Ф. Трепове, а затем и при кн. Голицыне. Затем, к посредничеству того же Орлова Протопопов обратился, узнав от императрицы о приятном впечатлении, которое произвела на нее всеподданнейшая телеграмма председателя астраханского отдела союза русского народа Тихоновича-Савицкого, выразившего от имени председательствуемой им организации чувства преданности и верности ей и государю и свое возмущение по поводу дерзновенных выпадов против ее величества в Государственной Думе. Об этой телеграмме мне говорила и Вырубова, спрашивая у меня ближайшие сведения о Тихоновиче-Савицком, которым ее величество заинтересовалась, о чем я счел своим долгом передать А. И. Дубровину, Н. Е. Маркову и Г. Г. Замысловскому, добавив им при этом, для их сведения и руководства, на случай, если они пожелают последовать примеру Тихоновича-Савицкого, что императрица, по словам Вырубовой, копию этой телеграммы послала государю в ставку при своем письме. Тихонович-Савицкий затем лично приезжал в Петроград и был осчастливлен высокомилостивым приемом государынею, устроенным ему Вырубовой, к содействию

которой я ему посоветовал обратиться. В. Г. Орлов, которому Протопопов дал указания о посылке государыне ряда телеграмм из разных мест России в духе телеграммы Тихоновича-Савицкого, обратился к ген. Комиссарову с просьбою проредактировать ему примерный текст подобной телеграммы, а Комиссаров передал об этом мне, прося меня помочь ему в этом деле, что я и исполнил, составив ему две редакции означенных телеграмм, одну от имени совета патриотического союза, а другую — как циркуляр провинциальным отделам с изложением приблизительного текста подлежащей к посылке ее величеству телеграммы. Затем, со слов А. И. Дубровина, я знаю, что и им были даны по этому поводу соответствующие директивы местным отделам. Наконец, как я уже показывал, Протопопов снабдил Орлова материалами, которые легли целиком в основу всеподданнейшей записки Орлова, от имени его организаций, по некоторым вопросам, но, главным образом, по поводу расширения прав евреев. Записка эта была в свое время приведена in extenso в «Русском Слове» и в «Новом Времени» и вызвала раздражение Дубровина, Маркова и Замысловского против Орлова и переговоры последних двух правых деятелей с Протопоповым, который заявил им, как мне они потом передавали, что, в данном случае, Орлов действовал по собственной инициативе.

По вопросу о расширении прав евреев я говорил с Протопоповым в первую половину лета 1916 г., когда он еще не был министром внутренних дел, знакомя его с существом моей записки, которую я перед своим отъездом на Кавказ к семье передал Вырубовой, прося ее представить записку эту вниманию государыни. В этой своей записке, которую я написал под влиянием остроты переживаемых в ту пору вопросов, я отражал лишь свои личные взгляды, не преследуя никаких карьерных побуждений, кроме желания сгладить у государя, если бы записка дошла до его величества, оставшееся у него после моей истории с А. Н. Хвостовым неприязненное в отношении меня воспоминание, путем обращения внимания его величества на левую сторону моей деятельности. Записка эта, оттеняя необходимость проведения в деле управления единственно возможной во время войны примирительной политики с обществом, касалась вопроса польского, финляндского, еврейского, продовольственного, рабочего, отношения к Государственной Думе и подготовительных мероприятий к моменту окончания войны. При этом в ней проводилась та мысль, что все мероприятия в упомянутых областях должны исходить от благостного почина государя, для укрепления престижа царской власти, во избежание повторения печальных событий 1904 — 1905 г.г., с бережливым отношением в Государственной Думе, на рассмотрение которой рекомендовалась передача решения вопроса о будущем Польши и Финляндии с предварительным проведением

в управление этих областей системы доверия к населению, трактовалось о широком привлечении капиталистического класса на борьбу с продовольственным кризисом путем синдикализирования промышленности, с изменением банковского законодательства и с возложением на эти круги ответственности за неисполнение взятых на себя обязательств и путем доверия к кооперативам в области борьбы их с дороговизной, о необходимости внимательного отношения к экономическим условиям жизни рабочих, о скорейшем проведении в жизнь приходской реформы и учреждении приходских кооперативов для удовлетворения продовольственных нужд прихода и о безотлагательной подготовке правительством к моменту окончания войны возможно большего числа законопроектов по вопросам государственной и местной жизни для безболезненного противодействия напору общественных требований в переходной стадии управления государством в интересах сохранения монархии. Наконец, переходя к еврейскому вопросу, я хотя и знал отражение крайних правых течений в этом вопросе на взгляде на него государя, тем не менее, сделав краткий исторический очерк бессилия борьбы правительства в отстаивании репрессий в отношении еврейского населения, настойчиво указывал на государственную необходимость немедленного, путем высочайшей милости, упразднения всех существовавших в законе запретительных норм в отношении евреев, как меры, которая во многом может способствовать упрочению престижа царской власти и, вместе с тем, произведет выгодное, с точки зрения кредита, впечатление в союзных государствах и в Америке, где значительно, благодаря этому, будет облегчена борьба с германским влиянием.

Эта записка в некоторых ее частях, в том числе и по еврейскому вопросу, мною была прочитана, между прочим, и Л. М. Клячко, узнавшему о ней, если не ошибаюсь, от Н. Ф. Бурдукова и А. А. Кона. Не знаю, была ли она представлена Вырубовой по назначению или нет, но, во всяком случае, отражения ее в государственных мероприятиях того времени я не видел. Шталмейстер Н. Бурдуков, близко стоявший к Протопопову во время управления последнего министерством внутренних дел, на правах давних дружеских отношений к нему, будучи сторонником еврейского равноправия, неоднократно, как мне известно, останавливал внимание Протопопова на этом вопросе. Но Протопопов и в данном деле, в силу особенностей своей натуры, не рискнул, на первых порах своего управления, взять на себя инициативу возбуждения этого вопроса путем своего всеподданнейшего доклада, а приступил к нему лишь в момент обострения отношений к нему со стороны общественных течений, предполагая, главным образом, этим путем восстановить подорванное к себе доверие, чего он не скрывал от меня; при этом, боясь противодей-

ствия влиятельных правых кругов, Протопопов, держа от них в секрете свои начинания, прибег к помощи всеподданнейшей петиции правой организации Орлова, чтобы, тем самым, облегчить себе проведение дела при обмене мнений по поводу этой записки во время своего доклада о ней государю.

Ту же самую черту нерешительности, показывающую отсутствие смелости на крупный акт государственной важности, Протопопов проявил и в вопросе раскрытия, как это значилось в официальном правительственном сообщении, заговора против существовавшего государственного строя. Когда я утром, в присутствии зашедшего ко мне ген. Комиссарова, обратившего мое внимание на это официальное сообщение, прочел начало его, я не мог не воздержаться, чтобы не высказать Комиссарову своего удивления по поводу проявленной Протопоповым твердости власти. Но затем, прочтя до конца, я невольно покраснел и за Протопопова, и за департамент полиции, во главе которого я в свое время стоял, увидя в этом правительственном акте не только провокационный оттенок, придававший простой ликвидации группы членов рабочего отдела промышленного комитета значение ареста вновь народившегося совета рабочих депутатов, но и признание со стороны Протопопова своего бессилия перед противниками существовавшего тогда строя государственного управления, умевшими расшифровывать правительственные распоряжения. Об этом аресте мне Протопопов предварительно не сообщал, хотя в свою пору я с ним говорил по поводу возникших у меня, при образовании рабочей секции центрального промышленного комитета, опасений, послуживших предметом особого обсуждения тактики правительства в отношении этой организации в особо секретном совещании под председательством министра юстиции А. А. Хвостова, о чем я уже дал свое показание комиссии. Затем, при мне Н. А. Маклаков передал Протопопову о вынесенных Муратовым впечатлениях от выступления делегированных от разных организаций в эту секцию лиц, в том числе и представителей крайних партий Государственной Думы, во время присутствия Муратова, как главноуполномоченного по кожевенному производству, на одном из заседаний по приглашению комитета. При этом Маклаков сообщил, что Муратов сумел записать характерные речи, определяющие направление задач, преследуемых этой секцией.

При обмене мнений по этому вопросу Протопопов нам передал о том значении, которым в последнее время в особенности, начал пользоваться в революционных кругах А. Ф. Керенский и некоторые из других депутатов с.-д. меньшевистского направления, добавив при этом, что он не постеснится принять в отношении их меры решительного характера. Я, в свою очередь, рекомендовал ему обратить внимание на переписку департамента и доклады начальника охранного отделения по поводу означенной

рабочей секции и относительно депутата Керенского. Поэтому, читая указанное выше правительственное сообщение, я ожидал, что оно касается раскрытия правительством деятельности видных представителей крайних левых партий в борьбе с существовавшим строем, и предполагал встретить, в числе подвергшихся аресту лиц тех, за которыми я, в свою пору, имел неослабное наблюдение. Но на это Протопопов не решился, а, вместе с тем, это сообщение использовал как в правых кругах в смысле закрепления доверия к себе, так и при соответствующих докладах своих у государыни и его величества в доказательство необходимости перемены правительственного курса в отношении общественных организаций и Государственной Думы. В то же время, хотя А. И. Гучков и разошелся тогда с Протопоповым, последний, тем не менее, держал у себя в кабинете на видном месте портрет Гучкова с собственноручною надписью последнего, свидетельствовавшею о близких и дружеских их взаимных друг к другу симпатиях.

3.

[Отношение Протопопова к Госуд. Думе. Мечты Протопопова о диктатуре. Передача прав главнокомандующего по Петрограду ген. Хабалову. Отношение Протопопова к Васильеву, Красильникову и Бадмаеву. Доверчивость Протопопова к Белецкому в начале 1917 года. Сообщение Протопопова о роли Мануйлова в деле обвинения гр. В. С. Татищева в государственной измене. Прапорщик Лонгвинский. Процесс Мануйлова и В. Л. Бурцев. Характеристика Распутина. Отношение к Распутину со стороны Вырубовой и других его поклонниц. Религиозная сторона духовной структуры Распутина.]

Что касается поставленного мне Комиссией вопроса по поводу отношения Протопопова к Государственной Думе, то Протопопов до января текущего года, в особенности после смерти Распутина, таил в себе надежду на возможность примирения с ним Государственной Думы и был очень чуток к деловым посещениям его депутатами; но, после столкновения с ним М. В. Родзянко, Протопопов видел в лице Государственной Думы угрозу для своего личного служебного положения, зная хорошо отличительные свойства характера его величества; поэтому он все свои усилия направил к убеждению государя в необходимости скорейшего роспуска Думы впредь до новых выборов, останавливая внимание его величества на средостении Думы с армией и на каждом оппозиционном выступлении с кафедры Государственной Думы, в особенности в последнее время на речах депутата Керенского, желая этим путем доказать несостоятельность мотивов, приводимых в пользу нормального хода работ Думы со стороны председателя совета министров кн. Голицына.

При моих даже последних свиданиях с Протопоповым я ни разу не слышал от него, чтобы он шел навстречу пожеланиям последних лет правых организаций об изменении выборного закона. Высказывая мне свое мнение по этому поводу, Протопопов стоял на точке зрения отвлечения наличных оппозиционных правительству сил Государственной Думы в сторону местных интересов в деле обеспечения себе депутатских полномочий в 5-й Государственной Думе, причем придавал большое значение возможности свободы своих действий в борьбе с явно враждебно

настроенными к нему членами Государственной Думы, предполагая принять в широких размерах, с точки зрения правительственного влияния, ближайшее участие в избирательной кампании. Вопросу о средостении армии с Государственной Думой Протопопов придавал особое значение и в чувстве недовольства армии его действиями он видел исключительно отражение антидинастического движения, в силу оказываемого ему доверия со стороны государыни. В этих видах, чтобы доказать государю происшедший за последнее время революционный сдвиг даже в действующих против неприятеля частях войск, Протопопов прибег к секретной командировке офицерских чинов корпуса жандармов в действующию армию на все фронты для собрания соответствовавших его намерениям сведений и, на основании получаемых им от означенных офицеров материалов, составлял особые записки для представления их его величеству. Показывая мне 11 февраля этого года несколько таких записок, Протопопов высказал при этом свое сожаление о том, что его величество трудно разубедить в его доверии к армии. Особо доверчивых к себе отношений со стороны председателя совета министров кн. Голицына он установить не сумел, но, считаясь с неизменным вниманием, оказываемым всегда последнему императрицею, Протопопов, хотя и мечтал о сосредоточении в своем лице, после роспуска Государственной Думы, диктатуры власти, тем не менее, все-таки открыто выступать против кн. Голицына не решался и, в нужных ему случаях, прибегал к содействию своего однополчанина ген. Ушакова, почетного опекуна, находившегося в особо близких отношениях с кн. Голицыным и временно заменявшего Голицына в качестве его помощника по организации помощи нашим военнопленным, состоявшей под непосредственным руководством ее величества.

Проведя, при посредстве ген. Ушакова, чрез кн. Голицына одобренную государыней мысль о выделении Петрограда в особый административный район, не находящийся в сфере подчинения главнокомандующему ген. Рузскому, которому Протопопов ставил в вину тяготение к Государственной Думе и близость к А. И. Гучкову, лишенному в последнее время права въезда в действующую армию, Протопопов добился передачи прав главнокомандующего по г. Петрограду начальнику петроградского военного округа ген. Хабалову, с которым его сблизил Ушаков — старый товарищ Хабалова, установив притом непосредственную близкую служебную связь с помощником ген. Хабалова по гражданской части сенатором Плеве, проведенным, при его содействии и вследствие давних хороших отношений к Плеве со стороны И. Г. Щегловитова, в государственный совет в число присутствующих членов последнего. Благодаря этой мере Протопопов рассчитывал на наличие в своих руках достаточных средств для подавления возможности каких-либо волнений в Петрограде. Эту уверенность

я в нем видел даже 28-го февраля, когда уже были заметны серьезные признаки принявшего угрожающую форму рабочего движения в Петрограде. Зайдя в этот день в третьем часу к Протопопову по частному делу и встретив в секретарской части сенатора Бельгарда и Сазонова, бывшего редактора «России», пришедшего к Протопопову с просьбой о пропуске цензурою его мемуаров, я воспользовался 5-минутным переговором с Протопоповым по своему делу и, прощаясь, спросил у него о положении столицы, на что он уверенно и спокойно мне ответил, фразою: «мы еще поборемся» и добавил мне, что пулеметы уже пришли; из этого я вывел заключение, что Протопопов подготовлен ко всяким неожиданностям, выработав вполне определенный план не только обороны, но и твердого подавления беспорядков. В этот раз я в нем видел гораздо больше уверенности в себе, по сравнению с предыдущим моим свиданием с ним вечером 11-го февраля, когда он находился в нервном состоянии, ожидая в Петрограде крупных беспорядков 14 февраля, о чем он мне и передал, получив при мне, по этому поводу, доклад директора департамента полиции А. Т. Васильева, составленный на основании данных, представленных ген. Глобачевым. Познакомив меня в общих чертах с этим докладом, Протопопов обратился ко мне с просьбою сообщить ему в подробностях о тех мерах, которые я предпринимал, в свою пору, в предупреждение возможности появления в центре столицы массовых демонстративных выступлений рабочих. Указав ему на трудность его положения в данном случае, когда предлогом для готовившейся демонстрации был выставлен объединявший лозунг недовольства правительственными мероприятиями по борьбе с дороговизной, я сообщил ему сущность основных распоряжений, отдаваемых мною в таких случаях, а затем, считаясь с данными означенного доклада, спросил у него, существует ли у него уверенность в содействии администрации со стороны войсковых частей местного гарнизона и, на случай крайней надобности, порекомендовал ему призвать в столицу донских казаков, для которых наказной атаман гр. Граббе, находившийся в ту пору в Петрограде, исходатайствовал несколько новых льгот. Относительно местного гарнизона Протопопов мне указал, что у него имеются сведения тревожного характера лишь в отношении Новочеркасского и Волынского (если я не ошибаюсь) полков и, затем, отметил себе для памяти о вызове донских казаков. Говорил ли мне в этот раз Протопопов об имеющихся в распоряжении администрации пулеметах, я не помню в точности, но 1 и 2 марта лично мне и семье пришлось испытать несколько обысков, вплоть до доставления меня под караулом в комендантский участок, до той поры, пока дозорным местным воинским караулом не были обнаружены на чердаке 7 этажа того дома, где я жил (Бассейная, 60), двое городовых, стрелявших из пулемета

в проходившие воинские части и в проезжавшие военные автомобили.

Если Протопопов несколько и отошел в последнее время от ген. Курлова, то отношения его с А. Т. Васильевым, Красильниковым и с тибетским врачом Бадмаевым остались ровны до переворота. В Васильеве, с которым он сблизился благодаря Курлову и Бадмаеву, Протопопов, как он мне об этом лично передавал, ценил, главным образом, исключительную преданность его личным интересам, в жертву которых Васильев в последнее время принес даже свои старые дружеские связи с П. Г. Курловым. Что же касается своего однополчанина, друга Курлова, — Красильникова, то Протопопов вошел с представлением о пожаловании его вне правил чином действительного статского советника, за его, как мне сообщал Протопопов, услуги в деле раскрытия в Швеции немецкой шпионской организации, направленной против России; в детали этого дела Протопопов меня не посвящал, и я, в свою очередь, не решился расспрашивать его о подробностях, предполагая, что, в данном случае, Красильников помогал Протопопову в затушевании Стокгольмского инцидента, причинившего ему много осложнений и личных неприятностей, так как я знал, еще в бытность свою товарищем министра внутренних дел, от полк. Ерандакова, что им в распоряжение генерального штаба были представлены данные о сконцентрировании в руках германского посла в Швеции фон-Лицениуса главного руководительства германским шпионажем, сосредоточенным, главным образом, в Петрограде.

Переходя к отношениям Протопопова к врачу Бадмаеву, я должен пояснить, что я лично с последним познакомился только во время моей службы при А. Н. Хвостове, когда Бадмаев был у меня несколько раз с просьбами: 1) о поддержании Курлова после отстранения его ген. Рузским от должности прибалтийского генерал-губернатора, 2) о скорейшем утверждении устава проектированного им союза активной борьбы молодежи, 3) о назначении зятя его, непременного члена минского губернского присутствия, Вишневского вице-губернатором, и 4) о воздействии на петроградского губернатора относительно находившегося на разрешении петроградского губернского правления спора Бадмаева с его гражданскою женою по поводу переноса в фамильный склеп Бадмаева умершего сына его после того, как чины уездной полиции отняли у Бадмаева и его служащих тайно ночью выкопанный им из могилы гроб покойного для помещения его в означенном склепе. (Переписка об этом деле имеется в департаменте полиции.) Ни по одному из этих дел я не мог быть полезным Бадмаеву, в виду чего он, после моего ухода от должности, прервал знакомство со мною. Протопопов пользовался издавна, повидимому, вследствие указаний Курлова, медицинскими советами Бадмаева и несколько раз даже находился на продолжительном лечении

в санатории Бадмаева, но в феврале 1917 г. прибегал уже к помощи проф. академика Бехтерева, отнюдь не прерывая своих прочно установившихся хороших отношений с Бадмаевым. Не знаю, помог ли Протопопов Бадмаеву в последнем деле, по поводу которого Бадмаев обращался ко мне, но в отношении служебного повышения его зятя Протопопов желание Бадмаева исполнил, назначив Вишневского на должность минского вице-губернатора. Из разговоров с Бадмаевым я вынес впечатление, что ему было известно многое из закулисных сторон придворных влияний, при чем он мне подчеркивал о полученном им разрешении в нужных случаях прибегать к посылке частных своих письменных докладов во дворец.

Я уже отметил проявленную Протопоповым некоторую подозрительность в отношении меня, заставившую лично меня, в последнее время, даже сократить свои визиты к Вырубовой и свидания свои с Распутиным и побудившие меня прибегнуть, помимо Протопопова, к другим влиятельным знакомствам в глубоко волновавшем меня вопросе об изменении отношения ко мне государя. Более доверчивый тон сношений со мною Протопопов установил лишь в последнее время, с начала 1917 года, когда было решено поставить снова на суд дело Манасевича-Мануйлова, и понадобилось особое, с моей стороны, воздействие на последнего, в виду возникшего у Вырубовой опасения в том, что Мануйлов, обезкураженный возбуждением о нем дела, которое он имел основание считать ликвидированным, увидит в этом перемену в отношении себя после смерти Распутина и прибегнет, в интересах защиты, к каким-либо неожиданным на суде выступлениям, которые могут приподнять завесу на его роль при Распутине, Штюрмере и владыке митрополите. Передавая мне означенную просьбу Вырубовой, за исполнение которой Вырубова впоследствии меня благодарила, Протопопов сообщил мне в подробностях о той роли, которую сыграл Мануйлов в деле возбужденного комиссией ген. Батюшина обвинения гр. В. С. Татищева в государственной измене, — единственно лишь под влиянием недовольства за привлечение Мануйлова, состоявшего сотрудником комиссии, зятем Татищева к суду и желания опорочить показания Татищева и И. С. Хвостова. Затем, Протопопов просил меня выслушать гр. В. С. Татищева и, насколько возможно, выяснить, не предполагает ли комиссия Батюшина, в преследовании поставленной ею по делу Мануйлова цели, принять какие-либо репрессивные меры в отношении Татищева. К этому времени, как я уже показывал, я достаточно ясно отдавал себе отчет о личности Мануйлова; что же касается дела Татищева, то, хотя оно меня лично до того момента мало интересовало, тем не менее, как из слов Мануйлова, так и полк. Резанова и прапорщика Логвинского, производившего по этому делу расследование, я не мог не вынести того впечатления, что выводы Протопопова были вполне правильны.

Кроме того, интересуясь результатами произведенного, по поручению комиссии, обыска в Москве в соединенном банке с точки зрения того, не обнаружен ли был там архив А. Н. Хвостова с материалами о Распутине, я знал от Мануйлова и Логвинского, что обыск был сделан преднамеренно перед процессом Мануйлова, с целью скомпрометировать Татищева, о чем я передал Протопопову во время упомянутого выше моего с ним разговора. Когда, затем, ко мне пришел Татищев, то я был поражен тем нервным подавленным состоянием, в каком он находился вследствие возведенного на него комиссией Батюшина обвинения в связи с делом Мануйлова. Посвятив меня в подробности тех своих коммерческих предприятий, в которых комиссия нашла признаки совершенного гр. Татищевым государственного преступления, Татищев дал мне, на основании собранных им лично сведений, характеристику прапорщика Логвинского, рисовавшую деятельность последнего с далеко не безупречной стороны, как человека, поставившего себе целью, пользуясь привилегированным положением в комиссии, составить себе состояние путем застращивания, после ареста Рубинштейна, банковских деятелей возможностью обнаружения в их деятельности наличности торгового шпионажа и использования их услуг в деле биржевых его, Логвинского, операций. В виде примера, гр. Татищев указал мне на то, что Русско-Азиатский банк, под влиянием означенных причин, не рискнул отказаться от предложенных ему Логвинским своих услуг по юрисконсультской части. Ту же самую характеристику Логвинского дал мне впоследствии и Н. Ф. Бурдуков, имевший большие знакомства в финансовом мире. Затем, когда я завел разговор о Логвинском с полк. Резановым, который подкупал меня своею откровенностью со мною, то и он не скрыл от меня своего разочарования в Логвинском и сожаления о том, что ген. Батюшин, в последнее время, подпал под сильное воздействие Логвинского, которое может отразиться на служебной карьере Батюшина. При этом Резанов мне добавил, что он лично считает Логвинского виновником некоторого охлаждения, последовавшего со стороны ген. Батюшина к нему, Резанову; наконец, на мой вопрос о виновности гр. Татищева полк. Резанов сообщил мне, что, хотя он и знаком с деталями этого дела, однако, по тем разговорам, которые ему пришлось слышать по этому поводу в комиссии, он не видит в этом деле наличия преступления по ст. 108 ул. Вместе с тем, Резанов, в объяснение последовавшей в отношении его перемены со стороны Батюшина, рассказал мне о состоявшемся переводе его из комиссии в распоряжение штаба главнокомандующего ген. Рузского без особого протеста ген. Батюшина, причем причиною этого он считал свое расхождение с Батюшиным в оценке данных произведенного им дознания по делу Д. Рубинштейна, коему он не нашел возможным предъявить обвинение по ст. 108 улож., в виду чего и отказался

подписать журнал комиссии о предании Рубинштейна суду. В заключение Резанов, смеясь, добавил, что он с охотою, по окончании войны, выйдя в отставку, взялся бы выступить на суде в качестве защитника Рубинштейна по этому делу.

Пригласив к себе после этого И. Ф. Мануйлова, я, не давая ему почувствовать происшедшую во мне в отношении его перемену, высказал ему, в тоне сочувствия, что он сам виноват во вторичной постановке на суд его дела, так как он не послушался переданного ему мною, а затем и Курловым, от имени Протопопова, совета уехать на некоторое время из Петрограда заграницу после первоначально состоявшегося повеления о прекращении дела, а оставшись в Петрограде, возобновил свою деятельность и тем неослабно поддерживал в общественных кругах неостывшее чувство недовольства по поводу прекращения его дела, заставившее возобновить его процесс в интересах охраны престижа царской власти. При этом я, сославшись на Протопопова, дал понять Мануйлову, что в его личных интересах провести защиту себя на суде в рамках той корректности, которая давала бы ему основание в будущем, в случае наличия обвинительного приговора, прибегнуть к монаршему милосердию, пользуясь благорасположением к себе лиц, его ранее поддерживавших, отношение которых к нему будет находиться в зависимости от его поведения на суде. Затем я передал Мануйлову, что процесс будет проходить под неослабным надзором министра юстиции, от которого в будущем будет зависеть оценка степени корректности его поведения на суде и, в заключение, посоветовал ему не прибегать к каким-либо неожиданным действиям в деле ликвидации своих счетов с И. С. Хвостовым, чтобы этим еще более себе не повредить. С справедливостью высказанных мною соображений Мануйлов не мог не согласиться, хотя, как я видел, он вынес из моего с ним разговора впечатление, что весь ход представленного судебного разбирательства будет направляем председателем суда в интересах его защиты, в чем мне пришлось впоследствии все время его разуверять. Уверенность эту Мануйлов построил на ссылке моей на Протопопова, в сочувствии которого он не сомневался; он это высказал мне, рассказав о той помощи, которую он оказал Протопопову в деле сближения последнего с Штюрмером по поводу устройства Протопопову особой аудиенции у государя для всеподданнейшего доклада о результатах заграничной командировки. Это произошло после возвращения Протопопова из заграницы, по высказанной Протопоповым просьбе во время завтрака в одном из ресторанов. После этого Мануйлов, прося меня не оставлять его своими советами и поддержкой, передал мне о тех надеждах, которые он возлагал на показания ген. Батюшина и прапор. Логвинского, и при этом мне сообщил, что Логвинский срочно командирован Батюшиным для собрания веских доказательств степени виновности гр. Татищева,

так как в принципе комиссией ген. Батюшина решено подвергнуть Татищева, пред началом слушания его, Мануйлова, дела, аресту; в ответ на это я еще раз посоветовал Мануйлову не осложнять свой процесс делом Татищева, а направлять все усилия защиты не столько в сторону возбужденного против него И. С. Хвостовым обвинения, сколько, главным образом, в отношении дел, попутно выдвинутых ген. Климовичем против него, Мануйлова, указав Мануйлову, что в этих делах А. А. Макаров, с которым я в свою пору об этом говорил, видел наибольшую для обвинения Мануйлова опасность. Поблагодарив меня за совет, Мануйлов добавил, что В. Л. Бурцев, который почти ежедневно его посещает, глубоко возмущен тем провокационным, с точки зрения Бурцева, приемом, к которому прибегнул Климович, как директор департамента полиции, в деле постановки против него, Мануйлова, обвинения, сделавши из И. С. Хвостова орудие для ликвидации своих личных с ним, Мануйловым, счетов, и предполагает выступить по тому поводу печатно против Климовича, попутно обвиняя его в прикосновенности к делу убийства депутата Иоллоса.

Я уже показывал, по каким побуждениям я, не открывая своих намерений И. Ф. Мануйлову, заставил его держать меня в курсе этого дела и ознакомить меня как с содержанием газетных статей, так и задуманной Мануйловым к изданию, на правах рукописи, особой брошюры, написанной В. Л. Бурцевым против ген. Климовича; к недопущению печатания этих материалов, согласно предупреждениям, сделанным мною министрам юстиции и внутренних дел и Климовичу, были приняты соответствующие со стороны департамента полиции, меры. Как в стадии предварительной, до начала процесса Мануйлова, так и во время судебного над ним следствия, я все время действовал солидарно с Протопоповым и вместе с ним убедил владыку митрополита предоставить Мануйлова своей судьбе, вследствие чего секретарь митрополита Осипенко воздержался, в виду болезни, от личной явки на суд в качестве свидетеля со стороны Мануйлова, с чем Мануйлов должен был, по моему совету, примириться и, наконец, впоследствии, по окончании процесса, поддержал перед Вырубовой данный ей Протопоповым совет не брать на себя инициативу в деле помилования Мануйлова пока окончательно не прекратятся всякие толки, связанные с его процессом.

Поведение Бурцева на процессе Мануйлова в смысле явно подчеркнутой им симпатии к Мануйлову обратило на себя общее внимание корреспондентов влиятельных столичных периодических органов печати; многие из них высказывали мне по этому поводу свое недоумение. Дружеское расположение Бурцева к Мануйлову, вызывавшее удивление даже со стороны ген. Комиссарова, я лично объяснял не только старым знакомством, но и чувством благодарности Бурцева за оказанную ему Мануйловым поддержку у Штюр-

мера в вопросе о разрешении ему, после моего ухода из министерства внутренних дел, жительства в Петрограде, в чем Бурцеву категорически отказал Климович, относившийся к нему неблагоприятно, в особенности после истории с сотрудницей Климовича Жученко. Вместе с тем я понимал, что Бурцев, войдя в домашний обиход жизни Мануйлова на правах хорошего его знакомого, в период конца 1915 г. и до февраля 1917 г. имел возможность получать от Мануйлова все последние новости из области внутренней политики и собирать сведения относительно высших чинов администрации и правительства, которые его по тем или другим причинам интересовали; кроме того, Бурцев, на квартире Мануйлова и при его посредстве, несколько раз виделся с ген. Герасимовым, желавшим разубедить Бурцева в неправильности приданного им на страницах «Будущее» освещения его роли в отношении Азефа, с ген. Комиссаровым и с ген. Спиридовичем, у которых он умело выпытывал сведения относительно заподозренности им некоторых партийных работников в сотрудничестве. Лично я, как, уже показал, с Бурцевым познакомился по прибытии его в Петроград. До того же времени я, будучи директором департамента полиции, неоднократно обращал внимание заграничной агентуры на Бурцева, в особенности в период времени разоблачения им целого ряда сотрудников как заграничной, так и внутренней агентуры и обследования им условий постановки департаментом полиции заграницей своего политического отдела; в особенности меня озабочивали разоблачения Бурцевым заграничного политического сыска, заставлявшие меня два раза менять состав розыскных офицеров, находившихся в секретной заграничной командировке, и осложнившие отношения к означенному политическому отделу не только со стороны местной высшей администрации, но и нашего посольства. В этот период времени у меня возникала мысль о привлечении Бурцева к сотрудничеству, но ближайшее ознакомление с его прошлым и с его личностью заставило заграничную агентуру решительно отказаться от этого намерения и ограничиться постановкой около Бурцева широкой... [1]... вероятно агентуры. Что касается Распутина, то с юных лет, сильно чувствуя в себе человека с большим уклоном к болезненно порочным наклонностям, Распутин ясно отдавал себе отчет в том, что узкая сфера монастырской жизни, в случае поступления его в монастырь, в скорости выбросила бы его из своей среды, и поэтому он решил пойти в сторону, наиболее его лично удовлетворявшую,—в тот мир видимых святошей, странников и юродивых, который он изучил с ранних лет в совершенстве. Очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждение односельчан, как «Гриша провидец», явился ярким и страстным

---

[1]) Пропуск в оригинале. Ред.

*

представителем этого типа в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным, и красноречивым, и лицемером, и фанатиком, и святым, и грешником, и аскетом, и бабником и в каждую минуту актером, возбуждая к себе любопытство и, в то же время, приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью. Заинтересовав собою некоторых видных иерархов с аскетическою складкою своего духовного мировоззрения и заручившись их благорасположением к себе, Распутин, под покровом епископской мантии владыки Феофана, проник в петроградские великосветские духовные кружки, народившиеся в последнее время в пору богоискательства, и здесь сумел быстро приспособиться и ориентироваться в чуждой ему до того новой среде, стремившейся вернуться к старомосковским симпатиям, но слабой духом и волею, оценил всю выгоду своего положения и, применив и к этой среде усвоенный им метод влияния, заставил влиятельных представительниц этих салонов остановить на себе внимание и заинтересовал своею личностью в. к. Николая Николаевича. Дворец Николая Николаевича для Распутина явился милостью, брошенной пророком Илией своему ученику Елисею, привлекшей внимание к нему высочайших особ, чем Распутин и воспользовался, несмотря на наложенный на него в этом отношении запрет со стороны великого князя, после того, как его высочество, поближе ознакомившись с Распутиным, разгадал в нем дерзкого авантюриста. Войдя в высочайший дворец при поддержке разных лиц, в том числе покойных С. Ю. Витте и кн. Мещерского, возлагавших на него надежды с точки зрения своего влияния в высоких сферах, Распутин, пользуясь всеобщим бесстрастием, основанным на кротости государя, ознакомленный своими милостивцами с особенностями склада мистически настроенной натуры государя, во многом, по характеру своему, напоминавшего своего предка Александра I, до тонкости изучил изгибы душевных и волевых наклонностей государя; он сумел укрепить веру в свою прозорливость, связав с своим предсказанием рождение наследника и закрепив, на почве болезненного недуга его высочества, свое влияние на государя путем внушения уверенности, все время поддерживаемой в его величестве болезненно к тому настроенной государынею, в том, что только в одном нем, Распутине, и сосредоточены таинственные флюиды, врачующие недуг наследника и сохраняющие жизнь его величества, и заверил, что он как бы послан провидением на благо и счастье августейшей семье. В конце концов, Распутин настолько даже сам укрепился в этой мысли, что несколько раз с убежденностью повторял мне: «если меня около их не будет, то и их не будет» и на свои отношения к царской семье смотрел как на родственную связь, называя на словах и в письмах своих к высочайшим особам государя «папой», а государыню «мамой». В обществе моего вре-

мени ходило много легенд о демонизме Распутина, при чем, сам он никогда не старался разубеждать в этом тех, кто ему об этом передавал или к нему с этим вопросом обращался, в большей части отделываясь многозначительным молчанием. Эти слухи поддерживались отчасти особенной нервностью всей его подвижной жилистой фигуры, аскетической складкою его лица и глубоко впавшими глазами, острыми, пронизывавшими и как бы проникавшими внутрь своего собеседника, заставлявшими многих верить в проходившую через них силу его гипнотического внушения. Затем, когда я был директором департамента полиции, в конце 1913 года, наблюдая за перепискою лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров [1]) к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером лично для своего материального благополучия на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды, в виду наличия у Распутина сильной воли и умения сконцентрировать ее в себе. Поэтому я, собрав более подробные сведения об этом гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки гипноза у кого-либо другого, я не знаю, так как я в скорости оставил службу, и при обратном моем возвращении в министерство внутренних дел, проследка за Распутиным этих данных мне не давала. Но в этот последний мой служебный период, при одном из моих разговоров с Распутиным о Вырубовой, когда я касался железнодорожной катастрофы, жертвой которой она явилась, Распутин с большими подробностями и с видимою откровенностью рассказал мне, что своим, по выражению Распутина, воскрешением из мертвых Вырубова обязана исключительно ему. По словам Распутина, несчастный случай с Вырубовой произошел в период сильного гнева на него со стороны государя, после одного из первых докладов о нем ген. Джунковского по оставлении мною должности директора департамента полиции и, поэтому, сношения Распутина с дворцом были временно прекращены. О несчастном случае с Вырубовой Распутин узнал только на второй день, когда положение ее было признано очень серьезным и она, находясь все время в забытьи, была уже молитвенно напутствована глухой исповедью и причастием св. тайн. Будучи в бредовом горячечном состоянии, не открывая все время глаз, Вырубова повторяла лишь одну фразу: «отец Григорий, помолись за меня»; но, в виду настроения матери Вырубовой, решено было Распутина к ней не приглашать. Узнав о тяжелом положении

[1]) Эта переписка, в виде перлюстрационного материала, была вшита в дело о Распутине, которое находилось в числе особо секретных дел, хранившихся у директора и было передано мною Н. А. Маклакову, согласно его требованию.

Вырубовой со слов графини Витте и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного автомобиля, Распутин воспользовался любезно предложенным ему графинею Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село в приемный покой лазарета, куда была доставлена Вырубова женщиною-врачем этого лазарета кн. Гедройц, оказавшей ей на месте катастрофы первую медицинскую помощь. В это время в палате, где лежала Вырубова, находились государь с государынею, отец Вырубовой и кн. Гедройц. Войдя в палату без разрешения и ни с кем не здороваясь, Распутин подошел к Вырубовой, взял ее руку и, упорно смотря на нее, громко и повелительно ей сказал: «Аннушка, проснись, поглядь на меня» и, к общему изумлению всех присутствовавших, Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала: «Григорий,—это ты; слава богу». Тогда Распутин, обернувшись к присутствовавшим, сказал: «поправится» и, шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где и упал в обморок. Прийдя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту. Этот рассказ я изложил почти текстуально со слов Распутина, как он мне передавал; проверить правдивость его мне не удалось, так как с кн. Гедройц я не был знаком и мне не представилось ни разу случая с нею встретиться, чтобы расспросить ее о подробностях этой сцены и о том, не совпал ли этот момент посещения Распутиным Вырубовой с фазою кризиса в ее болезненном состоянии, когда голос близкого ей человека, с которым она душевно сроднилась, ускорил конец бредовых ее явлений и вывел ее из ее забытья. Объясняя себе таким образом всю картину происшедшего исцеления Распутиным Вырубовой, я ясно представлял себе, какое глубокое и сильное впечатление эта сцена «воскрешения из мертвых» должна была произвести на душевную психику высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати провидения, в Распутине пребывавших, и упрочить значение и влияние его на августейшую семью. После этого случая Вырубова, как мне закончил свой рассказ Распутин, сделалась ему «дороже всех на свете, даже дороже царей», так как у нее, по его словам, не было той жертвы, которую она не принесла бы по его требованию. Действительно, как я сам замечал, в особенности в последнее время, Распутин относился к своей августейшей покровительнице без того должного внимания и почтительности, какие следовало бы в нем предполагать, за все милости, ему оказываемые, по сравнению с Вырубовой, в которой он видел безропотное отражение своей воли и своих приказаний.

А. А. Вырубова по натуре своей была очень религиозна, в чем я сам имел возможность несколько раз убеждаться, но в Распутине, несмотря на то, что она не могла не видеть его некоторых порочных наклонностей, находила твердую опору в своих душевных стремлениях. Когда я был у Вырубовой утром на другой день

после убийства Распутина до обнаружения его тела, примерзшего ко льду, и, как мне передавал потом Протопопов, брошенного с моста в полынью еще живым, но находящимся в беспамятстве, то по лицу Вырубовой я видел, какая сильная душевная борьба происходила в ней от начавшего заползать в ее душу сомнения в отношении Распутина; этого чувства она не скрыла от меня, сказав, что она не может допустить мысли, чтобы Распутин не предчувствовал своей смерти и не сказал бы ей об этом, тем более, что в день его убийства она до прихода Протопопова была вечером в 8 час. у Распутина, и он ей передал, что после Протопопова к нему должен заехать молодой кн. Юсупов, чтобы отвезти его к себе в дом к больной своей жене для ее «исцеления»; при этом Вырубова сообщила мне, что ей лично показалось несколько странным такое позднее приглашение Распутина Юсуповым к себе, что она ему и высказала, не зная того, что супруги князя в это время в Петрограде не было, и посоветовала Распутину отказаться от этого приглашения, объяснив ему, что, если Юсупов и его жена стыдятся открыто его принять у себя днем, то ему не для чего унижать себя и ехать к ним. Передавая мне об этом, Вырубова высказала свое недоумение по поводу того, что Распутин, дав обещание, не последовал затем ее совету, — тем более, что она настойчиво указывала ему, что, по ее мнению, в данном случае кроется другая цель, которую преследовал Юсупов, приглашая его ночью к себе в гости: из слов Распутина она поняла, что Юсупов особенно настаивал на том, чтобы ко времени его заезда за ним у него не было никого из посторонних, хотя бы и близких Распутину лиц, кроме его домашних. В виду этого она, Вырубова, узнав на другой день об исчезновении Распутина, сразу невольно поставила это обстоятельство в связь с таинственною обстановкою приглашения Распутина Юсуповым и укрепилась в своем подозрении против Юсупова после получения императрицей в тот же день, без всякого запроса со стороны ее величества, письма от Юсупова, в котором он, в виду распространившихся в Петрограде слухов о причастности его к исчезновению Распутина, заверял честным словом государыню, что он накануне у Распутина не был, с ним даже по телефону не разговаривал и к себе Распутина не приглашал, что находилось в полном противоречии с слышанным ею лично от Распутина. Потом уже Симанович сообщил Вырубовой, что Распутин за три дня пред своей смертью был грустно настроен, находился в подавленном состоянии и попросил его помочь ему советом в деле устройства им денежного вклада в банк на имя дочерей, для чего они вдвоем секретно ездили в банк, где Распутин и положил для каждой дочери несколько десятков тысяч, бывших у него в ту пору на руках, а затем, по приезде, Распутин велел затопить печь и вместе с Симановичем, несмотря на просьбы старшей дочери, сжег все письма и телеграммы, полученные им как

от высочайших особ, так и от Вырубовой, а в день своего убийства повеселел, пошел в баню и вечером, после отъезда Вырубовой, надел лучшую свою новую шелковую верхнюю рубаху и новый костюм и, несмотря на убеждения Симановича, никуда без него не ехать, успокоив его, настоял на его уходе, заявив, что он дожидает к себе Протопопова. Наконец, в той же мысли, что Распутин как бы предчувствовал свою кончину, укрепил Вырубову и В. М. Скворцов, сообщив ей, как мне потом об этом он сам рассказывал, что, зайдя за день до смерти Распутина к нему на квартиру, он был поражен видом Распутина, лицо которого было землянистого цвета и носило уже на себе, по словам Скворцова, пчеать смерти, при чем он застал Распутина в сильно подавленном настроении духа, и ему стоило больших трудов вывести его из меланхолического настроения и отвлечь от разговоров о смерти. К рассказу В. М. Скворцова, им переданному уже после смерти Распутина, я отнесся несколько скептически, так как, посетив Распутина, как я тоже показал, по просьбе Вырубовой, за день или за два дня до его смерти поздно вечером, я не нашел в нем никакой перемены, а, наоборот, видел в нем жизнерадостное настроение, полное удовлетворение по случаю полученного им обещания о назначении на пост министра юстиции Н. А. Добровольского, при посредстве которого он рассчитывал добиться окончательного погашения дела Сухомлинова, и большую самонадеянность в том, что его никто не посмеет тронуть в ответ на мое предупреждение быть осторожным в своих поездках в малознакомые дома.

При последующих, затем, моих свиданиях с Вырубовой, я не позволял себе подымать разговоров о Распутине и только послал ей в феврале сего года фотографический снимок с последнего портрета Распутина, нарисованного с него одною из его знакомых художниц для какого-то большого американского иллюстрированного издания, но об отношении Вырубовой к семье и лицам, пользовавшимся расположением к себе Распутина, я уже показывал в доказательство той памяти, какую Вырубова сохранила о Распутине. Что же касается других искренно веровавших в Распутина его поклонниц, то после его убийства в среде этих немногих его почитательниц, кроме А. И. Гущиной, серьезно заболевшей после его смерти, почти ни у кого не осталось прежней веры в его духовную прозорливость; в том мне пришлось убедиться из разговора моего с матерью М. Головиной — при встрече с ней в воскресенье на масленой неделе у Вырубовой, при чем Головина (одна из самых давних почитательниц Распутина) откровенно высказала мне свое разочарование в прозорливости Распутина, в виду непредвидения им такой ужасной своей смерти, так как в последнее время Распутин уверял своих поклонниц, чему я сам раз был свидетелем во время одного из воскресных часов у него на квартире в июне 1916 года в присутствии Вырубовой, что ему положено на роду

еще пять лет пробыть в миру с ними, а после этого он скроется от мира и от всех своих близких и даже семьи, в известном только ему одному, намеченном им уже, глухом месте, вдали от людей, и там будет спасаться, строго соблюдая устав древней подвижнической жизни.

Это свое намерение Распутин, как я понимал, навряд ли привел бы в осуществление, даже, если бы он и не был убит, так как он довольно глубоко за последнее время опустился на дно своей порочной жизни; но, по настроению государя, Распутин ясно замечал близость наступления поворота в отношениях к нему со стороны его величества и заранее подготовлял себе почетный отход от дворца, указывая на пятилетний срок, как на то время, когда наступил бы для наследника юношеский возраст, кладущий преграду гемофилии, внушавшей их величествам постоянную боязнь за жизнь его высочества и связавшей Распутина, в силу приведенных мною причин, с августейшей семьею. Приобретя, в лице Вырубовой, послушную исполнительницу своих желаний и деятельную помощницу в деле укрепления своего влияния и значения во дворце, Распутин дерзко перешагнул черту заповедного ранее для него другого мира, укрепился в новой своей позиции и из Гриши превратился в отца Григория для своих почитательниц и в всемогущего Григория Ефимовича для лиц, прибегавших к его заступничеству, влиятельной поддержке, помощи или посредничеству.

Оттенив в предыдущих своих показаниях отличительные черты характера и наклонностей Распутина, я, в дополнение обрисовки его личности, считаю себя обязанным передать вынесенные мною из разговоров с ним и наблюдений за ним свои впечатления относительно религиозной стороны его духовной структуры. Этот вопрос останавливал на себе мое внимание еще в бытность мою директором департамента полиции. Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора святейшего синода сведений, переданных мне секретно директором канцелярии Яцкевичем, несомненным являлся тот вывод, что Распутин был сектант, при чем, из наблюдений причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине. Переписка эта своего дальнейшего развития не получила и только повлекла за собою перемену причта и назначение, взамен его, нового духовенства, которое, благодаря влияниям Распутина, было хорошо обеспечено, пользовалось его поддержкою и покровительством и считало Распутина преданным церкви, вследствие его забот о благолепии и украшении местного храма, благодаря щедротам и милостям не только его почитательниц, но и дарам августейшей семьи. Таким образом, официально установить несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте путем соответствующего расследования, на основании фактических и к тому же проверенных данных, — не удалось, тем более, что Распутин, после этого случая, был крайне

осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц, и филерное наблюдение к себе не приближал. В виду этого я принужден был секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в с. Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента, которые он, вследствие дружбы Распутина с местным начальством почтово-телеграфного отделения, посылал окружным путем, для меня было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось, так как этого агента, сумевшего уже заручиться и доверием причта и местной интеллигенции и особым благорасположением к себе Распутина, я должен был с уходом полк. Коттена из службы по корпусу жандармов, немедленно, во избежание провала, отозвать из Покровского, а затем и я сам в скорости ушел из департамента полиции. Но познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укрепился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безаппеляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свое далеко не авторитетное мнение по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своей душою власти той церкви, к которой он себя сопричислял, вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить Папков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики, православное духовенство не только не уважал, а позволял себе третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно порочных наклонностей, что мною и было засвидетельствовано в свою пору в. к. Николаю Николаевичу на основании точно проверенных данных. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неофиткам проявлений своей греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся и, тем самым, совершал «преображение» своей души, обмытой своими грехами.

К той характеристике, которую я дал Распутину, мне остается добавить несколько только штрихов для обрисовки его личности.

Распутин пренебрежения к себе и обид, ему наносимых, не прощал и никогда не забывал, а мстил за них до жестокости; на людей смотрел только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя интересах; будучи скрытным, подозрительным и неискренним, он, тем не менее, требовал от окружавших его безусловной с ним искренности и фальши в отношении себя не допускал; помогая кому-нибудь, он, затем, стремился поработить того, кому он был полезен; в своих выводах и решениях отличался упрямством и трудно поддавался переубеждению, идя на уступки лишь в тех только случаях, когда это отвечало его интересам; в своих домогательствах и желаниях отличался поразительной настойчивостью и до той поры не успокаивался, пока не осуществлял их, умея носить на лице и в голосе маску лицемерия и простодушия, чем вводил в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтал сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы. В заключение я добавляю, что, присматриваясь к судьбе тех лиц, которые искали в Распутине той или иной поддержки, я видел или печальный исход влияния на них Распутина и всей окружавшей его порочной обстановки, или фатальный для них позор, как последствие сближения их с Распутиным, но не в силу дѐмонизма Распутина, а, главным образом, вследствие свойства тех побуждений, которые их толкали итти к Распутину и заставляли, затем, поступаться многим в ущерб своей чести и достоинству, в исполнении желаний или, лучше сказать, требований Распутина.

VI.

Господину Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

[Свидание Белецкого с Мануйловым. Укрепившееся значение Распутина и митрополита при дворе. Жалобы Мануйлова на изменившееся к нему отношение Штюрмера. Меры личной обороны Мануйлова против фрейлины Никитиной и Климовича и агитация против Штюрмера. Примирение Мануйлова со Штюрмером. Мысль о создании при Штюрмере особого сверх-департамента полиции. Удаление Климовича. Назначение А. А. Хвостова министром внутренних дел. Знакомство с ген. Сухомлиновым и полк. Мясоедовым. Неудачные попытки Мясоедова вернуться в корпус жандармов. Сближение Мясоедова с Сухомлиновыми. Вынужденный уход Мясоедова в действующую армию. Существо дел и поручений, дававшихся Мясоедову Сухомлиновым. Падение Сухомлинова. Влияние Распутина на дело Сухомлинова. Замена А. А. Хвостова А. А. Макаровым. Недовольство Распутина Штюрмером. Освобождение Сухомлинова от ареста. Замена А. А. Макарова Н. А. Добровольским. Арест Мануйлова. Заявление Штюрмера о его роли в деле договора с Румынией. Причины ухода Штюрмера из состава правительства. Борьба Протопопова с Треповым. Подрыв доверия царя к Трепову. (20 июня.]

Когда я, в конце мая, перед отъездом семьи на дачу на Кавказ приехал в Петроград и пожелал войти в курс новостей петроградской жизни, то я обратился к Мануйлову, которого я оставил, уезжая, в особой близости и доверии ко всем тем лицам, кои имели такое сильное влияние на ход внутренней политики того времени. Мануйлова я не узнал. Это был уже не тот скромный сотрудник, приходивший ко мне с докладом по разного рода делам, интересовавшим меня во время моей прежней службы и всегда державший себя корректно в отношении меня, а совершенно другой человек, понимавший силу своего влияния, с апломбом высказывавший свое мнение как государственный деятель, занимающий ответственное положение, по вопросам, имеющим серьезное значение для страны, и дававший понять, что в разрешении их он принимает видное участие; так его отношение ко мне изменилось, и я невольно вспомнил прошлое и ту характеристику, которую мне докладывал в целях предостережения о нем ген. Комиссаров. Из слов Мануйлова я вынес

заключение, что положение Распутина после истории с А. Н. Хвостовым еще более укрепилось, что значение и влияние владыки митрополита на высокие сферы значительно усилилось и что он, Мануйлов, пользуется особым к нему доверием Распутина и владыки, приблизился к А. А. Вырубовой, часто у нее бывает по поручениям Б. В. Штюрмера, вполне заручился ее благорасположением к себе и что Распутин теперь обойтись без него не может, так как Распутину очень понравилась установленная Мануйловым форма письменных, на пишущей машинке, сношений его, Распутина, с Царским Селом, о чем я уже ранее показывал, что эти доклады сделались регулярными, что он, Мануйлов, помещает в них все, что касается вопросов внутренней политики, могущих интересовать императрицу, придавая им отражение взглядов на них Штюрмера, а в некоторых и владыки, затем то, что находит нужным сообщить Распутин или он, Мануйлов, в интересах Распутина или Штюрмера из области текущей жизни, слухов, разговоров или отношений к императрице и Вырубовой тех или других лиц, занимающих видное положение и, наконец, то, что он, Мануйлов, считает необходимым довести до сведения, если не высоких сфер, то, в крайнем случае, Вырубовой.

Но затем, через некоторое время, Мануйлов сам уже пожелал свидеться со мною и, придя ко мне, стал мне, хотя и в осторожной форме, жаловаться на непонятную ему перемену в отношениях к нему со стороны Штюрмера, приписывая это вначале воздействию на Штюрмера со стороны ген. Климовича, через посредство товарища министра Степанова, всецело, якобы, подпавшего под влияние Климовича. При этом Мануйлов мне сообщил, что Штюрмер, не предупреждая его, откомандировал его от себя в распоряжение директора департамента полиции ген. Климовича, который его вызвал к себе, принял его довольно сухо, заявил ему об этом распоряжении Б. В. Штюрмера, спросил его о существе возлагавшихся на него, Мануйлова, поручений; когда же он ответил ему, что он, Мануйлов, понимает свое служебное положение лишь в форме исполнения поручений не департамента полиции, а лично министра внутренних дел Б. В. Штюрмера, который так ему и определил его обязанности, возвращая его на службу в министерство внутренних дел, то Климович сослался на совершенно иную обрисовку служебной роли его, Мануйлова, переданную ему Штюрмером, и, обещая еще раз переговорить о нем с министром, прибавил, что, во всяком случае, того содержания, которое ему, Мануйлову, было назначено А. Н. Хвостовым перед уходом со службы, ныне Мануйлов получать не будет, так как министр, вследствие напряженности средств департамента полиции, признал нужным уменьшить, в числе многих лиц, и Мануйлову оклад до 600 руб. в месяц. Передавая мне об этом, Мануйлов добавил, что его не столько взволновало сокращение ему содержания, так как для него лично денежный вопрос в настоящее

время значения особого не имеет, сколько сама форма передачи ему ген. Климовичем поручений Штюрмера, что он отказывается верить, чтобы сам Штюрмер после всего того, что он для него сделал и делает, мог так легко отказаться от него и его услуг, тем более, что гр. Борх, ежедневно у него бывая и утром и вечером, уверяет его в привязанности к нему Штюрмера...

В ответ на это я напомнил Мануйлову мое предостережение не итти на государственную службу, которое я ему сделал на первых же днях вступления Штюрмера на должность председателя совета и посоветовал ему вернуться, пока не поздно, к газетной деятельности. Вслед за этим, Мануйлов снова пришел ко мне и уже в тоне явного неудовольствия на Штюрмера, заявил, что он в нем разочаровывается, так как Штюрмер, по видимости, хочет не только от него отмежеваться, но нарушить установленную через него свою связь с Распутиным, так как, в последнее время, Штюрмер начал вести свои переговоры и сношения с Распутиным при посредстве своей хорошей знакомой фрейлины Никитиной, старается войти в доверие к Распутину, который и стал, по просьбе Штюрмера, передавать через нее последнему и свои пожелания и просьбы и что фрейлина Никитина, в силу этого, начала приобретать постепенно в квартире Распутина положение лица, близкого к Распутину и его семье. При этом Мануйлов сообщил мне, что интриги со стороны Климовича против него не прекращаются и что причиною этого, как он думает, является опасение не только близости его, Мануйлова, к Штюрмеру, но и к Распутину из личной боязни Климовича за свое положение, так как Климовичу хорошо известны его, Мануйлова, издавно сложившиеся добрые отношения к ген. Спиридовичу, и поэтому ген. Климович опасается, как бы он, Мануйлов, пользуясь своим влиянием на Распутина, А. А. Вырубову и Штюрмера, также благожелательно относясь к Спиридовичу, не провел последнего на пост, занимаемый им, Климовичем.

В виду всего этого, Мануйлов счел нужным принять свои меры обороны как против фрейлины Никитиной, к которой он сумел уже заронить чувство подозрительности у Вырубовой, во время одного из своих посещений ее, и у семьи и близких к Распутину дам, так и против ген. Климовича, воспользовавшись чинимыми ген. Климовичем затяжками оплаты представленного им, Мануйловым, Штюрмеру счета в 300 руб. за прокат автомобиля, взятого им, Мануйловым, для поездки Распутина в Царское Село к Вырубовой для свидания с императрицей, так как в последнее время, во избежание разговоров о частых посещениях Распутиным дворца, императрица видится с Распутиным на квартире Вырубовой. По словам Мануйлова, когда он, при нежелании Климовича оплатить этот счет, рассказал Распутину, придав этому оттенок интриги Климовича лично против Распутина, чтобы подвести этим Штюрмера, то Распутин пришел в такое раздражение, что вызвал к телефону Штюр-

мера, сделал ему в резкой форме замечание по этому поводу, потребовал немедленной оплаты счета, предоставления в его, Распутина, распоряжение постоянного и хорошего автомобиля, передал об этом Вырубовой в форме жалобы на Климовича, и с этого времени по внушению его, Мануйлова, начал называть Климовича не иначе, как «шпион» и «поляк». В заключение Мануйлов добавил, что он пожаловался на Штюрмера и владыке митрополиту, который также, в свою очередь, начал замечать, что Штюрмер, за последнее время, стал реже к нему ездить и переговаривать по делам по телефону. Вследствие этого, владыка, вызвав к телефону Штюрмера, дал ему понять, в очень определенных выражениях, что мне потом подтвердил и Осипенко, свое в нем разочарование. После этого и сам Мануйлов передал гр. Борху, что перемена отношения Штюрмера к нему после получения им его, Мануйлова, стараниями поста премьера и министра внутренних дел, показывает ему неблагодарность и черствость Б. В. Штюрмера в отношении людей, ему преданных, и вынуждает его, Мануйлова, совершенно изменить свою линию поведения относительно Штюрмера.

Граф Борх, узнав от Мануйлова о телефонных разговорах с Штюрмером Распутина и владыки и поняв из настроения Мануйлова, что это первые раскаты приближающейся грозы против Штюрмера, начал жаловаться Мануйлову на Гурлянда, считая его и Климовича виновниками всего создавшегося неблагоприятного для Штюрмера положения, и, попросив Мануйлова примириться с Штюрмером, обещал серьезно поговорить с последним по этому поводу. Результатом разговора гр. Борха с Штюрмером, по словам Мануйлова, было то, что Штюрмер сначала по телефону, а потом и лично, попросив к себе Мануйлова, принес ему свое извинение за все случившееся. Штюрмер обвинил во всем ген. Климовича, заявил, что вообще он недоволен последним, так как тот, будучи ставленником А. Н. Хвостова, не внушает к себе доверия со стороны его, Штюрмера, подвел его со своими двумя записками по польскому вопросу и по поводу деятельности союза земств и городов, хотя и секретно изданными, но разосланными такому значительному числу лиц, даже не входящих в состав правительства, как, например, мне, что эти записки попали в Государственную Думу и в прессу и могут послужить темою для запросов и что он, Штюрмер, оставляет Климовича на службе лишь потому, что последнего усиленно поддерживает товарищ министра Степанов, пока еще не вошедший в курс дела департамента полиции. Все мною только что изложенное, мне, затем, подтвердил лично и гр. Борх, пришедший ко мне, как я понял по указанию Штюрмера, узнать, каково мое настроение в отношении Штюрмера, так как гр. Борх усиленно старался подчеркнуть мне, что Б. В. Штюрмер очень сожалеет о всем случившемся со мною и питает ко мне снова старое чувство расположения и что во временном его, Штюрмера, охлаждении является виновником тот

же Гурлянд. При этом на мой вопрос о том, где теперь происходят свидания Штюрмера с Распутиным, гр. Борх мне заявил, прося держать в секрете, что они встречаются у него, гр. Борха, на квартире, рядом с домом министра, на Фонтанке, № 18, во дворе, так как, несмотря на предложение Мануйлова, он, гр. Борх и Штюрмер считали неудобным продолжать дальнейшие свидания Штюрмера с Распутиным на квартире г-жи Орловой-Лерма.

Хотя примирение Мануйлова со Штюрмером состоялось, тем не менее, Мануйлов, борясь за свое положение, не мог примириться с тем, что все-таки около Распутина, в лице фрейлины Никитиной, находилось лицо, постоянно наблюдающее за Мануйловым и охраняющее интересы Штюрмера, а в лице ген. Глобачева и его филеров — человек, близкий и в служебном и в дружеском отношениях к Климовичу, который, хорошо зная Мануйлова и лично, и со слов Климовича и Комиссарова, мог держать Климовича в курсе всего того, что Мануйлов проводил через Распутина как в личных выгодах, так и в отношении ген. Климовича. Поэтому Мануйлов постарался заронить чувство подозрительности и в отношении Глобачева как у Распутина, так и у Вырубовой; но, зная мое расположение к Глобачеву, мне об этом ничего не сказал, и я узнал про это случайно.

Зайдя, после приезда своего, в воскресенье утром к Распутину по его приглашению, чтобы там повидать Вырубову, я, после чая, пошел с Вырубовой и Распутиным в отдельную комнату, и там Вырубова дала мне понять в форме упрека, как ей было неприятно узнать, что я при свидании в Ялте с А. В. Кривошеиным, приезжавшим на торжество открытия в Мисхоре в его память чинами ведомства земледелия и землеустройства лечебницы для раненых, в разговоре о влияниях Распутина, недостаточно твердо отстаивал ее, А. А. Вырубову, что, в действительности, и было, хотя я, говоря с Кривошеиным правдиво, ничего не позволил себе сказать дурного про Вырубову. Затем Вырубова спросила меня, можно ли верить и положиться на ген. Глобачева с точки зрения охраны Распутина, так как Штюрмер и Мануйлов, по словам последнего, относятся к Глобачеву с недоверием. Я постарался рассеять и у нее, и у Распутина чувство возникшей подозрительности к Глобачеву и, наоборот, закрепить у них доверие к нему; это чувство доверия к ген. Глобачеву, которому я передал этот мой разговор, осталось у Вырубовой и Распутина до смерти последнего. Затем Вырубова спросила меня про фрейлину Никитину, при чем Распутин старался вначале замять разговор о Никитиной, как бы чувствуя какую-то неловкость в отношении Вырубовой. Я, действительно, в этот раз в числе небольшого кружка лиц, бывавших у Распутина, как я показывал ранее, по воскресеньям, увидел в присутствии Вырубовой и фрейлину Никитину в костюме сестры милосердия, при чем и она, и я почувствовали некоторую неловкость, так как во время моего дирек-

торства, мы принадлежали к кружку ген. Богдановича и горячо тогда поддерживали его в борьбе с Распутиным. Вырубова была в отношении к Никитиной сухо сдержана. На вопрос Вырубовой о роли фрейлины Никитиной в этот период, на-ходу подтвердил ей это обстоятельство, и тогда Вырубова, в виде упрека, сказала Распутину, что она была права, предостерегая его от М. И. Никитиной, и просит его постараться отойти от нее и, во всяком случае, сделать так, чтобы она в следующие разы ее не видела, а когда уходила, провожаемая мною и Распутиным, то, подавая мне руку и некоторым другим лицам, вышедшим в переднюю ее провожать, Никитину не заметила. Но затем, впоследствии, бывая у Распутина, я заметил, что, на первое время, Распутин старался, во время приездов Вырубовой, отпускать Никитину ранее, до приезда Вырубовой, но когда, уже в сентябре, я приехал с дачи, то увидел, что фрейлина Никитина была у Распутина своим человеком, и Вырубова, хотя близкого расположения ей не оказывала, но с нею примирилась.

Агитация, поведенная Мануйловым, была так сильна, что Штюрмер под влиянием и личного своего нерасположения к Климовичу и вследствие указания Распутина и Вырубовой вызывал к себе сначала ген. Батюшина, которого его вниманию рекомендовал Мануйлов, предлагая ему должность директора департамента полиции, но Батюшин от этого предложения отказался, а затем полк. Резанова, на назначение коего, если не ошибаюсь, не согласился Степанов, всячески отстаивая Климовича.

Ген. Климович об этом знал как со слов моих, так и от Глобачева и Степанова и решил заручиться расположением Вырубовой. При одном из моих посещений Вырубовой, она мне передала о своем недоумении по поводу приезда к ней Климовича, предложившего принять в дар для нужд ее лечебного заведения участок земли в Керчь-Еникале, где Климович был до перехода в Ростов градоначальником, участок, который город предоставляет в его распоряжение на благотворительные нужды, о чем он сносился с заместителем его, полк. Модлем (Марковым). Не помню хорошо, но кажется А. А. Вырубова любезно отклонила это предложение, потому что, передавая мне об этом посещении ген. Климовича, она добавила, что в этом предложении его она усмотрела шаткость его служебного положения и желание ее поддержки, чего она не склонна ему оказывать, так как не видела в нем чувства того доброжелательства к Распутину с первых его шагов на посту директора, о которых он, Климович, ей говорил теперь.

В один из ближайших после этого дней, переговариваясь с Климовичем по телефону, я, не передавая ему того, что мне оттеняла Вырубова относительно ее мнения о нем, спросил его, между прочим, доволен ли он своим свиданием с Вырубовой. Слышно было по тону голоса, что такая моя осведомленность его поразила; поэтому я ему сказал, что мне Вырубова говорила о его посещении, и вслед-

ствие этого Климович повторил мне существо своего предложения, сделанного Вырубовой; но, не указывая мотивов, заставивших его предложить это пожертвование города не на местные нужды, а именно Вырубовой, добавил, что он воспользовался настоящим случаем и откровенно высказал ей свои предостережения относительно Мануйлова и просил ее влияния на Распутина как в этом отношении, так в смысле отстранения от него лиц, имеющих на него дурное влияние.

Мануйлов не успокоился и, как выяснилось уже впоследствии на основании арестованного у него Климовичем при обыске одного документа, в руки следственной власти не переданного, но мне Климовичем показанного, убедил Штюрмера в необходимости создать при нем, Штюрмере, как при председателе совета министров, подобно тому, как это было при Плеве, но с более широкими заданиями, как бы особый сверх-департамент полиции — учреждение, совершенно законспирированное от всех высших правительственных лиц и установлений, в том числе, в особенности, от департамента полиции, который, имея во главе, в качестве руководителя, полк. Резанова и Мануйлова в роли его помощника, пользуясь особым широким кредитом из военного фонда, и притом зашифрованным, мог бы, при помощи огромной сети своей агентуры, освещать для председателя совета не только политическое и общественное настроение империи, но и сферу дипломатическую (не исключая и дружественных нам держав, в особенности Англии), торгово-промышленность, печать русскую и заграничную, все, касающееся министерств и законодательных палат, а также настроение армии и флота как на театре военных действий, так и внутри империи, и широко поставленный контр-шпионаж. Судя по тому, что мне впоследствии передавал Мануйлов, эта мысль была близка к осуществлению Штюрмером, имевшим по этому поводу ряд совещаний с Резановым и Мануйловым, нравилась Распутину, с которым Мануйлов, как равно и с Вырубовой, познакомил полк. Резанова, и только арест Мануйлова, а затем последовавшая в скорости после этого смена Штюрмера на посту министра внутренних дел приостановили приведение ее в исполнение.

Неудовольствие Штюрмера Климовичем накопилось и, в конце концов, вылилось в бесповоротное решение, путем уступки настояниям Мануйлова и Распутина, удалить Климовича с должности директора, с назначением, как мне затем передавал Мануйлов, директором Резанова, а его, Мануйлова, заведующим политическим отделом в той формации, как он проектировал. Заступничество за Климовича со стороны Степанова помогло Климовичу только в том отношении, что Штюрмер согласился на назначение Климовича в сенат и, по этому поводу, вошел в сношение с министром юстиции, который обещал, как вследствие просьбы Степанова, так и личного расположения А. А. Хвостова к Климовичу, свое содей-

ствие, о чем мне Климович и сообщил. Но уход Климовича в сенат в ту пору не состоялся вследствие неожиданных как для самого Штюрмера, так и для А. А. Хвостова перемещений в составе кабинета. По словам Климовича, передававшего мне этот эпизод на Кавказе летом, во время посещения им лечившейся в Ессентуках жены, Штюрмер в день получения из ставки указа о назначении его министром иностранных дел, еще не зная об этом указе и о состоявшемся назначении на пост министра внутренних дел А. А. Хвостова, обратился к последнему, если не ошибаюсь, в присутствии Степанова, с просьбой об ускорении назначения в сенат Климовича и от А. А. Хвостова узнал, что Хвостов уже не министр юстиции и, взволновавшись, просил его немедленно приехать к нему и рассказать подробности перевода его, А. А. Хвостова, на пост министра внутренних дел. А. А. Хвостов мог показать Штюрмеру обмен телеграмм между государем и им, А. А. Хвостовым, по этому поводу. Телеграмма государя была лаконическая и содержала в себе просьбу принять портфель министра внутренних дел и надежду, что он в такое ответственное время эту просьбу исполнит; в своей ответной телеграмме А. А. Хвостов, подчиняясь воле его величества, доложил о своей неподготовленности для занятия этой должности и о своем болезненном состоянии, которое может помешать ему нести эти новые обязанности с должным напряжением всех своих сил, а затем последовал указ. Штюрмер получил указ о своем назначении, как мне передавал Климович, после этого разговора с Хвостовым.

Для того, чтобы уяснить себе ход предшествовавших этому переводу перемещений, я, по приезде, спросил по этому поводу Распутина и узнал от него, в дополнение к тому, что я раньше знал, некоторые подробности, делавшие для меня понятными мотивы перевода А. А. Хвостова, а не обратного возвращения его в члены государственного совета, сущность которых заключалась в деле Сухомлинова. Так как по этому делу я был вызван в качестве свидетеля в суд, то я считал долгом несколько подробнее на нем остановиться, в дополнение к тому, что мною частично было доложено о ген. Сухомлинове, в связи с обрисовкой личности кн. Андроникова. Сухомлинова я знал еще со времени моей службы в Киеве при генерал-губернаторе М. И. Драгомирове, затем, как киевлянин, приезжая к родным, я слышал много хороших отзывов о Сухомлинове как администраторе, когда он занимал должность киевского генерал-губернатора и, наконец, здесь в Петрограде мне пришлось встретиться с Сухомлиновым как военным министром и, будучи директором департамента полиции, входить с ним в общение служебное, а затем бывать у него в качестве знакомого, хотя и не частого гостя и обращаться изредка к нему с просьбами частного характера, которые он всегда любезно исполнял, не выходя из пределов служебных полномочий.

*

Из дел, особо интересовавших Сухомлинова, в бытность мою директором департамента полиции, насколько я помню, было три: 1) по поводу урегулирования вопроса о постановке агентуры в войсках, где он стоял на стороне командующих войсками, 2) о волнениях в Туркестанском лагере, в коих он обвинял ген. Самсонова и воспользовался данными департамента полиции для командирования на место беспорядков, по высочайшему повелению, ген. Звонникова, и 3) о Мясоедове. Полковник Мясоедов, после виленского процесса, кажется, 1905 г., где он, как свидетель, давая показание на суде, разоблачил роли и значение командированных департаментом полиции чинов для выяснения путей получения революционными организациями из заграницы автоматического оружия и боевых припасов, тщетно пытался, прибегая к высоким связям, вернуться обратно на службу в корпус жандармов, откуда он был уволен, при ген. Курлове, распоряжением покойного П. А. Столыпина.

Полк. Мясоедова я знал еще по своей службе в Ковенской губернии, когда мне приходилось, как и всем чинам судебного и других ведомств, при поездках в Кретинген, Таурогген и другие наши пограничные пункты для ревизии пограничных полицейских чинов, проезжать, но с установленным бесплатным паспортом, вержболовскую границу, где состоял на службе в ту пору Мясоедов в качестве старшего жандармского офицера, осуществлявшего наблюдение как за проезжающими через эту границу лицами, так и по секретным поручениям департамента полиции и корпуса жандармов. В этом пункте Мясоедов служил долгое время, сумел быть полезным многим высокопоставленным лицам, в особенности их женам во время возвращения в Россию с купленными заграницею вещами, был в самых лучших отношениях со всеми пограничными властями Германии, состоявшей в ту пору в дружеских отношениях с Россией, пользовался особым вниманием к себе со стороны императора Вильгельма, всегда приглашавшего его на свои охоты в окрестностях, прилегающих к русской границе, в особенности в Фортеторийске и вблизи Полангена, принимал участие, в качестве пайщика, в экспедиторских конторах германских в Кибортах и русских в Вержболове, и неоднократно, в силу этого, был на особом замечании чинов таможни и министерства финансов, имевшего даже по поводу неблаговидных в этом отношении действий Мясоедова ряд переписок с штабом корпуса жандармов, отстаивавшим Мясоедова. Затем, когда я был вице-директором департамента полиции, то, в качестве заведующего законодательной частью, занимаясь в ту пору разработкой вопроса о коренном изменении паспортной системы на началах отмены обязательности паспортов, я был приглашен к участию в работах совета по делам торговли и мореплавания по расширению добровольного флота с точки зрения создания мощного русского коммерческого флота, который мог бы, в случае войны с Германией, быть сильным подспорьем для нашего военного флота.

С этой целью имелось в виду принять со стороны правительства все меры к тому, чтобы убить частную конкуренцию в лице восточно-азиатского общества и других предприятий, созданных немецкими акционерами, при широкой поддержке германского производства, для перевоза через немецкие границы и порты наших русских эмигрантов. При этом, в числе мер для поддержки национального флота, имелось в виду,—и в этом отношении я получил самые широкие полномочия,—коренным образом изменить всю систему отношений правительства к эмигрантам, узаконить это отражение условий жизни того времени, снять все формальности, в особенности паспортного и фискального характера и дать возможность огромной массе рабочего люда и еврейской бедноте не тайно, а явно, вне определения срока времени пребывания заграницей, уезжать из России не только по русским железнодорожным путям и на русских пароходах. Во время продолжительных заседаний, при рассмотрении выработанного по сему поводу правительственного законопроекта, мне пришлось вступать неоднократно, при председателе—товарище министра, а потом Барке, в самые горячие дебаты с полк. Мясоедовым, являвшимся одним из главных представителей восточно-азиатского пароходного общества.

Роль и значение в особенности этого общества была широко очерчена в «Торгово-промышленной газете» еще в 1905 — 1906 г.; она разоблачала деятельность этого и подобного рода пароходных предприятий, работавших в водах, омывающих Прибалтийский край, не столько с коммерческими, сколько с стратегическими и обследовательными в интересах Германии целями. В виду всех этих причин, попытки Мясоедова вернуться в корпус оканчивались неудачей. Вследствие этого Мясоедов, не оставляя своего желания снова вступить в состав офицеров русской армии, как мне передавали, сблизился заграницей с супругой Сухомлинова, на почве оказания ей услуг, а затем и с ним самим во время лечения их на водах, сумел войти к ним в особое доверие и при приезде в Россию стал часто бывать у Сухомлиновых, в виду чего, когда он выразил желание поступить в генеральный штаб для борьбы с контр-шпионажем, Сухомлинов изъявил свое согласие и, получив ответ от министерства внутренних дел, в общих чертах дающий неодобрительный отзыв о Мясоедове, лично обратился к министру внутренних дел А. А. Макарову с просьбой пересмотреть это дело. Когда А. А. Макарову была представлена мною в подробностях вся справка о Мясоедове, то он поручил мне отправиться к Сухомлинову и подробно с нею его ознакомить. Так как в этой справке явных улик, изобличающих Мясоедова как лица, служащего интересам иностранной державы, не было, а было выставлено лишь много косвенных соображений, внушающих подозрение к нему, то Сухомлинов, узнав от меня, что эту справку составлял заведующий политическим отделом департамента полиции

полк. Еремин, которого ген. Сухомлинов хорошо знал еще по Киеву во время службы Еремина в должности начальника киевского охранного отделения в дни революции, просил меня поручить полк. Еремину прийти к нему со всеми подлинными переписками, относящимися к делу Мясоедова.

Просмотрев все представленные Ереминым дела и выслушав доклад последнего об опасности допуска Мясоедова к делам особо секретного свойства генерального штаба, Сухомлинов, тем не менее, остался при своем первоначальном решении, и приказ о прикомандировании Мясоедова к генеральному штабу по отделу о контр-разведке (наименования должности точно не помню) через некоторое время состоялся. После этого Мясоедов явился ко мне и дал мне понять, что хотя департамент полиции и чинил ему препятствия к его назначению, но, тем не менее, этим самым только укрепил доверие к нему со стороны ген. Сухомлинова, давшего ему такое ответственное поручение, и просил меня допустить его к делам секретного свойства по политическому отделу для ознакомления с данными, могущими быть ему полезными в новой его должности. Получив от меня ответ, что все из интересующей его области департамент полиции, от имени министра внутренних дел, сообщает особо секретными письмами министру военному, Мясоедов, тем не менее, просил меня о разрешении, от поры до времени, заходить в особый отдел департамента полиции для наведения или проверки необходимых ему справок или для личного ознакомления с переписками, сославшись на то, что, в данном случае, эта просьба исходит не от него, а военного министра. Хотя военный министр потом попросил министра внутренних дел оказывать в этом отношении содействие полк. Мясоедову, но министр внутренних дел, которому я передал о своем опасении допуска Мясоедова к делам политического отдела, поручил мне продолжать старую систему сношения по делам о контр-шпионаже с министром военным, и поэтому я, переговорив с полк. Ереминым и Виссарионовым, установил, чтобы во время заходов к Еремину полк. Мясоедова, Еремин в вежливой форме, не обижая его, узнав о существе его просьб для последующего затем, если в департаменте полиции имеются сведения, сообщения начальнику генерального штаба или военному министру, отговаривался неимением в распоряжении департамента этих данных. С своей стороны и ген. Поливанов принял, как мне известно было из наведенной мною справки, ту же систему недопуска Мясоедова к делам и планам особо важного значения в деле обороны по генеральному штабу, что вызвало, по жалобе Мясоедова, личное вмешательство ген. Сухомлинова и, если я не ошибаюсь, изменение, по его приказанию, заведенного ранее в этой области порядка в выделении известной группы дел в личное заведывание полк. Мясоедова, под его, министра, руководством.

После выступления А. И. Гучкова против Сухомлинова, вместе с тем, и по поводу приглашения последним на службу полк. Мясоедова и разоблачающей деятельность Мясоедова статьи Б. Суворина в «Вечернем Времени», Мясоедов принужден был уйти в действующую армию в отряд ген. Ренненкампфа, я точно не знаю, но слышал, что это назначение состоялось, будто бы, помимо Сухомлинова, по просьбе его жены, о чем даже не знал сам Сухомлинов, но я этому не верил, зная лично расположение к Мясоедову ген. Сухомлинова; со слов же Ренненкампфа, который считал Сухомлинова виновником в его отозвании от командования в действующей армии, знаю, что Ренненкампф, знакомству которого с А. И. Гучковым Сухомлинов придавал особое значение, при явке к нему полк. Мясоедова был очень удивлен этому назначению, зная историю Мясоедова и со слов Поливанова, и А. И. Гучкова, и поэтому все время относился к нему подозрительно, следил за ним, а затем поставил к нему агентуру, пользуясь указаниями полк. Ерандакова, заместившего Мясоедова при штабе. Наконец, во время моего посещения ген. Сухомлинова после его ухода, Сухомлинов, после повешения Мясоедова, мне передавал, что один из военных судей, его знакомый (фамилии не сообщил) ему писал о вынесенном им от судебного материала впечатлении о недостаточности, якобы, улик, послуживших к обвинению Мясоедова по ст. 1084.

Чтобы понять существо дел, которыми заведывал полк. Мясоедов, я оттеняю, что его заместитель, полк. Ерандаков, до выхода его из состава корпуса жандармов, состоя в прикомандировании к военному министру, лично только ген. Джунковскому и мне докладывал о существе поручений, даваемых ему ген. Сухомлиновым, сущность которых, главным образом, сводилась к шпионажу посольскому в самой широкой его постановке вплоть до ознакомления с курьерскими портфелями. Эта область обследования, действительно, была поставлена Ерандаковым образцово, но стоила многих денег, в частности же Ерандаков, по поручению Сухомлинова, ставил наблюдение за высшими чинами военного министерства и лицами, коих ген. Сухомлинов заподозревал в их недоброжелательстве к нему.

Перехожу далее. Затем, когда я ушел из департамента полиции, я изредка заходил с визитами к Сухомлинову, или, вернее сказать, к его жене, а после его падения, будучи ему обязан принятием брата в Медицинскую академию, не счел себя вправе прекратить знакомство с человеком, над которым стряслось горе, и был у него до его заключения в крепость два раза. После этого я у Сухомлинова не был. До заключения его, Сухомлинова, в крепость я о ценности обвинительного против него материала не знал, так как с первых же дней войны, по высочайше утвержденной инструкции по контр-шпионажу министерство внутренних

дел и его органы не имели права вмешиваться в эту область по собственной инициативе и должны были, в случае поступления сведений по этому предмету, немедленно передавать их органам контр-разведки и исполнять только их поручения; даже офицеры корпуса жандармов, откомандированные в контр-разведочные отделы, были изолированы от влияния на них департамента полиции и штаба корпуса жандармов. Кроме того, мне было известно, что тогдашний помощник военного министра ген. Беляев бывал у Сухомлинова, как равно и некоторые другие из высших чинов военного министерства, а также я знал, что министр двора гр. Фредерикс, ген. Воейков, ген.-адъютант Максимович и некоторые другие из придворных лиц продолжали относиться к ген. Сухомлинову с прежним благорасположением, не веря, чтобы он мог быть сознательным изменником родины.

Зная характер Сухомлинова и, некоторым образом, порабощение его женою, я допускал возможность, что он, по просьбе жены, мог оказывать доверие лицам, преследовавшим и цели шпионажа, так как супруга ген. Сухомлинова была, с моей точки зрения, неразборчива в изыскании средств для фонда, обслуживавшего все организации, созданные ею в широких размерах в связи с военными обстоятельствами, и зачастую знакомилась и оказывала внимание почти незнакомым ей лицам, прибегавшим путем благотворительных взносов к ее влиянию и поддержке в преследовании личных выгод. Затем, в первое мое посещение Сухомлинова, он показал мне письмо, лично написанное ему самим государем, в котором его величество в очень доброжелательных выражениях изъявлял свое прежнее доверие Сухомлинову, свою благодарность за его службу и свое сожаление, что только напор общественных требований заставил его, государя, с ним расстаться.

Во второе же мое посещение, когда я его спросил про Думбадзе, после суда над последним, о том, как он, ген. Сухомлинов, мог быть так доверчив к нему, что даже привлек его к изданию книги о заслугах своих и жены во время войны и приблизил его к себе, Сухомлинов мне сказал, что Думбадзе был его агентом, лично ему известным и что он посылал его в период войны в Германию с секретным поручением с высочайшего согласия, о чем имеются следы в делах военного министерства, где по этому поводу составлялся всеподданнейший доклад, и что если Думбадзе превысил свои полномочия, хотя он этого и не знает, то, в таком случае, он действовал помимо его, Сухомлинова, указаний. Одно впечатление я вынес из разговоров с Сухомлиновым, что его волновало обвинение в неподготовленности армии к войне, потому что он мне жаловался на верховную ставку (при в. к. Николае Николаевиче), предъявляющую к нему непомерные требования как в смысле увеличения комплекта армии, так и боевого ее снаряжения, вызывавшие с его стороны даже обращения на них авгу-

стейшего внимания, и намекал мне довольно ясно, что в подрядном по артиллерийским заказам деле военное министерство было стеснено вмешательством в. к. Сергея Михайловича.

У меня лично в этом вопросе, насколько я знал обстановку того времени, сложилось убеждение, что ген. Сухомлинов не предусмотрел возможности войны в той затяжной форме, в какую она вылилась, и в своем распоряжении не имел данных о замыслах и силах противника.

В этот период времени, когда я был у Сухомлинова, несмотря на влиятельные связи его лично к указанным мною выше лицам, пользовавшимся доверием государя, особого вмешательства в ход судебного расследования не было, хотя, как мне передавали чины судебного ведомства, доклады о данных расследования государю министром А. А. Хвостовым делались неоднократно по высочайшим требованиям. Отношение к супруге ген. Сухомлинова со стороны императрицы и А. А. Вырубовой было, под влиянием отчасти и интриг Андроникова, недоброжелательное, и как сам Сухомлинов, так и его жена, за мой служебный период времени, с Распутиным знакомы не были, что же касается наблюдения за женою ген. Сухомлинова, то оно состоялось уже не по моему, а ген. Климовича распоряжению. Наблюдение это в скорости женою Сухомлинова было обнаружено, так как, видимо, было неумело организовано, потому что она, заметив проследку филера за собой, пригласила его в свой автомобиль и лично доставила ген. Климовичу, что мне потом передавал сам Климович, придерживавшийся того же, как и я, взгляда на Сухомлинова, и я посоветовал Климовичу осуществить наблюдение за нею более умело.

В этот период времени я часто отлучался из Петрограда и начала сближения Сухомлиновых с Распутиным не знаю. Но думаю, что сгустившиеся над ними тучи заставили их прибегнуть к той оси, на которой вращались в ту пору судьбы России — к Распутину, и, как только они нашли способ заручиться его особым к ним расположением, положение дела Сухомлинова и отношение высоких сфер к чете Сухомлиновых резко изменилось, и супруге Сухомлинова было обещано оказание содействия в деле ее мужа. Так как министр юстиции А. А. Хвостов, несмотря на все обращенные к нему просьбы Сухомлиновой и влияния на него со стороны многих лиц, в том числе и Б. В. Штюрмера, не шел ни на какие компромиссы в деле Сухомлинова и даже отклонил ходатайство Сухомлиновой об изменении меры пресечения относительно ее мужа, хотя медицинское свидетельство и показывало болезненное состояние здоровья последнего, то, под влиянием Распутина, положение А. А. Хвостова сильно пошатнулось, тем более, что Штюрмер, в лице А. А. Хвостова, видел друга Горемыкина, и, как мне говорил Распутин, в направлении дела Сухомлинова все время обвинял исключительно А. А. Хвостова. Поэтому,

хотя государь и исполнил просьбу Штюрмера о замене А. А. Хвостова на посту министра юстиции А. А. Макаровым, но, тем не менее, относясь лично к А. А. Хвостову с доверием и не желая, чтобы в факте ухода в государственный совет А. Н. Хвостова видело общественное мнение немилость к А. А. Хвостову за дело Сухомлинова, дал А. А. Хвостову другое, неожиданное для Штюрмера назначение. Штюрмер проводил кандидатуру А. А. Макарова секретно от Распутина и от двора, потому что к Макарову и А. А. Вырубова, и Распутин, и императрица относились с предубеждением, как я уже показывал ранее, за письма Распутина, представленные Макарову Родионовым и переданные им, в мое директорство, государю. За это Штюрмер и сам был наказан переводом в министры иностранных дел, после ухода, по его же настоянию, Сазонова.

Распутин в это время был недоволен Штюрмером, ибо он, хотя и передавал через фрейлину Никитину свои письма и прошения Штюрмеру, но последний или не считался с ним, или замедлял по ним исполнение, а Мануйлов, интригуя против Никитиной, еще более возбуждал недовольство Распутина, которое Распутин перенес не на Никитину, а на Штюрмера, веря в этом отношении больше оценке Симановича, чем Мануйлова. Дело дошло до того, что, как мне передавал Мануйлов, а затем подтвердил и Распутин, последний вызвал к телефону Штюрмера и в самой непозволительной резкой форме потребовал исполнения прошения по департаменту общих дел, когда же Штюрмер начал говорить, что он исполнит только некоторые из этих просьб, то Распутин не только настоял на исполнении всех, но еще надбавил новые прошения. Хотя после этого Штюрмер стал чаще встречаться с Распутиным в помещении Никитиной в Петропавловской крепости, но раз зароненное подозрение сделало свое дело, и об изменившемся отношении Штюрмера к Распутину стало известным во дворце, и в переводе его на пост министра иностранных дел я лично видел первое предостережение ему, как смотрел на это и ген. Климович, беседовавший со мною по этому поводу, как я показывал, уже на Кавказе.

Если Штюрмер предполагал, что он, находясь в хороших отношениях с А. А. Макаровым, может повлиять на последнего в смысле изменения министерством юстиции взгляда на ход следствия по делу Сухомлинова, то он в этом глубоко ошибся, так как Макаров в отношении этого дела следовал политике своего предшественника А. А. Хвостова. Когда я вернулся осенью в Петроград и встретился в воскресение у Распутина с Вырубовой, то как Распутин, так и она выразили свое неудовольствие по поводу того, что А. А. Макаров не желает итти навстречу пожеланию императрицы в деле изменения меры пресечения относительно Сухомлинова, хотя и имеет в своих руках доказательства болезненного

состояния последнего и просили меня по этому поводу поговорить с Макаровым. Будучи вслед за этим с визитом у Макарова, я передал ему просьбу Вырубовой и узнал от него, что он, в интересах государя, оберегая его имя, не считает себя в праве вмешиваться в следственные действия сенатора Кузьмина, о чем он, Макаров, и докладывал уже его величеству. При этом Макаров, не посвящая меня в существо улик, добытых дознанием, так как я его об этом и не спрашивал, добавил, что все меры к ускорению окончания следствия по этому делу сенатором Кузьминым приняты.

В таком духе я и передал Вырубовой ответ Макарова. Освобождение Сухомлинова из-под ареста последовало помимо Макарова и, как я потом узнал, Распутин приписывал своему влиянию последовавшее по этому поводу из ставки высочайшее повеление на имя председателя совета министров Штюрмера. Но я лично предполагал, что в данном деле могли повлиять на такое решение государя доклады и других лиц, благорасположенных к ген. Сухомлинову, в том числе доклад Протопопова, по возвращении его из парламентарной поездки заграницу, устроенный ему Штюрмером. Протопопов был одним из близких и хорошо относившихся к Сухомлинову лиц, вследствие чего, в свою пору, во время комплектования состава следственной комиссии ген. Петрова, по расследованию виновности Сухомлинова, я посоветовал Протопопову, бывшему тогда старшим товарищем председателя Государственной Думы, отказаться в пользу второго товарища от выбора в эту комиссию. Затем, Протопопов, по возвращении своем из заграницы, говорил мне, что он, во время посещения Франции и Англии, счел своим долгом, не веря виновности Сухомлинова, в соответствующих правительственных кругах этих государств, рассеять предубеждения их в отношении ген. Сухомлинова. В виду этого, я думаю, что, представляя государю отчет по поводу поездки парламентариев в союзные государства, Протопопов, как в интересах Сухомлинова, так и зная отношение к последнему государя и поддерживающей Сухомлинова придворной влиятельной партии, не мог не коснуться в своем докладе государю и отмеченного мною обстоятельства, выгодно оттенявшего в глазах государя его позицию в отношении Сухомлинова.

Затем, будучи у Распутина незадолго до его смерти, по поручению Вырубовой, встревоженной распространившимся как в Петрограде, так и в провинции слухами, дошедшими и до меня, о подготовлении убийства Распутина и потому просившей меня повлиять на Распутина быть осторожным в своих знакомствах и секретных выездах, я в разговоре с Распутиным узнал от него, что он не успокоится до тех пор, пока не добьется прекращения дела Сухомлинова, и что императрица и он считают А. А. Макарова единственным виновником того, что государь нейдет навстречу

исполнения этой его просьбы; при этом Распутин мне сообщил, что императрица не считает Макарова расположенным к ней человеком как в силу недоверия ее за прошлое к Макарову, так и потому, что он и в эту пору не пожелал исполнить ни одной ее просьбы, с которыми она к нему обращалась через гр. Ростовцева, в виду чего императрица не пожелала принять представления ей Макарова. В заключение Распутин добавил, что, по его настоянию, Макаров будет сменен, и его должность займет Н. А. Добровольский, которого он уже рекомендовал вниманию императрицы и государя, так как он, зная Добровольского как лично, так и со слов Симановича, уверен, что Добровольский примет все меры к скорейшей ликвидации дела Сухомлинова.

О предстоящем назначении Н. А. Добровольского на пост министра юстиции мне сообщил также и Симанович, от которого я узнал и о времени выезда Добровольского в Царское Село для представления государыне. Вследствие этого, будучи расположен к А. А. Макарову, я счел долгом его об этом предупредить, как равно и о том, что Протопопов также в последнее время стал интриговать против него, Макарова, обвиняя его в том, что он не поддержал его в вопросе о передаче в руки министерства внутренних дел всего продовольственного дела. На это мне Макаров ответил, что он своей точки зрения на дело Сухомлинова не изменит и что к уходу своему с поста министра юстиции он уже подготовлен силою всех сложившихся обстоятельств; при этом, касаясь отношения своего к Протопопову, А. А. Макаров, одобрив мой отказ от предложения Протопопова принять участие, в качестве одного из проектированных им главноуполномоченных по борьбе с дороговизной, сообщил мне свой взгляд на Протопопова, как на министра внутренних дел, который не отдает себе отчета в целесообразности тех мероприятий по вопросам важного значения, которые он представляет вниманию совета министров, в виду чего его проекты не встречают поддержки среди членов совета. При этом я узнал, что по делу Сухомлинова А. А. Макаров заготовлял для государя специальный письменный доклад.

Назначение Н. А. Добровольского состоялось уже после смерти Распутина, так как А. Ф. Трепов выставил против кандидатуры Добровольского несколько соображений, касавшихся как либеральных взглядов Добровольского, в особенности по инородческому вопросу, так и обвинения в пристрастном, якобы, отношении последнего к проходившему по первому департаменту правительствующего сената, в бытность Добровольского обер-прокурором этого департамента, делу одного акционерного предприятия, во главе которого состоял родственник бывшего французского президента Карно, относительно земельного спора, представлявшего крупный имущественный интерес для этого общества. Так как А. А. Вырубова просила меня проверить, насколько осно-

вательны эти обвинения, то я, узнав от А. В. Маламы, что относительно последнего дела еще И. Г. Щегловитовым было произведено негласное расследование, не давшее существенных результатов к обвинению Н. А. Добровольского в служебной недоброкачественности, передал об этом Вырубовой, добавив от себя, зная Добровольского как по совместной службе в сенате, так и в частной жизни, что он всегда придерживался более широких взглядов в вопросах отношения к инородцам, в особенности к евреям и полякам, проводя свою точку зрения в своих выступлениях и в кружке Штюрмера, вследствие того, что он вынес эти впечатления из своей административной службы на западной окраине России. После того как состоялось назначение Добровольского, я был у него несколько раз по новому своему назначению к присутствованию в сенате и из обмена с ним мнений по делу Сухомлинова вынес впечатление, что и он преемственно не считал себя вправе возбуждать перед государем вопрос о прекращении дела Сухомлинова, хотя и знал точку зрения на это дело императрицы и Вырубовой, указывая мне те же мотивы, какие выставлял мне и А. А. Макаров.

Возвращаясь снова к Б. В. Штюрмеру, считаю долгом доложить, что по моем возвращении осенью в Петроград, гр. Борх, явившись ко мне, начал мне выражать от имени Штюрмера глубокое сожаление последнего по поводу моего отсутствия из Петрограда во время произведенного ген. Климовичем ареста Мануйлова, лишившее Штюрмера возможности обратиться ко мне за советом по этому поводу. Из слов Борха, я заключил, что арест Мануйлова сильно озабачивал Штюрмера, и всю в этом деле вину Штюрмер приписывал интригам против него Климовича и двойственному поведению товарища министра внутренних дел Степанова, который, будучи им приглашен на эту должность, тем не менее, не предупредил его о цели командировки его в ставку А. Н. Хвостовым и тем самым лишил его возможности своевременно принять меры к ликвидации дела Мануйлова. При этом гр. Борх выразил мне желание Штюрмера со мною повидаться и посоветоваться по делу Мануйлова. Арест Мануйлова, действительно, последовал во время моего отсутствия из Петрограда, и с подробностями его я познакомился как из отчетов «Русского Слова», так по приезде, со слов дочери Мануйлова, его жены Деринговской и Климовича, пожелавшего узнать мой взгляд на это дело и рассказавшего мне много из прошлой жизни Мануйлова, в департаменте полиции в качестве заведующего особым отделом, чего я не знал и что было ему известно по прежней службе и в этот момент при собрании, пред арестом Мануйлова, подробных о нем сведений. К этому времени я сам уже убедился во многих отрицательных чертах Мануйлова, но, тем не менее, способ постановки обличения Мануйлова в недобросовестных его отноше-

ниях к И. Хвостову, в чем я видел наводящую руку А. Н. Хвостова, сокрытие от Штюрмера ареста Мануйлова, несмотря на то, что последний состоял в прикомандировании к Штюрмеру как председателю совета министров и взятие при обыске писем Распутина, карточки митрополита и Вырубовой, — все вместе взятое давало мне основание предполагать, что, в данном случае, Климовичем руководило желание, путем разоблачения Мануйлова во всей совокупности неблаговидных сторон его деятельности, скомпрометировать Штюрмера не только близостью к нему Мануйлова, но и в глазах Вырубовой, которой Штюрмер аккредитовал Мануйлова как особо доверенное им лицо, часто посылая его к Вырубовой с своими секретными поручениями. Вместе с тем, близость Мануйлова к Распутину и митрополиту и знание им многих сторон закулисных влияний того времени бесспорно не могли не привлечь общественного внимания к этому процессу; при этом для меня было несомненным и то обстоятельство, что Мануйлов не будет разборчив в способах защиты и, чтобы избежать постановки дела о нем на суд, прибегнет к воздействию на лиц, ему покровительствовавших, не только путем просьб о заступничестве за него, но и застращиванием их своими показаниями следственной власти, что впоследствии и случилось. Об этой своей точке зрения на арест Мануйлова я сказал и ген. Климовичу, с которым я был солидарен в отношении оценки Штюрмера и отношений Вырубовой к Распутину.

Когда я пришел к Штюрмеру в дом министерства иностранных дел, то был встречен им с знаками прежнего его внимания ко мне, которыми он старался подчеркнуть не только возврат его доверия ко мне, но и чувство его искреннего расположения ко мне и желание его снова содействовать моему возвращению к активной деятельности в рядах правительства. Переходя, затем, к делу Мануйлова, Б. В. Штюрмер повторил мне те же обвинения против А. Н. Хвостова, Климовича и Степанова, которые мне с его слов, передал гр. Борх, и добавил, что он, понимая значение общественного интереса к процессу Мануйлова, которым встревожен не только Распутин, владыка митрополит и Вырубова, и императрица, стремится, помимо личного своего расположения к Мануйлову, к недопущению постановки этого дела на суд и был бы благодарен мне, если бы я ему указал какой-либо выход из того тупика, в котором он ныне находится при изыскании способов погасить это дело, так как А. А. Макаров не подал ему никаких надежд на возможность прекращения дела Мануйлова по 187 ст. уст. угол. суд. и лишь обещал переговорить с председателем суда о ведении судебного следствия в рамках поставленного Мануйлову обвинения.

Так как точку зрения А. А. Макарова на дело Мануйлова я знал, ибо по просьбе А. А. Вырубовой я лично выяснял его взгляд

на процесс Мануйлова, то я посоветовал Штюрмеру переговорить с ген. Алексеевым, выяснить ему опасность постановки этого дела на суд вследствие причин, мною раньше отмеченных, и добиться передачи производства расследования по этому делу военному суду путем предоставленного по закону главнокомандующему (в данном случае ген. Рузскому) права изъятия, на основании военного положения, тех или других дел из общесудебного порядка. На это мне Штюрмер, изменившись в лице при упоминании мною имени ген. Алексеева, заявил, что он не считает возможным обращаться по этому поводу к Алексееву, так как из последовавшего, по распоряжению последнего, ареста Мануйлова, он усматривает чувство личного нерасположения Алексеева к нему; при этом Штюрмер сообщил об имеющихся в его распоряжении, в копиях, двух письмах А. И. Гучкова к Алексееву по поводу обвинения Гучковым ген. Беляева и Кузьмина-Караваева (начальника главного артиллерийского управления) в умышленном отклонении ими выгодных для правительства предложений о своевременном приобретении необходимых для армии предметов боевого снабжения. Письма эти, по словам Штюрмера, в агитационных целях широко были распространяемы Гучковым в среде депутатов и общественных деятелей, и потому обращения А. И. Гучкова к ген. Алексееву свидетельствовали о взаимных личных их между собою хороших отношениях, что вполне выяснило ему, Штюрмеру, позицию ген. Алексеева в отношении его к императрице и всем тем, кто, так или иначе, близок к ее величеству, вследствие чего он считает своим долгом с содержанием этих писем познакомить, для расшифрования ген. Алексеева, как государыню, так и его величество. Затем Б. В. Штюрмер добавил, что он лично, как министр иностранных дел, сделал, с своей стороны, все, чтобы облегчить задачи нашей армии в войне с Германией и Австрией, путем отстояния наших интересов в будущем относительно судьбы Константинополя, а главным образом путем привлечения на нашу сторону Румынии. В этом последнем деле, по словам Штюрмера, он видит исключительно личную свою заслугу, так как ему пришлось приложить много усилий к исправлению ошибок в этом вопросе своего предшественника, — но все труды его не дали желательных результатов исключительно по вине ген. Алексеева, не сумевшего солидарным планом кампании и своевременной поддержкой использовать в благоприятном для России исходе выступление Румынии против Австрии.

Настоящее заявление Штюрмера о его роли в деле заключения договора с Румынией и относительно Константинополя для меня было неожиданно, так как в недавнюю пору, когда я был в составе правительства, я знал, какое огромное значение этим двум вопросам придавал Сазонов, неоднократно в моем присутствии делавший по этому поводу свои доклады в закрытых засе-

даниях совета министров, и потому я считал, что Штюрмер воспринял, в удачный для себя момент вступления в должность министра иностранных дел, окончательные результаты дипломатических переговоров по этим делам Сазонова. Что же касается Румынии, то мне было известно со слов ген.-адъютанта кн. Сумарокова-Эльстона, ездившего, по высочайшему повелению, в Румынию для воздействия через румынскую королеву о присоединении этого государства к четверному согласию в дни нашего закрепления в Галиции, что, в эту пору, Сумарокову удалось склонить и короля и правительство, хотя и с большими усилиями, на открытое выступление их на арену военных действий в помощь России и только нерешительность Нератова, временно управлявшего министерством иностранных дел, затянула оформление этого соглашения официальным путем до последовавшего в скорости после этого нашего отступления из Галиции, после чего Румыния взяла обратно свое первоначальное обещание.

Прощаясь со мною, Штюрмер просил меня поддерживать с ним старые отношения и сообщать ему сведения о предположениях семьи Мануйлова в деле освобождения его из-под ареста. Как дочь Мануйлова, так и жена его, и Лерма в этот период времени почти ежедневно посещали Распутина, добились, через посредство последнего, свидания с Вырубовой, прибегли, при содействии Осипенко, к заступничеству за Мануйлова со стороны владыки и достигли, в конце концов, того, что Штюрмер, которого они обвиняли в нежелании реально помочь Мануйлову, искренно служившему его интересам, вынужден был принять меры к изменению способов пресечения Мануйлову возможности уклониться от следствия путем замены нахождения его под стражею в доме предварительного заключения домашним арестом, в виду его действительной болезни, на почве нервного расстройства, хотя Распутина, по выходе Мануйлова из тюрьмы, и сумели убедить в необходимости отказаться от услуг Мануйлова, в силу болезненного состояния последнего, но, тем не менее, Мануйлов, скоро оправившись от нервного удара, ежедневно посещал Распутина и, возобновив свои связи с Осипенко и гр. Борхом, настолько охладил отношения к Штюрмеру на почве своего дела со стороны владыки митрополита, Распутина и Вырубовой, что Штюрмер, не имея возможности прекратить дело Мануйлова при посредстве Макарова, сделал ответственным за него в глазах государя министра внутренних дел А. А. Хвостова, Степанова и Климовича и тремя докладами у государя постепенно добился неожиданного для всех этих трех лиц оставления ими своих постов.

О результатах этих докладов я знал своевременно со слов Мануйлова и Борха, который в особенности был вооружен против Климовича и имел возможность заранее его предупредить. Как товарищ министра внутренних дел Степанов, так и ген. Климович,

при содействии ген. Глобачева, устроили свидание, каждый в отдельности, у себя на квартирах с Распутиным, причем Климович, как мне потом передавал Распутин и подтвердил сам Климович, виделся с ним два раза. Распутин охотно пошел хотя и на запоздалое сближение с Степановым и Климовичем. В этом сказалась отличительная особенность характера Распутина, психологически учитывавшего наиболее выгодный для него момент в минуты нервного подъема чувства некоторой обиды у лица, оставляющего свой пост для получения от него откровенных сведений по интересующему Распутина делу. Единственный человек, с которым Распутин побоялся свидеться после оставления должности, был ген. Комиссаров, против которого, боясь восстановления влияния Комиссарова на Распутина, настроил последнего, главным образом, кроме Мануйлова, тибетский врач Бадмаев, уверивший Распутина, путем свидетельских показаний своей прислуги, что, будто бы Комиссаров, во время завтрака у Бадмаева на его даче, снимая мясо с сига, которым закусывал, сказал, что таким же образом он снимет кожу с Распутина. Распутин до самой смерти не мог забыть Комиссарову истории с котом и сигом.

Свидания Степанова и Климовича с Распутиным не привели к желаемым ими результатам, но дали Распутину материал к обрисовке личности как Штюрмера, так и Мануйлова. Если Распутин и после этого до своей смерти поддерживал Мануйлова в его домогательствах о прекращении о нем дела, то действовал, в данном случае, не в силу особого своего расположения к Мануйлову и не под влиянием полученного им от Мануйлова подарка в 5 тысяч рублей, бриллиантового кольца, купленного для старшей дочери Распутина Мануйловым у Симоновича, после выбора бриллианта Вырубовой, как мне рассказывал потом Мануйлов, а исключительно в своих личных интересах, боясь каких-либо о себе разговоров на суде. Вследствие этого Распутин, незадолго до своей смерти, все-таки настоял на прекращении дела Мануйлова: почти накануне судебного разбирательства процесса Мануйлова, А. Ф. Трепов получил из ставки высочайшее повеление по этому поводу и, в силу этого, А. А. Макаров должен был, во избежание широкой огласки этого повеления, принять экстренные меры, по соглашению с председателем суда Рейнботом, к отложению, под благовидным предлогом, рассмотрения этого дела. Таким благовидным предлогом суд признал неявку свидетелей, показания коих имели существенное для дела значение. В числе этих свидетелей значился и я. В этот раз я на суд не явился, действительно, по болезни, так как у меня был карбункул на щеке, полученный мною во время моей служебной командировки по комитету в Закавказье, и меня лечил проф. Зиманский, ассистент которого и написал соответствующее свидетельство. Мое при-

сутствие на суде по делу Мануйлова никакого существенного значения не имело, так как ни одного из инкриминируемых Мануйлову дел я не знал, но Мануйлов хотел, путем свидетельского моего показания, установить факт первого знакомства его с И. С. Хвостовым у меня в моем служебном помещении, а также получить одобрительную характеристику его деятельности, что совершенно не входило в мои планы, так как я должен был на суде коснуться того времени, воспоминание о котором лично для меня было тяжело и упоминание о котором на суде могло бы снова дать повод к нежелательным для меня разговорам, связанным с моим именем.

Когда я получил повестку о вызове меня на суд по этому делу, то я поставил Мануйлову категорическое требование заявить об отказе от вызова меня, что он и обещал мне при Комиссарове, но не сделал; в виду этого, при вторичном рассмотрении этого дела, я настоял на исполнении Мануйловым этого требования и, не веря больше ему, проверил о сделанном им заявлении о невызове меня в суд не только у защитника Мануйлова, Г. И. Аронсона, но и у председателя суда Рейнбота.

Что касается причин ухода Штюрмера из состава правительства, то, кроме общих условий того времени, связанных с выступлением против императрицы и Штюрмера в Государственной Думе, немалую роль сыграл, по выходе из тюрьмы, тот же Мануйлов, который принимал участие и при назначении Штюрмера только с тою разницей, что, в данном случае, против Штюрмера были все те лица, которые раньше были благожелательно к нему настроены. В числе этих лиц находился и я. Вопрос об уходе Штюрмера был решон, чего Штюрмер не знал, сейчас же после ухода А. А. Хвостова и назначения Протопопова на пост министра внутренних дел вопреки выдвинутой Штюрмером кандидатуры бывшего харьковского губернатора, приглашенного Штюрмером к заведыванию делом борьбы с дороговизною, кн. Оболенского, ибо, в этот период времени, Распутин уже лично обратился ко мне с просьбой устроить ему снова свидание с И. Г. Щегловитовым, сейчас же по приезде последнего и даже, если возможно, то ускорить приезд его, причем в этот раз он не скрыл от меня о том, что в числе намеченных к замещению Штюрмера лиц значится Щегловитов. Но, так как Щегловитов был задержан в имении своем в Черниговской губ. болезнью дочери, находившейся замужем за М. И. Трусевичем, то в этот период времени свидание с ним Распутина не состоялось; я же выехал снова с женою на Кавказ в служебную командировку и уже на Кавказе в телеграммах прочитал о назначении А. Ф. Трепова и, зная отношение Трепова к Распутину и последнего к Трепову, понял, что данное назначение последовало помимо влияния Распутина и императрицы.

Когда я вернулся в Петроград, то я застал начавшуюся уже борьбу Трепова с Протопоповым и от А. А. Макарова узнал, что Протопопов, несмотря на первоначальные предуказания, полученные Треповым, и на просьбы, к нему обращенные в совете министров некоторыми членами совета вместе с Треповым, тем не менее, решил своего поста не покидать. При посещении же Протопопова, я нашел его сильно изменившимся, в подавленном состоянии, возлагавшим все свои надежды на поддержку со стороны императрицы и Распутина. Он мне показал копию своего секретного личного письма к государю, в котором он докладывал его величеству, что вся интрига, против него направленная, в корне своем покоится на единственном стремлении добиться его ухода из должности министра внутренних дел в виду проявления им стойкости в отстаивании прерогатив трона и что он, Протопопов, будучи предан не за страх, а за совесть интересам его величества, подчинится всякому приказанию государя, но думает, что политика уступок Государственной Думе и общественности, по непонятным не только ему, но и влиятельным правым группам причинам, проводимая А. Ф. Треповым, не приведет к умиротворению, а наоборот, послужит основанием к настойчивым домогательствам к изменению порядка государственного управления, что может вызвать большие потрясения в стране. При этом Протопопов мне сказал, что он ждет вызова к императрице, которая, стоя на той же точке зрения, своим письмом поддержала его у государя. Во время этого разговора, действительно, Протопопов получил телефонную передачу от Вырубовой, пригласившей его приехать в Царское и сразу переменился, сделался оживленным и сказал мне, прощаясь, «что мы еще поборемся».

Это был поворотный момент в борьбе Трепова с Протопоповым, так как после этого Протопопов укрепился, а все первоначальные предположения Трепова о переменах в составе кабинета, клонившихся к уходу министров, близко стоящих к Распутину, были приостановлены. Что же касается Распутина то он, при свидании со мною, снова обратился ко мне с просьбой передать И. Г. Щегловитову его желание с ним повидаться сейчас же по его приезде в Петроград. Щегловитов к этому времени, судя по полученным в его квартире известиям, ожидался в Петроград со дня на день и, по приезде, немедленно позвонил ко мне.

Когда я к нему приехал в тот же день вечером и, поставив его в курс политических новостей того момента, передал ему о настойчивых попытках Распутина с ним свидеться, высказав свое предположение о возможности скорого ухода А. Ф. Трепова и предложения ему поста председателя совета министров на основании моего первоначального разговора с Распутиным, то Щегловитов мне с видимою откровенностью заявил, что в этот момент обостренной борьбы Государственной Думы с правительством в его

личные интересы не входит принятие на себя обязанностей председателя совета без реальной власти и что он мог бы принять этот пост при условии соединения этой должности или с должностью министра внутренних дел, что в данном случае, при наличности оказываемого Протопопову доверия, является неприемлемым, или с портфелем министра юстиции для солидарной с Протопоповым борьбы всеми имеющимися в распоряжении этих двух ведомств средствами с надвигающейся революцией, но что и эта возможность в настоящий момент исключается, раз Распутин проводит на этот пост своего человека. При этом Щегловитов сказал мне, что он всячески будет стараться уклониться от принятия должности председателя совета министров, в виду частых смен в составе правительства в последнее время, и предполагает, если его вызовет государь или ее величество, высказать свои соображения по поводу необходимости усилить влияние правой группы в государственном совете в борьбе с Государственной Думою.

Затем Щегловитов очень подробно меня расспрашивал о Протопопове, выразил свое желание с ним сойтись поближе, чтобы оказывать ему необходимую поддержку в государственном совете, о чем я, затем, и передал Протопопову и, в заключение, просил передать Распутину, что он будет рад принять его у себя и назначил время свидания с ним. Я об этом передал по телефону Распутину; затем я уехал в командировку, после приезда заболел и, за весь период управления А. Ф. Треповым, у него ни разу не был. Поправившись, хотя и в перевязках, я был у Распутина поздно вечером, незадолго до смерти его, по поручению, как я уже показал, Вырубовой, и, в присутствии Мануйлова, интересуясь ближайшими причинами подрыва доверия со стороны государя к Трепову, имевшему очень влиятельную поддержку в придворной, близкой к государю, сфере и в ставке и пользовавшемуся постоянным личным к себе вниманием государя, спросил об этом у Распутина, предполагая, что, в данном случае, не обошлось без его участия, так как я знал, что Распутин, называя Трепова «железным» (по должности министра путей сообщения), был рьяным противником последнего, будучи недоволен на Трепова за нежелание последнего с ним сблизиться.

На этот мой вопрос Распутин мне расказал, что к нему, сговорившись по телефону, приходил ген. А. А. Мосолов, после назначения своего послом в Румынию (бывший директор канцелярии министра двора Фредерикса) и, принеся с собою вина, во время выпивки, начал убеждать Распутина, по поручению А. Ф. Трепова, отказаться от всякого вмешательства в дела управления и в назначение министров, предложив ему от имени А. Ф. Трепова тридцать тысяч, которые ему Трепов обещает ежегодно давать, пока он будет находиться у власти. Передавая мне

об этом, Распутин добавил, что он, терпеливо выслушав это предложение и отказавшись от него, передал государыне, а затем и государю о сделанном ему Треповым предложении в доказательство желания Трепова купить этим путем его замолчание пред государем всего того, что он, Распутин, считает неотвечающим интересам августейшей семьи; при этом Распутин мне сообщил, что когда он в этой форме доложил об этом государю, то государь и государыня увидели в его, Распутина, отказе от получения 30 тысяч от Трепова знак его неподкупной им преданности и, с этого момента, государь всецело перешел на сторону Протопопова и изменил свое мнение о Трепове.

Этому рассказу Распутина я не мог не поверить, так как он вполне отвечал всему складу его отношений к августейшей семье и к лицам, против которых он был настроен. Доложив государю о предложении А. Ф.Трепова в той именно форме, какая отвечала его, Распутина, личным интересам, последний, тем самым, укреплял расположение к себе государя, возбуждал чувство подозрительности у его величества к такому поступку со стороны лица, коему государь доверял, оказал в этом отношении крупную поддержку Протопопову, как близкому к нему человеку и бесспорно получил от Протопопова соответствующую компенсацию за свой отказ от предложения Трепова.

Степан Петрович Белецкий.

20 июля 1917 года.

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 3 руб.